

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

1897.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

Ноябрь № 11.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева). Невскій просп., 8.
1897.

Контора и редакція „Сѣвернаго Вѣстника“ переведены на Б. Московскую, д. № 11.

СОДЕРЖАНІЕ

№ 11 „Сѣвернаго Вѣстника“ 1897 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

См. третью стр. обложки.

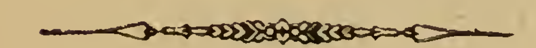
СѢВЕРНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

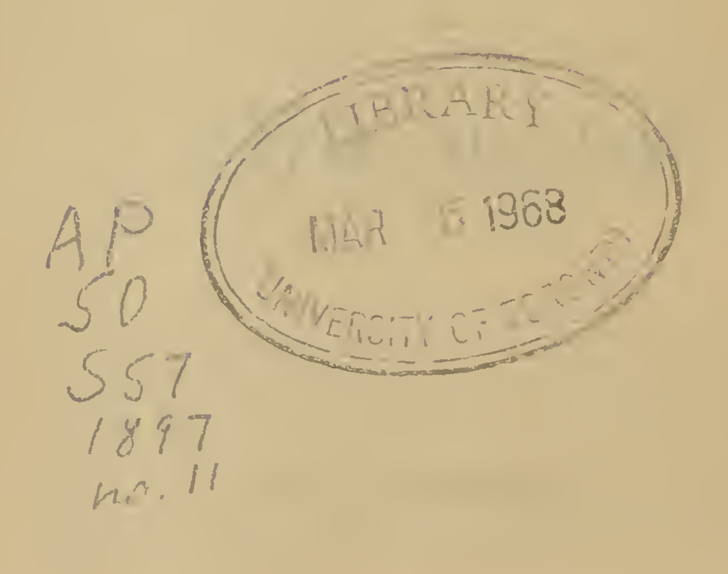
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Ноябрь № 11.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева). Невскій просп., 8.
1897.

LIBRARY
MAR 1968
UNIVERSITY OF

Контора и редакція „Сѣвернаго Вѣстника“ переведены на Б. Московскую, д. № 11.

СОДЕРЖАНІЕ

№ 11 „Сѣвернаго Вѣстника“ 1897 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

См. третью стр. обложки.

Мальва.

НАБРОСОКЪ.

Море смѣялось.

Подъ легкимъ дуновеніемъ знойнаго вѣтра оно вздрагивало и, покрываясь мелкой рябью, ослѣпительно ярко отражавшей солнце, улыбалось голубому небу тысячами серебряныхъ улыбокъ. Въ глубокомъ пространствѣ между моремъ и небомъ носился веселый и шумный плескъ волнъ, взбѣгавшихъ одна за другою на пологій берегъ песчаной косы. Этотъ звукъ и блескъ солнца, тысячекратно отраженнаго рябью моря, гармонично сливались въ непрерывное движеніе, полное живой радости. Солнце было счастливо тѣмъ, что свѣтило; море—тѣмъ, что отражало его ликующій свѣтъ.

Вѣтеръ ласково гладилъ мощную, атласную грудь моря, солнце грѣло ее своими горячими лучами и море, дремотно вздыхая подъ нѣжной силой этихъ ласкъ, насыщало жаркій воздухъ соленымъ ароматомъ своихъ испареній. Зеленоватыя волны, взбѣгая на желтый песокъ, сбрасывали на него бѣлую пѣну своихъ пышныхъ гривъ, а она съ тихимъ звукомъ таяла на горячемъ пескѣ, увлажая его...

Узкая и длинная коса походила на огромную башню, упавшую съ берега въ море. Вонзаясь острымъ шпилемъ въ безграничную пустыню играющей солнцемъ воды, она теряла свое основаніе въ дали, гдѣ мутная и знойная мгла скрывала собою землю. Оттуда съ вѣтромъ прилеталъ тяжелый запахъ, непонятный и оскорбительный здѣсь, среди пустыннаго, чистаго моря, подъ голубымъ, яснымъ кровомъ неба.

Въ песокъ косы, усѣянный рыбьей чешуей, были воткнуты деревянные колья, а на нихъ висѣли невода, бросая отъ себя паутину тонкихъ тѣней. Нѣсколько большихъ лодокъ и одна маленькая стояли въ рядъ на пескѣ, и волны, взбѣгая на берегъ, точно манили ихъ къ

себѣ. Багры, весла, большіе клубки веревокъ, корзины и бочки безпорядочно валялись на косѣ, а среди нихъ возвышался шалашъ, собранный изъ прутьевъ ивы, лубковъ и рогожъ. Передъ входомъ въ него на суковатой палкѣ торчали подошвами въ небо валеные сапоги. И надъ всѣмъ этимъ хаосомъ возвышался длинный шестъ съ красной тряпкой на концѣ его, трепетавшей отъ вѣтра.

Въ тѣни одной изъ лодокъ лежалъ Василій Легостевъ, караульщикъ на косѣ, представлявшей собою передовой постъ рыбныхъ промысловъ купца Гребенщикова. Лежалъ онъ на груди и, поддерживая голову ладонями рукъ, пристально смотрѣлъ въ даль моря, къ едва видной полоскѣ берега. Тамъ на водѣ мелькала маленькая черная точка, и Василію было пріятно видѣть, какъ она все увеличивается, приближаясь къ нему.

Прищуривая глаза отъ яркой игры солнечныхъ лучей на волнахъ, онъ довольно улыбался. Это ѣдетъ Мальва. Она пріѣдетъ, захохочетъ, такъ что у нея грудь станетъ соблазнительно колыхаться, обниметъ его сильными, но мягкими руками, разцѣлуетъ и, звонко, вспугивая чаекъ, заговоритъ о новостяхъ тамъ, на берегу. Они съ ней сварятъ хорошую уху, выпьютъ водки, поваляются на пескѣ, разговаривая и любовно балуясь, потомъ, когда стемнѣетъ, они вскипятятъ чайникъ чая, напьются со вкусными баранками и лягутъ спать... Такъ бываетъ каждое воскресенье, каждый праздникъ на недѣлѣ. Рано утромъ онъ повезетъ ее на берегъ по сонному еще морю въ предразсвѣтномъ свѣжемъ сумракѣ. Она, дремля, будетъ сидѣть на кормѣ, а онъ грести и смотрѣть на нее. Смѣшная она бываетъ въ то время, смѣшная и милая, какъ сытая кошка. Можетъ быть, она соскользнетъ съ лавочки на дно лодки и уснетъ тамъ, свернувшись въ клубокъ. Она часто дѣлаетъ такъ.

Въ этотъ день даже чайки истомлены зноемъ. Онѣ сидятъ рядами на пескѣ, раскрывъ клювы и опустивъ крылья, или-же лѣниво качаются на волнахъ безъ криковъ, безъ обычнаго имъ хищнаго оживленія.

Подъ жаркой лаской солнца грудь моря вздымается такъ сладострастно и въ воздухѣ разлита опьяняющая истома...

Василію показалось, что въ лодкѣ не одна Мальва. Неужели опять Сережка привязался къ ней? Василій тяжело повернулся на пескѣ, сѣлъ и, прикрывъ глаза ладонью, съ неудовольствіемъ въ сердцѣ сталъ разсматривать, кто еще тамъ ѣдетъ? Мальва сидитъ на кормѣ и правитъ. Гребецъ—не Сережка, гребетъ онъ сильно, но неумѣло и съ Сережкой Мальва не стала бы править.

— Эй!—нетерпѣливо крикнулъ Василій.

Чайки на пескѣ дрогнули и насторожились.

— Эй-эй!—донесся съ лодки звонкій голосъ Мальвы.

— Съ кѣмъ ты?

Въ отвѣтъ донесся смѣхъ.

— Чертовка!—негромко выругался Василій и обиженно сплюнулъ.

Ему очень хотѣлось знать, кто это ѣдетъ тамъ и онъ, свертывая папиросу, упорно смотрѣлъ въ затылокъ и спину гребца, быстро приближавшіеся къ нему. Звучный плескъ воды подъ сильными ударами веселъ раздается въ воздухѣ и песокъ скрипитъ подъ босыми ногами караульщика, борющагося съ нетерпѣливымъ любопытствомъ.

— Это кто съ тобой?—крикнулъ онъ, когда различилъ незнакомую ему улыбку на красивомъ и полномъ лицѣ Мальвы.

— А вотъ погоди... чай узнаешь!—со смѣхомъ отозвалась она.

Гребецъ обернулся лицомъ къ берегу и, тоже смѣясь, взглянулъ на Василія.

Караульщикъ нахмурилъ брови, вспоминая, кто этотъ, какъ-будто знакомый ему парень.

— Ударь сильнѣй!—скомандовала Мальва.

Лодка съ размаха почти до половины вползла на песокъ вмѣстѣ съ волной и покачнувшись на бокъ встала, а волна, смѣясь, назадъ скатилась въ море. Гребецъ выскочилъ на берегъ и, идя къ Василію, сказалъ:

— Здравствуй, отецъ!

— Яковъ!—подавленно воскликнулъ Василій, болѣе изумленный, чѣмъ обрадованный.

Они обнялись и поцѣловались по три раза въ губы и щеки, послѣ чего на лицѣ Василія удивленіе смѣшалось съ радостью и смущеніемъ.

— То-то я смотрю... и что-то тово оно... сердце зудитъ... Ахъ, ты... какъ это ты? На-ко! А я смотрю—Сережка? Нѣтъ, вижу не Сережка! Анъ—это ты!

Василій одной рукой гладилъ бороду, а другой махалъ въ воздухѣ. Ему хотѣлось взглянуть на Мальву, но въ его лицо уставились улыбавшіеся глаза сына и ему было неловко отъ ихъ блеска. Чувство довольства собой за то, что у него такой здоровый и красивый сынъ, боролось въ немъ съ чувствомъ смущенія отъ присутствія любовницы. Онъ переступалъ съ ноги на ногу, стоя передъ Яковомъ, и одинъ за другимъ кидалъ ему вопросы, не дожидаясь отвѣта на нихъ. Въ головѣ у него все какъ-то спуталось и особенно нехорошо стало ему, когда раздались насмѣшливыя слова Мальвы:

— Да ты не юли ужъ... съ радости-то! Веди его въ шалашъ, да угощай...

Онъ обернулся къ ней. На губахъ ея играла усмѣшка, опять не знакомая ему, и вся она круглая, мягкая и свѣжая, какъ всегда, была какая-то новая, точно чужая. Она переводила свои зеленоватые глаза

съ отца на сына и грызла арбузныя сѣмячки бѣлыми и мелкими зубами. Яковъ тоже съ улыбкой разсматривалъ ихъ и нѣсколько непріятныхъ Василію секундъ всѣ трое молчали.

— Я сейчасъ!—вдругъ заторопился Василій, двигаясь къ шалашу.— Вы уходите отъ солнца-то, а я наберу воды, пойду... уху будемъ варить! Я тебя, Яковъ, та-акой ухой накормлю! Вы тутъ тово... располагайтесь, а я сію минуту...

Онъ схватилъ съ земли у шалаша котелокъ, быстро пошелъ куда-то въ невода и скрылся въ сѣрой массѣ ихъ складокъ.

Мальва и его сынъ тоже пошли къ шалашу.

— Ну вотъ, молодецъ хорошій, я и доставила тебя къ отцу,— говорила Мальва, испытующе оглядывая съ бока коренастую фигуру Якова.

Онъ повернулъ къ ней свое лицо въ кудрявой темно-русой бородкѣ и, блеснувъ глазами, сказалъ:

— Да, пріѣхали... А хорошо тутъ... море-то какое!

— Широкое море... Ну, что-же... сильно постарѣлъ отецъ?

— Нѣтъ, ничего. Я думалъ—онъ сѣдѣе, а у него еще мало сѣдины-то... И такъ весь... крѣпкій...

— Сколько, говоришь, время вы не видались?

— Годовъ пять чай... Какъ уходилъ онъ изъ деревни, мнѣ въ ту пору семнадцатый шелъ...

Они вошли въ шалашъ, гдѣ было душно и отъ рогожъ пахло соленой рыбой, и сѣли тамъ, Яковъ на толстый обрубокъ дерева, Мальва — на кучу кулей. Между ними стояла перерѣзанная поперекъ бочка, дно которой служило Василью столомъ. Усѣвшись, они молча и пристально посмотрѣли другъ на друга.

— Стало-быть, здѣсь работать хочешь?—спросила Мальва.

— Да вотъ... не знаю я... Коли найдется что—буду.

— У насъ найдется!—увѣренно пообѣщала Мальва, все ощупывая его своими зелеными, загадочно-прищуренными глазами.

Онъ-же не смотрѣлъ на нее, вытирая рукавомъ рубахи свое потное лицо.

Вдругъ она засмѣялась.

— Мать-то чай отцу наказы да поклоны съ тобой прислала?

Яковъ взглянулъ на нее, нахмурился и кратко сказалъ:

— Извѣстно... А что?

— А ничего!—смѣялась она.

Смѣхъ ея не нравился Якову, онъ точно поддразнивалъ его. Яковъ отвернулся отъ этой женщины и вспомнилъ наказы матери.

Проводивъ его за околицу деревни, она оперлась на плетень и быстро говорила, часто моргая сухими глазами:

— Скажи ты ему, Яша... Христа ради, скажи ты ему—отецъ, молъ!.. Мать-то одна, молъ тамъ... пять годовъ прошло, а она все одна! Старѣетъ, молъ!.. скажи ты ему, Яковушка, ради Господа. Скоро старуха мать-то будетъ... одна все, одна! въ работѣ все. Христа ради, скажи ты ему...

И потомъ она безмолвно заплакала, спрятавъ лицо свое въ передникъ.

Тогда Якову не было жалко ее, а теперь стало жалко... И, взглянувъ на Мальву, онъ сурово повелъ бровями, готовый крѣпко ругнуть ее.

— Ну, вотъ и я!—воскликнулъ Василій, являясь въ шалашъ съ трепещущей рыбой въ одной рукѣ и ножемъ въ другой.

Онъ уже справился со своимъ смущеніемъ, глубоко скрывъ его внутри себя, и теперь смотрѣлъ на нихъ довольно и спокойно, только въ движеніяхъ его явилась не свойственная ему суетливость.

— Вотъ сейчасъ запалю я костеръ... и приду къ вамъ и... поговоримъ! да! Ахъ, Яковъ, а? Какой ты сталъ молодчина!

И онъ опять ушелъ изъ шалаша.

Мальва не переставала грызть сѣмячки, безцеремонно разглядывала Якова, а онъ старался не смотрѣть на нее, хотя ему этого очень хотѣлось, и думалъ про себя.

«А здѣсь, должно-быть, хорошо, сытно живутъ... вонъ она какая гладкая, да и отецъ тоже».

Потомъ, такъ-какъ молчаніе стѣсняло его, онъ сказалъ вслухъ:

— А котомку-то я въ лодкѣ оставилъ... пойти взять!

Неторопливо поднявшись съ мѣста, онъ вышелъ, а на смѣну ему въ шалашъ явился Василій и, наклонясь къ Мальвѣ, заговорилъ торопливо и сердито:

— Ну, на что ты-то пріѣхала съ нимъ? Что я про тебя скажу ему? Кто ты мнѣ?

— Пріѣхала, да и все!—кратко сказала Мальва.

— Эхъ, ты... несообразная баба! Озоруешь все... зачѣмъ? Какъ я теперь буду? Такъ прямо ему въ глаза и тово... сразу... а у меня жена дома-то! Мать ему... Должна ты была это сообразить!

— Очень нужно мнѣ соображать! Боюсь я его, что-ли? Али тебя?—спросила она, пренебрежительно щуря свои зеленые глаза.—А какъ ты давеча завертѣлся передъ нимъ! То-то смѣшно мнѣ было!

— Смѣшно тебѣ! А я какъ буду?

— А ты думалъ-бы объ этомъ раньше!

— Да я зналъ, что-ли, что его такъ вотъ вдругъ выброситъ сюда изъ моря-то?

Скрипѣлъ песокъ подъ ногами Якова и они оборвали свой разговоръ. Яковъ принесъ легонькую котомку, бросилъ ее въ уголъ, и искоса, недобрыми глазами взглянулъ на женщину.

Она съ увлеченіемъ щелкала свои сѣмячки, а Василій присѣлъ на обрубокъ, потеръ руками колѣна и съ растерянной улыбкой заговорилъ:

— Такъ вотъ ты, значитъ, и явился... какъ это ты надумалъ?

— Да такъ... Писали мы тебѣ...

— Когда? Я никакого письма не получалъ!..

— Ну? А мы писали...

— Потерялось, видно, письмо-то!—огорчился Василій.—Ишь ты, чортъ его возьми... а? Когда его нужно—оно и потерялось...

— Стало-быть, ты не знаешь нашихъ-то дѣловъ?—спросилъ Яковъ, недовѣрчиво взглянувъ на отца.

— Да откуда? Не получилъ я письма!

Тогда Яковъ разсказалъ ему, что лошадь у нихъ пала, хлѣбъ весь они съѣли еще въ началѣ февраля; заработковъ не было. Сѣна тоже не хватило, корова чуть съ голоду не сдохла. Пробились кое-какъ до апрѣля, а потомъ рѣшили такъ: ѣхать Якову послѣ пахоты къ отцу, на заработки, мѣсяца на три. Объ этомъ они написали ему, а потомъ продали трехъ овецъ, купили хлѣба да сѣна, и вотъ Яковъ пріѣхалъ.

— Вонъ оно что!—воскликнулъ Василій.—Та-акъ... А... какъ-же вы... денегъ я вамъ посылалъ...

— Велики-ли деньги? Избу чинили... Марью замужъ выдали... Плугъ я купилъ... Вѣдь пять годовъ время-то прошло!

— Да-а! Не хватило, значитъ? Такое дѣло... А уха-то у меня сбѣжитъ!—онъ всталъ и вышелъ вонъ.

Присѣвъ на корточки передъ костромъ, надъ которымъ висѣлъ закипавшій котелокъ, сбрасывая пѣну въ огонь, Василій задумался. Все, что разсказалъ ему сынъ, не особенно сильно тронуло его, но породило въ немъ непріятное чувство къ женѣ и Якову. Сколько онъ имъ за пять лѣтъ денегъ переслалъ, а они всетаки не справились съ хозяйствомъ. Если-бы не Мальва, онъ сказалъ-бы Якову кое-что. Самовольно, безъ отцова разрѣшенія изъ деревни ушолъ, хватило ума на это, а съ хозяйствомъ справиться не могъ. И это хозяйство, о которомъ Василій, живя до сегодняшняго дня жизнью пріятной и легкой, вспоминалъ очень рѣдко, теперь вдругъ напомнило ему о себѣ какъ о бездонной ямѣ, куда онъ пять лѣтъ бросалъ свои деньги, какъ о чемъ-то лишнемъ въ его жизни, не нужномъ ему. Онъ вздохнулъ, мѣшая ложкой уху въ котлѣ.

Въ блескѣ солнца маленькій желтоватый огонь костра былъ такой жалкій, блѣдный. Голубыя и прозрачныя струйки дыма тянулись отъ костра къ морю, навстрѣчу брызгамъ волнъ. Василій слѣдилъ за ними и думалъ о сынѣ, о Мальвѣ и о томъ, что, съ появленіемъ Якова, ему хуже будетъ жить, не такъ свободно, какъ теперь... Навѣрное, Яковъ уже догадался, кто эта Мальва...

А она сидѣла въ шалашѣ, смущая парня своими задорными и вызывающими глазами, въ которыхъ, не исчезая, играла улыбка.

— Чай поди-ка невѣсту въ деревнѣ-то оставилъ?—вдругъ сказала она, заглядывая въ лицо Якова.

— Можетъ и оставилъ—неохотно отвѣтилъ тотъ и про себя обругалъ Мальву.

— Красивая, что-ли?—небрежно спросила она.

Яковъ промолчалъ.

— Что молчишь? лучше меня, али нѣтъ?

Онъ посмотрѣлъ ей въ лицо, не желая этого. Щеки у нея были смуглыя, полныя, губы сочныя и теперь, полураскрытыя задорной улыбкой, онѣ вздрагивали. Розовая ситцевая кофта какъ-то особенно ловко сидѣла на ней, обрисовывая круглыя плечи и высокую, упругую грудь. Но не нравились ему ея лукаво прищуренные, зеленые, смѣющіеся глаза.

— Зачѣмъ ты такъ говоришь?—вздохнувъ почему-то, сказалъ онъ ей просящимъ голосомъ, хотя желалъ онъ говорить съ ней строго и серьезно.

— А какъ надо говорить?—засмѣялась она.

— И вотъ смѣешься тоже... чему?

— Надъ тобой смѣюсь...

— Ну, что я тебѣ?—смущенно и обиженно спросилъ онъ и снова опустилъ глаза подъ ея взглядомъ.

Она не отвѣтила ему.

Яковъ догадывался о томъ, кто она отцу, и это мѣшало ему свободно говорить съ ней. Такая догадка не поражала его, онъ слыхалъ, что на отхожихъ промыслахъ люди сильно балуются и понималъ, что такому здоровому человѣку, какъ его отецъ, безъ женщины трудно было-бы прожить столько времени. Но все-таки неловко ему было и предъ ней и предъ отцомъ. И потомъ онъ вспоминалъ свою мать—женщину истомленную, ворчливую, работавшую тамъ, въ деревнѣ, не покладая рукъ...

— Готова ушица!—объявилъ Василій, являясь въ шалашъ.—Достань-ка ложки, Мальва!

Яковъ взглянулъ на отца и подумалъ:

— Видно часто она у него бываетъ, коли знаетъ гдѣ ложки лежатъ!

Она, найдя ложки, сказала, что надо пойти къ морю помыть ихъ и что въ кормѣ лодки у нея водка есть.

Отецъ и сынъ посмотрѣли вслѣдъ ей и, оставшись одинъ на одинъ, помолчали.

— Ты съ ней какъ встрѣтился?—спросилъ Василій.

— А я спрашивалъ про тебя въ конторѣ и она была тамъ... И говоритъ: чѣмъ, говоритъ, идти пѣшкомъ по песку, поѣдемъ въ лодкѣ, я тоже къ нему. Вотъ и пріѣхали.

— Да-а... А я, бывало, думаю:—каковъ-то у меня теперь Яковъ?

Сынъ добродушно усмѣхнулся въ лицо отца и эта усмѣшка придала Василію храбрости.

— А... какова бабенка-то?

— Ничего...—неопредѣленно сказалъ Яковъ, моргнувъ глазами.

— Никакого лѣшаго не подѣлаешь, братъ ты мой!—воскликнулъ Василій, взмахивая руками.—Терпѣлъ я сначала... не могу! Привычка...—я женатый человѣкъ. Опять-же и одежу она починитъ и другое прочее... И вообще... эхъ-ма! Отъ женщины—какъ отъ смерти—никуда не уйдешь!—искренно закончилъ онъ свое объясненіе.

— Мнѣ что?—сказалъ Яковъ.—Это твое дѣло, я тебѣ не судья.

А про себя думалъ:

— Станетъ тебѣ такая... штаны чинить...

— Опять-же мнѣ всего сорокъ пять лѣтъ... Расхода на нее не много, не жена она мнѣ...—говорилъ Василій.

— Конечно...—поддакивалъ ему Яковъ и думалъ:—А все чай треплетъ тебя за карманъ-то!

Пришла Мальва съ бутылкой водки и связкой кренделей въ рукахъ, и они сѣли ѣсть уху. Ѣли молча, кости обсасывали громко и выплевывали ихъ изо рта на песокъ къ двери. Яковъ ѣлъ много и жадно; это, должно быть, нравилось Мальвѣ—она ласково улыбалась, глядя, какъ отдуваются его загорѣлыя щеки и быстро двигаются влажныя, крупныя губы. Василій ѣлъ плохо, но старался показать, что онъ очень занятъ ѣдой, это нужно было ему для того, чтобъ безъ помѣхи, незамѣтно для сына и Мальвы, обдумывать свое отношеніе къ нимъ.

Веселую и ласковую музыку волнъ перебивали хищные и торжествующіе крики чаекъ. Зной становился менѣе жгучимъ и уже иногда въ шалашъ прилетала прохладная струя воздуха, пропитаннаго бодрящимъ запахомъ моря.

Послѣ вкусной ухи и нѣсколькихъ порцій водки, глаза Якова осовѣли. Онъ началъ глуповато улыбаться, икать, позевывать и смотрѣлъ на Мальву такъ, что Василій нашелъ нужнымъ сказать ему:

— Ты прилягъ тутъ, Яшутка, пока до чаю... а тамъ мы тебя разбудимъ.

— Это можно-о...—согласился Яковъ, сваливаясь на кули.—А... а вы куда? Ха-ха!

Василій, смущенный его смѣхомъ, торопливо вышелъ, а Мальва поджала губы, сдвинула брови и отвѣтила Якову:

— А куда мы пойдемъ—это не твое дѣло! Ты что? Ты еще нашему богу—бя! Вотъ ты что, паренекъ!—и ушла.

— Я? Ладно!—воскликнулъ Яковъ вслѣдъ ей.—Па-агоди... ха, ха, ха! Я тебѣ покажу! Ладно! Ишь ты какая... мамзель!

Онъ поворчалъ еще немного и заснулъ съ пьяной и сытой улыбкой на раскраснѣвшемся лицѣ.

Василій воткнулъ въ песокъ три багра, соединилъ ихъ верхніе концы, набросилъ на нихъ рогожу и, такъ просто устроивъ тѣнь, легъ въ ней, закинувъ руки за голову и глядя въ небо. Когда Мальва подошла къ нему и опустилась на песокъ рядомъ съ нимъ, онъ повернулъ къ ней свое лицо и на немъ она увидѣла обиду и недовольство.

— Что, старичекъ?—спросила она засмѣявшись.—Что мало радъ сыну-то?

— Вонъ онъ смѣется надо мной... А изъ-за чего? Изъ-за тебя все...—угрюмо сказалъ Василій.

— Ну? Изъ-за меня?—лукаво удивилась она.

— А какъ-же? Конечно...

— Ахъ ты жалкенькій! Что-же теперь? Не ходить къ тебѣ, что-ли? а? Ну... не буду...

— Ишь ты вѣдь вѣдьма какая!—укорилъ ее Василій.—Эхъ вы, люди! Онъ смѣется, ты тоже... а вѣдь вы мнѣ самые близкіе! И за что-же смѣетесь? Черти!—онъ отворотился въ сторону отъ нея и замолчалъ.

А она, обнявъ руками свои колѣни, тихонько покачивала корпусомъ, пристально разсматривая зелеными глазами сверкающее, веселое море и улыбалась одною изъ тѣхъ торжествующихъ улыбокъ, которыхъ такъ много у каждой женщины, понимающей силу своей красоты.

Парусное судно скользило по водѣ, какъ большая, неуклюжая птица съ сѣрыми крыльями. Оно было далеко отъ берега и шло еще дальше, туда, гдѣ море и небо сливались въ одно цѣлое—въ синюю безконечность, манившую къ себѣ своей торжественной тишиной.

— Что молчишь?—спросилъ Василій.

— Думаю...—сказала Мальва.

— Про что это?

— Такъ...—повела она бровями и, помолчавъ, добавила:—Сынъ у тебя—молодецъ парень...

— А тебѣ что?—ревниво воскликнулъ Василій.

— Мало-ли что...

— Ты... смотри!—окинулъ онъ ее суровымъ взглядомъ, полнымъ подозрѣнія.—Ты не дури! Я хотя и смирный, но ты меня не дразни... да!..

Онъ стиснулъ зубы и сжалъ кулаки, продолжая:

— Ты сегодня сразу какъ пріѣхала—играть начала во что-то... Я еще не понимаю этого... но, смотри! пойму, не ладно тебѣ будетъ! И улыбочки у тебя этакія... чужія мнѣ... и все такое... Я тоже съ вашей сестрой умѣю обращаться... коли что...

— А ты меня, Вася, не пугай...—равнодушно и не глядя на него попросила она.

— То-то! Не шути-же...

— А ты ужъ не стра-ащай...

— Я и взбучку дамъ, коли ты баловать начнешь...—грозилъ Василій, озлобляясь.

— Бить станешь?—обернулась она къ нему, съ любопытствомъ глядя въ его взволнованное лицо.

— А что ты за графиня? И вздую...

— Да я тебѣ что—жена что-ли?—вразумительно и спокойно спросила Мальва и, не дожидаясь отвѣта, продолжала:—Привыкши бить жену ни за что, ни про что, ты и со мной такъ-же думаешь? Ну, нѣтъ. Я свободная. Я сама себѣ барыня и никого не боюсь. А ты вонъ—сына боишься; давеча какъ заюлилъ передъ нимъ—стыдъ! А еще грозишь мнѣ!

Она презрительно качнула головой и замолчала. Ея холодныя, пренебрежительныя слова подавили озлобленіе Василія. Никогда еще онъ не видѣлъ ее такой красивой и удивлялся, глядя на нее.

— Разошлась, раскаркалась...—молвилъ онъ, злясь на нее и любуясь ею.

— И еще скажу тебѣ вотъ что. Ты Сережкѣ бахвалился, что я безъ тебя, какъ безъ хлѣба, и жить не могу! Напрасно ты это... Можетъ я не тебя люблю и не къ тебѣ хожу, а люблю я только мѣсто это...—она широко повела рукой вокругъ себя.—Можетъ мнѣ то нравится, что здѣсь пусто—море да небо и никакихъ подлыхъ людей нѣтъ. А что ты тутъ—это все равно мнѣ... Это вродѣ платы за мѣсто... Сережка былъ-бы—къ нему-бы я ходила, сынъ твой будетъ—къ нему пойду... А еще лучше, кабы васъ вовсе никого не было... обрыдли вы мнѣ!.. Но, если я съ моей красотой захочу,—я всегда себѣ мужика, какого мнѣ нужно, выберу... И не чета тебѣ...

— Вотъ каа-къ?!—свирѣпо зашипѣлъ Василій и вдругъ схватилъ ее за горло.—Такъ вотъ что-о?!

Онъ встряхивалъ ее, но она не отбивалась, хотя лицо ея краснѣло и глаза наливались кровью. Она просто положила обѣ свои руки на его руку, давившую ей горло, и упорно смотрѣла ему въ лицо.

— Такъ въ тебѣ вонъ что есть? — хрипѣлъ Василій, все свирѣпѣя.—А молчала шкура... а обнимала... а ласки мнѣ... я-жъ тебѣ дамъ!

Онъ пригнулъ ее къ землѣ и съ наслажденіемъ ударилъ по шеѣ разъ... два... тяжелыми ударами крѣпко стиснутаго мускулистаго кулака. Пріятно было ему, когда его рука съ розмаха попадала на ея полную, упругую шею.

— На! Что змѣя?—съ торжествомъ спросилъ онъ ее и отшвырнулъ отъ себя.

Она, не охнувъ, молчаливая и спокойная, упала на спину, растрепанная, красная и всетаки красивая. Ея зеленые глаза смотрѣли на него изъ-подъ рѣсницъ и горѣли холодной грозной ненавистью. Но онъ,—отдуваясь отъ возбужденія и пріятно удовлетворенный исходомъ своей злобы,—не видалъ ея взгляда, а когда съ торжествомъ и презрѣніемъ взглянулъ на нее,—она тихонько улыбалась.

Сначала чуть-чуть дрогнули ея полныя губы, потомъ вспыхнули глаза, на щекахъ ея явились ямки и она засмѣялась. Василій изумленно смстрѣлъ на нее, смѣющуюся такъ громко и довольно, точно онъ и не билъ ее.

— Что ты... чортъ! — грубо дернувъ ее за руку, съ тревогой крикнулъ онъ.

— Васька?.. Это ты билъ меня?—шопотомъ спросила она.

— Ну, я... а то кто?—Ничего не понимая, онъ смотрѣлъ на нее и не зналъ, что ему теперь дѣлать? Не ударить ли ее еще разъ? Но въ немъ уже не было злобы и рука его не поднималась на нее.

— Стало быть, ты меня любишь? — снова спросила она и отъ ея шопота ему стало жарко.

— Ладно... дьявола!—угрюмо сказалъ онъ.—Такъ ли бы тебя надо!

— Васька! А вѣдь я думала, что ты уже не любишь меня... думаю: вотъ теперь сынъ къ нему пріѣхалъ... прогонитъ онъ меня для сына...

И она все смѣялась страннымъ, слишкомъ громкимъ смѣхомъ.

— Дуреха!—сказалъ Василій, невольно усмѣхаясь.—Сынъ... что онъ мнѣ за уставщикъ?

Ему стало совѣстно передъ ней и жалко ее, но, вспомнивъ ея рѣчи, онъ снова заговорилъ строго:

— Сынъ тутъ ке причемъ... А что я ударилъ тебя—сама виновата, зачѣмъ дразнила?

— Такъ вѣдь я это нарочно... пытала тебя — и, успокоительно усмѣхнувшись, она прижалась къ нему плечомъ.

А онъ покосился въ сторону шалаша и обнялъ ее.

— Эхъ ты... пытала! Чего пытать? Вотъ... и допыталась.

— Ничего!—увѣренно сказала Мальва, щуря глаза.—Я не сержусь... вѣдь любя побилъ? А я тебѣ за это заплачу...—Она въ упоръ посмотрѣла на него, вздрогнула и понизивъ голосъ повторила:

— Охъ, какъ заплачу!

Василій въ этихъ словахъ услыхалъ обѣщаніе пріятное ему; оно сладко взволновало его и, довольно улыбаясь, онъ спросилъ:

— А какъ? Ну-ка?

— Увидишь,—спокойно сказала Мальва,—очень спокойно сказала, но губы у нея дрогнули.

— Эхъ ты, милушка моя!—воскликнулъ Василій, крѣпко стиснувъ ее руками влюбленнаго.—А знаешь, какъ побилъ я тебя—дороже ты мнѣ стала! Право! Роднѣе... али какъ?

Чайки носились надъ ними. Ласковый вѣтеръ съ моря приносилъ брызги волнъ почти къ ихъ ногамъ, а неугомонный смѣхъ моря звучалъ такъ успокоительно.

— Эхъ, дѣла наши!—свободно вздохнулъ Василій, задумчиво лаская женщину, прильнувшую къ нему. — И какъ все устроено на свѣтѣ—что грѣшно, то и сладко. Ты вотъ ничего не понимаешь... а я иной разъ задумаюсь про жизнь — даже страшно станетъ. Особливо ночью, не спится когда... Смотришь предъ собой—море, надъ тобой—небо, кругомъ же темно таково, жутко... а ты тутъ одинъ. И станешь тогда самъ для себя такимъ ма-аленькимъ, маленькимъ и кажется, что земля подъ тобой шатается и никого-то на ней, кромѣ тебя, нѣтъ. Хоть бы ты была въ ту пору... всетаки двое...

Мальва, закрывъ глаза, лежала у него на колѣняхъ и молчала. Грубоватое, но доброе, коричневое отъ солнца и вѣтра лицо Василія наклонилось надъ ней и его большая выцвѣтшая борода щекотала ей шею. Женщина не двигалась, лишь грудь ея вздымалась высоко и ровно. Глаза Василія то блуждали въ морѣ, то останавливались на этой груди, такъ близкой къ нему. И онъ говорилъ ей о томъ, какъ скучно жить одному и какъ мучительны безсонныя ночи, полныя темныхъ думъ о жизни. Потомъ онъ сталъ цѣловать ее въ губы, не торопясь и чмокая своими губами такъ громко, точно горячую и жирно намасленную кашу ѣлъ.

Часа три они провели тутъ и уже когда солнце начало спускаться въ море, Василій сказалъ скучнымъ голосомъ:

— Ну, пойду чай кипятить... скоро гость проснется.

Мальва лѣнивымъ движеніемъ разнѣжившейся кошки отодвинулась въ сторону, а онъ неохотно всталъ и пошелъ къ шалашу. Женщина, чуть приподнявъ рѣсницы, посмотрѣла вслѣдъ ему и вздохнула такъ, какъ вздыхаютъ люди отъ ноши, утомившей ихъ.

Прошло еще съ часъ времени и они всѣ трое уже сидѣли вокругъ костра у кипѣвшаго чайника и пили чай, разговаривая.

Солнце уже окрашивало море въ живыя краски заката, и зеленоватыя волны подъ волшебной силой его лучей блестѣли пурпуромъ и нѣжнымъ цвѣтомъ розы.

Василій, прихлебывая чай изъ бѣлой глиняной кружки, распрашивалъ сына о деревнѣ и самъ вспоминалъ о ней. Мальва, не вмѣшиваясь, слушала ихъ медленно развертывавшіяся рѣчи.

— Живутъ, стало быть, мужички?

— Живутъ какъ никакъ...—отвѣчалъ Яковъ.

— Нашему брату много-ли надо? Избу да хлѣбушка вдоволь... да въ праздникъ водки стаканъ... Н-да. Но и этого намъ нѣтъ... Развѣ бы я ушелъ сюда, ежели-бы можно было кормиться дома-то? Въ деревнѣ я самъ себѣ хозяинъ, всѣмъ равный человѣкъ... а здѣсь вотъ—слуга...

— За то здѣсь сытѣе и работа легче...

— Ну, это тоже не скажи! Бываетъ такъ, что всѣ кости ноютъ, точно раздавленныя... и опять же здѣсь чужому работаешь, а тамъ самому себѣ.

— А выработаешь больше—спокойно возражалъ Яковъ.

Внутренно Василій соглашался съ доводами сына:—въ деревнѣ и жизнь, и работа тяжелѣе, чѣмъ здѣсь,—такъ; но ему почему-то не хотѣлось, чтобы Яковъ зналъ это. И онъ сурово сказалъ:

— Ты считалъ заработокъ-то здѣшній? Въ деревнѣ, братъ...

— Какъ въ ямѣ—и темно и тѣсно...—усмѣхнулась Мальва.—А особенно бабье житье—одни слезы.

— Бабье житье одинаково вездѣ... и свѣтъ вездѣ одинъ, одно солнце...—нахмурился Василій, взглянувъ на нее.

— Ну, это ты врешь!—воскликнула она оживляясь. — Я въ деревнѣ-то хочу, не хочу, а должна замужъ идти. А замужемъ баба—вѣчная раба—жни, да пряди, за скотомъ ходи, да дѣтей роди... Что же остается для нея самой? Одни мужевы побои, да ругань...

— Не все побои...—перебилъ ее Василій.

— А здѣсь я...—не слушая его говорила она,—я здѣсь ничья. Свободная... какъ чайка! куда захочу, туда и полечу! Никто мнѣ дороги не загородитъ... Никто меня не тронетъ!..

— А какъ тронетъ?—усмѣхаясь и напоминающимъ тономъ спросилъ Василій.

— Ну... я ужъ заплачу!—тихо сказала она и разгорѣвшіеся глаза ея погасли.

Василій снисходительно засмѣялся.

— Эхъ ты... бойка ты, да слаба! Бабьи слова говоришь. Въ деревнѣ баба нужный для жизни человѣкъ... а здѣсь такъ она... для баловства только живетъ...

И помолчавъ, онъ добавилъ:

— Для грѣха...

Яковъ, когда ихъ разговоръ оборвался, сказалъ, задумчиво вздохнувъ:

— И конца, кажись, нѣтъ этому морю...

Всѣ трое молча взглянули въ пустыню предъ ними.

— Но ежели бы все это земля была!—воскликнулъ Яковъ, широко размахнувъ рукой.—Да черноземъ-бы!.. Да распахать-бы!

— Вонъ что! —добродушно засмѣялся Василій, одобрительно взглянувъ въ лицо сына, даже покраснѣвшее отъ силы выраженнаго желанія. Ему пріятно было слышать въ словахъ сына любовь къ землѣ и онъ подумалъ, что эта любовь, быть можетъ, скоро и настоятельно позоветъ Якова отъ соблазновъ вольной промысловой жизни назадъ въ деревню. А онъ останется здѣсь съ Мальвой и все пойдетъ по старому...

— Это, Яковъ, хорошо ты сказалъ! Крестьянину такъ и слѣдуетъ. Крестьянинъ землей и крѣпокъ; пока онъ на ней—онъ живъ, а сорвался съ нея—пропалъ! Крестьянинъ безъ земли какъ дерево безъ корня: въ работу оно годится, а прожить долго не можетъ—гніетъ! И красоты своей лѣсной нѣтъ въ немъ, обглоданное оно, обструганное, не видное!.. Это ты, Яковъ, очень хорошія слова сказалъ...

А море, принимая солнце въ свои нѣдра, встрѣчало его привѣтливой музыкой плеска волнъ, разукрашенныхъ его прощальными лучами въ дивные, невыразимо богатые оттѣнками цвѣта. Божественный источникъ свѣта, творящаго жизнь, прощался здѣсь съ моремъ краснорѣчивой гармоніей своихъ красокъ, чтобъ гдѣ-нибудь далеко отъ трехъ людей, слѣдившихъ за нимъ, разбудить сонную землю радостнымъ блескомъ лучей своего восхода.

— У меня душа ровно таетъ, когда я смотрю, какъ солнышко заходитъ... право, ей Богу!—сказалъ Василій, обращаясь къ Мальвѣ.

Она промолчала. Голубые глаза Якова улыбались, блуждая въ дали моря. Долго всѣ трое задумчиво смотрѣли туда, гдѣ таяли и гасли послѣднія минуты этого дня. Предъ ними тлѣли угли подъ чайникомъ чая. Сзади нихъ уже ночь развертывала по небу свои тѣни. Желтый песокъ темнѣлъ, чайки куда-то исчезли—все вокругъ становилось такимъ тихимъ, мечтательно-ласковымъ... И даже неугомонныя волны, взбѣгая на песокъ косы, звучали уже не такъ весело и шумно, какъ днемъ.

— Что я сижу?—сказала Мальва.—Надо идти!

Василій поежился и взглянулъ на сына.

— Куда торопиться?—недовольно пробормоталъ онъ.—Погоди... вотъ мѣсяцъ взойдетъ...

— А что мнѣ мѣсяцъ? Я и такъ не боюсь... не въ первый разъ мнѣ ночью отсюда уходить!

Яковъ взглянулъ на отца и прищурилъ глаза, скрывая усмѣшку, сверкавшую въ нихъ; потомъ посмотрѣлъ на Мальву,—она тоже смотрѣла на него,—и ему стало неловко.

— Ну что-жъ? Иди... — разрѣшилъ Василій, недовольный и скучный.

Она встала, простилась и медленно пошла вдоль берега косы, а волны, подкатываясь ей подъ ноги, точно заигрывали съ ней. Въ небѣ трепетно вспыхивали звѣзды,—его золотые цвѣты. Яркая кофточка

Мальвы, удаляясь отъ Василія и его сына, провожавшихъ ее глазами, линяла въ сумракѣ.

Милый мой... скорѣй иди!
Да ахъ! Прижми-псь къ моей груди!

Запѣла Мальва высокимъ и рѣзкимъ голосомъ.

Василію показалось, что она остановилась и ждетъ. Онъ съ ожесточеніемъ плюнулъ, думая:—это она нарочно... дразнитъ меня, дьяволица!

— Ишь ты! Поетъ...—усмѣхнулся Василій.

Она была для ихъ глазъ только сѣрымъ пятномъ въ сумракѣ.

Не-е жа-алѣй моихъ грудей.
Двоихъ бѣ-ѣлыхъ лебедей!

Разносился надъ моремъ ея голосъ.

— Ишь какъ!—воскликнулъ Яковъ и всѣмъ тѣломъ потянулся туда, откуда неслись соблазнительныя слова.

— Значитъ не сладилъ ты тамъ съ хозяйствомъ-то?—раздался суровый и густой голосъ Василія.

Яковъ, недоумѣвая, взглянулъ на него и принялъ прежнюю позу.

Утопая въ шумѣ волнъ, до ихъ слуха доносились отдѣльные, разорванные слова задорной пѣсни.

... Ахъ... спать не въ мочь
... одной... въ эту ночь!

— Жарко!—тоскливо воскликнулъ Василій, возясь на пескѣ.— Ночь вѣдь ужъ... а жарко! Экая проклятая сторона...

— Это... песокъ... нагрѣлся за день-то...—отворотясь въ сторону и какъ будто запинаясь, сказалъ Яковъ.

— Ты чего? Смѣешься никакъ?—сурово спросилъ его отецъ.

— Я?—невинно спросилъ Яковъ.—Чему это?

— То-то, молъ, ровно-бы не чему...

И они замолчали.

А сквозь шумъ волнъ до нихъ долетали не то вздохи, не то тихіе, ласково-зовущіе крики.

Прошло двѣ недѣли и снова наступило воскресенье, и снова Василій Легостевъ лежа на пескѣ около своего шалаша смотрѣлъ въ море и ждалъ Мальву. И пустынное море смѣялось, играя отраженнымъ солнцемъ и легіоны волнъ рождались, чтобъ взбѣжать на песокъ и, сбросивъ на него пѣну своихъ гривъ, снова сбѣжать въ море и растаять въ немъ. Все было такое-же, какъ и четырнадцать дней тому назадъ. Только Василій, прежде ожидавшій свою любовницу со спокойной увѣренностью,

сегодня ждалъ ее съ нетерпѣніемъ. Въ прошлое воскресенье она не была— сегодня уже должна быть. Онъ не сомнѣвался, что она пріѣдетъ, но ему хотѣлось скорѣе видѣть ее. Яковъ не будетъ мѣшать сегодня—третьяго дня онъ пріѣзжалъ за неводомъ вмѣстѣ съ другими рабочими и сказалъ, что въ воскресенье съ утра отправится въ городъ купить себѣ рубахъ. Онъ нанялся на ватаги по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ, уже нѣсколько разъ ѣздилъ на ловлю рыбы и теперь смотрѣлъ бойко и весело. Отъ него, какъ отъ всѣхъ, пахло соленой рыбой и, какъ всѣ, онъ былъ грязный и рваный. Василій вздохнулъ при мысли о сынѣ.

— Какъ-бы онъ здѣсь уцѣлѣлъ... избалуется... тогда, пожалуй, и не захочетъ ужъ назадъ въ деревню идти... И придется мнѣ самому...

Кромѣ чаекъ, въ морѣ никого не было. Тамъ, гдѣ оно отдѣлялось отъ неба тонкой полоской песчанаго берега, иногда появлялись на этой полоскѣ маленькія, черныя точки,— двигались по ней и исчезали. А лодки все не было, хотя уже полдень; лучи солнца падаютъ въ море почти отвѣсно. Въ это время Мальва бывала уже давно здѣсь.

Двѣ чайки схватились въ воздухѣ и дерутся такъ, что перья летятъ изъ нихъ. Ожесточенные крики рвутъ веселую пѣсню волнъ, такую постоянную, такъ гармонично слитую съ торжественной тишиной сіяющаго неба, что она кажется звукомъ радостной игры солнечныхъ лучей на равнинѣ моря. Чайки падаютъ въ воду и тамъ бьютъ другъ друга, яростно вскрикивая отъ боли и злобы, и снова вздымаются въ воздухѣ, преслѣдуя другъ друга... А подруги ихъ —цѣлая стая—какъ-бы не видя этой злой борьбы, жадно ловятъ рыбу, кувыркаясь въ зеленоватой, прозрачной, играющей ими водѣ.

Василій смотритъ на чаекъ и ему грустно. Чего онѣ дерутся? Развѣ мало рыбы въ морѣ?.. Вотъ и люди тоже такъ мѣшаютъ жить другъ другу. Одинъ облюбуетъ себѣ кусокъ, а другой старается вырвать его изъ горла—зачѣмъ? Вѣдь есть въ жизни и еще куски—зачѣмъ отнимать у человѣка то, что уже взято имъ для себя?.. Часто тоже изъ-за бабъ бываетъ эта завистливая борьба: у человѣка есть баба, а другой ее отнимаетъ, сманиваетъ къ себѣ. Зачѣмъ отнимать, если есть на свѣтѣ много свободныхъ, ничьихъ бабъ? Нехорошо все это, безпокойно только.

А море было пустынно. Не являлось въ немъ тамъ, далеко у берега, знакомое темное пятно...

— Не ѣдешь?—вслухъ сказалъ Василій.—Ну и не надо! А ты думала какъ?

И онъ презрительно сплюнулъ по направленію къ берегу.

Море смѣялось.

Василій всталъ и пошелъ въ шалашъ, намѣреваясь варить себѣ обѣдъ, но, сообразивъ, что ѣсть ему не хочется, воротился на старое мѣсто и снова легъ тамъ.

— Хотя бы Сережка пріѣхалъ!—мысленно воскликнулъ онъ и заставилъ себя думать о Сережкѣ.—Это—ядъ парень. Надо всѣми смѣется, на всѣхъ лѣзетъ съ кулаками. Здоровый, грамотный, бывалый, — но пьяница. Съ нимъ весело... Бабы души въ немъ не чаютъ и, хотя онъ недавно появился,—всѣ за нимъ такъ и бѣгаютъ. Одна Мальва держится поодаль отъ него... Не ѣдетъ вотъ. Эхая окаянная бабенка! Можетъ она разсердилась на него за то, что онъ ударилъ ее? Да развѣ ей это въ новинку? Чай какъ били... другіе. Да и онъ теперь задастъ ей...

Такъ, думая то о сынѣ, то о Сережкѣ и больше всего о Мальвѣ, Василій возился на пескѣ и все ждалъ. Безпокойное настроеніе незамѣтно перерождалось у него въ темную подозрительную мысль, но онъ не хотѣлъ остановиться на ней. И такъ, скрывая отъ себя свое подозрѣніе, онъ провелъ время до вечера, то вставая и расхаживая по песку, то снова ложась. Уже море потемнѣло, а онъ все еще разсматривалъ его даль, ожидая лодку.

Но Мальва такъ и не пріѣхала въ этотъ день.

Ложась спать, Василій уныло ругалъ про себя свою службу, не позволяющую ему отлучиться на берегъ, а, засыпая, онъ часто вскакивалъ—сквозь дрему ему слышалось, что гдѣ-то далеко плещутъ весла. Тогда онъ прикладывалъ руку козырькомъ къ своимъ глазамъ и смотрѣлъ въ темное, мутное море. На берегу, на промыслѣ, горѣли два костра, а въ морѣ никого не было.

— Ладно же, вѣдьма!—грозилъ Василій... А потомъз аснулъ тяжелымъ сномъ.

А на промыслѣ вотъ что произошло въ этотъ день.

Яковъ всталъ рано утромъ, когда солнце еще не было жарко и съ моря вѣяло бодрой свѣжестью. Онъ вышелъ изъ барака къ морю умываться и, подойдя къ берегу, увидалъ Мальву. Она сидѣлана кормѣ большого баркаса, причаленнаго къ берегу, и спустивъ за бортъ голыя ноги, расчесывала мокрые волосы.

Яковъ остановился и сталъ смотрѣть на нее любопытными глазами.

Ситцевая ея кофточка, не застегнутая на груди, спустилась съ одного плеча, а плечо было такое бѣлое, вкусное.

Въ корму баркаса били волны и Мальва то поднималась надъ моремъ, то опускалась такъ низко, что голыя ея ноги почти касались воды.

— Купалась, что-ли?—крикнулъ ей Яковъ.

Она обернула къ нему лицо, мелькомъ взглянула на него и, снова расчесывая волосы, отвѣтила:

— Купалась... Что рано поднялся?

— Ты вонъ еще раньше...

— А я тебѣ что за примѣръ?

Яковъ промолчалъ.

— По моей-то манерѣ будешь жить—трудно будетъ тебѣ голову носить...—сказала она.

— О? Ишь ты какая страшная!—усмѣхнулся Яковъ и, присѣвъ на корточки, сталъ умываться.

Черпая пригоршнями воду, онъ плескалъ ее себѣ на лицо и покряхтывалъ отъ колющаго ощущенія свѣжести. Потомъ, утираясь подоломъ рубахи, спросилъ женщину:

— Что ты меня стращаешь все?

— А ты что на меня глаза пялишь?

Яковъ не помнилъ, чтобы смотрѣлъ на нее больше, чѣмъ на другихъ промысловыхъ женщинъ, но теперь вдругъ сказалъ ей:

— Да ежели ты... вонъ какая сдобная!

— Вотъ отецъ узнаетъ эти твои замашки—онъ тебѣ шею-то насдобитъ!

Она лукаво и задорно смотрѣла ему въ лицо.

Яковъ засмѣялся и полѣзъ на баркасъ. Онъ опять-таки не понималъ, про какія его замашки сама она говоритъ, но коли она говоритъ, такъ, значитъ, онъ поглядывалъ на нее зорко. И ему почему-то стало пріятно и весело.

— А что отецъ?—говорилъ онъ, идя къ ней по палубѣ баркаса.— Что ты купленая его, что-ли?

Усѣвшись рядомъ съ ней, онъ уставился на ея голое плечо, полуобнаженную грудь, на всю ея фигуру—свѣжую и крѣпкую, пахнувшую моремъ.

— Вонъ ты... бѣлуга какая!—съ восхищеніемъ воскликнулъ онъ, подробно осмотрѣвъ ее.

— Не про тебя... — кратко заявила она, не глядя на него и не оправляя своего откровеннаго костюма.

Яковъ вздохнулъ.

Предъ ними разстилалось необозримое море въ лучахъ утренняго солнца. Маленькія игривыя волны, рождаемыя ласковымъ дыханіемъ вѣтра, тихо бились о бортъ баркаса. Далеко въ морѣ, какъ шрамъ на атласной груди его, виднѣлась коса. Съ нея въ мягкій фонъ голубого неба вонзался шестъ тонкой черточкой и было видно, какъ на концѣ его треплется по вѣтру красная тряпка.

— Да, паренекъ... — заговорила Мальва, не глядя на Якова,— вкусна я, да не про тебя... А и никѣмъ я не купленая... и отцу твоему не подвластна. Живу я сама про себя... Но ты ко мнѣ не лѣзь, потому что я не хочу между тобой и Васильемъ стоять... Ссоры не хочу и разной склоки... Понялъ?

— Да... я что?—изумился Яковъ.—Я вѣдь тебя не трогаю... я такъ это!

— Тронуть ты меня не смѣешь!—сказала Мальва.

Она такъ это сказала, съ такимъ пренебреженіемъ къ Якову, что въ немъ сразу былъ обиженъ и мужчина, и человѣкъ. Задорное, почти злое чувство охватило его и глаза у него вспыхнули.

— О? Не смѣю?—воскликнулъ онъ, подвигаясь къ ней.

— Не смѣешь!

— Н-ну? А какъ трону?

— Тронь!

— А что будетъ?

— А я дамъ тебѣ по затылку, ты и кувырнешься въ воду!

— А ну дай!

— А тронь!

Онъ окинулъ ее горящими глазами и вдругъ крѣпко охватилъ сбока сильными лапами, сдавивъ ей и грудь и спину. Отъ прикосновенія ея тѣла, горячаго и крѣпкаго, онъ вспыхнулъ весь и горло его сжалось отъ какого-то удушья.

— Вотъ! Ну... бей! Ну... что?

— Пусти, Яшка!—спокойно сказала она, и дѣлая попытки освободиться изъ его вздрагивавшихъ рукъ.

— А по затылку хотѣла?

— Пусти! Смотри, худо будетъ!

— Ну... не стращай ты меня! Эхъ ты... малина!

Онъ прижался къ ней и впился толстыми губами въ ея румяную щеку.

Она задорно захохотала, крѣпко схватила Якова за руки и вдругъ, сильнымъ движеніемъ всего своего тѣла, рванулась впередъ. Въ объятіяхъ другъ друга они тяжелой массой свалились въ воду и скрылись въ пѣнѣ и брызгахъ. Потомъ на взволнованной водѣ появилась мокрая голова Якова съ испуганнымъ лицомъ, а рядомъ съ ней вынырнула, какъ чайка, Мальва. Яковъ, отчаянно взмахивая руками, разбивалъ вокругъ себя воду и вылъ, и рычалъ, а Мальва съ громкимъ хохотомъ плавала вокругъ него и, плеская ему въ лицо пригоршни соленой воды, ныряла, уклоняясь отъ широкихъ взмаховъ его лапъ.

— Чортъ!—закричалъ Яковъ, фыркая.—Я утону! Будетъ!.. Ей Богу... утону! Вода... горькая... Ахъ ты... тону-у!

Но она уже оставила его и, по-мужски загребая руками, плыла къ берегу. Тамъ, ловко взобравшись снова на баркасъ, она встала на кормѣ и, смѣясь, смотрѣла на Якова, торопливо подплывавшаго къ ней. Мокрая одежда, приставъ къ ея тѣлу, обрисовывала его упругія формы отъ колѣнъ по плечи и Яковъ, подплывъ къ лодкѣ и уцѣпившись рукой за

нее, уставился жадными глазами на эту мокрую, почти голую женщину, весело смѣявшуюся надъ нимъ.

— Ну, вылѣзай... тюлень!—говорила она сквозь смѣхъ и, вставъ на колѣни, подала ему одну руку, а другой оперлась въ бортъ лодки.

Яковъ схватилъ ея руку и съ воодушевленіемъ воскликнулъ:

— Ну... Теперь держись! Я тебя... в-выкупаю!..

Онъ тянулъ ее къ себѣ, стоя по плечи въ водѣ; волны перебѣгали черезъ его голову и, разбиваясь о лодку, брызгали въ лицо Мальвѣ. Она жмурилась, хохотала и вдругъ, взвизгнувъ, прыгнула въ воду, сбивъ Якова съ ногъ тяжестью своего тѣла.

И снова они начали играть, какъ двѣ большія рыбы, въ зеленоватой водѣ, брызгая другъ на друга и взвизгивая, фыркая, рыча и ныряя.

Солнце, смѣясь, смотрѣло на нихъ и стекла въ окнахъ промысловыхъ построекъ тоже смѣялись, отражая солнце. Шумѣли волны, разбиваемыя ихъ сильными руками, а чайки, встревоженныя этой возней двухъ людей, съ пронзительными криками носились надъ ихъ головами, исчезавшими подъ набѣгомъ волнъ изъ дали моря...

Наконецъ, усталые и наглотавшіеся воды, они вылѣзли на берегъ и сѣли на солнцѣ отдыхать.

— Тьфу!—гримасничая, плевался Яковъ.—Ну и вода дрянная! То-то ея и много такъ!

— Дрянного всего много на свѣтѣ... парней, напримѣръ... батюшки сколько!—смѣялась Мальва, выжимая воду изъ своихъ волосъ.

Волосы у нея были темные и хотя не длинные, но густые и вьющіеся.

— То-то ты старика и облюбовала себѣ,—ехидно усмѣхнулся Яковъ, толкнувъ ее локтемъ въ бокъ.

— Иной старикъ лучше молодого.

— Ужъ коли отецъ хорошъ, стало-быть сынъ еще лучше...

— Ишь ты! Гдѣ учился хвастать-то?

— Мнѣ дѣвки въ деревнѣ часто говорили, что я совсѣмъ не плохъ парень.

— Развѣ дѣвки что понимаютъ? А ты меня спроси...

— А ты кто? Али не дѣвка?

Она пристально взглянула на него, онъ зазорно смѣялся. Тогда она вдругъ стала серьезной и съ сердцемъ сказала ему:

— Была, да... однажды родила!

— Складно да не ладно,—сказалъ Яковъ и расхохотался.

— Дурачина!—рѣзко бросила ему Мальва и отвернулась отъ него.

Яковъ сробѣлъ и замолчалъ, поджавъ губы.

Съ полчаса они оба молчали, повертываясь къ солнцу такъ, чтобы оно скорѣе высушило ихъ мокрое платье.

Въ баракахъ,—длинныхъ грязныхъ сараяхъ, съ крышами на одинъ скатъ, просыпались рабочіе. Издали,—до бараковъ было сажень полтораста разстоянія,—всѣ они были похожи другъ на друга—оборванные, лохматые, босые... Доносились до берега ихъ хриплые голоса, кто-то стучалъ по дну пустой бочки, летѣли глухіе удары, точно рокоталъ большой барабанъ. Двѣ женщины визгливо ругались и лаяла собака.

— Просыпаются,—сказалъ Яковъ.— А вѣдь я хотѣлъ сегодня въ городъ ѣхать пораньше... и вотъ пробаловалъ съ тобой...

— Со мной добра не будетъ,—не то шутя, не то серьезно сказала она.

— Чего ты все пугаешь меня?—удивленно усмѣхнулся Яковъ.

— А вотъ увидишь, какъ отецъ-то тебя...

Это напоминаніе объ отцѣ вдругъ разсердило его.

— Что отецъ? Ну?—грубо воскликнулъ онъ.—Отецъ! Я самъ не маленькій... Важность какая... Здѣсь не тѣ порядки... я не слѣпой, вижу... Онъ самъ не праведникъ... онъ тутъ себя не стѣсняетъ... Ну и меня не тронь.

Она насмѣшливо поглядѣла ему въ лицо и съ любопытствомъ спросила:

— Не трогать тебя? А ты что дѣлать собираешься?

— Я?—онъ надулъ щеки и выпятилъ впередъ грудь, какъ-будто тяжесть поднималъ.—Я-то? Я много могу! Меня ужъ чистымъ-то воздухомъ довольно обвѣяло, деревенскую-то пыль сдуло съ меня.

— Скоренько!—насмѣшливо воскликнула Мальва.

— А что? Я вотъ возьму да и отобью тебя у отца.

— Н-ну? Неужто?

— А то побоюсь?

— Да ну-у?

— Ты вотъ что,—взволнованно и пылко заговорилъ Яковъ,—ты меня не дразни! Я... смотри!

— Что?—спокойно спросила она.

— Ничего!

Теперь онъ отворотился отъ нея и замолчалъ, имѣя видъ парня удалого и увѣреннаго въ себѣ.

— А ты задорный! Вотъ у приказчика черненькій кутенокъ, видѣлъ? такъ онъ такой-же, какъ ты. Издали лаетъ, укусить обѣщаетъ, а близко подойдешь, онъ подожметъ хвостъ да и бѣжать!

— Ну, ладно-же!—воскликнулъ Яковъ озлобляясь.—Погоди ты! Увидишь, каковъ я есть, увидишь!

А она смѣялась въ лицо ему.

Къ нимъ шелъ, медленной походкой и покачивая корпусомъ, высокій, жилистый, бронзовый человѣкъ въ густой шапкѣ растрепанныхъ

огненно-рыжихъ волосъ. Кумачная рубаха безъ пояса была разорвана на спинѣ у него почти до ворота и, чтобы рукава ея не сползали съ рукъ, онъ засучилъ ихъ вплоть до плечъ. Штаны представляли собой коллекцію разнообразныхъ дыръ, ноги были босы. На лицѣ его, густо усѣянномъ веснушками, дерзко блестѣли большіе голубые глаза, а носъ, широкій и вздернутый кверху, придавалъ всей его фигурѣ видъ безшабашно нахальный. Подойдя къ нимъ, онъ остановился и блестя на солнцѣ своимъ тѣломъ, выглядывавшимъ изъ безчисленныхъ дыръ его легкаго костюма, громко шмыгнулъ носомъ, вопросительно уставился на нихъ глазами и скорчилъ смѣшную рожу.

— Вчера Сережка выпилъ немножко, а сегодня въ карманѣ у Сережки какъ въ бездонномъ лукошкѣ... Дайте двугривенный взаймы! Я, все равно, не отдамъ...

Яковъ добродушно расхохотался надъ его бойкой рѣчью и Мальва усмѣхнулась, разглядывая его ободранную фигуру.

— Дайте, черти! Я васъ обвѣнчаю за двугривенный—хотите?

— Ахъ ты балагуръ! Да развѣ ты попъ?—смѣялся Яковъ.

— Дуракъ! Я въ Угличѣ у попа въ дворникахъ жилъ... дай двугривенный!

— Я не хочу вѣнчаться!—отказалъ ему Яковъ.

— Все равно—дай! Я твоему отцу не скажу, что ты за его кралей пріухлыстываешь,—настаивалъ Сережка, облизывая языкомъ сухія, потрескавшія губы.

— Ври, такъ онъ тебѣ и повѣритъ.

— Ужъ я совру, такъ повѣритъ!—пообѣщалъ Сережка,—и вздуетъ тебя—ахъ какъ!

— Не боюсь!—усмѣхнулся Яковъ.

— Ну такъ я самъ вздую!—спокойно заявилъ Сережка, съуживая глаза.

Якову было жалко двугривеннаго, но его уже предупреждали, что съ Сережкой не нужно связываться и всегда лучше удовлетворять его притязанія. Многаго онъ не потребуетъ, а если не дать ему—подстроитъ во время работы какую-нибудь пакость или изобьетъ ни за что ни про что. И Яковъ, вспомнивъ эти наставленія, вздохнулъ и полѣзъ въ карманъ.

— Вотъ такъ!—поощрилъ его Сережка, опускаясь на песокъ рядомъ съ нимъ.—Всегда меня слушай, умнымъ будешь. А ты,—обратился онъ къ Мальвѣ,—скоро за меня замужъ пойдешь? Скорѣй собирайся... я долго ждать не буду.

— Драный ты... зашей дыры сначала, потомъ поговоримъ,—отвѣтила Мальва.

Сережка критически посмотрѣлъ на свои дыры и качнулъ головой.

— А ты мнѣ лучше свою юбку дай.

— Такъ...—засмѣялась Мальва.

— А право! Дай,—есть какая-нибудь старенькая?

— Да ты купи себѣ штаны-то,—посовѣтовала Мальва.

— Ну, я лучше пропью деньги...

— Лучше!—смѣялся Яковъ, держа въ рукѣ четыре пятака.

— А какъ-же? Мнѣ попъ говорилъ, что человѣкъ не о шкурѣ своей долженъ заботиться, а о душѣ. А душа у меня требуетъ водки, а не штановъ. Давай деньги! Ну вотъ теперь я выпью... А отцу про тебя всетаки скажу.

— Говори!—махнулъ рукой Яковъ и ухорски подмигнулъ Мальвѣ, толкнувъ ее въ плечо.

Сережка замѣтилъ это, сплюнулъ и еще пообѣщалъ:

— И вздуть тебя не забуду... Какъ только свободное время будетъ—такую дамъ клочку!

— Да за что?—тревожно спросилъ Яковъ.

— Ужь я знаю... Ну, такъ замужъ за меня скоро пойдешь? —обратился Сережка къ Мальвѣ.

— А вотъ ты разскажи мнѣ, что мы дѣлать будемъ и какъ жить... тогда я подумаю...—серьезно сказала она.

Сережка поглядѣлъ въ море, прищуривъ глаза, и, облизавъ губы, объяснилъ:

— Ничего не будемъ дѣлать... гулять будемъ по землѣ.

— А ѣсть гдѣ возьмемъ?

— Ну,—махнулъ рукой Сережка, — ты ровно мать моя разсуждаешь. Что, да какъ? Скучный народъ вы, бабы. Развѣ я знаю, что и какъ? Пойду выпью...

Онъ всталъ и пошелъ прочь отъ нихъ, провожаемый странной улыбкой Мальвы и непріязненнымъ взглядомъ парня.

— Ишь, какой командиръ!—сказалъ Яковъ, когда Сережка ушелъ отъ нихъ далеко.—У насъ бы въ деревнѣ такого хахаля живо усмирили... Дали бы ему хо-орошую взбучку и все... А здѣсь — боятся...

Мальва посмотрѣла на него и процѣдила сквозь зубы:

— Ахъ ты порося! Понимаешь ты ему цѣну!

— Чего понимать? Цѣна такимъ пятачекъ за пучокъ, да и то, когда ихъ въ пучкѣ-то сотня!

— То-же!—насмѣшливо воскликнула Мальва.—Это твоя цѣна... А онъ... онъ вездѣ бывалъ, скрозь прошелъ всю землю и никого не боится...

— А я кого боюсь?—храбро спросилъ Яковъ.

Она не отвѣтила ему, задумчиво слѣдя за игрой волнъ, взбѣгавшихъ на берегъ, колыхая тяжелый баркасъ. Его мачта качалась изъ стороны въ сторону и корма, вздымаясь и падая въ воду, хлопала по ней.

Звукъ былъ громкій и какой-то досадливый,—точно баркасу хотѣлось оторваться отъ берега и уйти въ широкое, свободное море, и онъ сердился на канатъ, удерживавшій его.

— Ну, чего-же ты не уходишь?—спросила Мальва у Якова.

— А куда мнѣ?—отозвался онъ.

— Въ городъ хотѣлъ...

— Не пойду.

— Ну, къ отцу поѣзжай.

— А ты?

— Что?

— Тоже поѣдешь?

— Нѣтъ...

— Ну, и я нѣтъ.

— Цѣлый день около меня будешь торчать? — спокойно спросила Мальва.

— Не больно-то ты мнѣ нужна...—отвѣтилъ Яковъ съ обидой, всталъ и ушелъ отъ нея.

Но онъ ошибся, говоря, что она не нужна ему. Безъ нея ему стало скучно. Странное чувство родилось въ немъ послѣ разговора съ ней—смутный протестъ противъ отца, глухое недовольство имъ. Вчера этого не было, не было и сегодня до встрѣчи съ Мальвой... А теперь казалось, что отецъ какъ-то мѣшаетъ ему, хотя онъ тамъ, далеко въ морѣ, на этой, чуть замѣтной глазу полоскѣ песку... Потомъ ему казалось, что Мальва боится отца, а кабы она не боялась... Совсѣмъ-бы другое вышло у него съ ней. А теперь вотъ безъ нея скучно, хотя еще поутру онъ совсѣмъ и не думалъ о ней.

И онъ шлялся по промыслу, тускло разсматривая встрѣчныхъ людей и лѣниво перекидываясь съ ними двумя, тремя словами.

Вонъ въ тѣни барака на бочкѣ сидитъ этотъ Сережка и, тренькая на балалайкѣ, поетъ, строя смѣшныя рожи:

Г-господинъ гор-родо-ввой
Будьте вѣжливы со мной...
Отведите меня въ часть,
Чтобы въ грязь мнѣ не упасть...

Его окружаетъ человѣкъ двадцать такихъ-же оборванцевъ, какъ и онъ, и отъ всѣхъ ихъ, — отъ всего здѣсь — пахнетъ соленой рыбой и селитрой. Четыре бабы, некрасивыя и грязныя,—сидя на пескѣ недалеко отъ этой группы,—пьютъ чай, наливая его изъ большого жестяного чайника. А вотъ какой-то рабочій, несмотря на утро, уже напился пьянъ и возится на пескѣ, пытаясь встать на ноги и снова падая. Гдѣ-то, взвизгивая, плачетъ женщина, откуда-то доносятся звуки испорченной гармоники... и всюду блеститъ рыбья чешуя.

Въ полдень Яковъ нашелъ себѣ тѣнистое мѣстечко среди груды пустыхъ бочекъ, легъ тамъ и проспалъ до вечера, а проснувшись, снова началъ бродить по промыслу, не имѣя никакой ясной цѣли, но ощущая смутное влеченіе куда-то.

Проходивъ такъ часа два, онъ нашелъ Мальву далеко отъ пріиска подъ купой молоденькихъ ветелъ. Она лежала на боку и, держа въ рукахъ какую-то растрепанную книжку, смотрѣла навстрѣчу ему, улыбаясь.

— Ишь ты гдѣ!—сказалъ онъ, садясь рядомъ съ ней.

— А ты меня давно ищешь?—увѣренно спросила она.

— Да развѣ я тебя искалъ?!—воскликнулъ Яковъ, вдругъ понимая, что это такъ и есть—все время съ утра и по сію пору онъ незамѣтно для себя упорно искалъ ее. И онъ въ недоумѣніи качнулъ головой.

— Ты грамотный?—спросила она его.

— Грамотный... да плохо... забылъ все ужъ.

— И я тоже плохо... Ты въ школѣ учился?

— Да, въ земской.

— А я сама выучилась...

— Ну?

— Право... Въ Астрахани у адвоката кухаркой была и сынъ его научилъ меня читать.

— Значитъ не сама...—пояснилъ Яковъ.

Она посмотрѣла на него и опять спросила:

— А тебѣ хочется книжки читать?

— Мнѣ? Нѣтъ... чего тамъ?

— А я люблю... вотъ и теперь выпросила у приказчиковой жены книжку и читаю...

— Про что?

— Про Алексѣя Божія человѣка.

И задумчиво разсказавъ ему о томъ, какъ юноша, сынъ богатыхъ и важныхъ родителей, ушелъ отъ нихъ и отъ своего счастья, а потомъ вернулся къ нимъ, нищій и оборванный, жилъ на дворѣ у нихъ вмѣстѣ съ собаками, не говоря имъ до смерти своей, кто онъ, Мальва тихо спросила у Якова:

— Зачѣмъ это онъ такъ?

— Кто-жъ его знаетъ?—равнодушно отвѣтилъ Яковъ.

Бугры песка, наметаннаго вѣтромъ и волнами, окружали ихъ. Издали доносился глухой и темный шумъ—это на промыслѣ шумѣли. Солнце садилось и на пескѣ лежалъ розоватый отблескъ его лучей. Жалкіе кусты ветелъ чуть трепетали своей бѣдной листвой подъ легкимъ вѣтромъ съ моря. Мальва молчала, прислушиваясь къ чему-то.

— Что-же ты сегодня не поѣхала туда... на косу?

— А тебѣ что?

Яковъ сорвалъ листъ и сталъ жевать его, искоса жадными глазами поглядывая на женщину и соображая, какъ ему сказать ей то, что ему нужно.

— Я вотъ... когда одна и тихо такъ... все плакать хочу... или пѣть. Только пѣсень я хорошихъ не знаю, а плакать стыдно...

Яковъ слышалъ ея голосъ сочный и такой ласковый, но то, что говорила она, не задѣло въ немъ ничего, лишь придало болѣе рѣзкую форму его желанію.

— А ты вотъ что...—глухо заговорилъ Яковъ,—подвигаясь къ ней, но не глядя на нее,—ты послушай, что я тебѣ скажу... Я—парень молодой...

— И глупый, глу-упый!—убѣжденно вытянула Мальва, качая головой.

— Ну, пускай глупый,—вдругъ воодушевился Яковъ.—Развѣ тутъ умъ нуженъ? Глупый и—ладно! А вотъ что я скажу—желаешь ты со мной...

— Не говори... Не желаю!..

— Чего?

— Ничего!

— Да ты не дури...—и онъ осторожно взялъ ее за плечи.—Ты сообрази...

— Пошелъ прочь, Яшка!—сурово сказала она, стряхнувъ съ себя его руку.—Пошелъ!

Онъ всталъ и осмотрѣлся вокругъ.

— Ну... ежели ты такъ—мнѣ наплевать! Васъ здѣсь много... Ты думаешь—ты лучше другихъ?

— Щенокъ ты—спокойно сказала она, вставъ на ноги и отряхивая песокъ съ платья.

И они пошли рядомъ другъ съ другомъ на промыселъ. Шли они медленно, потому что ноги вязли въ пескѣ.

Яковъ то грубо уговаривалъ ее уступить его желанію, то пренебрежительно доказывалъ ей, что она не одна на промыслѣ и не лучшая среди другихъ женщинъ, а она спокойно и холодно посмѣивалась и отвѣчала ему колкими словами.

Вдругъ онъ, когда они были уже около промысловыхъ бараковъ, остановился и схватилъ ее за плечо.

— А вѣдь это ты нарочно разжигаешь меня?! Зачѣмъ ты это? Я тебѣ—смотри!

— Отстань ты, говорю!—она вывернулась изъ подъ его руки и пошла, а на встрѣчу ей изъ-за угла барака явился Сережка и, тряхнувъ своей лохматой огненной башкой, сказалъ зловѣще:

— Гуляли? Ладно!

— Подите вы всѣ къ черту!—злобно крикнула Мальва.

А Яковъ остановился противъ Сережки и угрюмо смотрѣлъ на него. Между ними было шаговъ десять разстоянія.

Сережка тоже уставился въ глаза Якова. Постоявъ такъ съ минуту, какъ два барана, готовые треснуться другъ о друга лбами, они молча разошлись въ разныя стороны.

Море было тихое и красное отъ лучей заката, надъ промысломъ стоялъ глухой шумъ и изъ него рельефно выдѣлялся пьяный женскій голосъ, истерически выкрикивавшій какія-то нелѣпыя слова:

— Та—агарга, матагарга,
Матаничка м-моя!
П-пьяная, избитая
Растрепанная—а!

И эти слова, гадкія, какъ мокрицы, разбѣгались по промыслу, пропитанному запахомъ соли и гнилой рыбы,—разбѣгались, оскорбляя собою мягкую музыку волнъ, плававшую въ воздухѣ.

М. Горькій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Современныя писательницы.

(Переводъ съ рукописи **С. Ш.**)

I.

Австрійскія романистки.

Изъ современныхъ нѣмецкихъ писательницъ почти всѣ выдающіеся таланты принадлежатъ Австріи; въ Германіи зато мы находимъ писательницъ, такъ сказать, наиболѣе передовыхъ. Лучшія произведенія германскихъ женщинъ возникли подъ вліяніемъ новѣйшаго умственнаго теченія. Они являются прямымъ результатомъ участія женщинъ въ духовной и соціальной борьбѣ современности, а главнымъ образомъ развитія самой женской психики, ставшей болѣе воспріимчивой къ волнующимъ нынѣ человѣчество задачамъ, скорбямъ и надеждамъ. Въ Австріи же появились произведенія, которыя благодаря таланту ихъ авторовъ надолго сохранятъ свое значеніе, какъ положительный вкладъ въ художественную литературу. Австрійскія писательницы дали, такимъ образомъ современному человѣчеству нѣчто цѣнное и важное, хотя самый типъ современнаго человѣка остается ими почти незатронутымъ. Однѣ изъ этихъ писательницъ начали свою литературную дѣятельность въ то время, когда на женщину еще не смотрѣли, какъ на равноправнаго товарища, другія вообще не обнаруживаютъ интереса къ этой равноправности, третьи, наконецъ исходятъ изъ точки зрѣнія, діаметрально противоположной нынѣшней и остаются вѣрными старымъ идеаламъ.

Говоря объ австрійскихъ писательницахъ, нельзя обойти старѣйшую и самую знаменитую изъ нихъ, Маріи фонъ Эбнеръ Эшенбахъ, хотя на ней, какъ принадлежащей прошлому поколѣнію, подробно останавливаться намъ не приходится.

Марія фонъ Эбнеръ Эшенбахъ безусловно должна быть поставлена во главѣ австрійской женской литературы, а ея лучшія произведенія («Bozena», «Dorf-und-Schlossgeschichten», «Aphorismen», «das Gemeinde-Kind», «Lotti die Uhrmacherin», «Unsühubar», «Glaubenslos», «Rittmeister Brandt» и мн. др.) настолько популярны, что имя ея, вѣроятно, небезъизвѣстно и въ Россіи. Немногія изъ писательницъ новѣйшаго поколѣнія могутъ сравниться съ ней по силѣ художественнаго дарованія, и ужъ, конечно, ни одна не въ состояніи возвыситься до той житейской мудрости, до того глубокаго юмора, съ какими она воспроизводитъ явленія человѣческой жизни. Но если по прочтеніи ея романовъ, новеллъ, философскихъ сентенцій и пр. вы познакомитесь затѣмъ съ личностью самого автора,—съ этой маленькой, тихой, благородной сѣдой женщиной, съ мягкими и плавными движеніями, уловите на себѣ ея испытующій взглядъ, полный почти подавляющаго ума,—то васъ охватитъ такое чувство, какъ будто эта писательница всетаки не вылила въ свои произведенія, такъ сказать, тончайшей эссенціи своей души, не вложила въ нихъ наиболѣе зрѣлыхъ и сладкихъ плодовъ своего богатаго опыта. Получается впечатлѣніе, словно она припрятала все это для себя или вѣрнѣе не для себя одной, а для безконечно болѣе интимной, тихой дѣятельности въ кругу ея близкихъ. Дочь графа Дубскаго и жена фельдмаршала, Марія фонъ Эбнеръ Эшенбахъ творила, повинуясь исключительно глубокой внутренней потребности. И хотя, быть можетъ, она видѣла въ этомъ свое величайшее жизненное благо, но прежде всего и при всѣхъ обстоятельствахъ она оставалась женщиной, а не профессіональной писательницей. И эта-то особенность, по моему мнѣнію, настолько отличаетъ Марію фонъ Эбнеръ Эшенбахъ отъ нарождающагося типа женщинъ-писательницъ, что она кажется какъ бы принадлежащей иному, уже отживающему міру. Но съ другой стороны, эта именно черта и придаетъ ей необыкновенное личное обаяніе. Чарующее впечатлѣніе на собесѣдника производитъ то невысказанное или неописанное, неподлежащее обнародованію, тѣ неизъяснимыя душевныя движенія, о которыхъ можно догадываться лишь по тонкимъ складкамъ вокругъ милаго рта, по ея мимолетному выразительному взгляду. И это очарованіе должно отнынѣ измѣнить свои формы всюду, гдѣ женщина, изъ возвышенныхъ цѣлей, рѣшается показать въ своихъ произведеніяхъ, безпощадно и беззавѣтно, всю свою внутреннюю жизнь съ ея интимными откровеніями и настроеніями. На нѣсколькихъ произведеніяхъ современныхъ писательницъ я попытаюсь показать, какъ совершается этотъ переходъ отъ прошлаго къ настоящему, какъ далеко онъ идетъ и какое значеніе имѣетъ для литературы.

Въ романахъ австрійской писательницы Лели Киршнеръ, извѣстной болѣе подъ псеводнимомъ Осипъ Шубинъ, впервые замѣчается вліяніе

новаго направленія, и духовная физіономія этой писательницы чрезвычайно выразительна и привлекательна. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ художниковъ, съ которыми можно познакомиться только лишь въ цѣломъ рядѣ картинъ, ибо ея оригинальность и красота выражаются не столько въ строго опредѣленныхъ основныхъ очертаніяхъ, сколько въ плѣнительно-разнообразной игрѣ ея духовной физіономіи. То она смѣется, то задумчива; порой отъ мягкаго настроенія переходитъ въ ироническій тонъ; она всецѣло захватываетъ васъ и насмѣшкой, и серьезностью, кокетливой улыбкой и жгучими слезами. Изображаетъ она почти исключительно жизнь австрійской аристократіи и отчасти міръ художниковъ, преимущественно музыкантовъ. Такимъ образомъ кругъ, изъ котораго она черпаетъ матеріалъ, ограниченъ и находится въ рѣзкомъ несоотвѣтствіи съ живостью и подвижностью ея настроеній. Это напоминаетъ ландшафтъ, который лежитъ передъ нами въ строго опредѣленной, неизмѣнной формѣ, тогда какъ надъ нимъ, точно другой ландшафтъ, разстилается небо, покрытое движущимися пушистыми облаками причудливой формы, полное игры свѣта и тѣни и придающее всей картинѣ особенно освѣщеніе. Но каково бы ни было это освѣщеніе: яркое или темное, ясное или туманное, реалистическая отчетливость рисунка остается та-же. Эта смѣсь строго реальнаго изображенія дѣйствительности съ искрящейся субъективностью настроенія въ высокой степени характерна для таланта Осипа Шубина. Вотъ почему очень рано, уже въ первомъ романѣ «Честь», автору удается достигнуть мастерства въ обработкѣ самаго сюжета, тогда какъ слить въ одно цѣлое сюжетъ съ проникающимъ его настроеніемъ посчастливилось ему гораздо позже, да и то въ немногихъ только произведеніяхъ.

У этой писательницы то преимущество, что хотя она сама принадлежитъ къ аристократіи и имѣетъ возможность болѣе или менѣе близко наблюдать ея жизнь, она, въ то же время, по своимъ мыслямъ и чувствамъ, стоитъ гораздо выше своей среды и никоимъ образомъ не отождествляетъ себя съ типами такъ охотно изображаемаго ею сословія, не раздѣляетъ его симпатій, надеждъ и стремленій. Въ этомъ кругу она чувствуетъ себя такъже увѣренно и непринужденно, какъ въ своемъ домашнемъ будничномъ платьѣ. Къ сожалѣнію, эти же благопріятныя условія нерѣдко увлекали Киршнеръ и она охотнѣе останавливается на легкихъ и игривыхъ сюжетахъ, трактуя ихъ въ формѣ граціозной болтовни, вмѣсто того, чтобы глубже вникнуть въ матеріалъ и сдѣлать изъ него послѣдніе психологическіе выводы. Нельзя сказать, чтобы та неуловимая, чисто женская стыдливость, какую мы видимъ у Маріи фонъ Эбнеръ Эшенбахъ, препятствовала и Осипу Шубину раскрывать въ своихъ твореніяхъ дѣйствительную жизнь человѣческой души; здѣсь эти недомолвки скорѣе объясняются недостаточно серьезнымъ отношеніемъ автора къ его художественнымъ

задачамъ, вслѣдствіе чего ему рѣдко удается развернуть свой талантъ во всей его силѣ. Послѣ перваго романа «Честь», за которымъ слѣдовало множество другихъ, собственно только въ «Gloria Victis» писательница значительно шагнула впередъ. Полнаго расцвѣта ея талантъ достигъ въ двухъ тѣсно связанныхъ между собою романахъ «Asbein'ѣ» и «Борисѣ Ленскомъ». Но какъ бы не удержавшись на этой высотѣ, она снова падаетъ и создаетъ уже цѣлый рядъ весьма посредственныхъ произведеній.

Въ «Асбеинѣ» и «Борисѣ Ленскомъ» авторъ изображаетъ уже не аристократическій кругъ, а міръ художниковъ и соотвѣтственно съ измѣнившейся средой самый центръ романа переносится изъ чисто внѣшнихъ явленій во внутренній міръ. Безпорядочная масса лицъ и положеній концентрируется здѣсь вокругъ болѣе глубокаго и цѣльнаго анализа несложнаго психологическаго содержанія, и на этомъ менѣе пестромъ, развлекающемъ фонѣ рельефно вырисовываются тѣ полные граціи образы, которые такъ удаются перу Осипа Шубина. Словомъ «Асбеинъ» авторъ обозначилъ тѣ чарующіе звуки, которые словно роковые, демоническіе аккорды врываются въ жизнь Бориса Ленскаго, увлекаютъ его на блестящій и безпорядочный путь виртуоза и въ концѣ концовъ губятъ его геній. Рядомъ съ необузданнымъ Борисомъ Ленскимъ, злоупотребляющимъ и музыкой, и женщинами, подобно ангелу хранителю, стоитъ его жена Наталія. Принадлежа къ высшей русской аристократіи, она, не задумываясь, бросаетъ родную семью, чтобы выйти замужъ за плебея-художника, до самозабвенія увлеченная благородствомъ и самобытностью его таланта. Въ Наталіи женщина беретъ верхъ надъ аристократкой, какъ и вообще въ этихъ двухъ романахъ психологическій анализъ отодвигаетъ далеко на задній планъ чисто внѣшнее изображеніе высшаго круга. Но въ неравной борьбѣ за нравственное и духовное величіе своего возлюбленнаго съ мрачными силами Асбеина, Наталія въ концѣ концовъ оказывается побѣжденной; она оставляетъ Бориса Ленскаго и возвращается въ родную семью, гдѣ она медленно угасаетъ отъ неумирающей, безнадежной и глубоко печальной любви. И любовь эта, съ такой страстной вѣрой цѣплявшаяся за высшія проявленія духовной личности возлюбленнаго, хотя и не могла предотвратить его паденія, но, подобно отвергнутому ангелу, постоянно витала вокругъ художника, какъ бы молча указывая на утерянныя небеса. Во второй части «Бориса Ленскаго» изображается тоска его по умершей женѣ и умершемъ величіи, тоска, которая всюду его преслѣдуетъ и въ концѣ концовъ доводитъ до экстаза, до галлюцинаціи. Это же настроеніе овладѣваетъ имъ въ моментъ смерти. Борисъ Ленскій, какъ типъ, является безусловно лучшей мужской фигурой, созданной Осипомъ Шубинымъ. Какъ ни удачны нѣкоторые другіе ея герои-мужчины, они все же въ большинствѣ случаевъ только

отчасти живые люди; нѣкоторые изъ нихъ обрисованы лишь какъ болѣе или менѣе шаблонные представители своего пола, и въ лучшемъ случаѣ могли бы послужить матеріаломъ для мѣткаго очерка или ловкой каррикатуры. Силу своего таланта Осипъ Шубинъ проявилъ только въ «Борисѣ Ленскомъ», гдѣ автору пришлось противопоставить обыденной посредственности богато одаренную и безпутную натуру художника, съ его сложной душевной жизнью, полной высокихъ подъемовъ и глубокихъ безднъ.

Тоже самое можно сказать о женскихъ типахъ Осипа Шубина. Уже въ первыхъ романахъ, какъ и въ нѣкоторыхъ изъ послѣдующихъ, повторяется одинъ и тотъ же женскій типъ, рѣзко отличающійся своей самостоятельностью и оригинальностью отъ окружающихъ его заурядныхъ и проникнутыхъ условностью среды женщинъ. Наиболѣе ярко этотъ типъ выраженъ въ героиняхъ «Асбеина» и «Бориса Ленскаго»—Натальѣ и Нитѣ. Послѣдняя представляетъ полную противоположность Наталіи, которая воплощаетъ типъ безгранично и беззавѣтно любящей женщины. Изъ всѣхъ окружающихъ Ленскаго женщинъ одна только Нита съумѣла предъ нимъ устоять, хотя въ душѣ она боготворитъ его. И когда Нита увидѣла въ своемъ геніи-полубогѣ звѣря, она совсѣмъ отъ него отрекается. Какъ и Наталія, Нита сбрасываетъ съ себя свѣтскіе путы, но не для того, чтобы отдаться влеченію своего недюжиннаго таланта. Нита, какъ художница, ведетъ тихую, богатую внутреннимъ содержаніемъ жизнь. Разочаровавшись въ Ленскомъ, а также благодаря своему художественному таланту, она постепенно освобождается отъ жажды личнаго счастья и семьи. Тѣмъ не менѣе ей чужда какая-бы то ни было эмансипаціонная черта, какою непремѣнно надѣляется всякій самостоятельный женскій типъ, выводимый въ современныхъ романахъ. Своимъ самоотверженнымъ вмѣшательствомъ Нита спасаетъ Машѣ, дочери Ленскаго, и ея дѣвичью честь, и даже жизнь. Это вмѣшательство въ отношенія Маши къ ея соблазнителю должно быть поставлено Нитѣ въ двойную заслугу, такъ какъ въ данномъ случаѣ ей пришлось побороть въ себѣ не только естественную въ молодой дѣвушкѣ стыдливость, но и щепетильность свѣтской дамы. Въ ней, какъ и во всѣхъ женщинахъ Осипа Шубина, еще глубоко сидитъ «дама». Такъ она очень смущена, когда ей приходится одной, безъ подобающаго сопровожденія, остановиться въ гостинницѣ; она возмущена и оскорблена, когда на выставкѣ ея собственныхъ картинъ она видитъ, что мужчины относятся къ ней по-товарищески, какъ къ коллегѣ, совершенно игнорируя въ ней даму. Такія незначительныя чертсчки въ произведеніяхъ послѣдняго времени производятъ на насъ впечатлѣніе анахронизма и показываютъ также, какъ далеки отъ современнаго движенія тѣ сферы, изъ которыхъ Осипъ Шубинъ беретъ свои типы. Но съ точки зрѣнія художественной

эти незначительныя особенности служатъ лишь къ тому, чтобы характернѣе оттѣнить типы Осипа Шубина, и являются граціознымъ, пикантнымъ придаткомъ къ своеобразной натурѣ Ниты. Въ жизни Наталіи, напротивъ, эти мелочи играютъ гораздо большую роль: здѣсь онѣ являются не только пикантными подробностями, а имѣютъ почти трагическое значеніе. Въ тотъ моментъ, когда Наталія слѣпо идетъ за своимъ возлюбленнымъ, женщина побѣждаетъ въ ней «даму»; но впослѣдствіи, когда композиторская карьера мужа все болѣе и болѣе идетъ въ разрѣзъ съ ея аристократическими привычками и ей приходится принимать у себя самое разношерстное общество, она энергично возстаетъ противъ этого. Этотъ единственный и повидимому незначительный проступокъ ея по отношенію къ мужу влечетъ, однако, за собой всѣ неудачи Ленскаго, какъ композитора, заставляетъ его гнаться за мишурными лаврами виртуоза и постепенно губитъ его талантъ. Такимъ образомъ, обѣ эти наиболѣе значительныя женскія лица Осипа Шубина фактически сохранили нѣкоторыя свойства той среды, которую они переросли по своимъ идеаламъ. Это производитъ вполнѣ художественное впечатлѣніе и придаетъ имъ рѣзкій, свѣжій ароматъ «почвы», въ противоположность нѣсколько пошлому и слащавому аристократическому букету другихъ женскихъ типовъ той-же писательницы, являющихся заурядными представительницами высшаго общества. Приходится сожалѣть, что Лола Киршнеръ не пошла дальше по этому пути и не дала развиться своему таланту въ духѣ современнаго литературнаго направленія. При чтеніи ея произведеній невольно испытываешь чувство досады по поводу того, какъ мало въ нихъ дѣйствительно цѣннаго и положительнаго содержанія и какъ много авторъ могъ-бы дать. Очевидно, съ одной стороны, ее самое увлекаетъ легко дающаяся ей форма виртуознаго изложенія, а съ другой — щепетильность женщины, желающей прежде всего и всюду оставаться «дамой», мѣшаетъ ей смѣло заглянуть въ самую глубь современной дѣйствительности, и она скользитъ по ея колыхающейся поверхности, лишенной жизненнаго интереса. Вотъ почему Осипъ Шубинъ оказывается почти всецѣло въ рядахъ пишущихъ для «занимательнаго чтенія» и теряетъ подъ собой почву, на которой могло-бы развиться его крупное дарованіе. Ему недостаетъ того, что въ высшей степени характеризуетъ его соотечественницу Эмилію Матайя, извѣстную подъ псевдонимомъ Эмиль Марріотъ.

Перейдя отъ Осипа Шубина къ Эмилю Марріотъ, испытываешь такое впечатлѣніе, словно взглядъ нашъ перенесенъ съ умной, подвижной физіономіи на спокойныя очертанія энергичнаго, замкнутаго въ себѣ лица. Духовный образъ Марріотъ далеко не такъ блестящъ и привлекателенъ, но зато она представляетъ настоящій литературный характеръ въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова. Гораздо постепеннѣе она до-

стигаетъ зрѣлости и далеко не такъ быстро создаетъ свое лучшее произведеніе. Ея первенецъ «Egon Talmor» обладаетъ почти единственной прелестью, той прелестью, какая свойственна всѣмъ хотя и значительнымъ, но еще незрѣлымъ пробамъ пера—въ нихъ много говорится объ основномъ настроеніи и идеяхъ самого автора, хотя они далеко еще не воплощены въ художественные образы. Но и здѣсь уже Э. Марріотъ затрогиваетъ тему, съ которой она затѣмъ почти не разстается и которая находитъ въ ней свою наиболѣе талантливую выразительницу. Съ самаго начала она рисуетъ трагедію расшатанной семейной жизни, бичуетъ ея пороки и недостатки, но съ другой стороны указываетъ на то великое значеніе, какое для единичныхъ личностей можетъ имѣть любовь къ семьѣ. Эту тему Марріотъ разрабатываетъ безъ всякой предвзятости или приверженности къ піэтизму и традиціямъ въ обыденномъ смыслѣ слова. Съ безпощадной рѣзкостью современной критики рисуетъ она картины семейной жизни средняго класса въ Австріи. Но на этомъ мрачномъ фонѣ, безъ малѣйшихъ прикрасъ, должна возсіять красота любви человѣка къ человѣку. И эта рѣзкая критика всего существующаго наряду съ самымъ снисходительнымъ отношеніемъ къ нему создаетъ Э. Марріоту въ высшей степени интересное положеніе среди современныхъ писателей. Она не принадлежитъ къ защитникамъ прошлаго, съ его идеалами благочестія, отрицающаго право личности на самостоятельное развитіе; но съ другой стороны, не сочувствуетъ она и проповѣдникамъ индивидуализма въ ущербъ семейному началу. Она занимаетъ между ними совершенно самостоятельное мѣсто. Отъ первыхъ ее отдѣляетъ спокойное, истинно безпристрастное отношеніе къ предмету, отъ послѣднихъ—самое направленіе, какое приняло ея творчество. Она никогда не останавливается на исключительныхъ явленіяхъ или особенно выдающихся личностяхъ; ее интересуетъ лишь заурядная человѣческая жизнь во всѣхъ ея нормальныхъ проявленіяхъ. Вотъ почему лучшимъ и наиболѣе глубокимъ типомъ въ ея произведеніяхъ, который она рисуетъ видимо съ особенной нѣжностью, является образъ матери—доброй, настоящей матери, которая, какъ естественный центръ семьи, придаетъ ей и святость, и крѣпость. Эгоизмъ личности и устои всей семьи сливаются въ лицѣ матери въ одну любовь; смягчается и успокаивется разладъ, вызываемый такими противоположными чувствами, какъ самоутвержденіе и самоотреченіе. Тѣмъ съ большей страстностью нападаетъ Э. Марріотъ на жестокость и тщеславіе родителей, которые засоряютъ этотъ живительный источникъ, и лишаютъ такимъ образомъ дѣтей въ пору ихъ развитія величайшаго блага. Вмѣстѣ съ этимъ Э. Марріотъ весьма естественно стала изобразительницей того сословія, которое лишено возможности основать семью и вынуждено влачить бездомную жизнь—католическаго духовенства. Ея новелла подъ заглавіемъ «Mit der Tonsur», и еще больше ея романъ

«Der geistliche Tod», принадлежащій вообще къ лучшимъ твореніямъ современной литературы, являются ея шедеврами. Духовенство обрисовано ею въ этихъ произведеніяхъ съ полнымъ и основательнымъ знаніемъ быта, безъ видимаго пристрастія въ ту или другую сторону. Отсутствіе вліянія семьи съ самаго дѣтства и дѣлаетъ, по мнѣнію автора, духовенство жалкимъ и мелочнымъ, жесткимъ и бездушнымъ, но порой также высокимъ и въ рѣдкихъ случаяхъ даже величественнымъ. Потрясающее впечатлѣніе производитъ въ «Geistlichen Tod» та кротость и покорность судьбѣ, съ какими высказывается въ этомъ смыслѣ Гартекъ, вопреки своему призванію очутившійся въ рядахъ духовенства. Гартекъ потому и не созданъ быть священникомъ, что онъ человѣкъ и только человѣкъ. Борьба его противъ церкви не есть борьба скептика съ авторитетами въ дѣлахъ вѣры, или мощный протестъ выдающейся личности противъ церковныхъ преградъ и стѣсненій; это просто человѣкъ, страдающій за свои самыя лучшія и простыя сердечныя потребности, за жажду теплыхъ семейныхъ радостей и обязанностей.

Въ изображеніи священниковъ виденъ недюжинный талантъ Марріотъ, какъ и въ изображеніи вообще мужскихъ фигуръ. А на характерѣ Гартека всего рельефнѣе выступаетъ то, что ее въ особенности выдѣляетъ между всѣми другими писательницами: умѣнье въ немногихъ пластическихъ чертахъ обрисовать обыденное, простое и общечеловѣческое. Большинство женщинъ-писательницъ, изображая мужчинъ, впадаютъ въ ошибку, олицетворяя въ каждой данной личности одну какую-нибудь необыкновенную сторону, дурную или хорошую, или открываютъ такую, необыкновенную сторону въ отношеніяхъ своихъ героевъ къ женщинамъ. До сихъ поръ во всѣхъ женскихъ романахъ мужчины то слишкомъ предавались любви, то оказывались аскетами и мечтателями. Э. Марріотъ, напротивъ, и въ мужчинѣ прежде всего видитъ человѣка, и потому онъ не выходитъ изъ подъ ея пера въ какомъ-нибудь отношеніи черезчуръ *мужскимъ*. Въ связи съ ея склонностью раскрывать въ жизненныхъ явленіяхъ лишь самое простое и обыденное находится ея спокойная, какъ мраморъ холодная и неподвижная, объективность; это также отличаетъ ее отъ большинства писательницъ. Ей въ одинаковой степени чужды и ужасъ, и очарованіе, которые должны вызывать незаурядныя личности, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія исключительности ихъ природы. И взоръ ея поэтому отличается въ одно и то-же время проницательностью и мягкостью, тою мягкостью, которая вытекаетъ не изъ подъема чувства, а наоборотъ—изъ переработки всякаго чувства и основанныхъ на немъ сужденій въ спокойное, глубокое созерцаніе. Такому внутреннему характеру ея твореній соотвѣтствуетъ и форма, въ которую она ихъ облекаетъ. Это благородная, строгая форма, форма сдержанной мощи, придающей своеобразную силу каждому выраженію. Марріотъ избѣгаетъ пользо-

ваться дешевыми эффектами, чтобы подчеркнуть настроеніе; въ особенно сильныхъ мѣстахъ она обходится безъ лишнихъ словъ и зачастую довольствуется недомолвками. Поэтому и женскіе типы Марріотъ лишены той преувеличенной мягкости и слащавости, какою еще до сихъ поръ отличаются эти типы у прочихъ писательницъ. Мужчину авторъ всегда показываетъ намъ въ кругу его будничной обстановки и интересовъ; женщину же она рисуетъ односторонне, въ зависимости отъ ея отношеній къ мужчинѣ. Либо это доступныя, чувственныя, кокетливыя, легкомысленныя созданія, либо добродѣтельныя, холодныя, гордыя, недоступныя натуры. Но первыя не представляются намъ Цирцеями, кокотками и демоническими соблазнительницами, а вторыя не производятъ впечатлѣнія шаблонныхъ добродѣтельныхъ героинь. Эти двѣ группы оттѣнены естественно и просто и потому онѣ кажутся намъ и близкими, и безъискусственными, и человѣчными. Вѣнцомъ всѣхъ женщинъ Э. Марріотъ является безконечно человѣчный и привлекательный образъ Паулы въ «Geistlichen Tod». Эта любвеобильная и невинная дѣвушка, не представляя чего-либо необыкновеннаго, стоитъ въ то-же время неизмѣримо выше всѣхъ этихъ кокетокъ и холодно-добродѣтельныхъ женщинъ. Не ставя Паулу на пьедесталъ, авторъ рисуетъ ее какъ гармонически цѣльное созданіе, въ которомъ художественно слиты односторонность и контрасты прочихъ натуръ. Такъ, Паула, питающая склонность къ священнику, страстно и самоотверженно стремится къ нему, но въ то-же время, когда это нужно, подавляетъ свое чувство. Мы видимъ, какъ она умственно возвышается надъ условными рамками женской морали и, не взирая ни на что, идетъ къ Гартеку по первому его зову. Любовь ея побѣждаетъ и въ немъ всякіе предразсудки. Наконецъ, мы видимъ ее снова въ молчаливой и нѣжной преданности готовящей ему его послѣднюю обитель, среди горъ, въ бѣдной деревушкѣ, гдѣ ему суждено такъ скоро умереть. Какой поразительной правдой звучатъ ея слова, которыя она произноситъ послѣ его смерти: «нѣтъ больше утѣшенія и примиренія». Какъ живо въ нихъ чувствуется, что отнынѣ молодая дѣвушка стала неутѣшной вдовой; и какая въ нихъ слышится ненависть къ силамъ, толкнувшимъ Гартека въ ряды духовенства. Но тѣмъ не менѣе въ ея душѣ живетъ безконечно нѣжная любовь къ семьѣ, къ отцу и сестрамъ, которыя нуждаются въ ней и которымъ она должна замѣнить ихъ любимую, недавно умершую мать. И когда надъ Паулой проносится ея трагическая любовь со всѣми ея перипетіями, съ особенной силой выступаетъ благодать той семейной сплоченности, которая, какъ идеалъ, постоянно носится передъ глазами Э. Марріотъ. Благодать эта хотя и безсильна побѣдить глубокое страданіе Паулы, но она все-таки, по ея собственнымъ словамъ, даетъ ей почву подъ ногами и мужество продолжать эту жизнь. Никакая горечь не омрачаетъ этотъ пре-

красный образъ, въ которомъ цѣнно именно то, что онъ остается истинно-женственнымъ.

Послѣ своего романа «Geistlicher Tod» Э. Марріотъ долго не создавала ничего, равнаго ему по талантливости. Ея произведенія теряютъ постепенно свой объективный и уравновѣшенный тонъ и принимаютъ слегка тенденціозную окраску въ духѣ католицизма. Въ «Geistlicher Tod» авторъ съумѣлъ удерживаться отъ всякихъ спеціальныхъ партійныхъ взглядовъ. Позже Э. Марріотъ проявляетъ большую тенденціозность, что въ значительной степени портитъ рисунокъ ея психологическихъ картинъ и за довольно таки искусственными типами чувствуется уже самъ авторъ—то съ порицаніемъ, то съ похвалой. Возможно, что неудачныя произведенія Э. Марріотъ, сильно пошатнувшія ея художественную репутацію, обязаны своимъ появленіемъ нервному переутомленію или физической усталости; но возможно также, что это былъ періодъ внутренней борьбы, когда происходившій въ ней разладъ лишалъ ее душевнаго спокойствія и внутренней сосредоточенности, необходимыхъ для созданія чего-нибудь зрѣлаго. Но вотъ борьба эта окончилась, и Э. Марріотъ, твердая въ своихъ убѣжденіяхъ, оказалась на каменистой и безплодной почвѣ церковно-католической традиціи. Но и на этой почвѣ Марріотъ стала такъ увѣренно, что въ ней вновь освободился ея творческій духъ и, не измѣняя своему религіозному настроенію, она могла проявить себя, какъ художница, съ полной свободой въ выборѣ сюжета и формы. Тогда-то она и написала одно изъ значительнѣйшихъ своихъ произведеній: «Seine Gottheit».

Въ этомъ произведеніи она прибѣгаетъ къ довольно рискованному пріему, доступному только ея сильному, чисто мужскому таланту: она избираетъ для романа форму дневника, въ которомъ разсказъ ведетъ отъ перваго лица мужчина, представляющій по всѣмъ своимъ воззрѣніямъ и личной жизни самую рѣзкую противоположность съ міросозерцаніемъ автора. Эта смѣлая попытка блестяще удалась Э. Марріотъ и, читая этотъ романъ, никто бы не могъ догадаться, насколько различны точки зрѣнія автора и его героя. Тѣмъ не менѣе этого героя нельзя лучше охарактеризовать, какъ сказавши о немъ, что онъ во всемъ и вездѣ ярый врагъ и противникъ Марріотъ. По убѣжденіямъ своимъ матеріалистъ, атеистъ и соціалъ-демократъ, онъ вышелъ изъ подонковъ общества и упорнымъ прилежнымъ трудомъ становится извѣстнымъ хирургомъ. Онъ влюбляется въ очень юную, чистую и идеальную дѣвушку и становится ея женихомъ. Но невѣста, испуганная его нѣсколько чувственной, но все же искренней и горячей любовью, оставляетъ его, а онъ въ припадкѣ неудовлетворенной страсти убиваетъ ее. На каторгѣ онъ пишетъ исторію своей жизни; и читая его исповѣдь, мы не можемъ не слѣдить съ живымъ интересомъ и симпатіей за этимъ

дѣятельнымъ и здоровымъ характеромъ и невольно ставимъ его выше того нѣсколько истерическаго созданія, сопротивленіе котораго довело его до убійства. Вопреки своему обыкновенію рисовать женщинъ общечеловѣческими чертами, Э. Марріотъ въ этомъ романѣ захотѣла идеализировать женщину, и въ молодой Элленъ впервые попыталась дать именно идеальный типъ дѣвической чистоты и нѣжности. Но намѣреніе это не удается автору, ибо оно шло въ разрѣзъ съ его талантомъ. И тогда какъ героя своего Марріоту посчастливилось воплотить съ замѣчательной художественной правдивостью, несмотря на всѣ антипатіи къ нему, ей оказалось совершенно не подъ силу сколько-нибудь жизненно изобразить свою героиню, къ которой она относится съ такой необыкновенной любовью. Элленъ въ своей неспособности любить кажется не возвышенной, а просто холодной натурой. Чтобы избѣгнуть этого, авторъ долженъ былъ бы менѣе идеально, но болѣе жизненно обосновать и мотивировать характеръ своей героини; ему слѣдовало бы показать, какъ манеры и грубость пролетарія оскорбляли чувствительность молодой дѣвушки и разрушали иллюзіи ея неопытной юности. Авторъ могъ бы создать изъ этой трагедіи въ высшей степени современное произведеніе, въ которомъ нашли-бы свое выраженіе нѣжнѣйшія и интимнѣйшія проявленія любви, въ которомъ художественно раскрылась-бы связь между опьяненіемъ и отвращеніемъ, увлеченіемъ и отчужденіемъ обоихъ героевъ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ испуганная Эленъ молится въ церкви передъ изображеніемъ святого, вызывающаго въ ней воспоминаніе о ея прошлой любви къ священнику, такъ и кажется, что и самъ авторъ подходитъ къ раскрытію истинной причины трагическаго конфликта между влюбленными—несходства ихъ физическихъ темпераментовъ, а не выводитъ ее изъ какой-то абстрактной чистоты Элленъ. Но Марріотъ этого не дѣлаетъ, и вотъ въ чемъ кроется одна изъ слабыхъ сторонъ ея произведенія. Здѣсь выступаютъ два роковыхъ недостатка ея таланта: во первыхъ, ограниченность ея міросозерцанія, которая мѣшаетъ ей обнять все то, что волнуетъ современнаго человѣка; вовторыхъ—отсутствіе въ самомъ авторѣ эмоціональности и вибрирующей чувственности въ широкомъ смыслѣ слова, которыя необходимы, чтобы утонченными и чуткими нервами улавливать въ явленіяхъ ихъ тонкія колебанія. Короче говоря, въ ней чувствуется недостатокъ лиризма. Если бы Э. Маріотъ была больше лирикомъ, она искупила и смягчила бы свои самые ретроградные взгляды, такъ какъ благодаря болѣе интимному и колоритному изображенію деталей она давала бы вмѣсто *правды сознательной мысли* другую, болѣе глубокую *правду жизни*. Но этотъ единственный недостатокъ ея находится въ тѣсной связи съ характеромъ ея художественнаго дарованія. Ея талантъ—скорѣе талантъ ваятеля, чѣмъ живописца. Вотъ почему типы Марріотъ являются передъ нами всегда въ такихъ твердыхъ,

рѣзкихъ, законченныхъ очертаніяхъ, что намъ трудно проникнуть въ ихъ душевныя состоянія. Вообще, нельзя не обратить вниманія на то любопытное явленіе, что въ наше время, когда въ произведеніяхъ мужчинъ-писателей то и дѣло преобладаетъ обрисовка настроеній, среди женщинъ такъ мало лирическихъ талантовъ. Почти всѣхъ ихъ больше интересуетъ изображеніе характеровъ, чѣмъ настроеній, и онѣ лучше владѣютъ рисункомъ, чѣмъ красками.

О соотечественницѣ Э. Марріотъ, австрійской писательницѣ Маріи Яничекъ, живущей уже давно въ Берлинѣ, составилось мнѣніе, какъ о лирическомъ талантѣ, богатомъ красочными эффектами. Я не могу согласиться съ такимъ мнѣніемъ, хотя и допускаю, что ея романы, эскизы и новеллы отличаются разнообразіемъ красокъ. Но я вижу въ нихъ не художественную колоритность, а только эффектный фейерверкъ словъ. Ея излюбленныя темы всегда носятъ до нѣкоторой степени эротическій характеръ и трактуетъ она ихъ всегда съ пылкой страстностью, часто въ трескучихъ и высокопарныхъ выраженіяхъ. Въ ея манерѣ мыслить проглядываетъ любовь къ эффекту, къ остроумію, лишенному, однако, оригинальности, и при этомъ видно сознательное подражаніе ницшеанскимъ или другимъ новѣйшимъ философскимъ направленіямъ. Значительнѣйшія произведенія Маріи Яничекъ суть: «Legenden und Geschichten», «Verzaubert», «Aus der Schmiede des Lebens», «Atlas», «Pfadsucher», «Lilienzauber», «Raul nnd Jrene», «Schleifstein», «Vom Weibe», «Ninive», «in's Leben Verirrt» и др. Несомнѣнно, темпераментъ играетъ весьма значительную роль въ художественномъ творчествѣ и этимъ объясняется интересъ, вызываемый нѣкоторыми страницами въ произведеніяхъ Маріи Яничекъ. Точно также, благодаря своему темпераменту, автору удается иногда болѣе наглядно и живо изобразить внутреннюю жизнь, чѣмъ это можетъ сдѣлать даже болѣе мощный талантъ, лишенный такого темперамента, или чѣмъ это вообще было-бы возможно въ болѣе осторожную и сдержанную эпоху.

Признавая сильно преувеличенными всѣ отзывы о талантѣ Маріи Яничекъ, за ней все-таки слѣдуетъ признать извѣстныя достоинства, въ особенности, если поставить ее рядомъ съ прославленной австрійской писательницей баронессой Бертой фонъ-Зуттнеръ. Судя по ея извѣстности, ей пришлось-бы удѣлить на этихъ страницахъ черезъ-чуръ много мѣста; но на самомъ дѣлѣ, ея произведенія составляютъ весьма незначительный художественный вкладъ въ современную литературу. Имя ея никогда не достигло-бы такой извѣстности, если-бы она не принимала самаго живого участія въ злобахъ дня, какъ напр. въ назрѣвшемъ вопросѣ о войнѣ. Ея романъ «Waffen nieder» является и въ художественномъ отношеніи лучшимъ ея произведеніемъ, по сравненію съ другими,—какъ напр.: «Daniela Dormes», «Doctor Hellmuth's Donnerstage», «Trente et quarente», «Es

Löwas», «Einsam und arm» и др. Главнымъ образомъ талантъ ея страдаетъ отъ отсутствія чисто-художественнаго элемента, единственно способнаго придать серьезнымъ вещамъ глубину, а бездѣлкамъ—ихъ изящную прелесть. Свои типы и ситуаціи Берта фонъ-Зуттнеръ освѣщаетъ съ одинаково скучной и однообразной, резонерствующей холодностью. Ея воззрѣнія носятъ печать той банальности, которую охотно смѣшиваютъ съ ясностью изложенія. Отъ такой манеры изложенія и изображенія вѣетъ чѣмъ-то ужъ очень старомоднымъ. Но мы давно переросли время, когда художественная литература, не безъ ущерба для нея, привлекалась къ пропагандѣ временныхъ задачъ. Самое незначительное явленіе, освѣщенное съ какой-нибудь новой и своеобразной точки зрѣнія, интересуетъ насъ безконечно больше, чѣмъ длинныя, скучныя повторенія избитыхъ темъ. Въ особенности женщины-писательницы должны, какъ огня, бояться всякой банальности, если только онѣ хотятъ теперь что-нибудь высказать. Въ лицѣ баронессы Берта Зуттнеръ Австрія дала весьма полезнаго и дѣятельнаго человѣка, достигшаго громкой извѣстности. Но гораздо важнѣе, что та-же Австрія дала Э. Марріотъ и Осипа Шубина, два таланта, которымъ Германія врядъ-ли можетъ противопоставить что-нибудь равное по благородству, граціи и силѣ.

Лу Андреасъ-Саломэ.

Пересмотръ исторіи служилаго землевладѣнія.

С. В. Рождественскій. Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка. С.-Петербургъ, 1897, V+403. Ц. 2 р. 50 к.

Въ послѣднее время наши «общіе» историки съ охотою останавливаются на вопросахъ юридическихъ. Этому можно только радоваться. Къ числу такихъ историковъ принадлежитъ и авторъ недавно появившагося труда о служиломъ землевладѣніи въ Московскомъ государствѣ. Въ этомъ объемистомъ сочиненіи значительная часть посвящена чисто юридическимъ предметамъ; исключеніе представляютъ только II-я глава и частью IV-я, въ которыхъ рѣчь идетъ о фактическихъ вопросахъ землевладѣнія.

Отводя въ своемъ трудѣ широкое мѣсто юридическимъ вопросамъ, авторъ дѣлаетъ попытку проложить и новые пути къ ихъ разработкѣ. Онъ недоволенъ своими предшественниками—юристами. «Они изучали, говоритъ онъ, служилое землевладѣніе, главнымъ образомъ, какъ систему тѣхъ правовыхъ нормъ, въ которыя оно выливалось. Но эта искусственная схема правовыхъ отношеній часто скрываетъ живую историческую перспективу, причудливую послѣдовательность тѣхъ разнообразныхъ процессовъ, изъ которыхъ складывалась исторія изучаемаго явленія. Восполнить односторонность изображенія историческихъ судебъ служилаго землевладѣнія лежитъ на обязанности историковъ культуры». Авторъ беретъ на себя задачу «пересмотрѣть исторію служилаго землевладѣнія съ тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя ставитъ современная литература по исторіи древне-русской культуры, дать исторію вотчины и помѣстья не какъ нормъ права, но какъ бытовыхъ явленій» 11.

Такая задача придаетъ особый интересъ труду молодого ученаго. Онъ, дѣйствительно, становится на совершенно иную почву чѣмъ та, на которой стояли его предшественники, историки-юристы, и прежде всѣхъ дру-

гихъ Неволинъ. У него и постановка вопросовъ, и способы ихъ рѣшенія, и юридическія понятія совершенно иные и крайне своеобразные. Онъ такъ далеко уходитъ отъ установившихся въ исторіи права понятій, что смѣло можетъ сказать: у меня нѣтъ предшественниковъ. За небольшими исключеніями, у него, дѣйствительно, все свое.

Надо отдать автору справедливость: онъ много потрудился. Изъ его книги можно было-бы сдѣлать не одну, а нѣсколько диссертацій: затронутые имъ вопросы допускаютъ большое развитіе. Онъ недаромъ получилъ за свой трудъ ученую степень магистра русской исторіи.

Но пересмотръ исторіи служилаго землевладѣнія, хотя бы только въ одномъ XVI столѣтіи, требуетъ и большой подготовки. Авторъ, какъ общій историкъ, какъ историкъ культуры, получилъ превосходнѣйшую подготовку; но достаточна ли она для пересмотра рѣшеній по спеціальнымъ вопросамъ права? Вотъ въ чемъ вопросъ. Для его рѣшенія необходимо выяснить, къ какимъ новымъ выводамъ приходитъ авторъ. Мы постараемся познакомить читателя со всѣми существенными пунктами содержанія новой книги.

Особенное вниманіе автора привлекаютъ къ себѣ два вопроса: вопросъ о возникновеніи помѣстій и вопросъ о выходѣ земли изъ службы, въ тѣсной связи съ которымъ стоитъ обзоръ мѣръ, принимаемыхъ московскимъ правительствомъ для противудѣйствія этому выходу или мобилизаціи недвижимостей, какъ любитъ выражаться авторъ. Разработкѣ перваго вопроса посвящено введеніе; мысль о вредѣ выхода земли изъ службы проходитъ красною нитью чрезъ все изслѣдованіе, но главнымъ образомъ ея развитію посвящена первая глава.

Изложимъ взглядъ автора на происхожденіе помѣстья. Дѣло это, однако, не легкое, по особенностямъ его языка: онъ отличается нѣкоторой расплывчивостью и далеко не точенъ. Во избѣжаніе недоразумѣній, мы будемъ приводить мнѣнія автора его собственными словами. Этимъ мы дадимъ и читателю возможность ближе ознакомиться съ новою книгою.

Авторъ недоволенъ тѣмъ, что говорятъ о происхожденіи помѣстья историки-юристы. «Помѣстье, читаемъ у него, изучалось по преимуществу какъ извѣстная, твердо установившаяся норма частно-владѣльческаго права. Но помѣстье, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и бытовое явленіе, живой бытовый фактъ. Историки права отыскивали источники идеи помѣстья; общимъ историкамъ предстоитъ подойти къ вопросу о происхожденіи помѣстья съ другой стороны, какъ къ бытовому явленію, предстоитъ разъяснить тѣ непосредственныя требованія жизни, тѣ особенныя бытовыя условія, въ какихъ стародавняя идея подчиненія владѣльческихъ земельныхъ правъ условію службы нашла себѣ осуществленіе въ формѣ помѣстья. До сихъ поръ въ этомъ отношеніи сдѣлано очень мало» 8. Обращаясь къ этой бытовой сторонѣ, онъ находитъ, что помѣстья выз-

ваны къ жизни потребностями и условіями крупнаго вотчиннаго хозяйства, и начинаетъ съ изученія особенностей этого хозяйства въ монастырскихъ и церковныхъ вотчинахъ, представляющихъ сравнительно болѣе матеріала. Но такъ какъ «не подлежитъ сомнѣнію тожество хозяйственнаго строя вотчинъ княжескихъ съ монастырскими и церковными», то онъ и приходитъ заключенію, что и въ хозяйствѣ удѣльнаго князя практиковались тѣ-же хозяйственные пріемы, породившіе помѣстья (38).

Что-же это за пріемы?

Идя по стопамъ профессора Ключевскаго, авторъ говоритъ, что «ходъ сельскаго хозяйства Московской Руси въ XVI в. представлялъ геометрическую прогрессію запустѣнія» 14. При этомъ условіи, въ большихъ вотчинахъ «при разбросанности поселеній и ихъ незначительной величинѣ, при рѣдкости населенія—трудно было организовать вотчинное хозяйство на началахъ централизаціи». А потому «аренда въ самыхъ разнообразныхъ формахъ была, повидимому, излюбленной хозяйственной системой крупныхъ землевладѣльцевъ древней Руси» 16. На этой почвѣ аренды и возникло помѣстье. Сферой зарожденія помѣстья «была вообще большая вотчина свѣтскаго или духовнаго лица и учрежденія. Необходимость эксплуатировать ее посредствомъ мелкихъ хозяйствъ вызвала появленіе различныхъ формъ аренды, выборъ личнаго состава арендаторовъ изъ штата служилыхъ людей вотчинника придавалъ нѣкоторымъ изъ этихъ формъ аренды служилый характеръ. Когда служебная цѣль при раздачѣ земли въ условное владѣніе перевѣшивала хозяйственную (но она ее никогда не исключала), тогда получалась спеціальная форма служилаго землевладѣнія, помѣстье» 28—9. «По аналогіи съ формами аренды на монастырскихъ и митрополичьихъ вотчинахъ, можно предполагать, что и въ хозяйствѣ удѣльнаго князя практиковались такія же различныя формы аренды, пожизненной и срочной, возмездной и безвозмездной, и что всѣ эти формы аренды осложнялись условіемъ службы, какъ скоро арендаторами являлись дворцовые слуги князя» 38.

Выводя помѣстье изъ формъ хозяйственной эксплуатаціи земель, авторъ очень настаиваетъ на томъ, что «помѣстье тѣсно связано съ другими формами эксплуатаціи крупными вотчинниками ихъ земельныхъ богатствъ» 28. «Сопоставляя формы первоначальнаго помѣстнаго землевладѣнія съ извѣстіями о различныхъ формахъ аренды на большихъ вотчинахъ, говоритъ онъ, приходимъ къ заключенію, что помѣстья въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тѣсно соприкасались съ этими формами... Помѣстье явилось не изолированно, но въ обстановкѣ многихъ другихъ родственныхъ явленій. Вопросъ о происхожденіи помѣстья не можетъ быть отдѣленъ отъ вопроса о происхожденіи всѣхъ другихъ формъ условнаго владѣнія. Такъ выясняется почва, на которой выросло помѣстное

землевладѣніе» 42—3. И въ другомъ мѣстѣ: «Въ ту пору, когда помѣстное землевладѣніе близко сходилось съ различными формами аренды» и т. д.—240.

Установляя такую точку зрѣнія на происхожденіе помѣстья, авторъ не можетъ присоединиться къ признаваемому историками-юристами различію между помѣстьемъ, наймомъ недвижимостей, пожизненнымъ ихъ владѣніемъ и т. д. Свое несогласіе съ ними онъ выражаетъ въ такой формѣ: «Принято проводить рѣзкое различіе между помѣстьемъ, съ одной стороны, оброчнымъ держаніемъ и пожизненнымъ владѣніемъ съ другой... Этотъ взглядъ требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ» и т. д.—24.

Таково новое объясненіе возникновенія помѣстій. Если авторъ полагаетъ, что юристы-историки не знали, что назначеніе помѣстья есть актъ распоряженія своей недвижимостью, что такимъ же актомъ распоряженія является отдача земли въ наемъ, въ пожизненное владѣніе и т. д., и что всѣ эти акты совершаетъ одно и то-же лицо, то онъ очень ошибается. Это было всегда и всѣмъ очень хорошо извѣстно. Но юристы-историки не находили нужнымъ указывать на это и сближать помѣстье съ арендой по той причинѣ, что это ровно ничего не объясняетъ. Если это дѣлаетъ нашъ авторъ, то потому только, что у него чрезвычайно смутныя понятія объ арендѣ. Что такое аренда? Слово это не извѣстно нашей древности, и авторъ сдѣлалъ бы лучше, если бы не употреблялъ его. Въ наше время это слово имѣетъ разныя значенія. Въ той сферѣ понятій, въ которой онъ вращается, оно теперь означаетъ договоръ найма недвижимостей и ничего болѣе. Это одинъ изъ видовъ имущественныхъ договоровъ. У автора же это широкое родовое понятіе, включающее въ себя множество отдѣльныхъ видовъ. То, что онъ считаетъ видами аренды, въ дѣйствительности не виды ея, а совершенно самостоятельныя отношенія. Къ видамъ аренды онъ относитъ, напримѣръ, аренду безвозмездную. Это, конечно, не аренда, а дареніе, или ссуда пользованія. Къ видамъ аренды относитъ онъ далѣе аренду пожизненную. Изъ сопоставленія страницъ—10, 17 и 38 видно, что пожизненной арендой онъ называетъ пожизненное владѣніе; къ пожизненному же владѣнію относитъ чрезвычайно разнообразныя и мало другъ на друга похожія отношенія, не отдавая себѣ ни малѣйшаго отчета въ этомъ разнообразіи и несходствѣ. Онъ относитъ къ формамъ пожизненнаго владѣнія, между прочимъ, отношенія монастыря къ жертвователю недвижимостей въ монастырь на поминъ души и тѣ своеобразныя сдѣлки, которыя имѣли мѣсто между вкладчиками въ монастыри денегъ и монастырями, одѣлявшими иногда такихъ вкладчиковъ своими землями. Это чрезвычайно разнообразныя отношенія, которыя ровно ничего не имѣютъ общаго съ арендой. Жертвователи недвижимостей въ монастыри не только оставляютъ за собой право пожизненнаго владѣнія и пользованія, но обу-

словливаютъ, иногда, свое пожертвованіе—неимѣніемъ дѣтей, если же родятся дѣти, то земли отдаютъ имъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ жертвователь сохраняетъ за собой пожизненное владѣніе, а за потомствомъ, буде таковое явится,—собственность. Точно также на очень разныхъ условіяхъ надѣляютъ монастыри своихъ вкладчиковъ. Иногда они предоставляютъ имъ даже право продать монастырскую землю, обязывая уплатить, въ такомъ случаѣ, извѣстную сумму въ монастырь. Такъ какъ монастырь, въ данномъ случаѣ, не имѣетъ вещнаго иска, а только искъ объ условленной суммѣ, то онъ собственно передаетъ вкладчику не пожизненное владѣніе, а право собственности на землю, хотя въ грамотѣ и пишетъ, что вкладчикъ не долженъ отчуждать землю. Все это чрезвычайно различныя сдѣлки, неимѣющія ничего общаго съ арендой, кромѣ того, конечно, что сдавать въ аренду и жертвовать въ монастырь можетъ одно и то-же лицо.

Не подходятъ подъ понятіе аренды и тѣ случаи, когда даритель выговариваетъ себѣ оброкъ отъ одаряемаго. Митрополитъ Геронтій далъ игумену Кузьминскаго монастыря воды по рѣкѣ Окѣ съ условіемъ: «съ тѣхъ водъ на мой погребъ оброкомъ съ году на годъ на Дмитріевъ день 4 бочки щучины да 2 бочки стерляжены да 2 бочки лещовины». Это условное пожалованіе, а не аренда. Такъ и понимали въ древности. Игумену дана была жалованная грамота, а не порядная.

Пользуясь сочиненіемъ проф. Горчакова и полемизируя съ нимъ, нашъ авторъ чрезвычайно своеобразно приводитъ его мнѣнія. «Но и его доводы, говоритъ онъ, не достигли достаточной опредѣленности». И затѣмъ цитуетъ слѣдующее мнѣніе проф. Горчакова: «Изъ отдачи земель каѳедры въ пожизненное владѣніе съ теченіемъ времени образовалась раздача земель въ помѣстье. Система раздачи земель каѳедры въ помѣстья явилась какъ дальнѣйшая ступень историческаго развитія отдачи каѳедрою земель въ пожизненное владѣніе». Все это дѣйствительно говоритъ проф. Горчаковъ, но автора это не удовлетворяетъ, а потому онъ спрашиваетъ: «Въ чемъ же состояла эта дальнѣйшая ступень развитія отдачи земель въ пожизненное владѣніе, какія обстоятельства переродили *эту форму аренды* въ помѣстье?» 17. Проф. Горчаковъ говоритъ не объ арендѣ, а о пожизненномъ владѣніи, которое, конечно, не смѣшиваетъ съ арендой. Но авторъ вездѣ видитъ свою излюбленную аренду и ничто же сумняся замѣняетъ пожизненное владѣніе пр. Горчакова арендой. Что юный ученый читалъ историковъ-юристовъ, это вѣрно; но что онъ ихъ понялъ, это сомнительно.

Наконецъ, видомъ аренды является у г. Рождественскаго и отношеніе намѣстниковъ и волостелей къ управляемому ими округу. Во второмъ примѣчаніи на страницѣ 16 онъ говоритъ: «Намѣстники и волостели со своими тіунами и доводчиками были правительственными арен-

даторами у князя-хозяина, подобно тому какъ перехожіе крестьяне были поземельными арендаторами у вотчинниковъ XV в. Сходство аренды того или другого вида простирается даже на ея условія». Къ чести автора надо сказать, что эта фраза сочинена не имъ. Но она оказалась на уровнѣ его историческаго пониманія, а потому онъ и усвоилъ ее себѣ. Мы имѣли уже случай коснуться этого невѣроятно смѣлаго сравненія старыхъ приказныхъ людей со съемщиками земли, но мимоходомъ: фантастичность этого уподобленія казалась намъ до такой степени очевидной, что мы не считали нужнымъ разъяснять его нелѣпость. Мы никакъ не думали, что это положеніе найдетъ подражателей и сдѣлается знаменемъ нѣкоторой ученой школы. Увы, это совершилось: мы имѣемъ дѣло съ ученикомъ этой школы. Въ виду такого факта, слѣдующее краткое разъясненіе, можетъ быть, не будетъ безполезно. Намѣстникъ есть органъ мѣстнаго управленія, получающій кормленіе и пошлину за совершаемые имъ акты суда и управленія; арендаторъ есть наниматель земли, обработывающій ее своимъ личнымъ или наемнымъ трудомъ; за право пользованія землей онъ платитъ ея хозяину частью деньгами, частью натурой, частью крестьянскимъ трудомъ. Намѣстникъ ничего князю не платитъ, а самъ получаетъ. Одно—есть отношеніе государственнаго права, другое—частнаго. Общаго между ними ничего нѣтъ. Авторъ утверждаетъ противное: онъ находитъ сходство «даже» въ условіяхъ аренды и дѣятельности намѣстниковъ. Неужели онъ не читалъ уставныхъ и послушныхъ грамотъ и крестьянскихъ порядныхъ? Конечно, читалъ; но, какъ и у проф. Горчакова, вездѣ видѣлъ свою излюбленную аренду.

Итакъ, авторъ имѣетъ чрезвычайно своеобразное понятіе объ арендѣ. Она представляется ему чѣмъ-то всеобъемлющимъ. Въ этомъ всеобъемлющемъ понятіи онъ и объединяетъ разнообразные акты распоряженія древнихъ собственниковъ своими недвижимостями. Помѣстье возникаетъ у него не какъ нѣчто самостоятельное, не какъ оригинальный способъ устройства служилыхъ людей, а въ связи съ арендой, какъ нѣкоторый ея видъ. Въ дѣйствительности же сама аренда есть только одинъ изъ видовъ распоряженія недвижимостями. Древніе собственники не только отдаютъ въ наймы свои земли, но дарятъ ихъ, жертвуютъ, продаютъ, закладываютъ, отдаютъ въ приданое и т. д. Все это отдѣльныя, самостоятельныя юридическія сдѣлки, связанныя между собой только единствомъ субъекта, и никакъ не могущія объяснить возникновенія одна другой: дарятъ не потому, что отдаютъ въ наймы, закладываютъ, жертвуютъ и проч.: продаютъ не потому, что дарятъ, отдаютъ въ наймы и пр. Такъ точно и въ помѣстья даютъ не потому, что въ аренду сдаютъ, дарятъ и проч. Каждая изъ такихъ сдѣлокъ имѣетъ свое особое специфическое основаніе и никакъ не можетъ объяснить возникновенія другой.

Но авторъ сильно настаиваетъ на близости помѣстья съ арендой и на возникновеніи перваго изъ второго. Онъ не отрицаетъ, что служебныя обязанности помѣщика составляютъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ помѣстнаго владѣнія, но «на практикѣ, говоритъ онъ, въ извѣстныхъ бытовыхъ условіяхъ, помѣстье не такъ далеко расходилось съ разными формами аренды на большихъ вотчинахъ. Вотчинникъ, сдавая отдѣльныя хозяйства въ аренду, конечно, выбиралъ арендаторовъ изъ того круга лицъ, съ которымъ онъ находился въ болѣе или менѣе постоянныхъ личныхъ сношеніяхъ... Человѣкъ, связанный съ вотчинникомъ личными служебными отношеніями, былъ, конечно, наиболѣе удобнымъ арендаторомъ его земель. Вмѣстѣ съ тѣмъ отдача земли въ аренду служилымъ людямъ была и однимъ изъ средствъ ихъ содержанія. Дѣйствительно, служилые люди богатыхъ вотчинниковъ получали земли не только въ помѣстье, но и въ аренду»... 25.

Итакъ, сродство въ томъ, что одно и тоже лицо можетъ получить отъ князя помѣстье и у него же арендовать земли. Но такимъ образомъ можно доказать сродство брака съ векселемъ и, слѣдуя пріемамъ юнаго ученаго, происхожденіе перваго изъ второго: подъ вексель можно занять деньги для того, чтобы сыграть свадьбу. Все длинное разсужденіе, изъ котораго мы выписали только небольшую часть, есть плодъ прискорбнаго недоразумѣнія и только. Всѣ правоспособные люди могутъ входить во всякія юридическія сдѣлки, но отсюда еще не слѣдуетъ, что эти сдѣлки близки между собой по своимъ юридическимъ признакамъ и способны порождать одна другую.

Выводы и обобщенія въ области исторіи не подлежатъ провѣркѣ путемъ строгаго опыта. Но въ исторической наукѣ существуетъ нѣкоторый суррогатъ опыта, который даетъ, иногда, возможность провѣрки. Къ счастью этотъ суррогатъ опыта можетъ быть примѣненъ къ провѣркѣ разсматриваемаго нами заключенія автора о происхожденіи помѣстья. Въ XIV и XVI в., говоритъ онъ,—были такія условія, при которыхъ въ большихъ вотчинахъ нельзя было вести хозяйство за счетъ собственника, что и вынудило обращаться къ посредникамъ въ формѣ разныхъ видовъ аренды. На этой почвѣ и возникли помѣстья.—Прекрасно. Если это такъ, то помѣстья должны возникать всякій разъ, какъ только есть на лицо указанныя г. Рождественскимъ условія. Въ дѣйствительности, однако, этого нѣтъ. И въ наше время есть мѣстности, въ которыхъ хозяйство ведется путемъ сдачи земель въ аренду, а помѣстья не возникаютъ. Почему же? Очень просто, потому что не въ этомъ причина ихъ возникновенія.

Какъ своеобразенъ и имѣетъ свою причину возникновенія каждый изъ тѣхъ актовъ распоряженія недвижимостями, которые авторъ по недоразумѣнію объединяетъ въ понятіи аренды, такъ своеобразно и по-

мѣстье и также имѣетъ свою особую причину возникновенія. Оно возникло не какъ видъ аренды, а какъ самостоятельное явленіе, обусловленное двумя причинами: политической и экономической. Политическая причина заключается въ томъ, что московскимъ государямъ нужны были слуги; экономическая—въ томъ, что этихъ слугъ они не могли содержать на денежное жалованье, потому что денегъ у нихъ было мало, земель-же у нихъ было довольно, они и стали раздавать земли на условіи службы. Такъ возникли помѣстья. И это давно всѣмъ извѣстно.

Когда появились помѣстья? Съ появленіемъ условій ихъ возникновенія. Но когда именно это случилось, этого мы не можемъ опредѣлить съ точностью. Наши памятники слишкомъ скудны. Но мы можемъ сказать, что эти условія были уже на лицо въ половинѣ XIV вѣка. Въ завѣщаніи Ивана Калиты написано: «А что есть купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, и далъ есмь Бориску Воркову, аже иметь сыну моему которому служити, село будетъ за нимъ; не иметь ли служити дѣтемъ моимъ, село отоимуть».

Вотъ древнѣйшій извѣстный намъ помѣщикъ. Г. Рождественскій дѣлаетъ опредѣленіе помѣстья, съ точки зрѣнія котораго и онъ долженъ признать Воркова помѣщикомъ. «Въ первой половинѣ XVI столѣтія, говоритъ онъ, ясно вырисовывается юридическая природа помѣстнаго владѣнія, опредѣляемая двумя существенными признаками: въ помѣстье земля дается подъ условіемъ службы и только въ личное владѣніе служилаго человѣка» 38. Воспользуемся этимъ опредѣленіемъ. Ворковъ получилъ село на условіи службы и только въ личное свое владѣніе, такъ какъ его право на село обусловлено его личной службой. Ворковъ несомнѣнный помѣщикъ. Помѣстья, слѣдовательно, существуютъ въ половинѣ XIV вѣка. Слова «помѣстье» могло тогда еще и не быть, какъ и наоборотъ, позднѣе слово это могло иногда употребляться и не точно, примѣръ чему приводитъ Неволинъ изъ жалованной грамоты в. к. Маріи отъ второй половины XV в.

Г. Рождественскому примѣръ Воркова не нравится. Онъ не хочетъ признавать его первымъ намъ извѣстнымъ помѣщикомъ. Не понимаемъ почему. Но такое отрицаніе факта, который нельзя оспаривать и съ его точки зрѣнія, не могло не отразиться чрезвычайно невыгодно на ученыхъ достоинствахъ его труда. Въ половинѣ XIV в. существуютъ уже помѣщики. Много ихъ было или мало, это все равно. Конечно, ихъ было немного; но помѣстье уже возникло. А нашъ юный ученый трудится надъ уясненіемъ условій возникновенія помѣстья по памятникамъ XVI и даже XVII в.! На страницѣ 10-й, гдѣ впервые онъ начинаетъ рисовать тѣ хозяйственныя условія, въ которыхъ должно было возникнуть помѣстье, приводятся факты второй половины XVI и начала XVII в. Разбродъ сельскаго населенія, породившій эти хозяйственныя условія,

есть фактъ XVI вѣка, какъ утверждаетъ нашъ авторъ вслѣдъ за своимъ учителемъ на страницѣ 13-ой и слѣдующей., гдѣ онъ приводитъ, въ видѣ примѣра, измѣненія, происшедшія въ хозяйственномъ состояніи нѣкоторыхъ вотчинъ Троицкаго монастыря.

Вотъ та «живая историческая перспектива, та причудливая послѣдовательность историческихъ процессовъ, которую до сихъ поръ скрывали отъ читателей искусственные пріемы историковъ-юристовъ». Дѣйствительно, авторъ правъ, послѣдовательность получилась у него по истинѣ причудливая: въ явленіяхъ XVI и XVII столѣтій онъ изучаетъ условія возникновенія отношеній, существовавшихъ уже два вѣка тому назадъ.

Авторъ считаетъ нужнымъ доказывать, что «въ вотчинѣ удѣльнаго князя военнослужилое землевладѣніе не было совершенно особымъ институтомъ, рѣзко разграниченнымъ отъ другихъ формъ дворцоваго служилаго землевладѣнія, выполнявшихъ совершенно другое назначеніе» 43. Ежели онъ дѣлаетъ это потому, что мысль свою считаетъ новой и неизвѣстной его предшественникамъ, то это напрасно. Въ исторіи гражданскихъ законовъ Неволина, вышедшей болѣе 40 лѣтъ тому назадъ, онъ могъ-бы прочитать, что помѣстья даются «служащимъ лицамъ», т. е. всякимъ служащимъ, а не однимъ военно-служащимъ. Перечисляя отдѣльные разряды лицъ, получавшихъ помѣстья, Неволинъ называетъ служилыхъ людей по придворной, гражданской и военной службѣ. Тутъ все сказано.

Послѣднія 15 страницъ введенія авторъ посвящаетъ вопросу о томъ, какъ случилось, что обязательная служба пала и на вотчины, и приходитъ къ такому заключенію: «Идея связи поземельныхъ отношеній съ служебными старше помѣстья; послѣднее является только одной изъ частныхъ формъ осуществленія этой идеи, а не единственнымъ и полнымъ ея воплощеніемъ, раньше помѣстья эта идея появляется въ широкой области вотчиннаго владѣнія» 60. Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться, но мы не будемъ опровергать его, такъ какъ и самъ авторъ не доказываетъ своего взгляда, а ограничивается лишь изложеніемъ его. При такой постановкѣ дѣла намъ пришлось-бы писать самостоятельное изслѣдованіе по этому предмету, что мы отлагаемъ до болѣе удобнаго времени.

Переходимъ къ первой главѣ, озаглавленной: Мобилизація вотчиннаго землевладѣнія и вотчинное законодательство XVI вѣка. Авторъ отправляется отъ такой точки зрѣнія. Для прочности военной организаціи московскаго государства служилая земля не должна была: во 1-хъ, выходить изъ службы и во-2-хъ, отдѣльныя хозяйства, которыя доставляли извѣстное количество боевой силы, не должны были дробиться и постоянно переходить изъ рукъ въ руки. Но эти два необходимыя условія нарушались оживленной мобилизаціей служилаго вотчиннаго

землевладѣнія. Мобилизація эта представляется автору «явленіемъ очень сложнымъ, она создавалась и поддерживалась не одной какой-либо силой, а нѣсколькими. Чтобы понять смыслъ и значеніе мобилизаціи XVI в., необходимо сначала послѣдовательно раскрыть живыя бытовыя условія и причины ея, а затѣмъ уже опредѣлить отношеніе къ ней законодательной мысли» 61—2.

Такова постановка вопроса. Изученіе «законодательной мысли», говоря проще, законодательства тоже входитъ въ планъ автора, но, говоритъ онъ, «законодательство, можетъ быть всесторонне понято только въ томъ случаѣ, если изучать его прежде всего не со стороны даваемыхъ имъ нормъ права, но какъ живой историческій фактъ, въ непосредственной связи съ тѣми живыми историческими процессами и явленіями, отраженіями которыхъ оно осталось» 62.

Отвѣтъ на поставленный вопросъ авторъ даетъ въ пяти раздѣлахъ первой главы.

Въ первомъ рѣчь идетъ о «первой основной силѣ, дробившей частновладѣльческую вотчину XV и XVI вв. и передававшей извѣстную часть ея въ неслужилыя руки» 62. Это—наслѣдственное право древней Руси. Хотя авторъ и находитъ, что «наслѣдственное право было первымъ основнымъ факторомъ мобилизаціи вотчиннаго землевладѣнія, разрушавшимъ его служилое значеніе» 75, но вовсе не считаетъ нужнымъ разсматривать этотъ факторъ во всей его полнотѣ. Онъ останавливается съ нѣкоторою подробностью только на наслѣдованіи женъ и дочерей. Въ концѣ этого раздѣла авторъ дѣлаетъ нѣсколько краткихъ замѣчаній о наслѣдованіи по Судебнику и указамъ 1562 и 1572 годовъ, отлагая разсмотрѣніе ихъ до четвертаго раздѣла. Заключеніе, къ которому онъ приходитъ, таково: «Въ общемъ надо признать, что сознаніе вреда земельной мобилизаціи, какъ результата извѣстныхъ порядковъ въ наслѣдованіи недвижимостей, заставило предпринять лишь нѣсколько частныхъ мѣръ, но не было настолько сильно, чтобы побудить къ кореннымъ реформамъ наслѣдственнаго права» 77.

Нисколько не смущаясь тѣмъ, что даже основной факторъ мобилизаціи не былъ на столько силенъ, чтобы побудить московское правительство къ кореннымъ реформамъ, авторъ въ слѣдующемъ раздѣлѣ указываетъ вторую причину мобилизаціи, это задолженность землевладѣльцевъ. «Недостатокъ населенія, рабочихъ рукъ и безденежье, развивая задолженность служилаго класса, сильно дѣйствовали на мобилизацію вотчиннаго землевладѣнія тѣмъ, что земля являлась мѣновою цѣнностью (?) и переходила постоянно изъ рукъ въ руки по долговымъ обязательствамъ и купчимъ сдѣлкамъ» 83. Авторъ полагаетъ, что служилые люди входили въ большіе долги для пріобрѣтенія боеваго снаряженія. «Экономическій кризисъ, безденежье и недостатокъ рабочихъ рукъ, который пе-

реживало московское общество XVI в., былъ опасенъ для государства прежде всего тѣмъ, что, вызывая мобилизацію служилой земли, передавалъ ее въ большомъ количествѣ въ неслужилыя руки». Государство, утверждаетъ авторъ, должно было обратить вниманіе на этотъ кризисъ. «Одной изъ первыхъ и важнѣйшихъ мѣръ является законодательная обработка родового выкупа» 90. «Интересы военной организаціи государства, читаемъ далѣе, были, конечно, главною цѣлью постановленій Судебника о выкупѣ, но они не имѣли всепоглощающаго значенія, передъ которымъ-бы исчезали всѣ другіе мотивы и интересы» 100. Такая непосредственная зависимость выкупа родовыхъ имуществъ отъ интересовъ службы даетъ автору поводъ сдѣлать обзоръ постановленій о выкупѣ.

Въ заключеніе онъ приходитъ къ такому выводу. «Не видно, однако, говоритъ онъ, чтобы интересъ государства, потребности государевой службы проходили бы такою же яркою нитью чрезъ законы о выкупѣ, какъ и чрезъ указы о земельныхъ вкладахъ въ монастыри.... Нельзя не замѣтить, что нѣкоторыми обычаями Судебникъ совсѣмъ не воспользовался, другіе формулировалъ не такъ, какъ того, повидимому, требовали интересы служилаго землевладѣнія... Право родового выкупа было обоюдоострымъ орудіемъ и для интересовъ военной организаціи. Во всемъ разнообразіи обычной практики оно еще болѣе развивало земельную мобилизацію» 99.

И въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, несмотря на весь вредъ мобилизаціи и даже на принятіе правительствомъ «важнѣйшихъ мѣръ» для ея ограниченія, продукты «законодательной мысли» только ухудшаютъ положеніе дѣлъ: законы о выкупѣ, главная цѣль которыхъ интересы военной организаціи, еще болѣе развили мобилизацію.

. Въ третьемъ раздѣлѣ авторъ указываетъ на новый факторъ мобилизаціи, которымъ является благочестивый обычай давать земли церквамъ и монастырямъ на устроеніе души. Онъ обращаетъ здѣсь особое вниманіе «на обычай, заключающійся въ томъ, что земля, даваемая монастырю вѣчнаго ради спасенія и небесныхъ благъ наслажденія, обыкновенно, не сразу поступала въ полное обладаніе монастыря, но оставалась въ пожизненномъ владѣніи вкладчика». «Духовныя, данныя, вкладныя и другія грамоты, продолжаетъ онъ, очень рѣдко разъясняютъ въ точности, какъ въ подобныхъ случаяхъ разграничивались права завѣщателя-вотчинника и монастыря... Туманность обоюдныхъ отношеній монастыря и завѣщателя зависитъ, впрочемъ, не столько отъ скудости источниковъ, сколько, вообще, отъ той неопредѣленности и хаотичности, какими отличались вотчинныя права и поземельныя отношенія древней Руси». Разсмотрѣвъ затѣмъ нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ надѣленія монастырей недвижимостями, авторъ приходитъ къ выводу: «Часть вотчины, предназначенная на вѣчное поминовеніе, задолго до смерти

вкладчика переходила въ юридическую собственность монастыря, т.-е. выходила изъ службы, одновременно оставаясь въ фактическомъ владѣніи служилаго человѣка» 107.

Противъ этого обильнаго источника обогащенія духовныхъ учрежденій правительство борется запрещеніемъ вкладовъ безъ доклада государю и замѣной ихъ взносомъ денежныхъ суммъ. Сдѣлавъ указаніе на всѣмъ извѣстныя постановленія по этому предмету, авторъ и въ этомъ случаѣ выражаетъ въ заключеніе свое недовольство результатами достигнутыми борьбой съ мобилизаціей: «Недостатокъ денежныхъ капиталовъ парализовалъ стремленіе законодательства замѣнить земельные вклады денежными. Дальше этой мѣры правительство не могло идти, такъ какъ не могло отрѣшиться отъ господствовавшихъ убѣжденій своего вѣка и воспретить всякіе вклады на поминъ души» 120.

Четвертый раздѣлъ авторъ начинаетъ заявленіемъ, что родовыя княжескія вотчины были предметомъ особенныхъ заботъ и тревогъ въ XVI в. «Результаты земельной мобилизаціи особенно рѣзко должны были обнаруживаться на княжескихъ вотчинахъ, благодаря ихъ величинѣ и въ особенности ихъ положенію и значенію въ военной организаціи государства... Понятно, что распаденіе этихъ вотчинъ и переходъ ихъ въ неслужилыя руки особенно чувствительно должны были отразиться на ней». Авторъ утверждаетъ, что правительство въ интересахъ военной организаціи поддерживаетъ «цѣлость» княжеской вотчины 121.

Согласно съ такимъ началомъ четвертаго раздѣла, авторъ далъ ему и соотвѣтственное заглавіе: Указы о княжескихъ вотчинахъ. Но уже на третьей страницѣ этого раздѣла онъ приходитъ къ мысли, что «вопросъ о княжескихъ вотчинахъ съ самаго начала не отдѣлялся отъ общаго вопроса о мобилизаціи служилаго землевладѣнія во всей его массѣ» 122.

Такимъ образомъ, мѣры, которыя правительство принимало по отношенію къ родовымъ княжескимъ вотчинамъ, распространялись на всѣ вотчины всѣхъ служилыхъ людей. Эту мысль онъ повторяетъ въ общемъ выводѣ и на страницѣ 127: «Итакъ, указъ 1562 г. не былъ указомъ, спеціально посвященнымъ княжескимъ вотчинамъ; но, по поводу этихъ вотчинъ и нѣкоторыхъ мѣстныхъ областныхъ привилегій, онъ далъ цѣлое общее узаконеніе, ограничившее право распоряженія служилыми родовыми вотчинами въ видахъ охраненія ихъ служилаго значенія».

Послѣдовавшій затѣмъ указъ 1572 г., по мнѣнію автора, «подтверждаетъ и обобщаетъ всѣ предыдущія мѣры противъ мобилизаціи служилыхъ земель. Здѣсь, видимо, вопросъ былъ поставленъ принципіально, а не по поводу нѣкоторыхъ отдѣльныхъ группъ земель. Поэтому и редакція указа 1572 г. отличается бо́льшею стройностью, сравнительно съ предыдущими. По отношенію къ вотчинамъ княжескимъ и боярскимъ указъ 1572 г. только подтверждаетъ общее постановленіе указа 1562 г....

Это постановленіе дополнено оговоркой, что его дѣйствію подлежатъ только родовыя вотчины, а не выслуженныя и не пожалованныя».... 127. «Итакъ,—заключаетъ авторъ свое разсужденіе,—узаконеній о княжескихъ вотчинахъ нельзя вырывать изъ послѣдовательной цѣпи законодательства о служиломъ землевладѣніи вообще. Вопросъ о княжескихъ вотчинахъ не разрѣшался въ отдѣльныхъ, спеціальныхъ указахъ, съ особой точки зрѣнія и на почвѣ особыхъ интересовъ, сравнительно съ другими разрядами служилыхъ вотчинъ. Государство стремилось спасти княжескія вотчины, какъ и всѣ другія служилыя земли, отъ разрушительной мобилизаціи, передававшей ихъ въ неслужилыя руки и подрывавшей военную организацію страны» 129.

Прочитавши эти строки, можно подумать, что московское правительство нашло, наконецъ, спасительныя средства противъ гибельной мобилизаціи и охранило служилое землевладѣніе отъ перехода въ неслужилыя руки. Ничуть не бывало. На послѣдней страницѣ первой главы авторъ въ четвертый разъ высказываетъ свое недовольство по поводу нерѣшительныхъ мѣръ противъ мобилизаціи. «Несмотря на отчетливое сознаніе гибельности мобилизаціи служилаго землевладѣнія, законодательная мысль не выработала послѣдовательной системы коренныхъ реформъ поземельныхъ отношеній служилаго класса. Она робко разбиралась въ запутанной и разнообразной практикѣ обычнаго права, давая свою санкцію, значеніе общихъ мѣръ тѣмъ отношеніямъ, которыя наиболѣе соотвѣтствовали въ данный моментъ насущнымъ потребностямъ государства. Но при этомъ законодательство не могло удержаться исключительно на точкѣ зрѣнія государственныхъ интересовъ..... Для коренной перестройки общественнаго быта у государства не хватало духовныхъ и матеріальныхъ силъ..... Какъ бы то ни было, законодательство XVI в. не могло остановить мобилизаціи вотчиннаго землевладѣнія, такъ какъ не въ силахъ было уничтожить въ корнѣ ея главныя причины».

Итакъ, московская законодательная мысль развивается вовсе не въ томъ направленіи, въ какомъ авторъ находитъ нужнымъ, чтобы она развивалась для собственнаго же своего блага. Не можемъ не пожалѣть, что авторъ не даетъ хотя краткаго перечисленія тѣхъ мѣръ, которыя московскому правительству слѣдовало бы принять въ собственномъ своемъ интересѣ; объ нихъ можно только догадываться. Лишеніе лицъ женскаго пола права наслѣдовать въ недвижимостяхъ не удовлетворило бы нашего юнаго политика; онъ находитъ вреднымъ самое дробленіе вотчинъ, такъ какъ оно «путаетъ организацію службы съ земли, нарушаетъ ея устойчивость и однообразіе, мѣшаетъ правильной и систематической регистраціи служебныхъ обязанностей земли» 74. Такимъ образомъ, для успокоенія автора потребовалось бы ввести единонаслѣдіе. Да и на этомъ нельзя было остановиться; надо было бы ограничить и

право распоряженія частями вотчинъ; если кто хотѣлъ продать, такъ долженъ былъ продавать все; закладывать тоже все. Завѣщательное право тоже слѣдовало или вовсе отмѣнить, или ограничить, предоставивъ назначать одного только наслѣдника, какъ это сдѣлалъ Петръ Великій. Надо согласиться съ авторомъ, у московскаго правительства не хватило духовныхъ силъ для такихъ мѣръ; а изъ послѣдующаго читатель увидитъ, что въ нихъ и надобности никакой не было, а потому и нисколько не удивительно, что правительство о нихъ и не думало.

Въ послѣднемъ раздѣлѣ авторъ останавливается на отношеніи церковнаго землевладѣнія къ служилому и указываетъ на то, что льготы духовныхъ учрежденій подлежали нѣкоторымъ ограниченіямъ. Такъ на земляхъ церковныхъ лежала обязанность участвовать въ платѣ ямскихъ денегъ, въ несеніи посошной службы, городового дѣла и т. д. Этотъ раздѣлъ авторъ заключаетъ очеркомъ дѣятельности Соловецкаго монастыря во второй половинѣ XVI в. Монастырь имѣлъ своихъ ратныхъ людей, сооружалъ остроги и дѣятельно подвизался на военномъ поприщѣ. За военныя услуги государи жаловали монастырь волостями съ обязательствомъ «всякія крѣпости и остроги дѣлать и ратныхъ людей устроить».

Такимъ образомъ, въ самомъ концѣ главы, въ которой авторъ широко распространяется о вредѣ перехода земель въ неслужилыя руки, мы встрѣчаемся съ фактомъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что разница между служилыми и неслужилыми руками не была уже такъ велика, какъ можно было думать по предшествующему изложенію. Неслужилыя руки, монахи, легко и умѣло брались за военное дѣло. Г. Рождественскій не задумывается надъ этой особенностью и не выводитъ изъ нея никакихъ послѣдствій. Объ этомъ нельзя не пожалѣть. Вдумайся онъ внимательно въ это явленіе, и ему вовсе не пришлось-бы сочинять свою книгу.

Мы изложили существеннѣйшія черты содержанія самой важной главы всего изслѣдованія. Это и есть обѣщанный «пересмотръ исторіи служилаго землевладѣнія съ тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя ставитъ современная литература по исторіи древне-русской культуры». Пересмотримъ и мы, но со старой точки зрѣнія ученые пріемы автора и добытые имъ результаты. Начнемъ съ замѣчанія о выборѣ темы.

Авторъ даетъ исторію землевладѣнія въ Московскомъ государствѣ XVI в. Что такое XVI в. въ исторіи землевладѣнія? Совершенно случайный періодъ времени, опредѣляемый годомъ рожденія І. Х. и не имѣющій рѣшительно никакого отношенія къ развитію служилаго землевладѣнія въ Москвѣ: оно не началось и не кончилось въ XVI в. Въ теченіе этого времени служилое землевладѣніе не можетъ быть изучаемо, какъ нѣчто цѣлое. Уже по этому одному трудъ г. Рождественскаго не можетъ имѣть никакой научной цѣльности и законченности. Авторъ,

надо полагать, самъ чувствовалъ не научность избраннаго имъ періода времени и тѣсноту его, а потому предпослалъ своему изслѣдованію обширное введеніе, гдѣ трактуетъ о возникновеніи служилаго землевладѣнія. Съ этого, конечно, надо было начать. Но вопроса этого нельзя рѣшать на основаніи явленій XVI вѣка, что авторъ, однако, дѣлаетъ, желая, можетъ быть, остаться послѣдовательнымъ и не выходить изъ предѣловъ XVI в. Такъ получилась историческая перспектива, прекрасно названная имъ «причудливой», но едва-ли составляющая его ученую заслугу.

Не будемъ, однако, отрицать, что, вырвавъ изъ исторіи служилаго землевладѣнія случайно сто лѣтъ съ 1500 по 1599 годъ, авторъ все-же могъ написать полезную книгу. Но для этого надо было остановиться на явленіяхъ XVI вѣка, собрать ихъ, привести въ систему и описать. Первый вопросъ, который долженъ былъ-бы разрѣшить авторъ, это вопросъ о видахъ служилаго землевладѣнія. И здѣсь онъ могъ-бы дополнить своихъ предшественниковъ, сведя въ одно цѣлое то, что у нихъ разбросано. Кромѣ помѣщиковъ и вотчинниковъ у насъ были и другіе служилые съ земли люди. Это, напримѣръ, городовые пограничные казаки, служилое землевладѣніе которыхъ представляетъ нѣкоторыя особенности. Они надѣлялись очень небольшими помѣстьями, по 20 четвертей на человѣка, съ которыхъ должны были нести казачью рядовую службу. Но если они изъявляли желаніе нести станичную службу, имъ прибавляли къ прежней дачѣ еще по 30 четвертей. Съ этихъ 50 четвертей и небольшого денежнаго жалованья, по 3 рубля въ годъ, имъ должны были служить сторожевую станичную службу на двухъ коняхъ. Эти станичники, несмотря на небольшой надѣлъ, оказали Московскому государству большую пользу, ограждая границы его отъ внезапныхъ набѣговъ и расширяя ихъ, постояннно передвигаясь все далѣе и далѣе на югъ и востокъ. Любопытно, что ихъ станичная служба, даже въ концѣ XVI в., была вольная. Они обязаны были нести только рядовую казачью службу, а отъ станичной могли отказаться и въ этомъ случаѣ лишались прибавки, которая давалась новымъ охотникамъ.—Можетъ быть, были и какія нибудь другія разновидности служилаго землевладѣнія, кромѣ этихъ крайне подвижныхъ станичныхъ земель? Второй еще болѣе интересный вопросъ и совсѣмъ еще не разобранный, это вопросъ о размѣрахъ военной повинности съ земли, для разъясненія котораго въ послѣднее время появились въ печати нѣкоторые новые матеріалы. На эти вопросы и должно было-бы, между прочимъ, отвѣтить новое изслѣдованіе о служиломъ землевладѣніи XVI в. Но авторъ не останавливается ни на точномъ опредѣленіи мѣры военной повинности, ни на видахъ служилаго землевладѣнія, а ведетъ рѣчь только о помѣстьяхъ и вотчинахъ.

Какую-же работу совершаетъ онъ надъ помѣстьями и вотчинами?

Характеръ своей работы онъ опредѣляетъ въ самомъ началѣ первой главы: переходъ земель въ неслужилыя руки вреденъ для службы, дробленіе служилыхъ участковъ—также вредно, а потому не должно быть ни перехода, ни дробленія. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія онъ и разсматриваетъ служилое землевладѣніе и вотчинное законодательство XVI в. Результатъ разсмотрѣнія, какъ мы уже знаемъ, оказался очень невыгоденъ для «законодательной мысли» Московскаго государства. Итакъ, по тому, какъ поставленъ авторомъ вопросъ, первая глава вовсе не есть пересмотръ исторіи служилаго землевладѣнія, это трактатъ о законодательной политикѣ Московскаго государства въ XVI в. по вопросу о служиломъ землевладѣніи. Авторъ желаетъ разсмотрѣть, соотвѣтствовало-ли московское законодательство тѣмъ цѣлямъ, которыя оно должно было-бы преслѣдовать въ виду его военной организаціи. Можно, конечно, и такъ поставить вопросъ. Жаль, только, что авторъ самъ не видитъ разницы между пересмотромъ исторіи служилаго землевладѣнія и тѣмъ трактатомъ по исторіи московской земельной политики, который онъ даетъ въ своей первой главѣ. Послѣдуемъ за авторомъ въ разсмотрѣніи вопроса о томъ, насколько московское правительство достигало въ своемъ законодательствѣ о служиломъ землевладѣніи тѣхъ цѣлей, которыя ему ставитъ нашъ новый ученый политикъ.

Авторъ, какъ мы знаемъ, отправляется отъ такого положенія: выходъ земли изъ службы и дробленіе служилыхъ участковъ вредно, а потому и не должно быть допускаемо. Съ этой точки зрѣнія онъ и разсматриваетъ московское законодательство. Но что такое выходъ земли изъ службы и въ чемъ его вредъ, эти вопросы онъ считаетъ до такой степены ясными, что не находитъ нужнымъ на нихъ и останавливаться. «Ущербъ для государевой службы,—говоритъ онъ,—отъ перехода извѣстной части служилой земли въ руки женщинъ ясенъ и не требуетъ доказательствъ» 62. Очень жаль, автору слѣдовало-бы выяснить, что онъ разумѣетъ подъ выходомъ изъ службы и какой тутъ ущербъ. Изъ разныхъ мѣстъ его книги видно, что подъ выходомъ земли изъ службы онъ разумѣетъ поступленіе ея къ лицамъ женскаго пола и въ духовныя учрежденія. То и другое для него безразлично вредный выходъ. Это неправильно. Такъ-какъ авторъ молчитъ, то приходится говорить намъ. Вопросъ о выходѣ земли изъ службы прежде всего сводится къ вопросу о томъ, на какихъ земляхъ лежала служилая повинность? Авторъ полагаетъ, что она не лежала на земляхъ лицъ женскаго пола и церковныхъ, а потому поступленіе къ нимъ земли считаетъ выходомъ изъ службы. Не вѣрно. Военная повинность лежала на всѣхъ вотчинахъ, кому-бы онѣ ни принадлежали. Это опредѣлено Иваномъ Грознымъ въ 1556 году. Онъ установилъ обязательную службу съ вотчинъ въ такомъ размѣрѣ: со 100 четвертей доброй земли надо было выставлять чело-

вѣка на конѣ и въ полномъ доспѣхѣ, а въ дальній походъ на двухъ коняхъ. Кто уклонялся отъ такой службы, долженъ былъ платить деньги. Это общая повинность, возложенная на землю, а не на владѣльцевъ. Ее должны были нести всѣ вотчинники, какъ служилые люди, такъ и ихъ вдовы, дочери и церковныя учрежденія. Что это было такъ, подтверждается и указами начала XVII в., стоящими въ самой тѣсной связи съ распоряженіемъ Грознаго. Въ 1604 г. состоялось соборное опредѣленіе, въ которомъ говорится, что ратная повинность, установленная Грознымъ, «вельми тяжка», а потому на будущее время служилые люди, если сами не могутъ быть на службѣ по старости, болѣзни и проч., должны выставлять «холопа съ 200 четвертей съ конемъ и полнымъ доспѣхомъ». Тѣмъ, кто за ранами и увѣчьемъ получитъ отпускъ отъ службы, дается льгота: они въ теченіи двухъ лѣтъ могутъ не выставлять холоповъ. Такая-же двухлѣтняя льгота дается и лицамъ женскаго пола, мужья и отцы которыхъ убиты на войнѣ, или взяты въ плѣнъ. Духовныя учрежденія не пользуются никакой льготой. Если они не вышлютъ даточныхъ людей, или вышлютъ, но не въ полномъ доспѣхѣ, съ нихъ приказано взыскивать по 15 р. за человѣка, а людей все-таки взять и опредѣлить въ стрѣльцы. Это касается митрополитовъ, архіепископовъ, монастырей и проч. Довольно скоро, однако, правительство возвратилось къ прежнему размѣру ратной повинности. Въ наказѣ Пожарскому отъ 1617 г. читаемъ: «А которые дворяне и дѣти боярскіе отъ службы отставлены... и съ тѣхъ съ отставныхъ и со вдовъ и съ недорослей... взяти даточныхъ людей со 100 четвертей по человѣку» [1]). Все это давно извѣстно и указано еще Неволинымъ. Но нашъ юный политикъ относится къ юристамъ нѣсколько отрицательно; онъ могъ-бы, однако, найти такія-же указанія и у духовныхъ писателей. Преосвященный Макарій въ своей исторіи церкви приводитъ фактъ сбора ратныхъ людей, пѣшихъ и конныхъ, даже не съ земли, а съ городовыхъ дворовъ новогородского духовенства для казанскаго похода въ 1545 году. Въ томъ-же году были привлечены къ поставкѣ ратныхъ людей и всѣ крестьяне новогородскаго владыки. Не мало было случаевъ привлеченія къ ратной службѣ даже посадскихъ людей.

Итакъ, переходъ земель въ женскія руки и въ монастыри вовсе не соединялся съ ущербомъ для государевой службы, и опасенія юнаго политика чрезвычайно преувеличены, можно даже сказать, что они совершенно напрасны.

---

[1]) Это опредѣленіе размѣра военной повинности надо понимать въ смыслѣ опредѣленія общей ея нормы. Дѣйствительная-же повинность могла весьма колебаться въ зависимости отъ хозяйственнаго положенія служилаго человѣка, которое, конечно, очень разнообразилось. Разъясненіе вопроса о дѣйствительной военной тягости и составляетъ одну изъ задачъ исторіи служилаго землевладѣнія.

Но авторъ правъ, говоря, что въ XVI в. раздаются жалобы на выходъ земли изъ службы. Что-же это значитъ? Эти жалобы направлены только противъ перехода вотчинныхъ земель къ духовнымъ учрежденіямъ и никогда—къ лицамъ женскаго пола; имѣютъ они слѣдующее основаніе. Правительству нужны были не одни только ратники, эти пѣшки военной организаціи; ему нужны были и служилые люди въ высшемъ смыслѣ этого слова, служилые люди на всякія приказныя мѣста и во всякія посылки; ему нужны были начальные люди, которыми можно было-бы держать государство. Эти служилые люди также содержались съ вотчинъ и помѣстій и средства ихъ содержанія истощались, если они передавали свои вотчины, на поминъ души, въ монастыри. Вотъ эти-то органы управленія государствомъ страдали отъ перехода земли къ монастырямъ, а не военная служба, которую монастыри могли превосходно отправлять, и дѣйствительно отправляли, какъ это видно на примѣрѣ Соловецкаго монастыря и другихъ.

Эту мысль о земельномъ устройствѣ правительственнаго класса довольно ясно высказалъ в. к. Иванъ Васильевичъ, потребовавшій селъ и волостей у Новгорода, чтобы ему было чѣмъ государство держать. Села и волости могли отправлять ратную службу, и состоя за владыкой, и дѣйствительно отправляли. Но Ивану Васильевичу не это было нужно, ему надо было имѣть подъ руками правительственный классъ. Для надѣленія его онъ и потребовалъ себѣ селъ и волостей. Другой такой случай устройства начальныхъ людей встрѣчается при Грозномъ. Въ 1550 году онъ изпомѣстилъ въ Московскомъ уѣздѣ тысячу дѣтей боярскихъ и дворянъ лучшихъ «для всякихъ посылокъ». Такъ образовались московскіе дворяне, этотъ главный контингентъ правительственныхъ лицъ, которые всегда были подъ рукою царя и назначались во всякія государственныя должности.

Если бояре, дѣти боярскіе и дворяне отдавали свои вотчины въ монастыри, они ослабляли этимъ положеніе своего правительственнаго класса. Вотъ гдѣ причина жалобъ на выходъ земли изъ службы; борьба шла изъ-за земельной собственности, а не изъ-за военной повинности съ земли. Къ этой политической причинѣ борьбы съ церковнымъ землевладѣніемъ прибавился еще и нравственный мотивъ—нестяжателей. Все это давно извѣстно и много разъ было хорошо описано.

Утверждая, что переходъ земель въ руки женщинъ вреденъ для службы, авторъ дѣлаетъ сугубую ошибку. Земли эти несли ратную повинность и служили вмѣстѣ съ тѣмъ къ обезпеченію правительственнаго класса, къ которому, конечно, принадлежали жены и дочери начальныхъ людей. Въ нашихъ памятникахъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы на переходъ земель къ женщинамъ смотрѣли, какъ на ихъ выходъ изъ службы. Совершенно наоборотъ, правительство само заботилось объ обез-

печеніи земельнымъ надѣломъ вдовъ и дочерей умершихъ служилыхъ людей. Съ этою цѣлью въ XVI в., во 1-хъ, вотчины жаловались не одному мужу, но и его женѣ; во 2-хъ, дочерямъ умершихъ служилыхъ людей было даровано право получать опредѣленные участки изъ помѣстныхъ дачъ ихъ отцовъ при наличности братьевъ; такое-же право наслѣдованія въ помѣстьяхъ предоставлено было и вдовамъ умершихъ. Обо всемъ этомъ нашъ авторъ легко могъ-бы узнать изъ Неволина.

Точно также не имѣетъ ни малѣйшаго основанія и второе руководящее правило, котораго должна была-бы держаться политика Московскаго государства, это—не дробимость отдѣльныхъ хозяйствъ, доставлявшихъ извѣстное количество боевой силы. И понять невозможно, откуда почерпнулъ авторъ такое правило. Развѣ ратная служба не опредѣлялась четвертями земли? Это надо было-бы доказать. Подробности и частности опредѣленія мѣры военной повинности намъ неизвѣстны; но изъ выше приведенныхъ свидѣтельствъ видно, что и въ XVI и въ XVII в. общая мѣра этой повинности опредѣлялась въ зависимости отъ числа четвертей. А при такомъ способѣ обложенія было рѣшительно все равно, дробится вотчина или нѣтъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что авторъ установилъ двѣ совершенно произвольныхъ точки зрѣнія, не имѣющихъ ни малѣйшей опоры въ дѣйствительности, и подъ ихъ угломъ желаетъ обозрѣвать московское вотчинное законодательство. Что можетъ получиться въ результатѣ такого обозрѣнія? То, что получилось, т.-е. рѣшительно ничего: московское законодательство шло вовсе не въ томъ направленіи, какъ этого желаетъ нашъ юный политикъ. Онъ желаетъ, чтобы правительство лишило женщинъ права наслѣдованія, ограничило мужчинъ въ ихъ правахъ распоряженія вотчинами и т. д., а московское правительство, введя помѣстную систему, мало-по-малу сближаетъ не вотчины съ помѣстьями, какъ нужно автору, а помѣстья съ вотчинами. Первоначально помѣстье не наслѣдовалось, и помѣщику не принадлежало право распоряженія помѣстьемъ, у него было только право пользованія salva rei substantia. А съ теченіемъ времени—помѣстье начинаетъ переходить по наслѣдству къ дѣтямъ и другимъ родственникамъ помѣщика и въ рукахъ помѣщика оказываются даже нѣкоторыя права распоряженія помѣстьемъ. т.-е. средства гибельной мобилизаціи, и это въ предѣлахъ того-же XVI в. Обо всемъ этомъ нашъ авторъ могъ-бы узнать опять изъ Неволина. Къ сожалѣнію, онъ этого не сдѣлалъ и совершенно понапрасну потерялъ свое время.

Но этимъ не оканчиваются злоключенія служилаго землевладѣнія въ XVI в. Они только начинаются тамъ, гдѣ авторъ приступаетъ къ изслѣдованію вотчиннаго законодательства по новому способу, имъ изобрѣтенному.

Приступая къ разсмотрѣнію того, въ какихъ размѣрахъ наслѣдствен-

ныя права женщинъ причиняли ущербъ государственной службѣ, онъ высказываетъ такое положеніе: «Объемъ и характеръ наслѣдственныхъ правъ жены на имущество мужа, довольно полно и разносторонне характеризуются частными актами, особенно духовными грамотами XV и XVI в.» (63) и затѣмъ приводитъ рядъ примѣровъ изъ завѣщаній княжескихъ и частныхъ лицъ. Это глубокое заблужденіе, вытекающее изъ полнаго незнанія различія между наслѣдованіемъ по закону и наслѣдованіемъ по завѣщанію. Наслѣдственныя права вдовъ можно узнать только изъ постановленій закона (или обычныхъ нормъ) объ этомъ предметѣ, а никакъ не изъ духовныхъ завѣщаній. Изъ духовнаго завѣщанія можно узнать только наслѣдственныя права извѣстной жены, которой въ этомъ завѣщаніи что-либо отказано, а ни какъ не женъ вообще. Если-бы всѣ мужья, умершіе, напримѣръ, въ 1561 году, отказали все свое имущество женамъ, то изъ этого всетаки не будетъ слѣдовать, что жены вообще имѣютъ наслѣдственное право на все имущество своихъ мужей. Если всѣ мужья, умершіе въ 1861 году, отказали все свое имущество женамъ, то вовсе не потому, что у женъ было наслѣдственное право на все имущество мужей, а потому, что мужья, въ данномъ случаѣ, такъ хотѣли; это была ихъ добрая воля, а не право женъ.

На страницѣ 63-й читаемъ: «Въ случаѣ отсутствія дѣтей, жена могла стать первой наслѣдницей даже родоваго имущества». И далѣе: «Если жена дѣлалась наслѣдницей мимо братьевъ, то тѣмъ менѣе могли ее заслонить племянники». Все это утверждается на основаніи духовныхъ грамотъ. А какой-бы сдѣлалъ выводъ авторъ, если-бы Дмитрій Плещеевъ, завѣщаніе котораго онъ приводитъ, отказалъ свою родовую вотчину не женѣ, а посторонней дамѣ, что онъ имѣлъ полное право сдѣлать и даже при наличности дѣтей? Конечно, такой: посторонняя дама имѣетъ право наслѣдовать умершему постороннему мужчинѣ не только прежде его племянниковъ и родныхъ братьевъ, но даже жены и дѣтей. Удивительное получается право наслѣдованія при примѣненіи вновь открытаго г. Рождественскимъ способа изслѣдованія.

Что наше предположеніе о возможности отказывать имѣніе лицамъ постороннимъ, при наличности законныхъ наслѣдниковъ, не есть измышленіе празднаго остроумія, а историческій фактъ, въ этомъ можно убѣдиться изъ законодательныхъ памятниковъ московскаго времени. Въ XVII вѣкѣ обычай дарить при жизни и отказывать на случай смерти все свое имущество постороннимъ лицамъ получилъ такое развитіе, что вызвалъ вмѣшательство законодателя. Изъ указовъ 1679 года узнаемъ, что вотчинники, имѣющіе дѣтей, не только отказывали свои имѣнія чужеродцамъ, но и при жизни своей дарили ихъ постороннимъ людямъ. Такое положеніе вещей вызвало жалобы со стороны дѣтей и другихъ родственниковъ, которыя и повели къ первымъ ограниченіямъ завѣщатель-

ныхъ распоряженій и дареній. Но ограниченія эти коснулись только родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ; купли-же можно было и послѣ указовъ 1679 года и дарить и завѣщать кому угодно, при наличности дѣтей.

Совершенно такіе-же пріемы изслѣдованія примѣняетъ юный ученый и къ раскрытію наслѣдственныхъ правъ дочерей. На страницѣ 67 читаемъ: «Тѣ-же моменты можно отмѣтить и въ развитіи наслѣдственныхъ правъ дочерей на имущество отца. Сначала обычай, повидимому, строго держался принципа, что при братьяхъ сестра не вотчинница. Практическое приложеніе этого принципа особенно ясно выразилось въ тѣхъ случаяхъ, когда завѣщатель оставляетъ беременную жену. Въ случаѣ рожденія сына, ему безраздѣльно отказывалась вся вотчина и кассировалось все ранѣе сдѣланное распредѣленіе имущества между женой, дочерями и другими родичами». И затѣмъ приводится завѣщаніе кн. И. Ѳ. Судскаго, въ которомъ онъ отказываетъ дочерямъ свои села и деревни, но съ оговоркой, «а пошлетъ Богъ сына, ино сыну моему вотчина вся. села и деревни».

Эта выписка опять свидѣтельствуетъ о совершенномъ неумѣніи автора разобраться въ правахъ наслѣдованія по закону и по завѣщанію. Изъ словъ автора слѣдуетъ, что И. К. Судскій былъ обязанъ отказать свою вотчину сыну, ибо онъ видитъ въ этомъ практическое приложеніе принципа: сестра при братьяхъ не вотчинница. Ничего такого не было. Положеніе: сестра при братьяхъ не вотчинница—имѣетъ мѣсто въ наслѣдованіи по закону, а не по завѣщанію, а потому кн. Судскій могъ отказать свою вотчину не только дочерямъ, но и постороннимъ лицамъ при наличности сына. Если онъ вспоминаетъ о возможности рожденія сына и мѣняетъ, въ случаѣ осуществленія этой возможности, свое распоряженіе, это его добрая воля, а не примѣненіе правила, которое къ завѣщаніямъ вовсе не относится.

На слѣдующей страницѣ авторъ приводитъ завѣщаніе Ѳ. Гр. Ракитина. Онъ также назначаетъ части дочерямъ и женѣ, но, въ случаѣ рожденія сына, не лишаетъ дочерей имъ назначеннаго, а даетъ сыну одно изъ селъ, отказанныхъ женѣ. Этотъ случай приводитъ автора къ слѣдующему заключенію: «Наконецъ, послѣднею ступенью въ развитіи наслѣдственныхъ правъ дочери было признаніе ея права на полученіе даже наслѣдства наравнѣ съ братомъ». Ошибка на ошибкѣ и только. Ни въ XVI, ни въ какомъ другомъ вѣкѣ, съ Русской Правды начиная и оканчивая послѣднимъ изданіемъ Свода Законовъ, по русскому праву (иначе по византійскому) сестры при братьяхъ не имѣли равныхъ съ ними наслѣдственныхъ правъ; но по завѣщанію могли получить и больше братьевъ, за исключеніемъ родовыхъ имуществъ, съ того довольно поздняго времени, когда касающееся этихъ имуществъ различіе въ наслѣдованіи уста-

новилось. То-же неумѣнье разобраться въ наслѣдованіи по закону и по завѣщанію находимъ и въ послѣдней главѣ изслѣдованія.

Приведемъ изъ того-же перваго раздѣла первой главы еще нѣсколько положеній, о возможности которыхъ никто и не подозрѣвалъ до появленія въ свѣтъ изслѣдованія г. Рождественскаго.

На страницѣ 64-й напечатано: «Часто имущество отказывается безраздѣльно женѣ и дѣтямъ. Такой порядокъ вызывался, естественно, малолѣтствомъ дѣтей, невозможностью произвести между ними раздѣлъ при жизни завѣщателя». Что это, обмолвка или недомолвка, такъ легко допускаемая главою той ученой школы, къ которой принадлежитъ нашъ авторъ? При жизни завѣщателя, завѣщаніе находится подъ замкомъ и никакого исполненія по немъ производить нельзя, а слѣдовательно, и дѣлежа, а вовсе не по малолѣтству. Но этого несчастнаго раздѣла малолѣтнихъ авторъ еще разъ касается на страницѣ 71-й: «Естественно, говоритъ онъ, что прежде другихъ выдѣлялись старшіе наслѣдники, тогда какъ малолѣтство хотя-бы одного изъ нихъ дѣлало невозможнымъ окончательный реальный раздѣлъ между наслѣдниками». Ясно, что авторъ видитъ въ малолѣтствѣ препятствіе къ раздѣлу. Этого никогда не было, за исключеніемъ одного правила Эклоги; но это византійское право, а авторъ говоритъ о русскомъ. Откуда-же онъ взялъ такое правило? Онъ приводитъ доказательства. «Напримѣръ,—говоритъ онъ, въ 1516—17 г. четверо братьевъ Пересвѣтовыхъ подѣлили между собой вотчину отца своего: старшему достались двѣ деревни, а тремъ младшимъ сообща одно село и полъ деревни» Были-ли младшіе малолѣтними, этого изъ приведенной цитаты не видно. Но если и были, цитата доказываетъ противное, т.-е. возможность дѣлежа: младшіе раздѣлились со старшимъ. Слѣдующее доказательство такое. «Въ 1587—88 г. Марія Ромейкова, при своемъ животѣ, благословила сына своего, Ивана, частью отца его вотчины, остальная часть которой осталась въ общемъ владѣніи 3-хъ братьевъ его». Вторая половина приведеннаго авторомъ свидѣтельства въ подлинномъ актѣ изложена такъ: «А язъ, Моисей, да язъ, Кирило, да язъ, Василій, подѣлили есмя межъ собою полюбовно съ братомъ своимъ съ Иваномъ, отца своего вотчину»... Здѣсь уже ясно, что три брата не малолѣтки, они сами дѣлятся. Вотъ и всѣ доказательства. Они доказываютъ противное тому, что угодно автору доказать, и свидѣтельствуютъ о совершенномъ отсутствіи у него вниманія къ наблюдаемымъ явленіямъ.

На страницѣ 75-й, продолжая сѣтовать на излюбленную тему о множествѣ причинъ гибельной мобилизаціи, авторъ говоритъ: «Въ третьихъ, слишкомъ прямолинейное понятіе равнаго дѣлежа, отсутствіе денежной оцѣнки имущества, приводило къ крайней степени фактическаго дробленія имущества». Эпитетъ «фактическій» представляетъ, конечно, недомолвку или обмолвку, ибо при дѣлежѣ наслѣдства, о чемъ тутъ рѣчь, дѣло идетъ

не о фактическомъ только дѣлежѣ; но мы не на это хотимъ обратить вниманіе читателя, а на отсутствіе у насъ денежной оцѣнки имущества въ XVI в. Этого отсутствія не было. Въ извѣстной Сандуновской грамотѣ говорится, что за села берутся деньги по цѣнѣ и выше цѣны. А на страницѣ 112-й и самъ авторъ приводитъ указъ 1557 г., въ которомъ говорится о выкупѣ вотчинъ по оцѣнкѣ. Авторъ до крайности увлекается любимой идеей о вредѣ мобилизаціи и ничего изъ-за нея не видитъ.

Переходимъ ко второму раздѣлу. Здѣсь авторъ высказываетъ новое мнѣніе о мотивахъ законодательной обработки родоваго выкупа. Онъ полагаетъ, что главнымъ мотивомъ было соображеніе о пользахъ военной организаціи, стремленіе стѣснить мобилизацію служилаго землевладѣнія, сохранить его устойчивость. Изъ всѣхъ предположеній, которыя дѣлались для объясненія появленія родоваго выкупа, предположеніе нашего юнаго политика самое невѣроятное и самое непостижимое. Что такое родовой выкупъ? Это право родственниковъ продавца стать на мѣсто покупателя, взявъ у него вотчину и удовлетворивъ его издержки, сдѣланныя при покупкѣ имѣнія изъ чужого рода. Почему устойчивость служилаго землевладѣнія сохраняется въ томъ случаѣ, когда земли обращаются въ предѣлахъ рода, и нарушается, если онѣ переходятъ въ чужой? Авторъ этого не доказываетъ, да и доказать этого нельзя. Что-же касается соображенія «о стѣсненіи мобилизаціи», то выкупъ не стѣсняетъ ее, а усиливаетъ, ибо даетъ родственнику право выкупить, т.-е. совершить новый актъ мобилизаціи, котораго безъ права выкупа не было-бы. Итакъ, соображенія автора о мотивахъ выкупа не имѣютъ ни малѣйшаго основанія.

Родовой выкупъ возникъ путемъ обычая; онъ существовалъ на практикѣ гораздо прежде того времени, когда законодательство обратило на него вниманіе и опредѣлило его порядокъ. Частный-же обычай, конечно, возникъ въ частныхъ интересахъ, а не въ интересахъ государственныхъ. Какіе это интересы, это можетъ быть спорно, а потому и не будемъ о нихъ говорить. Узаконивъ выкупъ, правительство придало-ли ему характеръ, способный оградить интересы военной службы? Ни малѣйшимъ образомъ: правила Судебника не ставятъ выкупъ ни въ какое отношеніе къ службѣ. Выкупать могутъ служилые люди у служилыхъ: земля остается служилой и у покупщика и у выкупателя. А вотъ что касается рукъ не служилыхъ, монастырей и пр., то у нихъ нельзя выкупать, и это признаетъ самъ авторъ. Гдѣ-же интересы службы, обезпечиваемые законодательствомъ?

Этого мало. Судебникъ предоставляетъ право выкупа сестрамъ продавца; а переходъ земли къ женщинамъ, по мнѣнію автора, дѣлаетъ ее не служилою. Что-же получается? Вотчина въ рукахъ мужчины покупателя—служилая земля. Но не проходитъ недѣли, является сестра

продавца, выкупаетъ вотчину и дѣлаетъ ее не служилой. Родовой выкупъ, въ которомъ авторъ видитъ средство сохраненія устойчивости служилаго землевладѣнія, ведетъ къ переходу земли изъ служилыхъ рукъ въ неслужилыя. Сестры въ Судебникѣ поименованы и авторъ, конечно, читалъ Судебникъ. Мало того, что читалъ, онъ самъ приводитъ эту статью. Такъ пересматривается въ наше время исторія и хотятъ, чтобы мы думали, что этотъ пересмотръ дѣлается съ тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя ставитъ современная литература по исторіи древне-русской культуры. Нельзя не пожалѣть объ этой литературѣ, если только авторъ правъ.

Итакъ, о родовомъ выкупѣ, какъ средствѣ охраненія устойчивости военной организаціи, не можетъ быть никакой рѣчи.

Заговоривъ о выкупѣ, авторъ счелъ нужнымъ привести правила выкупа. Въ этомъ, конечно, не было никакой надобности, такъ какъ эти правила давно приведены въ извѣстность и прекрасно изложены еще Неволинымъ. Можетъ быть авторъ хотѣлъ поправить Неволина? Онъ, дѣйствительно, отступаетъ отъ его изложенія, но не въ интересахъ истины. На страницѣ 99 читаемъ: «Охраняя служилый классъ отъ обезземеленія, право родового выкупа могло служить вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ вредной для государства земельной спекуляціи, посредствомъ перепродажи и перезалога выкупленныхъ вотчинъ». Совершенно напрасное опасеніе. Во избѣжаніи спекуляціи Судебникъ воспрещаетъ выкупать вотчины на занятыя деньги, а также закладывать ихъ и продавать въ чужой родъ. Нѣсколько строкъ ниже читаемъ: «Установленіе сорокалѣтняго срока для выкупа можно объяснить тѣмъ соображеніемъ, что за это время вотчина, проданная въ чужой родъ, превращалась и здѣсь въ родовое имущество»... Совершенно новое положеніе: истеченіемъ сорокалѣтняго срока купленная вотчина обращается въ родовую! Сомнѣваемся, чтобы это открытіе составило ученую заслугу автора. Но всѣхъ его открытій и перечесть нельзя.

Переходимъ къ третьему раздѣлу. Автора продолжаетъ озабочивать все тотъ-же излюбленный имъ и совершенно безплодный вопросъ о вредѣ мобилизаціи. Частные люди дѣлаютъ вклады въ монастыри, выговаривая себѣ пожизненное владѣніе. Авторъ очень опасается, что такой порядокъ вещей можетъ быть источникомъ большихъ злоупотребленій по службѣ. Допустимъ вмѣстѣ съ нимъ, что вотчина, оставшаяся въ пожизненномъ владѣніи служилаго человѣка, еще при его жизни, записана въ писцовыхъ книгахъ за монастыремъ. Ни малѣйшаго злоупотребленія по службѣ здѣсь не возникаетъ. Земля числится за монастыремъ, а потому, монастырь, въ случаѣ надобности, и выставляетъ столько ратниковъ, сколько за нимъ записано сотенъ четвертей земли. Если воображенію автора вездѣ рисуются страхи, это надо объяснять тѣмъ, что онъ не зналъ, что и на монастырскихъ земляхъ лежала обязанность службы. Онъ безпокоится

совершенно напрасно. Но это-бы еще не бѣда, а бѣда въ томъ, что, при анализѣ отдѣльныхъ случаевъ мобилизаціи, мы опять встрѣчаемся или съ невѣроятнымъ смѣшеніемъ юридическихъ понятій, или съ такой небрежностью языка, которая совершенно недопустима въ такомъ серьезномъ трудѣ. На страницѣ 105 авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ вкладовъ, и всякій разъ называетъ вкладчика завѣщателемъ. Это или смѣшеніе данной съ завѣщаніемъ, или обмолвка. Въ послѣдномъ случаѣ ученикъ даже превзошелъ своего учителя: онъ дѣлаетъ по пяти обмолвокъ на одной страницѣ.

Разсмотрѣвъ нѣсколько данныхъ, авторъ приходитъ къ такому выводу: у монастыря юридическая собственность, а у служилаго человѣка—фиктическое владѣніе. И то и другое неправильно. Нѣтъ никакой юридической собственности, есть юридическое владѣніе, которому противополагаютъ владѣніе фактическое; собственность же одна, она существуетъ, какъ право собственности. Что же касается жертвователя, удержавшаго за собою право «жить въ вотчинѣ до живота», то у него не фактическое владѣніе, а право пользованія и владѣнія.

Въ четвертомъ раздѣлѣ г. Рождественскій возвращается къ затронутымъ уже имъ указамъ 1562 и 1572 годовъ. Эти указы давно обратили на себя вниманіе нашихъ историковъ и давно получили надлежащее разъясненіе. Историки-юристы сходятся здѣсь съ общими историками, Неволинъ съ Соловьевымъ. Но нашъ авторъ не находитъ возможнымъ присоединиться къ приговору своихъ предшественниковъ. Онъ несогласенъ съ тѣмъ, что указъ 1562 года имѣетъ политическую цѣль, переходъ княжескихъ вотчинъ въ казну, и предлагаетъ свое объясненіе: цѣль указа—борьба съ гибельной мобилизаціей и не по отношенію къ однимъ только князьямъ, а ко всѣмъ служилымъ вотчинамъ. Дѣлаемъ еще нѣсколько выписокъ для характеристики оригинальныхъ воззрѣній автора въ дополненіе къ тѣмъ, которыя представлены уже выше.

«Содержаніе этихъ указовъ,—говоритъ авторъ,—хорошо извѣстно; но оно подвергалось спеціальному изученію со стороны даваемыхъ ими отвлеченныхъ юридическихъ нормъ; намъ же необходимо разобрать ихъ, какъ живые историческіе факты, опредѣлить ихъ непосредственное жизненное значеніе, ту живую цѣль, къ которой они были направлены». Эта живая цѣль указа 1562 г. опредѣляется такъ: «Интересомъ государевой службы, требующимъ сохраненія цѣльности вотчины, какъ территоріальной военно-служилой единицы, проникнуты всѣ отдѣльныя постановленія указа. Какъ военно-служилой территоріей родовой княжеской, боярской и дворянской вотчиной — не можетъ владѣть женщина, дочь или сестра служилаго человѣка, такъ какъ она неспособна организовать военную силу, доставляемую вотчиной, и управлять этой силой. Отдать служилую землю женщинѣ, значитъ вывести ее изъ службы...

Итакъ, указъ 1562 г. сдѣлалъ попытку охранить военную организацію государства именно съ тѣхъ двухъ сторонъ, съ которыхъ разрушала ее мобилизація: служилыя вотчины надо было удержать въ служилыхъ рукахъ и сохранить ихъ цѣльность» 123—5.

Мысль автора совершенно ясна: указъ 1562 г. относится ко всякимъ служилымъ вотчинамъ, онъ охраняетъ ихъ цѣльность и воспрещаетъ ихъ переходъ въ женскія руки. Повидимому, авторъ, наконецъ, нашелъ правительственное распоряженіе, которое было такъ нужно Москвѣ, и котораго онъ такъ долго и тщетно искалъ. Но бѣда въ томъ, что указъ 1562 г. вовсе не содержитъ въ себѣ тѣхъ распоряженій, которыя усмотрѣлъ въ немъ авторъ.

Въ виду важности открытій автора, представимъ подробный анализъ указа 1562 г. Указъ говоритъ: 1) объ изстаринныхъ княжескихъ вотчинахъ, 2) о вотчинахъ жителей нѣкоторыхъ городовъ: Твери, Торжка, Ярославля, Рязани, Бѣлоозера и Романова, и, наконецъ, 3) даетъ распоряженіе о вотчинахъ всякихъ служилыхъ людей. Постановленія его объ этихъ трехъ видахъ вотчинъ не одинаковы. Важныя ограниченія въ правѣ распоряженія установлены только для изстаринныхъ княжескихъ вотчинъ. Князья не могутъ ни продавать ихъ, ни мѣнять, ни давать въ приданое за дочерьми, ни завѣщать по своему усмотрѣнію. Имъ предоставлено только право отказывать женамъ своимъ нѣкоторую часть вотчины, небольшую. Если бы князь отказалъ женѣ всю свою вотчину, и вотчина будетъ большая, такое завѣщаніе идетъ на усмотрѣніе государя; а если откажетъ часть, жена владѣетъ ею до живота безъ особаго утвержденія государя. Въ законномъ порядкѣ изстаринныя княжескія вотчины наслѣдуются только сыновьями; при отсутствіи сыновей вотчина берется на государя. Изъ изложеннаго ясно, что постановленія указа 1562 г., ограничивая право распоряженія князей изстаринными вотчинами, вовсе не ограждаютъ ихъ цѣльности. Эти вотчины дѣлятся между всѣми сыновьями, а кромѣ того жена можетъ получить часть въ пожизненное владѣніе. Часть вотчины, слѣдовательно, можетъ перейти въ женскія руки. Что же касается княжескихъ купель, то эти ограниченія на нихъ вовсе не распространяются.

Обладатели вотчинъ въ уѣздахъ особо перечисленныхъ городовъ сохраняютъ за собой всѣ права распоряженія за однимъ исключеніемъ: они не могутъ отчуждать ихъ — иногородцамъ. Эти вотчины, слѣдовательно, переходятъ и въ женскія руки и подлежатъ безконечному дробленію.

Наконецъ, общее постановленіе, относящееся ко всякимъ вотчинамъ, опредѣляетъ только признакъ ихъ выморочности. Онѣ становятся выморочными, если объ нихъ не написано завѣщанія и законныхъ наслѣдниковъ не осталось. Законные же наслѣдники ограничены ближнимъ ро-

домъ. Право распоряженія этими вотчинами ни въ какомъ отношеніи не ограничено. Ихъ можно продавать, дарить, закладывать, мѣнять, завѣщать безъ всякихъ ограниченій. Онѣ, слѣдовательно, могутъ поступить къ женщинамъ и дробиться до безконечности.

Такъ далеко дѣйствительное содержаніе указа отъ того, что въ немъ усмотрѣлъ юный ученый. А вотъ образчикъ того, какъ онъ читаетъ документы. На страницѣ 126 напечатано: «Въ концѣ указа (1562 г.) частное постановленіе объ отписаніи на государя вотчинъ бездѣтныхъ князей получаетъ силу общаго закона о всѣхъ вообще служилыхъ вотчинахъ: «а котораго боярина или сына боярскаго не станетъ бездѣтна, а ближняго рода и духовныя у него не будетъ, и та вотчина на государя царя и великаго князя». Между постановленіемъ частнымъ и общимъ нѣтъ никакого сходства; это видно изъ выписки, сдѣланной самимъ авторомъ и приведенной имъ въ ковычкахъ; тѣмъ не менѣе онъ рѣшительно утверждаетъ, что спеціальное правило о княжескихъ вотчинахъ въ концѣ указа получило силу общаго закона для всѣхъ служилыхъ вотчинъ.

Еще далѣе, если только это возможно, расходится онъ со смысломъ соборнаго приговора 1572 г. Мы уже знаемъ, что, по мнѣнію автора, этотъ приговоръ обобщаетъ всѣ прежнія мѣры противъ мобилизаціи, что онъ распространяетъ и на боярскія вотчины тѣ ограниченія, которыя были установлены для княжескихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что дѣйствію его подлежатъ только родовыя вотчины, а не пожалованныя и не выслуженныя. Когда авторъ писалъ эту характеристику приговора 1572 г. на страницѣ 127, онъ, конечно, забылъ, что только что написалъ на страницѣ 126. Тамъ у него сказано, что въ концѣ указа 1652 г. спеціальный законъ о княжескихъ вотчинахъ получаетъ силу общаго для всѣхъ служилыхъ вотчинъ. Что же еще обобщать и распространять? Можно только сокращать. И дѣйствительно, мнѣніе автора о томъ, что дѣйствію указа 1572 г. подлежатъ только родовыя вотчины, а не всѣ вообще, какъ будто бы правдоподобнѣе. Въ дѣйствительности ни то, ни другое не вѣрно: продолжается одно сплошное недоразумѣніе.

Приговоръ 1572 г. такъ ясенъ, что и понять нельзя, какъ могъ авторъ такъ запутаться при его объясненіи. Онъ ничего не обобщаетъ, ничего не распространяетъ, онъ говоритъ только о тѣхъ «вотчинахъ княженецкихъ и боярскихъ, которыя не давалися въ продажу, ни въ мѣну, ни въ приданыя, ни роду, ни по душѣ... и тѣмъ вотчинамъ быти по старому государеву уложенію, въ тѣхъ во всѣхъ городѣхъ, про которые городы указъ государевъ есть, про ярославскіе вотчины, и про ростовскіе, и про оболенскіе... и про всѣ вотчины княжія такія-жъ одинъ приговоръ». Кажется, совершенно ясно: рѣчь идетъ о вотчинахъ, которыя, въ силу прежнихъ указовъ, не подлежатъ свободному распоряженію владѣльцевъ. До сихъ мѣстъ приговоръ только повторяетъ прежніе указы.

Какія же это вотчины не давались въ продажу? Это изстаринныя княжескія, о которыхъ рѣчь шла въ указѣ 1562 г., и, можетъ быть, въ другихъ, не дошедшихъ до насъ, и боярскія, общіе указы о которыхъ до насъ не дошли. Какія же это боярскія вотчины? Это пояснено въ дальнѣйшихъ словахъ приговора: «А у котораго боярина такія-жъ вотчины государскаго данья, а не ихъ старинныя вотчины, и тѣ вотчины послѣ того, котораго не станетъ бездѣтна боярина, а та вотчина по царской грамотѣ пожалована, и кому какова грамота будетъ дана, ему и его женѣ и его дѣтемъ и его роду, потому и быти. А у котораго въ грамотѣ будетъ ему одному вотчина написана, и послѣ его та вотчина на государя. А не будетъ у кого государевы грамоты, и такія вотчины послѣ того, кого не станетъ, на государя, хотя у кого и дѣти будутъ». Итакъ, здѣсь рѣчь идетъ не о родовыхъ вотчинахъ, какъ полагаетъ г. Рождественскій, а о вотчинахъ государскаго данья, т.-е. о жалованныхъ. Жалованныя вотчины, дѣйствительно, не всегда давались въ продажу, мѣну и т. д. Распоряженіе ими допускается въ предѣлахъ правъ, предоставленныхъ жалованной грамотой. Были пожалованія и съ предоставленіемъ полныхъ правъ распоряженія; но къ такимъ вотчинамъ приговоръ 1572 г. не относится. Онъ относится только къ такимъ боярамъ-вотчинникамъ, которымъ не было предоставлено право распоряжаться. Въ виду же разнообразія предоставляемыхъ жалованными грамотами правъ и самого способа пожалованія, которое иногда происходило и безъ грамоты, приговоръ и нашолъ нужнымъ разъяснить, когда вотчина, пожалованная безъ права распоряженія, возвращается къ государю.

Итакъ, въ приговорѣ 1572 г. рѣчь идетъ объ изстаринныхъ княжескихъ вотчинахъ, относительно которыхъ только повторяется прежній указъ 1562 г., и о жалованныхъ боярскихъ вотчинахъ и только. Нашъ авторъ прочелъ совсѣмъ другое и даже нашолъ тамъ особую оговорку, въ которой будто бы сказано, что дѣйствію указа подлежатъ только родовыя вотчины. Мы такъ привыкли къ своеобразному чтенію документовъ г. Рождественскимъ, что нисколько не удивились, не найдя въ указѣ этой оговорки.

Но приговоръ 1572 г. приведенными положеніями не заканчивается. Далѣе читаемъ: «А у которыхъ вотчинъ вотчинники вымрутъ, и тѣ вотчины вотчинникомъ отдавати-ли и по которое колѣно?» На этотъ вопросъ дается такой отвѣтъ: въ боковыхъ линіяхъ далѣе внучатъ не давать.

О какихъ вотчинахъ идетъ здѣсь рѣчь? Конечно, о тѣхъ же, о которыхъ говорилось передъ тѣмъ. А передъ тѣмъ рѣчь шла о жалованныхъ вотчинахъ, по отношенію къ которымъ остался не разрѣшеннымъ такой случай. Вотчина дана извѣстному лицу, его женѣ, дѣтямъ и роду; у пожалованнаго не осталось ни жены, ни дѣтей, остались только ро-

дичи. Какъ же они наслѣдуютъ, безъ конца, или до извѣстной степени? Это не было еще опредѣлено, а потому и поставленъ приведенный вопросъ въ довольно курьезной, но понятной формѣ: вотчинники вымерли, а между тѣмъ спрашивается, по которое колѣно отдавать вотчинникамъ? Въ первомъ случаѣ вотчинниками названы тѣ лица, права которыхъ совершенно ясны изъ жалованной грамоты: самъ пожалованный, его жена и дѣти. Во второмъ — дальнѣйшіе члены рода. Они тоже вотчинники и наслѣдуютъ послѣ смерти первыхъ, къ нимъ приведенный вопросъ и относится.

Итакъ, приговоръ 1572 г. ничего не обобщаетъ и ничего ни на кого не распространяетъ. Онъ повторяетъ прежніе указы, изъ которыхъ до насъ дошолъ указъ 1562 г., объ изстаринныхъ княжескихъ вотчинахъ, и поясняетъ, какъ поступать съ боярскими жалованными вотчинами, по отношенію къ которымъ боярамъ не предоставлено право распоряженія. О вотчинахъ въ нѣкоторыхъ городахъ, о которыхъ рѣчь шла въ указѣ 1562 г., и вообще о вотчинахъ служилыхъ людей, о которыхъ говорилось тамъ же, здѣсь нѣтъ ни слова, по той причинѣ, что приговоръ 1572 г. составленъ только о вотчинахъ, которыя не давались въ продажу и т. д., а эти вотчины подлежали распоряженію своихъ владѣльцевъ, продавались и т. д.

Какая цѣль указовъ 1562 и 1572 гг., этого въ нихъ не сказано, а потому она есть предметъ догадокъ. Но догадки должны вращаться въ области возможнаго; утверждать же, что цѣль указовъ остановить мобилизацію всякихъ вотчинъ, ихъ дробимость и переходъ въ женскія руки— внѣ предѣловъ возможнаго. Но прежде чѣмъ поднимать вопросъ о цѣли указовъ, надо умѣть ихъ прочесть и объяснить смыслъ; этого-то дара и не дано нашему юному политику. Въ указахъ 1562 и 1572 гг. онъ видитъ какъ разъ то, чего тамъ нѣтъ. Но можетъ быть въ этомъ и заключаются преимущества новой методы?

Разъяснивъ крайне своеобразно смыслъ разобранныхъ указовъ, авторъ говоритъ: «Какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, служилыя земли и особенно княжескія вотчины, несмотря на указы 1562 и 1572 годовъ, продолжали дробиться и уходить изъ службы... Поэтому на соборахъ 1580 и 1584 гг., при торжественной обстановкѣ, съ особеннымъ краснорѣчіемъ и наглядностью выясненъ былъ громадный вредъ для государства отъ поглощенія служилой земли церковью»... 128. Здѣсь мы имѣемъ уже дѣло не съ указами XVI в., а съ его краснорѣчіемъ. Чрезвычайно жаль, что авторъ не только не приводитъ хотя бы въ отрывкахъ этихъ доводовъ, высказанныхъ съ «особеннымъ краснорѣчіемъ», но даже не указываетъ, гдѣ онъ ихъ читалъ. У нашихъ историковъ мы не замѣтили ни малѣйшаго знакомства съ этими пышными цвѣтами ораторскаго краснорѣчія XVI в. Соборные же приговоры этихъ годовъ, до насъ дошедшіе, да-

леко не отличаются «особеннымъ краснорѣчіемъ». Еще болѣе «особеннаго краснорѣчія» въ этихъ преніяхъ интересуетъ насъ «наглядное выясненіе вреда для государства отъ поглощенія служилой земли церковью». Въ соборныхъ приговорахъ этотъ вредъ указанъ въ довольно общихъ выраженіяхъ. Будемъ надѣяться, что автору представится еще случай познакомить насъ съ извѣстными ему драгоцѣнными образчиками соборнаго краснорѣчія XVI вѣка.

Мы далеко не исчерпали всѣхъ оригинальныхъ особенностей труда г. Рождественскаго, но полагаемъ, что и сказаннаго достаточно, чтобы судить о его ученыхъ пріемахъ и о томъ, на сколько онъ способенъ провѣрять труды своихъ предшественниковъ. Мы не можемъ, однако, закончить этимъ нашъ трудъ. Читатель въ правѣ желать знать, что же содержится въ остальной части обширнаго труда г. Рождественскаго. Съ этою цѣлью дадимъ краткій анализъ послѣдующихъ главъ.

Глава II носитъ такое названіе: «Московская земельная аристократія XVI в.». Задача ея дать картину измѣненій, происшедшихъ въ землевладѣніи крупныхъ вотчинниковъ. Въ силу неудержимой мобилизаціи, крупные землевладѣльцы обращаются въ мелкихъ.

Глава III даетъ основы помѣстной организаціи XVI в. Здѣсь рѣчь идетъ о личномъ составѣ помѣстнаго класса, о помѣстномъ окладѣ, о верстаніи, испомѣщеніи и управленіи служилыми землями.

Глава IV выясняетъ разные типы помѣстій въ разныхъ мѣстностяхъ и размѣры помѣстій. Первоначальнымъ типомъ помѣстья авторъ считаетъ округленное хозяйство, отдѣльную деревню или нѣсколько деревень иногда съ селомъ въ центрѣ. Переходя по наслѣдству, эти хозяйства дѣлились или оставались въ общемъ владѣніи. Такимъ образомъ, получился второй типъ помѣстья,—по жеребьямъ или вытямъ. Тамъ, гдѣ ощущался недостатокъ въ земляхъ, нѣсколько человѣкъ сразу испомѣщались въ одномъ селеніи. Въ связи съ этимъ возникаютъ два новыхъ спеціальныхъ типа служилаго землевладѣнія: однодворческій и приборный.

Наконецъ, въ Заключеніи рѣчь идетъ о способахъ выхода помѣстной земли изъ службы.

Содержаніе второй главы чисто фактическое. Авторъ беретъ на себя задачу прослѣдить, кто чѣмъ и гдѣ владѣлъ и какія перемѣны претерпѣло это владѣніе втеченіи времени. Конечно, задача интересная, но едва-ли выполнимая. Для каждой фамиліи надо было бы сдѣлать особое изслѣдованіе, но это, по недостатку данныхъ, совершенно невозможно. Приведемъ одну выдержку, чтобы познакомить читателя съ этою частью работы.

На страницѣ 218 читаемъ: «Познакомимся съ земельными владѣніями нѣкоторыхъ выдающихся служилыхъ нетитулованныхъ родовъ XVI в.

Сохранились извѣстія, хотя очень неполныя и неравномѣрныя, о земельныхъ владѣніяхъ слѣдующихъ родовъ: Плещеевыхъ, Сабуровыхъ, Морозовыхъ, Воронцовыхъ, Кутузовыхъ, Челядниныхъ, Шеиныхъ. Сохранились духовныя завѣщанія П. М. Плещеева 1509—10 г. и Д. Гр. Плещеева 1558—59 г. Петръ Михайловичъ раздаетъ своимъ сыновьямъ села и деревни въ Московскомъ, Верейскомъ, Звенигородскомъ, Переяславскомъ уѣздахъ, всего 7 селъ съ деревнями, починками и пустошами; кромѣ нѣкоторыхъ селъ и деревень, благословенья своего отца и государева жалованья, большинство селъ и деревень онъ называетъ своими куплями. Изъ духовной грамоты богатаго Д. Гр. Плещеева видно, что вотчины его братьевъ находились въ Московскомъ, Волоцкомъ, Рузскомъ и Можайскомъ уѣздахъ. Въ первой половинѣ XVI в. Плещеевы служили также удѣльному князю Юрію Ивановичу. Такъ въ 1531—32 гг. душеприказчики боярина Ив. Вас. Плещеева дали по его духовной въ Троице-Сергіевъ монастырь въ Звенигородскомъ у. село Тимоѳеевское съ 14 деревнями, пожалованное кн. Юріемъ. О пожалованныхъ кн. Юріемъ земляхъ упоминаетъ и П. М. Плещеевъ». На 150-й страницѣ приводится еще извѣстіе объ отказѣ А. М. Плещеевымъ въ 1490 г. по духовной сыну своему села Пріимкова въ Ростовскомъ уѣздѣ, купленнаго у кн. Д. Пріимкова. Вотъ и все, что извѣстно автору по исторіи землевладѣнія рода Плещеевыхъ.

О родѣ Сабуровыхъ извѣстно ему еще менѣе: «Изъ рода Сабуровыхъ, говоритъ онъ, большими помѣстьями владѣлъ въ концѣ XVI в. бояринъ Богданъ Юрьевичъ. За нимъ въ 3-хъ станахъ Вяземскаго и Козельскаго у. числилось помѣстій на 995 четвертей слишкомъ». А о Морозовыхъ, Воронцовыхъ, Кутузовыхъ, Челядниныхъ и Шеиныхъ ровно ничего неизвѣстно. Авторъ утверждаетъ только, что въ писцовыхъ книгахъ есть описаніе ихъ вотчинъ и помѣстій, на основаніи которыхъ онъ находитъ возможнымъ предполагать, что они были также богатыми землевладѣльцами.

О нѣкоторыхъ княжескихъ фамиліяхъ авторъ приводитъ болѣе свѣдѣній; но это все случайныя данныя, на основаніи которыхъ нельзя построить никакой исторіи аристократическаго землевладѣнія. Въ самомъ лучшемъ случаѣ отрывочныя указанія автора могутъ послужить лишь сырымъ матеріаломъ для будущаго историка этого землевладѣнія, если найдется охотникъ писать эту исторію, и свѣдѣнія автора окажутся точными.

Хотя изъ сообщаемыхъ свѣдѣній, совершенно случайно набранныхъ и ни въ какомъ смыслѣ не исчерпывающихъ своего предмета, и нельзя дѣлать никакихъ научныхъ выводовъ; тѣмъ не менѣе авторъ находитъ возможнымъ сдѣлать и на ихъ основаніи общія заключенія. Пять послѣднихъ страницъ разсматриваемой главы составляютъ у него особую

рубрику подъ заглавіемъ: «Общіе результаты мобилизаціи вотчиннаго землевладѣнія XVI вѣка». Авторъ, слѣдовательно, считаетъ свои случайныя выписки изъ духовныхъ завѣщаній, писцовыхъ книгъ и другихъ документовъ, содержащихъ свѣдѣнія о принадлежности кому-либо той или другой вотчины, ученымъ трудомъ, допускающимъ обобщенія. Это большое заблужденіе.

Общіе результаты II главы, къ которымъ г. Рождественскій приходитъ въ концѣ очень продолжительнаго и тяжелаго труда, состоятъ въ слѣдующемъ: «Первый результатъ земельной мобилизаціи, который особенно рѣзко бросается въ глаза при чтеніи росписи вотчинъ и помѣстій 1646—1647 г., говоритъ онъ, это ихъ сильная дробность и разбросанность по всей территоріи государства... Другой результатъ земельной мобилизаціи XVI в. заключается въ томъ, что ни князья, ни старое нетитулованное боярство, никакой другой слой московскаго служилаго общества не могли образовать плотной, замкнутой землевладѣльческой аристократіи». Для полученія перваго результата, слѣдовательно, не было надобности писать вторую главу, а довольно было взглянуть въ роспись помѣстій и вотчинъ на 1646—1647 года; второй же результатъ никакъ не можетъ получиться изъ случайныхъ свѣдѣній о мѣстѣ нахожденія боярскихъ вотчинъ. Этотъ результатъ давно извѣстенъ, но добытъ инымъ путемъ.

Въ III-й и IV-й главахъ и въ Заключеніи авторъ снова переходитъ къ вопросамъ, которыхъ касались и его предшественники. Способъ ихъ обработки тотъ же, какой мы наблюдали во Введеніи и въ І-й главѣ; а потому дѣлать сколько-нибудь подробный разборъ этихъ главъ не считаемъ нужнымъ; ограничимся приведеніемъ двухъ-трехъ положеній автора.

Коснувшись существеннаго вопроса объ условіяхъ назначенія помѣстнаго оклада, авторъ говоритъ: «Первымъ условіемъ при назначеніи служилому человѣку помѣстнаго оклада надо признать наличность вотчины» 240. Что это значитъ? Смыслъ этого перваго условія, кажется, можно понять только такъ: чтобы получить нѣкоторый помѣстный окладъ, надо было непремѣнно владѣть вотчиной. Но это совершенно не вѣрно, помѣстья давались и не имѣющимъ вотчинъ. Факты этого рода извѣстны и автору; тѣмъ не менѣе, на страницѣ 243-й онъ снова спрашиваетъ: «Къ чему же должно быть сведено участіе вотчины въ пріобрѣтеніи служилымъ человѣкомъ помѣстья?» и отвѣчаетъ: «Отрицать вполнѣ это участіе невозможно». Вотчина, стало быть, продолжаетъ оставаться условіемъ назначенія помѣстья и послѣ того, какъ выяснилось, что помѣстье дается и не имѣющимъ вотчинъ. Въ какомъ же смыслѣ эта условіе? «Ключъ къ разъясненію темнаго вопроса объ отношеніи помѣстнаго оклада къ размѣру вотчины,—продолжаетъ свое разсужденіе авторъ,—можетъ дать только указъ 1550 г. объ испомѣщеніи выборной тысячи. Онъ объясняетъ, что препятствіемъ къ полученію помѣстья слу-

жило владѣніе вотчиной въ томъ случаѣ, когда эта вотчина находилась въ районѣ постоянной службы служилаго человѣка и при томъ условіи. если она вполнѣ обезпечивала его служебную годность». Авторъ нашелъ ключъ, только не отъ того ларчика, который надо было открыть. Надо было открыть ларчикъ съ объясненіемъ, въ какомъ смыслѣ вотчина есть условіе назначенія помѣстнаго оклада; а онъ открылъ ларчикъ, въ которомъ оказалось объясненіе, когда вотчина составляетъ препятствіе, къ надѣленію помѣстьемъ. Это совершенно противоположное тому, что было нужно. У насъ тоже есть ключъ къ ларчику г. Рождественскаго и мы охотно готовы съ нимъ подѣлиться. Нашимъ ключомъ его ларчикъ открывается очень просто. Наличность вотчины вовсе не требовалась для назначенія помѣстья. Помѣстье есть средство обезпеченія служилыхъ людей и дается тѣмъ изъ нихъ, кто не можетъ служить безъ помѣстья. Но такъ какъ помѣстье есть государево жалованье, то оно можетъ быть дано и тому, у кого есть вотчина. Помѣстья давались даже богатымъ вотчинникамъ. Вотчина ни въ какомъ случаѣ не составляла препятствія къ надѣленію помѣстьемъ. Если въ 1550 г. московскіе вотчинники не получили въ Москвѣ помѣстій, то потому. что такова была воля царя, не желавшаго увеличить ихъ владѣній, или не находившаго къ тому возможности. Авторъ обладаетъ удивительной способностью изъ самаго яснаго вопроса сдѣлать «темный», затѣмъ—долго искать ключа для его разрѣшенія и найдти совсѣмъ не тотъ, какой нуженъ. Это—общая судьба всѣхъ вопросовъ, возбужденныхъ имъ по поводу такъ напугавшей его мобилизаціи, въ дѣйствительности вовсе не страшной и никого въ Москвѣ не пугавшей.

Въ Заключеніи къ способамъ выхода помѣстной земли изъ службы авторъ относитъ: надѣленіе помѣстьями недорослей, женъ и дочерей и пожалованіе помѣстій въ вотчину, а также и продажу ихъ въ вотчину. Мы уже знаемъ, что переходъ земель къ недорослямъ и лицамъ женскаго пола по недоразумѣнію отнесенъ авторомъ къ выходу ихъ изъ службы: онъ не замѣтилъ, что служба продолжала лежать на этихъ земляхъ. Но въ Заключеніи авторъ дѣлаетъ еще одинъ чрезвычайно крупный шагъ впередъ въ своемъ направленіи, онъ относитъ тоже къ выходу помѣстной земли изъ службы продажу и пожалованіе ея въ вотчину. Если пожалованіе и продажа въ вотчину означаетъ выходъ земли изъ службы, то вѣдь это значитъ, что вотчинная земля—не служитъ? Авторъ не замѣтилъ возможности этого вывода изъ его положенія. Рѣзкость своего положенія онъ старается смягчить такимъ замѣчаніемъ: непосредственно переходъ помѣстья въ полную собственность служилаго человѣка путемъ продажи и пожалованія не понижалъ его служилаго значенія, но косвенно помѣстью открывалась этимъ возможность выдти изъ службы. 386. И этого нельзя сказать. Пожалованіе въ вотчину могло быть сдѣлано

безъ предоставленія права распоряженія. Такое пожалованіе и косвенно не открывало никакой возможности къ выходу земли изъ службы. — Указавъ, что пожалованіе въ вотчину дѣлалось на разныхъ основаніяхъ, авторъ высказываетъ такое общее заключеніе: «Итакъ, въ XVI в. вотчины, жалуемыя изъ помѣстій, ни по способу пожалованія, ни по объему правъ не выдѣлялись изъ вотчинъ, даваемыхъ изъ дворцовыхъ и черныхъ земель, и почти сливались съ родовыми вотчинами». Допустимъ первую половину приведеннаго положенія, но какъ можно утверждать, что жалованныя вотчины почти сливались съ родовыми? Авторъ самъ хорошо знаетъ, что пожалованіе нроисходило на очень разныхъ оснаваніяхъ; иногда пожалованному не предоставлялось не только ни какихъ правъ распоряженія, но онъ жаловался лично и пожалованная вотчина не переходила даже къ его дѣтямъ. Что же тутъ «почти общаго съ родовыми вотчинами»? Рѣшительно ничего. Авторъ остался себѣ вѣренъ до конца. У него большая страсть къ обобщеніямъ, безъ которыхъ немыслима ни какая наука, и совершенное неумѣнье ихъ сдѣлать.

Разобранное нами сочиненіе наводитъ на нѣкоторое раздумье.

Авторъ одаренъ чрезвычайно развитымъ интересомъ къ научнымъ вопросамъ и громаднымъ трудолюбіемъ. Онъ изучалъ памятники, литературу, архивный матеріалъ; онъ не ограничился тѣмъ, что было подъ руками, въ Петербургѣ, а ѣздилъ въ Москву и даже въ Троице-Сергіевскую Лавру [1]).

Авторъ обладаетъ положительнымъ призваніемъ къ научной дѣятельности. Онъ не диплома добивался своей книгой, а желалъ пролить новый свѣтъ на наши древности. Онъ полонъ своихъ собственныхъ мыслей и не повторяетъ слѣпо, что говорятъ его предшественники; онъ провѣряетъ все ими сказанное. У него встрѣчаются возраженія даже проф. Ключевскому. Г. Рождественскій выступаетъ съ цѣлымъ своеобразнымъ взглядомъ на служилое землевладѣніе Москвы. Изслѣдованіе его не сборникъ множества плохо связанныхъ между собою отдѣльныхъ

[1]) Ссылка подъ страницей на архивные матеріалы—это послѣднее слово современной исторіографіи. Наши архивы далеко не исчерпаны, а потому изученіе ихъ заслуживаетъ всякаго поощренія. Но способъ пользованія архивными матеріалами не всегда имѣетъ научную цѣну. Ссылка на архивный матеріалъ можетъ имѣть научную цѣну только въ томъ случаѣ, если документъ, на который авторъ ссылается, пропечатанъ цѣликомъ на страницахъ изслѣдованія или въ особомъ къ нему приложеніи. Это даетъ возможность провѣрить выводъ и, если онъ окажется точнымъ, немедленно занести его въ сокровищницу науки. Но что дѣлать съ выводомъ, основанія котораго совершенно неизвѣстны? Въ послѣднее время появилось не мало изслѣдованій, написанныхъ по архивнымъ матеріаламъ, извѣстнымъ только ихъ авторамъ. Можетъ быть, выводы авторовъ и совершенно вѣрны; но пока матеріалы не напечатаны, признаніе выводовъ, на нихъ основанныхъ, есть дѣло вѣры и только. Такъ пользуется архивными матеріалами и г. Рождественскій. Архивные документы, на которые онъ ссылается, не открываютъ, впрочемъ, никакихъ новыхъ горизонтовъ.

вопросовъ; онъ умѣетъ сосредоточиться на одномъ. Весь трудъ его посвященъ одному предмету и проникнутъ одной мыслью. На диспутѣ онъ проявилъ значительную находчивость и самообладаніе. Все это превосходные задатки. Какъ-же получились тѣ оригинальныя особенности труда, которыя мы обозначали въ нашемъ разборѣ?

Здѣсь было соединенное дѣйствіе двухъ причинъ: первой является страстное, почти болѣзненное увлеченіе автора выдуманной имъ темой; второй—недостаточная подготовка къ рѣшенію тѣхъ спеціальныхъ вопросовъ, на которыхъ ему пришлось остановиться. Совершенно не умѣю объяснить, какъ родилась въ головѣ его излюбленная тема о вредѣ мобилизаціи. Въ памятникахъ, за исключеніемъ жалобъ на переходъ земель въ церковныя учрежденія, нѣтъ ни малѣйшихъ намековъ на какой-либо вредъ для службы отъ продажи недвижимостей, ихъ даренія, наслѣдованія, закладовъ и другихъ видовъ «мобилизаціи», говоря любимымъ и вмѣстѣ страшнымъ словомъ автора. Эта мысль явилась у него совершенно апріорно, путемъ какой-то интуиціи. Разъ осѣнивъ автора, она до такой степени овладѣла всѣми его способностями, что лишила возможности видѣть что-либо кромѣ себя самой. И вотъ, наперекоръ памятникамъ, все сочиненіе построено на совершенно ложной идеѣ. Этимъ всепоглощающимъ увлеченіемъ надо объяснять и то, что мы во всякомъ другомъ случаѣ назвали-бы полнѣйшимъ отсутствіемъ вниманія къ наблюдаемымъ и изучаемымъ фактамъ: авторъ сплошь и рядомъ утверждаетъ положенія, прямо отвергаемыя тѣми документами, которые самъ приводитъ.

Другая причина заключается въ недостаточной спеціальной подготовкѣ, скажемъ больше, въ высокомѣрномъ и презрительномъ отношеніи къ историкамъ-юристамъ, просмотрѣвшимъ гибельныя послѣдствія мобилизаціи.

Авторъ, со свойственной молодому уму смѣлостью, взялся пересмотрѣть то, что было сдѣлано до него въ исторіи служилаго землевладѣнія. Намѣреніе прекрасное, и если-бы молодые умы не одушевлялись имъ, наука не двигалась-бы впередъ.

Но что нужно, чтобы пересмотрѣть сдѣланное? Нужно знать это сдѣланное. Избравъ предметомъ своего изслѣдованія провѣрку историковъ-юристовъ, точнѣе—Неволина, такъ-какъ только его исторія даетъ полное и систематическое изложеніе пересматриваемыхъ вопросовъ, авторъ, однако, юридическихъ наукъ въ университетѣ не слушалъ. Это-бы еще не бѣда; юридическими науками можно заняться и не состоя студентомъ юридическаго факультета, какъ и наоборотъ. Но сдѣлалъ-ли это авторъ? Не только не сдѣлалъ, но есть достаточное основаніе думать, что онъ считалъ это лишнимъ и даже вреднымъ. Юристы занимаются искусственными схемами правовыхъ отношеній; отъ нихъ ускользаетъ живая дѣйствительность бытовыхъ явленій. А эту-то живую дѣйствитель-

ность XVI в. авторъ и желаетъ возсоздать; зачѣмъ-же ему затемнять свой взоръ изученіемъ искусственныхъ схемъ?

Благодаря такому-то отношенію къ юриспруденціи и получается безплатная аренда, пожизненное владѣніе и намѣстничество выдаются тоже за аренду, малолѣтство дѣлается препятствіемъ къ дѣлежу наслѣдства, а обладаніе вотчиной необходимымъ условіемъ для полученія помѣстья, фактическое владѣніе усматривается тамъ, гдѣ есть право владѣнія и пользованія, купля обращается въ родовую вотчину истеченіемъ 40-лѣтняго срока, а послѣдняя ступень въ развитіи наслѣдственныхъ правъ дочерей въ XVI в. оказывается въ признаніи ихъ правъ на вотчину въ равной мѣрѣ съ братьями и т. д. и т. д., всего и перечислить нельзя.

Почему авторъ приступилъ къ пересмотру исторіи служилаго землевладѣнія, давшему ему поводъ ко всѣмъ этимъ открытіямъ? Развѣ найдены новые матеріалы, его предшественникамъ неизвѣстные? Ничуть не бывало; никакихъ новыхъ матеріаловъ, вызывающихъ пересмотръ существующаго ученія, въ распоряженіи г. Рождественскаго не было. Но юристы изучали свои матеріалы со стороны даваемыхъ ими отвлеченныхъ юридическихъ нормъ, что односторонне и скрываетъ живую историческую перспективу: нашъ-же авторъ, какъ историкъ культуры, желаетъ изучить законодательство всесторонне, какъ живой историческій фактъ, опредѣлить его непосредственное жизненное значеніе, ту живую цѣль, къ которой оно было направлено. Вотъ почему онъ и взялся пересматривать исторію служилаго землевладѣнія. Тутъ принципіальная разница между историками-юристами и историками культуры, представителемъ которыхъ онъ является. Только послѣднимъ дано заглянуть въ глубь жизненныхъ явленій. Несовершенные пріемы юристовъ ведутъ къ ошибкамъ. Г. Рождественскій выступаетъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ исправить ошибки Неволина. Можемъ-ли мы увѣрить его, что онъ самъ ошибается? Полагаемъ, что нѣтъ. Если юристы утверждаютъ, что сестра при братѣ не вотчинница, такъ это «искусственная схема правовыхъ отношеній, скрывающая» и т. д., авторъ-же изучаетъ живыя явленія и собственными глазами читалъ завѣщаніе, въ которомъ сестрѣ было тоже отказано, что и брату. Почему-же это не наслѣдственное право сестры въ равной долѣ съ братомъ? Юристы этотъ успѣхъ сестеръ просмотрѣли, а г. Рождественскій его открылъ и ихъ поправилъ.

Я боюсь, что г. Рождественскій не одинъ. Въ школѣ, изъ которой онъ вышелъ, есть, можетъ быть, и другіе ученики. Они легко могутъ увлечься новымъ ученіемъ. Я желалъ-бы ихъ предостеречь; съ этою цѣлью я и потрудился надъ книгою г. Рождественскаго.

В. Сергѣевичъ.

Харьковъ. Май 1897.

Принцъ Эмиль Шёнайхъ-Каролатъ.

Поэзія принца Каролата—а онъ прежде всего поэтъ—это прощальный привѣтъ своему прошлому, благоухающій цвѣтокъ на могилѣ грустныхъ, но дорогихъ воспоминаній. Дѣйствительно, болѣе субъективнаго, болѣе искренняго писателя среди нѣмецкихъ «восьмидесятниковъ», пожалуй, и не найти. И въ этомъ глубокомъ субъективизмѣ принца Каролата, а также въ полной его независимости отъ литературныхъ партій и кружковъ, кроется главная причина того, что до самаго послѣдняго времени этотъ высокодаровитый писатель оставался малоизвѣстнымъ даже въ самой Германіи. Только со времени появленія превосходной статьи извѣстнаго критика Лео Берга объ этомъ замѣчательномъ писателѣ (1895) можно считать литературное значеніе принца Каролата окончательно выясненнымъ. Къ тому-же, талантъ его въ послѣднее время вступилъ въ новую фазу развитія: отъ чисто субъективнаго творчества, отъ бурнаго лиризма и презрительной разочарованности во вкусѣ Байрона, поэтъ перешелъ къ болѣе спокойному, проясненному настроенію, основнымъ мотивомъ котораго является *соціальное* чувство, состраданіе чужому горю. По мнѣнію нѣмецкаго критика, поэтическое развитіе Каролата повторяетъ вкратцѣ великія фазы европейской литературы или, вѣрнѣе, его индивидуальность проходитъ черезъ всѣ главныя формы европейской творческой индивидуальности: «Lieder an eine Verlorene» и повѣсть «Thauwasser»—это новый Вертеръ, со всѣмъ его разливомъ чувствительности, сентиментальности. Поэмы «Angiolina», «Сфинксъ», «Смертъ Донъ Жуана» и отчасти «Geschichten aus Moll» обозначаютъ высшее развитіе байронизма, съ примѣсью надтреснутаго романтизма Гейне. Наконецъ, въ тѣхъ-же «Geschichten», затѣмъ въ циклѣ пѣсней «Wanderfahrt» и въ разсказѣ «Bürgerlicher Tod», авторъ подходитъ близко къ повседневной жизни, къ судьбѣ «маленькихъ людей съ большимъ горемъ», а въ повѣсти «Der Heiland der Thiere» онъ идетъ еще дальше...

Если мы на минуту остановимся на первомъ, вертеровскомъ періодѣ принца Каролата, то увидимъ, что господствующимъ мотивомъ, или вѣрнѣе, постоянно повторяющимся диссонансомъ его поэзіи является неудавшаяся юношеская мечта—несчастная любовь («Lieder an eine Verlorene», 1878, повѣсть «Thauwasser», 1881, нѣкоторыя «Geschichten aus Moll», 1884). Общій смыслъ произведеній этого періода тотъ, что «мы должны погибнуть отъ нашихъ сильнѣйшихъ и священнѣйшихъ чувствъ»... «Черезъ всякую человѣческую жизнь высшаго разряда проходитъ темное вѣяніе разлуки и смерти». Но уже въ первой повѣсти васъ поражаетъ оригинальность каролатовской формы, его манера разсказывать. Повѣсть до конца выдержана въ грустномъ настроеніи; такъ и чувствуется, что туманы, слезы и влажность сырой погоды, «оттепели» (Thauwasser), застилаютъ взоры автора, а между тѣмъ вы замѣчаете полное отсутствіе расплывчивости, столь обычной у сентиментальныхъ писателей: вся повѣсть написана простымъ, сжатымъ языкомъ; ни малѣйшаго паѳоса или напыщенности; описанія почти сухи, черствы, многое не договаривается; манера вообще напоминаетъ хронико-подобный стиль геніальнаго Генриха фонъ Клейста. Эта-же особенность манеры Каролата придаетъ какую-то строгую красоту и тонкую художественность его коротенькимъ «Geschichten aus Moll».

Поэтическія произведенія второго періода литературной дѣятельности принца Каролата собраны имъ въ книгѣ «Dichtungen» («Поэмы», 4-е изданіе 1897 г.). Въ нихъ чувствуется сильное вліяніе Гейне, Мюссе и особенно Байрона. Три главныя поэмы могутъ быть смѣло поставлены выше всего, чѣмъ богата современная лирическая поэзія. «Анжіолина»—это пѣснь о красотѣ, поверженной въ уличную грязь; «Сфинксъ»—даетъ отвѣтъ на вѣчно роковой вопросъ: «почему на всемъ земномъ шарѣ не отыщется мѣстечка, которое не было-бы омрачено слезами, пролитыми изъ за женщины». Въ третьей поэмѣ, «Смерть Донъ-Жуана», разработанъ древній нѣмецкій мотивъ объ искупленіи грѣшнаго мужчины чистою дѣвушкой. Такимъ образомъ, въ этихъ трехъ поэмахъ женщина представлена въ символическихъ образахъ жертвы, демона и ангела, т. е. въ тройной роли, рѣшающей мужскую судьбу: какъ *упрекъ* мужчинѣ, какъ *причина его страданій* и какъ его *избавленіе*. Женскіе образы Анжіолины, Санты и Діавы совершенно фантастичны, это абстракціи, лишенныя всякихъ индивидуальныхъ очертаній; тѣмъ не менѣе это созданія смѣлой поэтической фантазіи. Мысль, объединяющая всю эту трилогію красоты, выражена въ слѣдующемъ пятистишіи:

«Es ist das Weibliche die dunkle Frage,
Die Jeden, der hinaus in's Leben stürmt,
Als ernster Prüfstein sich entgegentürmt.

Ob früh, ob spät, für Jeden wird am Ende
Das Weibliche zur Lebens-Sonnenwende» [1]).

Поэмы, какъ и чисто лирическіе циклы («Westwärts», «Wanderfahrt», «Fatthûme»)—написаны красивыми, звучными стихами. Не знаешь, чему больше изумляться: глубинѣ-ли и богатству мыслей, благородству и картинности языка, или риѳмической изобрѣтательности автора. Мастеръ стихотворной формы, Каролатъ былъ-бы однимъ изъ величайшихъ лириковъ, еслибъ его образы были болѣе выдержаны, еслибъ ихъ контуры были болѣе опредѣленны и не расплывались подъ вліяньемъ разнородныхъ настроеній автора. Между чисто лирическими стихотвореніями особенно хороши сонеты. Интересно наблюдать, какъ въ этомъ періодѣ настроеніе поэта отъ кипучаго демонизма переходитъ къ какому-то холодному равнодушію, краткимъ, но типичнымъ выраженіемъ котораго можетъ служить сказка «О королѣ, который только трижды смѣялся» и который умеръ въ тотъ моментъ, когда пересталъ вѣрить. Умерло сердце. «Поэтомъ мертвыхъ сердецъ» называетъ Каролата нѣмецкій критикъ. Но жить можно и съ умершимъ сердцемъ, и если жизнь излѣчиваетъ всякія раны, то тѣмъ болѣе сердечныя раны поэта. Принцъ Каролатъ вышелъ побѣдителемъ изъ жизненной «передѣлки»—онъ сталъ цѣльнымъ, настоящимъ художникомъ. Востокъ, съ его неподвижною созерцательностью, успокоилъ его тревожную душу. Бури затихли. Теперь субъективное чувство поэта объективируется. Прежняя любовь его становится «вѣчною», вѣчностью въ любви, и, наконецъ, любовь отожествляется съ понятіемъ Божества. Любовь — это Богъ. Стряхнувъ съ себя байронизмъ, нашъ авторъ обратился къ другимъ, болѣе жизненнымъ литературнымъ формамъ. Онъ написалъ рядъ повѣстей, между которыми находимъ настоящія жемчужины современной беллетристики. Мы говоримъ о повѣстяхъ «Der Freiherr», «Regulus», и «Der Heiland der Thiere».

Прочтите эту грустную исторію пожилого холостяка («Баронъ»), и вы увидите, какъ далеко ушелъ художникъ отъ своей юношеской чувствительности. Отъ этой повѣсти такъ и вѣетъ осенью жизни! Съ деревьевъ падаютъ желтые листья. Тонъ разсказа выдержанъ до конца. Или возьмите разсказъ «Regulus», имѣющій къ тому же высокое общественное значеніе.

---

[1]) «Женщина—вотъ темный вопросъ, надвигающійся пробнымъ камнемъ на каждаго, стремящаго въ жизненный просторъ. Рано или поздно женщина въ жизни каждаго обозначаетъ новую фазу».

Совершенно ту-же мысль, только грубѣе и ўже, выразилъ Зудерманъ въ «Идеальномъ мужчинѣ».

«...Und schliesslich, wie man's thu'und treibe—
Es ist des Mannes Loos: er stirbt am Weibe».

(См. «Сѣв. В.» апрѣль, стр. 51).

Юноша-идеалистъ приговоренъ военнымъ судомъ къ растрѣлянью, и рядовой, простой деревенскій парень, конвоируетъ его до прусской крѣпости. Вотъ и все; но посмотрите, что сдѣлалъ авторъ изъ этого простого сюжета! Описаніе двухдневнаго перехода, противозаконное пребываніе въ родительскомъ домѣ, отношеніе пастора и его жены къ сыну-арестанту—всѣ эти краткіе эпизоды до такой степени реальны и трогательно правдивы, что никогда уже не изгладятся изъ памяти читателя. По нашему мнѣнію, это лучшій изъ всѣхъ разсказовъ Каролата. Повѣсть «Der Heiland der Thiere»—грандіозная культурно-историческая картина, гдѣ все кипитъ и движется; точно средневѣковой «еретикъ», стоитъ въ центрѣ фигура полубезумнаго фанатика Мартина, этого «милостивца безсловесной твари». Повѣсть производитъ потрясающее дѣйствіе своимъ страшнымъ, безподобнымъ финаломъ.

Изъ другихъ *соціальныхъ* разсказовъ отмѣтимъ ночную картинку «У рѣки» (въ «Geschichten aus Moll») и повѣсть «Bürgerlicher Tod», которыя замѣчательны по глубоко-гуманной тенденціи и по рѣзкому напоминанію о несчастной судьбѣ «бѣдныхъ людей», погибающихъ по милости жестокосердаго и равнодушнаго общества. Во второй повѣсти авторъ въ горячемъ монологѣ молодого проповѣдника приводитъ мысли Томаса Карлейля о нравственномъ состояніи нѣмецкаго общества. Мы выше уже коснулись одной особенности каролатовской манеры: пластичности и одушевленности его описаній, при всей поразительной сжатости слога. Теперь укажемъ на другое оригинальное свойство Каролата. Между душевнымъ міромъ его героевъ и окружающей природой существуетъ тѣсная связь, полное созвучіе. Природа у Каролата облечена въ тѣ же цвѣта и тоны, какъ и душевный строй его героевъ. Тѣмъ же пріемомъ пользовались Шекспиръ, Байронъ и другіе великіе поэты. Художественный реализмъ всегда занимаетъ средину между прямымъ, обыденнымъ реализмомъ и чистой символикой. Въ этомъ отношеніи особенно хороши сказка: «О королѣ, который трижды смѣялся» и поэмы «Смерть Донъ Жуана» и «Сфинксъ». Если же душевное состояніе и судьба героя не могутъ быть приведены въ прямую связь съ явленіями природы, то авторъ прибѣгаетъ иногда къ аналогіямъ, къ символикѣ въ ея простѣйшей формѣ, какъ напр., въ двухъ маленькихъ разсказахъ «Свѣчка» и «Ночная бабочка» (предлагаемыхъ читателямъ «Сѣв. Вѣстн.»): въ первомъ мы видимъ потухающее пламя, которое бьется и борется «подобно отверженной душѣ»; во второмъ, ночная бабочка устремляется прямо въ прекрасный пылающій огонь, чтобы «съ божественнымъ упрямствомъ» найти въ немъ вѣрную смерть.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о личности писателя. Принцъ Эмиль фонъ Шёнайхъ-Каролатъ ведетъ свой родъ отъ бывшихъ владѣтельныхъ князей Каролатъ-Бейтенъ въ Силезіи (съ XVI вѣка). Дру-

гой Шёнайхъ (Кристофъ Оттонъ) за свою героическую поэму: «Арминій или освобожденная Германія», благодаря Готшеду, удостоился попасть въ лауреаты (1752), но затѣмъ былъ совершенно забытъ. Рано потерявъ родителей, принцъ Каролатъ поступилъ въ эльзасскій кавалерійскій полкъ, но скоро вышелъ въ отставку. Война застала его уже въ Цюрихѣ, гдѣ онъ слушалъ лекціи у Шерра и Кинкеля. Затѣмъ Каролатъ много лѣтъ провелъ въ Египтѣ, Тунисѣ и южной Европѣ. Въ настоящее время онъ живетъ преимущественно въ своемъ помѣстьѣ въ Польсгордѣ, въ Даніи, или въ Газельдорфѣ, въ Гольштиніи. Онъ любитъ суровую природу и уединеніе, простыхъ безхитростныхъ людей. «Тамъ», пишетъ онъ, «я чувствую себя счастливѣе, нежели въ салонахъ и при дворахъ».

А. Рейнгольдтъ.

ДВА РАЗСКАЗА

Принца Эмиля фонъ Шёнайхъ-Каролата.

Переводъ съ нѣм. **А. Рейнгольдта.**

I.

СВѢЧКА.

Одна изъ первыхъ сентябрьскихъ ночей. Она лежитъ прохладно и тихо на большой рѣкѣ, которая съ спокойной увѣренностью шлетъ свои воды навстрѣчу близкому морю. Огни проходящихъ судовъ кажутся блѣдными цвѣтными точками въ туманѣ, застилающемъ берега. Тамъ—сырые луга, на которыхъ лежатъ словно тонкія бѣлыя простыни; тамъ и здѣсь мелькаетъ черная точка—это шлагбаумъ, а передъ нимъ жирные быки лѣниво глазѣютъ въ ночную мглу. Отъ этихъ луговъ дорога идетъ слегка въ гору, вплоть до дачъ, окруженныхъ паркомъ—это конецъ предмѣстья близкой столицы.

Надъ всей картиной стоитъ круглый мѣсяцъ, неподвижно и тихо, точно на театральной декораціи. На деревьяхъ не колышется ни одинъ листъ; ихъ черныя верхушки переплелись и обрамляютъ кругообразно мокрый англійскій лужокъ, посрединѣ котораго стоитъ мраморная фигура: статуя имѣетъ такой видъ, какъ будто ей холодно. Далѣе верхушки деревьевъ опять сливаются и подступаютъ къ самому фасаду роскошной, хотя нѣсколько громоздкой виллы. Онѣ кончаются у балкона изъ сѣраго песчаника, съ золоченою рѣшеткою, на который выходитъ будуаръ Елены, единственной дочери совѣтника коммисіи, консула какой-то американской республики и владѣльца земли, расположенной въ лучшемъ пунктѣ столичнаго предмѣстья, знаменитаго своей красотою.

Будуаръ Елены очень типиченъ. Окна съ боковыми зеркалами, съ тяжелыми шелковыми занавѣсями; комната биткомъ набита мебелью

«подъ буль». Кромѣ того есть и налетъ безпорядка, а также слабый, неопредѣленный parfum, свойственный комнатамъ, обитаемымъ дамами. На роялѣ Эрара, который занимаетъ одинъ изъ угловъ комнаты, лежитъ раскрытая кадриль изъ «Корневильскихъ колоколовъ», а изъ подъ нея выглядываетъ кончикъ «Гибели боговъ» Рихарда Вагнера.

По песку двора быстро и едва слышно катится карета. Отворяется и захлопывается нѣсколько дверей, слышенъ краткій разговоръ, изъ котораго мы узнаемъ, что Елена слушала лекцію новаго молодого приватъ-доцента, д-ра Куно Розенгайна, «О существенно неосязаемомъ въ осязаемости несущественнаго», а затѣмъ пила чай у подруги,—послѣ чего портьера быстро отдергивается и входитъ сама Елена. Она бросаетъ въ уголъ шляпку съ бѣлымъ крыломъ и зажигаетъ прелестную восковую свѣчку, прозрачно-тонкую, голубую, которая стоитъ на ея письменномъ столѣ, въ подсвѣчникѣ причудливой формы. Совершивъ это, она погружается въ кресло и начинаетъ вглядываться въ мѣсяцъ, который стоитъ на небѣ, точно пригвожденный, и бросаетъ бѣлые лучи въ полутемные углы комнаты.

Благодаря свѣчкѣ, мы замѣчаемъ, что Елена очень миловидна. У нея изящное, блѣдное лицо съ большими темными глазами, узкими красными губами и маленькими ушами; въ каждомъ ухѣ по сѣрой жемчужинѣ. На головѣ волны спутанныхъ, мягкихъ волосъ, собственно бѣлокурыхъ, но имѣющихъ видъ темныхъ, съ легкимъ налетомъ poudre de riz.

Мѣсяцъ начинаетъ Еленѣ надоѣдать. Она откидываетъ головку назадъ и замѣчаетъ передъ собой серебряную тарелку съ двумя письмами. На обоихъ адресъ писанъ мужскимъ почеркомъ, но оба они по наружному виду не похожи другъ на друга. Одно—скромное, четырехъ-угольное, запечатанное маленькою печатью, и печать такъ глубоко и порывисто вдавлена, какъ будто отправитель ею запечаталъ жизнь. Конвертъ другаго письма—изъ толстой, шероховатой бумаги, сложенъ треугольникомъ и носитъ огромный пестрый шифръ.

Елена не медлитъ ни одной минуты. Почему-то она выбираетъ первое письмо—потому-ли, что почеркъ знакомый, или потому, что она намѣрена шероховатое посланіе приберечь для десерта. Она придвигаетъ къ себѣ маленькую, ласково горящую, свѣчку и читаетъ:

«Фрейлейнъ Елена!

«Не безъ глубокаго волненія кладу я это письмо въ ваши руки.

«Я почти никогда не имѣю счастья видѣть васъ—это и заставляетъ меня писать вамъ то, что я охотно сказалъ-бы вамъ съ глазу на глазъ, съ той откровенностью, какая необходима, когда предлагаешь тяжелый вопросъ.

«Мы были съ вами знакомы еще дѣтьми, Елена, и вы всегда были добры ко мнѣ, даже тогда, когда мы уже не были дѣтьми и вы уже

стали предметомъ зависти и поклоненія, а я долженъ былъ заботиться о моемъ существованіи, о кускѣ хлѣба. Живя въ блескѣ, вы иногда дарили мнѣ дружескій взглядъ, несмотря на большое разстояніе между нами и на неизгладимую пропасть между баловнемъ счастья и сыномъ бѣдности. Быть можетъ, вы были добры изъ жалости, Елена, и не знали, что вы были юношеской мечтой бѣднаго спротливаго мальчика, который, удрученный тяжелой работой, только въ любви своей находилъ силу продолжать идти по тернистой дорогѣ.

«Теперь я достигъ зрѣлыхъ лѣтъ, Елена, и моя любовь не угасла, а стала глубже и святѣй. Я неутомимо боролся съ жизнью и завоевалъ себѣ скромное, но прочное положеніе. Низачто бы я не приблизился къ вамъ бѣдный и удрученный неудачами; теперь же я могу честно спросить: хотите быть моею любимой женой, Елена? Я люблю васъ всѣми силами души, закаленной въ буряхъ, и хочу хранить васъ крѣпко и неизмѣнно въ своемъ сердцѣ, которое всегда билось для васъ и всецѣло принадлежитъ вамъ.

«А теперь будьте здоровы, Елена; у меня такое чувство, какъ будто должна настать весна. Да хранитъ Господь мое письмо.

Вашъ

Д-ръ Гербертъ Штейнъ».

Маленькая свѣчка горитъ съ веселымъ блескомъ и освѣщаетъ прелестную картину. Елена откинулась въ креслѣ, а ея маленькая ручка, сверкающая кольцами, которая держитъ письмо, написанное твердымъ почеркомъ, сильно дрожитъ. Ея личико принимаетъ удивительно мягкое выраженіе, а глаза то углубляются, то дѣлаются свѣтлѣе, потому что въ нихъ стоятъ двѣ крупныя слезы. Ей вспоминаются дни ея дѣтства, когда вспыльчивый Гербертъ дрался съ мальчиками, которые издѣвались надъ «купеческой принцесой», затѣмъ уроки танцевъ въ залѣ ратгауза, гдѣ высокій гимназистъ былъ ея застѣнчивымъ, но восторженнымъ поклонникомъ. Она видитъ его стоящимъ передъ нею въ узкомъ и короткомъ сюртукѣ конфирманда: онъ съ сіяющими глазами разсказываетъ ей о Гомерѣ, о Парсивалѣ, обо всемъ, что вовсе не входило въ разговоръ во время танцовальнаго урока, но что было возвышенно и прекрасно и наполняло его душу;—думаетъ она также объ общественныхъ балахъ, нѣсколько лѣтъ спустя, на которыхъ появлялся тихій студентъ, чтобы съ счастливымъ лицомъ презентовать ей скромный букетъ фіалокъ,—она вспоминаетъ о быломъ все охотнѣе и охотнѣе, и вездѣ она видитъ серьезное лицо съ строгою складкой, и глаза, которые никогда не знавали счастья, которые встрѣчали жизнь твердо и непреклонно, чтобы послѣ одержанной побѣды оглянуться на любимую женщину и сказать ей: все, что я сдѣлалъ, я сдѣлалъ ради тебя! И вотъ этотъ день насталъ, день жатвы жизни, полной силы и отреченія, и Гербертъ взялъ

бы свою маленькую, съ такимъ трудомъ добытую, Елену въ объятія и удержалъ бы ее навѣки, и яркое солнце счастья изливало бы свои лучи на Герберта и Елену!

Гербертъ и Елена... какъ мило это звучитъ! Елена улыбается сквозь слезы и тихо повторяетъ про себя: «Гербертъ... Гербертъ... Гербертъ...»

Три четверти маленькой свѣчки сгорѣли. Ея свѣтъ сильный и яркій, и она, кажется, счастлива, что, погибая, имѣетъ еще возможность озарить восходящее, великое счастье. Вдругъ ея пламя безпокойно взвивается вверхъ. Елена, наполовину въ разсѣянности, взяла и распечатала другое письмо. Пока она его читаетъ, она то блѣднѣетъ, то краснѣетъ, и Богъ знаетъ, что сдѣлалось со свѣчкой: пламя ея шатается и колеблется, фитиль искрится и трещитъ, точно въ немъ возится легіонъ чертенятъ.

Письмо гласитъ:

«Глубокоуважаемая фрейлейнъ!

«Простите, если я осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ письмомъ, содержаніе котораго я легко могъ бы вамъ сообщить устно, такъ какъ имѣю счастье довольно часто видѣть васъ въ нашемъ high life. У меня, однако, очень твердые принципы и къ нимъ принадлежитъ то, что какъ въ коммерческомъ, такъ и во всякомъ другомъ солидномъ дѣлѣ письменный документъ, черное на бѣломъ, имѣетъ безусловное преимущество.

«Я, какъ вамъ извѣстно, недавно вернулся изъ дальняго путешествія, которое долженъ былъ предпринять по дѣламъ нашей извѣстной и уважаемой фирмы, и потому только съ недавнихъ поръ имѣю честь знать васъ. Но многостороннія личныя достоинства ваши, въ связи съ желаніемъ моего принципала и отца, пробудили во мнѣ рѣшеніе жениться, тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ коммерціи совѣтникъ, мой отецъ, намѣренъ передать мнѣ завѣдываніе нашимъ обширнымъ и вполнѣ солиднымъ предпріятіемъ.

«Итакъ цѣль этого письма, глубокоуважаемая фрейлейнъ,—просить вашей руки. И только съ тѣмъ, чтобы доказать вамъ, какъ люблю я васъ, я позволю себѣ упомянуть объ одномъ щекотливомъ обстоятельствѣ. Вашъ отецъ, какъ намъ коммерсантамъ хорошо извѣстно, въ послѣднее время слишкомъ увлекся спекуляціями, и болѣе не богатъ, въ крайнемъ случаѣ только состоятеленъ, тогда какъ операціи нашей фирмы, пользующейся прекраснымъ renommé, были болѣе удачны. Я богаче прежняго, но люблю васъ попрежнему и прошу васъ своимъ согласіемъ увѣнчать мою жизнь. Кончаю, позволяя себѣ намекнуть по секрету, что коммерціи совѣтникъ, мой отецъ, безъ многословныхъ дебатовъ, сговорился съ вашимъ отцомъ и, такимъ образомъ, шансы нашего союза могутъ быть признаны окончательно обезпеченными.

«Наше свадебное путешествіе могло-бы имѣть цѣлью Лондонъ, via

Парижъ, причемъ я воспользовался бы этимъ случаемъ, чтобы завязать кой-какія новыя дѣловыя сношенія.

«Въ пріятной надеждѣ на лестную благосклонность, имѣю честь быть, милостивая государыня,

обожающій Васъ

Алоизій Цандеръ,

фирма Цандеръ и сынъ».

Елена вскочила. Глаза ея съузились и сверкаютъ, на ея щекахъ выступили два горячихъ красныхъ пятна. Она быстро и рѣшительно садится, чтобы писать. Для этого она придвигаетъ къ себѣ свѣчку. Послѣдняя почти уже догорѣла, ея пламя вздымается и падаетъ и бросаетъ дрожащія свѣтовыя полосы на бумагу и лицо Елены, которое теперь совсѣмъ не красиво. Тѣмъ не менѣе, Елена пишетъ съ лихорадочною торопливостью:

«Многоуважаемый г. Цандеръ!

Ваше предложеніе для меня столько же неожиданно, сколько лестно. Какая дѣвушка могла бы быть слѣпа къ вашимъ многостороннимъ и исключительнымъ преимуществамъ? Поговорите съ моими родителями и примите мое согласіе...»

Она не въ состояніи продолжать. Догорѣвшая свѣчка нестерпима. Она уже едва тлѣетъ и задыхается въ зловонномъ чаду. Черезъ лопнувшую розетку капаютъ густыя, горячія восковыя слезы и остатокъ пламени корчится и борется, подобно отверженной душѣ.

Молодая дѣвушка съ большимъ усиліемъ придвигаетъ къ себѣ бумагу и подписываетъ:

«Ваша на вѣки—».

Свѣчка потухаетъ.

II.

НОЧНАЯ БАБОЧКА.

Въ душный іюльскій вечеръ, когда въ воздухѣ пахло грозой, ѣхалъ верхомъ черезъ степь Гунтеръ Штормекъ: его путь лежалъ къ замку, въ которомъ жила его невѣста. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на югѣ, онъ полюбилъ женщину, которая не пожелала выйти за него, и которой онъ не могъ забыть. Послѣ великаго разгрома его надеждъ, онъ уѣхалъ на чужбину, гдѣ всецѣло отдался борьбѣ за угнетенный народъ, за великое, съ самаго начала безнадежное дѣло. Онъ лишился своего положенія на государственной службѣ и потерялъ половину своего состоя-

нія; его мать, внѣ себя отъ гнѣва и раздраженія, покинула его и переѣхала къ дальнимъ родственникамъ. Чтобы помириться съ нею и возвратить себѣ ея любовь, онъ рѣшился вернуться на путь истины и обручился съ дочерью крупнаго землевладѣльца и сельскаго хозяина. Онъ могъ поздравить себя съ тѣмъ, что послѣ такого неустойчиваго прошлаго его принимаютъ въ лоно необыкновенно корректной и въ высшей степени почтенной семьи.

Гунтеръ Штормекъ относился къ своему счастью удивительно спокойно; онъ ѣхалъ верхомъ, не обнаруживая ни торопливости, ни радостнаго нетерпѣнія. Казалось, его мысли были далеко, потому что онъ не замѣчалъ дороги и только изрѣдка поглядывалъ черезъ голову своей красивой лошади. Степь, ярко залитая вечернимъ солнцемъ, мерцала красновато-коричневымъ, горячимъ блескомъ; на западѣ тяжело громоздилось облако, съ фіолетовыми и желтоватыми краями, а съ болотъ доносился кличъ водяной птицы, жалобный, монотонный, непрерывный.

Копыта лошади ступали теперь по болѣе твердому грунту, степь исчезла, дорога превратилась въ шоссе. По обѣимъ сторонамъ тянулись великолѣпныя поля, засѣянныя пшеницей, прорѣзанныя плодовыми деревьями; это была картина богатаго и безупречно управляемаго имѣнія. Гунтеръ смотрѣлъ разсѣянно и безъ особеннаго интереса на владѣнія своего будущаго тестя; тѣмъ не менѣе онъ выпрямился на сѣдлѣ и какъ-то невольно крѣпче стянулъ поводья. Онъ еще нѣкоторое время ѣхалъ тихо, потомъ дорога сворачивала въ сторону и вела прямехонько къ большому, солидно выстроенному помѣщичьему дому. «Съ замка могутъ меня замѣтить и посвоему истолковать мою неторопливость,» подумалъ Гунтеръ. Онъ слегка пришпорилъ лошадь и поѣхалъ приличной, умѣренной рысцей.

На большой верандѣ горѣли лампы, семейство сидѣло за чайнымъ столомъ, на которомъ сіяли чашки, подобно бѣлымъ цвѣтамъ, и сверкалъ высокій мѣдный самоваръ. Гунтера встрѣтили любезно, но не скрыли отъ него, что къ чаю слѣдовало явиться раньше, что его ждали. Потомъ встала его невѣста и для привѣтствія протянула ему руку. Она была красивая дѣвушка съ голубыми глазами и бѣлокурыми, съ проборомъ, волосами; въ ея манерахъ было что-то простое, безхитростное. Ея рукопожатіе было искренне и твердо; замѣтно было, что ея холодные, благоразумные пальцы хорошо знакомы съ благотворительностью и складывали много кусковъ дорогого полотна. Рядомъ съ отцомъ, осанистымъ мужчиной съ широкими, самоувѣренными чертами лица, сидѣли двѣ ея сестры. Одна была вдова и имѣла прелестное бэби, приданое котораго было обезпечено. Другая была замужемъ, счастлива и теперь гостила у отца; ея мужъ былъ капитанъ и стоялъ съ своимъ полкомъ въ отдаленномъ городишкѣ.

Пока пили чай, разговоръ шелъ объ агрономіи и домашнемъ хозяйствѣ. Дамы обсуждали эти вещи спокойно и толково, и одно особенно практическое предложеніе старшей сестры даже заслужило полное одобреніе отца. Гунтеръ увидѣлъ себя обреченнымъ на молчаніе; нѣсколько замѣчаній, которыя онъ пытался было вставить, оказались неудачными. Потомъ рѣчь зашла объ отсутствовавшемъ зятѣ, капитанѣ. Всѣ стали хвалить его, до того единодушно и неудержно, что въ бесѣду проникъ даже элементъ теплоты. Капитанъ уже нѣсколько лѣтъ жилъ въ торговомъ мѣстечкѣ, почти безъ всякаго общества, исключительно преданный своей службѣ. Хвалили его преданность долгу, его энергію, подчеркивали, быть можетъ, не безъ задней мысли, что жизнь, полная скромнаго, предписаннаго, точно выполненнаго труда, во всякомъ случаѣ, есть достойнѣйшая и честнѣйшая. Находили превосходнымъ, что капитанъ выказываетъ такую стойкость и чувствуетъ себя счастливымъ въ своемъ положеніи, несмотря на то, что онъ достаточно богатъ, чтобы позволить себѣ все, даже путешествовать и ничего не дѣлать. Пришли къ тому заключенію, что для такой почтенной карьеры, разумѣется, требуется характеръ и преодолѣніе всѣхъ внутреннихъ неясностей.

Гунтеръ, слушавшій съ почтительнымъ молчаніемъ, подумалъ про себя, что восхваляемый капитанъ, должно быть, никогда и ни слыхивалъ ничего о «преодолѣніи внутреннихъ неясностей», а просто довольствуется судьбою честнаго, посредственнаго человѣка. Затѣмъ онъ подавилъ легкую зѣвоту; онъ чувствовалъ себя нервнымъ, не въ своей тарелкѣ, и помышлялъ объ удобномъ предлогѣ, чтобы прервать свой вечерній визитъ.

— Вчера, за вашимъ отсутствіемъ, мы начали читать новую книгу,— сказала старшая сестра.—Авторъ ея—одинъ изъ знаменитѣйшихъ поэтовъ нашихъ, и книга эта—прекрасная, уравновѣшенная, мягко вразумляющая представителей новыхъ вѣяній съ ихъ сумасбродными идеями. Вы позволите намъ дочитать начатую главу, г. фонъ-Штормекъ?

Онъ поспѣшилъ отвѣтить нѣсколькими обязательными словами. Жена капитана начала читать, отецъ украдкой перелистывалъ сельскохозяйственную брошюру, отъ времени до времени степеннымъ голосомъ вставляя «очень хорошо» или «совершенно справедливо»; двѣ прочія сестры поставили передъ собой свои рабочія корзинки и усердно вязали. Гунтеръ скучалъ, потому что уравновѣшенную книгу знаменитаго поэта находилъ весьма посредственною; чтобы чѣмъ-нибудь развлечь себя, онъ сталъ слѣдить за игрой спицы въ рукѣ своей невѣсты и силился угадать, что это за штука, надъ которой она такъ усердно трудится. Она имѣла странный видъ, была немного больше талера, что-то вродѣ безобразной маленькой шапочки съ двумя длинными бѣлыми ленточками.

Онъ медленно откинулся въ креслѣ; непреоборимо непріятное ощу-

щеніе подымалось у него въ горлѣ, точно комокъ. Его воображеніе рисовало ему эту шапочку на маленькой, морщинистой, плачущей головѣ. Въ немъ пробуждалась проническая жилка. Какъ мило предусмотрительна была эта молодая дѣвушка, какъ прелестно опытна, какъ мило приготовлена ко всякому сюрпризу! Онъ можетъ себя поздравить, онъ дѣйствительно попадаетъ въ прекрасное, корректное семейство, въ которомъ все идетъ какъ по маслу. Потомъ получила перевѣсъ тусклая рефлексія. Какъ это женщины могутъ такъ спокойно, такъ равнодушно идти навстрѣчу самымъ святымъ задачамъ своей жизни? Какъ могутъ онѣ относиться къ нимъ такъ хладнокровно, какъ къ чему-то само собой разумѣющемуся. Неужели онѣ смотрятъ на ребенка, какъ на легкій воздушный пирогъ, который ужъ подымется, если только будешь строго придерживаться рецепта испытанной поваренной книги? Неужели онѣ не подозрѣваютъ, какія опасенія подымаются въ сердцѣ мужчины, какой тяжелой борьбы ему стоитъ внутреннее самоочищеніе, прежде чѣмъ онъ рѣшается стать виновникомъ существа, которое есть плоть отъ плоти, кровь отъ крови его, и, быть можетъ, призвано передать своимъ потомкамъ тайные инстинкты, хорошіе или дурные, какъ преемственное наслѣдіе человѣчества?

Мысли всегда приносятъ заботы; кромѣ того, сегодня мой сѣрый день,—пытался возразить себѣ Гунтеръ.—Но все-таки какъ-то странно. Я, парій, сижу здѣсь, вновь принятый въ кругъ довольныхъ, уважаемыхъ людей. Мирный свѣтъ лампы освѣщаетъ бѣлый лобъ, скромно причесанные волосы дѣвушки, вышедшей изъ среды праведныхъ, хорошихъ людей, чтобы стать подругой моей жизни. Здѣсь все дышетъ трудолюбіемъ и мудрымъ преуспѣяніемъ, даже благотвореніемъ, потому что на письменномъ столѣ хозяина всегда стоитъ на готовѣ тарелка съ мѣдью и мелкою серебряною монетою, и ни одинъ заглядывающій сюда бѣднякъ не уходитъ съ пустыми руками. На столѣ дамъ лежатъ проткнутые вязальными спицами клубки шерсти; это какая-то чулочная мастерская, гдѣ изготовляются будущіе рождественскіе подарки для бѣдныхъ дѣтей, которыя покамѣсть еще бѣгаютъ босыя по болоту и потрошатъ лягушекъ. На стѣнахъ висятъ портреты дѣдовъ и прадѣдовъ; всѣ они похожи другъ на друга, у всѣхъ на лицѣ одно и то же выраженіе упитаннаго самодовольства, свидѣтельствующее о принадлежности къ одному роду, всѣ носятъ въ петлицѣ орденъ одного и того-же класса. Почему-же меня морозъ по кожѣ деретъ въ виду этихъ портретовъ, въ виду этихъ людей, въ этомъ уютномъ кругу, освѣщенномъ лампой? Можетъ быть, это просто висящая въ воздухѣ гроза, которая сегодня особенно возбуждаетъ мои нервы и заставляетъ кипѣть мою кровь, или ужъ въ самомъ дѣлѣ какой-то законъ, какой-то фатумъ гонитъ меня отъ порога закономѣрнаго, обыкновеннаго, сносно счастливаго, средняго существованія? Почему

благополучная, мирная атмосфера, пріятная имъ, предохраняющая ихъ какъ покрывало отъ всякаго возбужденія, отъ всякаго волненія, отъ всякаго сквозняка, ложится на меня подобно облаку дыма, въ которомъ я не могу дышать? Высокомѣріе, грѣшная гордыня, что-ли, внушаютъ мнѣ отвращеніе къ посредственности, отъ котораго я давлюсь? Не могу я ей, что-ли, простить, что она постоянно позволяла себѣ оказывать противодѣйствіе всякому великому, необдуманному порыву, всякой широкой идеѣ, всякому не-эгоистическому поступку, и при этомъ, къ сожалѣнію, обыкновенно одерживала побѣду? Быть можетъ, я не могу помириться съ тѣмъ, что посредственности бывали всегда заклятыми, смертельными врагами всего изъ ряда вонъ выходящаго—фантазіи, свободы, и при этомъ все-таки безспорно составляютъ широкую базу міра, плотный необходимый фундаментъ, на которомъ стоитъ и созидается жизнь? Въ ихъ рядахъ живутъ сильные міра, здоровые, счастливые, благоприличные. Такъ зачѣмъ-же хотѣть быть инымъ, чѣмъ они, зачѣмъ не хотѣть подчиниться общему порядку, встать въ сомкнутый рядъ? Развѣ я страдаю какимъ-нибудь моральнымъ недугомъ, развѣ я аномалія?

Не знаю. Но зачѣмъ-же Богъ пробудилъ существа, призванныя находиться въ разладѣ съ законами всеобщаго единенія и сохраненія? Зачѣмъ далъ онъ мнѣ инстинктъ, заставляющій меня бѣжать отъ всего, что мелко и обыденно, и вложилъ въ меня необузданное влеченіе ко всему великому, свѣтлому, недостижимому? Зачѣмъ вложилъ онъ въ мое сердце саморазрушительную жажду неизвѣстныхъ сладостныхъ ощущеній свѣта, совершенства, идеала?

Посредственности скажутъ, что Богъ создалъ такихъ людей, какъ ужасающій примѣръ для остальныхъ смертныхъ. Они, бѣдные, вѣдь не подозрѣваютъ, что надъ землей, надъ повседневной жизнью пылаетъ, побѣдоносно и неоспоримо, огонь, противъ котораго безсильно все мелкое, все земное, тлѣнное, потому что онъ поддерживается великой тягой стремленія къ Богу! Они не могутъ понять, что существуютъ люди, которые отрицаютъ банальное счастье, мерзнутъ среди будничной жизни, которые чувствуютъ себя дурно во тьмѣ и охотно бросились-бы съ головой въ тотъ огонь, въ то дивное, трепещущее, мучительное пламя, которое называется любовью, любовью къ безконечному, къ мелодіи, къ увлекательному, къ уничтоженію, къ свободѣ—въ сущности, любовью къ Богу...

Гунтеръ испуганно выпрямился въ креслѣ. Вокругъ него сидѣла мирная, трудящаяся семья. Спицы летали съ ритмическимъ щелканіемъ, чтица тайкомъ перевертывала сразу по нѣскольку страницъ «уравновѣшенной книги» и торопилась добраться до заключенія. Юная невѣста съ гладко причесанными волосами сидѣла бодро и продолжала вытягивать свою бѣлую, нескончаемую нитку.

Черезъ окно влетѣла крупная, рѣдкой породы, ночная бабочка, пря-

мымъ, шуршащимъ полетомъ. Одно мгновенiе она описывала на бѣлой штукатуркѣ потолка жужжащiе фантастическiе круги, затѣмъ она бросилась навстрѣчу лампамъ и стала биться огромной сѣрой головой о блестящее молочное стекло, съ божественномъ упорствомъ ища вѣрной смерти, горящаго пламени. Дамы вскрикнули. Вздрогнувъ, но не обращая вниманiя на всеобщее движенiе, бабочка продолжала свой фантастическiй смертный полетъ, въ дикихъ спираляхъ налетая на фокусы, сквозь всѣ газеты и клубки шерсти, которые бросались ей вслѣдъ, съ криками и бранью, уже съ изорванными, продранными крыльями, съ трепещущимъ, опаленнымъ торсомъ. Но побѣдоносно, торжествуя, добилась она своего—она нашла дорогу къ самому яркому пламени и бросилась въ него, очертя голову, подавляя огонь силою своего паденiя, такъ что онъ въ стеклѣ вспыхнулъ и закоптѣлъ, блѣднокрасный, полупотухшiй.

— Осторожно—ради Бога осторожно!—воскликнули дамы, но старшая сестра уже успѣла приподнять ламповый колпакъ, и при помощи спицы вытащила полуобуглившееся тѣло и бросила его на середину стола.

— Сама виновата! Какъ глупо! Какъ возмутительно! И подѣломъ ей. восклицали въ перемежку разсерженные, гнѣвные голоса... И въ то время какъ благочестивыя бѣлокурыя головы, полувозмущаясь, полулюбопытствуя, склонились надъ мертвой бабочкой, Гунтеръ Штормекъ незамѣтно поднялся и, молча спустивъ за собой дверную портьеру, скрылся—навсегда.

---

* *
*

Моя душа, какъ лотосъ чистый,
Въ томленьѣ водной тишины,
Вскрываетъ вѣнчикъ серебристый
При кроткомъ таинствѣ луны.

Твоя любовь, какъ лучъ туманый,
Струитъ нѣмое волшебство,
И мой цвѣтокъ благоуханный
Завороженъ печалью странной,
Пронизанъ холодомъ его.

М. Лохвицкая.

Очеркъ исторіи романа XIX ст.

(*Окончаніе*).

Корифеи англійскаго романа: Диккенсъ. Теккерей, Бульверъ.—Сенсаціонный романъ въ Англіи и Франціи.—Натуральная школа во французскомъ романѣ и ея вліяніе.—Реакція противъ нея.—Нѣмецкій романъ 30-хъ и 40-хъ годовъ.—Идейный романъ въ Германіи.—Ауэрбахъ.—Шпильгагенъ. — Нѣмецкій историческій романъ.--Эберсъ.—Современный нѣмецкій романъ.—Педагогическое значеніе романовъ.

Благодаря Ж.-Санду съ одной стороны (для высшихъ слоевъ интеллигенціи, Дюма и Эженю Сю съ другой (для толпы читателей), до конца второй половины 40-хъ годовъ французскій романъ почти безраздѣльно господствуетъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ; съ этого времени первенствующую роль начинаетъ играть романъ англійскій. Виновниками такого подъема его были одинъ талантливый и умный литераторъ и два великихъ поэта. Я разумѣю Бульвера, Диккенса и Теккерея. По хронологической послѣдовательности я начинаю съ литератора.

Эдуардъ Бульверъ (1803—1873), впослѣдствіи лордъ Литтонъ, началъ со стихотвореній (1826), въ которыхъ является ученикомъ Байрона, ученикомъ талантливымъ, но не настолько, чтобы получить громкую извѣстность; тогда онъ обращается къ роману изъ современной жизни и 25 лѣтъ отъ роду издаетъ «Пельгамъ или приключенія джентльмена». И въ «Пельгамѣ» замѣтно сильное вліяніе «Донъ Жуана» Байрона,—какъ въ умно-небрежномъ тонѣ разсказа и частыхъ отступленіяхъ, такъ и въ пессимистическомъ отношеніи къ англійскому такъ называемому «приличному» обществу. «Пельгамъ» сразу сдѣлалъ Бульвера знаменитостью; извѣстно, что Пушкинъ, имъ вдохновленный, мечталъ написать русскаго Пельгама. Ободренный успѣхомъ, Бульверъ начинаетъ издавать чрезвычайно быстро одинъ большой романъ за другимъ, поражая всѣхъ необыкновеннымъ разнообразіемъ и плодовитостью своего таланта. Романовъ Бульвера такъ много, что критики, говоря о нихъ, должны дѣ-

лить ихъ на группы или серіи: историческую, соціальную, фантастическую и пр. Его историческіе романы пользуются большою извѣстностью, но они едва ли не слабѣе всѣхъ остальныхъ; причина въ томъ, что авторъ задался мыслью не выводить, по возможности, вымышленныхъ лицъ, а только историческія, а «имъ некогда жить, влюбляться, отчаяваться; они только дѣйствуютъ на исторической аренѣ» [1]). Въ «Послѣднемъ днѣ Помпеи» авторъ поневолѣ отступилъ отъ этого правила, и онъ вышелъ удачнѣе всѣхъ. Всего искреннѣй, задушевнѣй и интереснѣй по сюжету послѣдніе романы Бульвера. Въ 1859 г. выходитъ выпусками его романъ: «Что онъ съ этимъ сдѣлаетъ?». За нимъ слѣдила вся читающая Европа, и самые остроумные люди не могли придумать, что старикъ Уайфъ сдѣлаетъ съ 56-ью фунтами и на помощь какого неизвѣстнаго друга разсчитываетъ онъ. «Это не былъ секретъ Полишинеля», какъ обыкновенно бываетъ въ романахъ, а дѣйствительно трудная задача. Читатели были поражены, узнавъ, наконецъ, что этотъ другъ—ученый пудель!

Черезъ 3 года послѣ этого выходитъ «Странная исторія», еще болѣе завлекательный романъ, а въ основѣ—фантастическая сказка, обставленная цѣлой энциклопедіей естественно-научныхъ знаній. Интересъ возбуждается стариннымъ, но вѣрнымъ способомъ: смѣшеніемъ вымысла съ правдою; способъ этотъ примѣненъ съ такимъ искусствомъ, что самый разсудительный человѣкъ не можетъ оторваться отъ книги. Въ самый годъ смерти Бульвера (1873 г.) вышелъ едвали не лучшій по глубинѣ мысли и теплотѣ чувства его романъ—«Кенельмъ Чиллингли», герой котораго—послѣднее звѣно въ длинномъ рядѣ душевно-разочарованныхъ юношей XIX ст. и самый благодушный изъ нихъ.

Въ историко-литературномъ отношеніи Бульверъ долженъ считаться представителемъ послѣдней переходной стадіи развитія романтизма не только по своей страсти къ фантастическому, но и по стремленію объединить поэзію съ наукой; но его поэзія, при всей своей кажущейся капризности, не свободна отъ яркой тенденціозности. По политическимъ убѣжденіямъ онъ умѣренный либералъ въ широкомъ значеніи слова; онъ искренній христіанинъ, но ненавистникъ фанатизма; онъ смѣется надъ аристократической гордостью, но считаетъ ее невиннѣйшимъ изъ пороковъ. Онъ высоко ставитъ энергію и знаніе, но даетъ большія права сердцу и эстетическому чувству; по его убѣжденію, «блаженна женщина, которая утѣшаетъ» (семьелюбивая англичанка или нѣмка), но также «блаженна женщина, которая возвышаетъ» (женщина революціи, Коринна).

Бульверъ былъ родоначальникомъ тѣхъ безчисленныхъ умѣренно-умныхъ и очень занимательныхъ англійскихъ романовъ, которыми (безъ

---

[1]) Aug. Filon, Hist. de la littérature anglaise, Paris 1883.

всякаго вреда, но и безъ особенной пользы) до сихъ поръ зачитывается весь образованный міръ.

Бульверъ былъ литературною звѣздою первой величины, когда большая публика узнала о существованіи Теккерея; онъ былъ еще въ полной силѣ таланта, когда Теккерей уже лежалъ въ могилѣ; такъ коротка была карьера величайшаго романиста-сатирика нашего вѣка (род. 1811 г., ум. 1863). Въ концѣ 30-хъ годовъ въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ стали появляться сатирическіе очерки, подписанные псевдонимомъ Микель Анджело Титмарша; они читались съ интересомъ, но не доставляли славы автору; въ нихъ виденъ несомнѣнный талантъ, но направленный не на то, чтобы развлекать и услаждать читателя, а на то, чтобы стыдить его и безпокоить, Авторъ чувствуетъ ненависть ко всякой фальши и ходульности и показываетъ, какой огромный процентъ этихъ некрасивыхъ примѣсей находится въ сердцѣ каждаго изъ насъ безъ исключенія. Болѣе успѣха имѣла его сатира «Снобсовы бумаги». Типъ тщеславнаго человѣка, живущаго исключительно напоказъ, разработанъ въ ней съ такой глубиной и тонкостью, что впослѣдствіи фамилія героя стала нарицательнымъ именемъ. Но невниманіе къ сюжету и густота темныхъ красокъ мѣшали и здѣсь полнотѣ успѣха, и имя Теккерея, писавшаго уже 12 лѣтъ, оставалось почти никому неизвѣстнымъ. За то первый его большой романъ:—«Ярмарка тщеславія»—заставилъ заговорить о немъ всю Англію, а потомъ и Европу и сразу поставилъ его наравнѣ съ знаменитымъ уже въ то время Диккенсомъ.

Диккенсъ на одинъ годъ моложе Теккерея; онъ выросъ среди бѣдности, и лишеній и выбрался изъ нихъ только напряженіемъ всѣхъ силъ своихъ. Раннія испытанія выработали въ немъ энергію и умѣнье узнавать людей, но при этомъ не только не ожесточили его, а, напротивъ, сдѣлали чрезвычайно воспріимчивымъ къ людскому горю. Диккенсъ началъ свою литературную дѣятельность небольшими повѣстями и очерками лондонской жизни. Уже по этимъ пробамъ пера можно видѣть, въ чемъ его сходство и въ чемъ отличіе отъ Теккерея; оба они реалисты; но одинъ фотографъ, а другой портретистъ; одинъ сатирикъ, издѣвающійся надъ порокомъ, а другой юмористъ, который стремится примирить человѣка съ жизнью и развлечь и утѣшить его смѣхомъ. Но пока они оба не поэты.

Въ 1837 г., когда Диккенсу было всего 25 лѣтъ, начинаютъ выходить выпусками «Записки Пиквикскаго клуба». Извѣстно, что, по первоначальному плану это долженъ былъ быть только текстъ къ комическимъ рисункамъ, осмѣивающимъ такъ называемыхъ «воскресныхъ» охотниковъ, рыболововъ и пр., и что авторъ имѣлъ въ виду сдѣлать изъ Пиквика и его друзей только поверхностныя каррикатуры. Но постепенно онъ захватываетъ англійскую жизнь все глубже и глубже, и его че-

тыре героя, оставаясь фигурами комическими, становятся живыми и очень милыми людьми. Извѣстно, какой небывалый въ Англіи успѣхъ имѣли послѣдующіе выпуски «Пиквикскаго клуба», начиная съ появленія остроумнаго Сама Уэллера.

Нельзя объяснять этотъ успѣхъ тѣмъ, что Диккенсъ умѣлъ смѣшить англійскую публику: простой, грубый смѣхъ доставляетъ удовольствіе только на минуту, а «Пиквикскій клубъ» и теперь, черезъ 60 лѣтъ, читается и перечитывается милліонами людей. Успѣхъ объясняется соединеніемъ веселости, съ одной стороны, рельефности, силы и правдивости изображенія, съ другой,—съ глубокой гуманностью; иначе сказать, соединеніемъ реализма съ поэтическимъ одушевленіемъ и любовью къ людямъ. Поэтъ ясно видитъ несовершенства въ устройствѣ современнаго ему общества и постоянныя проявленія грубаго эгоизма и непобѣдимой косности и тупости, и жестоко осмѣиваетъ ихъ; но въ то же время онъ и въ нравственномъ уродѣ умѣетъ отыскать человѣческую, симпатичную сторону, и смѣхъ его есть именно тотъ идеальный, очищающій сердце и примиряющій смѣхъ, о которомъ говоритъ Гоголь.

Удача окрылила энергію Диккенса, и выпуски его новыхъ романовъ стали сыпаться благотворнымъ дождемъ на Англію и весь цивилизованный міръ. Каждое изъ его произведеній было не только актомъ творчества поэта, но и подвигомъ гражданина: уже въ «Пиквикѣ» онъ раскрылъ ужасающія язвы англійскаго судопроизводства; въ «Оливерѣ-Твистѣ» (1837-8) онъ берется за вопіющій вопросъ о рабочихъ домахъ, къ которому не разъ возвращается впослѣдствіи; въ «Никласѣ-Никльби»—за частныя школы и т. д., и отрицательныя картины, имъ набросанныя, такъ ярки, крики его любящей души такъ громки, что и малоподвижное англійское законодательство поневолѣ прислушивается къ нимъ. Диккенсъ и наверху своей славы страшно работаетъ надъ собой, много читаетъ и думаетъ, и талантъ его развивается, расширяется и крѣпнетъ съ каждымъ новымъ шагомъ. Онъ затрогиваетъ самыя тонкія нити души человѣческой, не отступаетъ передъ художественнымъ разъясненіемъ самыхъ опасныхъ для англичанина семейныхъ и общественныхъ вопросовъ, все глубже и глубже захватываетъ пороки общества; уже не мелкихъ мошенниковъ, не исковерканныхъ злобой и эгоизмомъ нравственныхъ уродовъ влечетъ онъ къ позорному столбу, а такихъ высокоуважаемыхъ, безусловно корректныхъ, до героизма честныхъ гражданъ, какъ мистеръ Домби и такихъ почтенныхъ, почти идеальныхъ педагоговъ, какъ докторъ Блимберъ, и захлебываясь отъ справедливаго негодованія, обвиняетъ ихъ—страшно подумать—въ убійствѣ ребенка! Но и тутъ звучитъ грустно примирительная нота евангельской любви: Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо что творятъ. А въ то-же время Диккенсъ все смѣлѣй и смѣлѣй берется за страшную задачу, надъ которой сложилъ свою геніальную голову рус-

скій юмористъ Гоголь—за созданіе положительныхъ типовъ, и кто назоветъ вполнѣ неудачными Вальтера и Флоренсу Домби?

Вотъ что пишетъ объ этомъ романѣ въ декабрѣ 1847 г. почти умирающій Бѣлинскій Анненкову: «Читали вы «Домби и сынъ»? Если нѣтъ, спѣшите прочесть: *это чудо*. Все, что написано до этого романа Диккенсомъ, кажется *теперь* блѣдно и слабо, какъ-будто совсѣмъ другого писателя. Это что-то *до того превосходное, что боюсь и говорить: у меня голова не на мѣстѣ отъ этого романа* [1]). Что я могу прибавить къ этому радостному крику чуткаго критика?

Въ томъ-же 1847 г. выходилъ романъ Теккерея: «Ярмарка Тщеславія». Уже самое его заглавіе опредѣляетъ точку зрѣнія автора. Міръ есть только ярмарка, безсмысленная толчея, и цѣль нашей жизни только удовлетвореніе тщеславія. Авторъ заявляетъ въ самомъ началѣ, что его романъ будетъ безъ героя. Дѣйствительно, въ герои не годится ни неуклюжій Доббинъ, ни легкомысленный хвастунъ и эгоистъ Осборнъ. Въ романѣ нѣтъ и героини: о безчестной и развращенной отъ колыбели Ребеккѣ Шарпъ и говорить нечего; но и кроткая, преданная Амелія такъ глупа и банальна и такъ несправедливо исключительна въ своей любви къ первому мужу и сыну, что возбуждаетъ только жалость, а не сочувствіе. Рядомъ съ этими главными лицами проходитъ длинная вереница типовъ того-же пустого, тщеславнаго общества, которые при всемъ разнообразіи сходны въ самомъ главномъ—въ безцѣльности своего существованія, въ безсмысленности своихъ стремленій. Самый энергичный изъ нихъ похожъ на паука, который трудится изо всѣхъ силъ надъ своей паутиной. Поутру придетъ горничная со щеткой, и паутины какъ не бывало. Роль такой щетки играютъ міровыя событія вродѣ Ватерлоской битвы или торговаго кризиса въ Англіи, сразу уничтожающія тысячи существованій; а на что нужны эти событія, никто не знаетъ.—Всякое земное счастіе—обманъ: беззавѣтно любящій и безконечно добрый маіоръ Доббинъ добился, наконецъ, своей цѣли и женился на Амеліи. Что-же, онъ счастливъ? Какъ-бы не такъ! Оказывается, что кроткая Амелія, бывшая игрушкой въ рукахъ пустого эгоиста, превосходно умѣетъ держать маіора подъ башмакомъ и при всемъ этомъ устраиваетъ ему сцены, попрекая его небывалыми достоинствами Осборна. Зачѣмъ-же писать такіе печальные романы? А если и явился такой продуктъ желчнаго раздраженія, зачѣмъ-же читать его?

Но такое впечатлѣніе романъ Теккерея произведетъ только на того, кто не цѣнитъ правды въ поэзіи и не понимаетъ сатиры.

Та-же очищающая, возвышающая роль, какую у юмористовъ играетъ смѣхъ, у сатирика Теккерея принадлежитъ негодованію. Это негодованіе

[1]) Анненковъ и его друзья 1896 г., стр. 607.

въ высокой степени гуманно, оно и исходитъ изъ любви къ людямъ и ведетъ къ ней другихъ. Во всякомъ молодомъ человѣкѣ есть крупицы тщеславія и эгоизма Осборна, въ самой лучшей женщинѣ есть слѣды недостатковъ Амеліи. Сознавая благодаря безпощадному анализу автора, свои грѣхи, не будьте слишкомъ строги къ другимъ; умѣйте прощать, какъ прощаетъ правдивый Теккерей даже худшимъ изъ своихъ созданій: и шулеръ Родонъ Кроули умѣетъ любить свою маленькую Ревекку и своего сына, и когда счастіе его разбито, умѣетъ страдать, какъ самый лучшій изъ людей.

Теккерей такой-же христіанинъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, такой-же проповѣдникъ евангелія, какъ и Диккенсъ: перечтите въ «Ярмаркѣ тщеславія» его лирическое отступленіе по поводу смерти Седни [1]),—развѣ не сводится оно къ простой и великой мысли, которую такъ горячо проводилъ Достоевскій, что лучше умирать раскаивающимся мытаремъ, чѣмъ самодовольнымъ фарисеемъ? И Диккенсъ и Теккерей срываютъ маску съ фарисеевъ и побуждаютъ мытарей къ раскаянію, убѣждая насъ принимать ихъ съ братской любовью; различіе въ томъ, что одинъ внушаетъ намъ гуманныя чувства безжалостнымъ анализомъ нашихъ собственныхъ недостатковъ, а другой, оптимистъ по натурѣ, нравственно поднимаетъ этихъ мытарей и даетъ намъ вѣру въ счастіе и въ торжество правды.

И изъ моего бѣглаго очерка, смѣю надѣяться, видно, что такія совершенныя созданія генія, какъ «Домби и сынъ» и «Ярмарка тщеславія» невозможны безъ многихъ и многихъ предшественниковъ, которые развивали и технику и богатство содержанія и подготовили общество къ пониманію того, какую силу представляетъ изъ себя дѣйствительно хорошій и популярный романъ. Развѣ не ясна генетическая связь Диккенса и Теккерея со всѣми предшествующими фазисами развитія семейнаго романа и, съ другой стороны, развѣ возможно предположить, чтобы безсмертныя произведенія не оказали сильнѣйшаго вліянія на всѣхъ послѣдующихъ романистовъ? Конечно, и теперь возможны и даже необходимы колебанія, а при сильномъ уклоненіи въ сторону даже и замѣтный регрессъ. Но пока Диккенсъ и Теккерей не позабыты, они будутъ служить спасительными маяками въ печальные періоды временнаго помраченія поэзіи.

Одной изъ такихъ временныхъ болѣзней является развитіе такъ называемаго *сенсаціоннаго* романа въ Англіи, производители котораго считаютъ себя учениками Диккенса, такъ какъ онъ, въ особенности въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ, придавалъ большое значеніе сюжету и любилъ оригинальные положенія и характеры. Сенсаціонный романъ есть романъ

---

[1]) Русск. переводъ II, 501—5.

интриги, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ основѣ ея лежала какая-нибудь тайна, большею частію ужасное преступленіе, которое долго остается не открытымъ и, какъ фатумъ древнихъ, тяготѣетъ надъ всѣми дѣйствующими лицами. Этотъ новый романъ *ужасовъ* тѣмъ сильнѣе привлекаетъ съ себѣ заурядныхъ читателей, тѣмъ эффектнѣе, что его ужасы разыгрываются въ скромномъ и, повидимому, до нельзя приличномъ англійскомъ обществѣ. Но онъ не брезгуетъ и старинными украшеніями вродѣ привидѣній и другихъ сверхъестественныхъ явленій, которыя большею частію въ заключеніи находятъ себѣ естественную разгадку. Самый даровитый сенсаціонистъ, безъ сомнѣнія, Вильки Коллинзъ (род. 1824 г.), который дѣйствительно унаслѣдовалъ коечто отъ Диккенса; а его многочисленные послѣдователи и послѣдовательницы только портятъ вкусъ публики и принижаютъ значеніе романа. Но и на романахъ м-съ Генри Вудъ и подобныхъ ей бездарностей все-же видно благотворное вліяніе корифеевъ англійскаго романа, какъ въ техникѣ, такъ и въ стремленіи обличать лицемѣріе и внушать гуманныя чувства.

У болѣе чуткихъ къ вопросамъ современности французовъ сенсаціонность приняла нѣсколько другое направленіе. И тамъ, конечно, есть въ огромномъ количествѣ уголовные, детективные и прямо полицейскіе романы, переводимые на всѣ языки и находящіе сотни подражателей. Но помимо этого, тамъ извѣстные литераторы, вродѣ Луи Ульбаха, и даже несомнѣнные таланты, вродѣ Дюма-сына, не пренебрегаютъ писать романы на извѣстный соціальный или политическій запросъ, выдвинутый настоящей минутой въ палатѣ или въ обществѣ.

Самая сильная и вліятельная школа въ новомъ французскомъ романѣ, безспорно, школа *натуралистическая*; она подготовлялась, какъ мы видѣли, съ XVII столѣтія; она складывалась и развивалась еще въ самый разгаръ славы соціально-идеальнаго романа Жоржъ-Санда, а въ 70-хъ годахъ достигла полнаго господства и въ отечествѣ своемъ и за границей.

Родоначальникъ новѣйшаго натурализма Оноре Бальзакъ (1799—1850), одинъ изъ самыхъ умныхъ людей и величайшій литературный труженикъ XIX столѣтія. Онъ начинаетъ съ историческаго романа («Les derniers Chouans», 1829 г.), потомъ переходитъ къ фантастическому (la Peau de chagrin) и наконецъ устанавливается на романѣ ультрареалистическомъ или натуралистическомъ изъ жизни буржуазіи (я долженъ признаться, что не могу усмотрѣть принципіальнаго, качественнаго различія между этими двумя понятіями, а вижу только различіе, такъ сказать *количественное:* деньги, напр., играютъ крупную роль въ дѣйствительной жизни и поэтому у всякаго реалиста они являются важнымъ мотивомъ, но *сколько именно* получила въ приданое такая-то или проигралъ въ карты такой-то, кромѣ исключительныхъ случаевъ, не имѣетъ для насъ

значенія; а натуралистъ Бальзакъ высчитываетъ до сантимовъ неизбѣжные расходы парижанъ и парижанокъ и деньгамъ и комфорту приписываетъ почти религіозный культъ).

Сила Бальзака въ тонкости и вѣрности его наблюденій, которыя превращаютъ произведенія его фантазіи въ безусловно *драгоцѣнный* матеріалъ для историка внутренней жизни французскаго общества. Чтеніе романовъ Бальзака не возвышаетъ и не облагораживаетъ души читателя, не увеличиваетъ въ немъ количества жизненной энергіи, не даетъ силы мириться со зломъ, не возбуждаетъ стремленія дѣлать добро; но оно развиваетъ умъ и подготовляетъ къ жизненной борьбѣ. Масса женщинъ, воспитанныхъ въ монастыряхъ, пансіонахъ или въ слишкомъ благоустроенныхъ семьяхъ, гдѣ дѣвушка будто подъ стекляннымъ колпакомъ охраняется отъ тлетворнаго вліянія страстей и житейской грязи, впервые по его романамъ научились познавать и другихъ людей, и самихъ себя; масса грѣшницъ находили въ нихъ себѣ оправданіе и утѣшеніе; для массы юношей онъ замѣнялъ жизненный опытъ; сотни тысячъ своихъ читателей всѣхъ возрастовъ заставилъ онъ сознательно отнестись къ окружающему и излѣчилъ отъ наивнаго довѣрія къ внѣшности, фразамъ и самообману.

По историческимъ причинамъ, о которыхъ говорить было-бы слишкомъ долго, школа, основанная Бальзакомъ, въ 70-хъ годахъ оказалась всемогущей, и въ ней явились такіе крупные художники слова и такіе смѣлые умы, что старый грубоватый Бальзакъ изъ-за нихъ остался совсѣмъ въ тѣни. Самые знаменитые изъ сошедшихъ со сцены дѣятелей, безъ сомнѣнія, — Густавъ Флоберъ (1821 — 1880) и непосредственный ученикъ его Мопассанъ (1850 — 1893); самое громкое имя изъ нынѣ живущихъ—Эмиль Золя (род. 1840).

Но здѣсь мой историческій очеркъ вступаетъ на зыбкую и непривычную для меня почву субъективной критики, съ которой я постараюсь уйдти какъ можно скорѣе. Я только скажу нѣсколько словъ о романѣ Золя «Римъ», который я прочелъ, долженъ признаться, не безъ нѣкотораго усилія. Въ этомъ романѣ, какъ и въ предыдущихъ, мною читанныхъ, у Золя нѣтъ и слѣдовъ той классической красоты въ отдѣлкѣ, той вѣскости каждаго эпитета и той гомеровской объективности изображенія, которыя поражаютъ насъ въ произведеніяхъ Флобера.

У Золя масса повтореній, ничего новаго не выясняющихъ, и самъ романистъ до такой степени на виду, что высказываетъ свои собственныя мысли даже устами совсѣмъ для того не подходящихъ лицъ. Нѣтъ у Золя и той трезвости фантазіи и той выдержанности міросозерцанія (крайне, впрочемъ, печальнаго и мнѣ несимпатичнаго), которыя придаютъ стройность и единство пессимистическимъ произведеніямъ Мопассана. Здѣсь читатель и въ концѣ-концовъ недоумѣваетъ, слѣдуетъ-ли ему тре-

петать передъ надвигающимся вымираніемъ западной цивилизаціи или вѣрить въ предстоящее братство народовъ. А фантазія автора такъ несдержанна, что ей позавидовали-бы романтики 30-хъ годовъ: отравленіе фигами и моментальная смерть двухъ влюбленныхъ, сжимающихъ другъ друга въ страстныхъ объятіяхъ, донъ-Вижиліо, трясущійся въ лихорадкѣ непрестанно въ продолженіи 3-хъ мѣсяцевъ, постоянное угадываніе мыслей съ одного взгляда—все это внѣшніе эффекты, достойные «Парижскихъ тайнъ». Скрытый іезуитъ Нани, который все знаетъ, все предвидитъ, всѣмъ управляетъ, такъ-же мало вѣроятенъ, какъ генералъ ордена въ «Вѣчномъ Жидѣ», только далеко не такъ эффектенъ. Главный герой—французскій священникъ—такъ мало думаетъ о себѣ и такъ преданъ идеѣ блага, разбитый параличемъ графъ Орландо такой умница и такой горячій патріотъ, красавица Пьерина любитъ Даріо такой беззавѣтной любовью, что такихъ фигуръ и въ такомъ количествѣ избѣгалъ и романъ Гюго и Ж.-Санда.

Несмотря на эти внѣшнія приманки, романъ читается не легко, и главная причина этого—въ его сильной сторонѣ. Золя прежде всего романистъ—ученый: творчеству у него всегда предшествуетъ долгое и старательное *штудированіе* предмета. Такъ и здѣсь, онъ до такой степени тщательно изучилъ топографію Рима и столько сотенъ страницъ посвятилъ ей, что его романъ, безъ всякихъ шутокъ, можно рекомендовать, какъ прекрасный путеводитель по Риму. Онъ такъ вникъ въ современное положеніе дѣлъ въ Ватиканѣ и вообще въ Италіи, что послѣ «Рима» чтеніе газетныхъ статей объ Италіи пріобрѣтаетъ особый интересъ. Работая больше умомъ, чѣмъ воображеніемъ и чувствомъ, Золя не могъ, да и не желалъ, конечно, избѣгать символизма. Весь планъ романа построенъ на символическомъ значеніи 3-хъ возвышенныхъ пунктовъ Рима: всѣ дѣйствующія лица представляютъ переходную ступень между символами и типами, отчего, конечно, страдаетъ ихъ рельефность и жизненность, и читателю трудно увлечься ими и сочувствовать имъ.

Въ этой попыткѣ объединенія поэзіи съ наукой я не могу не видѣть *переживанія* отъ временъ нѣмецкаго романтизма. Съ другой стороны въ тѣхъ высоко гуманныхъ идеяхъ, которыя проводитъ здѣсь Золя, заставляющій своего героя нарушить завѣтъ умирающей и простить даже не наказанному злодѣю графу Луиджи Прада, я не могу не видѣть благого наслѣдія отъ временъ Ж.-Санда, В. Гюго и Диккенса.

Ультра-натуралистическое отношеніе къ любви, вызывавшее прежде всего реакцію противъ вліянія Золя и его подражателей, въ этомъ романѣ почти незамѣтно.

Проявленіе этой реакціи я вижу не только въ умныхъ психологически-моральныхъ романахъ Поля Бурже (род. 1852 г.), въ субъективно-мечтательныхъ произведеніяхъ Лоти (Жюльенъ Viaud, род. въ 1850 г.),

но и въ прочномъ, хотя и не громкомъ успѣхѣ *новаго* историческаго романа во Франціи (большинство ихъ выходитъ въ коллекціи Armand Colin'a въ Bibl. de romans historiques), который, не принимая на себя опасной задачи потрясать читателя и измѣнять его міровоззрѣніе, стремится освѣщать прошлое кроткимъ свѣтомъ состраданія и надежды, сдѣлавшимъ безсмертными лекціи московскаго историка Грановскаго.

Перехожу къ послѣднему параграфу моего очерка—къ роману въ Германіи.

Въ новомъ нѣмецкомъ романѣ болѣе чѣмъ въ другихъ родахъ нѣмецкой литературы нашего столѣтія сказывается непримиримое разногласіе между идеалами и дѣйствительностью: проза жизни въ Германіи слишкомъ прозаична и безотрадна, а поэзія слишкомъ идеально настроена. Первый по времени и по достоинству нѣмецкій романъ «Вильгельмъ Мейстеръ» Гете проводитъ ту мысль, что порядочный человѣкъ долженъ бѣжать отъ дѣйствительной жизни, какъ отъ чего-то унизительнаго и грязнаго, бѣжать на олимпійскія выси чистаго искусства, «гдѣ нѣсть печали и воздыханія». Эта идея, какъ мы видѣли, господствуетъ и у романтиковъ. Ее же въ 1836 г. проводитъ въ своемъ романѣ «Эпигоны» Карлъ Иммерманъ (1796—1840), который заставляетъ своего героя уничтожить на своихъ земляхъ всѣ заводы и фабрики. А съ другой стороны, традиціонныя представленія о нравственности, по реакціи противъ романтизма, такъ сильны въ нѣмецкомъ обществѣ, что даже самые смѣлые люди не рѣшаются заговорить о пересмотрѣ ихъ.

Можно ли при такомъ положеніи вещей надѣяться, что романъ будетъ воспроизводить дѣйствительную жизнь и будетъ руководить общественнымъ мнѣніемъ?

Отсюда понятно, почему и въ эпоху дѣятельности молодой Германіи при такомъ высокомъ подъемѣ лирики, публицистики, критики и даже драмы, нѣмецкій романъ изъ современной жизни только прозябаетъ, а не живетъ, и публика питается переводами и жалкими подражаніями французамъ. Немногія оригинальныя попытки, вродѣ «Рыцарей духа» (1850—2) талантливаго Гуцкова представляютъ безконечные разговоры, вмѣсто дѣйствія.

На видный планъ выдвигается нѣмецкій романъ только въ 60-хъ годахъ, главнымъ образомъ благодаря Ауэрбаху и Шпильгагену.

Бертольдъ Ауербахъ (1812—1882) родился въ бѣдномъ еврейскомъ семействѣ въ деревнѣ. Онъ началъ свою литературную дѣятельность брошюрой въ защиту своихъ единовѣрцевъ; потомъ задумалъ серію романовъ изъ исторіи еврейства; но два романа, имъ написанные, не имѣли успѣха, вслѣдствіе своей фрагментарности. Тогда онъ вступилъ на новый, болѣе плодотворный путь—жанра изъ деревенской жизни. Его «Шварцвальдскія деревенскія исторіи» (съ 1843 г.), написанныя

простымъ языкомъ, съ здоровой простонародной моралью, съ благодушнымъ мужицкимъ юморомъ, произвели очень сильное впечатлѣніе. События 1848 г. заставили его измѣнить свои политическіе взгляды; бывшій радикалъ теперь проповѣдуетъ умѣренность и терпѣніе; онъ убѣжденъ, что вмѣсто неудавшейся политической революціи должна быть произведена мирная реформа среди народа; это будетъ реформа посредствомъ здоровой нравственности, взаимной помощи, а главное—труда, въ святость котораго онъ сильно вѣруетъ. Съ 50-хъ годовъ онъ становится вліятельнымъ и въ высшей степени полезнымъ народнымъ писателемъ.

Первый большой романъ Ауэрбаха «На высотѣ» (1865 г.) богатъ идеями и драматическими сценами; но ему вредитъ высокоподнятый тонъ и какая-то манерность, которая ведетъ за собою неполноту впечатлѣнія. Тѣ-же хорошія и дурныя стороны замѣтны и въ самомъ знаменитомъ его романѣ: «Дача на Рейнѣ» (1869).

Не легко примирить дѣйствіе этого романа во время его чтенія съ тѣмъ результатомъ, который получается послѣ него. Съ первыхъ же страницъ читатель очарованъ богатствомъ его содержанія: интересный сюжетъ, прекрасное описаніе роскошной арены дѣйствія, масса дѣйствующихъ лицъ и положеній приковываютъ вниманіе. Правда, рядомъ съ «типами» стоятъ небывало идеальныя лица; но какія умныя мысли авторъ высказываетъ ихъ устами! Какое множество глубокихъ вопросовъ выдвигаетъ онъ и какъ оригинально и умно разрѣшаетъ онъ иные изъ нихъ! Правда, любовныя сцены слишкомъ сладки и сентиментальны; но авторъ отводитъ имъ очень немного мѣста.

Дѣйствіе идетъ все скорѣй и скорѣй; нити сложной интриги переплетаются все больше и больше, не настолько, однако, чтобы утомить вниманіе; открываются новые обширные горизонты; выступаетъ на сцену дворъ и народная толпа; рѣзко обозначается единство фабулы, въ которой все сводится къ цвѣтущимъ берегамъ Рейна; возбуждается фантазія мистическими совпаденіями... Наконецъ, наступаетъ развязка, эффектная и донельзя оптимистическая; всѣ хорошіе люди умудрены испытаніями и награждены по заслугамъ, и на берегахъ національной рѣки, очищенныхъ отъ построекъ банкира, возникаетъ радостная жизнь труда и всеобщаго счастья.

Романъ написанъ такъ умно, гуманно и восторженно и оканчивается такъ счастливо, что онъ долженъ бы, казалось, вызвать слезы на глазахъ у самаго суроваго человѣка; а между тѣмъ онъ не можетъ растрогать даже того читателя, который проливаетъ слезы при послѣднихъ главахъ посредственнаго романа изъ школы Диккенса. Отчего это? безъ сомнѣнія, оттого, что здѣсь вмѣсто живыхъ людей олицетворенныя идеи, очень глубокія и умныя, но все же мертвыя для чувства.

Также холоденъ вслѣдствіе переполненія тенденціозностью и послѣд-

ній романъ Ауэрбаха «Вальфридъ» (1874)—апоѳеозъ объединенной и побѣдоносной Германіи. А деревенскія повѣсти его и въ послѣднемъ періодѣ его жизни проникнуты искреннимъ чувствомъ и поэтической правдивостью.

Замѣчательнѣйшій изъ современныхъ романистовъ Германіи Шпильгагенъ (род. 1829 г.), по подготовкѣ ученый; онъ былъ учителемъ гимназіи и готовился къ каѳедрѣ, отъ которой его отвлекла литература. Онъ выступилъ въ 1857 г. съ романомъ «Клара Верэ», за которымъ скоро послѣдовалъ «На дюнахъ». Успѣхъ былъ не блестящій, но автора признали подающимъ надежды. Эти надежды блистательно оправдали «Загадочныя натуры» (1860), которыя произвели положительный фуроръ; за ними скоро послѣдовалъ, какъ продолженіе, «Изъ мрака къ свѣту». Первыя два произведенія Шпильгагена принадлежатъ къ чистому типу семейно-психологическаго романа; въ двухъ послѣднихъ авторъ разработываетъ важный историко-психологическій вопросъ о современныхъ Гамлетахъ и на примѣрѣ даровитаго и добраго, но безполезнаго для себя и другихъ Оскара Штейна поучаетъ читателя, что гораздо лучше дѣлать маленькое общеполезное дѣло, чѣмъ задаваться неисполнимыми исполинскими задачами; только скромное самопожертвованіе и «идейный» трудъ могутъ дать человѣку душевное довольство.

Романами «Гогенштейны» (1864) и особенно «Одинъ въ полѣ не воинъ» (in Reih' und glied, 1866) Шпильгагенъ переходитъ къ семейно-соціальному роману. Семейная интрига, обыкновенно очень сложная, у него разыгрывается на почвѣ общественной и политической жизни Германіи послѣ 1848 г. Главная задача Шпильгагена найти середину между безплоднымъ идеализмомъ и практически ловкимъ эгоизмомъ, между молотомъ и наковальней, между Александромъ и Діогеномъ. Его личныя симпатіи всецѣло на сторонѣ мечтателей 1848 г., которые выставлены у него героями; нѣмцы Бисмарка—дрянные, бездушные люди; они корчатъ изъ себя американцевъ, не имѣя ихъ энергіи и смѣлости. Но Шпильгагенъ самъ понимаетъ, что возвращеніе къ старому невозможно, да и не желательно, и стремится создать новаго человѣка, соединяющаго силу и умѣнье съ благородствомъ стремленій. Большіе его романы тяжелы въ чтеніи; если въ началѣ читателя не завлекаетъ умная и красивая концепція, скоро безконечные разговоры, переходящіе въ тонъ профессорскихъ лекцій, начинаютъ требовать усиленнаго напряженія; авторъ такъ часто говоритъ устами дѣйствующихъ лицъ, что характеры ихъ сливаются и теряются въ туманѣ. Повѣсти удаются ему гораздо лучше. Но во всемъ этомъ виденъ умный, честный, многодумавшій и многовидѣвшій человѣкъ, съ которымъ всегда поучительно и пріятно побесѣдовать.

Историческая наука въ Германіи съ самаго начала столѣтія стоитъ такъ высоко, что въ историческомъ романѣ и повѣсти (какъ и въ исто-

рической драмѣ) нѣмцы всегда давали нѣчто оригинальное и цѣнное. Самъ Гофманъ умѣлъ смирять свою необузданную фантазію въ своихъ превосходныхъ историческихъ повѣстяхъ. Гауфъ уже въ 1826 г. далъ одинъ изъ лучшихъ историческихъ романовъ—«Лихтенштейны»; Фрейтагъ съ своей арміей романовъ «Предки» (Die Ahnen 1872—1881) и Риль съ своими культурно-историческими новеллами, несомнѣнно, ученики В. Скотта, но ученики, далеко обогнавшіе своего учителя въ отношеніи исторической правды. Риль, благодаря формѣ повѣсти, могъ пойти еще дальше Фрейтага, у котораго все же есть традиціонные герой и героиня, которые въ концѣ должны сочетаться законнымъ бракомъ; а Риль приподнимаетъ завѣсу прошлаго съ любого угла и ведетъ насъ прямо въ жизнь грубаго барона или скопидома-горожанина, не считая себя обязаннымъ занимать насъ избитой любовной интригой. Отсюда уже одинъ шагъ до *археологическаго* романа, характернаго продукта страны ученыхъ и педагоговъ.

Археологическому роману предшествовала археологическая повѣсть, которая въ связномъ рядѣ картинъ рисовала жизнь бывшихъ грековъ и римлянъ; цѣль ея—познакомить юношество облегченнымъ способомъ съ такъ называемыми *домашними древностями*. Еще въ 1838 и 1840 г. вышли двѣ такія повѣсти извѣстнаго профессора Беккера: «Галлъ» и «Хариклъ», переведенныя почти на всѣ европейскіе языки; онѣ еще не претендовали на художественное значеніе и исполняли скромную педагогическую задачу; но археологическіе романы Эберса уже крупный историко-литературный фактъ.

Георгъ Эберсъ (род. 1837 г.) профессоръ, египтологъ. Первый свой романъ—«Дочь египетскаго царя» онъ написалъ еще до начала своей профессорской дѣятельности (1864 г.). Впослѣдствіи (въ 1876 г.), когда доктора запретили ему заниматься, онъ отдалъ свой невольный досугъ исключительно романамъ, сперва изъ исторіи Египта и прилежащихъ странъ, а потомъ изъ среднихъ вѣковъ и возрожденія. Научное достоинство ихъ выше всякой критики; что же касается до поэтическаго, то ученый авторъ оказался художникомъ ровно настолько, чтобы не надѣлать грубыхъ ошибокъ: не приписать одному лицу противорѣчивыхъ чертъ, не выводить лицъ не нужныхъ, оживлять описанія разговорами и пр. Но онъ не можетъ создать живыхъ типовъ, интересныхъ положеній; не можетъ увлечь читателя, заставить его забыться. У Эберса въ одеждѣ египетскихъ жрецовъ и воиновъ зачастую дѣйствуютъ интеллигентные нѣмцы, спокойные и серьезные, вдумчивые люди, мечтательные въ юности, солидные и благоразумные подъ старость. Въ его романахъ изъ нѣмецкой старины, разумѣется, нѣтъ такихъ невольныхъ анахронизмовъ.

Современный нѣмецкій романъ представляетъ картину, чрезвычайно

сложную и пеструю: на этомъ поприщѣ дѣйствуютъ многіе десятки послѣдователей Золя и Мопассана; есть тамъ и ученики Достоевскаго, и романисты-соціологи, и подражатели Жюля Верна, и Габоріо и Понсонъ дю Терайля и т. д. и т. д., и разобраться въ этой пестротѣ въ нѣсколькихъ словахъ нѣтъ никакой возможности. Но я не могу не упомянуть одного очень отраднаго явленія, указывающаго на возможность оживленія нѣмецкаго семейнаго романа. Я разумѣю вышедшее въ 1884 г. «Семейство Бухгольцъ», Юліуса Штинде *), которымъ гордится всякій пруссакъ отъ кн. Бисмарка до бѣднѣйшаго школьнаго учителя.

Огромный успѣхъ «Семейства Бухгольцъ» съ поразительной ясностью доказываетъ, какъ бѣдна нынѣшняя Германія истиннымъ юморомъ. Штинде—остроумный, живой, симпатичный писатель, но онъ далеко не Гоголь и не Диккенсъ (хотя иныя страницы его романа и заставляютъ читателя смѣяться тѣмъ добрымъ и здоровымъ смѣхомъ, которымъ обыкновенно сопровождается чтеніе «Пиквика»). Штинде только внимательный и умный наблюдатель и хорошій разсказчикъ. Романъ его построенъ очень оригинально: онъ безъ интриги, безъ героя и безъ героини. Нельзя же признать героиней въ обычномъ значеніи слова почтенную фрау Бухгольцъ, у которой при выступленіи на сцену уже взрослыя дочери и для которой съ самаго того момента, какъ она стала *невѣстой*, не существуетъ другихъ мужчинъ, кромѣ ея возлюбленнаго Карла. Она—героиня только потому, что постоянно на сценѣ и занимаетъ насъ своими семейными радостями и огорченіями и своей откровенной болтовней. Она въ сущности очень добрая и хорошая женщина; но тщеславная, мелочная и часто назойливая. Если что не подходитъ къ ея шаблону, она не въ состояніи примириться съ этимъ, не въ состояніи стать на чужую точку зрѣнія. Она очень не глупа отъ природы, но постоянно дѣлаетъ глупости вслѣдствіе излишка живости и недостатка, почти отсутствія умственнаго и нравственнаго образованія. Это образованіе для нея, какъ и для большинства нѣмокъ ея класса, было замѣнено теоретическимъ и практическимъ изученіемъ поваренной книги и усвоеніемъ правилъ мѣщанскаго приличія. Фрау Бухгольцъ—одна изъ тѣхъ нѣмецкихъ женщинъ, которыхъ любятъ и балуютъ мужья ихъ, но про которыхъ они и при чужихъ людяхъ говорятъ: Meine Luise ist dumm und beschränkt, wie ein Stearinkerzchen. А кто виноватъ въ этой ограниченности, какъ не сами же нѣмцы, которые думаютъ, что мальчикъ долженъ поглотить всю греко-латинскую и реальную премудрость, а дѣвочкѣ изъ средняго класса довольно знать грамоту и 4 правила ариѳметики?

Въ послѣднее время этотъ прадѣдовскій взглядъ начинаетъ, къ счастью для Германіи, измѣняться: повсемѣстно основываются такъ на-

*) Въ 1894 году вышло уже 75-е изданіе.

зываемыя высшія женскія школы, соотвѣтствующія нашимъ гимназіямъ, и хорошій романъ въ рукахъ дѣвушки-подростка уже не возбуждаетъ негодованія сколько-нибудь развитыхъ отцовъ.

По моему глубокому убѣжденію, основанному на длинномъ, длинномъ рядѣ наблюденій, чтеніе *хорошихъ* повѣстей и романовъ болѣе важный факторъ въ воспитаніи будущаго человѣка и гражданина, чѣмъ даже математика. Математика необходима для развитія способности къ послѣдовательному мышленію; но ту-же способность, хотя и съ меньшимъ удобствомъ, можно развивать на изученіи языковъ, на логикѣ. А чѣмъ можно замѣнить то развитіе симпатіи къ добру и антипатіи къ злу, то возбужденіе энергіи, ту подготовку къ жизни, ту наблюдательность, наконецъ то эстетическое образованіе, которыя даютъ истинно-художественные романы и даютъ не только безъ напряженнаго труда, а даже доставляя сильное и чистое наслажденіе? Кто безъ достаточнаго основанія отнимаетъ у юноши или дѣвушки хорошій романъ, совершаетъ еще большій грѣхъ, чѣмъ тотъ, кто отнимаетъ учебникъ у любознательнаго ребенка; любознательность рано или поздно возьметъ свое, а нравственная физіономія человѣка слагается однажды въ жизни. Представьте себѣ пятнадцати-шестнадцати лѣтъ юношу или дѣвушку изъ интеллигентной семьи, которымъ не позволяютъ читать романовъ. Прежде всего куда имъ дѣвать свой досугъ: вѣдь нельзя-же работать 15 часовъ въ сутки? Да если-бъ они и усвоили учебники по всѣмъ филологическимъ, естественнымъ и политико-экономическимъ наукамъ, развѣ они могли-бы считаться людьми образованными и развитыми? Какими антипатичными дикарями смотрѣли-бы они, вступая въ жизнь, и если они не обратятся въ безсердечныя машины, какъ легко юношѣ сдѣлаться негодяемъ, а женщинѣ свернуть себѣ нравственно шею при первомъ серьезномъ столкновеніи съ жизнью?

Но дѣло такъ ясно, что безполезно и распространяться о немъ; вопросомъ можетъ быть только то, когда и что́ слѣдуетъ читать.

Конечно, не во всякомъ возрастѣ и не все, что попало. Бѣлинскій, обязанный чтенію всѣмъ своимъ развитіемъ, безусловно правъ, утверждая, что *дѣтямъ* хуже и вреднѣе читать дурно-выбранныя книги, нежели ничего не читать». «Первое,—зло положительное, второе только отрицательное»,—говоритъ онъ (III, 509), и рисуетъ яркими красками фразерство, ломанье, вообще нравственное уродство, являющееся результатомъ несвоевременнаго чтенія дѣтей. То-же, безъ сомнѣнія примѣнимо и къ подросткамъ. Каковы должны быть книги для дѣтскаго чтенія,—такъ талантливо, убѣжденно и правдиво объяснено въ указанной статьѣ Бѣлинскаго, что и теперь, черезъ 57 лѣтъ, къ ней почти нечего прибавить. Но не могу не замѣтить, что въ современной дѣтской литературѣ одинъ изъ тезисовъ Бѣлинскаго оказывается плохо понятымъ. Теперь, къ счастію, нѣтъ тѣхъ

нравоучительныхъ повѣстей о добродѣтельныхъ Сашенькахъ и Машенькахъ, которые подаютъ нищему копейку и немедленно вознаграждаются за это сладкимъ пирожкомъ или гривенникомъ. Бѣлинскій истребилъ ихъ почти въ конецъ. Но я боюсь, что наши дѣти страдаютъ отъ другой крайности: теперь масса повѣстей, большею частію хорошо написанныхъ, которыя изображаютъ самыя печальныя стороны жизни: истязанія дѣтей и животныхъ, ужасающую бѣдность большихъ городовъ, болѣзни, особенно смерть. Дѣтскіе журналы, ими наполняемые, повидимому, могутъ опереться на слова Бѣлинскаго: «Конецъ вашей повѣсти можетъ быть и несчастный, въ которомъ добродѣтель страждетъ, а порокъ торжествуетъ; но вы вполнѣ достигнете вашей нравственной цѣли, если юныя сердца вашихъ читателей станутъ за страждущихъ и не позавидуютъ торжествующимъ, если на вопросъ—на чьемъ-бы хотѣли они быть мѣстѣ?—они не колеблясь отвѣтятъ, что на мѣстѣ страждущихъ, но добрыхъ». (Ib. 525). Прекрасныя слова; какой педагогъ не признаетъ ихъ справедливости? Но обратите вниманіе на то, что Бѣлинскій говоритъ: «Конецъ повѣсти *можетъ быть* и несчастный», и что всѣ 4 разсказа, по поводу горячаго одобренія которыхъ написана эта статья, имѣютъ развязку счастливую. Въ той-же статьѣ Бѣлинскій требуетъ для дѣтей «радужныхъ образовъ» (515), доказываетъ, что книжка должна доставлять дѣтямъ *наслажденіе* (519), а какой ребенокъ можетъ испытывать наслажденіе отъ длиннаго ряда хватающихъ за сердце печальныхъ исторій? Если вы имѣете дѣло съ эгоистичнымъ, туповатымъ ребенкомъ, у котораго растительно-животная жизнь слишкомъ пригнетаетъ духовную, давайте ему читать такія повѣсти въ возможно большемъ количествѣ. Но много-ли у насъ такихъ дѣтей? Современная дѣтская повѣсть, сколько знаю, всегда реальна, что опять-таки, повидимому, согласно съ воззрѣніемъ Бѣлинскаго, который запрещаетъ украшать дѣйствительность и настойчиво требуетъ полной правдивости. Но въ той-же статьѣ онъ съ горячимъ убѣжденіемъ ратуетъ за необходимость развитія фантазіи, и 3 изъ 4-хъ повѣстей, удостоившихся похвалы его,—сильно фантастическія.

Здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія: полезны и хорошія сказки, полезны и правдивыя повѣсти изъ дѣйствительной жизни. Однообразіе вредно и въ физической и въ умственной пищѣ.

Въ концѣ той-же статьи Бѣлинскій говоритъ мимоходомъ и о чтеніи для юношества и изъ западной литературы рекомендуетъ ему Гофмана, съ одной стороны, В. Скотта и Купера—съ другой. Въ 1840 г. трудно было-бы и указать что-нибудь другое; теперь гораздо легче.

Наша средняя школа, столь несовершенная во многихъ и многихъ отношеніяхъ, поступаетъ довольно остроумно и цѣлесообразно, хотя и не откровенно, относительно чтеній классическихъ произведеній русской беллетристики. Ученикамъ и ученицамъ запрещается записываться въ

библіотеки для чтенія, а изъ ученической библіотеки до IV—V класса имъ выдаются почти дѣтскія книжки. Но въ VI классѣ, когда изложенія смѣняются «сочиненіями», учитель словесности *вдругъ* начинаетъ *ужасаться*, что ученики не читали всего Гоголя, Тургенева, незнакомы съ Достоевскимъ, Львомъ Толстымъ, Григоровичемъ. Ужасъ его заразительно дѣйствуетъ и на весь педагогическій совѣтъ, который начинаетъ считать ученика, только добросовѣстно готовящаго уроки, не достаточно развитымъ для его класса, и на самихъ учениковъ и на ихъ родителей, и въ результатѣ къ VII классу лучшіе ученики оказываются болѣе или менѣе начитанными по крайней мѣрѣ въ русской литературѣ. Къ ней, по моему глубокому убѣжденію, необходимо присоединить и лучшіе образцы западнаго романа. Кромѣ Гофмана, В. Скотта и Купера, я рекомендовалъ-бы прежде всего Донъ-Кихота, Диккенса, Теккерея, Кёрреръ Беля, и съ выборомъ пьесъ (но не въ урѣзанныхъ изданіяхъ—in usum delphini)—В. Гюго, Ж. Санда, Бульвера, Чарльза Рида, Шпильгагена, Ауэрбаха, Гейзе, Марлиттъ и т. д. и т. д.

Я рекомендовалъ-бы усиленно чтеніе всѣхъ историческихъ романовъ и повѣстей, удовлетворительныхъ въ художественномъ отношеніи: Фрейтага, Мериме, Манцони, Азеліо и пр., и пр. и не ради того, что они облегченнымъ способомъ знакомятъ съ историческими фактами, а потому, что въ порядочномъ историческомъ романѣ по самому существу его есть равновѣсіе между идеаломъ и дѣйствительностью, и потому еще, что упражненіе способности переноситься въ иное міровоззрѣніе развиваетъ ту *всечеловѣчность*, которая является конечною цѣлью гуманнаго воспитанія.

При всемъ моемъ уваженіи къ таланту и заслугамъ такихъ тонкихъ наблюдателей и психологовъ, какъ Бальзакъ, Флоберъ, Додэ, нашъ Писемскій, я *по возможности* (безъ насилія, конечно) не давалъ-бы даже ихъ (не говоря уже о Мопассанѣ и Золя) въ руки молодежи до окончанія средней школы. Было-бы нелѣпо скрывать отъ этой молодежи отрицательную сторону жизни; но я убѣжденъ, что съ нею въ достаточной степени она познакомится и черезъ Гоголя, Тургенева и др. великихъ художниковъ; излишекъ-же въ этомъ отношеніи вреденъ: слишкомъ объективное представленіе грязи и низости у одного можетъ убить всякую охоту жить, а у другого притупитъ нравственную воспріимчивость.

Если-жъ меня спросили-бы, кому изъ великихъ романистовъ отдавать въ педагогическомъ отношеніи преимущество: негодующимъ-ли обличителямъ людской неправды и пошлости, вродѣ Теккерея, или оптимистамъ мечтателямъ, вродѣ Диккенса, я, не колеблясь, выскажусь за послѣднихъ. Пылкая ненависть къ *безусловному* злу есть, конечно, великое дѣло,—и Христосъ изгонялъ торжниковъ изъ храма; но она часто и легко переходитъ въ неугомонное преслѣдованіе зла *условнаго, относительнаго*: вѣдь и инквизиторы сжигали людей ad majorem dei gloriam.

А свѣтлая вѣра въ жизнь, добрая и дѣятельная любовь къ людямъ, къ тому добру, которое есть во всякомъ человѣкѣ, какъ-бы низко ни палъ онъ, есть высшее благо и высшее счастіе, и тѣ идеалисты-мечтатели, которые поддерживаютъ и развиваютъ въ насъ такую любовь—величайшіе благодѣтели человѣчества.

А. Кирпичниковъ.

Слѣпыши.

РАЗСКАЗЪ.

(Окончаніе).

XI.

Гетнеръ постучался въ дверь Аделаиды.

— Кого тамъ еще?—послышался ея недовольный голосъ.

— Мнѣ надо васъ видѣть,—сказалъ онъ, и, не дожидаясь отвѣта, отворилъ дверь.

— Опять васъ принесло?—нервно сказала она.

— Опять, и по важному дѣлу. Позвольте мнѣ присѣсть, почтеннѣйшая Анфуса Порфирьевна.

Она давно уже, много лѣтъ, не слыхала своего имени. Оно рѣзнуло ей слухъ чѣмъ-то недобрымъ.

— Откуда вы знаете?—начала она.

— Что васъ зовутъ Анфусой? Очень просто, Анфуса Порфирьевна,—да я и не то знаю, а еще много, что васъ касается, и что очень интересно.

Безпокойство ея усилилось.

— Да чего вы мучаете меня,—вотъ дьяволъ, прости Господи!—воскликнула она.

— Дьяволъ! что́ за слова,—возразилъ онъ.—Я къ вамъ съ пріятной вѣстью, не знаю чѣмъ дарить будете. Завѣщаніе у покойничка нашлось.

— Въ погребѣ?—изумилась она.

— Ну, зачѣмъ въ погребѣ. Въ алтарѣ у отца Ѳаддея. Лежало тамъ два года. Вскрыли сейчасъ, и прочли. Все вамъ отказано,—все—даже на придачу полоумная дочка.

Она широко раскрыла глаза и недовѣрчиво смотрѣла на него.

— Врете вы, издѣваетесь,—сказала она.

Онъ нашелъ глазами образъ и перекрестился.

— Богом ъклянусь, не вру,—а я, Анфуса Порфирьевна,—вѣрующій.

Она встала.

— Нѣтъ, другъ мой, вы сядьте. Завѣщаніе посмотрѣть успѣете,—дѣло не въ завѣщаніи. Я васъ пять минутъ всего задержу.

Она машинально сѣла.

— Пока никого нѣтъ, мнѣ надо рѣшить очень важное для насъ дѣло: хотите замужъ за меня?

Она засмѣялась.

— Видно много денегъ въ завѣщаніи оставлено?

— Много. То-есть, съ меня достаточно.

— А какая мнѣ корысть за васъ замужъ выходить?

— Большая.

— А ну-ка, скажи, я послушаю.

— Я дворянинъ.

— Невидаль! скажите!

— Ты помолчи. Я молодъ, красивъ...

— Скажите,—туда-же.

— Я знаю, что я красивъ, что я могу нравиться. Я дѣятеленъ, уменъ, практиченъ. Какого тебѣ еще мужа? Ты должна образъ мой вымѣнять и молиться передъ нимъ ежедневно, коли это случится.

— Довольно я помучилась подъ неволей, мнѣ, батюшка, на свободу хочется.

— Да кто-жъ вамъ мѣшаетъ, Анфуса Порфирьевна? Я васъ стѣснять не буду. Буду любить васъ.

Она встала.

— Никогда я не повѣрю, чтобы ты любилъ меня, а не мои деньги. Очень тебѣ я нужна. Самъ небось отказывался позавчера,—а сегодня любовь явилась. Захочу замужъ—выйду, съ деньгами возьмутъ... Коли ты не врешь—будетъ больше полутораста тысячъ,—я знаю.

— Да кромѣ... двадцати—или сколькихъ, я ужъ забылъ?—улыбаясь спросилъ онъ.

— Ахъ, ты о своемъ жульничествѣ вспомнилъ?—засмѣялась она.—Такъ я тебѣ вотъ что скажу: коли въ правду получу я все,—такъ мнѣ и не нужно того, что ты укралъ, я тебѣ дарю—пользуйся. По крайности, всегда, каждую минуту могу тебѣ въ лицо плюнуть и подлецомъ назвать. Большое мнѣ отъ этого будетъ удовольствіе. Ты мнѣ за три дня столько крови испортилъ, что я тебѣ это попомню.

— Ну, а я, Анфуса Порфирьевна, и этого удовольствія вамъ недоставлю.

Онъ разстегнулъ сюртукъ, вынулъ изъ кармана бумаги и бросилъ ихъ на столъ.

— Вотъ берите,—тутъ все, что я взялъ. Я даже не помню, сколько, я и не разворачивалъ ихъ.—Шутокъ вы не понимаете, вотъ что.

Она взглянула мелькомъ на бумаги, и сложила ихъ снова.

— Хороши шутки,—сказала она, но уже другимъ голосомъ.—Я сомкнуть глазъ не могла три ночи.

— Жадны очень, Анфуса Порфирьевна.

— Не жадна,—воскликнула она,—а вѣдь жрать-то, я думаю, надо что-нибудь. На что я годна? Въ экономки итти? опять, послѣ холеной жизни пятки трепать по кладовымъ да по антресолямъ? Поневолѣ рвешь кусокъ, особливо какъ знаешь, что никто этимъ не обиженъ. Вамъ хорошо со стороны говорить: крадетъ, воруетъ! А нѣшто не долженъ онъ былъ-бы мнѣ за всѣ мои хлопоты капиталъ оставить?

— Ну, будетъ, Анфуса Порфирьевна, будетъ.—Скажите мнѣ лучше: пойдете за меня или нѣтъ.

— Да вы опять шутите?

— Накажи меня Богъ.

— Что вамъ за корысть на мнѣ жениться? Вѣдь васъ ваши однополченцы заклюютъ за меня?

— Выйду изъ полка.

— Ну, и здѣсь вокругъ будутъ говорить: польстился на деньги,—а и деньги-то чѣмъ она добыла.

— Это все вздоръ,—спокойно отвѣтилъ онъ.—Добро-бы вы были какая-нибудь—а то вѣдь вы, какъ законная жена, четырнадцать лѣтъ съ нимъ были. Такъ не все-ли равно, вѣнчаны вы были съ нимъ, или нѣтъ? Передъ Богомъ такой-же вы женой были. А теперь, выйдете за меня—сразу потомственной дворянкой будете. Отсюда, можетъ, мы и уѣдемъ,—въ другой губерніи имѣнье купимъ... По рукамъ, Анфуса?

— И довольно это низко, въ самый день похоронъ объ этомъ разговаривать.

— Мертвые на кладбищѣ, а живые въ мірѣ. Вынесли его, закопали и все кончено. И насъ съ тобою такъ-же закопаютъ. И времени терять нечего, а надо жить.

— Любить ты меня не будешь, вотъ что!—съ какой-то истомой воскликнула она.—Ну, гдѣ тебѣ, офицеру, да еще изъ нѣмцевъ, меня, простую бабу, любить!

— Да вѣдь любилъ-же тебя генералъ?

— Ну, моложе я была: шестнадцати лѣтъ ему въ руки попалась. Загублены года даромъ. А теперь ужъ не то.

— То, Анфиса Порфирьевна. Теперь лучше. Тогда почка была,—теперь цвѣтокъ.

Она не слушала его. Передъ ней длинной вереницей проходили минувшіе годы: одинъ какъ другой, другой какъ третій. Промелькнули

эти четырнадцать лѣтъ, какъ недѣля. Она даже въ городъ ни разу не выѣхала: все сидѣла здѣсь, за печкой, ругалась съ людьми, смотрѣла за хозяйствомъ, ѣздила въ лѣсъ за грибами, солила и пекла, да думала о Коленькѣ. Правда, нѣтъ еще ни морщинъ, ни сѣдинъ. Жизнь спокойная была, да и Коленька былъ ужъ послѣднія пять лѣтъ совсѣмъ слабоватъ. Впереди еще много жизни, а все-же жалко промелькнувшихъ, безцѣльно завядшихъ лѣтъ. Передъ ней возстали и образъ ея матери,—въ черномъ платкѣ, повязанномъ по уставу, и сѣдая борода суроваго раскольника-отца; и того офицера, что увезъ ее, пятнадцатилѣтнюю дуру, съ Волги сюда, въ городъ, и заставлялъ ее пить «дри-мадеру» въ кружкѣ полковыхъ гулякъ.

— Везетъ мнѣ на офицеровъ!—усмѣхнулась она.

— Что?—переспросилъ Гетнеръ.

Она подняла на него глаза, и точно опомнилась. Онъ и правду красивъ:—такой тонкій, вылощеный, аккуратный.—Мерзавецъ?..—да и то сказать—кто не мерзавецъ!

— Что вы сказали?—переспросилъ онъ.

— Что я сказала? медленно отвѣтила она.—Я думала—очень вы подлы или нѣтъ? Думаю, что не больше другихъ.

— Не больше, родная.

— А очень хочется деньги-то заполучить?

— Очень. Я хочу стать крупнымъ помѣщикомъ.

— А за жену стыдно не будетъ?

— Не будетъ. Сюда-же всѣ пріѣдутъ. Я заискивать не буду. Сами придутъ.

Подъ окномъ послышались голоса. Это возвращались «свѣдующіе люди» изъ погреба.

— Ну, такъ какъ-же?—продолжалъ онъ и, вставши, протянулъ къ ней руки.—Можетъ, задатокъ позволите получить?

Она задорно прищурилась.

— Цѣловаться хочешь? Рано еще! А бери ты въ задатокъ вотъ эти деньги, что привезъ мнѣ. Дарю я ихъ тебѣ. Посмотрю тебя поближе, какой-ты человѣкъ,—тогда и скажу тебѣ отвѣтъ.

— Вотъ теперь я возьму ихъ,—сказалъ онъ, и протянулъ ей руку.—Ну, хоть въ щеку.

— Да цѣлуй, спокойно сказала она.

Онъ крѣпко прижался губами къ ея полной мягкой щекѣ. Онъ чувствовалъ, какъ кровь залила ей лицо, и грудь колыхнулась.

— Идутъ!—проговорила она, прислушиваясь къ шагамъ въ коридорѣ, и оттолкнула его.

XII.

Прошло два мѣсяца.

Еще на Пасхѣ распространился слухъ, что Гетнеръ женится на Анфусѣ. Слуху этому не то что не повѣрили, а отнеслись къ нему какъ-то мимоходомъ, не придали ему значенія. У Гетнера появилась довѣренность отъ Анфусы; и съ этой довѣренностью онъ ѣздилъ по разнымъ правительственнымъ учрежденіямъ и утверждалъ ее въ правахъ наслѣдства. Потомъ онъ ѣздилъ зачѣмъ-то въ Москву и Петербургъ; затѣмъ возвратился назадъ въ статскомъ платьѣ, — и въ маѣ мѣсяцѣ развезъ по сосѣдямъ и по губернскимъ властямъ приглашеніе на свадьбу.

Приглашеніе это всполошило городъ. Оказалось, по наведеннымъ справкамъ, что, благодаря настоянію какого-то чрезвычайно вліятельнаго лица, не только Анфуса, но и самъ Гетнеръ утверждены опекунами Анны Николаевны. Взбѣсился больше всего на это предводитель.

— Какъ же это такъ помимо насъ? — вопилъ онъ по всѣмъ кабинетамъ города.—Что это за шахеръ-махерство. Ну, да не пройдетъ ему это. Я доберусь до него.

— Да что же вы сдѣлаете?—спрашивали у него.

— Доѣду. Выходецъ, нѣмецъ.

Но выходецъ и къ нему пріѣхалъ съ приглашеніемъ; онъ сказалъ, что будетъ непремѣнно, но, конечно, не поѣхалъ.

— Много чести къ такимъ на свадьбы ѣздить,—говорилъ онъ.— Сперва пусть въ котлѣ покипятъ, да просолятся. А къ недопеченымъ не рука мнѣ ѣздить.

Свадьба вышла довольно торжественная, хотя изъ сосѣдей никто почти не пріѣхалъ. Но изъ Москвы былъ привезенъ какой-то генералъ, который благословлялъ Гетнера. Въ посаженые отцы Анфусы выписали какого-то почетнаго опекуна, который два раза заснулъ за ужиномъ и облилъ сосѣду колѣна краснымъ виномъ. Матери тоже были какія-то привозныя. Вмѣстѣ съ ними пріѣхало и нѣсколько странныхъ московскихъ знакомыхъ Гетнера: какія-то вдовыя профессорши, интенданты, разбогатѣвшіе послѣ Севастополя, вслѣдствіе необычайно удачнаго распространенія среди солдатъ тифа и холерины; какіе-то откупщики съ колыхающимися чревами; какіе-то изящные чиновники особыхъ порученій въ новенькихъ съ иголочки вицъ-мундирахъ. Всѣ они были очень любезны, хорошо другъ съ другомъ знакомы, — и даже изъявляли удовольствіе по поводу того, что провинціальные гости не пріѣхали. И потомъ, когда послѣ свадьбы Гетнеръ встрѣчался съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей, онъ говорилъ:

— Жаль, очень жаль, что вы не сдѣлали чести. А былъ почетный опекунъ Вымпеловъ, сенаторъ Берейщиковъ, генералъ Сотейниковъ,

вдова профессора Вальбецъ-Кострица. Но, конечно, — прибавлялъ онъ какъ бы мимоходомъ,—вамъ всѣ они совершенно незнакомы...

Анфуса была, какъ туманѣ. Она не знала, почему она выходитъ замужъ за Гетнера, какъ не знала—честный онъ человѣкъ, или нѣтъ. Онъ былъ къ ней ласковъ и даже почтителенъ, денегъ не просилъ, переводить на свое имя ничего не хотѣлъ. Онъ ей сталъ нравиться, какъ мужчина: выхоленный, бѣлый, какой-то сквозной. Покойный Николай Львовичъ былъ крупный рослый мужчина, часто потѣлъ, ваннъ никогда не бралъ, только лѣтомъ купался, бѣлье мѣнялъ разъ въ недѣлю. Гетнеръ привезъ изъ Москвы ванну, и бралъ ее черезъ день, да и Анфусѣ предложилъ черезъ день купаться, пока еще въ рѣкѣ вода холодная. Рубашки у него были тонкія, на туалетномъ столѣ стоялъ огромный ассортиментъ о-де-колоновъ, уксусовъ, духовъ и душистыхъ водъ. Вязанныя фуфайки онъ вывезъ откуда-то изъ заграницы и онѣ приводили Анфусу въ немалое умиленіе своими разноцвѣтными полосами. Неразъ она говорила, цѣлуя его въ щеку:

— Ужъ и чистъ же ты, ахъ, какъ чистъ! Пушинки — пылинки нѣтъ. Люблю опрятность.

Послѣ свадьбы, онъ остался такъ-же милъ и деликатенъ, какъ и прежде. Она не могла понять: можно-ли ей на него положиться, и не подводитъ-ли онъ эту ласку за тѣмъ, чтобъ обобрать ее. Разъ даже она его спросила:

— Скажи, Шура, правду: хотѣлъ ты оболванить меня тогда съ бумагами?

— Шутокъ ты, Фуся, не понимаешь,—возражалъ онъ, не отвѣчая на вопросъ.

— Да, шутки-шутки! Хороши шутки, отъ которыхъ у меня цѣлыя ночи колыханіе внутри было.

— Однако я тебѣ деньги отдалъ!

— Да я ужъ и раскинуть умомъ ничего не могу. Богъ тебя знаетъ,—можетъ ты шельма, а можетъ ужъ такъ уменъ, что всякаго жида проведешь.

— Насъ Богъ соединилъ навѣки,—говорилъ онъ,—и разъединить насъ никакія силы не могутъ. Мы прилѣпились два плоть во-едину, и тайну эту разорвать нельзя.

Она чувствовала, что незамѣтно поддается его вліянію. Она подчинилась ему сразу, несомнѣнно болѣе, чѣмъ покойному Николаю Львовичу. Онъ какъ-то подчинилъ ее себѣ, не возвысивъ голоса, и ничего отъ нея не потребовавъ.

Гораздо труднѣе было совершить побѣду надъ сумасшедшей. Когда онъ, утвержденный ея опекуномъ, явился къ ней въ баню, и галантно поцѣловавъ руку, сказалъ:

— Я вашъ опекунъ, Анна Николаевна; всегда—что-бы вамъ ни понадобилось,—обращайтесь ко мнѣ: вы во мнѣ найдете второго отца.

Она вдругъ закатилась смѣхомъ. Она хохотала до слезъ и до икоты.

— Чему же вы смѣетесь, Анна Николаевна?—спрашивалъ онъ.

— Ай, какой смѣшной, ай, какой смѣшной! — повторяла она.— Вотъ смѣшной, вотъ-то!

Потомъ она присмирѣла и стала серьезна. Онъ ей началъ говорить о томъ, что къ зимѣ надо баню передѣлать, и потому надо перейти ей въ домъ. Она поняла, должно быть, и сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ! Да вотъ, да вотъ. Нѣтъ, нѣтъ!

— Я вамъ хорошую комнату отведу,—говорилъ онъ.

— Нѣтъ. Сказала, нѣтъ. И будетъ.

Они долго молчали. Она пеленала болвана и все повторяла:

— Нѣтъ, нѣтъ и не будетъ.

Когда внизу заскреблось подъ поломъ, она замахала рукой и закричала:

— Не выживешь! Кишъ, кишъ!

Гетнеръ быстро всталъ.

— Это мышь?—спросилъ онъ.

— Мышь! Мышь!.. Ко мнѣ ходитъ. Кормъ кушаетъ. Мышь, мышь.

— Къ барышнѣ мышь каждый день ужинать приходитъ, съ одной тарелки ѣдятъ,—сказала дѣвушка, ходившая за ней.

Гетнеръ сморщился.

— Фу, какая мерзость,—сказалъ онъ,—и брезгливо, озираясь, пошелъ къ выходу.

Съ тѣхъ поръ, когда онъ проходилъ мимо бани, Анна Николаевна всегда кричала ему:

— Мышь! Мышь!

Онъ каждый разъ вздрагивалъ и торопливо проходилъ мимо.

И было еще существо, съ которымъ онъ не поладилъ.—Это Никодимъ.

Мальчикъ сталъ какъ-то особенно грустнымъ со времени свадьбы, служилъ какъ-то неохотно, не бѣгалъ, какъ прежде, исполняя порученія барина, а ходилъ задумчиво и не торопясь. Разъ онъ сказалъ барину:

— Александръ Георгіевичъ, позвольте на богомолье сходить.

— Зачѣмъ?—спросилъ строго Гетнеръ.

Никодимъ какъ будто даже запнулся на отвѣтъ.

— Извѣстно, зачѣмъ. Зачѣмъ итти на богомолье? Барина покойничка помянуть хотѣлъ.

— Насколько же времени ты пойдешь?

— Да дней на пять.

— Иди. Только я за пять дней изъ жалованья вычту. Это блажь. Подумай сперва.

— Какъ угодно,—сказалъ Никодимъ, и помолчавъ, прибавилъ:— Въ такомъ разѣ дозвольте завтра.

— Да иди,—много отъ тебя добра въ домѣ. Только не опаздывать. За каждый день двойной вычетъ. Слыхалъ?

— Слыхалъ.

На утро Никодима ужъ не было. Въ назначенный срокъ онъ не пришелъ, не пришелъ и на другой день.

— Не стащилъ-ли онъ чего?—спрашивалъ Гетнеръ.—Въ такомъ случаѣ, онъ совсѣмъ не явится.

Но Никодимъ явился.

XIII.

Когда утромъ Гетнеру доложили, что Никодимъ дома, онъ велѣлъ его позвать къ себѣ.

Никодимъ вошелъ къ нему въ кабинетъ обвѣтренный, загорѣлый, но съ такимъ-же тихимъ и яснымъ сіяньемъ въ глазахъ, какъ и прежде. Онъ низко поклонился, и въ этомъ поклонѣ было не любовь, не уваженіе, не подобострастіе, а точно исполненіе какого-то долга.

— Ты что-же это пропадалъ десять дней?—спросилъ Гетнеръ, хмуря брови и запахиваясь въ бухарскій халатъ, купленый къ свадьбѣ.

— Виноватъ,—отвѣтилъ Никодимъ, но въ голосѣ его не звучала нота извиненія.

— Гдѣ ты шлялся?—еще строже переспросилъ баринъ.

— Сами изволите знать, гдѣ я былъ.

— Почемъ я знаю? Ты говорилъ, что идешь въ монастырь, а былъ-ли ты тамъ или въ другомъ мѣстѣ тебя черти носили, ты вѣдь не скажешь.

Зубы у Никодима стиснулись и тѣнь пробѣжала по лицу. Но сейчасъ-же оно приняло прежнее выраженіе. Онъ пересилилъ себя, и прежнимъ голосомъ сказалъ:

— Я въ монастырѣ былъ.

— Я съ тебя сдѣлаю вычетъ за десять дней, и въ другой разъ не пущу шататься. Если не хочешь служить—проваливай.

— Какъ вамъ будетъ угодно,—послышалось въ отвѣтъ.

— Ну, пошелъ на свое мѣсто.

Никодимъ слегка поклонился и пошолъ. Выйдя на крыльцо, онъ только потрясъ головой и усмѣхнулся.

Во дворѣ онъ встрѣтилъ хозяйку. Она стояла избоченясь и похлопывая по плечу толстую краснощекую скотницу, говорила ей что-то очень смѣшное, потому что та стыдилась и закрывалась фартукомъ. Увидя Никодима, она махнула ему рукой.

— Богомолецъ!—крикнула она.—Ну-ка, пѣшешествуй сюда. Много лбомъ поклоновъ набилъ?

Онъ поклонился и молча сталъ передъ ней.

Она посмотрѣла на него и опять засмѣялась, показавъ бѣлые, ровные зубы. Потомъ глянула ему прямо въ голубые глаза своими искрящимися безстыжими глазами и прибавила:

— Женить тебя совсѣмъ время.

Онъ вдругъ весь зардѣлся и отвернулся.

— Хочешь—женю на скотницѣ Ленкѣ?—продолжала она.—Смотри, какая она тѣльная.

— Я жениться не могу,—пробормоталъ онъ, чувствуя, что у него загораются и уши и скулы.

— Чего-жь ты такой отворотъ отъ женскаго пола имѣешь?

— Соблюдаю себя. Какъ до сихъ поръ соблюлъ, такъ и впередъ полагаю, что соблюдать буду.

— Ахъ ты, соблюденый! Напустить развѣ на тебя Ленку, ишь вѣдь какъ она тебя глазами-то ѣстъ?

— Это все одно, кого не напускать. Ежели я рѣшилъ, что въ чистотѣ должонъ остаться, то такъ тому и быть должно, и силы нѣтъ для того, чтобъ меня сдвинуть.

— Это кто-жь тебя такъ настрочилъ? Схимникъ какой выискался! Съ чистой душой носится!

Никодимъ опять потрясъ головой, пошелъ на кухню, взялъ горбушку хлѣба и щепоть крупной соли, вытянулъ изъ грядки луковку и сталъ жевать ея ѣдкіе зеленые, сочные листья. Съѣлъ одну, другую, третью, выпилъ ковшъ квасу, утерся, перекрестился и присѣлъ на скамейку.

— И какъ это люди въ такомъ незрячемъ видѣ живутъ!—вдругъ сказалъ онъ.—Даже удивительно это, и довольно странно.

Но веселье, которое онъ чувствовалъ сегодня, начиная съ самаго ранняго утра, у него не проходило. Онъ чувствовалъ какую-то легкость во всемъ тѣлѣ. Все, что онъ дѣлалъ, было совсѣмъ легко, гораздо легче, чѣмъ всегда. Онъ чувствовалъ, что всѣхъ любитъ. И это ощущеніе передалось животнымъ. Къ нему подошла старая кошка Анфусы и замурлыкала, онъ погладилъ ее по пушистой спинѣ, отчего она закрутила хвостомъ и стала тереться о его ногу.

— Любишь, когда гладятъ?—спросилъ онъ.

Кошка посмотрѣла ему въ глаза и отвѣтила своими зелеными глазами:

— Люблю.

На заборѣ, совсѣмъ низко, сидѣли воробьи, вздрагивали всѣмъ тѣломъ и искоса поглядывали на человѣка и на кошку. Но человѣкъ не собирался дѣлать изъ нихъ паштетъ, а кошка видѣла ихъ, но думала:

«Очень вы мнѣ нужны. У меня вонъ цѣлый поддоникъ сливокъ, и тѣхъ не ѣмъ. Скачи тутъ еще за вами».

Больше всѣхъ Никодиму обрадовались собаки. Онѣ съ аппетитомъ нюхали его сапоги, которыми онъ на зарѣ отмѣрилъ двадцать верстъ и которые носили на себѣ смѣшеніе разнообразныхъ запаховъ, а къ тонкой ихъ гаммѣ такъ чутокъ собачій носъ. Никодимъ ходилъ по двору радостный и приподнятый; онъ чувствовалъ престранную вещь: брань хозяевъ соскользнула съ него нечувствительно, онъ не чувствовалъ никакой горечи осадка. Онъ радъ былъ, что его бранили, онъ хотѣлъ-бы, чтобъ его били, все-бы вынесъ съ той улыбкой, съ тѣмъ радостнымъ сознаніемъ своей правоты, которое не покидало его вотъ уже всю недѣлю. Все для него было чисто и ясно, какъ это зеленовато-голубое небо, точно глубокое стекло, синѣвшее наверху.

Когда онъ проходилъ мимо бани, оконце поднялось, мелькнула бѣлая рука и круглое лицо сумасшедшей. Онъ снялъ шапку, она поманила его. Онъ подошелъ, она подала руку; онъ поцѣловалъ эту руку, какъ цѣловалъ ее у духовника, что его исповѣдывалъ въ монастырѣ. Барышня кивала головой и говорила:

— Рада, рада!

— Хорошо мнѣ было, барышня,—сказалъ онъ.—Хорошо. Монастырь тихій, въ озерѣ вода не плеснетъ. Монашки идутъ, какъ плывутъ, черненькіе всѣ, тихіе, и кипарисомъ духъ отъ нихъ идетъ. Уйду я къ нимъ, барышня. На самую черную работу уйду, дрова рубить да воду носить.

— Уйдешь?—спросила она, и глаза съ недоумѣніемъ остановились на немъ.

— Мнѣ только васъ жалко. Не отошелъ-бы отъ васъ. А то я давно-бы. Что-жь, я вольная птица. А въ монастырѣ ждутъ меня, самъ игуменъ благословилъ. Братецъ тамъ у меня послушничествуетъ. Рады они мнѣ. Чистенько такъ въ келейкахъ, бузина подъ окнами растетъ, калина. Вечеромъ паръ съ рѣчки идетъ и до утра стоитъ; только кресты на зорѣ горятъ, а все прочее въ туманѣ; колоколъ серебряный у нихъ. Иконы есть древняго письма трогательныя. Хорошо совсѣмъ...

— Ну, еще,—сказала она, когда онъ остановился.

— Просто все. Братецъ меня поучалъ,—все просто. Живутъ и работаютъ. Помолятся и за работу. Кто грядки копаетъ, кто цвѣточки подвязываетъ, поливаетъ, кто на кирпичномъ заводѣ за мужиками наблюдаетъ, кто хлѣбъ печетъ, кто богомольцевъ лѣчитъ. Деньги въ кружку идутъ въ общую. И строго такъ: ни тебѣ вина, ни табаку, ни яствъ какихъ. Все самое нужное и больше ничего. Ужь очень разница замѣчательная. Вотъ здѣсь у насъ баринъ: «дай трубку, подай туфли».

И все деньги беретъ, и все въ скрынку, или въ банкъ. Ѣдетъ на бѣговыхъ дрожкахъ и такіе слова кричитъ, что развѣ перевозчики на Клязьмѣ такъ ругаются отборно. За обѣдомъ мелкую лѣсную птаху ѣдятъ на сухаряхъ. И чего ѣсть-то въ этой птахѣ! Молоденькаго, чуть не птенчика, въ силки словятъ, ножки, крылышки вывернутъ, напхаютъ въ торбу, принесутъ на кухню; половина передохнетъ. Кто живъ, клювикъ открываетъ, глазенками хлопаетъ: что, молъ, со мной дѣлаютъ, за что, зачѣмъ меня изъ родного лѣса отъ родныхъ на муку взяли. А поваръ ножемъ имъ по горлышку. И крови-то въ нихъ съ наперстокъ. А нѣтъ прямо рукой головенки отрываетъ, тѣ только тѣльцемъ трепыхаются. А потомъ чуть не живьемъ ихъ ощиплетъ, иной пищитъ еще не прирѣзаный и на блюдцѣ маленькихъ покойничковъ рядкомъ уложитъ. Пососетъ ихъ баринъ, пожуетъ, запьетъ виномъ и доволенъ. Смотрѣть не могу. Стою въ углу, потъ прошибаетъ.

Сумасшедшая посмотрѣла ему въ глаза и сказала:

— Да.

— Барышня, вы не ѣшьте птичекъ, когда ежели вамъ подадутъ. Ну чего ихъ ѣсть? Не хорошо, грѣхъ!

— Не надо, да, не надо,—сказала она.

— Я зайду вечеркомъ,—шепнулъ онъ, увидѣвъ издали Анфусу съ ключницей, не торопясь всталъ, обошелъ кругомъ баню и по задворкамъ вышелъ къ кухнѣ.

— И не видятъ люди, и не хотятъ видѣть! Закрыли глаза, изъ зрячихъ въ слѣпышей претворились,—повторилъ онъ, и медленно пошелъ къ крыльцу—посмотрѣть, не нужно-ли чего барину.

XIV.

Вечеромъ Гетнеръ съ женой поѣхали къ Кочергѣ за десять верстъ. Легкій фаэтонъ, выписанный изъ Москвы, такъ и сверкалъ красными колесами, ярко вычищенными фонарями. Гетнеръ съ видомъ знатока обошелъ лошадей, поправилъ имъ челки, сѣлъ слѣва отъ Анфусы и сказалъ:

— Трогай, Ѳетюкъ!

Онъ отвалился на задокъ, почти легъ, и съ наслажденіемъ сталъ покачиваться на мягкихъ рессорахъ.

Никодимъ, подсадивъ барина и подождавъ нѣсколько минутъ, на случай, чтобъ не вернулись господа за чѣмъ-нибудь забытымъ, пошелъ къ банѣ.

Барышня сидѣла ужъ у окна. Когда онъ подошелъ, она подала ему двѣ черносливины.

— Не буду, барышня,—сказалъ онъ.

— Ѣшь!—настаивала она.

— Зачѣмъ, барышня? Вѣдь безъ этого обойтись можно. Зачѣмъ понапрасну ѣсть? Вы кушайте, а мнѣ не надо.

Она нахмурилась.

— Ѣшь,— повторила она, и въ ея голосѣ чувствовалась и просьба и мольба.

— Ну, ужъ коли вамъ желательно,—сказалъ онъ, и сталъ жевать сухія черныя ягоды.

Сквозь березы розовѣлъ закатъ, слышался запахъ сѣна, что скосилъ кучеръ вокругъ бани и оставилъ лежать до завтра. Вдали на скотномъ дворѣ звенѣли бубенцы,—это стадо возвращалось домой.

— Былъ я, барышня, на двухъ озерахъ: на озерѣ—Плавунѣ, и на озерѣ Поганомъ. Видѣлъ я короба пловучіе, гдѣ убійцы святаго князя зашиты,—разсказывалъ Никодимъ,—и видѣлъ чудо: какъ короба эти островами сдѣлались, — и два раза въ день на молитву подплываютъ.

— Короба?—съ удивленіемъ спросила она.

— Я вамъ, барышня, все могу доподлинно разсказать, потому въ монастырѣ при мнѣ все это старецъ древній разсказывалъ, и потомъ я пошелъ и собственными глазами все видѣлъ.

Онъ передохнулъ, уставился на небо, точно вдохновлялся на разсказъ, и началъ.

— Было здѣсь, сударыня, княжество Суздальское,—и былъ тутъ въ великомъ княженіи князь Андрей. Мощи его и теперь въ ракѣ во Владимирѣ почиваютъ. И женился онъ на второй женѣ,—а жена была молодая, красивая молдаванка. Въ тѣ поры много изъ Молдавіи народа было. А самъ князь уже въ старческое положеніе началъ приходить и за своими чиновниками не смотрѣть. И начали чиновники тѣснить народъ,—и стали брать подати и налоги чрезъ мѣру,—такъ что нельзя было жить, и наступило безъ татаръ крайнее разореніе. И досталъ себѣ князь епископа Ѳеодора, въ которомъ сидѣло много бѣсовъ. И ѣздилъ епископъ Ѳеодоръ по епархіи и творилъ неистовства. Былъ онъ лихоимецъ, и присваивалъ имущество поповское и монашеское себѣ. Пріѣдетъ въ монастырь, и начнетъ казни. Съ приспѣшниками своими онъ то творилъ, что о немъ до сихъ поръ поминаютъ. Пріѣдетъ и начнетъ у монаховъ глаза выжигать и распинать ихъ на доскахъ; бороды, головы брѣетъ или палитъ, языки отрѣжетъ. Многихъ въ ангельскій чинъ своими неистовствами онъ привелъ,—такъ что праведниковъ преумножалъ. Знатныхъ боярынь въ котлахъ варилъ, носы и уши отрѣзалъ. Боялись его, трепетали и звали лже-пастырь. Во Владимирѣ онъ всѣ соборы позапиралъ, и молиться никому не позволялъ—хотѣлъ, чтобы, какъ псы, безъ вѣры всѣ жили. И всѣ боялись

его, а князь его терпѣлъ, а онъ окружающихъ князя которыхъ — и тѣхъ поджаривалъ, и всѣхъ грабилъ и притѣснялъ, и все пріумножалъ казну, все тянулъ къ себѣ въ кошель. Наконецъ, такъ всѣ изнемогли, что стали требовать отъ князя, чтобъ судить епископа. И повезли его въ Кіевъ на судъ митрополичій. На судѣ оказалось, что нетолько людей онъ изводилъ, но и на матушку Богородицу взводилъ злословіе. И митрополитъ разсудилъ его по суду строгому. Выжгли ему глаза, отрѣзали языкъ, — и сослали на островъ Псій, на морѣ. Тамъ жорновъ на шею ему надѣли, и потопили въ морѣ.

— Хорошо! засмѣялась барышня.

Никодимъ искоса посмотрѣлъ на нее.

— Что-жь, барышня, вѣдь не самъ онъ, а бѣсъ, сидѣвшій въ немъ, все это дѣлалъ. Коли изгнать бы его, и Ѳеодоръ человѣкомъ-бы сталъ...

Оба задумались и помолчали.

— А только князь Андрей, — продолжалъ Никодимъ, — очень былъ къ народу милостивъ. Всегда милостину подавалъ, посѣщалъ тюрьмы, кормилъ голодныхъ. И князя всѣ любили. Но не любили судей его, притѣснителей. И рѣшили князя убить. И сама жена его молдаванка тоже пристала къ убійцамъ и сказала, что она имъ поможетъ. Ну, и собралось нѣсколько бояръ важныхъ, напились сперва, — потому что пьяный человѣкъ онъ не въ себѣ, и на все идетъ, — и ворвались къ князю съ топорами. Тотъ хвать за мечъ, что въ изголовьяхъ всегда висѣлъ, — анъ онъ украденъ. Сцѣпился онъ съ первымъ въ темнотѣ, подмялъ его подъ себя. А товарищи кричатъ, думаютъ, что это ихній сверху: «хорошенько его, — вотъ мы прикончить его поможемъ», — и убили своего-же. Потомъ увидѣли, что князь живъ, кинулись на него, — рубили и колотили, и упалъ онъ. Они отнесли товарища изъ комнаты. Потомъ ворочаются за княземъ, — а его нѣтъ въ спаленкѣ. Туда, сюда — нѣтъ! Смотрятъ: кровяная дорожка идетъ: уползъ князь куда-то. Пошли, а онъ притулился за столбикомъ, плачетъ, руки къ нимъ протягиваетъ: «за что, говоритъ, вы меня, — мой вѣдь хлѣбъ ѣли». А его по рукѣ мечомъ, рука такъ и отвалилась. Ну, тутъ ужъ совсѣмъ зарубили и бросили въ огородъ, не прикрытаго, какъ послѣдняго разбойника. И былъ у него слуга вѣрный Кузьма, который увидѣлъ, что князь между грядокъ лежитъ совсѣмъ въ позорѣ, началъ плакать, а мимо проходилъ ключникъ молдаванинъ и говоритъ: «Что ты плачешь, по комъ?» Ему Кузьма и сказалъ: «ты въ бархатѣ и золотѣ ходишь, — а получилъ все это отъ князя; а князь ничѣмъ не прикровенный лежитъ на сырой землѣ. Дай хоть коврикъ старый — прикрыть его наготу.» — Ну, и бросилъ ему молдаванинъ коверъ, Кузьма и прикрылъ князя, и молитвы надъ нимъ читаетъ. — А дворецъ-то его народъ гра-

бить сталъ: все тащутъ, обрадовались, озвѣрѣли, значитъ. — Лежалъ такъ князь и день, и другой, и третій,—и никто не подумалъ о его погребеніи. Очищалась этимъ самымъ уничиженіемъ душа князева. Чѣмъ хуже тѣлу было, тѣмъ душа больше радовалась.

Никодимъ опять поднялъ къ небу глаза, и радость сіяла въ нихъ: ужъ очень ему пріятно было, что очистилась отъ грѣховъ душа князя.

— Ну, вотъ только, барышня, не въ этомъ дѣло. А всегда такъ бываетъ, что одно зло за собою другое ведетъ. Началъ народъ бунтоваться, и за мѣсто того, чтобъ все въ смиренную общую любовь привести, пуще убивать стали. Стали судить, что съ тѣми убивцами дѣлать,—и рѣшили имъ казнь мученическую. Взяли короба,—а въ прежнее время, барышня, завсегда въ коробахъ хоронили,—да безъ покаянія туда въ коробъ и зашили,—а короба пустили на озеро, и строго запретили, чтобъ никто ихъ трогать не смѣлъ. Короба прочные, сосновые поплыли,—и прямо сами на середину озера ушли и остановились тамъ. И жену-модаванку судили тоже. Камень навязали на шею и въ сосѣднее озеро бросили, такъ она тамъ въ водѣ и захлебнулась и утопленицей стала.

— Да, да!—радостно сказала барышня,—и дала ему еще черносливенку.

— Народъ все началъ собираться на то самое Плавунъ-озеро, — смотрѣть на короба. И видятъ вдругъ, что какъ вечеръ, какъ только колоколъ ударитъ къ вечернѣ,—такъ короба тихо такъ повернутъ къ берегу, и плывутъ, и плывутъ подъ самый монастырь. Пристанутъ къ бережку, ровно прилипнутъ, и пока служба идетъ,—стоятъ на мѣстѣ. А какъ отойдетъ служба, такъ они тронутся и опять на середину самую поплывутъ. Утромъ, какъ только звонъ къ заутрени начнется,—глядишь, а они снова и плывутъ къ обители.

Въ голосѣ Никодима звенѣла дрожащая нотка. Онъ чувствовалъ что-то сверхъестественное, великое въ своемъ разсказѣ, и самъ наслаждался своимъ трепетомъ.

— Съ тѣхъ поръ,—продолжалъ онъ,—времени прошло много. Тысячу лѣтъ не прошло, но всетаки много,—а короба, барышня, до сихъ поръ цѣлы и самъ я ихъ третьяго дня видѣлъ.

Она посмотрѣла на него внимательно, но ничего не сказала.

— Стали они, короба эти, обростать отъ времени мохомъ. Больше да больше: травка завелась на нихъ, землицы откуда-то,—можетъ съ пылью вѣтромъ нанесло,—и стали рости короба и стали они, какъ островки цѣлые пловучіе. И выросла на нихъ клюква,—столько клюквы, что они, какъ кровью, всѣ ею покрыты. Бабы, что вокругъ озера живутъ,—тѣ и не боятся: начали рвать клюкву, ѣсть ее. Съ вечера взойдутъ на острова и поплывутъ съ ними далеко,—еле ихъ видно,

наберутъ полные кузовки, наѣдятся ея, воды изъ озера попьютъ, и ждутъ, когда ударятъ къ утрени. И съ первымъ ударомъ, —такъ короба подъ ними и задрожатъ. Задрожатъ, и потомъ тихохонько, чуть-видать, и пойдутъ, и пойдутъ по водѣ прямо въ ту сторону, гдѣ обитель. А бабы сидятъ, толкуютъ промежъ себя, зубы скалятъ.—Я не пошелъ на короба. Все-таки прахъ человѣческій тамъ лежитъ, и топтать его не надо. А вотъ глазами своими видѣлъ, какъ одинъ звонъ ихъ пригоняетъ, другой угоняетъ. И ничего тамъ не слышно, въ коробахъ-то этихъ...

Никодимъ запнулся, какъ будто хотѣлъ онъ что-то досказать, да не рѣшался.

— А только разъ въ году, — началъ онъ глуше, — наканунѣ Петрова дня,—ни одинъ человѣкъ не подойдетъ къ Плавунъ-озеру.— Потому — это какъ разъ годовщина, какъ князь убитъ. — И въ эту ночь воютъ въ коробахъ убійцы. И такъ они воютъ, что ни одинъ человѣкъ слышать того не можетъ. Былъ одинъ старецъ—Схиму принявшій Іеронимъ,—тотъ святой водой окропить короба хотѣлъ въ эту ночь. Вышелъ съ кропильницей и съ молитвой,—подошелъ къ берегу,— и слышитъ, какъ стонутъ тамъ, и скрежещутъ зубами, и корчатся, головой бьются о стѣнки. Захотѣлъ этотъ схимникъ поднять руку съ кропиломъ,—а она какъ отсохла у него,—виситъ и не шевелится. Тутъ и понялъ старецъ, что запретъ положенъ на короба, и никто помочь тѣмъ убивцамъ не можетъ.

Онъ замолчалъ. Сумасшедшая ничего не говорила, и смотрѣла, подперши рукой толстую щеку, на далекія звѣзды.

— А вотъ, барышня,—сказалъ онъ, тоже смотря наверхъ,—когда свѣтопреставленіе будетъ, это самое небо свернется въ трубку и улетитъ.

Она кивнула головой и сказала:

— Разумѣется.

XV.

Гетнеръ рѣшилъ дать торжественный обѣдъ—праздникъ.

Для этого онъ объѣхалъ всѣхъ высокопоставленныхъ особъ города и дворянство. Принимали его болѣе вѣжливо, чѣмъ радушно, обѣщали какъ-то сквозь зубы, быть непремѣнно, и особенно крѣпко жали руку, когда онъ начиналъ прощаться. Онъ держалъ себя съ достоинствомъ; когда спрашивали его о здоровьѣ жены,—иногда съ притворно подчеркнутымъ участіемъ,—онъ съ полунебрежной улыбкой отвѣчалъ:

— Здорова.

Въ этомъ тонѣ такъ и звучало: «вы спрашиваете совсѣмъ не то, что нужно,—это не относится къ дѣлу; важно то, что я богатый по-

мѣщикъ, а что она—Анфуса—глупая, необразованная баба,—это знаютъ всѣ,— и поминать о ней нечего».

Но онъ смотрѣлъ такъ твердо и спокойно всѣмъ въ глаза, что никто не рѣшался ему сказать какую-нибудь дерзость, сдѣлать на это какой-нибудь намекъ. Онъ зналъ, что люди падки на роскошь, на широкое гостепріимство,—и хотѣлъ показать, какъ надо принимать въ порядочномъ домѣ.

Предводитель наотрѣзъ отказался пріѣхать,—сказавъ, что на другой день ѣдетъ въ Москву, гдѣ у него дѣла семейныя. У губернатора оказалась подагра. Но остальные представители губерніи, съ вице-губернаторомъ во главѣ,—обѣщались быть.

Гетнеръ готовился къ пиру систематически. Обреченные на закланіе телята, индѣйки, куры и гуси усердно откармливались, привозный поваръ нѣсколько разъ готовилъ мороженое, показывая свое искусство въ приготовленіи его изъ фисташекъ и орѣховъ. Рыбакамъ строго-на-строго было заказано выловить къ назначенному дню извѣстное число водяныхъ тварей. Мебель была покрыта лакомъ. На стѣнахъ появились великолѣплѣпныя англійскія гравюры, изображающія Мазепу, въ видѣ молодого обнаженнаго красавца, привязаннаго къ спинѣ степнаго скакуна, который летѣлъ, поднявъ на воздухъ всѣ четыре ноги, по лѣсной чащѣ. На другой гравюрѣ конь, превратившійся изъ сѣраго въ бѣлаго, лежалъ околѣвающій на землѣ, придавивъ ногу молодого человѣка, болѣе похожаго на Байрона, чѣмъ на Мазепу. Вокругъ него толпились дикія лошади и съ ужасомъ глядѣли человѣчьими глазами на упавшихъ. Въ кабинетѣ появилось черкесское оружіе и кавказскіе ковры,—даже кальянъ пріютился возлѣ окна на столикѣ. Надъ диваномъ, поставленномъ вмѣсто прежняго оттомана, висѣла картина изображающая спящую дѣвицу съ необычайно развитымъ бюстомъ, который словно дѣйствіемъ скрытыхъ вулканическихъ силъ выпирался изъ подъ батиста наружу. Такія картины въ то время составляли необходимую принадлежность обиталища холостяковъ, но женатые ихъ избѣгали, — и обыкновенно новобрачные дарили ихъ своимъ шаферамъ. Но Гетнеръ оставилъ свою холостую обстановку, какъ бы желая показать, что женитьба была только проформа, и что онъ остался тѣмъ-же свободнымъ человѣкомъ, какимъ былъ до свадьбы.

Желая блеснуть передъ гостями, онъ, пользуясь лѣтнимъ затишьемъ, досталъ изъ Москвы изъ англійскаго клуба на недѣлю повара и шесть лакеевъ. Старшій обладалъ такими вѣерообразными бакенбардами, какія въ то время носили только англійскіе министры. Досталъ онъ и превосходный сервизъ, но не на прокатъ, а купилъ его на аукціонѣ у раззорившагося помѣщика въ его подмосковной. Это былъ старый саксъ, почти полный ассортиментъ на пятьдесятъ человѣкъ. Благодаря тому

обстоятельству, что за каждую разбитую тарелку драли у помѣщика безпощадно,—все было въ исправности. Гетнеръ перекупилъ сервизъ у маклака, и заплатилъ въ пятеро дешевле его стоимости.

Но когда отъ обѣда отказались губернаторъ и предводитель,— чувство щемящаго недовольства охватило Гетнера. — «За какимъ же чортомъ я выписалъ изъ Москвы хамовъ? — разсуждалъ онъ. Да стоитъ ли этимъ гостямъ подавать на саксѣ? И на фаянсѣ рады будутъ трескать».

Но если не губернскій предводитель, то мѣстный уѣздный всетаки пріѣхалъ. Пріѣхалъ вице-губернаторъ—удивительно либеральный правовѣдъ, мечтавшій о конституціи, и въ концѣ концовъ открывшій пивоваренный заводъ гдѣ-то на югѣ. Пріѣхалъ жандармскій полковникъ по фамиліи Бромъ, обладавшій рѣдкой способностью занимать у всѣхъ деньги. Пріѣхалъ докторъ изъ семинаристовъ, пріѣхалъ архіерей,—все люди почтенные. Дамъ Гетнеръ не звалъ, но Кочерга тѣмъ не менѣе привезъ подругу своей жизни, пухлую, маленькую женщину съ микроскопическимъ носикомъ, поставленномъ на ея лицѣ болѣе для украшенія, чѣмъ для естественнныхъ надобностей. Она нисколько не стѣснялась ни тѣмъ, что она, кромѣ хозяйки, единственная дама, ни тѣмъ, что органъ пятаго чувства находился у нея въ столь зачаточной формѣ; она сѣла рядомъ съ жандармскимъ полковникомъ и такъ стала съ нимъ кокетничать, что уѣздный продводитель шепнулъ архіерею:

— Ужъ увидите, что въ концѣ обѣда онъ займетъ у нея рублей пятьдесятъ.

Къ удивленію гостей, на столѣ вина не стояло. Правда, за закусками выпито было водокъ весьма достаточное количество, но Кочерга, тѣмъ не менѣе, безпокойно озирался. Послѣ супа, лакеи налили по рюмочкѣ душистой мадеры, и бутылку унесли. Тутъ уже Кочерга не не выдержалъ и шепнулъ лакею:

— У меня, братецъ, жажда.

— Сейчасъ откупориваютъ, успокоительно отвѣтилъ тотъ.

И, въ самомъ дѣлѣ,—съ двухъ концовъ стали наливать шампанпанское изъ бутылокъ, плотно обвернутыхъ салфетками.

— Господа,—сказалъ хозяинъ, слегка приподымаясь и стараясь какъ можно менѣе придать значенія тому, что онъ говоритъ: извиняюсь—другого вина нѣтъ. У насъ въ городѣ всѣ выписныя вина ужасны,—а за это, по крайней мѣрѣ, можно ручаться. Я и рѣшилъ начать его прямо съ супа.

— Блестящая мысль,—сказалъ вице-губернаторъ.

— Что вы на Бога клеплете, Александръ Георгіевичъ, возмутился Кочерга.—У васъ въ погребѣ есть такой икемецъ и такой лафитецъ, что къ царскому столу подать не стыдно.

— Это справедливо,—подтвердилъ архіерей.

— Господа,—возвысивъ голосъ сказалъ хозяинъ.—Погребъ этотъ, вопервыхъ, не у меня, а у моей жены: имѣніе принадлежитъ ей, а не мнѣ. Обѣдъ дѣлаю я,—и ея погребъ до меня не касается. А, наконецъ, весь почти погребъ она продала въ клубъ въ Москву, и очень выгодно. Вино лежалое пошло въ очень значительную сумму.

Кочерга схватился за виски.

— И икемъ продали? съ ужасомъ спросилъ онъ.

— Продали.

— Безпощадно! Варварски поступили. Вѣдь это-съ двадцать пять рублей бутылка.

— Ну, можетъ быть тамъ дали и по пятидесяти, — точно мимоходомъ замѣтилъ хозяинъ.

— Да... ну, это другое дѣло, —оторопѣвши возразилъ Кочерга.

Обѣдъ былъ изготовленъ чудесно. Лакеи тихо, безъ шума подавали и снимали тарелки. Передъ жаркимъ, хозяинъ поднялся съ мѣста, взявъ въ руки бокалъ.

— Милостивые государи,—сказалъ онъ,—позвольте, во-первыхъ, поблагодарить васъ за честь, которую вы мнѣ оказали, пріѣхавъ въ имѣнье жены и принявъ мою посильную трапезу. Моимъ скромнымъ праздникомъ я хотѣлъ только выразить вамъ то уваженіе, что питаю къ вамъ. Я бы считалъ за счастіе войти въ вашу среду какъ полноправный членъ—и баллотироваться...

— И выбалотируемъ,—вполголоса сказалъ уѣздный предводитель.

— Браво!—буркнулъ Кочерга, но ему шикнули.

— Почелъ бы за счастье,—продолжалъ хозяинъ,—но обстоятельства жизни слагаются такъ, что, вѣроятно, мнѣ придется переселиться въ Петербургъ. Мѣсто, предлагаемое мнѣ въ одномъ изъ министерствъ, во много разъ выгоднѣе сельскаго хозяйства, и было бы безуміемъ отъ него отказаться...

— Не уѣзжайте, не уѣзжайте, Александръ Георгіевичъ, — раздались голоса.

Александръ Георгіевичъ низко поклонился.

— Благодарю васъ, — всѣмъ сердцемъ благодарю, всею душею. Если будетъ возможность—послужу вамъ, насколько хватитъ силъ.

— Господа! За здравіе хозяина! — перебилъ архіерей, и поднявшись со стула, чокнулся съ нимъ и трижды поцѣловался изъ щеки въ щеку.

XVI.

Потомъ говорилъ вице-губернаторъ. Онъ говорилъ о путеводной звѣздѣ, которая засіяла, подобно звѣздѣ виѳлеемской ночи, еще въ прош-

ломъ году 19 февраля. Онъ говорилъ, что какъ мореплаватели по полярной звѣздѣ опредѣляютъ свой путь, — такъ и русскій народъ можетъ теперь и т. д.

Жандармскій полковникъ, при упоминаніи о полярной звѣздѣ, только дрогнулъ усомъ и прищурился,—остальные пропустили мимо ушей.

Потомъ всталъ Кочерга и началъ говорить что-то совсѣмъ несуразное. Онъ вспомнилъ, какъ его двоюродный братъ стоялъ съ полкомъ въ Варшавѣ, какъ онъ получилъ орденъ въ петлицу,—и какой сквозной вѣтеръ у нихъ въ губерніи, потому всѣ города построены на горкахъ. Неизвѣстно, когда бы онъ кончилъ свою рѣчь, если бы тутъ не произошелъ неожиданный эпизодъ, совершенно разстроившій весь праздникъ.

Въ залу вошелъ Никодимъ; у него въ рукахъ былъ небольшой свертокъ, перевязанный грязной розовой лентой. Онъ подошелъ къ Гетнеру и сунулъ ему свертокъ въ руку, сказавъ что-то на ухо.

Всѣмъ уже достаточно надоѣла рѣчь Кочерги, и многіе стали разговаривать между собою очень громко. Кочерга въ упоръ смотрѣлъ на доктора и почему-то разсказывалъ именно ему о сквозномъ вѣтрѣ,— на хозяина и не глядя. Поэтому хозяинъ повернулся къ Никодиму и спросилъ:

— Что такое?

— Отъ барышни,—шепнулъ тотъ.

— Отъ барышни? Отъ какой барышни?

— Отъ нашей барышни, изъ бани.

— Что это такое?

— Не знаю-съ. Онѣ меня поманили, велѣли вамъ передать. Можетъ подарокъ-съ?

Въ это время какъ разъ Кочерга кончилъ и провозгласилъ тостъ. Всѣ закричали и подняли бокалы.

Когда успокоилось все, затихло шарканье ногъ, двиганье стульевъ, звонъ стекла, и опять застучали о тарелки, ножи и вилки, Гетнеръ, неторопясь, сталъ развязывать посылку. Переговариваясь съ вице-губернаторомъ, онъ открылъ коробку, и нашелъ тамъ среди мелко нащипаной корпіи другую коробку, запечатанную облатками. Это его удивило, долго не могъ онъ открыть, наконецъ открылъ, — и тутъ произошло что-то невозможное. Онъ вдругъ дико закричалъ, швырнулъ все что было въ рукахъ прямо въ тарелку съ телятиной, вскочилъ со стула, опрокинулъ его, глаза его выпятились, ротъ скривился, лицо поблѣднѣло и онъ только издавалъ какіе-то заячьи крики:

— А! А! А!

Къ нему кинулась Анфуса и докторъ. У него спрашивали, что случилось, но онъ ничего не могъ отвѣтить, только дрожалъ всѣмъ

тѣломъ и ловилъ ртомъ воздухъ. Ему дали бокалъ шампанскаго. Онъ съ трудомъ выпилъ, опустился на стулъ и, тяжело дыша, сталъ обтирать со лба крупными каплями выступившій потъ.

— Мы... мышь,—выговорилъ онъ, наконецъ.

Это было не объясненіе. Только съ трудомъ сказалъ онъ, что въ коробкѣ была мышь, и что онъ ничего въ мірѣ такъ не боится, какъ этихъ звѣрьковъ. Докторъ поднялъ брови, растянулъ ротъ въ улыбку и сказалъ:

— Стоитъ того!

Онъ нагнулся, и посмотрѣлъ подъ столомъ, нѣтъ-ли тамъ виновницы переполоха.

— Говорятъ—слонъ боится мыши! успокоительно замѣтилъ правовѣдъ.

— Что, сударь мой, слонъ! возразилъ ему архіерей.—Слонъ толстокожее четвероногое, отъ него и не требуется обуздыванія тѣхъ или другихъ движеній души. А вотъ-съ я имѣю счастіе знать двухъ генераловъ,—славныхъ защитниковъ Севастополя,—храбрецовъ беззавѣтныхъ, контуженныхъ, раненныхъ, которые въ огонь ходили, какъ на прогулку. Такъ вотъ при мнѣ, на обѣдѣ въ память годовщины севастопольской обороны, въ Москвѣ,—оба почтенные старца сидѣли другъ съ другомъ, пили пуншъ и вспоминали былыя дѣла. И вдругъ одинъ въ ужасѣ подбираетъ ноги и вскакиваетъ съ крикомъ на стулъ. Тогда другой, въ перепугѣ, вспрыгиваетъ на столъ, весь трясется и спрашиваетъ: «Что, что, что?»—А тотъ, вотъ такъ-же, какъ почтенный мой Александръ Георгіевичъ, отвѣчаетъ: «мы... мы... мышь». Тогда разсердился генералъ: «фу, говоритъ, какъ вы меня напугали,—я вѣдь думалъ, что, по крайней мѣрѣ, тараканъ!»

Анекдотъ этотъ, разсказанный владыкой во время, нѣсколько успокоилъ общество и составилъ незамѣтный переходъ отъ печальнаго эпизода къ прежнему радостному настроенію. Но Гетнеръ долго не могъ придти въ себя, и все повторялъ:

— Что вы станете дѣлать,—сумасшедшая!

— А я не знала, что ты боишься мышей—замѣтила ему жена.— Откуда она узнала?

— Ни откуда не узнала,—сердито отвѣтилъ онъ.—У этихъ помѣшанныхъ есть способность ясновидѣнія. Она хотѣла мнѣ сдѣлать гадость,—и сдѣлала.

Онъ силился развеселиться, но не могъ. Онъ вздрагивалъ, поводилъ глазами, морщилъ брови и закусывалъ губу. Онъ много пилъ, но вино не отзывалось на немъ. Докторъ изрѣдка на него взглядывалъ, и не отставая отъ него въ питьѣ, спрашивалъ время отъ времени:

— Что-же мышиный родимчикъ прошелъ?

— Вы пьяны,—поэтому я вамъ не буду отвѣчать,—наконецъ сказалъ Гетнеръ, отходя въ сторону.

— О-го-го! пустилъ ему въ слѣдъ докторъ.

Гости, замѣчая, что хозяинъ сталъ молчаливъ, начали собираться по домамъ. Онъ удерживалъ ихъ, но и любезность эта была напускная. Первымъ удралъ архіерей,—сказавъ, что онъ противъ своего обыкновенія выпилъ четыре бокала вина, что это «невозможно». Онъ тщательно спряталъ отъ хозяина руку, заставивъ поцѣловать вмѣсто ея панагію. Его вышли всѣ провожать, и онъ, весело усаживаясь въ калымагу, говорилъ:

— Грѣхи-то какіе! въ Быковѣ завтра престольный праздникъ,—всенощная идетъ, а мы занимаемся чревонеистовствомъ. Слышь, благовѣстятъ какъ?

Слѣдомъ за нимъ уѣхалъ вице-губернаторъ. Начали разъѣзжаться и другіе. Докторъ совсѣмъ напился и говорилъ:

— Какъ это поговорка: ужъ и храбра тетка Ѳекла, одна съ цѣпомъ на мышь ходитъ...

Дольше всѣхъ оставался Кочерга. Онъ долго цѣловалъ мокрыми губами и хозяина, и хозяйку, и жену, и все увѣрялъ, что день этотъ у него запечатлѣлся.

— Глубоко запечатлѣлся, глубоко: ничѣмъ не выбить его. Образъ вашъ и Анфусы Порфирьевны запечатлѣлись. Рѣдкое гостепріимство.

Жена звала его домой, увѣряя, что хозяевамъ надо дать покой, но Кочерга за нее извинялся:

— Вы ужъ извините ее: она у меня не далекая; добрая, хорошая, но неда... неда... лекая. Она не понимаетъ, что оскорбляетъ васъ отъѣздомъ... Она хорошая, вѣрная жена. Что говорили насчетъ ее и уѣзднаго землемѣра,—это вздоръ... Какъ мужъ говорю—вздоръ.

Наконецъ и они уѣхали. Огни стали тушить. Гетнеръ прошелъ въ кабинетъ и позвалъ туда жену.

— Это что-же такое? спросилъ онъ ее.

— Что съ нея, дуры, взять,—отвѣтила она.

— Но, однако, что-же,—такъ это и оставить? На дняхъ она, когда я шелъ мимо, погрозила мнѣ кулакомъ. Вѣдь она опять возьмется за старое: вонъ, говорятъ, нѣсколько лѣтъ назадъ баню поджигала,—спалитъ насъ всѣхъ.

— Я завтра съ ней поговорю, сказала Анфуса.—Ее въ распущенность большую привели. Вонъ у насъ по деревнямъ такихъ, какъ она, на цѣпи держали. А тутъ что—ходитъ цѣлые дни по банѣ, да болвановъ моетъ. Нѣшто это порядокъ.

— И какъ она узнала про мою болѣзнь, про страхъ къ мышамъ?

— Да отчего ты боишься ихъ?..

— Напугали въ дѣтствѣ, за шею пустили... Да все это вздоръ. А какъ она рѣшилась?

Онъ взялся за голову.

— Не Никодимка-ли это придумалъ? Онъ звѣренышемъ смотритъ на тебя? сказала Анфуса.

Гетнеръ задумался.

— Позови его сюда. Да вели коньяку дать.

Она вышла изъ комнаты. Онъ прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ по кабинету, держась за голову. Ему было стыдно за свой испугъ при гостяхъ, противно своей нервности, и невыразимая злоба поднималась въ немъ.

— На цѣпь, да на цѣпь посадить,—повторялъ онъ.

Никодимъ внесъ на подносѣ коньякъ, поставилъ на столъ, и хотѣлъ уйти.

— Останься,—сказалъ Гетнеръ.

Тотъ сталъ у дверей. Гетнеръ налилъ рюмку, выпилъ ее, подошелъ къ Никодиму и сразмаху ударилъ его по лицу. Никодимъ пошатнулся и схватился за щеку.

XVII.

— Это ты? твои штуки? спросилъ Гетнеръ.

Никодимъ молчалъ.

— Отвѣчай, мерзавецъ. Ты мнѣ подарокъ этотъ съ барышней вмѣстѣ къ столу поднесъ?

Раздался новый ударъ. Мальчикъ пошатнулся, но отъ удара уклоняться не сталъ.

— Я не зналъ, что въ коробкѣ,—тихо отвѣтилъ онъ:—что мнѣ барышня дала, то я и передалъ.

Помѣщикъ смотрѣлъ ему въ упоръ въ глаза. Никодимъ смотрѣлъ на него, не опуская глазъ. Гетнеръ отвернулся и сказалъ:

— Пошелъ вонъ!

Никодимъ вышелъ въ двери. Гетнеръ выпилъ еще рюмку и опять взялся за голову. Такъ просидѣлъ онъ долго. Потомъ дернулъ за сонетку и опять заходилъ.

Дверь стукнула, вошелъ Никодимъ. Вошелъ съ такимъ видомъ, точно ничего и не случилось.

— Возьми вонъ на столѣ трехрублевку,—сказалъ Гетнеръ.

Никодимъ взялъ.

— Это тебѣ. За то, что я тебя ударилъ.

Глаза у Никодима вспыхнули. Онъ положилъ ассигнацію на мѣсто.

— Не надо мнѣ. Что-жь ударили—ваше дѣло.

— Бери. Коли даю, такъ бери.

— Зачѣмъ мнѣ? Я сытъ, обутъ,—мнѣ не надо.

Гетнеръ заскрипѣлъ зубами, но сдержался.

— Ну, отдай кому. На свой монастырь, что-ли. Нищему калѣкѣ отдай. Что я разъ даю, то назадъ не беру.

Никодимъ снова взялъ бумажку, но не поблагодарилъ, а какъ-то тускло посмотрѣлъ на большіе зеленые кружки, которыми обрамливались тогдашнія ассигнаціи.

Гетнеръ подошелъ къ нему и положилъ руки ему на плечи.

— Извини, не сердись! сказалъ онъ и потрепалъ его по плечу.

Никодимъ потупился.

— Богъ проститъ,—сказалъ онъ.

— А вѣдь ты злой, Никодимъ? вдругъ проговорилъ Гетнеръ.

— Я не злой, Александръ Георгіевичъ.

И онъ поднялъ глаза. И Александръ Георгіевичъ увидѣлъ, что злобы никакой въ глазахъ его нѣтъ.

Онъ сѣлъ и велѣлъ разсказать подробно, какъ Анна Николаевна его послала. Но ничего онъ не могъ сообщить интереснаго. У барышни все ужь было приготовлено, протянула она свертокъ черезъ окно и сказала: «самому этому, ему».—А когда Никодимъ переспросилъ: «барину Александру Георгіевичу»,—такъ она сказала: «да, да!»—онъ и пошелъ.

— Она вѣдь меня не любитъ, Никодимъ? спросилъ помѣщикъ.

— За что-жь ей васъ любить то? простодушно возразилъ Никодимъ.—Да и что съ нея, убогенькой, спрашивать,—нѣшто она въ себѣ.

— Ты святъ, или глупъ? воскликнулъ Александръ Георгіевичъ,—я что-то тебя не разберу!

— Глупъ, должно быть.

Гетнеръ опять посмотрѣлъ на него.

— Глупъ то ты не глупъ,—сказалъ онъ,—а или фальшивъ весь насквозь, или тебя старцы въ монастырѣ испортили, и изъ человѣка въ постный кисель превратили.

Онъ помолчалъ. Никодимъ стоялъ недвижно.

— Ты видѣлъ барышню послѣ стола? спросилъ Гетнеръ.

— Видѣлъ, онѣ меня звали.

— Ну, и разспрашивала, какъ ты исполнилъ порученіе?

— Разспрашивали.

— Ты что-жь сказалъ?

— Сказалъ, что испугъ съ вами большой сдѣлался, не своимъ голосомъ кричали.

— Дуракъ ты!

— Потомъ сказали: «я ему и еще такой подарокъ пошлю».

— И ты опять мнѣ понесешь его?

— Нѣтъ, не понесу. Зачѣмъ носить? Вѣдь это сумасшедшая глу-

пость. Кабы я зналъ, что тамъ внутри, нѣшто я понесъ-бы да еще за столъ, при гостяхъ.

Гетнеръ остановился противъ Никодима.

— А все-таки,—сказалъ онъ,—кабы это было года два назадъ, я бы тебя отпоролъ на конюшнѣ.

— Что-жь, воля ваша! отвѣтилъ Никодимъ.—Вы и такъ меня заушили.

— Небось радъ, что воля дана?

— Радъ.

— Чему-жъ ты радъ?

— Много легче стало. Зла меньше будетъ. Господа добрѣе станутъ. Не почто имъ гнѣвъ будетъ точить.

— Философъ!

Онъ опять налилъ коньяку. Ему уже было противно его пить: но онъ все пилъ.

— Ступай дрыхнуть, философъ! А барышню твою я проучу, будетъ помнить.

Тѣнь пробѣжала по лицу Никодима.

— Этого никакъ нельзя.

— Чего?—удивленно переспросилъ Александръ Георгіевичъ.

— Барышню трогать. Она вѣдь какъ малолѣтокъ самый жалконькій. Нѣшто можно до нихъ пальцемъ коснуться? Ихъ только въ теплѣ держать и въ спокоѣ, и ничего имъ больше не надо.

— Ну, вотъ, я покажу ей тепло и покой. Пошелъ вонъ.

— А что-бъ наказать или что ихъ,—этого, воля ваша, допустить нельзя,—продолжалъ упрямо Никодимъ.

— Что-жъ, ты заступишься, что-ли?

— Богъ заступится. Мнѣ гдѣ-же.

— Ну, пошелъ! Мнѣ противно съ тобой говорить. Маршъ!

Никодимъ повернулся и вышелъ.

Александръ Георгіевичъ легъ на диванъ, полежалъ, набилъ трубку и закурилъ, но ему было отъ нея тошно и онъ сунулъ ее опять въ станокъ.

Смутныя, какъ облака табачнаго дыма, мысли тяжело ходили въ его головѣ. Онѣ то сворачивались клубами, то растягивались въ длинныя нити. Онъ чувствовалъ какое-то злобное, животное чувство. Ему хотѣлось мучить, истязать эту помѣшанную дуру. Она мѣшала ему жить, дышать, отравляла его существованіе. Такая злоба и раньше, еще въ дѣтствѣ проявлялась въ немъ. Онъ вспомнилъ, какъ онъ мучилъ маленькаго бѣлоголоваго худенькаго мальчика, сына какого-то мелкаго чиновника, ихъ сосѣда. Онъ привязывалъ его за ногу къ забору и заставлялъ стоять цѣлыми часами на четвереренькахъ, увѣряя, что онъ ручной

тигръ, а самъ въ это время, лежа на травѣ, наслаждался чтеніемъ американскихъ охотничьихъ разсказовъ. Иногда онъ и самъ становился на четвереньки, говорилъ, что онъ левъ, а Павлушка зебра, и что тотъ долженъ отъ него бѣжать. Павлушка быстро прыгалъ на четверенькахъ, а онъ его догонялъ въ нѣсколько прыжковъ, подминалъ его подъ себя и начиналъ зубами и ногтями рвать на немъ ветхое платьишко. И Павлушка, боясь его, какъ огня, не смѣлъ на него жаловаться, но шелъ къ нему ежедневно, точно очарованный какой силой.

И теперь такъ ясно представился ему бѣлесоватый Павлушка, весь дрожащій, жалкій,—и то чувство животнаго наслажденія, которое наполняло его, когда онъ видѣлъ его растерянное, испуганное лицо, съ глазами, плачущими отъ боли, и рвалъ, и билъ его, и впивался въ его плечи зубами.

Жена раза два входила къ нему и спрашивала, что онъ не ложится. «Оставь меня»!—говорилъ онъ, и она опять уходила.

Пробило четыре часа. Онъ посмотрѣлъ въ окна. На дворѣ было свѣтло. Онъ подошелъ къ столу, погасилъ свѣчи. Въ головѣ шумѣло, но спать не хотѣлось. Онъ допилъ остатки коньяку и пошелъ на крыльцо.

Солнце еще не вставало. Онъ вздохнулъ полною грудью. Но уставшее, обезсиленное виномъ тѣло точно не могло захватить въ себя воздуха. Онъ пошелъ по росистой травѣ. Въ банѣ стукнула дверь, мелькнуло лицо Анны Николаевны, и послышался ея хохотъ. Гетнеръ зашагалъ прямо къ ней.

— Ты это что-же вздумала за шутки шутить?—спросилъ онъ.

Она его поманила.

Онъ вошелъ въ передбанникъ.

— Слушай ты!—сказалъ онъ, грозя пальцемъ у самаго ея носа.—Если ты осмѣлишься еще разъ прислать мнѣ такую мерзость,—я велю тебя выдрать крапивой. Поняла ты?

Она захохотала, вдругъ схватила его за горло, повалила на сѣно и придавила колѣнкой его грудь, потомъ схватила съ полки коробку, гдѣ что-то забилось и засуетилось живое, выскочило, юркнуло по немъ и скрылось. Сильнымъ толчкомъ онъ сбросилъ сумасшедшую съ себя и выскочилъ на дворъ.

Онъ разбудилъ жену.

— Пойдемъ, пойдемъ скорѣй! накинь что-нибудь!—задыхаясь говорилъ онъ.—Я этого выносить не могу больше.

— Что у тебя съ глазомъ?—спросила она,—увидѣвъ у него на щекѣ кровь.

— Это она меня сейчасъ... Пойдемъ, пойдемъ!

Она накинула капотъ, и опять они пошли черезъ дворъ.

— Надо ее, шельму, проучить,—говорила она, хлопая заспанными вѣками и поднимая отъ росы платья.—Я ее приструню.

— Гдѣ ты тутъ!—крикнула она, входя въ баню.

Анна Николаевна сидѣла на полкѣ и терла мочалкой болвана.

— Ты что дерешься?—крикнула она.—Сходи сейчасъ внизъ, мерзкая. Оставь куклу.

Анна бросила болвана, и шлепая бѣлыми босыми ногами, пугливо озираясь, спустилась внизъ.

— Ты это что-жь? спросила у нея Анфуса, упирая руки въ боки.

Сумасшедшая ничего не отвѣчала и разсѣянно смотрѣла на нее.

— Ты драться начала?—такъ ты у меня смотри. Я съ тобой такъ распоряжусь, что ты и не ожидаешь. Ты вѣдь часто дурой прикидываешься, я тебя знаю. Вотъ возьму тебя за косы...

Она протянула руку къ ея чернымъ распущеннымъ волосамъ.

Анна испуганно прижалась къ стѣнѣ.

— Оставь! проговорила она.—Оставь, хамка.

— Кто, я хамка? взвизгнула Анфуса, и срозмаха вцѣпилась въ ея щеки ногтями.

— Нельзя трогать! вдругъ раздалось нежданно сзади ихъ.—Нельзя. Нѣшто можно убогинькую!

Никодимъ, блѣдный, весь трясся. Онъ проскользнулъ мимо Гетнера и схватилъ хозяйку за руки.

— На кого вы, сударыня, — на божьяго человѣка! Вѣдъ это-жь все одно, что противъ Бога идти!

— Пошелъ вонъ!—заревѣлъ Гетнеръ.

— Не пойду! дрожа, крикнулъ ему Никодимъ.—Духъ здѣсь испущу, а съ мѣста не тронусь...

Онъ былъ точно ростомъ выше, стоялъ весь вытянувшись и разставивъ руки. Анфуса, встрѣтившись съ его взглядомъ, сдѣлала шагъ назадъ.

— Да что ты, очумѣлъ что-ли?

— Я не очумѣлъ, — а не могу того снести, чтобъ били божьяго человѣка. Коли она безъ понятій, какъ ребенокъ, какъ-же можно ее...

— Такъ ты не уйдешь добромъ! крикнулъ Гетнеръ, схватывая его за воротъ. Ветхій воротникъ треснулъ и оторвался. Онъ швырнулъ его всторону, схватилъ Никодима за шею, и согнулъ его кольцомъ. Все, что накипѣло у него за ночь, вдругъ поднялось и вылилось въ этомъ судорожномъ движеніи. Онъ вытащилъ его полопридушеннаго, хрипѣвшаго чрезъ двери на дворъ, и тамъ бросилъ на откосъ стараго пруда.

XVIII.

Открылъ глаза Никодимъ и увидѣлъ голубое небо. Шея и виски болѣли. Онъ сталъ соображать, что случилось. Потомъ вспомнилъ. Онъ хотѣлъ крикнуть, но голоса не было. Онъ хотѣлъ сообразить, сколько времени такъ лежитъ онъ. Но должно быть не долго.

Щека была мокра. Онъ обтеръ ее и увидѣлъ на ладонѣ кровь. Но больно не было. Зато болѣла шея, особенно спереди, гдѣ кадыкъ.

И вдругъ донесся до него крикъ, протяжный, жалкій, полуподавленный. Это барышня кричитъ,—душатъ ее,—все одно, какъ къ князю тому, убійцы къ ней пришли...

Онъ вскочилъ. Ноги дрожали, онъ не чувствовалъ ихъ. Онъ бросился бѣжать, добѣжалъ до кухни. Тамъ стряпуха возилась съ посудой.

— Барышню убиваютъ!—крикнулъ онъ ей.

Она испуганно посмотрѣла на него.

— Кричи, Мавра Игнатьевна, задыхался онъ! — кричи, бѣги въ баню. Вотъ и кучеру... и кучеръ идетъ... Барышню убили!..

Онъ опять выбѣжалъ во дворъ, постоялъ на одномъ мѣстѣ, тяжело дыша, и вдругъ кинулся за ворота.

Онъ былъ безъ шапки. Волосы его трепались по вѣтру. Онъ бѣжалъ по пыльной дорогѣ; потомъ свернулъ всторону, перелѣзъ черезъ заборъ и сталъ, спотыкаясь и тяжело переводя духъ, пробираться черезъ гречиху, спугивая воробьевъ и ласточекъ.

— Слѣпыши! Слѣпыши! повторялъ онъ.—Не видятъ свѣта. Сами на себя глаза закрыли. Убогого человѣка бить. Чѣмъ она провинилась, что разумѣніе Богъ у нея отнялъ! Нельзя того потерпѣть, нельзя!...

И еще попался ему одинъ заборъ,—онъ перепрыгнулъ черезъ него, оборвалъ полу, и опять побѣжалъ по маленькой тропкѣ, пока она не вышла на дорогу.

Сзади показалось облако пыли.—«Гонятся?» подумалъ онъ. — Но нѣтъ, никто не гнался, а ѣхалъ мучникъ въ высокой мужицкой шляпѣ на пѣгомъ меринѣ и курилъ трубку на мѣдной цѣпи. Никодимъ узналъ: это былъ Василій Стелькинъ изъ Быкова. Онъ присѣлъ на камень и перевелъ духъ.

— Подвези, Василій Никитичъ, попросился онъ, — когда меринъ поровнялся съ нимъ.

Василій Никитичъ, не отвѣчая, потянулъ возжи и остановилъ роспуски. Никодимъ почти повалился на нихъ.

— Что ты? спросилъ Стелькинъ.—Ровно ты не въ себѣ. Боленъ?

— Боленъ,—отвѣтилъ Никодимъ.

— Къ дохтуру идешь?

— Къ доктору. Поскорѣй-бы, дядя Василій.

— Что-жь,—по дорогѣ.

Онъ пустилъ пѣгаго рысью, и они закутались облакомъ пыли. Роспуски трясло и колотило; Никодимъ лежалъ, крѣпко уцѣпившись.

«Свѣтъ такой ниспосланъ,—бормоталъ онъ,—и вдругъ,—словно и нѣтъ ничего: не хотятъ его видѣть. Сидятъ слѣпышами, не хотятъ... А вѣдь учили-же его,—учили...»

И онъ чувствовалъ, какъ сердце тоскуетъ въ немъ, какъ весь Божій міръ сталъ такимъ тусклымъ, и онъ не зналъ, что дѣлать,—и даже смутно сознавалъ, куда и зачѣмъ теперь ѣдетъ.

Проѣхали березовую рощу,—черезъ поле зазеленѣлъ старый садъ съ большимъ домомъ. Ставни еще были закрыты: весь домъ спалъ. Никодимъ спрыгнулъ на ходу съ роспусковъ и крикнулъ:

— Спасибо!

Но дойдя до усадьбы, онъ не повернулъ къ доктору, который помѣщался во флигелѣ, а пошелъ въ господскій домъ, гдѣ жилъ предводитель. Предводитель былъ уже вставши и плавалъ въ рѣчонкѣ, что протекала подъ горою. Никодимъ спустился къ водѣ и увидѣлъ огромное бѣлое, красивое тѣло, облитое золотымъ свѣтомъ солнца. Его обтиралъ съ ногъ до головы усатый лакей и особенно усердно теръ икры. Предводитель только крякалъ и говорилъ:

— На-сухо, Петрушенька, на-сухо.

Никодимъ вдругъ повалился ему въ ноги, и сталъ несвязно что-то разсказывать. Предводитель поднялъ брови и, повидимому, слушалъ его, но въ тоже время говорилъ лакею:

— Подъ мышкой еще потри, Петрушенька.

Потомъ ему дали широкіе шаровары, вродѣ тѣхъ, что носятъ цыгане. Потомъ онъ надѣлъ рубашку и стянулъ ее тонкимъ кавказскимъ поясомъ.

— Пойдемъ! сказалъ онъ Никодиму.

Когда они пришли на балконъ и предводителю подали большую высокую чашку чая и трубку, онъ затянулся раза два, посмотрѣлъ на Никодима и сказалъ:

— Ну, начинай опять сначала, я ничего не понялъ.

По мѣрѣ того, какъ Никодимъ разсказывалъ, лицо предводителя дѣлалось все свѣтлѣе. Исторія съ мышью, повлекшая за собой послѣдствія совершенно неожиданныя, была ему на руку.

— Не только теперь баллотироваться, а и духа твоего въ нашемъ уѣздѣ не будетъ,—думалъ онъ, съ наслажденіемъ прихлебывая чай.

— Ужъ не знаю, что теперь тамъ, — говорилъ Никодимъ, — и слезы текли по его щекамъ.—Самъ я видѣлъ, какъ Александръ Георгіевичъ съ вѣника листья срывалъ, чтобы сѣчь... Этакое дѣло...

Предводитель послалъ за докторомъ. Скоро пришли и сказали, что онъ спитъ.

— Разбудить! крикнулъ онъ и это «разбудить!» отозвалось въ березовой рощѣ.

Докторъ пришелъ нѣсколько опухшій послѣ вчерашней пирушки. Голова у него болѣла, онъ былъ зеленъ, и просилъ налить чая покрѣпче.

И въ третій разъ Никодимъ долженъ былъ повторять свой разсказъ, пока предводитель одѣвался у себя въ спальнѣ. Докторъ тоже оживился и кривилъ ротъ въ улыбку.

— Неосторожно!—сказалъ онъ, выслушавъ все.—За это по шапкѣ бываетъ. Мы ему такое очистительное пропишемъ...

Выхоленный четверикъ подкатилъ къ крыльцу: предводитель любилъ блестящій выѣздъ и подобралъ коней, коляску и кучера на заглядѣнье.

— Нѣмецъ-то, кажется, вляпался,—сказалъ онъ, надѣвая шляпу.— Велите, почтеннѣйшій, положить въ коляску ваши докторскіе припасы, и ѣдемъ.

Докторъ не безъ удовольствія потеръ руки. Онъ вспомнилъ вчерашній тонъ Гетнера и рѣшился употребить съ своей стороны все, чтобъ начать дѣло.

— Жаль, новые суды еще не скоро у насъ откроются, — сказалъ онъ, уже сидя въ коляскѣ.

Предводитель посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ.

— Есть насчетъ чего сокрушаться!—проговорилъ онъ. — Еще по новымъ судамъ неизвѣстно, что будетъ, а тутъ — слава тебѣ Господи, — все люди знакомые.

XIX.

Минутъ двадцать спустя, четверикъ подъѣзжалъ уже къ дому Гетнера. Кучеръ много разъ бывалъ здѣсь при покойномъ баринѣ, и потому увѣренно и смѣло вкатилъ въ широкія ворота, сдѣлалъ крутой заворотъ и со звономъ веселыхъ бубенцевъ подъѣхалъ къ широкому крыльцу. Никодимъ соскочилъ съ козелъ. Какая-то смутная неловкость охватила его: ему не хотѣлось-бы, чтобъ кто-нибудь его видѣлъ.

— Барыня вонъ у бани стоитъ,—шепнулъ онъ, помогая выходить изъ экипажа пріѣхавшимъ.

— Вы идите къ ней,—сказалъ доктору предводитель,—а я пойду въ домъ.

Гетнеръ увидѣлъ его изъ окна. Онъ почувствовалъ, что визитъ этотъ не къ добру, и ждалъ въ залѣ гостя.

Но гость вошелъ съ открытымъ, веселымъ лицомъ и, какъ всегда, съ добродушной улыбкой.

— Извините, что такъ рано,—заговорилъ онъ.—Пріѣхалъ просить прощенія за вчерашнее: задержали дѣла, не могъ имѣть удовольствія быть у васъ. Сейчасъ мнѣ докторъ разсказывалъ про этотъ эпизодъ съ мышью... Какъ это непріятно. Я просилъ доктора пріѣхать со мной. Анну Николаевну непремѣнно надо освидѣтельствовать, нельзя-же допускать такія выходки.

— То есть какъ это освидѣтельствовать?—спросилъ Гетнеръ, закусывая усъ.

— Быть можетъ, у нея начинается острая форма помѣшательства? Надо будетъ принять мѣры. Докторъ пошелъ уже къ ней.

— Это очень кстати,—замѣтилъ Гетнеръ,—у Анны Николаевны сегодня обморочное состояніе. Ее никакъ не могутъ привести въ себя.

Пріятная улыбка вдругъ сбѣжала съ лица предводителя.

— Отчего-же вы не послали за врачемъ?—спросилъ онъ.

— Только что собирался.

— Вамъ, какъ опекуну, слѣдовало-бы держать здѣсь постояннаго доктора,—возразилъ предводитель.

— До сихъ поръ она въ этомъ не нуждалась,—уклончиво отвѣтилъ Гетнеръ.

— Вы говорите, она въ обморокѣ?—спросилъ предводитель.— Тогда позвольте мнѣ взглянуть на нее.

Онъ поднялся съ мѣста. Гетнеръ неохотно поднялся вслѣдъ за нимъ.

— Къ вамъ прибѣгалъ съ доносомъ Никодимъ?—спросилъ онъ, косо усмѣхаясь.

— Нѣтъ ничего подлѣе ложныхъ доносовъ,—отвѣтилъ ему предводитель.

На крыльцѣ они встрѣтили Анфусу. Она была блѣднѣе, чѣмъ въ день смерти Николая Львовича. Она была непричесана и неодѣта. Лицо ея было смято и испуганно. Ея неряшливая растрепанная фигура отзывала мѣщанской распущенностью.

— Не пришла въ себя?—спросилъ у нея мужъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила она, и поклонившись на поклонъ предводителя, который руки ей не подалъ, взбѣжала на крыльцо.

Гетнеръ замѣтилъ маневръ предводителя и злоба опять стала душить его.

— Все-таки, ваше превосходительство, къ доносамъ слѣдуетъ относиться осторожно,—проговорилъ онъ сквозь зубы.

— Кто-жъ вамъ сказалъ, что я отношусь къ нимъ иначе?—возразилъ предводитель.

На встрѣчу имъ быстро приближался докторъ.

— Она мертва,—сказалъ онъ, и все лицо его выражало торжество.

Гетнеръ пошатнулся.

— Мертва?—машинально проговорилъ онъ.—Но отчего-же?

— Не знаю,—отвѣтилъ докторъ. — Можетъ быть ее засѣкли до смерти.

— То-есть кто-же это засѣкъ? спросилъ рѣзко Гетнеръ, глядя доктору прямо въ глаза.

— Не знаю, можетъ быть вы,—смотря на него въ упоръ, сказалъ докторъ.

— Какъ вы смѣете это говорить?—крикнулъ Гетнеръ.—Вы мнѣ отвѣтите за это.

Онъ хотѣлъ войти въ баню, но предводитель остановилъ его.

— Я попрошу васъ до прибытія властей не входить туда,—сказалъ онъ.—Мы поставимъ сюда сторожа, вотъ хотя-бы Никодима, а сами дадимъ знать.

— Это ложь, ложь!—говорилъ сжимая себѣ голову Гетнеръ.— не допущу, чтобы такъ безнаказанно...

— Успокойтесь, — сказалъ предводитель. — Докторъ шутитъ. Мы дѣло поведемъ офиціально, и все выяснится въ настоящемъ свѣтѣ.

И предводитель тотчасъ же началъ дѣйствовать. Двое верховыхъ поскакали съ его записками въ разныя стороны. Анфуса не показывалась. Гетнеръ былъ строгъ и сосредоточенъ. Онъ велѣлъ собрать холодный завтракъ, что было не трудно послѣ вчерашняго пиршества. Докторъ уѣхалъ на предводительскихъ лошадяхъ за инструментами. Предводитель сидѣлъ неподвижно въ креслахъ и сосредоточенно курилъ, ничего не выражая на своемъ лицѣ. Изрѣдка онъ взглядывалъ на Гетнера, но не подмѣчалъ въ немъ страха и тревоги. Въ лицѣ его виднѣлась какая-то тоскливая досада,—и только. Гетнеръ ходилъ по комнатѣ. Изъ оконъ онъ видѣлъ за березками сѣренькую баню, и Никодима, который, какъ привидѣніе, неподвижно стоялъ у двери. Два раза онъ заглядывалъ къ Анфусѣ. У нея были зажжены передъ образомъ свѣчи, и она молилась.

Онъ не могъ понять причины смерти Анны, но зналъ, что онъ причина ея смерти. Животная злоба теперь смѣнилась тупою озлобленностью. «Ну, и пусть ее и пусть; кому она была нужна», — думалъ онъ.—«А если они начинаютъ цѣлую исторію, такъ только за тѣмъ, чтобы сдѣлать мнѣ гадость. Они всѣ ненавидятъ меня. Но я все-таки восторжествую, и они меня не задавятъ».

— Вы мнѣ ничего не имѣете сказать, пока никого нѣтъ?—спросилъ предводитель.

Александръ Георгіевичъ остановился противъ него.

— Ваше превосходительство,—сказалъ онъ.—Вы серьезно, повидимому, думаете, что я являюсь преступникомъ въ какомъ-то скорбномъ дѣяніи. Увѣряю васъ, что вы въ глубокомъ заблужденіи; вамъ это докажетъ ближайшее будущее.

Власти собрались очень скоро. Пріѣхалъ и докторъ съ своимъ наборомъ.

— Ваше высокородіе,—дрожащимъ голосомъ спросилъ Никодимъ у доктора,—неужто рѣзать будутъ барышню нашу?

— Ну такъ что-жъ, тебѣ жалко, что-ли?—сказалъ ему въ отвѣтъ докторъ, смѣясь и надѣвая на себя фартукъ.

— Не показано это,—чуть слышно возразилъ казачекъ.

— Тебѣ не показано, а мнѣ показано, — сказалъ онъ. — Я еще тебя заставлю ножи мнѣ держать.

Вскрытіе продолжалось долго. Предводитель не подходилъ даже близко къ банѣ. Онъ бродилъ по двору и по саду, дожидаясь результата. Наконецъ, его попросили къ доктору.

Трупъ уже былъ вымытъ и прикрытъ; окна открыты. Въ воздухѣ стоялъ тотъ острый специфическій запахъ, которымъ всегда сопровождается вскрытіе. Докторъ вытиралъ чистыя руки полотенцемъ.

— Знаковъ насилія на трупѣ не найдено,—сказалъ онъ.—Смерть же несомнѣнно послѣдовала отъ разрыва сердца.

Предводитель нахмурился: онъ этого не ждалъ и этого не хотѣлъ.

— По моему, все-таки надо снять показаніе съ доносчика,—сказалъ онъ. — Быть можетъ, его показаніемъ выяснится, кто былъ причиной ея кончины.

Никодимъ до боли сжалъ челюсти.

«Я доносчикъ! Я доносчикъ!—повторялъ онъ про себя. — Развѣ то значитъ доносчикъ?».

Предводитель предложилъ ему повторить передъ начальствомъ все то, что онъ говорилъ имъ.

Никодимъ колебался.

— Ну, что-жъ ты!

— Я ничего не знаю,—сказалъ онъ.

Предводитель этого никакъ не ожидалъ.

— Какъ не знаешь? А съ чѣмъ же ты, мерзавецъ, прибѣгалъ ко мнѣ?

— Я ничего не знаю, — повторилъ онъ. — Про то, что сѣчь барышню собирались, я и не слышалъ и не видѣлъ.

Предводитель даже позеленѣлъ.

— И прохвостъ же ты!—сказалъ онъ.

— Какъ угодно!—отвѣтилъ Никодимъ и потупился.

Никакихъ другихъ показаній относительно насильственной смерти дѣвушки собрать не могли.

XX.

Къ вечеру власти уѣхали.

Никодимъ, убравъ чай, тихо вошелъ въ кабинетъ Гетнера. Гетнеръ посмотрѣлъ на него ласково.

— Что ты?—спросилъ онъ.

— Извините, Александръ Георгіевичъ. Осмѣлюсь просить объ отпускѣ.

— О какомъ отпускѣ?

— Отойти отъ васъ. Служить не могу.

— Жалованье мало? Прибавлю.

— Жалованье что.

— Ты куда-же?

— Удалиться совсѣмъ желаю. Какъ высказывалъ и раньше. Неодолимо тянетъ къ обители.

— Рано, братецъ, еще.

— Раньше лучше. Потомъ обростешь очень, ослѣпнешь.

— Съ чего ослѣпнешь?

Никодимъ нахмурился.

— Съ жизни ослѣпнешь. Жизнь на міру слѣпитъ человѣка.

— Это кто-жь тебѣ сказалъ?

— Самъ вижу, что мнѣ говорить.

— Лѣнтяй ты, отъ работы уходишь.

— Да, нѣшто здѣсь, Александръ Георгіевичъ, работа? Полы мести, да сапоги чистить,—это всякая дѣвочка сумѣетъ.

— А поклоны класть, да только жрать,—это будетъ твое дѣло?

— Зачѣмъ-же? Тамъ и косить, и дрова рубить, и по воду,—все возможно.

— Такъ это и здѣсь можешь.

Никодимъ покачалъ головой.

— Невозможно, Александръ Георгіевичъ.

— Почему?

— Здѣсь работа за плату.

— Ну, такъ что-жь?

— А тамъ безъ вознагражденія, сама по себѣ. Какъ-же сравнить можно! Здѣсь, если я деньги получаю, долженъ урокъ дѣлать. Отработалъ что нужно, и кончено дѣло. А тамъ совсѣмъ другое. Тамъ цѣлый день отдыха нѣтъ. Съ утра до ночи все работай. Какъ же можно! Тамъ для Бога работаешь,—тамъ мѣры нѣтъ. Потому и возгражденія нѣтъ.

— Такъ это лучше по твоему?

— А еще-бы!

— Заговорили тебя мнихи и черицы.

— Можетъ и заговорили.

Оба помолчали.

— А я бы тебѣ хорошее жалованье далъ,—сказалъ Гетнеръ.

— Не желаю, Александръ Георгіевичъ.

— Я съ женою въ Петербургъ поѣду, тебя возьму.

— Что-жь Петербургъ. Богъ вездѣ одинъ. Еще здѣсь-то онъ ближе, чѣмъ въ городѣ.

— Такъ уходишь совсѣмъ?

— Такъ точно.

Онъ внезапно отпустился на колѣни и стукнулъ лбомъ объ полъ.

— Простите, коли согрѣшилъ въ чемъ.

Что-то дрогнуло въ горлѣ Гетнера. Онъ сжалъ брови и махнулъ рукою

— Иди! Я ничего противъ тебя. Ты прости, коли...

Никодимъ поднялся и вышелъ. Онъ направился въ спальню, гдѣ Анфуса сшивала кисею на покрышку покойницы. И тамъ онъ поклонился въ ноги и сообщилъ о томъ, что онъ окончательно уходитъ.

Анфуса прослезилась; она подняла его, поцѣловала и сказала:

— Молись, Никодимушка, молись за насъ грѣшныхъ. И я бы въ монастырь пошла, да грѣхи не пускаютъ.

— Ничего, пустятъ. Ежели только вмѣстить...

— Молодъ ты, Никодимушка. Не говоритъ въ тебѣ еще кровь. А поживи съ мое—узнаешь, когда сила рвется въ человѣкѣ.

— Что-жь эту силу придавить можно,—увѣренно сказалъ онъ.

— Ну, а вотъ на это силушки и нѣтъ, родной. Нѣтъ уже, помолись ты за насъ,—а тамъ видать будетъ, что дальше. Дамъ я тебѣ десять рублей на сапоги, а ты помолись за меня и за душеньку юродивой боярышни Анны.

— Я и безъ денегъ помолюсь,—сказалъ онъ:—что мнѣ въ нихъ. А дойти и безъ сапогъ даже легче.

Онъ обошелъ всю дворню, и всѣмъ кланялся въ ноги и просилъ прощенія, и всѣ его цѣловали. И деньги онъ ото всѣхъ бралъ. Простился онъ и съ покойницей, которая все еще стояла въ передбанникѣ, и долго смотрѣлъ на ея странное лицо, по которому ходили тѣни отъ двухъ восковыхъ свѣчей, горѣвшихъ у изголовья, гдѣ читалъ дьячекъ. Потомъ онъ попросилъ дьячка дать ему почитать. Тотъ уступилъ ему мѣсто съ удовольствіемъ, и пошелъ прикурнуть на сѣнѣ. Никодимъ передвинулъ аналой такъ, чтобы видѣть лицо мертвой. И въ паузахъ взглядывалъ на нее. Онъ не узнавалъ «юродивую боярышню». Сквозь мертвенную блѣдность проступило новое, страннное выраженіе. Точно изумилась она чему-то несказанно, увидѣвъ нѣчто нежданное, непонятное.

Онъ смотрѣлъ на нее, и по щекамъ его катились слезы. И странныя это были слезы. Онъ не жалѣлъ ея, — ему казалось, что очень хорошо все такъ вышло, что она умерла,—потому что ей теперь легко и свободно,—а здѣсь было тяжело, и была она сдавлена гнетомъ земного, и была совсѣмъ слѣпышемъ. И не о себѣ онъ плакалъ,—что-же ему была она? А плакалъ онъ о чемъ-то хорошемъ, тепломъ, что полосою прошло по немъ. Плакалъ онъ о лѣтнихъ вечерахъ, о заваленкѣ, о стукѣ окна, о бѣлой рукѣ, протягивавшейся къ нему. Онъ вспоминалъ ея черные, странные глаза, блуждавшіе по небу, вспоминалъ ея голосъ, ея улыбку и то, какъ кивала она ему, и часами сидѣла у окна и ждала его, когда онъ подойдетъ. Почему-то онъ ясно вспомнилъ розовую полосу заката, противъ которой они сидѣли подъ окномъ, и звѣзды, зажигавшіяся позднѣе надъ ними. И жалко ему стало всего этого, всего, что дѣлили они пополамъ.

Онъ подошелъ къ окну. Звѣзды смотрѣли сверху и дрожали. Кузнечики стрекотали безъ умолка. Онъ видѣлъ звѣзды, слушалъ кузнечиковъ и думалъ:

— И она слышитъ, и она видитъ. Она тутъ надо мною. Ей лучше видно и слышно, чѣмъ мнѣ.

А то, что осталось отъ юродивой боярышни, было такое странное, такъ неподвижно и безпомощно лежало на столѣ, сложивъ руки и сжавъ губы, которыя, казалось, только-что говорили:

— Такъ, Никодимушка: ну, ну!

Утромъ, когда собирался Никодимъ въ свой дальній путь, его позвали къ барину. Александръ Георгіевичъ былъ торжественenъ и важенъ.

— Никодимъ, сказалъ онъ:—ты идешь, куда влечетъ тебя сердце и духъ. Иди, и будь человѣкомъ.

Никодимъ ничего не сказалъ, только переступилъ съ ноги на ногу.

— Возьми,—еще торжественнѣе продолжалъ онъ:—вотъ тебѣ сто рублей.

И онъ протянулъ ему радужную бумажку: не такую, какъ теперь, безъ портрета императрицы,—но все-таки красивую, волнистаго рисунка.

— Я вчера отъ барыни не взялъ, — сказалъ онъ, — онѣ десять рублей мнѣ давали. А теперь—какъ-же я отъ васъ столь большую сумму возьму, да и съ какихъ статей?

— Опять безсребренника ломаешь...

— Ежели вамъ желательно эти деньги пожертвовать, такъ безъ меня много такихъ самыхъ найдется, кому нужны онѣ. А я что-же,— мнѣ зачѣмъ! Ежели я все стряхнуть хочу,—зачѣмъ-же я такую тяготу возьму на себя?

Гетнеръ сердито швырнулъ деньги въ столъ, хотѣлъ что-то сказать, но одумался.

— Прощай, сказалъ онъ,—и поцѣловалъ его въ лобъ.

Съ послѣдней Никодимъ простился съ покойницей. Потомъ онъ вышелъ на дорогу, радостно улыбнулся, вздохнулъ всей грудью и сказалъ:

— Ишь ты, тишь какая!

И подпираясь вырѣзанной наканунѣ палочкой, онъ побрелъ по дорогѣ, весь охваченный блескомъ яснаго дня, съ радостнымъ сознаніемъ того, что онъ теперь не слѣпышъ, и отъ слѣпышей ушелъ навсегда.

П. Гнѣдичъ.

Законъ экономіи въ умственномъ трудѣ [1]).

Еслибъ мы вздумали отыскать среди множества идей, двигающихъ умственную и общественную жизнь современнаго человѣка, ту, которая наиболѣе характеризуетъ нашу эпоху, то врядъ ли возможно было бы долго колебаться въ выборѣ. Намъ пришлось бы сразу остановиться на идеѣ труда и энергіи. Никогда еще человѣчество en masse и каждый членъ общества въ отдѣльности не напрягалъ такъ, какъ въ наши дни, свои силы на поприщѣ духовномъ, матеріальномъ и общественномъ. Трудъ становится истиннымъ господиномъ жизни, предъ которымъ всѣ равны; отъ монарха до чернорабочаго, безъ различія сословій и положенія, всѣ работаютъ и всѣхъ связываетъ общій трудъ. Ежедневно трудъ завоевываетъ новыя области, расширяетъ сферу своего господства; страны и народы, гдѣ вчера еще все было погружено въ дремоту и покой, сегодня, подъ вліяніемъ всюду проникащаго европейца, просыпаются и волей-неволей вовлекаются въ этотъ потокъ труда и дѣятельности.

Всѣ эти факты такъ общеизвѣстны, успѣхи, которыми мы, современники, обязаны этому напряженію человѣческой энергіи, такъ блестящи, результаты, достигнутые благодаря труду во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни отъ самыхъ возвышенныхъ до низшихъ, такъ выпукло стоятъ у всѣхъ предъ глазами, что наврядъ-ли есть еще какая-нибудь надобность распространяться о фактическомъ значеніи труда въ наше время.

Далеко не столь ясно для многихъ то значеніе, какое идея труда занимаетъ въ современной наукѣ и какъ подкладка, не всѣми сознаваемая,

[1]) Въ настоящемъ очеркѣ авторъ даетъ популярное изложеніе нѣкоторыхъ вопросовъ нервной механики, спеціальная обработка которой составляетъ содержаніе большого труда, имѣющаго въ скоромъ времени выйти въ свѣтъ.

современной человѣческой морали и общественной жизни. Безспорно, что величайшимъ пріобрѣтеніемъ человѣческаго ума въ области теоретической науки слѣдуетъ признать законъ сохраненія или постоянства механической энергіи, найденный Джули, Мейеромъ и наиболѣе полно формулированный Гельмгольцемъ. Рядомъ съ этимъ закономъ по своему значенію, особенно практическому, и въ тѣсной внутренней связи съ нимъ стоитъ начало единства или взаимнаго превращенія всѣхъ видовъ энергіи и силъ одной въ другую и каждой изъ нихъ въ механическую. Вся современная физика и химія получаютъ свои двигательные импульсы и руководящую нить въ этихъ двухъ основныхъ механическихъ началахъ природы.

Біологія, наука о живыхъ существахъ и жизненныхъ процессахъ, подверглась полному преобразованію и вступила на новый путь подъ вліяніемъ великой идеи Дарвина о борьбѣ живыхъ существъ за существованіе идеи, по существу своему, если не прямо механической, то все же тѣсно примыкающей къ началу энергіи и труда.

Всѣ успѣхи и пріобрѣтенія, достигнутые въ послѣднее время въ области науки о душѣ, психологіи, основаны опять-таки на признаніи двухъ новыхъ аналогичныхъ началъ. Одно изъ нихъ гласитъ: каждый духовный актъ, будетъ ли то образъ, мысль, чувство или хотѣніе, неразрывно связанъ съ матеріальными процессами въ нашей нервной системѣ, т. е. съ затратой извѣстной суммы физической, химической или физіологической энергіи. Другое руководящее начало, или—вѣрнѣе—стремленіе современной психологіи, заключается въ томъ, чтобы сдѣлать психическія явленія объектомъ измѣренія на подобіе того, какъ мы взвѣшиваемъ, измѣряемъ и вообще сравниваемъ между собою всѣ физическіе предметы и явленія природы. Это стремленіе выразилось въ замѣчательной попыткѣ Фехнера и его продолжателей создать особую отрасль науки—психо-физику, которая пытается установить точное, доступное измѣренію отношеніе между той силой, съ которой на насъ вліяетъ окружающая среда, и напряженностью или субъективной величиной нашихъ впечатлѣній. При этомъ самъ собою выдвинулся на первый планъ вопросъ о томъ, насколько наша духовная жизнь, въ частности наши простѣйшія свѣтовыя, слуховыя и другія ощущенія поддаются точному измѣренію. Отсюда уже естественный переходъ къ болѣе общему вопросу: насколько понятіе о силѣ, работѣ, движеніи и другихъ началахъ физико-механическихъ процессовъ находятъ себѣ мѣсто въ области душевныхъ явленій?

Обратимся ли мы къ современной соціальной наукѣ, мы и здѣсь встрѣтимся съ идеей труда, постепенно проникающей во всѣ отрасли обществовѣдѣнія. Въ политической экономіи идея труда, благодаря школѣ Маркса, уже легла въ основу цѣнности, этого базиса всей науки о государственномъ хозяйствѣ была уже не одна попытка обосновать и об-

щественный кредитъ на началѣ личнаго труда. Мы уже далеко оставили позади себя то время, когда общественное богатство измѣрялось одними естественными рессурсами страны (земля, нѣдра и т. под.), или опредѣлялись одной суммой неподвижныхъ цѣнностей. Мы теперь считаемъ ту страну и тотъ народъ богатымъ, который, при равныхъ естественныхъ рессурсахъ, обладаетъ наибольшей суммой трудовой энергіи или производительности. Идея труда все болѣе и болѣе завладѣваетъ областью соціальной политики. Среди всѣхъ преобразованій и превратностей, которымъ подвергалась въ 19-мъ вѣкѣ идея политической свободы, одно крѣпко устояло:—начало свободнаго труда, гарантируемое государствомъ каждому гражданину независимо отъ всякихъ условій. И, если есть что либо такое, что во всѣхъ крайнихъ ученіяхъ стоитъ незыблемо и пользуется симпатіей всѣхъ разумныхъ людей, то это безспорно право на трудъ и охрана его отъ эксплуатаціи. Нужно-ли говорить о томъ, что и въ области морали, въ оцѣнкѣ взаимныхъ отношеній между людьми, равно и въ оцѣнкѣ достоинства и такъ сказать моральной цѣнности людей, идея труда получила теперь доминирующее значеніе. Мы живемъ въ такое время, когда, въ концѣ концовъ, наибольшимъ внутреннимъ уваженіемъ и довѣріемъ пользуется тотъ, кто больше работаетъ для другихъ.

Идея труда все болѣе становится предметомъ культа, а въ нѣкоторыхъ соціальныхъ сектахъ и религіознымъ догматомъ.

Гдѣ свѣтъ, тамъ и тѣнь. Напряженный трудъ современнаго человѣка не всегда правильно регулируется, и неудивительно, если обнаруживаются послѣдствія то чрезмѣрнаго напряженія, то недостаточнаго отдыха и возстановленія силъ. Современная научная литература, какъ общая, такъ и спеціальная, наполнена жалобами и указаніями на печальныя послѣдствія усиленной умственной и физической работы. Созданъ новый, не совсѣмъ удачный терминъ «переутомленіе» для характеристики этого состоянія. Жалобы раздаются самыя разнообразныя и съ разныхъ сторонъ: то переутомленіе является причиной различныхъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, особенно же такъ называемой нейрастеніи, то переутомленію приписывается учащеніе числа самоубійствъ, переутомленію-же приписываютъ и нѣкоторыя теченія общественнаго настроенія, какъ пессимизмъ и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, во всѣхъ этихъ жалобахъ много преувеличеннаго; самая фактическая сторона дѣла, т. е. явленіе чрезмѣрнаго умственнаго напряженія недостаточно обосновано. Еще того менѣе выяснено, насколько въ приписываемыхъ переутомленію послѣдствіяхъ повинно перенапряженіе и насколько здѣсь участвуютъ побочныя условія, обстановка и проч.

Вопросъ о переутомленіи выдвинутъ въ послѣднее время съ особенной силой въ области школьнаго, и особенно средняго, такъ называе-

маго гимназическаго образованія. Впрочемъ, строго говоря, жалобы на переутомленіе учащихся не новы и раздаются въ Германіи по крайней мѣрѣ съ 20-хъ год. текущаго столѣтія, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ школьное дѣло было поставлено въ Пруссіи на ту высоту, на которой мы его видимъ теперь. Съ этого времени періодически появлялись протесты со стороны врачей, иногда педагоговъ, противъ чрезмѣрнаго обремененія учащихся умственной работой и указанія на вредныя послѣдствія въ сферѣ физическаго развитія подростающаго поколѣнія.

Въ 1880 г. общее вниманіе ученаго міра и публики въ Германіи было снова привлечено къ этому вопросу, благодаря докладу д-ра Гассе на съѣздѣ германскихъ психіатровъ въ Айзенахѣ. Въ этомъ докладѣ, основанномъ на личныхъ наблюденіяхъ автора надъ семью случаями душевнаго разстройства учениковъ гимназіи, особенно рѣзко были формулированы положенія о вредномъ вліяніи, которое германская школа оказываетъ на учащихся. Съѣздъ большинствомъ одного голоса присоединился къ выводамъ докладчика. Докладъ и резолюція произвели большую сенсацію. Прусское министерство народнаго просвѣщенія обратилось къ двумъ корифеямъ германской науки, проф. Вирхову и Вестфалю, наиболѣе выдающемуся германскому психіатру, съ предложеніемъ представить записку объ этомъ предметѣ. Эти лица, по тщательномъ изученіи отчетовъ многихъ германскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также по ознакомленіи съ отчетами нѣкоторыхъ домовъ для умалишенныхъ, пришли къ выводамъ, далеко расходящимся съ тезисами д-ра Гассе.

Вирховъ и Вестфаль въ составленной ими запискѣ высказываютъ убѣжденіе, что «пока нѣтъ данныхъ для надлежащаго сужденія о распространеніи переутомленія среди учениковъ гимназій». Для такого сужденія прежде всего необходимо установить понятіе о среднемъ ученикѣ, въ смыслѣ единицы среднихъ учебныхъ способностей. Процентъ учениковъ, заболѣвающихъ душевными и нервными болѣзнями, оказывается менѣе средняго % заболѣвающихъ въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ.

На этомъ основаніи одинъ директоръ заведенія для умалишенныхъ высказываетъ даже мысль, что «ученики высшихъ классовъ гимназіи, благодаря условіямъ своей жизни, въ большей степени защищены отъ душевныхъ болѣзней сравнительно съ юношами этого же возраста другихъ классовъ населенія».

Если и замѣчается среди учащихся увеличеніе числа самоубійствъ въ послѣднее время, то, по изслѣдованіямъ Вирхова и Вестфаля, это увеличеніе менѣе значительно, чѣмъ общее возростаніе % самоубійствъ, наблюдаемое въ большихъ городахъ Германіи.

Едва-ли не самое интересное и убѣдительное во всемъ докладѣ Вирхова и Вестфаля это сравнительное изслѣдованіе % годныхъ къ воин-

ской повинности юношей, прошедшихъ гимназію и не проходившихъ ее. Авторы доклада, на основаніи точныхъ статистическихъ данныхъ, утверждаютъ, что «относительно годности къ воинской службѣ молодые люди, кончающіе курсъ въ гимназіяхъ, представляютъ несравненно болѣе благопріятные результаты, чѣмъ юноши этого-же возраста, посвятившіе себя торговлѣ и ремесламъ». Этотъ докладъ и пренія, вызванныя по его поводу въ прусскомъ, саксонскомъ и другихъ нѣмецкихъ парламентахъ, привели къ нѣкоторому, хотя лишь временному, успокоенію общественнаго мнѣнія. Агитація, поднятая д-ромъ Гассе и германскими психіатрами, имѣла, однако, и практически полезныя послѣдствія, такъ какъ, по указанію Вирхова и Вестфаля, въ германской школѣ произведены были нѣкоторыя измѣненія въ системѣ распредѣленія занятій, чередованія отдыха, болѣе широкое развитіе физическихъ упражненій, обращено было большее вниманіе на школьную гигіену и т. п.

Нѣсколько лѣтъ назадъ вся Европа была взволнована рѣчью молодого германскаго императора, въ которой онъ провозгласилъ необходимость реформы школьнаго дѣла въ Германіи. Августѣйшій агитаторъ не ограничился общей постановкой вопроса, а въ то же время прямо указалъ на задачу, которая по его мнѣнію стоитъ на очереди: отмѣна или по меньшей мѣрѣ ослабленіе классицизма въ гимназіяхъ. Для обсужденія этого вопроса созвана была конференція, въ которой приняли участіе корифеи германскаго педагогическаго и ученаго міра. Агитація охватила всю Германію, университетскій и педагогическій міръ раздѣлился на два лагеря: одинъ, отстаивавшій нынѣшнюю классическую систему образованія, другой, требовавшій ея отмѣны и замѣны реальной, т. е. смѣшанной системой, основанной на изученіи естествознанія, математики и новыхъ языковъ.

Въ конференціи и въ вызванномъ ею умственномъ движеніи приняли участіе такія свѣтила науки, какъ Гельмгольцъ, Людвигъ, Вундтъ и др. Какъ извѣстно, конференція не привела къ ожидаемой реформѣ, а скорѣе послужила къ тому, чтобы обнаружить высокую устойчивость современной классической школы въ Германіи. Немногимъ, однакожъ, извѣстны, особенно у насъ въ Россіи, причины такого исхода конференціи. Конечно, одной изъ причинъ этой безрезультатности оказалась крайняя спутанность тѣхъ систематическихъ данныхъ, которыми располагаютъ педагоги, но больше всего выступило полное отсутствіе тѣхъ основныхъ психо-физіологическихъ понятій объ умственной работѣ, безъ которыхъ спорящія объ этомъ предметѣ стороны не въ состояніи не только сговориться, но даже понять другъ друга. Въ самомъ дѣлѣ, въ основаніи всѣхъ жалобъ на современную школьную систему лежитъ мысль о неправильномъ направленіи умственной работы учащихся и о чрезмѣрномъ напряженіи духовныхъ силъ учащейся молодежи въ ущербъ

интересамъ ея всесторонняго развитія. Въ частности противъ классицизма раздаются серьезныя обвиненія въ томъ, что эта система особенно напрягаетъ память учащихся, подавляетъ разсудочность, развивая одно формальное мышленіе и, обременяя юные мозги баластомъ, составляетъ серьезное препятствіе для живой умственной работы, для развитія любознательности и наблюдательности. Наконецъ, этой системѣ приписывается особенно вредное вліяніе на молодежь въ дѣлѣ переутомленія.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ побудительныхъ причинъ, вызвавшихъ германскаго императора на такой шагъ, было его убѣжденіе въ томъ, что классицизмъ обусловливаетъ переутомленіе молодежи и служитъ препятствіемъ къ ея правильному физическому развитію. Этимъ убѣжденіемъ, весьма распространеннымъ въ обществѣ, объясняется и то сочувствіе, которымъ встрѣчено было въ большой публикѣ воззваніе молодого германскаго монарха. Факты, на которыхъ основаны этого рода жалобы, имѣютъ при непосредственномъ впечатлѣніи большую убѣдительность, и убѣжденіе въ обременительномъ и вредномъ вліяніи классической системы образованія представляется какъ бы очевиднымъ и не требующимъ доказательствъ. Стоитъ, однакожъ, только перейти отъ жалобъ къ серьезной критикѣ и отъ послѣдней къ опредѣленной программѣ новой системы образованія, какъ тотчасъ-же обнаруживается отсутствіе твердаго научнаго фундамента для такой реформы. Такъ и случилось съ берлинской конференціей: прежде всего оказалось, что первый физіологъ нашего вѣка Гельмгольцъ и глава современной психологіи въ Европѣ Вундтъ—оба выступили защитниками классицизма. Извѣстный химикъ Гофманъ заявилъ, что въ его лабораторіи лучшими работниками всегда были студенты, прошедшіе курсъ гимназіи, т. е. классики. Конференція не привела ни къ какому практическому результату, но она не прошла безслѣдно для дѣла школьнаго образованія. Она обнаружила воочію, что до тѣхъ поръ, пока педагогика не будетъ опираться на научныя и физіологическія начала, никакія эмпирическія и цифровыя данныя, никакая критика, основанная на началахъ такъ называемаго здраваго смысла, не въ состояніи будутъ оказать практическаго вліянія на систему современнаго образованія. Въ самомъ дѣлѣ, вполнѣ естественно, что Гельмгольцъ, Вундтъ, да и вообще люди, привыкшіе къ строго-научному мышленію, не могутъ брать за основу своихъ разсужденій такія неопредѣленныя понятія, какъ умственная работа, утомленіе, нормальный трудъ, среднія способности. Въ научно-дисциплинированномъ умѣ невольно возникаетъ рядъ вопросовъ, вродѣ слѣдующихъ: дѣйствительно-ли всякое умственное занятіе представляетъ собою въ одинаковой степени умственный трудъ, въ смыслѣ расхода чего-то, какой-то физической или духовной энергіи? Можно-ли найти мѣру умственнаго труда? Какую роль играетъ упражненіе въ экономіи

умственной работы? Какъ отличить нормальное, т. е. возстановимое утомленіе отъ такъ называемаго переутомленія, т. е. мало или вовсе невозстановимаго? Гдѣ кончается одно и начинается другое? Что такое средній ученикъ, какъ его опредѣлить, да и существуетъ-ли онъ? Дѣйствительно-ли заучиваніе наизусть, т. е. работа памяти, представляетъ форму умственнаго труда, отличную отъ логической дѣятельности и которая изъ нихъ труднѣе, т. е. скорѣе влечетъ за собою утомленіе? Какъ отличить психическія явленія утомленія отъ физическихъ, непосредственныя и временныя послѣдствія усталости отъ отдаленныхъ и болѣе постоянныхъ? Какъ велики предѣлы колебанія индивидуальныхъ работоспособности и утомляемости? Дѣйствительно-ли изученіе описательной естественной исторіи представляетъ собою умственную работу, отличную отъ изученія языковъ, работу болѣе логическаго характера? Эти и другіе, съ ними связанные вопросы выступаютъ во всей грозной неприступности предъ умственнымъ судомъ каждаго, кто объективно и научно вздумаетъ подвергнуть критикѣ вопросъ о школьномъ образованіи.

Современная система образованія, какъ она есть, со всѣми хорошими и дурными сторонами, сложилась историческимъ путемъ, росла и развивалась въ тѣсной связи со всей жизнью и держится на практическихъ основахъ. Чтобы подвергнуть эту систему серьезной критикѣ, необходимо выковать новое оружіе—создать научную педагогику, основанную на физіологическихъ и психологическихъ началахъ, а между тѣмъ нужно сознаться, что мы еще не обладаемъ и азбукой этой будущей науки. Необходимость и возможность такой науки входитъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе въ сознаніе ученаго міра и имѣются уже попытки методическаго изученія умственной работы и умственной усталости.

Одной изъ первыхъ попытокъ этого рода слѣдуетъ признать трудъ нашего отечественнаго психіатра проф. Сикорскаго, который первый прослѣдилъ, какъ наростаніе утомленія учащихся выражается въ увеличеніи числа ошибокъ при диктовкѣ. Въ Европѣ наблюденія этого рода были произведены лишь нѣсколькими годами послѣ изслѣдованія профессора Сикорскаго. У насъ въ Россіи надъ вопросомъ о переутомленіи работали проф. Щербакъ, Манассеинъ, Бекетовъ.

Проф. Крепелинъ, гейдельбергскій психіатръ и психологъ, недавно подвергнулъ вопросъ объ умственной работѣ и переутомленіи критическому анализу, причемъ онъ уже воспользовался всѣми работами, произведенными въ этомъ направленіи германскими врачами и педагогами. Крепелинъ не приходитъ, однако-жъ, ни къ какимъ опредѣленнымъ теоретическимъ, ни даже практическимъ заключеніямъ. Всѣ наблюденія надъ утомленіемъ учащихся подтверждаютъ только объективными доказатель-

ствами существованіе и наростаніе утомленія во время классныхъ занятій, но при этомъ-же обнаруживается огромное значеніе индивидуальности учениковъ и крупная роль массы побочныхъ обстоятельствъ и условій.

Надъ переутомленіемъ не мало работали въ послѣднее время и во Франціи, Италіи и Англіи; достаточно назвать имена Гальтона, Моссо, Фере, Бушара и др. Благодаря наблюденіямъ перваго, мы обладаемъ уже довольно полной картиной мозговаго утомленія учащихся, которое выражается упадкомъ возбудимости органовъ чувствъ, ослабленіемъ волевой способности, паденіемъ памяти, но больше всего обнаруживается въ ослабленіи вниманія—этой основной умственной нашей способности. Изслѣдованія-же физіологовъ въ значительной степени разъяснили намъ тотъ циклъ измѣненій, которымъ подвергается организмъ животнаго и человѣка подъ вліяніемъ чрезмѣрной работы и недостаточнаго или-же несвоевременнаго возстановленія силъ. Мы уже въ состояніи различить 3 вида переутомленія:—мышечное, нервное и чисто психическое. Мы также уже различаемъ слѣдующіе моменты нервнаго, а равно и психическаго переутомленія: 1) измѣненія химическія и біологическія въ самыхъ клѣткахъ нервныхъ центровъ, 2) вредное вліяніе на эти центры тѣхъ химическихъ веществъ, которыя образуются въ мозгу при чрезмѣрной нервной и умственной работѣ, такъ называемыхъ продуктовъ распада нервнаго вещества, или обмѣна веществъ, и наконецъ, 3) разстройства, претерпѣваемыя при чрезмѣрной работѣ составомъ крови и кровообращеніемъ. Мы уже обладаемъ доказательствами, благодаря Бушару и его ученикамъ, что послѣдній факторъ способствуетъ всякимъ заболѣваніямъ другихъ органовъ тѣла и даже облегчаетъ завоеваніе нашего организма нашими злѣйшими врагами—бактеріями. Удалось уже выдѣлить и установить спеціальную форму лихорадки отъ переутомленія, т. е. острое заболѣваніе крови, вызванное продуктами чрезмѣрнаго распада нервной ткани. Безчисленныя наблюденія надъ ней растеніей дали уже достаточно богатый матеріалъ для изученія различныхъ, правда рѣзкихъ и крайнихъ формъ переутомленія.

Несравненно меньше мы подвинулись въ другой половинѣ задачи—физіологической. Пока имѣется еще мало серьезныхъ попытокъ выяснить физіологически и психологически природу того, что принято называть умственнымъ трудомъ. Работа Крепелина, несмотря на свое заманчивое названіе «объ умственной работѣ», трактуетъ исключительно объ утомленіи и отдыхѣ и обходитъ самый основной вопросъ — объ умственномъ трудѣ. Гальтонъ, занимавшійся различными практическими сторонами этого вопроса, въ главѣ объ энергіи, обходитъ психо-физіологическую сторону дѣла. Одно время онъ работалъ надъ практическими способами измѣренія умственной работоспособности образованныхъ людей, но, сколько мнѣ извѣстно, не опубликовалъ еще результатовъ своихъ изысканій.

Во Франціи, Фулье въ цѣломъ рядѣ работъ развиваетъ свое основное положеніе, что всякій психологическій актъ есть сила (idée-force). Примыкая вполнѣ къ ученію Шопенгауэра, что воля есть основная духовная функція, Фулье, къ сожалѣнію, ограничивается однимъ лишь общимъ психологическимъ анализомъ своей идеи о психической силѣ и не затрогиваетъ вопроса о психической работѣ съ физіологической стороны.

Только въ работахъ новѣйшей психо-физіологической школы, получившей свое начало и широкое развитіе въ Германіи, мы находимъ попытки поставить на физіологическую почву вопросъ объ умственномъ трудѣ. Творецъ психо-физики, геніальный Фехнеръ, нетолько вѣрилъ въ возможность измѣренія интенсивности умственныхъ актовъ, но a priori, на основаніи неразрывной связи, существующей между психической работой и нервными, т. е. матеріальными процессами, онъ считалъ возможнымъ утверждать, что законъ сохраненія энергіи долженъ имѣть мѣсто и въ сферѣ психической жизни. Фехнеру, однако-жъ, не удалось формулировать точнымъ образомъ этотъ законъ и, какъ мы увидимъ ниже, онъ довольно смутно представлялъ себѣ форму, въ которой законъ этотъ, если онъ имѣетъ мѣсто въ психической жизни, долженъ здѣсь обнаруживаться. Ученые, продолжавшіе вслѣдъ за Фехнеромъ дальнѣйшую разработку психо-физики, благоразумно обходили этотъ трудный пунктъ и больше мы уже не встрѣчаемъ въ современной физіологической психологіи попытокъ примѣненія закона сохраненія силъ къ области психическихъ явленій. Вундтъ, давшій въ своей «Grundzüge der physiolog. Psychologie» сводъ всѣхъ данныхъ и ученій современной психо-физіологіи, дѣлаетъ серьезную попытку распространить это начало на нервныя явленія или, какъ онъ выражается, на нервную механику, но совершенно не касается механизма психическихъ явленій. Зато въ психо-физіологіи все болѣе и болѣе встрѣчаются въ послѣднее время работы, поставившія себѣ задачей уяснить основныя понятія механики психическихъ процессовъ, какъ-то: психическая энергія, психическая масса, измѣреніе психическихъ актовъ и т. п.

Въ недавно появившейся работѣ вѣнскаго ученаго Höffler'а «Psychische Arbeit» мы находимъ довольно подробный сводъ всѣхъ этихъ попытокъ. Наиболѣе существенныя положенія, выставляемыя Höffler'омъ, слѣдующія: во-первыхъ онъ различаетъ энергію психическую отъ массы, которой обладаютъ различныя представленія. Онъ пытается вывести для обѣихъ величинъ энергіи и массы формулы аналогичныя съ тѣми, какія приняты въ механикѣ для этихъ занятій, но разумѣется выводъ этихъ формулъ представляется совершенно произвольнымъ. Для психической работы авторъ принимаетъ формулу A (работа)=p. s., гдѣ p= энергіи или силѣ психической, а s=пройденному пути. Какъ извѣстно,

таково опредѣленіе и формула для механической работы; s измѣряется пройденнымъ за время работы пространствомъ.

Но спрашивается, что означаетъ s въ психической работѣ? На первый взглядъ казалось-бы всего проще принять здѣсь t, т. е. время, или продолжительность работы за мѣрило пути. Такъ и поступаетъ большинство психо-физиковъ, въ томъ числѣ и Крепелинъ. Однако-жъ, Höffler отвергаетъ этотъ пріемъ и утверждаетъ, что время не можетъ служить мѣриломъ. «Конечно, приводитъ онъ примѣръ, 10 страницъ диктанта представляютъ бо̀льшую умственную работу, чѣмъ одна, 3 колонны цифръ, складываемыхъ вмѣстѣ, требуютъ также затраты большаго количества умственной энергіи, чѣмъ двѣ колонны, но все-же различіе здѣсь не въ количествѣ времени, потребнаго для обоихъ диктантовъ, или для обѣихъ задачъ. Есть, заключаетъ онъ, въ умственной работѣ какой-то факторъ, соотвѣтствующій s, т. е. величинѣ пути, но факторъ этотъ отнюдь не время». Такъ Höffler и оставляетъ открытымъ вопросъ, въ чемъ-же заключается этотъ моментъ экстенсивности, т. е. протяженія въ области умственнаго труда. Въ работѣ Höffler'а слѣдуетъ признать наиболѣе плодотворнымъ поставленный имъ вопросъ, что собственно слѣдуетъ считать умственной работой и что нѣтъ? Другими словами, всякое-ли умственное явленіе слѣдуетъ признавать работой?

Какъ извѣстно, и физическія тѣла представляются въ двухъ состояніяхъ—покоя и движенія или, какъ говорятъ, пассивномъ и активномъ. Представляетъ-ли психическая жизнь нѣчто аналогичное? Что даже не всякое движеніе слѣдуетъ считать работой, можетъ служить доказательствомъ и примѣромъ такъ называемое галилеевское движеніе въ безвоздушномъ пространствѣ, съ постоянной скоростью и въ неизмѣняющемся направленіи.

Подъ работой, какъ извѣстно, разумѣютъ эффектъ, произведенный силою, или который она можетъ произвести. Но сила можетъ обнаруживаться въ двухъ видахъ—статически, въ видѣ напряженія, и динамически или кинетически, т. е. въ формѣ движенія. И только эту послѣднюю форму направленія силы мы называемъ работой.

Весьма важно разумѣется было-бы опредѣлить, какія формы умственной дѣятельности слѣдуетъ признавать активными, представителями работы, и какія явленія психической жизни можно считать состояніями психическаго покоя или напряженія? По мнѣнію Hoffler'а, то, что принято называть представленіемъ или образомъ предметовъ, слѣдуетъ признавать за недѣятельное психическое состояніе, съ которымъ не связанъ никакой умственный трудъ. Лишь сужденіе или *идеація*, по терминологіи англійской психологіи, есть представительница истиннаго логическаго труда. Такимъ же образомъ авторъ принимаетъ, что чувствованіе соотвѣтствуетъ въ мірѣ психическомъ одному лишь состоянію напряженія,

но не движенія, почему оно и не можетъ считаться видомъ душевной работы. Зато хотѣніе или воленіе представляетъ собою несомнѣнную форму психической работы.

Къ сожалѣнію, эти положенія, которыя могли бы оказаться весьма плодотворными и руководящими въ ученіи объ умственной работѣ, авторомъ не доказываются, что, впрочемъ, довольно трудно при нынѣшнемъ состояніи науки, и поэтому являются лишь одними остроумными предположеніями.

Объясняется это тѣмъ, на нашъ взглядъ, что Höffler почти все время не сходитъ съ почвы чисто психическихъ, или вѣрнѣе спекулятивныхъ соображеній и мало пользуется тѣми данными, которыя уже добыты и установлены современной психо-физіологической наукой. Намъ кажется, что комбинируя эти послѣднія данныя съ чисто психическимъ анализомъ, можно подвинуться въ установленіи основныхъ понятій механики умственнаго труда. Нижеслѣдующее изложеніе представляетъ собою подобную попытку, насколько это позволяетъ современное состояніе психо-физіологіи. Не задаваясь отнюдь широкой претензіей постановки во всемъ ея объемѣ задачи объ умственномъ трудѣ, мы ограничимся здѣсь лишь однимъ изъ наиболѣе выдающихся и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе доступныхъ пунктовъ—ученіемъ о сохраненіи энергіи въ области мысли, съ точки зрѣнія физіологической работы.

Начало сохраненія энергіи явилось результатомъ установленія точнаго понятія о работѣ и энергіи. Подъ работой разумѣютъ всякое дѣйствіе, слѣдствіемъ котораго является перемѣщеніе въ пространствѣ какого либо вѣсомаго тѣла, и работа измѣряется произведеніемъ изъ массъ на пройденное пространство.

Всѣ извѣстныя намъ силы природы, какъ свѣтъ, теплота, электричество, сами по себѣ суть лишь виды молекулярнаго движенія и способны произвести перемѣщеніе тѣлъ, а стало быть могутъ быть причинами или силами, производящими механическую работу. Такъ, молекулярныя движенія частицъ пара могутъ превратиться въ движеніе локомотива. При работѣ исчезаетъ извѣстное количество внутренняго движенія частицъ пара или тепла. Доказано, что эта потеря тепла пропорціональна количеству развиваемаго движенія.

Когда два тѣла трутся одно объ другое и получается при этомъ нагрѣваніе этихъ тѣлъ, мы имѣемъ обратный случай—превращенія механической работы или движенія въ теплоту. Не всегда, однако-жъ, потеря тепла сопровождается механическимъ эффектомъ—движеніемъ. Иногда теплота расходуется на *внутреннее* перемѣщеніе частицъ вещества. Всѣ тѣла, особенно газы,—жидкія и твердыя тѣла—въ меньшей степени, расширяются подъ вліяніемъ сообщеннаго имъ тепла или нагрѣванія. Въ этомъ случаѣ теплота, теряемая другимъ тѣломъ, такъ-называемымъ

источникомъ тепла, тратится не на механическій эффектъ, а на измѣненіе внутренняго разстоянія частицъ въ тѣлахъ, поглощающихъ теплоту, или нагрѣваемыхъ. Работу этого рода называютъ *дисгрегаціонной*. Она, въ свою очередь, можетъ обратно превратиться въ молекулярную, если частицы вещества придутъ въ свое первоначальное взаимное положеніе, т. е. тѣло приметъ свой прежній объемъ и при этомъ выдѣлитъ теплоту. Такимъ образомъ, молекулярная работа можетъ превращаться какъ въ механическую, такъ и въ дисгрегаціонную и обратно. И начало сохраненія энергіи утверждаетъ, что сумма всѣхъ этихъ трехъ формъ работы—молекулярной (тепла), дисгрегаціонной и механической, остается для даннаго тѣла всегда неизмѣнной.

Но теплота есть лишь одинъ изъ видовъ молекулярнаго движенія; существуютъ еще и другія формы, какъ свѣтъ, электричество, магнетизмъ. И къ нимъ вполнѣ примѣнимъ—по крайней мѣрѣ въ теоріи—законъ сохраненія энергіи. При переходѣ любой молекулярной формы движенія въ механическое и дисгрегаціонное движеніе сумма движенія всѣхъ 3-хъ формъ остается постоянной. Изъ этого также слѣдуетъ, что всѣ виды молекулярнаго движенія могутъ переходить одинъ въ другой, напр. электричество можетъ обратиться въ теплоту, и обратно, и т. п.

Такова въ своей, наиболѣе общей, формѣ сущность начала сохраненія силъ. Однако-жъ, въ такой формѣ начало это болѣе извѣстно подъ именемъ принципа единства всѣхъ силъ и ихъ превращенія изъ одной формы въ другую.

Уже a priori можно ожидать, что начало сохраненія энергіи, имѣющее мѣсто при переходахъ силы или движенія изъ одной формы въ другую, должно также обнаруживаться въ предѣлахъ одного и того-же вида движенія, въ различныхъ его фазахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что какое-нибудь тѣло находится на высотѣ h отъ поверхности земли. Оно, подъ вліяніемъ силы тяжести, на него дѣйствующей, стремится упасть на землю съ извѣстной скоростью. Очевидно, что до начала паденія, въ моментъ, когда тѣло p еще находится на высотѣ h, оно обладаетъ извѣстной энергіей, которая измѣряется скоростью его паденія на землю. Но тѣло p не могло очутиться на высотѣ h безъ того, чтобы на это поднятіе не было затрачено извѣстное количество силы. Наблюденія и вычисленія показываютъ, что работа, потраченная на поднятіе тѣла, равна той энергіи, которою обладаетъ поднятое или брошенное вверхъ, на высоту h, тѣло. При этомъ безразлично, будетъ-ли тѣло брошено вверхъ механической силой, т.-е. какимъ-нибудь другимъ двигающимся тѣломъ, или поднятіе произойдетъ вслѣдствіе затраты какой-либо молекулярной силы, какъ теплота, напримѣръ,—соотвѣтствіе между затратой и сообщенной тѣлу энергіей всегда сохраняется.

Итакъ предположимъ теперь, что поднятое тѣло удерживается на высотѣ какимъ-либо способомъ—подвѣшиваніемъ, подпоркой и т. п. Въ такомъ положеніи равновѣсія тѣло p можетъ оставаться на этой высотѣ неопредѣленное время, пока препятствіе къ паденію не будетъ устранено. Спрашивается, не нарушается-ли этимъ состояніемъ покоя тѣла p законъ сохраненія энергіи? Чтобы уяснить себѣ это кажущееся нарушеніе закона, мы вводимъ новое понятіе о скрытой или потенціальной энергіи и говоримъ; тѣло p на высотѣ h все время, пока оно остается въ покоѣ, заключаетъ въ себѣ въ скрытомъ видѣ ту силу, или энергію, которую оно получило при подъемѣ вверхъ и которую оно способно полностью обнаруживать въ тотъ моментъ, когда препятствіе къ его паденію уничтожается.

Мы приходимъ такимъ путемъ къ различенію двухъ формъ механической энергіи: 1) живой, т.-е. обнаруживающейся въ реальномъ движеніи и 2) скрытой, которая можетъ и должна неизбѣжно обнаружиться впослѣдствіи. При этомъ законъ сохраненія энергіи претерпѣваетъ новое превращеніе: онъ гласитъ уже, что количество живой энергіи, сообщенной тѣлу при поднятіи его вверхъ, равно количеству скрытой или потенціальной энергіи, содержащейся въ поднятомъ тѣлѣ. Эта-же потенціальная энергія въ свою очередь, при исчезновеніи препятствій, обращается въ живую энергію, равную той, которая израсходована была на поднятіе тѣла на высоту h.

Понятіе о скрытомъ, потенціальномъ или возможномъ движеніи требуетъ нѣкотораго разъясненія. На первый взглядъ кажется, что въ этомъ понятіи есть что-то фиктивное. Что такое возможная работа? возможное движеніе? Вѣдь до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать препятствіе, движеніе не можетъ обнаружиться, а поэтому—то, что мы называемъ возможной работой, можетъ иногда оказаться *невозможной работой.* Какимъ-же образомъ мы можемъ установить соотвѣтствіе между дѣйствительной силой, т.-е. реальнымъ движеніемъ (механическимъ или молекулярнымъ) и возможнымъ, т.-е. тѣмъ, что еще не существуетъ? Возраженіе это было-бы весьма вѣскимъ, еслибы, къ счастью, самое выраженіе «скрытая, потенціальная энергія» не было-бы чисто условнымъ. Въ сущности, каждый разъ, когда мы говоримъ о скрытой или запасной энергіи, мы этимъ терминомъ обозначаемъ лишь такую форму живой энергіи, такого дѣйствительнаго молекулярнаго движенія, которое не поддается нашему изслѣдованію. Когда, напримѣръ, тѣло p находится неподвижно на высотѣ h вслѣдствіе того, что оно подвѣшено, тѣло это находится во внѣшнемъ покоѣ, но присущая этому тѣлу запасная энергія или величина силы тяжести проявляется нетолько въ молекулярномъ колебаніи частицъ этого тѣла, но и въ напряженіи всего тѣла (его давленіе на подпорку, натягиваніе поддерживающей веревки и т. д.). Уже одно

то, что въ любое мгновеніе можно превратить это невидимое, скрытое напряженіе въ видимое движеніе, уничтоживъ препятствіе, мѣшавшее послѣднему, показываетъ, что между явнымъ движеніемъ, т.-е. живой энергіей, и скрытой—различіе болѣе внѣшнее, чѣмъ по существу. Правы, поэтому, тѣ (Вундтъ, напр.), которые утверждаютъ, что законъ сохраненія энергіи означаетъ равенство всѣхъ видовъ дѣйствительной живой силы и работы и постоянство суммъ двухъ главныхъ видовъ работы—внѣшней, механической, и внутренней, молекулярной. Быть можетъ, впослѣдствіи, если наука овладѣетъ методами изученія молекулярнаго движенія, выраженіе «скрытая энергія» исчезнетъ изъ физики. Пока-же оно, какъ вспомогательное понятіе, необходимо и значительно упрощаетъ и облегчаетъ анализъ физико-механическихъ явленій.

Химическіе процессы представляютъ полную аналогію. Въ каждомъ тѣлѣ кромѣ физическаго равновѣсія молекулъ, имѣется еще и химическое равновѣсіе атомовъ, изъ которыхъ построены частицы или молекулы. Въ каждой молекулѣ атомы двигаются и совершаютъ колебанія въ извѣстныхъ предѣлахъ. Тѣла, находящіяся въ жидкомъ состояніи, легче разлагаются химически подъ вліяніемъ тепла, свѣта, электричества и проч., чѣмъ тѣла твердыя. Но и самая химическая устойчивость представляетъ, подобно физической, различныя степени; есть химическія соединенія болѣе и менѣе стойкія—они не одинаковомъ состояніи противостоять разлагающему вліянію какой-либо силы. Для того, чтобы болѣе стойкое химическое соединеніе могло перейти въ менѣе стойкое, необходимо извѣстное разъединеніе атомовъ, что достигается сообщеніемъ данному тѣлу извѣстнаго количества тепла или молекулярной силы. Превращеніе химическихъ соединеній изъ одной формы въ другую сопровождается, стало быть, такимъ-же переходомъ живой молекулярной работы въ запасную и обратно, какъ это наблюдается и при переходахъ тѣлъ изъ одного физическаго состоянія въ другое.

A priori мы можемъ поэтому предполагать, что при превращеніяхъ химическихъ тѣлъ однихъ въ другія, или, говоря проще, при химическихъ процессахъ, законъ сохраненія силъ долженъ также имѣть мѣсто, какъ и для физическихъ явленій; однако-жъ, прямыхъ доказательствъ мы еще не имѣемъ, вслѣдствіе крайней сложности явленій и трудности точно измѣрить количество затрачиваемой и освобождаемой силы.

Химическіе процессы составляютъ, какъ извѣстно, основу всѣхъ біологическихъ явленій. Всѣ ткани живыхъ организмовъ состоятъ изъ сложныхъ химическихъ соединеній, содержащихъ углеродъ и называемыхъ органическими. Соединенія эти отличаются весьма сложнымъ составомъ своихъ молекулъ и крайней неустойчивостью равновѣсія или, какъ говорятъ, лабильностью. Физіологическіе процессы въ организмѣ состоятъ въ сгораніи, т.-е. окисленіи этихъ молекулъ кислородомъ воздуха, причемъ

молекулы распадаются на болѣе простыя тѣла, освобождая при этомъ значительное количество живой силы. Нервная ткань построена изъ наиболѣе сложныхъ химическихъ тѣлъ, въ высшей степени неустойчивыхъ, нервное волокно, какъ и нервная клѣтка, представляетъ собой смѣсь различныхъ химическихъ тѣлъ—бѣлковыхъ и жировыхъ.

Вслѣдствіе крайней неустойчивости химическихъ тѣлъ, составляющихъ нервную ткань, послѣдняя, даже и въ то время, когда никакое раздраженіе извнѣ не вліяетъ на нервную систему, не находится въ состояніи абсолютнаго покоя и служитъ ареной постоянныхъ внутреннихъ движеній. Эти химическія тѣла сами по себѣ мѣстами разлагаются, освободившіеся атомы опять въ свою очередь соединяются съ другими, также сложными; изъ разложившихся сложныхъ молекулъ выдѣляются болѣе простыя. Такимъ образомъ, процессъ разложенія и соединенія, образованіе простыхъ и сложныхъ тѣлъ, и соотвѣтственное освобожденіе живой силы и накопленіе запасной характеризуютъ состояніе покоящагося нерва, т.-е. не подвергающагося раздраженію извнѣ. Мы знаемъ, однакожъ, что такой покоющійся нервъ не обнаруживаетъ самостоятельныхъ разрядовъ энергіи, изъ чего мы должны заключить, что въ покойномъ состояніи нервная ткань представляетъ равновѣсіе внутреннихъ молекулярныхъ колебаній, причемъ количество освобождающейся внутри живой и накопляющейся скрытой силы всегда равно и, нейтрализуя одна другую, онѣ не обнаруживаются внѣшнимъ образомъ.

Высказывая эти соображенія относительно начала сохраненія энергіи въ нервной системѣ, Вундтъ называетъ процессъ разложенія сложныхъ соединеній и образованіе стойкихъ положительной работой, процессъ-же образованія вновь сложныхъ нестойкихъ соединеній и накопленіе потенціальной силы—онъ опредѣляетъ какъ отрицательную молекулярную работу. *Законъ сохраненія энергіи въ сферѣ нервной системы, по Вундту, сводится къ тому, что въ нервѣ, не подвергающемся раздраженію, внутреннее молекулярное равновѣсіе достигается равенствомъ обоихъ видовъ работы, положительной и отрицательной.*

Замѣчательно, однакожъ, что Вундтъ, подойдя совершенно близко къ этому заключенію, останавливается передъ нимъ, не рѣшаясь его формулировать, на что, какъ мы увидимъ ниже, у Вундта имѣются серьезныя основанія. Главное изъ нихъ то, что и во время полнаго покоя нервной системы, конечно лишь кажущагося, процессъ питанія, т.-е. возстановленія нервной ткани, не прекращается.

Химическое, а стало-быть, и физико-механическое равновѣсіе въ покоющемся нервѣ или клѣткѣ есть поэтому результатъ сложнаго взаимодѣйствія между химическими процессами и питательными, или возстановительными. При такомъ взаимодѣйствіи этихъ двухъ родовъ нервныхъ процессовъ, понятное дѣло, почти невозможно выдѣлить первые и пре-

дугадать, въ какомъ отношенiи находятся въ нихъ обѣ формы энергiи— живая и потенцiальная. Но если уже въ недѣятельномъ состоянiи нервная система представляетъ такiя трудности для опредѣленiя равенства превращенiя энергiи, то, очевидно, что трудности эти значительно возростаютъ, когда мы переходимъ къ изученiю явленiй нервнаго возбужденiя, т.-е. тѣхъ молекулярныхъ колебанiй въ нервномъ веществѣ, какiя вызываются въ послѣднемъ подъ влiянiемъ внѣшняго раздражителя.

Вундтъ слѣдующимъ образомъ представляетъ себѣ механизмъ нервнаго возбужденiя. По его мнѣнiю, положительная молекулярная работа, связанная съ распаденiемъ сложныхъ химическихъ соединенiй въ нервной ткани, составляетъ основу явленiй нервнаго возбужденiя, т.-е. импульсовъ, посылаемыхъ нервными центрами къ мышцамъ. Такъ называемое угнетенiе или торможенiе связано, наоборотъ, съ отрицательной молекулярной работой и химическимъ возстановленiемъ. «Въ недѣятельномъ состоянiи нервной ткани, говоритъ Вундтъ, процессы возбужденiя и угнетенiя выравниваются и равновѣсiе поэтому не нарушается. Однако-жъ процессъ этотъ неравномѣрно распредѣленъ между двумя большими отдѣлами нервной ткани—собственно нервами и клѣтками. Въ нервахъ, въ спокойномъ состоянiи, преобладаетъ освобожденiе энергiи, въ клѣткахъ, наоборотъ, накопленiе потенцiальной или отрицательной работы».

Когда внѣшнее раздраженiе достигаетъ нервныхъ центровъ и возникаетъ процессъ нервнаго возбужденiя, то, по взгляду Вундта, раздѣляемому и другими физiологами, одновременно усиливаются оба вида химическихъ измѣненiй—разложенiе и возстановленiе химическихъ соединенiй. Соотвѣтственно этому совершается одновременно какъ освобожденiе живой энергiи, такъ и накопленiе и притомъ такъ, что въ началѣ, т.-е. при слабыхъ, раздраженiяхъ, преобладаетъ развитiе потенцiальной энергiи, вслѣдствiе чего угнетенiе беретъ перевѣсъ надъ положительнымъ возбужденiемъ, отчего и не получается сначала никакой внѣшней реакцiи при слабыхъ раздраженiяхъ. Но, съ усиленiемъ раздраженiя постепенно работа положительная—освобожденiе энергiи—беретъ верхъ надъ отрицательной; импульсъ возбужденiя преодолѣваетъ угнетенiе, составляющее тормазъ для импульса, и получается положительное возбужденiе, т.-е. въ нервныхъ центрахъ развивается импульсъ, который разряжается въ периферическихъ органахъ.

Допустивъ вмѣстѣ съ Вундтомъ различiе въ характерѣ физико-химическихъ процессовъ, совершающихся въ нервѣ и клѣткѣ, мы этимъ самымъ приходимъ къ выводу, что для каждаго отдѣльно взятаго момента, такъ-же какъ и для каждой отдѣльной точки нервной системы, законъ сохраненiя энергiи наврядъ-ли можетъ существовать.

Проблемма сохраненiя энергiи въ нервной системѣ представляется поэтому въ слѣдующемъ видѣ. Помимо воздѣйствiя со стороны внѣшней

среды (раздраженіе) и со стороны организма (питаніе, кровообращеніе и проч.) нервная система сама по себѣ есть постоянная арена автоматически совершающихся, взаимно противоположныхъ процессовъ соединенія и распаденія вещества и соотвѣтственно этому—освобожденіе и накопленіе энергіи.

Въ то-же время нервная система получаетъ отъ организма не одну матеріальную пищу, она получаетъ и молекулярную силу въ формѣ тепла, сообщаемаго ей кровью, въ ней циркулирующей. Стало быть, къ химическому воздѣйствію присоединяется и физическое. Воздѣйствіе внѣшней среды вводитъ новый факторъ въ видѣ раздражителя, который долженъ быть разсматриваемъ прежде всего какъ извѣстный источникъ живой силы, сообщаемой нервной системѣ извнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нервная система получаетъ постоянно и отъ всего организма волны такой живой силы, въ видѣ рефлексовъ отъ внутреннихъ органовъ.

Но внѣшняя среда нетолько служитъ для нервной системы источникомъ энергіи, но въ то-же время она, эта среда, потребляетъ извѣстное количество энергіи, которое нервная система расходуетъ въ видѣ движенія. Нервные центры посылаютъ разряды нервной энергіи по всѣмъ направленіямъ ко всѣмъ органамъ тѣла, къ мышцамъ, органамъ чувствъ, сосудамъ, пищеварительнымъ и другимъ органамъ. Уже одинъ перечень всѣхъ этихъ факторовъ, физическихъ и химическихъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, показываетъ, сколько непреодолимыхъ трудностей ожидаетъ всякую попытку точно прослѣдить законъ сохраненія энергіи въ нервныхъ процессахъ.

Приходъ и расходъ силъ представляетъ въ нервной системѣ болѣе сложное отношеніе, чѣмъ въ растительныхъ органахъ нашего тѣла. И тутъ прежде всего фондомъ всего процесса служить опредѣленная сумма запаснаго химическаго вещества и въ нервахъ и клѣткахъ и соотвѣтственное опредѣленное количество запасной нервной энергіи. Источникомъ новаго, необходимаго для возстановленія химическаго вещества, или пищи, является для нервной системы самъ организмъ, т. е. растительные органы и кровь. Организмъ же является и главнымъ потребителемъ нервной силы, такъ какъ послѣдняя требуется и расходуется вездѣ, гдѣ совершается работа какого-либо органа нашего тѣла. Въ отличіе отъ растительной части организма, постоянно расходующей извѣстную сумму живой силы, тепла, на внѣшнюю среду, нервная система, наоборотъ, постоянно получаетъ извнѣ посредствомъ органовъ чувствъ опредѣленную сумму живой энергіи въ видѣ свѣта, звука, тепла, давленія, электричества и пр. Можно сказать, что тогда какъ растительная часть организма получаетъ извнѣ матеріальную пищу, нервная система поглощаетъ изъ окружающей среды динамическую пищу. Здѣсь, однакожъ, обнаруживается еще одно рѣзкое отличіе нервной системы отъ

растительной. Въ то время, какъ въ послѣдней приходъ извнѣ химическаго матеріала играетъ значительную роль въ сравненіи съ тѣмъ запасомъ химическаго матеріала, которымъ организмъ располагаетъ для работы въ клѣткахъ, въ нервной системѣ мы видимъ какъ разъ обратное. Главнымъ фондомъ для нервныхъ процессовъ служитъ тотъ запасъ химическаго вещества, который заложенъ въ нервныхъ клѣткахъ. Мало того, нервная система сама всегда какъ бы заряжена извѣстнымъ количествомъ молекулярной энергіи. Нервная система, въ отличіе отъ растительныхъ органовъ, можетъ поэтому очень долгое время работать на счетъ своихъ собственныхъ внутреннихъ рессурсовъ, не нуждаясь въ подвозѣ химической пищи. Извѣстно, что нервные центры выносятъ голоданіе дольше всѣхъ остальныхъ органовъ тѣла. Точно также и количество энергіи, получаемой нервной системой извнѣ, не играетъ замѣтной роли въ сравненіи съ той массой нервной силы, которая вырабатывается въ самыхъ нервныхъ клѣткахъ.

Повидимому, на этотъ притокъ внѣшней энергіи не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на источникъ нервной силы, а лишь какъ на импульсъ, вызывающій колебанія въ томъ состояніи молекулярнаго равновѣсія, которымъ обладаетъ нервная система, предоставленная самой-себѣ.

Какъ ни скудны еще наши свѣдѣнія о сущности нервнаго процесса, однакожъ, общая схема послѣдняго можетъ уже быть установлена въ слѣдующемъ видѣ. Всякая извнѣ входящая въ нервную систему энергія—свѣтъ, звукъ и т. п. превращается въ периферическихъ окончаніяхъ нервовъ въ нервную энергію, которая вѣроятно представляетъ собою весьма сложную форму волнообразныхъ колебаній и распространяется по всей нервной системѣ. Химическіе процессы, совершающіеся въ нервныхъ клѣткахъ и въ волокнахъ, освобождаютъ энергію. Когда же нервная волна достигаетъ периферіи нервной системы, она снова претерпѣваетъ превращеніе, но въ обратномъ смыслѣ, т. е. она превращается въ каждомъ органѣ тѣла въ тотъ видъ энергіи, въ ту работу которая свойственна спеціально этому органу. Такъ, въ мышцахъ нервная энергія превращается въ механическую силу, въ сокращеніе, въ химическую работу и т. д. Дѣйствительно ли здѣсь совершается переходъ нервной силы въ другую форму, или оно только нарушаетъ равновѣсіе внутреннихъ силъ этихъ органовъ, мы еще не знаемъ. Мы можемъ, однакожъ, пока принимать, въ наиболѣе общей формѣ, что нервная сила, на границѣ нервной системы и другихъ органовъ претерпѣваетъ метаморфозу обратную той, которая совершается съ ней на периферіи нашего тѣла, гдѣ физическая внѣшняя энергія обращается въ нервную волну.

Вспомнимъ, что нервная система черпаетъ живую силу еще изъ двухъ источниковъ; одинъ изъ нихъ есть t° крови [1]), сообщающей тепло

[1]) Температура крови.

нервнымъ клѣткамъ и волокнамъ; другимъ источникомъ служатъ такъ называемые внутренніе рефлексы, большей частью безсознательные, которые наши нервные центры получаютъ непрерывно и днемъ и ночью отъ всѣхъ органовъ нашего тѣла.

Съ другой стороны, всѣ органы нашего тѣла постоянно и непрерывно потребляютъ извѣстное количество энергіи, необходимое для ихъ отправленій. Въ этомъ можно убѣдиться косвеннымъ путемъ изъ наблюденія надъ тѣмъ моментомъ, когда въ нервной системѣ, вслѣдствіе различныхъ причинъ—усталости или боли—ослабѣваетъ освобожденіе энергіи. Эти наблюденія показываютъ, что при такихъ условіяхъ нетолько нервныя отправленія, какъ чувствительность и движенія, ослабѣваютъ, но и всѣ растительныя функціи падаютъ, иногда даже до совершеннаго прекращенія. Дѣятельность пищеварительныхъ органовъ, энергія кровообращенія, даже напряженность обмѣна веществъ и роста—все падаетъ и ослабѣваетъ. Очевидно, что въ нормальномъ состояніи всякая работа любого органа нашего тѣла нуждается въ притокѣ нервной энергіи или, какъ говорятъ физіологи, въ стимулѣ.

Изученіе явленій вниманія расширяетъ еще дальше наши свѣдѣнія въ этомъ же направленіи и убѣждаетъ насъ въ томъ, что даже для того, чтобы дѣйствующая извнѣ физическая энергія въ видѣ раздраженія нашихъ органовъ чувствъ могла найти доступъ къ послѣднимъ, необходимо участіе нервныхъ центровъ, необходима затрата извѣстнаго количества нервной энергіи, которая въ формѣ вниманія направляется къ тому органу чувствъ, которому предстоитъ воспринять внѣшнія впечатлѣнія. Притокъ въ нервную систему извнѣ живой силы нуждается самъ въ затратѣ извѣстнаго количества нервной энергіи; по крайней мѣрѣ для слабыхъ раздражителей, которые играютъ главную роль въ психической жизни. Такъ какъ мы еще не знаемъ, сколько при этомъ затрачивается нервной силы и сколько получается извнѣ, то еще остается открытымъ вопросъ, въ чью сторону складывается плюсъ этого баланса, не расходуетъ ли наша нервная система въ видѣ вниманія больше того, что она получаетъ черезъ органы чувствъ извнѣ.

На явленіи вниманія мы имѣемъ также возможность непосредственно убѣдиться въ томъ, что въ нервной системѣ всегда въ наличности имѣется извѣстное количество энергіи, которое всегда какъ бы находится къ услугамъ той области нашего тѣла и той работы, которая требуется въ любой моментъ. Нужно ли намъ воспринять и оцѣнить какое-либо внѣшнее раздраженіе, или реагировать на него движеніемъ, нужно ли отмѣтить какую-либо перемѣну въ нашемъ тѣлѣ, или наступаетъ моментъ особаго напряженія въ какомъ-либо растительномъ отправленіи—требуется-ли внезапное усиліе въ передвиженіи тѣла или въ физической работѣ, вниманіе вездѣ и всегда готово встрѣтить новую ра-

боту и представляетъ, гдѣ это нужно и сколько нужно, опредѣленное количество нервной энергіи въ распоряженіе нашихъ текущихъ нуждъ и потребностей минуты. Но кромѣ этихъ экстренныхъ и колеблющихся, хотя и частыхъ, запросовъ на нервную энергію, организмъ предъявляетъ постоянно и непрерывно такіе запросы. Растительные процессы, дѣятельность желѣзъ, движеніе крови, дыханіе и т. п. никогда не прекращаются. Хотя движеніе нашего тѣла, результатъ работы мышцъ и составляетъ явленіе періодическое, но въ дѣйствительности мышцы никогда не знаютъ покоя; онѣ всегда, быть можетъ за исключеніемъ рѣдкихъ моментовъ глубокаго сна, находятся въ состояніи нѣкотораго напряженія, т. е. сокращенія и, стало-быть, непрерывно получаютъ отъ нервной системы импульсъ, т. е. разрядъ нервной энергіи. Вотъ почему физіологи принимаютъ, что нервная система, строго говоря, не знаетъ состоянія абсолютнаго покоя, что она всегда находится въ состояніи молекулярнаго колебанія, что извѣстно подъ именемъ тона нервныхъ центровъ.

Механизмъ нервныхъ отправленій представляется поэтому въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ видѣ. Нервная система, въ отличіе отъ растительныхъ органовъ, обладаетъ гораздо большей самостоятельностью въ отношеніи своего запаса силы, причемъ какъ освобожденіе энергіи, такъ и накопленіе ея въ нервной системѣ имѣетъ болѣе самостоятельный характеръ и, вообще, относительно мало подчинены вліянію внѣшней среды. Для нервной системы весь организмъ, т.-е. всѣ растительные, какъ и двигательные органы играютъ роль среды, которая, съ одной стороны, потребляетъ нервную силу, и съ другой стороны—снабжаетъ нервную систему химическимъ матеріаломъ. Напрасно мы-бы поэтому искали какой-либо постоянной зависимости въ соотношеніи траты и возстановленія силъ между нервной системой и окружающей средой. Роль нервной системы, ея функціи съ физической точки зрѣнія заключаются въ двоякомъ преобразованіи силъ—физико-механическихъ (на периферіи) и химическихъ (въ центрахъ) въ спеціально-нервную и обратно въ превращеніи нервной силы (въ органахъ тѣла) въ физическую и химическую энергію. Въ этомъ обмѣнѣ силъ между нервной системой и остальнымъ организмомъ также нельзя ожидать постоянства, а тѣмъ менѣе эквивалентности, такъ какъ сама нервная система служитъ главнымъ источникомъ силы и возстановляется совершенно автоматически, внѣ прямого отношенія къ запросамъ тѣла.

Поэтому если возможно какое-либо постоянство, или что-либо въ родѣ закона превращенія силъ, то лишь въ сферѣ самой нервной системы. И дѣйствительно, уже существованіе въ нервной системѣ постояннаго почти тона одинаковой интенсивности, независимаго до нѣкоторой степени какъ отъ притока раздраженій извнѣ, такъ и отъ ра-

боты, наводитъ на мысль, что молекулярное состояніе нервной системы представляетъ извѣстную постоянную напряженность живой силы нервнаго процесса что можетъ, быть сравниваемо съ постоянной температурой нашего тѣла. Аналогія между тономъ нервной системы и t° тепла можетъ быть проведена во многихъ отношеніяхъ. Какъ и t°, тонъ не есть пассивное бездѣятельное состояніе, а вполнѣ активное выраженіе живой молекулярной силы. Какъ t° сообщается отъ крови другимъ органамъ, служа для послѣднихъ источникомъ энергіи, такъ и нервный тонъ служитъ для всѣхъ органовъ тѣла источникомъ энергіи, ими поглощаемой и отнимаемой отъ нервныхъ центровъ. Какъ постоянство t° поддерживается взаимодѣйствіемъ притока и расхода, освобожденіемъ и поглощеніемъ тепла въ тѣлѣ и внѣ его, такъ и тонъ поддерживается освобожденіемъ нервной энергіи или превращеніемъ въ нее физической и химической силы и потребленіемъ ея органами тѣла. Какъ постоянство температуры есть результатъ физіологическаго равновѣсія между процессами освобожденія и траты тепла, такъ постоянный уровень, на которомъ держится тонъ нервной системы, служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что между процессами освобожденія и траты нервной энергіи въ предѣлахъ нервныхъ центровъ существуетъ постоянное равновѣсіе, выражающееся избыткомъ свободной нервной энергіи въ формѣ нервнаго тона опредѣленной силы. Тутъ, однако-жъ, мы наталкиваемся на слѣдующее возраженіе: для t° мы обладаемъ точной единицей мѣры, благодаря которой и дана возможность констатировать постоянство t° въ тѣлѣ. Но для нервной энергіи мы такой единицы не имѣемъ и для измѣренія нервнаго тона другой мѣры также не имѣемъ. Что-же даетъ намъ право утверждать, что этотъ тонъ имѣетъ постоянный характеръ, т. е. обладаетъ всегда одинаковой интенсивностью? Возраженіе это,—нельзя отрицать,—весьма вѣское, но къ счастью мы, не обладая прямой мѣрой нервной энергіи, имѣемъ, однако-жъ, возможность косвенно измѣрить ее посредствомъ величины возбудимости нервной системы. Всѣ физіологи согласны въ томъ, что величина возбудимости опредѣляется тѣмъ сопротивленіемъ, какое нервная система оказываетъ внѣшнему раздражителю, который стремится нарушить молекулярное равновѣсіе въ клѣткахъ или нервахъ.

Той живой силы, которая свободна въ нервной системѣ и составляетъ основу нервнаго тона, очевидно, самой-по-себѣ недостаточно для того, чтобы вызвать нарушеніе равновѣсія,—требуется, стало быть, притокъ на помощь извнѣ живой силы, которая и является въ видѣ раздражителя. Величина раздражителя, достаточнаго для нарушенія равновѣсія, должна быть поэтому тѣмъ больше, т. е. возбудимость будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ меньше количество свободной нервной энергіи, т. е. чѣмъ ниже нервный тонъ. Физіологическія изслѣдованія показываютъ,

что послѣ усиленной работы наступаетъ впредь до возстановленія болѣе или менѣе продолжительный періодъ упадка какъ нервнаго тона, такъ и возбудимости нервныхъ центровъ. Наоборотъ, продолжительный отдыхъ, напр. сонъ, влечетъ за собой поднятіе автоматическаго тона, а равно повышаетъ возбудимость. Эти наблюденія въ то-же время показываютъ, что ежели каждое отдѣльное проявленіе нервной функціи и состоитъ въ нарушеніи тона, въ колебаніи возбудимости, то вслѣдъ за этой первой фазой отправленія наступаетъ роковымъ образомъ второй періодъ—отдыха, въ теченіи котораго обнаруживается быстрое и полное возстановленіе нарушеннаго равновѣсія, и снова поднимаетъ какъ тонъ, такъ и возбудимость до прежняго состоянія, т. е. до средней нормы.

Если на время игнорировать эти правильныя колебанія тона и возбудимости, обусловленныя отправленіемъ, то въ общемъ нервная система представляетъ картину довольно постояннаго тона. Это постоянство уже достаточно доказывается приблизительно одинаковой величиной возбудимости, какую представляютъ всѣ наши органы чувствъ въ среднемъ уровнѣ.

По всей вѣроятности, нервная функція заключается не въ сообщеніи силы органамъ, а въ пробужденіи въ послѣднихъ ихъ собственной, скрытой энергіи, въ превращеніи послѣдней въ явную; величина-же и форма послѣдней уже обусловлены для каждаго органа его строеніемъ и количествомъ его собственной запасной энергіи. Въ интересахъ правильнаго и непрерывнаго хода разнообразныхъ отправленій является наиболѣе цѣлесообразнымъ такое устройство нервной системы, которое дѣлаетъ ее всегда способной, въ каждый данный моментъ, немедленно проявить нужную реакцію. Если-бы для этого требовалось каждый разъ предварительное освобожденіе живой силы, жизнь организма не разъ подвергалась-бы серьезной опасности. Только существованіе свободнаго количества живой силы, всегда сподручной и готовой къ услугамъ каждаго органа и каждой точки нашего тѣла, можетъ служить гарантіей безопасности организма и необходимой для этого непрерывности его отправленій.

Какъ для поддержанія постоянства t° нашего тѣла необходимъ механизмъ, регулирующій продукцію и трату тепла, также точно поддержаніе постояннаго нервнаго тона на одномъ уровнѣ нуждается въ механизмѣ, регулирующемъ вырабатываніе и трату нервной силы. Безъ такого регулирующаго механизма при постоянныхъ колебаніяхъ въ освобожденіи нервной силы въ нервныхъ клѣткахъ, количество этой силы, циркулирующей въ нервной системѣ, должно было-бы постоянно колебаться, вслѣдствіе чего не могъ-бы имѣть мѣста постоянный нервный тонъ. Какимъ-же образомъ достигается это регулированіе? Какимъ способомъ достигается возстановленіе нарушеннаго во время каждаго

нервнаго акта равновѣсія между количествомъ освобожденной нервной энергіи и спросомъ на вее въ данный моментъ? Трудно предположить, чтобы самый процессъ освобожденія нервной энергіи въ клѣткахъ какимъ-то таинственнымъ путемъ приспособлялся къ существующему запросу. Это уже потому невозможно, что количество освобождаемой силы опредѣляется величиной внѣшняго раздраженія, а запросъ или соотвѣтствующая раздраженію трата или рефлекторная реакція опредѣляется не однимъ раздраженіемъ, но всей обстановкой, въ которой въ данный моментъ находится организмъ.

При одномъ и томъ-же раздраженіи могутъ быть не одинаковые запросы на нервную энергію, а, стало быть, и не одинаковый расходъ послѣдней, при одинаковомъ количествѣ освобожденной въ клѣткахъ энергіи.

Изученіе физіологическихъ свойствъ нервнаго процесса открываетъ намъ два явленія, которыхъ вполнѣ достаточно, чтобы объяснить регулированіе выработки и траты нервной силы. Эти явленія суть—во-первыхъ, *разряженіе или удаленіе избытка нервной энергіи*, не идущей на реакцію, т.-е. на запросъ, въ другія части нервной системы, что обозначаютъ терминомъ иррадіаціи; во-вторыхъ, явленіе *угнетенія, или торможенія нервной энергіи.*

Явленіе разряженія достаточно извѣстно всякому изъ непосредственныхъ наблюденій надъ собою. Мы не можемъ выполнить ни одного движенія безъ того, чтобы при этомъ не сдѣлать цѣлаго ряда совершенно излишнихъ движеній. Когда мы пишемъ, или желаемъ указать пальцемъ на какой-либо предметъ, мы напрягаемъ при этомъ почти всѣ мышцы нашего тѣла. Изучая какое-либо тонкое движеніе, напр. игру на рояли, мы главнымъ образомъ боремся съ этими лишними нецѣлесообразными движеніями, примѣсь которыхъ нерѣдко мѣшаетъ точности заучиваемаго движенія. Когда мы испытываемъ боль отъ ожога или укола, мы, кромѣ цѣлесообразнаго движенія, необходимаго для устраненія причинъ боли, совершаемъ еще цѣлый рядъ движеній, которыя нисколько не успокаиваютъ самой боли. Если-же, какъ говорятъ, эти движенія насъ облегчаютъ, то это слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что они разряжаютъ извѣстное количество нервной энергіи и тѣмъ уменьшаютъ то внутреннее напряженіе нервныхъ центровъ, которое обусловливается избыткомъ и нецѣлесообразнымъ освобожденіемъ нервной энергіи въ размѣрѣ, излишнемъ въ сравненіи съ необходимой затратой на реакцію. Чѣмъ выше мы подымаемся по лѣстницѣ рефлекторныхъ актовъ, тѣмъ рѣзче выступаетъ роль разряженія, какъ одного изъ тѣхъ способовъ, съ помощью котораго нервные процессы стремятся урегулировать количество свободной нервной энергіи, которая въ данный моментъ въ нихъ циркулируетъ.

Въ такъ-называемыхъ психическихъ рефлексахъ это разряженіе до-

стигаетъ своего наибольшаго проявленія въ формѣ аффектовъ страха, гнѣва и т. п., которые всѣ основаны на такомъ разряженіи избытка свободной нервной энергіи, не находящей себѣ цѣлесообразнаго примѣненія.

Нетрудно предвидѣть, какую роль это разряженіе играетъ въ механикѣ нервнаго процесса. Благодаря разряженію, во-первыхъ, довольно быстро повышается во всей нервной системѣ общій уровень свободной нервной энергіи. Въ слѣдующій моментъ это общее повышеніе тона падаетъ, благодаря тому, что нервная энергія разряжается по всѣмъ направленіямъ, переходя въ мышцы, внутренніе органы и т. д. Разряженіе, стало быть, служитъ самымъ простымъ средствомъ для возстановленія прежняго уровня нервнаго тона въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ сильно поколебленъ освобожденіемъ значительнаго количества нервной энергіи, которая далеко превышаетъ непосредственный расходъ въ формѣ цѣлесообразной работы.

Представимъ себѣ, что такое избыточное, неэкономное освобожденіе нервной энергіи продолжается нѣкоторое время—особенно подъ вліяніемъ возростанія силы внѣшняго раздражителя. Долженъ наступить моментъ, когда израсходовано большое количество нервной энергіи, а возстановленіе ея еще не могло состояться, такъ-какъ для этого требуется значительное время. Общее количество нервной энергіи должно сильно упасть, а равно и нервный тонъ. Спрашивается, какими рессурсами располагаетъ въ этотъ моментъ нервная система для возстановленія нервнаго тона и увеличенія количества свободной энергіи?

Тутъ на помощь является другое явленіе—угнетеніе, развивающееся при такихъ условіяхъ въ нервной системѣ. Подъ угнетеніемъ или торможеніемъ физіологи понимаютъ рядъ различныхъ явленій, имѣющихъ общаго между собою то, что при извѣстныхъ условіяхъ, подъ вліяніемъ раздраженія, не получается обычнаго эффекта—движенія, а сверхъ того даже уменьшается то движеніе, которое уже раньше существовало. Типичнымъ примѣромъ угнетенія можетъ служить замедленіе сокращеній сердца и даже полная его остановка, когда мы раздражаемъ—обыкновенно, ударомъ электрическаго тока—такъ-называемый блуждающій нервъ, который управляетъ ходомъ сокращеній сердца. Въ области произвольныхъ движеній явленіе угнетенія играетъ выдающуюся роль. Всякому изъ личнаго опыта извѣстно, что мы въ состояніи подавить многія рефлекторныя движенія, какъ кашель, чиханіе, также какъ и движеніе крика отъ боли или, какъ говорятъ, мы въ состояніи «подавить боль». Съ другой стороны, боль сама, въ свою очередь, можетъ подавлять нѣкоторыя рефлекторныя движенія.

Въ сферѣ чувствъ также нетрудно убѣдиться въ существованіи угнетенія. Еще Гиппократъ сказалъ: duobus doloribus, simul abortis, non in

iodem loco, vehementior obscurat alterum, т.-е.: изъ двухъ болей, зарождающихся въ разныхъ частяхъ тѣла, сильнѣйшая затемняетъ слабѣйшую.

Обратимся-ли мы къ чисто-психической дѣятельности, мы и здѣсь встрѣчаемся съ угнетеніемъ. Такъ, въ самомъ основномъ психическомъ актѣ—во вниманіи—можно уже открыть участіе угнетенія, которое выражается не только въ подавленіи другихъ одновременныхъ впечатлѣній, но, главнымъ образомъ, въ подавленіи всѣхъ другихъ двигательныхъ актовъ, которые вниманіе въ данный моментъ застаетъ въ состояніи выполненія. Въ состояніи вниманія мы дѣлаемся неподвижными, даже наше дыханіе на время останавливается. Кто не испытывалъ на себѣ, что, когда вниманіе наше внезапно поражено чѣмъ-либо интереснымъ, мы на ходу сразу останавливаемся.

Наконецъ, въ сферѣ воли мы также находимъ угнетеніе. Доказано, что мы обладаемъ способностью прямо и непосредственно подавлять наши движенія. Авторъ [1]), изучавшій спеціально явленія волевого угнетенія доказалъ, что наравнѣ съ двигательными представленіями существуютъ и задерживающія представленія, которыя со стороны физіологической—напр. скорость ихъ, а равно со стороны психической, совершенно сходны съ двигательными представленіями. На основаніи своихъ изслѣдованій авторъ пришелъ къ заключенію, что мы обладаемъ способностью подавлять наши волевые импульсы въ самомъ мѣстѣ ихъ возникновенія, въ центрахъ головного мозга. Мы въ состояніи задержать ихъ выходъ и распространеніе внизъ къ периферіи.

И. Оршанскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Къ ученію о волѣ. 1889.

Дневникъ братьевъ Гонкуръ.

Записки литературной жизни. Переводъ Е. К.

(*Продолженіе* [1]).

Пятница, 18-го марта 1892 г. Сегодня, въ тѣ часы, когда день незамѣтно переходитъ въ ночь и когда мысль моя меланхолически обращается къ прошлому, стараясь найти въ немъ тѣ дорогія существа, которыхъ ужъ не стало, я далъ войти сумеркамъ въ мой рабочій кабинетъ,—не приказалъ подавать лампу. Понемногу, понемногу образъ отца, котораго я потерялъ двѣнадцати лѣтъ, явился мнѣ при свѣтѣ почти догорѣвшихъ углей въ каминѣ, явился мнѣ въ таинственномъ туманѣ, блѣдный, стушеванный, какъ-бы на рисункѣ пастелью, висящемъ у васъ за спиной и отраженномъ въ зеркалѣ, которое стояло-бы передъ вами.

И въ смутной памяти глазъ я снова вижу передъ собою на длинномъ корпусѣ худое лице съ большимъ сухимъ носомъ, съ узенькими бакенбардами, съ живыми, умными черными глазами: про нихъ говорили: «чернословъ г-на де Гонкуръ»; съ волосами, подстриженными подъ гребенку, на которыхъ, какъ борозды подъ непокорными колосьями, обозначались тѣ семь сабельныхъ ударовъ, которыми онъ, молодымъ офицеромъ, раненъ былъ въ сраженіи при Порденоне,—лицо, въ вытянутыхъ и усталыхъ, хотя и молодыхъ еще чертахъ котораго сохранилась боевая энергія тѣхъ воинственныхъ физіономій, какія кисть художника Гро набрасывала въ грубомъ эскизѣ на полотно съ непокрытымъ фономъ.

Я вижу его военную походку, когда, послѣ чтенія газетъ въ старой читальнѣ, существующей до сихъ поръ въ пассажѣ большой оперы, онъ по цѣлымъ часамъ шагаетъ по Итальянскому бульвару, отъ улицы Друо до улицы Лафитъ, въ обществѣ двухъ или трехъ мужчинъ съ розеткой

---

[1]) См. «Сѣв. Вѣстн», 1897 г., № 10.

Почетнаго Легіона въ петлицѣ, съ воинственными лицами, въ длинныхъ сюртукахъ бонапартистскаго покроя, черезъ каждыя двадцать шаговъ останавливаясь и загораживая бульваръ въ восторженномъ разговорѣ, сопровождаемомъ широкими жестами.

Я вижу его въ гостиной дѣвицъ де Вильдейль, дочерей министра Людовика XVI, старыхъ кузинъ моей матери, въ этой громадной, холодной гостиной съ бѣлыми голыми стѣнами, съ рѣдко разставленной, покрытой чехлами мебелью, гдѣ всегда на спинкѣ какого нибудь стула висѣлъ забытый «ридикюль» одной изъ сестеръ; съ угловатыми жардиньерками, гдѣ отцвѣтаютъ какіе-нибудь жалкіе цвѣты, съ этажерками рѣдкостей во вкусѣ легитимистовъ. Вижу его передъ собой въ этой гостиной, которую можно было-бы принять за гостиную герцога д'Ангулемъ; вижу, какъ онъ спиной прислонился къ камину, какъ иронически насмѣшливъ его черный глазъ, какъ онъ кидаетъ въ мертвую тишину этого торжественнаго салона словечко, отъ котораго такъ и покатываются двѣ древнія дѣвицы, въ платьяхъ цвѣта «мертваго листа» и «кака дофина».

Вижу его въ Брёваннъ,—гдѣ въ пору моего дѣтства проходило у насъ лѣто, подъ яркимъ солнцемъ іюльскаго или августовскаго утра. Вижу, какъ онъ идетъ большими шагами, за которыми еле поспѣваютъ мои маленькія ноги, съ палочкой, выдернутой дорогою изъ виноградника; онъ ведетъ меня съ собою выпить стаканъ воды изъ «Фонтана Любви»,—это родникъ, который бьетъ среди луговъ, испещренныхъ маргаритками и даетъ «любителямъ воды» воду самаго свѣжаго, самого чистаго вкуса, которую онъ сравниваетъ съ римской «aqua felice». Иногда палочку замѣняетъ брошенное черезъ плечо ружье, и я вижу, какъ онъ, безъ ягташа, безъ собаки, вдругъ прицѣливается къ чему-нибудь, чего я, по своей близорукости, не могу разсмотрѣть: это заяцъ попался ему подъ выстрѣлъ, и онъ даетъ мнѣ его нести.

Я вижу его передъ собою, все въ томъ-же Брёваннъ, въ день уборки фруктовъ, въ кругломъ окнѣ чердака, какъ въ рамкѣ, вижу, какъ онъ кидаетъ яблоками въ деревенскихъ мальчишекъ, собравшихся у насъ на дворѣ и окрещенныхъ самыми забавными выдуманными отцомъ прозвищами; казалось будто вся эта толкотня, и швыряніе, и драки изъ за падающихъ на нихъ плодовъ веселили моего отца, напоминая ему, въ маломъ видѣ, настоящую войну. Я вижу его... нѣтъ, сколько я ни стараюсь припомнить, головы его я не могу видѣть — помню только, на простынѣ, руку, еще живую, невыразимой худобы, которую мнѣ велятъ поцѣловать. А вечеромъ, когда я возвратился въ пансіонъ Губо, во снѣ, похожемъ на кошмаръ, предстала передо мною моя тетка, де Курмонъ, та даровитая женщина, изъ которой я сдѣлалъ м-мъ Жервезэ, та самая, которая научила меня въ дѣтствѣ любить красивыя вещи. Она предстала предо мною въ такой реальности, что можно было сомнѣваться, сонъ

ли это, и сказала: «Эдмонъ, твой отецъ не проживетъ трехъ дней». Это было въ ночь на понедѣльникъ, а во вторникъ вечеромъ пришли за мной, чтобы взять меня на похороны отца. Моя мать... ея образъ оживляется въ моей памяти миньятюрнымъ портретомъ 1821 года, сдѣланнымъ въ годъ ея замужества... я его держу теперь въ рукѣ. Невинное лицо, глаза небеснаго цвѣта, очень маленькій, серьезный ротикъ, бѣлокурые волосы, завитые въ локоны и падающіе легкими колечками; три нити жемчуга на шеѣ; бѣлое батистовое платье съ атласистыми полосками, и поясъ, и браслеты, и на головѣ голубой бантъ подъ цвѣтъ ея глазъ.

Бѣдная мать! Жизнь, полная страданій и несчастій! Смерть двухъ малютокъ дочерей, жизнь съ мужемъ, постоянно страдавшимъ отъ ранъ и отъ послѣдствій похода въ Россію, похода, гдѣ онъ съ начала до конца участвовалъ съ раздробленнымъ правымъ плечомъ; а онъ былъ еще молодъ, весь сгоралъ храбростью, раздражался невозможностью опять вступить въ военную службу, принять званіе адъютанта короля, какъ сдѣлали два его товарища, участвовать въ алжирской кампаніи... Остается она вдовою, съ небольшимъ состояніемъ, землею, за которую плохо платятъ арендаторы. Неудача преслѣдуетъ ее во всемъ, что-бы она ни предпринимала, какъ мать семейства, — благоразумнаго и обдуманнаго; она теряетъ въ неудачныхъ дѣлахъ всѣ сбереженія, сдѣланныя ради дѣтей, сбереженія, для которыхъ она себѣ самой во всемъ отказываетъ. И я вижу снова кроткое, грустное лицо ея съ тѣми измѣненіями физіономіи, которыя не передаются ни однимъ портретомъ, вижу три или четыре момента, сохраняющіе для васъ, невѣдомо какъ, снимокъ любимаго существа въ обстановкѣ одного-какого нибудь дня. Да, я снова вижу ея грустное и кроткое лицо въ одинъ день моего дѣтства, когда я, опасно больной послѣ плохо вылѣченнаго коклюша, лежалъ на ея большой постелѣ, а рядомъ съ ея головою, склонившейся надо мною, склонялась ко мнѣ и голова ея брата Армана, красивая и милая кудрявая голова бывшаго гусара (въ обѣихъ нашихъ семьяхъ все почти были одни военные), и когда внезапно—я не понималъ, почему—откинувъ простыню съ моего мертвенно худого тѣла, она упала въ объятія брата, заливаясь слезами.

Вижу ее снова, мою мать, въ день карнавала, когда каждый годъ она устраивала пирушку для дѣтей родственниковъ и для ихъ маленькихъ пріятелей и пріятельницъ и когда весь этотъ маленькій міръ пьеретокъ, швейцарокъ, рыбачекъ, маркитантокъ, арлекиновъ, матросовъ и турокъ наполнялъ своей шумной веселостью тихую квартиру въ улицѣ Капуциновъ. Только въ этотъ день немного веселья, отъ этого дѣтскаго карнавала, окружало и ее своимъ хороводомъ, отражалось и на ея лицѣ и зажигало въ немъ прелестное сіяніе.

Я вижу ее снова, мою мать, въ тѣ годы, когда, отказавшись отъ свѣта, никогда уже не выѣзжая, она сдѣлалась прекраснѣйшимъ репетиторомъ

моего брата. Вижу ее въ буржуазной спальнѣ, уставленной фамильной мебелью, съ часами въ стилѣ Empire; вижу ее въ маленькомъ креслѣ близко-близко возлѣ моего брата, который готовитъ уроки. Головы его почти не видать изъ-за стариннаго бюро краснаго дерева, самъ онъ сидитъ, приподнятый на толстомъ лексиконѣ, на которомъ онъ сидѣлъ все время, пока былъ маленькимъ. Она, моя мать, держала въ рукахъ книгу или вышиваніе, но скоро опускала ихъ на колѣни и пребывала въ мечтательномъ созерцаніи передъ красавцемъ сыномъ, уже получавшимъ награды на конкурсѣ коллежа,—передъ обожаемымъ своимъ любимцемъ, наполнявшимъ веселостью и остроуміемъ дружескіе дома, куда она его возила,—передъ гордостью ея сердца.

Я вижу ее снова, наконецъ, мою бѣдную мать, въ зàмкѣ Маньи, на смертномъ одрѣ, въ ту минуту, когда на лѣстницѣ раздается шумъ тяжелыхъ башмаковъ сельскаго кюрэ, соборовавшаго ее; вижу, какъ она, уже не въ силахъ говорить, кладетъ въ мою руку руку брата, съ незабываемымъ взглядомъ матери, измученной тоскою о томъ, что станется съ молодымъ сыномъ, оставляемымъ при самомъ вступленіи въ жизнь на произволъ своихъ страстей и не вступившемъ еще на опредѣленный жизненный путь.

Вторникъ, 30-го августа. На дняхъ, когда я правилъ корректуру новаго изданія романа «М-мъ Жервезэ», мнѣ пришло желаніе написать портретъ настоящей м-мъ Жервезэ, которая была моей тетушкой, и сказать, каково было вліяніе этой рѣдкой женщины, м-мъ Нефтали де-Курмонъ, на вкусы и особенности моей жизни.

Мнѣ случается иногда, когда я прохожу по улицѣ Мира, видѣть ее не такою, какова она теперь: я не читаю на ней имена Ребу, Дусе, Веберъ, Вортъ, а ищу подъ именами, изглаженными изъ моей памяти, лавки и магазины, которые были на этомъ мѣстѣ лѣтъ пятьдесятъ, шестьдесятъ тому назадъ. И я удивляюсь, что тамъ, гдѣ теперь ювелиръ Раво и парфюмерный магазинъ Герлэнъ, я не вижу англійской аптеки, которая помѣщалась направо или налѣво отъ большихъ воротъ, помѣченныхъ № 15. Надъ аптекой въ первомъ этажѣ, находилась и находится до сихъ поръ большая квартира, гдѣ жила моя тетка. Глаза мои сохранили о дорогой родственницѣ воспоминаніе далекое,—память объ ея пышныхъ волосахъ, окружавшихъ сіяніемъ ея выпуклый, перламутровый лобъ, объ ея глубокихъ, мечтательныхъ глазахъ въ темныхъ кругахъ, о чертахъ ея тонко высѣченнаго лица, которымъ чахотка сохранила на всю жизнь нѣжность молодости, объ ея впалой груди подъ свободно-ложившимися складками матеріи, о строгихъ линіяхъ всей ея фигуры, наконецъ объ ея духовной красотѣ, которую я въ романѣ смѣшалъ и перепуталъ съ психической красотою м-мъ Бертло.

Я долженъ однако сказать, что нѣсколько суровый видъ этой женщины—

ея серьезная физіономія, меланхолическая важность, которой она себя окружала, внушали мнѣ, когда я былъ еще совсѣмъ маленькимъ, нѣкоторый страхъ; мнѣ бывало не по себѣ возлѣ нея: въ ней было мало жизненнаго, мало человѣческаго.

Изъ этой квартиры, гдѣ я въ первый разъ увидалъ тетку, я помню только одно: ея уборную съ приборомъ изъ безчисленнаго множества шлифованныхъ хрустальныхъ флаконовъ, на которыхъ утренній свѣтъ отражался красками сапфира, рубина, аметиста и отъ которыхъ мое молодое воображеніе, подъ вліяніемъ только что прочитанной книги «Аладинъ или Волшебная лампа», уносилось, вмѣстѣ со всѣмъ моимъ существомъ въ тотъ садъ, гдѣ всѣ плоды изъ драгоцѣнныхъ камней. Помню, когда я—не знаю при какихъ обстоятельствахъ—ночевалъ двѣ или три ночи у тетки, то физическое наслажденіе, какое я испытывалъ въ этой уборной съ волшебными лучами, умывая себѣ руки до локтей миндальными отрубями,—умываніемъ для рукъ, бывшимъ въ модѣ у изящныхъ женщинъ поколѣнія Луи Филиппа. Спустя нѣсколько лѣтъ тетка моя занимала въ концѣ улицы Мира, во второмъ этажѣ угольнаго дома на площади Вандомъ, прекрасную старинную квартиру, квартиру стоившую, чортъ возьми, кажется 2.500 франковъ. Въ веселой гостиной съ видомъ на площадь сидѣла тетка и всегда читала, подъ портретомъ, во весь ростъ, ея матери, портретомъ, напоминающимъ монахиню, свѣтскую монахиню. Это одна изъ лучшихъ картинъ Грёза, которыя я знаю, гдѣ подъ граціозной живостью французскаго мастера чувствуется плавная скоропись Рубенса. Художникъ, бывшій учитель молодой дѣвушки, представилъ ее, уже замужнюю, со всей тонкостью ея красиваго личика, ея изящной фигуры, стоящею спиною къ клавикордамъ, на которыхъ одна ея рука сзади беретъ аккордъ, въ то время какъ другая держитъ померанецъ съ тремя зелеными листиками—безъ сомнѣнія въ память ея пребыванія въ Италіи и дипломатической карьеры въ той странѣ отца моей тетки.

Когда вы входили въ гостиную, у читающей медленно поднимались вѣки, точно она выплывала изъ своего чтенія, какъ изъ бездны. Когда я сталъ постарше, у меня понемногу прошла застѣнчивая боязливость, которую я раньше испытывалъ около нея. Я началъ привыкать къ ея серьезной улыбкѣ и, не умѣя себѣ объяснить почему, послѣ часовъ, проведенныхъ у нея, я уносилъ съ собою въ коллежъ, на всю недѣлю, впечатлѣнія болѣе глубокія, болѣе прочныя, плѣнительныя, чѣмъ тѣ, которыя давали мнѣ другіе.

Въ этой второй квартирѣ я помню, какъ сквозь сонъ, обѣдъ, на которомъ была Рашель, въ самомъ началѣ ея успѣховъ, Андраль, докторъ моей тетки, братъ ея съ женою, моя мать и я,—обѣдъ, гдѣ талантъ великой актрисы принадлежалъ только намъ и гдѣ я чувствовалъ себя очень важнымъ, очень гордымъ въ числѣ другихъ гостей.

Но этотъ обѣдъ былъ зимою, когда я бывалъ у тетки только по праздникамъ, на нѣсколько часовъ, между тѣмъ какъ лѣтомъ мѣсяцъ каникулъ былъ эпохою, когда мое маленькое существованіе съ утра до вечера близко соприкасалось съ ея жизнью. Въ то время моя тетка владѣла въ Менильмонтанѣ небольшимъ зàмкомъ, пожалованнымъ герцогомъ Орлеанскимъ дѣвицѣ Маркизъ или какой-нибудь другой знаменитой «блудницѣ». О, какимъ волшебнымъ рисуется въ моей памяти это мѣсто, которое я, изъ страха разочароваться, никогда съ тѣхъ поръ не посѣщалъ! Роскошный домъ XVIII вѣка, громадная столовая, украшенная большими панно съ разными natures mortes и полногрудыми бѣлотѣлыми Фламандками, продающими плоды, вѣроятнѣе всего, кисти Жорданса; три зала съ вычурными деревянными украшеніями стѣнъ; большой садъ съ подстриженными деревьями, гдѣ возвышались два храма Амура; фруктовый садъ съ виноградными лозами по шпалерамъ, какъ въ Италіи, ревниво охраняемый старымъ садовникомъ Жерменомъ, который запускалъ въ васъ граблями, если вы попадались въ кражѣ винограда; небольшой паркъ, а за паркомъ тѣнистая рощица зеленыхъ деревьевъ, гдѣ были похоронены отецъ и мать моей тетки; цѣлый лабиринтъ двориковъ и конюшенъ, въ одной изъ которыхъ можно было встрѣтить стараго чудака, дальняго родственника, занимавшагося устройствомъ трехколеснаго экипажа, какого-то самоката.

Но любимымъ моимъ мѣстомъ въ этомъ домѣ былъ разрушенный театръ, къ тому времени уже превратившійся въ сарай для садовыхъ орудій: залъ съ провалившимися сидѣніями, какъ въ церквяхъ древней Италіи, подъ открытымъ небомъ. Тамъ я садился на расшатанные камни и по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ въ черное углубленіе сцены—на пьесы, разыгрывавшіяся въ моемъ мозгу.

Въ этомъ герцогскомъ домѣ проводили вмѣстѣ лѣто три невѣстки: моя тетка, жена ея брата, нынѣшняго посланника у папы, и моя мать.

У моей тетки не было презрѣнія къ ребенку, къ мальчишкѣ, разъ она замѣчала въ немъ признаки умственныхъ способностей, и тамъ, въ деревнѣ, она почти весь день позволяла мнѣ быть съ нею, давала мнѣ разныя маленькія порученія, брала меня съ собою въ садъ, куда я носилъ за нею корзину для цвѣтовъ, которые она всегда сама выбирала для вазъ въ гостинныхъ, забавлялась моими «отчего» и удостоивала ихъ серьезныхъ отвѣтовъ. Я держалъ себя немного поодаль, какъ-бы охваченный какимъ-то набожнымъ благоговѣніемъ къ этой женщинѣ, казавшейся мнѣ существомъ иного порядка, чѣмъ прочія мои родственницы. Своимъ привѣтомъ, осанкой, рѣчью, лаской всего своего лица, когда она улыбалась, она проявляла какую-то особенную власть, которую я находилъ только въ ней одной. Случалось такъ, что моя мать, не довѣряя своему собственному авторитету, когда я совершалъ какой-нибудь про-

ступокъ, просила ее побранить меня, и тетка немногими надменно-презрительными словами до того смущала меня—никогда притомъ не вызывая во мнѣ инстинктивнаго ропота мальчугана, чувствующаго себя виноватымъ—до того смущала, что я изъ-за незначительной провинности испытывалъ настоящій стыдъ. Впрочемъ, чтобы лучше показать эту женщину и, повторяю,—вліяніе, которое она имѣла на меня, вотъ описаніе одного воскресенья въ Менильмонтанѣ, взятое изъ «Дома Художника». («La Maison d'un Artiste»):

«Около двухъ часовъ всѣ три дамы, въ красивыхъ, свѣтлыхъ кисейныхъ платьяхъ, въ прюнелевыхъ башмачкахъ съ ленточками, обвивающимися крестъ-на-крестъ вокругъ ноги, какъ на рисункахъ Гаварни въ «La Mode», спускались по склону холма по направленію къ Парижу. Прелестное тріо составляли эти три женщины: моя тетка, смуглая, съ чертами, исполненными духовной красоты, ея невѣстка—бѣлокурая креолка съ лазуревыми глазами, съ блѣдно-розовымъ цвѣтомъ лица, съ томной лѣностью движеній; моя мать, съ ея кроткимъ лицомъ и маленькой ножкой. Отправлялись онѣ на бульваръ Бомарше и въ предмѣстье С. Антуанъ. Моя тетка была въ то время въ числѣ четырехъ или пяти человѣкъ Парижа, уже влюбленныхъ въ старьё, въ красоту минувшихъ столѣтій, въ венеціанское стекло, въ рѣзную слоновую кость, въ мебель съ инкрустаціей, въ генуэзскій бархатъ, въ алансонское кружево, въ саксонскій фарфоръ. Мы приходили къ антикваріямъ въ то время, когда они уже собирались идти обѣдать въ какой-нибудь кабачекъ, въ Венсеннъ; ставни уже были затворены, и лишь полуоткрытая дверь пропускала немного свѣту въ темную лавку, на темныя кучи драгоцѣнныхъ вещей. Тогда начиналась въ полумракѣ этого смутнаго и пыльнаго хаоса возня этихъ трехъ дамъ въ свѣтлыхъ платьяхъ, торопливая, безпокойная возня, отъ которой слышался шорохъ, какъ будто отъ мышиной бѣготни по кучѣ мусора; то вытягивается рука въ свѣжей перчаткѣ, осторожно дотрогиваясь,—боясь замараться,—до какого-нибудь предмета, то кончикъ ноги въ прюнелевомъ башмачкѣ кокетливыми, частыми движеніями выталкиваетъ на свѣтъ какіе-то обломки золоченой бронзы или рѣзного дерева, сложенные около стѣны. И каждый разъ поиски кончались какой-нибудь счастливою находкою, которую отдавали мнѣ въ руки и которую я несъ, какъ святыню, устремивъ глаза на ноги, на все, отъ чего я могъ-бы оступиться и упасть. На возвратномъ пути, довольныя и счастливыя своей находкой, онѣ выражали свою радость и въ походкѣ, и во всѣхъ движеніяхъ; отъ времени до времени тетка оборачивалась и бросала мнѣ съ улыбкой: «Эдмонъ, смотри хорошенько, не разбей».

Эти воскресенья конечно сдѣлали меня тѣмъ любителемъ рѣдкостей, какимъ я всегда былъ и какимъ останусь на всю жизнь.

Но я обязанъ теткѣ не только любовью къ искусству, малому и великому, но и самой моей любовью къ литературѣ. Тетка моя была женщина глубокаго разума, воспитаннаго, какъ я уже говорилъ, на серьезномъ чтеніи, и ея рѣчь, при самомъ миломъ, самомъ женственномъ голосѣ, рѣчь философа или художника, выдѣляясь изъ буржуазнаго языка окружавшихъ меня, сильно дѣйствовала на мое пониманіе, интригуя и плѣняя его. Помню, что она высказалась по поводу какой-то книги непонятною мнѣ фразою и что фраза ея долго хранилась въ моемъ молодомъ мозгу, занимала его, заставляя работать. Мнѣ даже думается, что я услышалъ отъ нея впервые, гораздо раньше, чѣмъ это сдѣлалось общеупотребительнымъ, слова «субъективный» и «объективный». Уже тогда она научила меня любить выраженія изысканныя, техническія, образныя, любить слова яркія, подобныя, по прекрасному сравненію Жубера, «зеркаламъ, въ которыхъ мы видимъ нашу мысль», и это современемъ сдѣлало изъ меня страстнаго любителя хорошо написанныхъ вещей.

При томъ очарованіи, которое высоко развитая женщина вноситъ въ пріемы воспитанія, нельзя сказать даже, какъ велико ея вліяніе на дѣтскій умъ. Да, я слушалъ, какъ тетка говорила, какъ складывалась у нея фраза, всегда чуждая банальности и общепринятыхъ оборотовъ, но безъ малѣйшаго оттѣнка, свойственнаго «синему чулку», прислушивался къ ея словамъ съ тою любовью, съ какою музыкально-одаренное дитя слушаетъ музыку. И ужъ, конечно, для развитія моего ума, для образованія моего будущаго таланта она сдѣлала въ сто разъ больше, чѣмъ тѣ знаменитые учителя, которымъ приписываютъ вліяніе на меня.

Бѣдная тетушка! Я ее вижу нѣсколько лѣтъ спустя послѣ продажи замка, во время отпуска, дозволеннаго мнѣ моей матерью, вижу ее въ небольшомъ деревенскомъ домѣ, снятомъ на скорую руку, во время ея болѣзни, въ окрестностяхъ города. Домъ былъ презабавной наружности—съ зубцами на крышѣ, и лѣпился къ большой стѣнѣ, съ садикомъ въ углубленіи, какъ въ колодцѣ. Было утро. Тетушка еще не вставала. Флора, старая горничная съ бородавкой на носу, всегда ходившая въ припрыжку, когда въ домѣ бывало не ладно, сказала мнѣ, что ночь была нехороша. Только что поцѣловавъ меня, тетя сказала горничной: «Дай мнѣ платокъ». И я замѣтилъ, что она подала ей платокъ, служившій ей уже ночью: онъ былъ весь въ крови, и она старалась спрятать его въ своихъ исхудалыхъ рукахъ. И я вижу ее снова—передъ отъѣздомъ въ Римъ, въ улицѣ Тронше, въ неясныхъ очертаніяхъ, какъ бы стушеванною, въ туманѣ отъ запаховъ лѣкарственныхъ травъ.

Разсказъ о жизни м-мъ Жервезэ въ Римѣ, жизни нашей родственницы, въ нашемъ «мистическомъ романѣ»—чистая, достовѣрная, историческая правда. Тутъ положительно во всей книгѣ только два отступленія отъ истины. Нѣжное дитя съ лѣнивымъ умомъ, описанное мною

подъ именемъ Пьера Шарля, умерло отъ воспаленія мозга еще до отъѣзда матери въ Италію. На этого бѣднаго и интереснаго ребенка, представляющаго подъ перомъ романиста предметъ совершенно новый, я возложилъ всю тяжесть душевнаго сокрушенія и нравственныхъ страданій, перенесенныхъ въ дѣйствительности его младшимъ братомъ, во время религіознаго помѣшательства его матери. Наконецъ, моя тетка умерла не при входѣ въ пріемную папы, а одѣваясь, чтобы ѣхать на аудіенцію.

Вторникъ, 6-го декабря. Одна моя пріятельница, которая лѣчится у Грюби, передавала мнѣ слѣдующій разсказъ стараго венгерскаго доктора о Гейне.

Грюби позвали на консиліумъ, вмѣстѣ съ другими докторами, къ глазному врачу Ситель, чтобы подать мнѣніе о болѣзни глазъ у Гейне, который въ то время еще не былъ тѣмъ знаменитымъ человѣкомъ, какимъ сдѣлался впослѣдствіи. Грюби приписывалъ эту болѣзнь начинавшемуся разстройству спинного мозга и предложилъ лѣченіе, но такъ какъ большинство было противъ него, то его не послушали. Прошло лѣтъ десять или двѣнадцать. Къ Грюби опять явился докторъ и привезъ его къ Гейне.

Отворяя дверь, проводникъ д-ра Грюби сказалъ больному: «я привезъ вамъ спасителя», а Гейне, обратившись къ нему, воскликнулъ: «Ахъ, докторъ, зачѣмъ я васъ не слушался!»

Трудно было Грюби скрыть свое впечатлѣніе, когда онъ увидѣлъ вмѣсто молодого и сильнаго мужчины, какимъ онъ его помнилъ, паралитика, почти слѣпого, лежащаго на коврѣ, прямо на полу.

Однако, у Гейне, несмотря на его страданія, уцѣлѣло его бойкое и живое остроуміе, которое онъ сохранялъ до послѣдняго дня. Когда, послѣ очень подробнаго изслѣдованья, которому его подвергъ Грюби, онъ спросилъ: «На долго-ли меня еще хватитъ?» и тотъ отвѣчалъ: «На очень долго», Гейне сказалъ: «Хорошо, но не говорите моей женѣ».

Передъ уходомъ, желая дать себѣ отчетъ, до какой степени дошелъ параличъ мускуловъ рта у больного, Грюби спросилъ его, можетъ-ли онъ свистать. Поэтъ, пальцами приподнимая себѣ безжизненные вѣки, проговорилъ:

— Не могу,—даже на лучшей пьесѣ Скриба!

1893.

Вторникъ, 31-го января. Сегодня мнѣ хотѣлось бы отвѣтить на статью пріятели Бауера, мѣтившаго, кажется, въ мое предисловіе къ «Долой Прогрессъ», гдѣ я высказываюсь противъ скандинавскаго и славянскаго вліянія на нашъ театръ, но я чувствую себя слишкомъ плохо, чтобы писать статью. Я хотѣлъ бы отвѣтить на слова Бауера о томъ

что французскій театръ вдохновлялся греческой трагедіей, латинскими комедіями, испанскими пьесами, и что ту же пользу принесетъ французской сценѣ и сѣверное вдохновеніе. Я хотѣлъ бы возразить, что вдохновенія греческія, латинскія и испанскія были вдохновеніями родственными, исходящими изъ мозговъ одной семьи съ нами, съ тѣми же-какъ у насъ изгибами, изъ мозговъ латинскихъ, а не изъ гиперборейскихъ. Я хотѣлъ бы напомнить Бауеру, какъ однажды, въ разговорѣ о смерти съ Золя, Додэ и Тургеневымъ, мы коснулись того особеннаго тумана, свойственнаго сѣвернымъ мозгамъ, того «славянскаго тумана», по выраженію Тургенева — про который онъ говорилъ: «этотъ туманъ для насъ имѣетъ нѣчто хорошее: онъ имѣетъ ту заслугу, что спасаетъ насъ отъ логики нашей мысли, отъ преслѣдованія дедукціи». Но туманъ этотъ въ полномъ противорѣчіи съ произведеніями нашего театра, который весь ясность, логика и умъ.

На утвержденіе, что натуралистическій театръ погибъ отъ того, что выводилъ характеры исключительные, я хотѣлъ замѣтить, что масса шедевровъ, какъ «Донъ-Кихотъ,» «Вертеръ», «Племянникъ Рамо», «Опасныя связи», и пр.—монографіи исключительныхъ личностей, которыя созданы геніальными писателями и находятъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ толкователей, превращающихъ эти исключительные характеры въ типичные. Я хотѣлъ бы также спросить, какъ онъ думаетъ: смотрятъ-ли нынче дѣйствительно въ Норвегіи на ибсенскихъ героинь, какъ на типы норвежскихъ женщинъ? Я хотѣлъ бы тоже спросить еще, по поводу «Власти Тьмы», — того момента въ ней, когда подъ доскою у Никиты хрустятъ косточки и слышится пискъ задавленнаго ребенка, думаетъ-ли онъ, что пьеса пошла бы дальше этого, если бы Толстой былъ французъ? Думаетъ-ли онъ, что трехактная пьеса «M-lle Julie» была бы сыграна, если бы Стриндбергъ былъ французъ? Наконецъ, я хотѣлъ бы, чтобы онъ повторилъ снова, онъ, бывшій во время оно единственнымъ защитникомъ попытокъ революціонированія сцены, что все, дозволенное иностранцамъ, не дозволено намъ нашею современной критикою, запрещающей намъ театръ высокій, литературный, философскій, театръ, превосходящій вкусъ и пониманія какого-нибудь Сарсэ, театръ, не ограничивающійся, какъ настоящій нашъ театръ, буржуазными авантюрами современной семьи.

Пятница, 26-го мая. Грустно въ мои годы уѣзжать изъ дома. Надо думать о возможности внезапной смерти и оставлять распоряженія.

Сегодня утромъ въ мой кабинетъ вошли Жефруа и Карьеръ, съ громаднымъ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ. Они поздравляютъ меня въ 71-ый годъ моего рожденія. Вниманіе этихъ двухъ сердечныхъ друзей меня тронуло. Послѣ обѣда была у меня м-мъ Сишель и предложила, самымъ любезнымъ образомъ, уходъ за мною ея сына, въ Виши, на недѣлю, на двѣ.

Воскресенье, 28-го мая. Виши. Д-ръ Фремонъ меня выслушиваетъ, и нащупывая мою печень (не слишкомъ объемистую, по его словамъ), онъ находитъ у меня въ боку этотъ больной органъ, который независимо отъ меня инстинктивно сокращается и оберегаетъ себя отъ прикосновенія и выслушиванія.

Грустно быть опять здѣсь, гдѣ мой братъ былъ уже такъ боленъ, видѣть противъ себя этотъ домъ Кальму, раньше такой шумный, веселозвучный, а теперь такой молчаливый; ходить одиноко подъ сводами блѣдныхъ платановъ, отъ которыхъ старый паркъ съ гуляющими подъ ними желтыми лицами больныхъ кажется меланхолическимъ преддверьемъ чистилища.

Четвергъ, 13-го іюля. Додэ говоритъ мнѣ о слабости, наступившей у него послѣ трехдневной схватки въ желудкѣ, и я отвѣчаю, что боль, конечно, требуетъ большей затраты силъ, чѣмъ любое физическое упражненіе; что можетъ быть, со временемъ, изобрѣтутъ снарядъ, которымъ можно будетъ опредѣлять количество силъ, израсходованныхъ на припадокъ печени, на ревматическія страданія, и что тогда удивятся той суммѣ энергіи, которую уноситъ какая-нибудь острая болѣзнь.

Воскресенье, 16-го іюля. Внутреннее удовлетвореніе, счастливая полнота жизни послѣ труда — «драматизаціи» первой части «Актрисы». Послѣ лѣности болѣзни, послѣ цѣлыхъ мѣсяцевъ болѣзни, это какое то воскрешеніе мыслящаго существа отъ долгой каталепсіи.

Четвергъ, 17-го августа. Говоря о женщинахъ сегодня утромъ, Додэ сказалъ: «Можно было бы написать нѣчто любопытное о вдовствѣ женщинъ, когда уже прошло у нихъ самое горе. Это большей частью періодъ избавленія, когда онѣ снова чувствуютъ себя свободными и вступаютъ въ свои права. И среди этихъ чувствъ воздвигается у нихъ въ душѣ памятникъ, созданный изъ множества иллюзій относительно ихъ прошлаго, прошлаго уже на разстояніи, такъ что женщины, не бывшія счастливыми въ замужествѣ, воображаютъ, что любили своего тирана, и поютъ ему хвалу.

Но рядомъ съ этими встрѣчаются женщины, слишкомъ угнетенныя замужествомъ, которыя, и освободившись, не въ силахъ уже отдѣлаться отъ прежняго рабства.

Суббота, 28-го октября. Ахъ, печень моя становится, наконецъ, несносною. Черезъ два-три дня по припадочку, неизвѣстно отчего, отвращеніе къ пищѣ, потливость каждое утро, отъ слабости, и желчь, поминутно разливающаяся въ лицѣ.

Четвергъ, 9-го ноября. Послѣ обѣда Леонъ Додэ начинаетъ вдругъ, со свойственнымъ ему увлеченіемъ, провозглашать, что Вагнеръ—геній выше Бетховена, и горячась все больше и больше, доходитъ до того,

что объявляетъ Вагнера геніемъ одной величины съ Эсхиломъ и ставитъ его Парсиваля рядомъ съ Прометеемъ.

На это отецъ ему возражаетъ, что въ области «нечленораздѣльной» рѣчи, каковой можно назвать музыку, Вагнеръ подарилъ его ощущеніями, подобныхъ которымъ не давалъ ему ни одинъ композиторъ, но что въ области рѣчи «членораздѣльной», т.-е. въ литературѣ, онъ знаетъ людей, стоящихъ несравненно выше его, между прочими хотя-бы Шекспира.

Тогда Роденбахъ, который тутъ присутствуетъ, говоритъ—и говоритъ онъ сегодня вечеромъ великолѣпно—что настоящіе великіе люди тѣ, которые независимы отъ моды, отъ восторговъ, отъ эпилептическихъ маній извѣстнаго времени; превосходство Бетховена въ томъ, что онъ говоритъ мозгу, тогда какъ Вагнеръ дѣйствуетъ только на нервы, что отъ музыки Бетховена вы выносите чувство яснаго спокойствія, тогда какъ послѣ Вагнера вы разбиты, какъ-будто вы боролись съ морскими волнами во время сильной бури.

Суббота, 25-го ноября. Говорятъ, что женщины «лиги эмансипаціи» предали меня анаѳемѣ, у мэра IV округа, за все дурное, высказанное о прекрасномъ полѣ въ моихъ книгахъ, и что если онѣ и не рѣшились еще придти на домъ ко мнѣ поколотить меня, то непремѣнно хотятъ написать мнѣ энергически мотивированное письмо. Такъ по крайней мѣрѣ сообщилъ мнѣ репортеръ «Молніи», который приходитъ спросить меня, получилъ-ли я такое письмо?

Воскресенье, 3-го декабря. У издателя Плонъ на-дняхъ говорили, что велосипедъ убиваетъ книжную торговлю· во-первыхъ, затратою денегъ на покупку машины, затѣмъ затратой времени, котораго эта ѣзда требуетъ отъ людей, не оставляя имъ свободныхъ часовъ для чтенія.

Пятница, 8-го декабря. Вчера я, наконецъ, получилъ знаменитое женское письмо, предающее меня анаѳемѣ; оно подписано м-мъ Потоніе. Письмо учтиво, и я не отвѣчаю

Пятница, 29-го декабря. Въ послѣдней своей книгѣ Леонъ написалъ сатиру на современныхъ докторовъ, нѣчто вродѣ странствованій новаго Гуливера по медицинскому міру. Онъ говоритъ, что этотъ трудъ не представлялъ для него ничего интереснаго, такъ-какъ онъ вложилъ въ него накопившійся запасъ наблюденій, и что онъ не имѣлъ наслажденія выдумывать, воображать. На это я говорю ему, что онъ долженъ остерегаться воображенія, и что мнѣ думается, что самая красота настоящихъ хорошихъ книгъ достигается выборомъ изъ накопленнаго запаса наблюденій.

1894.

Пятница, 4-го мая. Съ понедѣльника я жду каждый день, а самъ я боленъ, и въ желудкѣ у меня только молочный супъ, которымъ меня

кормятъ четыре раза въ день—жду какого-нибудь возмущеннаго или оскорбительнаго письма, по поводу того или другого параграфа моего дневника.

Среда, 30-го мая. Обѣдъ въ улицѣ Берри съ графиней Монтебелло, французской посланницей въ С.-Петербургѣ, женщиной, миловидность которой становится еще пикантнѣе отъ крошечной родинки на щекѣ. Она описываетъ, въ остроумной болтовнѣ, большія придворныя празднества, «пальмовые балы», гдѣ при ужинѣ на 1,000 персонъ каждый столъ стоитъ подъ пальмою, утопая въ роскоши цвѣтовъ, какой себѣ представить нельзя; богатство костюмовъ описать невозможно, а государыня, очень маленькаго роста, вся исчезаетъ въ блескѣ своихъ изумительныхъ брилліантовъ, величиною въ пробку графина. «Подавляющіе балы», говоритъ графиня.

Понедѣльникъ, 25-го іюня. Сегодня утромъ, въ постели, когда я развертываю «Эхо Парижа», глаза мои падаютъ на напечатанную крупными буквами строчку: «Убійство г-на Карно».

Эта газета, съ своимъ описаніемъ на трехъ страницахъ завтрака съ паштетомъ á la Борджіа и апоѳеоза того самаго человѣка, смерть котораго объявлена на четвертой страницѣ, «въ 12 часовъ 45 минутъ», трагическій документъ превратности всего человѣческаго.

Не везетъ, не везетъ мнѣ въ изданіи моихъ книгъ. Первая моя книга «18** годъ», вышла въ свѣтъ въ день государственнаго переворота Наполеона III, а въ день выхода седьмой части «Дневника братьевъ Гонкуръ», можетъ быть послѣдней моей книги, изданной при жизни автора, убійство президента республики задерживаетъ и объявленія, и отзывы о ней.

Пятница, 27-го іюля. Длинная прогулка въ экипажѣ по Сенарскому лѣсу, вдвоемъ съ Додэ. Онъ очень нѣженъ со мною, говоритъ о привязанности ко мнѣ его жены, которая меня любитъ какъ родного, и внушаетъ мнѣ увѣренность, что, несмотря на все, что было сказано, сдѣлано и придумано завистниками противъ нашей дружбы, эта дружба никогда, ни на минуту не была поколеблена.励комъ онъ сознается мнѣ, какъ онъ чувствителенъ къ нападкамъ въ печати; дѣло доходитъ до того, что онъ не читаетъ теперь ни одной изъ послѣднихъ направленныхъ противъ него статей. Я со своей стороны сообщаю ему мои пріемы нейтрализаціи литературнаго нападенія: кладу статью въ конвертъ, запечатываю и читаю два или три мѣсяца послѣ ея появленія—тогда ядъ уже улетучился.

Суббота, 4-го августа. Молодые люди, воспитанные въ деревнѣ и проводившіе цѣлые часы въ созерцаніи пейзажа или наблюденіи поплавка надъ удочкой, выносятъ изъ этихъ слишкомъ продолжительныхъ сношеній съ природой какую-то сонную лѣность, какое-то оцѣпенѣніе, какое-то

бездѣйствіе ума, мѣшающіе имъ сдѣлать что-либо въ жизни. Лихорадочная потребность труда и творчества проявляется почти всегда у людей, выросшихъ среди дѣятельности большихъ городовъ.

Воскресенье, 26-го августа. Все мое существованіе прошло въ поискахъ оригинальной обстановки для моей жизненной среды. Одинъ день одно, другой—другое. На прошлой недѣлѣ—покупка шелковыхъ платьевъ, изношенныхъ дамами XVIII вѣка, для внутреннихъ обложекъ въ переплеты на книги того времени. И всегда такія мелкія выдумки, которыя не пришли-бы на умъ другому. И выходитъ, что на второстепенныя вещи, которыми пренебрегаютъ натуры не художественныя, я потратилъ столько-же воображенія, сколько и на свои книги.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Крестоносцы.

Историческая повѣсть Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго Нат. Арабажиной.

IV.

Зыхъ изъ Згоржелицъ, извѣстный повсюду своей добротой и услужливостью, снова началъ настаивать и просить, но Мацько уперся: коли ужъ умирать, такъ у себя! Цѣлые годы онъ тосковалъ по Богданцѣ, а потому теперь, когда граница его близка, онъ ни за что не откажется отъ него, даже, еслибы это должна была быть его послѣдняя ночь. И такъ ужъ Господь Богъ милостивъ къ нему, потому что далъ ему возможность добраться сюда.

Мацько кулакомъ вытеръ слезы, набѣжавшія у него на глаза, оглянулся вокругъ и сказалъ:

— Если это ужъ лѣса Волка изъ Бржозовой, то мы сейчасъ послѣ обѣда доѣдемъ.

— Теперь ужъ не Волка изъ Бржозовой, а аббата! сказалъ Зыхъ.

Усмѣхнулся больной Мацько, услышавъ это, и сказалъ:

— Если аббата, то можетъ когда-нибудь и наши будутъ.

— Вотъ-на! только что о смерти говорили,—весело воскликнулъ Зыхъ,—а теперь вы ужъ собираетесь пережить аббата.

— Не я переживу, а Збышко.

Дальнѣйшій разговоръ былъ прерванъ звуками роговъ, которые раздались далеко въ лѣсу. Зыхъ остановилъ лошадь и сталъ прислушиваться.

— Вѣрно кто-нибудь охотится,—сказалъ онъ.—Подождите!

— Можетъ быть, аббатъ. Вотъ бы хорошо было, если бы мы съ нимъ встрѣтились сейчасъ!

— Молчите! Стой!—воскликнулъ онъ обратившись къ свитѣ.

Всѣ остановились. Звукъ рога раздался ближе, а черезъ минуту послышался лай собакъ.

— Стой!—повторилъ Зыхъ.—Они приближаются къ намъ.

Збышко тотчасъ же соскочилъ съ лошади и закричалъ:

— Давайте лукъ! Можетъ быть звѣрь на насъ выбѣжитъ! Живо! живо!

И почти вырвавъ лукъ изъ рукъ мальчика-слуги, онъ уперъ его въ землю, придавилъ животомъ, нагнулся, и, выгнувъ спину, въ одно мгновеніе натянулъ тетиву на желѣзный зацѣпъ, потомъ вложилъ стрѣлу и побѣжалъ въ лѣсъ.

— Натянулъ, безъ рукоятки натянулъ!—прошепталъ Зыхъ, изумленный такой необыкновенной силой.

— Здоровый парень!—проговорилъ Зыхъ.

А тѣмъ временемъ звуки рога и лай собакъ раздались еще ближе, и вдругъ съ правой стороны лѣса послышался тяжелый топотъ, трескъ сломанныхъ вѣтвей — и изъ чащи на дорогу, какъ молнія, выскочилъ старый, бородатый зубръ, съ огромной низко-наклоненной головой, съ кровью налитыми глазами, съ высунутымъ языкомъ, страшный, запыхавшійся. Добѣжавъ до дороги, онъ однимъ прыжкомъ перескочилъ черезъ нее, припалъ съ разбѣга на переднія ноги, но тотчасъ поднялся и готовъ былъ скрыться въ чащѣ, по другой сторонѣ дороги, когда вдругъ въ воздухѣ зловѣще засвистѣла стрѣла, звѣрь поднялся на дыбы, закружился, заревѣлъ и грохнулся на землю, какъ пораженный громомъ.

Збышко выглянулъ изъ-за дерева, снова натянулъ тетиву и, приготовившись къ новому выстрѣлу, подошелъ къ быку, заднія ноги котораго еще копали землю.

Но, взглянулъ на него, онъ спокойно возвратился къ свитѣ и еще издалека сталъ кричать:

— Такъ хорошо попалъ, что даже кровью истекаетъ!

— Ахъ, чтобъ тебя!—сказалъ, подъѣхавъ, Зыхъ:—отъ одной стрѣлы!

— Да близко было! А вѣдь сила стрѣлы ужасная. Посмотрите, не только конецъ стрѣлы, но и все древцо ушло подъ кость.

— Охотники, должно быть, ужъ близко. Они навѣрно заберутъ его у тебя.

— Я не дамъ!—отвѣчалъ Збышко:—онъ убитъ на дорогѣ, а дорога—общая.

— А если это аббатъ охотится.

— Ну, если онъ, такъ пусть беретъ.

Тѣмъ временемъ изъ лѣсу прежде всего выбѣжали собаки, которыхъ было нѣсколько десятковъ. Увидавъ звѣря, онѣ съ страшнымъ лаемъ бросились къ нему, сбились всѣ въ кучу и уже стали грызться между собой.

— Сейчасъ появятся и охотники,—сказалъ Зыхъ.—Взгляни! вотъ и они, только они выѣхали впередъ насъ и еще не видятъ звѣря. Гопъ, гопъ!.. сюда! сюда!.. убитъ, убитъ!..

Вдругъ онъ смолкъ, закрылъ глаза рукой, а черезъ минуту воскликнулъ:

— Господи! что это такое? ослѣпъ я что-ли, или мнѣ только чудится!..

— Одинъ изъ нихъ ѣдетъ впереди на ворономъ конѣ,—сказалъ Збышко.

Но Зыхъ вдругъ закричалъ:

— Боже мой! да вѣдь это Ягенка!.. Ягна! Ягна!..

Онъ двинулся впередъ, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ пустить въ скачъ свою лошадь, глазамъ Збышко представилось удивительнѣйшее зрѣлище. На рѣзвомъ конѣ, сидя по-мужски, мчалась къ нимъ дѣвушка, съ лукомъ въ рукѣ и съ копьемъ за спиной; въ распустившіеся отъ быстрой ѣзды волоса вцѣпились хмелевыя шишки; щеки ея разрумянились, на груди разстегнулась рубашка, на которую была накинута куртка, шерстью вверхъ. Доскакавъ, она сразу осадила коня и одну минуту на лицѣ ея можно было прочесть недовѣріе, изумленіе и радость, быстро смѣнявшихъ одно другое. Наконецъ, увѣрившись, что глаза не обманываютъ ее, она вскрикнула тоненькимъ, еще дѣтскимъ голоскомъ:

— Тата! Тата дорогой!

И въ одно мгновеніе она соскочила съ коня и бросилась на шею Зыху, который тѣмъ временемъ также успѣлъ спрыгнуть съ сѣдла. Долгое время Збышко только и слышалъ звукъ поцѣлуевъ, да два слова: «Татуся! Ягнуся! Татуся! Ягнуся!» повторявшіяся въ радостномъ упоеніи.

Между тѣмъ подъѣхали обѣ свиты, подъѣхалъ и Мацько на повозкѣ, а они все еще повторяли: «Татуся! Ягнуся!», и все еще обнимали другъ-друга. И когда они, наконецъ, досыта нацѣловались, Ягенка начала распрашивать отца:

— Это вы съ войны возвращаетесь? Вы здоровы?

— Съ войны. Отчего-же мнѣ не быть здоровымъ? А ты? А младшіе братья? Думаю, что здоровы, да? Потому что иначе ты не летала-бы по лѣсу. Но, что ты тутъ дѣлаешь?

— Видите, охочусь,—смѣясь отвѣтила Ягна.

— Въ чужихъ лѣсахъ?

— Аббатъ разрѣшилъ мнѣ. Да еще и людей, пріученныхъ къ охотѣ, и собакъ прислалъ.

Тутъ она обратилась къ своимъ слугамъ:

— Отгоните собакъ, потому что онѣ разорвутъ его.—И снова она заговорила съ Зыхомъ:

— О! какъ я рада, что вижу васъ, какъ я рада!.. У насъ все благополучно.

— А я-то развѣ не радъ?—отвѣтилъ Зыхъ.—Дай-ка еще свою мордочку, я поцѣлую.

И они снова принялись цѣловаться, а когда кончили, Ягна сказала:

— До дому еще порядочно далеко... Вотъ какъ далеко завлекъ насъ этотъ звѣрь. Мы гнали его не менѣе двухъ миль, такъ что и лошади уже начинали уставать. Но здоровенный зубръ—видѣли?.. въ немъ сидятъ по крайней мѣрѣ три моихъ стрѣлы, и отъ послѣдней онъ долженъ былъ пасть.

— Палъ-то онъ отъ послѣдней, да не отъ твоей: вотъ этотъ молодой рыцарь застрѣлилъ его.

Ягенка рукой отодвинула назадъ волосы, которые закрывали ей лицо, и бросила быстрый, но неособенно привѣтливый взглядъ на Збышко.

— Знаешь кто это?—спросилъ Зыхъ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Не удивительно, что ты его не узнала, потому что онъ выросъ. Но можетъ быть ты узнаешь стараго Мацько изъ Богданца?

— Боже мой! Это Мацько изъ Богданца?—закричала Ягенка.

И приблизившись къ повозкѣ, она поцѣловала руку Мацько.

— Такъ это вы?

— Ну да, я. Только приходится на возу лежать, потому что меня нѣмцы подстрѣлили.

— Какіе нѣмцы, вѣдь война была съ татарами? Я это хорошо знаю, потому что не мало просила тату, чтобы онъ взялъ меня съ собой.

— Война была съ татарами, но мы на ней не были, потому что мы передъ этимъ воевали на Литвѣ—и я, и Збышко.

— А гдѣ-же Збышко?

— Такъ ты не узнала Збышко?—со смѣхомъ проговорилъ Мацько.

— Такъ это Збышко?—закричала дѣвушка, снова взглянувъ на молодого рыцаря.

— А какъ-же!

— Поцѣлуй-же его по знакомству,—весело воскликнулъ Зыхъ.

Ягенка съ живостью повернулась къ Збышко, но сейчасъ-же отступила и закрыла лицо руками:

— Мнѣ стыдно...

— Вѣдь мы съ малолѣтства знаемъ другъ-друга!—откликнулся Збышко.

— Ну да! Мы хорошо знаемъ другъ-друга. Я тебя помню! Лѣтъ восемь тому назадъ ты пріѣхалъ къ намъ съ Мацько и покойная мать принесла намъ орѣховъ съ медомъ. А вы, какъ только старшіе вышли изъ комнаты, сейчасъ-же мнѣ кулакомъ въ лицо и всѣ орѣхи одинъ съѣли.

— Теперь онъ этого не сдѣлалъ-бы,—сказалъ Мацько.—Онъ побывалъ у князя Витольда, и въ Краковѣ въ замкѣ тоже побывалъ и знаетъ придворный обычай.

Но Ягнѣ пришло въ голову что-то другое и, обратившись къ Збышко, она спросила:

— Такъ это вы зубра убили?

— Я.

— Пойду посмотрю, гдѣ у него стрѣла торчитъ.

— Не увидите, потому что стрѣла цѣликомъ подъ лопатку ушла.

— Не спорь, оставь,—сказалъ Зыхъ.—Мы всѣ видѣли, какъ ты его застрѣлилъ и мы видѣли еще кое-что, какъ ты въ одинъ мигъ тетиву безъ рукоятки натянулъ.

Ягенка въ третій разъ взглянула на Збышко, но на этотъ разъ ужъ съ изумленіемъ.

— Вы тетиву безъ рукоятки натянули?—спросила она.

Збышко послышалось въ ея голосѣ какое-то недовѣріе, а потому онъ взялъ лукъ, который было раньше спустилъ, уперъ его въ землю и въ одно мгновеніе натянулъ тетиву, такъ что желѣзная оправа заскрипѣла; затѣмъ, желая показать, что знаетъ придворный обычай, онъ, опустившись передъ Ягной на одно колѣно, подалъ его ей. А дѣвушка, вмѣсто того, чтобы принять его, вдругъ покраснѣла сама не зная отчего и начала поправлять свою рубашку, которая разстегнулась отъ быстрой ѣзды.

V.

На другой день послѣ пріѣзда въ Богданецъ, Мацько и Збышко стали осматриваться на своемъ старомъ пепелищѣ и скоро примѣтили, что Зыхъ изъ Згоржелицъ былъ правъ, сказавъ, что сначала у нихъ будетъ много неудобствъ.

Хозяйство шло еще такъ-сякъ. Было нѣсколько лановъ земли, которые обрабатывались прежними крестьянами и тѣми, которыхъ населилъ аббатъ. Когда-то въ Богданцѣ было гораздо больше обрабатываемой земли, но съ тѣхъ поръ, какъ въ битвѣ подъ Пловцами почти весь родъ Градовъ погибъ — сталъ ощущаться большой недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, а послѣ нападенія силезскихъ нѣмцевъ и послѣ войны Гржималитовъ и Наленчанъ, нѣкогда плодородныя поля богданецкія большей частью поросли лѣсомъ. Одинъ Мацько рѣшительно не могъ ничего сдѣлать. Напрасно собирался онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, привлечь свободныхъ кметовъ изъ Кржесни и дать имъ земли на выгодныхъ условіяхъ,—тѣ предпочли остаться на своихъ собственныхъ мхахъ, чѣмъ обрабатывать чужія пашни. Онъ привлекъ однако нѣсколько бездомныхъ людей; въ различныхъ войнахъ онъ набралъ нѣсколько военноплѣнныхъ, которыхъ женилъ, далъ имъ хаты и такимъ образомъ деревня снова ожила. Но

все это съ трудомъ доставалось ему, а потому, когда явилась возможность заложить имѣніе, Мацько тотчасъ же заложилъ весь Богданецъ, совершенно справедливо предполагая, что зажиточному аббату легче всего будетъ устроить хозяйство, и надѣясь, что ему и Збышко удастся на войнѣ раздобыть и людей, и денегъ. Дѣйствительно, аббатъ хозяйничалъ хорошо, рабочую силу Богданца онъ увеличилъ на пять крестьянскихъ семействъ, добавилъ рогатаго скота и лошадей, выстроилъ амбаръ, плетневый хлѣвъ и такую же конюшню. Но, не живя въ Богданцѣ, онъ о домѣ совершенно не заботился, и Мацько, который иногда мечталъ, что возвратившись домой онъ застанетъ замокъ, окруженный рвомъ и частоколомъ, засталъ все въ томъ же видѣ, въ какомъ покинулъ, съ той только разницей, что углы немного покосились, стѣны казались ниже, потому что осѣли и ушли въ землю.

Домъ состоялъ изъ огромныхъ сѣней, двухъ большихъ комнатъ съ каморами и кухни. Въ комнатахъ были окна изъ пузырей, а посерединѣ каждой, на глиняномъ полу, помѣщался очагъ, изъ котораго дымъ выходилъ сквозь щели въ потолкѣ. Потолокъ, теперь совершенно черный, въ лучшія времена служилъ также коптильней, потому что на колышкахъ, вбитыхъ въ балки, прежде вѣшались медвѣжьи, лосьи и кабаньи окорока, оленьи и козьи филеи, бычачьи хребты и цѣлыя связки колбасъ. Но теперь крючки были пусты, а также и полки вдоль стѣнъ, на которыхъ въ другихъ дворахъ обыкновенно размѣщалась оловянная и глиняная посуда. Только стѣны подъ этими полками не казались слишкомъ пустыми, потому что Збышко велѣлъ слугамъ развѣсить на нихъ панцыри, шлемы, короткіе и длинные мечи, рогатины, луки, рыцарскія копья и, наконецъ, топоры и лошадиные чепраки. Оружіе чернѣло отъ дыма и его приходилось часто чистить, но за-то все оно было подъ рукой и, кромѣ того, черви не точили дерева копей, луковъ и сѣкиръ. Дорогую одежду заботливый Мацько велѣлъ перенести въ камору, которая служила ему спальней.

Въ переднихъ комнатахъ, у самыхъ оконъ изъ пузырей, стояли столы, сколоченные изъ сосновыхъ досокъ, и такія же скамьи, на которыхъ господа вмѣстѣ со слугами садились за обѣдъ. Люди, которые за долгіе годы войны отвыкли отъ удобствъ, были не требовательны, но въ Богданцѣ недоставало хлѣба, муки и многихъ другихъ запасовъ и въ особенности посуды. Крестьяне принесли, что могли, но Мацько главнымъ образомъ разсчитывалъ на то, что, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, ему придутъ на помощь сосѣди, и онъ дѣйствительно не ошибся, по крайней мѣрѣ, относительно Зыха изъ Згоржелицъ.

На другой день по возвращеніи, старый хозяинъ сидѣлъ передъ домомъ на колодѣ, пользуясь ясной осенней погодой, когда на дворъ въѣхала Ягенка, сидя на томъ же ворономъ конѣ.

Работникъ, который рубилъ дрова у забора, хотѣлъ помочь ей слѣзть, но она, быстро соскочивъ на землю, подошла къ Мацько, еще нѣсколько запыхавшись отъ быстрой ѣзды и румяная какъ яблочко:

— Слава Богу! Я пріѣхала поклониться вамъ отъ татуси и узнать о вашемъ здоровьѣ.

— Не хуже, чѣмъ было въ дорогѣ,—отвѣчалъ Мацько—по крайней мѣрѣ я выспался у себя, въ собственномъ углу.

— Но, навѣрно, вы испытываете много неудобствъ, а больному необходимъ уходъ.

— Мы не избалованы. Правда, сначала нѣтъ удобствъ, но нѣтъ и нужды. Мы велѣли зарѣзать быка да двухъ овецъ, мяса довольно. Бабы принесли немного муки и яицъ, но этого мало, а больше всего у насъ недостатка въ посудѣ.

— Я велѣла нагрузить два воза. На одномъ двѣ постели и посуда, а на другомъ различные припасы. Тамъ есть лепешки, и мука, и солонина, и сушеные грибы, есть одинъ маленькій боченокъ пива, а другой—меда—и все, что было дома, всего понемногу.

Мацько, который радъ былъ всякому прибавленію въ хозяйствѣ, протянулъ руку и, погладивъ Ягенку по головѣ, сказалъ:

— Да вознаградитъ тебя Богъ и твоего отца. Когда мы устроимся—мы отдадимъ.

— Богъ съ вами! Развѣ мы нѣмцы, чтобы отбирать то, что даемъ?

— Ну, такъ пусть Господь вамъ заплатитъ. Отецъ говорилъ мнѣ о томъ, какая ты хозяйка! ты вѣдь цѣлый годъ Згоржелицами одна управляла?

— Ну, да!.. Если вамъ понадобится еще что-нибудь, такъ пришлите кого-нибудь, только такого, который зналъ-бы что нужно, потому что иной разъ пріѣдетъ глупый слуга и не знаетъ, зачѣмъ его прислали.

Тутъ Ягенка оглянулась вокругъ, а Мацько, замѣтивъ это, усмѣхнулся и спросилъ:

— Кого-же ты ищешь?

— Я никого не ищу!..

— Я завтра пришлю Збышко, пусть онъ за меня поблагодаритъ тебя и отца. Понравился тебѣ Збышко, а?

— Я не разсмотрѣла.

— Ну, такъ разсмотри его теперь, вонъ онъ идетъ сюда.

Дѣйствительно, Збышко шелъ съ водопоя и, увидавъ Ягенку, ускорилъ шагъ. На немъ былъ лосиный кафтанъ и круглая войлочная шапочка, какія надѣваютъ обыкновенно подъ шлемы; волосы его не спрятанные въ сѣточку и ровно подрѣзанные надъ бровями, свободно, золотыми кольцами вились по плечамъ. Онъ быстро приближался, вы-

сокій, красивый и его можно было принять за оруженосца изъ знатнаго дома.

Ягенка совсѣмъ повернулась къ Мацько, показывая этимъ, что она пріѣхала только ради него, но Збышко весело поздоровался съ ней и взявъ ея руку, поднесъ къ своимъ губамъ, несмотря на ея сопротивленіе.

— Зачѣмъ ты цѣлуешь мою руку?—спросила она его:—развѣ я ксендзъ?

— Не сопротивляйтесь! это такой обычай!

— Если-бы даже онъ и другую руку поцѣловалъ за все то, что ты привезла, такъ и это было-бы не лишнее,—вставилъ Мацько.

— А что она привезла?—спросилъ Збышко, оглядываясь вокругъ и не видя ничего, кромѣ вороного коня, привязаннаго къ столбику.

— Возы еще не пришли, но скоро придутъ,—отвѣчала Ягенка.

Мацько началъ перечислять все то, что она привезла, ничего не пропуская, а когда онъ упомянулъ о двухъ постеляхъ, Збышко сказалъ:

— Мнѣ и на зубровой шкурѣ хорошо спать, но спасибо вамъ, что и обо мнѣ вспомнили.

— Это не я, это татуся!..—отвѣчала дѣвушка, краснѣя.—Если вамъ лучше на шкурѣ спать, то вѣдь васъ никто не неволитъ.

— Я привыкъ спать на чемъ придется. На полѣ не разъ случалось послѣ битвы вмѣсто изголовья на мертвомъ крестоносцѣ спать.

— А вы убили хоть одного крестоносца? навѣрное—нѣтъ?

Вмѣсто отвѣта, Збышко началъ смѣяться, а Мацько воскликнулъ:

— Побойся Бога, дѣвушка! Ты значитъ не знаешь его. Онъ ничего другого не дѣлалъ, какъ только билъ нѣмцевъ. Копьемъ, сѣкирой—онъ всѣмъ готовъ, а какъ издали увидитъ нѣмца, такъ хоть на веревку привязывай. Въ Краковѣ онъ было хотѣлъ броситься на посла Лихтенштейна, ему за это чуть головы не отрубили. Я тебѣ и о двухъ фризахъ разскажу, у которыхъ мы взяли свиту и такую богатую добычу, что за половину его можно было-бы Богданецъ выкупить!

И Мацько сталъ разсказывать о поединкѣ съ фризами, а потомъ и о другихъ приключеніяхъ и подвигахъ, какіе имъ пришлось совершить. Приходилось имъ драться изъ-за стѣнъ, и въ открытомъ полѣ, съ сильнѣйшими рыцарями чужихъ краевъ. Дрались съ нѣмцами, дрались съ французами, дрались съ англичанами и бургундцами. Приходилось имъ бывать въ водоворотахъ такихъ битвъ, что кони, люди, оружіе, нѣмцы и перья сбивались въ одинъ клубокъ. И чего только они не видѣли!.. Видѣли замки изъ краснаго кирпича, литовскія деревянныя укрѣпленія и костелы, какихъ нѣтъ по близости отъ Богданца, видѣли города и непроходимыя пущи, въ которыхъ по ночамъ

пищали божки, выгнанные изъ литовскихъ капищъ, и много еще разныхъ, разныхъ чудесъ. И вездѣ, гдѣ дѣло доходило до борьбы, Збышко былъ впереди, такъ что ему дивились самые сильные рыцари.

Ягенка, сидя на колодѣ рядомъ съ Мацько, съ открытымъ ртомъ слушала его разсказы, поворачивая голову,—точно она была у нея на винтахъ—то въ сторону Мацько, то въ сторону Збышко и все съ большимъ удивленіемъ глядѣла на него. И когда Мацько кончилъ, она вздохнула и сказала:

— Хорошо родиться мальчикомъ!

Но Збышко, который во время разсказа тоже внимательно разсматривалъ ее, въ эту минуту думалъ очевидно о чемъ-то другомъ, потому что вдругъ неожиданно сказалъ:

— Ну-же и славная изъ васъ вышла дѣвушка!

А Ягенка не то съ неохотой, не то съ смущеніемъ отвѣчала.

— Приходилось вамъ видѣть и покрасивѣе меня!

Но Збышко, не кривя душой, могъ смѣло сказать ей, что такихъ какъ она, онъ немного видѣлъ, потому что Ягенка прямо сверкала здоровьемъ, молодостью и силой. Старый аббатъ не даромъ говорилъ о ней, что она походитъ отчасти на сосенку, отчасти на калину. Все въ ней было красиво: и стройная фигура, и широкія плечи, и высокая грудь, какъ-бы скованная изъ стали, и красныя уста, и синіе живые глазки. И одѣта она была старательнѣе, чѣмъ наканунѣ, въ лѣсу, на охотѣ. На шеѣ у нея были красныя бусы, кафтанъ, открытый спереди и крытый зеленымъ сукномъ, юбка изъ самотканной матеріи и новые башмаки. Даже старый Мацько замѣтилъ ея красивый нарядъ и, поглядѣвъ на нее, спросилъ:

— А отчего ты такъ нарядилась, словно въ праздникъ?

Но она, вмѣсто отвѣта, стала кричать:

— Возы, возы идутъ...

И когда подъѣхали возы, она побѣжала къ нимъ, а за ней подошелъ и Збышко. Выгруженіе ихъ продолжалось до захода солнца, къ огромному удовольствію Мацько, который каждый предметъ осматривалъ отдѣльно, причемъ всякій разъ расхваливалъ Ягенку. Совсѣмъ уже стемнѣло, когда Ягенка собралась домой. Когда она стала садиться на лошадь, Збышко неожиданно схватилъ ее и посадилъ на сѣдло. Она вся закраснѣлась и, повернувшись къ нему лицомъ, сказала нѣсколько пониженнымъ голосомъ:

— Какой вы сильный...

А Збышко, не замѣтивъ въ темнотѣ ея румянца и смущенія, разсмѣялся и спросилъ:

— А вы не боитесь звѣря? вѣдь уже скоро ночь.

— На возу лежитъ копье, подайте мнѣ его.

Збышко пошелъ къ возу, взялъ копье и передалъ его Ягенкѣ.

— Будьте здоровы!

— Будьте здоровы!

— Да вознаградитъ васъ Богъ! Я пріѣду завтра или послѣзавтра въ Згоржелицы—поклониться Зыху и вамъ, и поблагодарить васъ за услугу.

— Пріѣзжайте! Будемъ рады вамъ!

И тронувъ коня, она черезъ минуту исчезла въ придорожныхъ кустахъ.

Збышко вернулся къ дядѣ.

— Пора вамъ домой идти.

— Эхъ, что за дѣвушка!—отвѣчалъ Мацько, не подымаясь со своего мѣста,—даже на дворѣ отъ нея яснѣе стало.

— Правда!

Наступила минута молчанія. Казалось, Мацько о чемъ-то размышлялъ, глядя на загоравшіяся звѣзды, и потомъ заговорилъ какъ-бы съ самимъ собой.

— И вѣжливая, и хозяйка, хоть ей и не больше пятнадцати лѣтъ...

— Ну да!—сказалъ Збышко,—старый Зыхъ любитъ ее, какъ зеницу ока.

— Онъ говорилъ, что отдастъ за ней Мочидолы, а тамъ на лугахъ есть цѣлое стадо кобылъ съ жеребятами.

— Въ лѣсахъ мочидольскихъ кажется много большихъ болотъ?..

— Да, но въ нихъ есть бобровыя гнѣзда.

Снова наступило молчаніе. Мацько искоса глядѣлъ на Збышко въ продолженіи нѣкотораго времени, а потомъ спросилъ:

— Что такъ задумался? О чемъ?

— Видите-ли... Ягенка такъ напомнила мнѣ Данусю, что у меня даже сердце защемило.

— Пойдемъ домой, — сказалъ вмѣсто отвѣта старый Мацько. — Ужъ поздно.

И онъ съ трудомъ поднялся, опираясь на Збышко, который проводилъ его въ спальню.

На другой день утромъ Збышко поѣхалъ въ Згоржелицы, потому что Мацько очень желалъ этого. Онъ также настаивалъ и на томъ, чтобы племянникъ взялъ съ собой двухъ слугъ и чтобы онъ одѣлся возможно изящнѣе, для того, чтобы выразить этимъ почтеніе и благодарность Зыху. Збышко согласился и поѣхалъ разодѣтый, какъ на свадьбу, въ знакомой намъ бѣлой шелковой курткѣ, обшитой золотой бахромой и вышитой золотыми грифами. Зыхъ принялъ его съ открытыми объятіями, съ радостью и пѣснями. А Ягенка, войдя въ комнату, оста-

новилась у порога, какъ вкопанная и чуть-было не уронила баклаги съ виномъ, при видѣ Збышко. Ей показалось, что пріѣхалъ какой-то королевичъ. Она сразу утратила смѣлость и сидѣла молча, отъ времени до времени протирая себѣ глаза, какъ будто желая очнуться отъ сновидѣнія. Збышко, который былъ недостаточно опытенъ, думалъ, что по неизвѣстнымъ причинамъ, она недовольна, что видитъ его, а потому разговаривалъ только съ Зыхомъ, прославляя его сосѣдскую щедрость и изумляясь згоржелицкому двору, который, дѣйствительно, ни въ чемъ не походилъ на богданецкій.

Здѣсь всюду видѣнъ былъ достатокъ и изобиліе. Въ комнатахъ окна были изъ тоненькаго рога, который былъ такъ прозраченъ, что его почти можно было принять за стекло. По серединѣ комнатъ не было очаговъ, а вмѣсто нихъ были высокіе камины, со стоками по угламъ. Полъ былъ изъ лиственныхъ досокъ, чисто вымытыхъ, а по стѣнамъ—много блюдъ и мисокъ, блестѣвшихъ какъ солнце, а также красиво вырѣзанныхъ полокъ, съ цѣлыми рядами ложекъ, изъ которыхъ двѣ были серебряныя. Кое-гдѣ были развѣшаны ковры, добытыя на войнѣ или купленныя у бродячихъ торговцевъ. Подъ столами лежали огромныя желтыя шкуры туровъ, зубровъ и другихъ звѣрей. Зыхъ охотно показывалъ свое богатство, каждую минуту прибавляя, что все это слѣдствіе хозяйничанья Ягенки. Затѣмъ онъ провелъ Збышко также въ спальную, которая вся была пропитана запахомъ смолы и мяты, и гдѣ на потолкѣ висѣли цѣлые пучки волчьихъ, лисьихъ, куньихъ и бобровыхъ шкуръ. Онъ показалъ ему кладовую, склады воска и меда, бочки съ мукой, склады сухарей, конопли и сушеныхъ грибовъ. Потомъ онъ повелъ его по амбарамъ, конюшнямъ и хлѣвамъ, по сараямъ, гдѣ стояли повозки, охотничьи принадлежности, сѣти—и такъ затуманилъ глаза Збышко своимъ богатствомъ, что тотъ, возвратившись къ ужину, не могъ скрыть своего изумленія.

— Жить бы да не умирать въ вашихъ Згоржелицахъ!

— А въ Мочидолахъ почти тѣ же порядки,—отвѣчалъ Зыхъ.— Помните Мочидолы? Это ближе къ Богданцу. Въ былыя времена наши предки спорили о границѣ и посылали другъ другу вызовы, но я не буду ссориться.

Тутъ онъ чокнулся съ Збышко кубкомъ меда и спросилъ:

— А можетъ быть ты хотѣлъ бы спѣть что-нибудь?

— Нѣтъ!—отвѣчалъ Збышко,—мнѣ пріятно васъ слушать!

— Згоржелицы, видишь-ли ты, достанутся медвѣжаткамъ. Лишь-бы только они не перессорились изъ-за этого!..

— Какіе медвѣжатки?

— Да, мальчуганы, братья Ягенки.

— Ого! имъ не придется зимой лапу сосать!

— Ну да—нѣтъ. Но и у Ягенки въ Мочидолахъ не будетъ запрету...

— Навѣрное...

— Отчего ты не ѣшь и не пьешь? Ягенка, налей ему и мнѣ.

— Я пью и ѣмъ, сколько могу.

— Если не можешь,—распояшься... какой красивый поясъ! Вамъ навѣрно и на Литвѣ пришлось взять хорошую добычу?

— Жаловаться нечего! — отвѣчалъ Збышко, пользуясь удобнымъ случаемъ, чтобы показать, что и владѣльцы Богданца не были бѣдняками.

— Часть добычи мы продали въ Краковѣ и получили сорокъ гривенъ серебра.

— Побойся Бога! Вѣдь за эти деньги можно землю купить!

— Тамъ было одно медіоланское вооруженіе, которое дядя, въ ожиданіи своей смерти, продалъ, вѣдь вы знаете...

— Знаю! что значитъ на Литвѣ побывать! Когда-то я собирался туда, но боялся.

— Чего? крестоносцевъ?

— Эхъ, кто же нѣмцевъ боится! Пока не убьютъ тебя, такъ нечего бояться! А когда убьютъ,—такъ бояться ужъ поздно. Боялся я всякихъ языческихъ боговъ или чертей. Въ лѣсахъ ихъ такъ много,—какъ муравьевъ.

— А куда имъ дѣваться, коли ихъ капища пожгли?.. Прежде у нихъ было всего вдоволь, а теперь они только и живутъ, что грибами да муравьями.

— Я самъ не видѣлъ, но слышалъ, что люди видѣли... Высунутъ-это они свою косматую лапу, да и трясутъ ею изъ-за дерева, чтобы имъ дали что-нибудь...

— И Мацько тоже самое разсказывалъ!—вмѣшалась Ягенка.

— А какъ-же! онъ и мнѣ разсказывалъ это дорогой, — прибавилъ Зыхъ.—Ну! не диво! Вѣдь и у насъ, хоть это давно христіанская страна, часто въ лѣсахъ что-то хохочетъ, да и по домамъ,—что тамъ ксендзы не говори, — всегда лучше на ночь оставлять миску съ ѣдой, потому что иначе они тебѣ всю ночь въ стѣну царапать будутъ, такъ что ты и глазъ не сомкнешь!.. Ягенка! поставь-ка, дочка, миску у порога!

Ягенка взяла глиняную миску съ клецками и съ творогомъ и поставила ее у порога.

— Ксендзы кричатъ, угрожаютъ!—продолжалъ Зыхъ.—А вѣдь у Христа славы не убудетъ отъ десятка клецокъ, а нечистая сила—лишь бы была сыта и довольна,—и отъ огня, и отъ злодѣя спасетъ! — И обратившись къ Збышко, онъ прибавилъ:—но ты можетъ быть распояшешься и попоешь немного?

— Спойте-ка вы, потому что я вижу, что вамъ давно хочется этого. Или можетъ быть панна Ягенка споетъ?

— Мы будемъ пѣть поочереди,—сказалъ обрадованный Зыхъ. — У насъ есть здѣсь мальчикъ, который можетъ намъ вторить на деревянной дудкѣ. Позвать его!

Мальчикъ пришелъ, сѣлъ на скамью и, вложивъ въ ротъ «пищалку» и разложивъ на ней пальцы, сталъ оглядывать присутствующихъ, ожидая, кому онъ долженъ вторить. А они всѣ стали смотрѣть другъ на друга, потому что никто не хотѣлъ начинать первый. Наконецъ Зыхъ велѣлъ Ягенкѣ показать примѣръ и она, хотя ей очень стыдно было Збышка, поднялась со скамейки, положила руки подъ фартукъ и начала:

«Gdybym ci ja miała
Skrzydłeczka jak gąska;
Poleciałabym ja
Za Jaskiem do Szląska!..

Збышко широко раскрылъ глаза, поднялся и закричалъ:

— Откуда вы знаете эту пѣсню?

Ягенка съ изумленіемъ взглянула на него.

— Вѣдь всѣ знаютъ ее... А что?

А Зыхъ, который рѣшилъ, что Збышко подвыпилъ, обратилъ къ нему свое обрадованное лицо и сказалъ:

— Распояшься! тебѣ сейчасъ же легче будетъ!

Збышко продолжалъ стоять съ измѣнившимся лицомъ, но потомъ, овладѣвъ собой, онъ обратился къ Ягенкѣ:

— Простите. Мнѣ вдругъ вспомнилось что-то. Продолжайте.

— Можетъ быть вамъ грустно слушать?

— Ахъ, нѣтъ!—дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ онъ.—Я бы охотно всю ночь слушалъ эту пѣсню.

Сказавъ это, онъ сѣлъ, и закрывъ лицо руками смолкъ, не желая проронить ни слова.

Ягенка запѣла другой куплетъ, но заканчивая увидѣла крупныя слезы, катившіяся по пальцамъ Збышко.

Она съ живостью приблизилась къ нему и, сѣвъ рядомъ, толкнула его локтемъ:

— Что съ вами? Я не хочу, чтобы вы плакали. Скажите, что съ вами?

— Ничего, ничего!.. — отвѣтилъ Збышко со вздохомъ, — много пришлось бы разсказывать... Что было, то прошло. Мнѣ ужъ веселѣе стало.

— А можетъ быть, вы выпили-бы сладкаго вина?

— Молодецъ дѣвка!—воскликнулъ Зыхъ.—Зачѣмъ вы другъ другу говорите: вы? Называй его Збышко, а ты ее—Ягенка! Вѣдь вы знаете

другъ друга съ дѣтства... —и обратившись къ дочери: А что онъ тебя когда-то отколотилъ, это ничего!.. теперь онъ этого не сдѣлаетъ.

— Не сдѣлаю! — весело отвѣчалъ Збышко. — Пусть она побьетъ меня за то, если хочетъ.

И Ягенка, желая окончательно развеселить его, сжала кулакъ и смѣясь начала въ шутку бить его.

— На вотъ тебѣ за мой разбитый носъ! на тебѣ, на тебѣ!

— Вина!—закричалъ разгулявшійся владѣлецъ Згоржелицъ.

Ягенка побѣжала въ каморку и черезъ минуту вынесла оттуда баклагу съ виномъ, два красивыхъ кубка съ вытисненными серебряными цвѣтами, работы вроцлавскихъ мастеровъ, и двѣ головки сыра, запахъ котораго доносился издалека.

Зыха, у котораго уже шумѣло въ головѣ, все это совершенно растрогало, и онъ схватилъ кувшинъ, прижалъ его къ груди и очевидно принимая его за Ягенку, заговорилъ:

— О! доченька ты моя! о несчастная сирота! что я горькій буду дѣлать въ Згоржелицахъ, когда тебя заберутъ у меня! что я буду дѣлать!..

— А вѣдь ее придется скоро отдать!—закричалъ Збышко.

Зыха въ одно мгновеніе отъ растроганности перешелъ къ смѣху:

— Ха-ха-ха! Дѣвкѣ всего пятнадцать лѣтъ, а ее ужъ къ мужчинамъ тянетъ!.. Ужъ издали завидитъ, такъ не знаетъ, что дѣлать!

— Татуся! я уйду!..—сказала Ягенка.

— Не уходи! съ тобой хорошо... —и онъ съ таинственнымъ видомъ моргнулъ Збышко:

— Тутъ ихъ двое пріѣзжаетъ: одинъ—молодой Волкъ изъ Бржозовой, а другой Чтанъ [1]) изъ Роговой. Еслибы они застали тебя здѣсь, такъ сейчасъ же начали бы на тебя рычать, какъ они и другъ на друга рычатъ.

— Ого!—отвѣчалъ Збышко, и обратившись къ Ягенкѣ, заговорилъ съ ней на ты, какъ приказалъ Зыхъ:

— А ты котораго предпочитаешь?

— Никого.

— Волкъ сердитый малый,—замѣтилъ Зыхъ.

— Пусть воетъ гдѣ-нибудь въ другой сторонѣ.

— А Чтанъ?.

Ягенка разсмѣялась:

— У Чтана,—сказала она, обращаясь къ Збышко,—такіе усы, какъ у козла, даже глазъ не видно, и сала у него столько, сколько у медвѣдя.

---

[1]) Сокращенное Пржецлавъ.

Збышко ударилъ себя по головѣ, какъ бы вдругъ вспомнивъ что-то, и спросилъ:

— Если вы ужъ такіе добрые, такъ я васъ попрошу еще объ одномъ дѣлѣ: нѣтъ ли у васъ въ домѣ медвѣжьяго сала? Дядѣ оно нужно на леченье, а въ Богданцѣ я не могъ достать.

— Было! — сказала Ягенка, — но парни на дворъ вынесли для смазки луковъ—а собаки все съѣли. Какъ жаль!

— Ничего не осталось?

— До чиста вылизано.

— Ну, такъ нечего дѣлать, придется въ лѣсу поискать.

— Сдѣлайте облаву, въ медвѣдяхъ недостатка нѣтъ, а если вамъ нужны охотничьи снаряды, мы дадимъ.

— Гдѣ мнѣ ждать. Пойду ночью подъ улья.

— Возьмите человѣкъ пять охотниковъ; между ними есть ловкіе.

— Нѣтъ, я не пойду съ людьми, потому что они мнѣ еще звѣря спугнутъ.

— Такъ какъ же, вы пойдете съ лукомъ?

— Что я буду съ лукомъ въ темнотѣ дѣлать? Мѣсяцъ ужъ не свѣтитъ. Возьму я рогатины, здоровую сѣкиру и пойду завтра одинъ.

Ягенка смолкла на одно мгновеніе и на лицѣ ея выразилось безпокойство:

— Въ прошломъ году пошелъ отъ насъ охотникъ Бездухъ и медвѣдь разорвалъ его. Это не безопасное дѣло, потому что онъ какъ увидитъ, что человѣкъ одинъ, а тѣмъ болѣе подъ ульями, такъ сейчасъ же на заднія лапы встаетъ.

— Вѣдь если бы онъ бѣжалъ, такъ его нельзя было-бы догнать— отвѣчалъ Збышко.

А тѣмъ временемъ Зыхъ, который вздремнулъ было, вдругъ проснулся и запѣлъ:

A ty Kuba od roboty!
A ja Maciek od ochoty
Jdź-że rano z sochą w polę
A ja z Kasią w zytko wolę
Hoc! Hoc! [1]).

Потомъ онъ обратился къ Збышко:

— Знаешь, ихъ тутъ двое: Волкъ изъ Бржозовой и Чтанъ изъ Рогова... А ты...

---

[1]) Ты, Куба, на работу,
А я, Мацько, для удовольствія
Иди-же рано въ поле съ сохой
А я съ Касей пойду въ жито.
Гопъ! гопъ!

Но Ягенка, боясь, чтобы онъ не сказалъ чего-нибудь лишняго, быстро подошла и стала разспрашивать:

— Ты когда пойдешь? Завтра?

— Завтра, послѣ захода солнца.

— А къ какимъ ульямъ?

— Къ нашимъ, Богданецкимъ, что недалеко отъ вашей границы, у Радзиноваго болота. Мнѣ сказали, что тамъ мишекъ не мало.

VI.

Збышко, какъ собирался, такъ и отправился на медвѣдя, потому тчо Мацько чувствовалъ себя значительно хуже. На первыхъ порахъ его поддерживала радость и хлопоты по дому, но на третій день къ нему возвратился жаръ и боль въ боку возобновилась съ такой силой, что онъ принужденъ былъ лечь. Сначала Збышко отправился днемъ, оглядѣлъ улья, увидѣлъ, что неподалеку на болотѣ есть огромный слѣдъ и разговорился съ пчельникомъ Ваврикомъ, который спалъ по близости въ шалашѣ, вмѣстѣ съ двумя злыми подгальскими овчарками, но теперь, въ виду осенняго времени долженъ былъ вскорѣ переселиться въ деревню.

Они вмѣстѣ разбросали шалашъ, взяли собакъ, тамъ и сямъ обмазали пни медомъ, для того чтобы запахъ его привлекъ звѣря, потомъ Збышко возвратился домой и сталъ готовиться на ночь. Онъ одѣлся въ лосиный кубракъ безъ рукавовъ, на голову надѣлъ проволочную шапку, чтобы медвѣдь не могъ содрать ему волосъ съ головы, взялъ крѣпко окованныя двузубыя рогатины и стальную сѣкиру, широкую, на дубовомъ топорищѣ. Къ вечернему удою, онъ былъ ужъ у цѣли и, выбравъ удобное мѣсто, перекрестился и сталъ ждать.

Красноватые лучи заходящаго солнца просвѣчивали сквозь вѣтви хвоевъ. По верхушкамъ сосенъ скакали вороны, каркая и хлопая крыльями; по временамъ зайцы пробирались къ водопою, шумя опадающими желтыми листьями.

Въ чащѣ еще раздавалось щебетанье пташекъ, утихвшее понемногу.

До самаго захода, лѣсъ все еще не успокаивался. Мимо Збышко прошло цѣлое стадо кабановъ, съ страшнымъ шумомъ и хрюканьемъ, потомъ длинной проскакали цѣпью лоси, положивъ другъ-другу головы на хвостъ. Сухія вѣтви трещали подъ ихъ копытами и весь лѣсъ звенѣлъ, а онѣ, отливаясь на солнцѣ красноватымъ свѣтомъ, пробирались къ болоту, гдѣ для нихъ ночью было безопасно и удобно. На небѣ заря разгорѣлась—верхушки сосенъ казались пылающими, и понемногу свѣтъ сталъ гаснуть. Боръ отходилъ ко сну. Съ земли къ небу подымались сумерки, и лучистая заря постепенно ослабѣвала засыпала, темнѣла и гасла.

«Теперь будетъ тихо, до тѣхъ поръ, пока волки не откликнутся»,— подумалъ Збышко.

Онъ, однако, сожалѣлъ, что не взялъ съ собой лукъ, потому что ему ничего не стоило-бы убить кабана или лося. А тѣмъ временемъ со стороны болота доходили еще какіе-то полузатерянные звуки, похожіе на тяжелые стоны и свистъ. Збышко съ нѣкоторымъ недовѣріемъ поглядывалъ на это болото, потому что крестьянинъ Радзикъ, который когда-то жилъ здѣсь въ земляной хижинѣ, пропалъ въ этомъ болотѣ вмѣстѣ со всей своей семьей, какъ будто провалился сквозь землю. Одни говорили, что ихъ похитили разбойники; были и такіе, которые утверждали, что видѣли рядомъ съ хижиной какіе-то странные слѣды, не людскіе и не звѣриные, и люди покачивали головами и даже придумали позвать изъ Кжесна ксендза, чтобы онъ окропилъ святой водой эту хижину. Но до этого не дошло потому что не нашлось никого, кто пожелалъ-бы жить здѣсь, и хату, или лучше сказать глину съ плетеныхъ стѣнъ размыли съ теченіемъ времени дожди, и съ тѣхъ поръ это мѣсто пользовалось дурной славой. Правда, Ваврикъ пчеловодъ, который ночевалъ лѣтомъ въ шалашѣ, не обращалъ на это вниманія, но и объ этомъ Ваврикѣ шли различные слухи. Збышко, имѣя при себѣ рогатины и сѣкиру, не боялся дикихъ звѣрей, но зато съ безпокойствомъ думалъ о нечистой силѣ и радъ былъ, когда смолкли всѣ голоса.

Послѣдніе отблески зари исчезли и наступила полнѣйшая ночь. Вѣтеръ стихъ и даже въ верхушкахъ сосенъ не слышно было обычнаго шума. Отъ времени до времени падала шишка, и среди полной тишины особенно рѣзко выдѣлялся звукъ ея паденія на землю. Но въ общемъ было такъ тихо, что Збышко слышалъ собственное дыханіе.

Такъ просидѣлъ онъ довольно долго, сначала думая о медвѣдѣ, который могъ придти каждую минуту, а потомъ мысли его обратились къ Данусѣ, которая вмѣстѣ съ мазовецкимъ дворомъ ѣхала въ далекіе края. Вспомнилось ему, какъ онъ схватилъ ее на руки въ минуту разлуки съ княгиней, какъ у нея по личику катились слезы, вспомнилось ему ея румяное личико, ея простоволосая головка, ея вѣночекъ и пѣсни, ея башмачки съ длинными носками, которые онъ цѣловалъ при прощаніи; вспомнилось все, что произошло съ той минуты, какъ они встрѣтились, и его охватило такое горе, такая тоска, что онъ углубился въ свои чувства и совершенно забылъ, что онъ въ лѣсу, что поджидаетъ звѣря, и только повторялъ про себя:

— Пойду я къ тебѣ, потому что не могу я жить безъ тебя.—И онъ чувствовалъ, что это правда, что онъ долженъ былъ ѣхать въ Мазовію, потому что иначе засохнетъ въ Богданцѣ. Вспомнился ему Юрандъ и его странное упорство, но тутъ-же онъ подумалъ, что тѣмъ болѣе надо ему ѣхать,

чтобы разузнать эту тайну, эти препятствія и нельзя-ли какъ-нибудь устранить ихъ съ помощью борьбы на смерть. Подъ конецъ ему даже почудилось, что Дануся протягиваетъ къ нему руки и зоветъ его: «ко мнѣ, Збышко, ко мнѣ!» Ну какъ-же ему не идти къ ней!

И онъ не спалъ, а такъ явственно видѣлъ её, какъ-бы въ видѣніи, или во снѣ. Ѣдетъ Дануся рядомъ съ княгиней, играетъ на лютнѣ, поетъ, а думаетъ о немъ. Думаетъ, что скоро увидитъ его, а можетъ быть и оглядывается, не скачетъ-ли онъ за ними, а тѣмъ временемъ онъ въ темномъ лѣсу.

Тутъ Збышко очнулся и очнулся онъ нетолько потому, что онъ вспомнилъ про темный лѣсъ, но также и потому, что издалека, позади него, раздался какой-то шелестъ.

Онъ крѣпче сжалъ рогатину, насторожился и началъ слушать.

Шелестъ приближался и черезъ нѣкоторое время сталъ совсѣмъ явственный. Трещали сухія вѣтки подъ чьей-то осторожной ногой, шуршали опадшіе листья... Что-то шло.

На мгновеніе шелестъ прекращался, какъ-будто звѣрь останавливался подъ деревьями, и тогда наступала такая тишина, что у Збышко начинало въ ушахъ звенѣть—потомъ снова раздавались медленные, разсчитанные шаги. Въ общемъ-же эти шаги были такіе осторожные, что Збышко охватило изумленіе.

— Вѣроятно старый боится собакъ, которыя были тутъ у шалаша,—сказалъ онъ себѣ,—а можетъ это волкъ, который почувствовалъ меня здѣсь.

Между тѣмъ шаги смолкли. Однако, Збышко ясно слышалъ, какъ что-то остановилось за двадцать-тридцать шаговъ отъ него и какъ-бы присѣло. Онъ раза два оглянулся, но ничего не разглядѣлъ, хотя пни выдѣлялись довольно ясно. Приходилось ждать.

И онъ ждалъ такъ долго, что изумленіе во второй разъ охватило его.

— Медвѣдь вѣдь не спать пришелъ сюда подъ улей, а волкъ ужъ почуялъ бы меня и тоже не сталъ бы ждать до утра.

И дрожь пробѣжала по его тѣлу.

А вдругъ какая-нибудь нечисть вылѣзла изъ болота да и подходитъ къ нему сзади? Вдругъ сзади схватятъ его скользкія руки утопленника или глянутъ ему въ глаза зеленые глаза упыря, вдругъ за нимъ расхохочется кто-нибудь, или высунется изъ за сосны сѣдая голова на паучиныхъ ногахъ?

И онъ почувствовалъ, какъ подъ проволочной шапкой волосы его подымаются дыбомъ.

Но черезъ минуту шелестъ раздался впереди его и на этотъ разъ явственнѣе, чѣмъ прежде. Збышко вздохнулъ свободнѣе. Хотя онъ и

допускалъ, что это самое «диво» обошло вокругъ него и теперь приближается спереди, но этого онъ даже желалъ. Онъ схватилъ рогатину, тихонько поднялся и ждалъ.

Въ эту минуту онъ услышалъ надъ своей головой шумъ сосенъ, на лицѣ ощутилъ вѣтеръ, дувшій со стороны болота и одновременно до его обонянія донесся запахъ медвѣдя.

Теперь не было ни малѣйшаго сомнѣнія: шелъ мишка!

Въ одно мгновеніе Збышко пересталъ бояться и, склонивъ голову насторожилъ зрѣніе и слухъ. Шаги приближались, тяжелые, явственные, запахъ усиливался; скоро послышалось сопѣнье и ворчанье.

— Лишь бы только не двое шло!—подумалъ Збышко.

Но въ эту минуту онъ увидѣлъ предъ собой огромную темную фигуру звѣря, который шелъ по вѣтру, а потому до послѣдней минуты не могъ почуять его, тѣмъ болѣе, что его всецѣло занималъ запахъ меда, которымъ были обмазаны пни.

— Сюда, дядя!—закричалъ Збышко, вылѣзая изъ подъ сосны.

Медвѣдь коротко зарычалъ, какъ бы изумленный неожиданнымъ зрѣлищемъ, но человѣкъ былъ слишкомъ быстръ, чтобы спасаться бѣгствомъ, а потому онъ въ одно мгновеніе поднялся на заднія лапы и раскрылъ переднія, какъ бы для объятій. Этого именно и ждалъ Збышко. Онъ напрягъ всю свою силу, скакнулъ, быстрый какъ молнія, и все, силой своихъ могучихъ рукъ и собственной тяжестью всадилъ рогатину въ грудь звѣря.

Весь лѣсъ задрожалъ отъ отчаяннаго рева. Медвѣдь схватилъ рогатину лапами, желая вырвать ее, но крючки не позволили и, почувствовавъ боль, онъ закричалъ еще страшнѣе. Желая достичь Збышко, онъ навалился на рогатину и еще сильнѣе всадилъ ее въ себя. Збышко, не зная, достаточно ли глубоко прошла рогатина, не выпускалъ рукоятки. Человѣкъ и звѣрь стали тащить и метать другъ друга. Лѣсъ дрожалъ отъ рева, въ которомъ слышно было отчаяніе и ужасъ.

Збышко не могъ снять топора, пока другой заостренный конецъ рогатины не былъ вбитъ въ землю, а медвѣдь, схватившись лапами за древко, сталъ качать его и Збышко, какъ бы понимая важность этого,—и, несмотря на боль, которую вызывало каждое движеніе его, не давалъ себя «подпереть». Такимъ образомъ страшная борьба продолжалась—и Збышко понялъ, что силы его скоро исчерпаются. Онъ могъ упасть, а въ такомъ случаѣ онъ навѣрное погибъ бы, и потому онъ собрался съ послѣдними силами, напрягъ руки, разставилъ ноги, выгнулъ хребетъ, какъ лукъ, чтобы не повернуться на спину, и въ забытьѣ сталъ повторять сквозь стиснутые зубы:

— Моя смерть, или твоя!..

Въ концѣ концовъ его охватилъ такой гнѣвъ, такая злость, что

въ эту минуту онъ скорѣе согласился бы самъ погибнуть, чѣмъ выпустить звѣря. Наконецъ, задѣвъ ногой за корень сосны, онъ зашатался и навѣрное упалъ бы, если бы въ эту минуту передъ нимъ ни очутилась фигура—и другая рогатина ни подперла-бы животное. Одновременно какой-то голосъ закричалъ надъ самымъ ухомъ:

— Сѣкирой его!..

Збышко въ пылу борьбы не остановился ни на одно мгновеніе и не подумалъ о томъ, откуда приходитъ къ нему неожиданная помощь, а вмѣсто того хватилъ его сѣкирой и рубилъ страшно на всѣ стороны. Треснула рогатина, сломанная подъ тяжестью, и въ послѣднихъ судорогахъ звѣрь свалился на землю, какъ бы пораженный молніей,—и захрипѣлъ. Но тотчасъ же смолкъ онъ. Наступила тишина, прерываемая лишь громкимъ дыханіемъ Збышко, который облокотился на сосну, потому что ноги подламывались подъ нимъ. Только спустя нѣкоторое время онъ поднялъ голову, взглянулъ на фигуру, стоящую рядомъ съ нимъ, и испугался, подумавъ, что это, быть можетъ, не человѣкъ.

— Кто это?—спросилъ онъ тревожно.

— Ягенка!—отвѣчалъ тоненькій женскій голосокъ.

Збышко онѣмѣлъ отъ изумленія, не вѣря собственнымъ глазамъ. Но сомнѣнія его продолжались не долго, потому что снова послышался голосъ Ягенки.

— Я высѣку огонь...

Въ ту-же минуту раздался звукъ огнива о кремень, посыпались искры и при ихъ мелькающемъ свѣтѣ Збышко увидалъ бѣлое чело. темныя брови и красныя губы, которыми она раздувала затлѣвшееся огниво. Только теперь онъ понялъ, что она пришла въ этотъ мигъ, чтобы помочь ему, что безъ нея ему пришлось-бы плохо—и онъ почувствовалъ къ ней такую благодарность, что, не думая долго, обнялъ ее и расцѣловалъ въ обѣ щеки. А у нея изъ рукъ выпали трутъ и огниво.

— Пусти! что съ тобой?—начала она повторять смущеннымъ голосомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она не отстранялась отъ него и даже какъ-бы нечаянно губами коснулась губъ Збышко.

Онъ выпустилъ ее и сказалъ:

— Богъ тебѣ заплатитъ! Не знаю, что было-бы со мной, если-бы тебя не было здѣсь.

А Ягенка, склонившись въ темнотѣ, чтобы отыскать трутъ и огниво, начала объяснять:

— Я боялась за тебя, потому что и Бездухъ пошелъ съ рогатиной и сѣкирой и медвѣдь ободралъ его. Если бы что случилось, чего Боже сохрани, Мацько было-бы очень грустно. Онъ и безъ того еле дышетъ... Ну, такъ я взяла вилы и пошла.

— Такъ это ты тамъ за соснами ходила? А я думалъ, что это нечистая сила.

— И я порядочно-таки боялась, потому что здѣсь у Радзиковскаго болота нехорошо быть ночью безъ огня.

— Чего-же ты не откликнулась?

— Потому что я боялась, что ты прогонишь меня.

И сказавъ это, она снова принялась высѣкать огонь и положила на трутъ пучекъ сучьевъ, которые сейчасъ запылали яркимъ пламенемъ.

— У меня есть лучина, а ты набери сухого дерева, — сказала она,—у насъ будетъ огонь.

Черезъ нѣсколько минутъ затрещалъ веселый костеръ, свѣтъ котораго освѣтилъ огромное бурое тѣло медвѣдя, лежащаго въ цѣлой лужѣ крови.

— Ловкое дѣло!—съ нѣкоторой хвастливостью воскликнулъ Збышко.

— Вся голова разсѣчена! Ахъ, Господи!

И сказавъ это, Ягенка засунула всю руку въ медвѣжью шкуру, чтобы убѣдиться, достаточно-ли въ немъ сала, и поднялась съ веселымъ лицомъ.

— Въ немъ сала на цѣлыхъ два года хватитъ!

— А рогатина-то сломана, гляди!

— Въ этомъ-то и горе! Что я дома скажу?

— А что?

— Татуся ни за что не пустилъ-бы меня въ лѣсъ, а потому я должна была ждать, пока всѣ ни улягутся. Ты не говори, что я здѣсь была, чтобы надо мной не смѣялись.

— Я тебя провожу до самаго дома, потому что еще пожалуй волки нападутъ на тебя, а рогатины у тебя нѣтъ.

— Ну хорошо!

И они бесѣдовали такъ при веселомъ свѣтѣ костра, надъ трупомъ медвѣдя, похожіе на какихъ-то лѣсныхъ духовъ.

Збышко взглянулъ на милое лицо Ягенки, освѣщенное пламенемъ, и съ невольнымъ изумленіемъ сказалъ:

— Другой такой дѣвушки, какъ ты, на всемъ свѣтѣ не найти. Тебѣ-бы на войну ходить.

Она взглянула ему прямо въ очи и потомъ почти грустно сказала:

— Я знаю... Но ты не смѣйся надо мной!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Реформа адвокатуры.

На дняхъ Мантегаца пополнилъ циклъ своихъ произведеній новой книгой, которая во французскомъ переводѣ носитъ заглавіе: «Comment se marier?» Книга набита забавными, а иногда серьезными размышленіями, изложенными въ формѣ совѣтовъ своей дочери. Желая подѣлиться своей житейской опытностью, Мантегаца характеризуетъ своей дочери жениховъ, принадлежащихъ къ разнымъ общественнымъ классамъ и самымъ разнообразнымъ профессіямъ. Изъ всѣхъ профессій наиболѣе суровый приговоръ выпалъ на долю адвокатской профессіи. «Если бы меня спросили,—говоритъ Мантегаца,—какая изъ націй является наиболѣе нравственной, то я безъ всякихъ колебаній отвѣтилъ бы: та, которая имѣетъ наименьшее число адвокатовъ, не только потому, что они являются символомъ безнравственности народа и вынуждены возиться съ ворами, мошенниками, разбойниками и всѣми видами преступнаго люда, но потому, что они могутъ жить только на счетъ безнравственности другого. Они являются настоящими *бациллами соціальной коррупціи*».

Сами «бациллы соціальной коррупціи», конечно, съ негодованіемъ отвергнутъ такую квалификацію ихъ общественнаго призванія. Они имѣютъ свое прошлое, которое далеко не во всѣхъ странахъ совпадаетъ съ прошлымъ русской адвокатуры до введенія судебной реформы. Вѣдь Наполеонъ имѣлъ свои основанія ненавидѣть адвокатовъ. По поводу предложеннаго ему декрета объ адвокатскомъ самоуправленіи, онъ писалъ Камбасаресу: «Декретъ безсмысленъ. Онъ исключаетъ всякое вліяніе, всякое дѣйствіе противъ нихъ (адвокатовъ). Это—мятежники, изобрѣтатели всякаго преступленія и измѣны; и пока я ношу шпагу, я никогда не допущу подобнаго декрета. Я хочу, чтобы можно было отрѣзать языкъ тому адвокату, который воспользуется имъ противъ правительства».

Должно быть своимъ языкомъ адвокаты порядочно надоѣли Наполеону въ ту эпоху, когда онъ проходилъ всѣ стадіи своей карьеры, кончая императорскимъ трономъ. Его гнѣвъ и негодованіе могутъ служить лишь яркой характеристикой возможной политической роли «бациллъ соціальной коррупціи». Наполеонъ, навѣрно, пришелъ бы въ восторгъ отъ той аттестаціи, какую выдалъ адвокатамъ Мантегаца, и приказалъ бы афишировать ее во всѣхъ городскихъ и сельскихъ мэріяхъ, дабы народъ имѣлъ угодное ему представленіе о тѣхъ людяхъ, которые успѣли себѣ завоевать кличку борцовъ за правду и свободу.

Вспоминая прошлое и принимая во вниманіе политическую роль адвокатуры въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, Мантегаца отнесся бы съ большей осторожностью къ роняемымъ имъ словамъ. Ему не мѣшало бы глубже вникнуть въ вопросъ о томъ, что даетъ адвокатурѣ право на существованіе при данномъ общественномъ и государственномъ строѣ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, ему не мѣшало бы расчленить вопросъ о соціальномъ значеніи адвокатуры и показать при какихъ условіяхъ адвокатура остается адвокатурой и при какихъ— она превращается въ семью «бациллъ соціальной коррупціи».

Подробное выясненіе всѣхъ тѣхъ условій современнаго строя, которыя оправдываютъ существованіе адвокатуры, вывело бы насъ далеко за предѣлы журнальной статьи. До тѣхъ поръ, пока за одними признается право сажать въ тюрьму, ссылать на каторгу и разстрѣливать, до тѣхъ поръ за другими должно быть признаваемо право защищать жертвы, обильно возносимыя на алтарь «правосудія». Во Франціи ордонансомъ 1670 года подсудимые были лишены помощи защитниковъ даже при обвиненіяхъ въ такихъ преступленіяхъ, за которыя полагалась смертная казнь. Въ 1790 г. учредительному собранію пришлось выслушать не мало рѣчей на тему объ «естественныхъ правахъ гражданъ», попранныхъ ордонансомъ 1670 года. Отстаивая эти права, Робеспьеръ говорилъ: «Кому, спрашивается, принадлежитъ право защищать гражданъ? Имъ самимъ или вмѣсто нихъ тѣмъ, кого они признаютъ достойными своего довѣрія. Право это основано на самыхъ простыхъ началахъ здраваго смысла и справедливости; оно есть не болѣе, какъ необходимое и непререкаемое *право самообороны*. Если мнѣ не будетъ дозволено защищать мою честь, мою жизнь, мою свободу, когда я хочу и могу это сдѣлать самъ или, въ противномъ случаѣ, если мнѣ будетъ запрещено ввѣрить защиту мою тому, на кого я смотрю, какъ на человѣка наиболѣе просвѣщеннаго, великодушнаго, гуманнаго,—человѣка, горячо принимающаго къ сердцу мои интересы, если, говорю, вы запретите мнѣ это, тогда вы заразъ оскверните священный законъ природы и справедливости и извратите всѣ отношенія общественнаго порядка».

Государство признаетъ за собою право карать и наказывать и это

право не можетъ найти для себя опору въ какомъ бы то ни было, священномъ законѣ природы. И пока государство пользуется этимъ правомъ противъ частныхъ лицъ съ такой свободой, которая ничѣмъ не ограничена,—долженъ быть допущенъ хотя нѣкоторый коррективъ этой свободы въ видѣ института свободной адвокатуры. Адвокатура, такимъ образомъ, имѣетъ за собою иную опору, кромѣ «безнравственности другого», и живетъ не за счетъ этой безнравственности, а является коррективомъ къ безграничному праву государства на наказаніе. Ордонансъ 1670 г. можетъ служить яркимъ примѣромъ того, съ какой охотой государство желаетъ расправляться съ объектами своей карающей власти безъ вмѣшательства адвокатуры и съ какой неохотой оно допускаетъ это вмѣшательство.

Само собою понятно, что государство всего охотнѣе мирится съ адвокатурой, связанной по рукамъ и по ногамъ. Независимая же и свободная адвокатура—это уже продуктъ борьбы индивида за свои права и одна изъ гарантій правъ личности и индивидуальной свободы. Предназначенная отстаивать свободу и независимость личности всѣхъ тѣхъ, кого государству угодно признавать представителями «преступнаго люда», адвокатура можетъ жить и развиваться нормально только на почвѣ свободы и независимости. «Безъ независимости, говоритъ Жюль Беркье, нѣтъ адвокатуры. Какъ только она можетъ быть подчинена, ее не существуетъ болѣе, и тѣсно связанное съ адвокатурой священное право защиты гибнетъ, какъ скоро она бываетъ лишена свободы. Если вы хотите знать, существуетъ ли въ извѣстной странѣ адвокатура, есть ли въ ней истинные адвокаты,—для этого вамъ не нужно справляться о существованіи тамъ судовъ, достаточно взглянуть только на порядокъ государственнаго управленія этой страны. Тамъ, гдѣ царитъ деспотизмъ, т. е. право сильнаго, тамъ признается естественное право защиты и невозможно служеніе адвоката»[1]. Само собою понятно—служеніе настоящаго адвоката, но вполнѣ возможно служеніе «бациллъ соціальной коррупціи». Нѣтъ ничего удивительнаго, что на почвѣ англійскихъ и американскихъ порядковъ выросла настоящая здоровая и властная адвакатура, а на почвѣ многихъ континентальныхъ порядковъ могутъ выростать въ обиліи только «бациллы соціальной коррупціи». Какихъ судей плодитъ отсутствіе ихъ несмѣняемости, такихъ же представителей даетъ и адвокатура, лишенная свободы и независимости. При отсутствіи свободы и независимости адвокатская корпорація превращается въ семью бациллъ соціальной коррупціи, всегда готовыхъ служить интересамъ коррумпируемаго правосудія. Слова Мальзерба должны приходить на память всѣмъ тѣмъ, кто жалуется на распространеніе бациллъ соціальной коррупціи. «Посмотрите, каковы тѣ люди, говорилъ

[1]) Новѣйшая адвокатура, 130.

Мальзербъ, которые жалуются на слишкомъ большую свободу, предоставленную адвокатамъ, и увидите, что все это люди сильные, способные посадить въ Бистеръ того несчастнаго, который не оказалъ имъ должнаго уваженія, между тѣмъ какъ они сами ежедневно нарушаютъ правосудіе по отношенію къ слабѣйшимъ. Они хотѣли бы стѣснить свободу адвокатовъ; но для защиты слабыхъ отъ сильныхъ всякій добрый гражданинъ долженъ поддерживать эту свободу, какъ настоящее убѣжище свободы національной. По отношенію къ этому вопросу я дѣлаю два предложенія, на которыя смотрю, какъ на безусловно необходимыя: 1) въ ту эпоху, когда всякій будетъ обученъ грамотѣ и въ той странѣ, гдѣ существуютъ благодѣтельные законы для руководства судей, всякій судъ скоро дѣлается справедливымъ и просвѣщеннымъ, если защитники тяжущихся будутъ пользоваться полною и совершенною свободою; и 2) въ странѣ, гдѣ есть такія могущественныя лица, какъ во Франціи, всякій судъ дѣлается надолго безчестнымъ, продажнымъ, испорченнымъ, если разрушена свобода защиты частныхъ лицъ».

Эти слова Мальзерба и теперь не лишены своей поучительности для любой страны. Вѣдь «могущественныя лица» имѣются въ любой странѣ. Но, конечно, свобода адвокатуры имѣетъ особое значеніе для тѣхъ странъ, которыя не пользуются излишней свободой личности и свободой слова. Въ такихъ странахъ вся задача общества въ томъ и состоитъ, чтобы отстоять возможно-широкую свободу адвокатуры въ интересахъ не только правосудія, но и въ интересахъ воспитанія той *общественно-дѣятельной* адвокатуры, которая такъ не нравилась Бонапарту. Задача, безспорно, не легкая, но такъ или иначе, а нужно отстаивать ее въ предѣлахъ хотя-бы и узкой возможности.

Замкнуть адвокатуру въ предѣлахъ ея узкой *технической* профессіи— не значитъ дать ей благопріятную почву для развитія. Казуистическая интерпретація статей и параграфовъ, весьма необходимая для отстаиванія объектовъ карательной власти, всетаки не такая широкая сфера, которая могла-бы воспитывать людей, сознающихъ общественное значеніе адвокатской профессіи и сознательно работающихъ на адвокатскомъ поприщѣ во имя правъ личности и индивидуальной свободы. Пожалуй, и о технической сторонѣ адвокатской профессіи можно имѣть болѣе широкое представленіе, но все-же оно окажется слишкомъ узкимъ и мало отвѣчающимъ представленію объ общественно-дѣятельной адвокатурѣ, выдѣляющей изъ своей среды борцовъ за право во всѣхъ отрасляхъ общественной дѣятельности. Адвокатъ-техникъ не есть бѣда для общества, но и не можетъ быть признанъ крупнымъ для него пріобрѣтеніемъ. Въ узкихъ границахъ адвокатской техники затхлая атмосфера скоро плодитъ не бациллъ соціальной коррупціи а просто коррупированныхъ бациллъ адвокатской профессіи.

Въ виду этого, такъ часто повторяемый афоризмъ—«адвокатъ долженъ быть адвокатомъ и ни чѣмъ другимъ»—таитъ въ себѣ рецептъ для разложенія адвокатуры, а не для воспитанія ея въ духѣ общественныхъ и индивидуальныхъ добродѣтелей. «Адвокатъ»—конечно, тутъ понимается въ смыслѣ ходячей муміи, набитой параграфами, статьями, пунктами и цитатами кассаціонныхъ рѣшеній. Этотъ тяжелый путь изученія параграфовъ проходить неизбѣжно, но останавливать на немъ адвоката грѣшно. Для чего онъ долженъ набивать себѣ голову параграфами, статьями, пунктами и т. д.? Въ виду того, что, при данномъ строѣ отношеній, между человѣкомъ и правдой стоятъ всѣ эти несмѣтные пункты, статьи и даже десятки томовъ статей и пунктовъ. Онъ долженъ изучить это «средостѣніе» между правдой и человѣкомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы служить индивиду и обществу въ роли спеціалиста—борца за правду. Пусть же онъ свободно оправдываетъ свое призваніе въ любой подходящей къ тому сферѣ.

Если адвокаты, прежде всего, служатъ правосудію, то трудно привести какія-бы то ни было основанія противъ движенія ихъ на службѣ правосудію. Мы преднамѣренно говоримъ о движеніи по службѣ, а не о поступленіи на государственную службу. Адвокаты—люди вольной профессіи. Они теперь отъ казны по двадцатымъ числамъ жалованья не получаютъ и въ будущемъ имъ это не предстоитъ. Но слѣдуетъ-ли отсюда, что адвокаты не состоятъ на службѣ государству? Этотъ вопросъ имѣетъ свой теоретическій интересъ и не лишенъ серьезнаго практическаго значенія.

Столоначальникъ въ любомъ департаментѣ министерства юстиціи занимаетъ свое мѣсто въ требовательной вѣдомости и за получаемое имъ вознагражденіе, безспорно, обязанъ службой государству. Но слѣдуетъ-ли отсюда, что онъ ее дѣйствительно несетъ и принимаетъ дѣятельное участіе въ отправленіи государственнаго правосудія?.. Присяжный повѣренный не имѣетъ права на мѣсто въ требовательной вѣдомости, а потому онъ никакой службой государству не обязанъ. Но слѣдуетъ-ли отсюда, что онъ въ дѣйствительности ее не несетъ и не принимаетъ активнаго участія въ отправленіи государственнаго правосудія?

Участіе адвоката въ отправленіи государственнаго правосудія, въ роли защитника, является не меньшей службой правосудію, чѣмъ служба лицъ прокурорскаго надзора на поприщѣ представителей обвинительной власти. Современный процессъ складывается изъ защиты и обвиненія, дающихъ (предполагается) въ результатѣ искомую истину. Представителей обвинительной власти безусловно необходимо содержать на жалованьи, а представителей защиты безусловно вредно и невозможно держать на казенномъ жалованьи. Въ этомъ состоитъ различіе между представителями защиты и представителями обвиненія, но и тѣ и другіе (каждый въ своей роли) несутъ службу предъ государствомъ, являясь безусловно необходимыми дѣятелями государственнаго правосудія.

Такъ смотритъ на представителей защиты и глава прокурорской власти. Открывая засѣданія общаго собранія коммисіи для обсужденія проекта объ устройствѣ нашей адвокатуры, г. министръ юстиціи, между прочимъ, сказалъ, что наши «присяжные повѣренные, въ качествѣ судебно-общественныхъ дѣятелей, совмѣщая въ своемъ лицѣ разнообразныя цензовыя условія, образуютъ точно обрисованную въ законѣ самостоятельную корпорацію, состоящую при судахъ подъ ихъ надзоромъ и въ постоянномъ съ ними взаимодѣйствіи, въ качествѣ ихъ необходимой и существенной принадлежности». Не останавливаясь на понятіи «принадлежность», мы склонны придавать большое значеніе взаимодѣйствію судебно-общественныхъ и судебно-казенныхъ дѣятелей. Тѣ и другіе дѣятели работаютъ совмѣстно на поприщѣ государственнаго правосудія и принимаютъ въ немъ не временное и случайное, а постоянное участіе. Ихъ «взаимодѣйствіе» можетъ прямо вести къ взаимному обмѣну ролями. Судебно-казенные дѣятели могутъ свободно переходить въ ряды судебно-общественныхъ дѣятелей и, наоборотъ, судебно-общественные дѣятели могутъ переходить въ ряды судебно-казенныхъ дѣятелей. Въ дѣйствительности у насъ такое полное «взаимодѣйствіе» не допускается. Случаи перехода судебно-казенныхъ дѣятелей въ ряды адвокатовъ встрѣчаются нерѣдко, а случаи перехода адвокатовъ прямо въ ряды членовъ суда или въ прокуратуру являются исключительнымъ и едва-ли бывалымъ событіемъ. Тутъ, прежде всего, дѣйствуетъ превратное сужденіе о государственной службѣ. Члены окружного суда, лица прокурорскаго надзора и т. п. могутъ свободно переходить въ ряды людей вольной профессіи. Это признается пониженіемъ, а не повышеніемъ. Адвокаты приравниваются къ людямъ частныхъ занятій и переходъ ихъ въ ряды судебно-казенныхъ дѣятелей отожествляется съ переходомъ съ частной службы на государственную. На самомъ-же дѣлѣ замѣщеніе должностей членовъ суда или прокуроровъ адвокатами въ сущности представляло-бы собою переходъ отъ службы правосудію безъ казеннаго жалованья къ судебной службѣ за жалованье.

О подготовленности адвокатовъ къ такому переходу не можетъ возникать никакого серьезнаго спора. Если судебно-казенные дѣятели, сидя на своихъ мѣстахъ, предполагается, получатъ черезъ три года вполнѣ достаточную подготовку для весьма сложной дѣятельности присяжнаго повѣреннаго, то и судебно-общественные дѣятели, наоборотъ, должны быть признаны вполнѣ подготовленными къ казеннымъ мѣстамъ на службѣ по судебному вѣдомству. Въ объяснительной запискѣ второго отдѣла комисіи, между прочимъ, сказано: «присяжнымъ повѣреннымъ поручена весьма важная задача защиты въ судебныхъ установленіяхъ правъ тяжущихся и подсудимыхъ. Признавая сихъ повѣренныхъ спеціальнымъ органомъ этой защиты, объявляя, въ качествѣ основного

правила, ихъ исключительное право на нее и рекомендуя ихъ обществу, правительство, несомнѣнно, должно питать полное довѣріе къ ихъ знанію, честности и нравственному достоинству. Только такое довѣріе и можетъ быть основаніемъ предоставленныхъ присяжнымъ повѣреннымъ правъ. Для существованія этого довѣрія правительство озаботилось тѣмъ, чтобы сословіе присяжныхъ повѣренныхъ было составлено изъ лицъ, представляющихъ достаточныя ручательства ихъ образованности и нравственной благонадежности». Вотъ какими испытанными силами можетъ располагать правительство, не отказываясь замѣщать казенныя мѣста по судебному вѣдомству членами присяжной адвокатуры. Отстраненіе судебно-общественныхъ дѣятелей отъ службы на казенныхъ мѣстахъ являлось бы рѣзкой непослѣдовательностью и отрицаніемъ того полнаго довѣрія къ знанію, честности и нравственному достоинству, съ которымъ относится правительство къ присяжнымъ повѣреннымъ, рекомендуя ихъ обществу, какъ лицъ, за которыхъ оно вполнѣ ручается. Аттестуя такъ присяжныхъ повѣренныхъ предъ обществомъ, правительство можетъ вѣрить своей собственной рекомендаціи, которую оно только тогда должнымъ образомъ засвидѣтельствуетъ, когда само будетъ выбирать судебно-казенныхъ дѣятелей изъ среды судебно-общественныхъ дѣятелей.

Появленіе адвокатовъ на мѣстахъ прокуроровъ, членовъ окружнаго суда и т. п. было бы равносильно притоку свѣжихъ силъ, всегда вносящихъ съ собою новую свѣжую струю. Они, дѣйствительно, содѣйствовали бы освѣженію той атмосферы, которая начинаетъ водворяется среди судебно-казенныхъ дѣятелей. Шаблонъ и рутина на все налагаютъ свою властную руку и отъ нихъ не свободна и среда нашихъ судебно-казенныхъ дѣятелей. Во избѣжаніе неблагопріятныхъ послѣдствій однообразія, предлагается строго придерживаться перевода, черезъ извѣстный срокъ, членовъ суда изъ гражданскаго отдѣленія въ уголовное и наоборотъ. Это тоже своего рода освѣженіе, но освѣженіе силъ старыхъ, понаторѣвшихъ въ шаблонныхъ порядкахъ; оно не можетъ сравняться по своей силѣ съ открытіемъ доступа въ среду судей и прокуроровъ настоящихъ свѣжихъ и новыхъ силъ изъ адвокатской среды. Члены адвокатской корпораціи прекрасно изучили на опытѣ всѣ порядки, установившіеся въ нашихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Они знаютъ ихъ слабыя и вредныя стороны и, конечно, всячески будутъ содѣйствовать ихъ измѣненію и приспособленію къ интересамъ правосудія и потребностямъ дѣйствительной жизни. Они явятся самыми дѣятельными противниками той канцелярщины и бюрократизма, отъ которыхъ они сами страдали, и которые, къ сожалѣнію, прокладываютъ себѣ дорогу и въ наши судебныя учрежденія.

Возможно широкое пользованіе силами присяжной адвокатуры для замѣщенія казенныхъ должностей по судебному вѣдомству, по существу

дѣла, у насъ не можетъ встрѣчать никакихъ законныхъ препятствій. Наоборотъ. оно прямо предусмотрѣно въ Учрежденіи судебныхъ установленій. Въ ст. 209 Учр. суд. уст. сказано: «въ члены окружнаго суда могутъ также быть опредѣляемы присяжные повѣренные, состоявшіе въ семъ званіи не менѣе десяти лѣтъ и получившіе аттестатъ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, а равно свидѣтельства судебныхъ мѣстъ, при которыхъ они состояли, о точномъ, исправномъ и безукоризненномъ во все сіе время исполненіи своихъ обязанностей». Въ примѣчаніи ст. 210 Учрежд. суд. уст. сказано, что «къ занятіямъ судебною практикою, дающимъ право на опредѣленіе въ должности прокуроровъ и ихъ товарищей, причисляются и занятія присяжныхъ повѣренныхъ». Коммиссія 1863 г. въ своихъ предложеніяхъ шла еще дальше и предполагала узаконить такой порядокъ, при которомъ адвокату, поступающему на казенное мѣсто, засчитывались бы годы его адвокатской дѣятельности въ настоящую государственную службу и давали бы ему соотвѣтствующія права по чинопроизводству. Эти предложенія комиссіи остались въ области предположеній и такая же судьба постигла и приведенныя постановленія Учр. суд. уст. Какъ мы сказали, назначеніе адвокатовъ на соотвѣтствующія казенныя должности по судебному вѣдомству у насъ является исключительнымъ и едвали бывалымъ событіемъ. Теперь было бы желательно, чтобы наша практика по замѣщенію казенныхъ судебныхъ должностей являлась болѣе благосклонной къ членамъ присяжной адвокатуры и сообразовалась бы со ст. 209 и 210 Учр. суд. устан.

Впрочемъ, можно говорить еще о желаніи и нежеланіи самихъ адвокатовъ идти на платныя казенныя мѣста по судебному вѣдомству. Говорятъ, что никто изъ болѣе или менѣе способныхъ адвокатовъ не пойдетъ въ члены окружного суда или товарищи прокурора. Оставаясь адвокатомъ, онъ всегда заработаетъ больше, чѣмъ получитъ на подобныхъ казенныхъ мѣстахъ. Однако, не слѣдуетъ забывать, что адвокатскіе заработки теперь сильно понизились. Было время, когда за написаніе прошенія получали по 500 р., но эти счастливыя времена прошли и не возвратятся. Ряды адвокатуры быстро увеличиваются и будутъ увеличиваться, вслѣдствіе чего гонорары понижаются и будутъ понижаться. Въ провинціальныхъ городахъ (да и въ столицахъ) молодые адвокаты—люди далеко не безъ способностей—получаютъ въ годъ 3,000—4,000 рублей. Допустимъ, что они получали-бы даже 5,000 руб., но невѣрность и необезпеченность этого заработка можетъ побудить предпочесть ему 2,000—2,500 руб. казеннаго жалованья. Имѣетъ свое значеніе и пенсія, которую теперь трудно обезпечить адвокату изъ своихъ заработковъ путемъ сбереженій, вносимыхъ въ банкъ на проценты. Но представимъ себѣ, что адвокаты и на самомъ дѣлѣ не проявляли-бы особаго желанія къ занятію казенныхъ мѣстъ по судебному вѣдомству. Такое нежеланіе, конечно, нельзя имъ

ставить въ вину и нельзя ихъ насильно тянуть на казенныя мѣста. Это уже ихъ дѣло—пользоваться или не пользоваться возможностью получать казенныя должности по судебному вѣдомству. Важно, чтобы они сами не встрѣчали препятствій для занятій казенныхъ мѣстъ по судебному вѣдомству, съ которыми они могутъ проститься, если придутъ къ тому заключенію, что адвокатская дѣятельность является для нихъ болѣе подходящей. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ адвокаты свободно переходятъ отъ своей профессіи въ рядъ судей и затѣмъ снова возвращаются въ ряды адвокатовъ. Такой порядокъ установился почти во всѣхъ тѣхъ штатахъ, гдѣ судьи не назначаются, а избираются на извѣстное число лѣтъ. При избраніи судей адвокатамъ народъ отдаетъ предпочтеніе предъ другими кандидатами. Принявъ предложенную должность судьи, адвокатъ, по истеченіи того срока, на который онъ былъ избранъ въ судьи, снова возвращается къ своей прежней дѣятельности.

Представимъ себѣ, что и у насъ будетъ возстановленъ избираемый мировой институтъ, на что надѣется вся мыслящая часть русскаго общества. Для занятія должности мирового судьи по избранію требуется извѣстный цензъ. Имущественный цензъ здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, является самой неподходящей мѣркой для оцѣнки достоинствъ кандидата на избираемую должность. Образовательный цензъ имѣетъ всѣ преимущества предъ цензомъ имущественнымъ. Адвокаты вполнѣ удовлетворяютъ образовательному цензу и, кромѣ того, имѣютъ на своей сторонѣ практическую подготовку. Вопросъ можетъ состоять только въ одномъ дефектѣ этого ценза: они не являются людьми, живущими въ данной мѣстности и близко знакомыми мѣстному населенію. Но если мы представимъ себѣ, что молодымъ людямъ, прошедшимъ трехлѣтній стажъ и получившимъ званіе присяжного повѣреннаго, будетъ открыта свободная дорога къ мѣстамъ мировыхъ судей по избранію, то, по всей вѣроятности, у насъ подвинулся-бы впередъ и вопросъ о деревенской адвокатурѣ. Въ деревнѣ тьма практики, но практики грошевой. Для нашей молодежи это условіе не играло-бы особой роли, если-бы вообще дѣятельность *защитника* среди темныхъ массъ деревенскаго люда была оффиціально объявлена не подозрительной, а весьма одобрительной. При данныхъ-же условіяхъ нежеланіе и боязнь быть затравленнымъ въ роли незваннаго «подстрекателя и возбудителя» отбиваетъ охоту идти въ деревню и заниматься защитой попираемыхъ тамъ правъ и интересовъ массы темного люда. Слѣдуетъ ожидать, что, по крайней мѣрѣ, во имя «насажденія законности» молодымъ адвокатскимъ силамъ будетъ открытъ широкій просторъ для дѣятельности въ деревнѣ въ роли борцовъ за правду и права темныхъ массъ. Въ такомъ случаѣ среди мѣстнаго населенія объявилось-бы немало адвокатовъ, прекрасно ему знакомыхъ. Они являлись-бы, во всякомъ случаѣ, самыми подходящими кандидатами на должности мировыхъ

судей по избранію. Прослуживъ опредѣленный срокъ въ роли избираемого мирового судьи, они могутъ снова безпрепятственно заняться адвокатской дѣятельностью.

По избранію адвокаты могли-бы служить съ пользою и въ другихъ сферахъ общественной дѣятельности. Стоитъ только расширить предѣлы той дѣятельности, которая можетъ быть доступна адвокатамъ, и чрезъ адвокатскій стажъ будетъ проходить не мало полезныхъ и безусловно необходимыхъ дѣятелей. Всѣ жалуются на дѣйствующую теперь цензовую систему въ нашемъ городскомъ самоуправленіи и на крайнее невѣжество лицъ, попадающихъ при этой системѣ въ «отцы города». Интеллигентныя силы, при полномъ желаніи послужить на пользу общественному дѣлу, окончательно отрѣзаны отъ городскихъ общественныхъ дѣлъ. Если мы представимъ себѣ, что это недопущеніе интеллигентныхъ силъ по одному ихъ образовательному цензу имѣетъ за себя какія-либо основанія въ боязни и подозрительности, то вѣдь адвокаты и въ глазахъ администраціи должны стоять внѣ подозрѣній. Вспомнимъ приведенную выше характеристику присяжныхъ повѣренныхъ,—какъ на нихъ смотритъ само правительство. «Присяжнымъ повѣреннымъ поручена весьма важная задача защиты въ судебныхъ установленіяхъ правъ тяжущихся и подсудимыхъ. Признавая сихъ повѣренныхъ спеціальнымъ органомъ этой защиты, объявляя въ качествѣ основного правила ихъ исключительное право на нее и рекомендуя ихъ обществу, правительство, несомнѣнно, должно питать полное довѣріе къ ихъ знанію, честности и нравственному достоинству. Только такое довѣріе и можетъ быть основаніемъ предоставленныхъ присяжнымъ повѣреннымъ правъ». Вотъ это довѣріе должно служить вообще основаніемъ и для предоставленія присяжнымъ повѣреннымъ и разныхъ иныхъ правъ. Кромѣ правъ адвоката, высокій образовательный цензъ присяжныхъ повѣренныхъ и полное довѣріе правительства къ ихъ знанію, честности и нравственному достоинству должны открывать имъ дорогу къ участію ихъ въ городскихъ выборахъ даже безъ имущественнаго ценза.

Само собою понятно, что всѣ эти соображенія въ равной мѣрѣ примѣнимы и къ вопросу о допущеніи присяжныхъ повѣренныхъ къ участію въ земскихъ выборахъ. Дѣйствующая система земскихъ выборовъ вызываетъ не меньше жалобъ, чѣмъ и дѣйствующая система городскихъ выборовъ. Земскія собранія почти ежегодно указываютъ на необходимость тѣхъ или иныхъ измѣненій въ избирательныхъ порядкахъ, установленныхъ новымъ земскимъ положеніемъ. Нерѣдко возбуждаются ходатайства объ увеличеніи числа гласныхъ, которое сильно сокращено противъ нормъ, установленныхъ въ старомъ земскомъ положеніи 1864 г. Почти всюду это сокращенное число гласныхъ оказывается недостаточнымъ для разростающейся земской дѣятельности. Допущеніе новыхъ эле-

ментовъ въ земскія собранія является безусловно необходимымъ. Повидимому, въ руководящихъ сферахъ разрѣшеніе этого наболѣвшаго вопроса о несоотвѣтствіи земскихъ силъ съ земской работой тормозится вслѣдствіе недоумѣній и колебаній въ выборѣ подходящихъ новыхъ элементовъ. Слѣдуетъ думать, что присяжные повѣренные, какъ люди, пользующіеся въ глазахъ правительства полнымъ довѣріемъ по своему нравственному и образовательному цензу, могутъ быть допущены къ земской дѣятельности безъ всякихъ колебаній.

Общественная служба по выборамъ вполнѣ отвѣчаетъ и оффиціальному признанію адвокатовъ «судебно-общественными дѣятелями». Она гарантируетъ адвокатуру отъ зарожденія бациллъ въ ея средѣ,—бациллъ совершенно неизбѣжныхъ въ душной атмосферѣ чисто-техническаго призванія адвокатовъ. На ряду съ широкой общественной дѣятельностью гарантіей противъ «бациллъ» можетъ служить и гостепріимство адвокатской корпораціи. Она не должна имѣть тлетворнаго кастоваго характера, а должна быть доступна для всѣхъ лицъ безъ различія, удовлетворяющихъ извѣстному образовательному и моральному цензу. Къ сожалѣнію, въ опубликованномъ проектѣ будущаго устройства нашей адвокатуры эта гарантія противъ установленія атмосферы, благопріятной для зарожденія «бациллъ», почти анулирована. Проектъ испещренъ разными остракизмами, исключающими возможность широкаго и свободнаго притока силъ въ адвокатскую среду безъ различія пола и вѣроисповѣданія.

Эти остракизмы уже обратили на себя вниманіе нашей повседневной печати. «Новое Время» рѣзко указываетъ на то, что въ проектѣ будущаго устройства нашей адвакатуры всѣ виды адвокатской дѣятельности женщинамъ строго возбраняются. При обсужденіи вопроса о присяжной адвокатурѣ, говоритъ газета, никто изъ членовъ комиссіи, составлявшей проектъ, не поставилъ даже вопроса о томъ, къ какому полу могутъ и должны принадлежать присяжные повѣренные. Уже само собою предполагается, что присяжными повѣренными могутъ быть только лица мужского пола. Повидимому, такое предположеніе признается вполнѣ «естественнымъ», потому что у насъ нѣтъ женщинъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, которое является безусловно необходимымъ для присяжнаго повѣреннаго. Конечно, у насъ теперь не имѣется женщинъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ [1]), но отсюда не слѣдуетъ, что онѣ не объявятся въ ближайшемъ будущемъ. Раньше у насъ не было и женщинъ съ высшимъ медицинскимъ образованіемъ, а теперь онѣ чуть ли не сотнями получаютъ это образованіе въ иностранныхъ университетахъ. Заручившись дипломами заграницей, онѣ держатъ окончательные государственные экзамены при испытательныхъ комиссіяхъ

---

[1]) За исключеніемъ двухъ или трехъ.

нашихъ медицинскихъ факультетовъ. Заручившись русскимъ университетскимъ дипломомъ, онѣ ведутъ практику наравнѣ съ мужчинами. Вполнѣ возможно, что завтра же объявится русская женщина докторъ правъ какого-либо заграничнаго университета. Нельзя же ей отказать въ правѣ держать окончательный экзаменъ въ испытательной комисіи нашего юридическаго факультета. По окончаніи этого экзамена, она наряду съ окончившими курсъ студентами будетъ добиваться себѣ пропуска къ карьерѣ присяжнаго повѣреннаго. Ей откажутъ на томъ основаніи, что женщина закономъ не предусмотрѣна въ рядахъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ. Такое рѣшеніе вопроса будетъ вполнѣ законнымъ, но будетъ ли оно говорить что-либо въ пользу того закона, на которомъ оно будетъ основано?

Обсужденіемъ этого вопроса въ послѣдніе дни занимались всѣ французскія газеты. Въ Парижѣ объявилась женщина-докторъ правъ, которая рѣшила настоять на своихъ правахъ и энергично добивается зачисленія въ адвокатскую корпорацію, въ которой появленіе женщинъ закономъ не предусмотрѣно и, при извѣстномъ толкованіи закона, пожалуй, даже возбранено. Вся французская печать почти единогласно стоитъ за претендентку въ адвокаты и не допускаетъ мысли о томъ, что она должна пострадать и понести тяжелую кару за непредусмотрительность и отсталость дѣйствующаго законодательства. При подобныхъ же инцидентахъ, вполнѣ вѣроятныхъ въ ближайшемъ будущемъ, нашей печати придется заднимъ числомъ выражать свое сожалѣніе, если въ проектѣ будущаго устройства нашей адвокатуры не будутъ предусмотрѣны женщины съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, открывающимъ имъ дорогу въ ряды присяжной адвокатуры.

Допустимъ, однако, что отсутствіе женщинъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ можетъ говорить въ пользу того, чтобы женщины не были предусмотрѣны въ рядахъ присяжной адвокатуры. Но это высшее юридическое образованіе не требуется отъ частныхъ повѣренныхъ. Между тѣмъ, женщинамъ проектъ возбраняетъ занятіе адвокатской практикой и въ роли частнаго повѣреннаго. Въ данное время женщины не допускаются въ ряды частныхъ повѣренныхъ въ силу 406^{19} статьи Учрежденія судебныхъ установленій, въ которой сказано, что женщины не могутъ получать званіе частнаго повѣреннаго. Большинство членовъ второго отдѣла комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, которыми разрабатывался проектъ будущаго устройства нашей адвокатуры, полагали, что ст. 406^{19} учр. суд. уст. должна быть вовсе исключена. Они не усматривали «надобности въ существованіи въ судебныхъ уставахъ исключительнаго правила, запрещающаго женщинамъ вступать въ число частныхъ повѣренныхъ, и признали болѣе справедливымъ и полезнымъ, чтобы вопросъ о допущеніи женщинъ въ частные повѣ-

ренные разрѣшался въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подлежащими судебными установленіями на основаніи общихъ постановленій закона по сему предмету, указаній практики и требованій жизни».

Меньшинство членовъ второго отдѣла, наоборотъ, признавали необходимымъ сохранить ст. 406[19] учр. суд. уст. Въ мнѣніи этого меньшинство членовъ подробно изложена любопытная исторія происхожденія ст. 406[19], а потому мы и приведемъ его почти съ дословной полностью. По мнѣнію меньшинства членовъ второго отдѣла, ст. 406[19]. имѣетъ въ своемъ основаніи Высочайшее повелѣніе, распубликованное указомъ правительствующаго сената 19 февраля 1871 г. въ собраніи узаконеній 1871 г. № 15, ст. 152. Въ этомъ указѣ изложено, что по обсужденіи въ совѣтѣ министровъ, въ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества присутствіи, вопроса и допущеніи женщинъ на службу въ общественныя и правительственныя учрежденія, Государь Императоръ, признавъ необходимымъ положительно опредѣлить кругъ полезной для государства и общества дѣятельности лицъ женскаго пола, 24 января 1871 г. повелѣть соизволилъ: 1) всѣми мѣрами содѣйствовать распространенію и преуспѣянію правильно устроенныхъ, отдѣльныхъ для женщинъ курсовъ акушерскихъ наукъ и къ привлеченію на нихъ какъ можно болѣе слушательницъ для того, чтобы дать возможность наибольшему числу женщинъ пріискать себѣ акушерскія занятія во всѣхъ частяхъ государства, столь скудно еще надѣленныхъ представительницами этой необходимой отрасли; 2) въ виду пользы, приносимой госпитальною дѣятельностью сестеръ милосердія, разрѣшать женщинамъ занятія фельдшерскія и по оспопрививанію, а также аптекарскія въ женскихъ лечебныхъ заведеніяхъ; 3) поощрять женщинъ на поприщѣ воспитательномъ, гдѣ онѣ уже нынѣ занимаютъ должности учительницъ въ начальныхъ училищахъ и низшихъ классахъ женскихъ гимназій, а буде признается возможнымъ, то предоставить учебному вѣдомству расширить еще кругъ ихъ дѣятельности на этомъ поприщѣ; 4) допускать женщинъ: а) по телеграфному вѣдомству къ занятію мѣстъ сигналистовъ и телеграфистовъ лишь въ опредѣленной министромъ внутреннихъ дѣлъ пропорціи общаго числа этихъ должностей и б) по счетной части и въ женскихъ заведеніяхъ вѣдомства IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по непосредственному усмотрѣнію Его Высочества главноуправляющаго этимъ отдѣленіемъ, и 5) *затѣмъ воспретить пріемъ женщинъ, даже и по найму, на канцелярскія и другія должности во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ мѣста предоставляются по назначенію отъ начальства и по выборамъ.*

По изданіи закона 25 мая 1874 г. о частныхъ повѣренныхъ возникъ вопросъ, распространяется-ли дѣйствіе вышеприведеннаго Высо-

чайшаго повелѣнія на женщинъ, желающихъ получить свидѣтельство на право ходатайствовать по судебнымъ дѣламъ. Бывшій министръ юстиціи входилъ по этому предмету къ Его Императорскому Величеству со всеподданнѣйшимъ докладомъ, и по его докладу Государь Императоръ, 7 января 1876 г., какъ то видно изъ распубликованнаго въ собраніи узаконеній 1876 г. № 12, ст. 158 указа правительствующаго сената отъ 2 февраля того-же года, повелѣлъ разъяснить, что Высочайшее повелѣніе 14 января 1871 г., которымъ, между прочимъ (п. 5), воспрещается пріемъ женщинъ, даже по найму, на канцелярскія и другія должности во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ мѣста предоставляются по назначенію и по выборамъ, распространяется и на званіе частнаго повѣреннаго, установленное правилами 25 мая 1874 г. Это Высочайшее повелѣніе вошло въ примѣчаніе къ ст. 1102 II т. Свод. зак. по прод. 1879 г., а затѣмъ въ статью 406^{19} Учр. суд. уст., изд. 1883 и 1892 гг.

Эта исторія происхожденія ст. 406^{19}, по мнѣнію меньшинства членовъ второго отдѣла, свидѣтельствуетъ, что воспрещеніе лицамъ женскаго пола быть частными повѣренными не есть слѣдствіе особеннаго правила, изданнаго только по отношенію къ поступленію женщинъ въ частные повѣренные, а имѣетъ въ своемъ основаніи общую государственную мѣру, которою опредѣленъ кругъ полезной для государства и общества дѣятельности лицъ женскаго пола. Въ виду этого, отмѣна 406^{19} ст. учр. суд уст. могла-бы послѣдовать только тогда, когда-бы вновь, въ видѣ общей государственной мѣры, были установлены новыя правила относительно круга общественной дѣятельности лицъ женскаго пола. Въ настоящее-же время женщины, не будучи допускаемы ни въ высшія учебныя заведенія для изученія юридическихъ наукъ, ни въ канцеляріи правительственныхъ и общественныхъ установленій, не имѣютъ и самой возможности пріобрѣсти необходимыя знанія и опытность для полученія званія частнаго повѣреннаго [1]).

Въ общемъ собраніи коммисіи, обсуждавшемъ подъ предсѣдательствомъ г. министра юстиціи проектъ второго отдѣла, одинъ членъ полагалъ, что было бы желательно допустить женщинъ въ ряды частныхъ повѣренныхъ. Два члена находили, что простое исключеніе 406^{19} Учр. суд. уст. еще нельзя признать за разрѣшеніе допускать женщинъ къ адвокатской практикѣ въ роли частныхъ повѣренныхъ, а потому они «находили желательнымъ замѣнить настоящую статью постановленіемъ, ясно выражающимъ такое разрѣшеніе». Предсѣдатель же и большинство членовъ общаго собранія коммисіи, «имѣя въ виду, что исключеніе изъ Учрежденія суд. уст. правила ст. 406^{19} несомнѣнно подало бы поводъ

---

[1]) Объяснит. записка второго отдѣла, 229—231 стр.

толковать такое измѣненіе закона въ смыслѣ разрѣшенія женщинамъ пріобрѣтать званіе частнаго повѣреннаго и что такое разрѣшеніе не соотвѣтствовало бы ни усвоеннымъ въ этомъ отношеніи воззрѣніямъ законодательства, ни видамъ и намѣреніямъ правительства, признавали, согласно съ мнѣніемъ меньшинства второго отдѣла, нужнымъ сохранить упомянутую статью въ Учрежденіи суд. уст». Въ концѣ концовъ общее собраніе коммисіи признало необходимымъ внести въ проектъ второго отдѣла ст. 121¹, въ которой сказано: «женщины не могутъ получать званіе частнаго повѣреннаго по судебнымъ дѣламъ» [1]).

Всѣ основанія, приведенныя въ пользу такого заключенія, т. е. добавленія къ проекту ст. 121¹, нашли себѣ должную оцѣнку въ особомъ мнѣніи одного изъ членовъ, о которомъ выше сказано, что онъ находилъ желательнымъ допустить женщинъ въ ряды частныхъ повѣренныхъ. Въ своемъ особомъ мнѣніи онъ говоритъ: «съ мнѣніемъ, принятымъ большинствомъ членовъ общаго собранія отдѣловъ коммиссіи, я не могу согласиться по слѣдующимъ соображеніямъ. Коммиссія учреждена для пересмотра законоположеній по судебной части; слѣдовательно, ни одно изъ такихъ законоположеній не можетъ быть изъято отъ пересмотра. При этомъ общемъ пересмотрѣ могутъ встрѣчаться отдѣльныя узаконенія, введеніе которыхъ въ судебные уставы объясняется принятіемъ той или другой общей государственной мѣры. Повѣрка основаній, въ силу коихъ такая мѣра была вообще принята, выходитъ изъ предѣловъ пересмотра, относящагося только къ судебной части. Но высказать свое свободное сужденіе о томъ, насколько удержаніе (или отмѣна) отдѣльныхъ законоположеній, вызванныхъ общей государственной мѣрой, но относящихся къ судебному дѣлу, согласуются съ проектируемымъ судебнымъ строемъ,— составляетъ, по моему мнѣнію, прямую обязанность коммиссіи по самому ея назначенію... Обращаясь къ государственной мѣрѣ, вызвавшей разсматриваемый законъ, нельзя не видѣть, что она была принята болѣе 25 лѣтъ тому назадъ и что она не коренится въ какихъ-либо непреложныхъ и устойчивыхъ положеніяхъ, а обусловлена временнымъ состояніемъ общества. Поэтому, есть основаніе къ предположенію о возможности перемѣны въ воззрѣніяхъ высшаго правительства на этотъ предметъ.. Между тѣмъ, по моему крайнему разумѣнію, единственно невозможностью подобнаго рода перемѣны оправдывалось бы молчаніе коммисіи по разсматриваемому вопросу. Во всякомъ другомъ случаѣ это молчаніе лишало бы законодательное учрежденіе необходимаго матеріала, исходящаго отъ единственнаго компетентнаго совѣщанія. Основываясь на такихъ соображеніяхъ, я признаю себя обязаннымъ высказать свое сужденіе о томъ: по свойству дѣятельности, доступной по закону частнымъ повѣреннымъ,

---

[1]) Объяснительная записка общаго собранія 34—42 с.

по характеру ихъ отношеній къ суду, къ судебному и судебно-административному надзору, а равно къ тяжущимся, имѣются ли правильныя основанія, при условіяхъ современной дѣйствительности, къ устраненію женщинъ отъ частной адвокатуры?—и полагаю: 1) что въ дѣятельности частныхъ повѣренныхъ не замѣчается условій, указывающихъ на несовмѣстимость ихъ съ принадлежностью даннаго лица къ женскому полу; 2) что за послѣднее время уровень общаго образованія женщинъ значительно поднялся и къ пріобрѣтенію ими надлежащихъ юридическихъ познаній открытъ тотъ же доступъ, какой имѣютъ и мужчины внѣ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній, почему и слѣдуетъ полагать, что и женщины въ состояніи будутъ удостовѣрить судебныя мѣста въ этихъ познаніяхъ» [1].

Это удостовѣреніе въ познаніяхъ предусматривается ст. 108 проекта, въ которой сказано, что окружный судъ, получивъ прошеніе о допущеніи въ число частныхъ повѣренныхъ, «обязанъ удостовѣриться въ юридическихъ познаніяхъ просителя», если онъ не получилъ высшаго юридическаго образованія. Это «удостовѣреніе въ познаніяхъ производится судомъ въ составѣ не менѣе трехъ судей, по назначенію общаго собранія, и въ присутствіи лица прокурорскаго надзора». Разъ такой экзаменъ установленъ, то нельзя же огульно всѣхъ женщинъ безъ экзамена признавать завѣдомо непригодными къ адвокатской практикѣ даже и въ скромной роли частнаго повѣреннаго. Подобное предположеніе, при явномъ нежеланіи провѣрить его основательность, является прямымъ остракизмомъ.

Такой же остракизмъ предполагается примѣнить и къ лицамъ не христіанскихъ исповѣданій, желающихъ заняться адвокатской практикою. Этотъ остракизмъ оправдывается необходимостью оберегать адвокатскую среду отъ неподходящихъ элементовъ, предусматриваемыхъ въ ст. 4-й и 57-й проекта о будущемъ устройствѣ нашей адвокатуры. Въ ст. 4-й сказано: «При принятіи въ число присяжныхъ повѣренныхъ лицъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій должно быть наблюдаемо, чтобы число ихъ въ округѣ каждаго окружнаго суда не превышало *десяти процентовъ* общаго числа присяжныхъ повѣренныхъ, имѣющихъ мѣсто жительства въ предѣлахъ того округа». Въ ст. 87-й добавлено, что это постановленіе ст. 4-й «распространяется и на помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ». Нѣтъ надобности пояснять читателямъ, что въ той и другой статьѣ подъ лицами не христіанскихъ вѣроисповѣданій разумѣются лица еврейскаго происхожденія, получившія высшее юридическое образованіе и избирающія себѣ адвокатскую карьеру. Такимъ образомъ, въ этихъ статьяхъ огражденіе адвокатской корпораціи отъ «неподходящихъ элементовъ»

---

[1]) Приложеніе 5-е къ объяснительной запискѣ общаго собранія коммисіи.

отождествляется съ огражденіемъ той-же адвокатской среды отъ лицъ еврейскаго происхожденія, получившихъ высшее юридическое образованіе.

Въ самой объяснительной запискѣ второго отдѣла коммисіи приведенъ рядъ соображеній, говорящихъ противъ принятаго имъ рѣшенія ограничить десятью процентами доступъ въ присяжную адвокатуру для лицъ нехристіанскихъ исповѣданій. Такое рѣшеніе, прежде всего, противорѣчитъ основнымъ началамъ нашего законодательства, несмотря на разныя новеллы, присоединныя къ нему за послѣднія 15 лѣтъ. Въ запискѣ второго отдѣла ссылками на основныя начала нашего законодательства опровергается предположеніе о полномъ устраненіи евреевъ изъ числа членовъ адвокатской корпораціи. Редакторы записки, забывая, что между полнымъ устраненіемъ и десятью-процентными нормами, въ сущности, нѣтъ никакого принципіальнаго различія, говорятъ, что «введеніе въ законъ правила, совершенно устраняющаго евреевъ отъ вступленія въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, находилось-бы въ коренномъ противорѣчіи съ общимъ направленіемъ нашего современнаго законодательства по еврейскому вопросу. Дѣйствующія постановленія о евреяхъ не возбраняютъ послѣдователямъ іудейской вѣры участія въ общественной дѣятельности, допускаютъ ихъ въ составъ городскихъ гласныхъ и даже къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей, опредѣляя при этомъ лишь численныя ограниченія, устраняющія возможность преобладанія евреевъ въ извѣстномъ установленіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ евреевъ, пріобрѣвшихъ высшее образованіе, законъ освобождаетъ отъ всякихъ стѣсненій относительно избранія мѣстожительства и открываетъ имъ доступъ на государственную службу (?) и къ различнымъ занятіямъ, требующимъ, по свойству своему, сравнительно высокаго уровня нравственныхъ качествъ, каково, напр., занятіе медицинскою практикою».

Все это почти вѣрно. Но къ чему-же приведутъ устанавливаемыя десяти-процентныя нормы? По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ на 1-е января 1896 года во всѣхъ судебныхъ округахъ состояло 2,149 присяжныхъ повѣренныхъ и изъ нихъ евреевъ числилось 211, т.-е. 9,8 процента. Значитъ, въ общемъ, въ присяжные повѣренные евреямъ теперь пройти почти невозможно. Помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ числилось 1,204, изъ нихъ евреевъ 389, т.-е. 32,3 процента. Значитъ, и теперь въ числѣ помощниковъ имѣется евреевъ больше, чѣмъ требуется по проекту. По отдѣльнымъ округамъ эти общія цифры колеблются то въ ту, то въ другую сторону. Въ однихъ округахъ имѣются свободныя мѣста до заполненія 10 процентовъ, въ другихъ, наоборотъ, эта десяти-процентная норма значительно превышена. При равномѣрномъ-же разсортированіи по отдѣльнымъ округамъ, какъ показываютъ приведенныя общія данныя, во всѣхъ округахъ все-таки не окажется мѣстъ въ пре-

дѣлахъ десяти-процентныхъ нормъ. «Евреи, какъ справедливо утверждаютъ «Новости», теперь вынуждены окончательно отказаться отъ адвокатской карьеры, гдѣ полученіе номера на мѣсто вполнѣ походитъ на лотерейную игру въ счастье. Въ результатѣ получится то фактическое устраненіе евреевъ изъ адвокатской среды, которое и второй отдѣлъ коммисіи призналъ и нежелательнымъ, и противорѣчащимъ основнымъ началамъ нашего законодательства.»

Но если евреи и не будутъ проходить въ ряды присяжной адвокатуры, то отдѣльныя лица изъ евреевъ будутъ попадать въ число присяжныхъ повѣренныхъ. Вотъ эти лица, а не евреи, являются дѣйствительно нежелательными въ рядахъ адвокатуры, разъ они выходятъ изъ евреевъ съ исключительною цѣлью попасть въ число присяжныхъ повѣренныхъ. Проектъ своимъ остракизмомъ, направленнымъ противъ евреевъ, прямо имѣетъ въ виду увеличить число выходцевъ изъ евреевъ вообще и въ частности увеличить ихъ число и въ рядахъ присяжной адвокатуры. На это обстоятельство указалъ въ особомъ мнѣніи «одинъ изъ приглашенныхъ къ участію въ разсмотрѣніи проекта организаціи адвокатуры». Молва не безъ основаній приписываетъ это мнѣніе «свѣтилу» московской адвокатуры, извѣстному своей преданностью антисемитизму. Взглядъ такого человѣка въ данномъ случаѣ является особенно интереснымъ. «Я нахожу,—говоритъ онъ,—что проектируемая статья (4-я) *цѣли не достигаетъ... и ведетъ къ противоположнымъ съ цѣлью ея результатамъ...* Мы зачисляемъ въ составъ христіанъ, имѣющихъ право на вступленіе въ ряды адвокатуры, неофитовъ, только что принявшихъ христіанство въ одной изъ формъ исповѣданія, на какія оно подѣлилось. Это—ошибка, ошибка противъ дѣйствительности, ошибка противъ историческаго опыта и опасный путь размноженія худшаго изъ видовъ равнодушія къ вѣрѣ—ренегатства... Перемѣна вѣры ради внѣшнихъ выгодъ не дѣлаетъ ренегата христіаниномъ, но свидѣтельствуетъ о легкости, съ какой онъ относится къ изначальнымъ убѣжденіямъ, и о способности его надѣвать маску, когда ему это выгодно. Перемѣна вѣры безъ убѣжденія, ренегатство — первый шагъ, которымъ начинаетъ молодой еврей свою адвокатскую профессію—плохая порука за стойкость характера, за серьезность мысли, за неподкупность души, за чистоту сердца, словомъ, за тѣ силы, которыя такъ необходимы будущему совѣтнику въ правдѣ и борцу за право и честь. Этимъ путемъ мы разспроливаемъ христіанъ пріемомъ худшихъ изъ выходцевъ нехристіанскихъ націй и затворяемъ двери, стѣсняя пріемъ евреевъ-нехристіанъ, *для лучшихъ людей между ними, которыхъ много въ этомъ народѣ*, созданныхъ, какъ и мы, по образу и подобію Божьему» [1]).

---

[1]) Приложеніе 3-е къ объясненію записки общаго собранія.

Конечно, далеко не всѣ приведенныя здѣсь соображенія заслуживаютъ одобренія и вниманія, но зато особаго вниманія заслуживаютъ тѣ соображенія второго отдѣла, въ которыхъ онъ оправдываетъ десяти-процентныя нормы необходимостью защитить особенности русскаго характера. Въ объяснительной запискѣ второго отдѣла сказано, что «при свойственномъ еврейскому племени единеніи и способности къ сплоченному, согласному и настойчивому дѣйствію рядомъ съ разрозненностью и безпечнымъ отношеніемъ къ своимъ интересамъ, составляющими обычныя свойства русскаго характера, несомнѣнно, что, *даже и не достигнувъ численнаго преобладанія*, еврейская часть присяжныхъ повѣренныхъ могла-бы получить власть сословнаго управленія». Отсюда, однако, не слѣдуетъ, какъ справедливо замѣчаютъ «Новости», что за печальныя особенности русскаго характера должны быть караемы такіе-же русскіе подданные, отличающіеся противоположными особенностями характера. Ограниченіе правъ, какъ вознагражденіе за энергію, предпріимчивость и солидарность, кара, по меньшей мѣрѣ, требующая весьма своеобразныхъ мотивовъ и оправданій.

«Бациллы» любятъ сонное царство и порадуются тому, что люди зоркіе и предпріимчивые не будутъ мѣшать ихъ распространенію. Грустно и грустно именно потому, что хотѣлось-бы видѣть въ рядахъ нашей адвокатуры не массу «бациллъ», а побольше энергичныхъ борцовъ за правду, для которыхъ у насъ нашлось-бы не мало работы.

М. Стиваль.

Въ поискахъ за Леонардо-да-Винчи.

Набросокъ третій.

Джіоконда.

Мнѣ казалось невозможнымъ разстаться съ старымъ энтузіастомъ прежде, чѣмъ я не узнаю его мнѣнія о главныхъ картинахъ Леонардо-да-Винчи. До сихъ поръ мы только издали касались его настоящихъ художественныхъ загадокъ. Никто изъ насъ ни разу еще не упоминалъ имени Джіоконды. Но мы приближались къ этой темѣ, и потому должны были, наконецъ, выдвинуть ее для всесторонняго обсужденія. Не могу не сознаться, что, предвидя нѣкоторыя скептическія замѣчанія стараго энтузіаста, я даже немного боялся этого разговора. Втеченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ я не переставалъ думать о Джіокондѣ. Чтобы закончить мое первое путешествіе по Италіи, полное впечатлѣній, такъ или иначе относящихся къ Леонардо-да-Винчи, я поѣхалъ прямо изъ Милана въ Парижъ. Наканунѣ отъѣзда я побывалъ въ Вапріо, гдѣ Леонардо-да-Винчи жилъ подъ дружескимъ кровомъ Франческо Мельци, полюбовался на быстрое теченіе Адды, на чудесныя окрестности, по которымъ художникъ бродилъ, отдыхая отъ политическихъ треволненій миланскаго герцогскаго двора. «Шелковичное дерево», какъ прозвалъ себя миланскій герцогъ Людовико Сфорца—Моro,—быстро высыхало, лишалось своихъ жизнедѣятельныхъ силъ и уже не могло дать той спокойной тѣни, въ которой привыкъ работать изобрѣтательный художникъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось —по случайной причинѣ—проникнуть въ домъ Мельци, гдѣ до сихъ поръ сохраняется полуразрушенная фреска—изображеніе Мадонны, приписываемое Леонардо-да-Винчи. Но я уѣхалъ изъ Вапріо съ живымъ впечатлѣніемъ природы и внѣшней обстановки, среди которой онъ работалъ. На слѣдующій день я уже былъ на пути въ Парижъ. Глядя изъ вагона на обступавшія полотно желѣзной дороги гро-

мады снѣжныхъ Монъ-Сенисскихъ горъ, я невольно задумывался о печальной участи Леонардо-да-Винчи: на склонѣ лѣтъ, уже посѣдѣвшимъ старикомъ, съ глубоко-обиженнымъ самолюбіемъ льва, который не выдержалъ соперничества съ всесильнымъ дракономъ Микель-Анджело и молодымъ орломъ возрожденія—Рафаэлемъ, Леонардо-да-Винчи навсегда покидалъ итальянскія границы, чтобы закончить свою широкую дѣятельность на службѣ у иностраннаго государя. Трудно представить себѣ, что онъ пережилъ, уѣзжая въ Амбуазъ. Нигдѣ въ мірѣ онъ не могъ чувствовать себя такъ, какъ въ Италіи. Франція являлась для него только печальнымъ убѣжищемъ послѣ многихъ лѣтъ великихъ трудовъ, художественныхъ очарованій и тяжелыхъ жизненныхъ разочарованій. Онъ увозилъ туда послѣднія произведенія—немногочисленные, но несомнѣнные документы, дающіе право на безсмертіе, и безчисленное множество летучихъ и подробныхъ научныхъ записей, въ которыхъ до сихъ поръ еще разбираются свѣтила европейскаго ученаго міра. Италія оставалась позади, и вмѣстѣ съ тѣмъ блѣднѣла мечта о какихъ-нибудь новыхъ, достойныхъ его генія, художественныхъ созданіяхъ. Леонардо-да-Винчи, который въ своихъ манускриптахъ прекрасно объяснилъ зависимость художника отъ живыхъ впечатлѣній, непосредственно проникающихъ въ душу, и тѣмъ, можно сказать, обосновалъ, какъ никто до и послѣ него, теорію ренессанса въ искусствѣ, не могъ, конечно, творить новые образы въ чуждой ему природѣ и обстановкѣ. Его произведенія, при всемірности его умственнаго генія, остаются глубоко итальянскими по темпераменту, по особенной сухости и остротѣ линій и чувственной нѣжности красокъ. Его женскія фигуры являются воспроизведеніемъ миланскихъ и флорентинскихъ аристократокъ, а мужскія фигуры представляютъ великолѣпную переработку наиболѣе характерныхъ типовъ изъ итальянской толпы. Онъ привыкъ къ суетно-пышной жизни миланскаго двора, къ миланскому обществу, съ его учеными дѣятелями, красивыми метрессами Людовико Моро—Цециліей Галерани, Лукреціей Кривелли, съ льстивыми поэтами, шутами и обжорами, каковы стихотворецъ Беллинчіони и «gran mangiatore» Франческо Тапоне. Тамъ онъ, несравненный «флорентинскій Апеллесъ», среди своихъ величественныхъ художественныхъ занятій находилъ время принимать участіе, какъ декораторъ, въ постановкѣ разныхъ аллегорическихъ представленій, для которыхъ иногда придумывалъ сюжеты самъ Людовико Моро и писалъ свои напыщенныя вирши Беллинчіони. Въ Амбуазѣ вполнѣ сложившемуся генію Леонардо-да-Винчи уже нельзя было развернуть своихъ настоящихъ силъ: чужіе люди, чужой языкъ, чужіе костюмы и нравы, которые, при неизбѣжномъ сродствѣ дворцовой мишуры и властнаго распутства всѣхъ странъ свѣта, отливали совершенно новыми, непривычными для итальянца красками. Здѣсь Леонардо-да-Винчи могъ наблюдать, созерцать, судить и оцѣни-

вать, но не могъ воспринимать въ душу этой чуждой пестроты. Жизнь его замирала въ узкомъ кругу немногихъ безсильныхъ друзей. На старости лѣтъ духъ его, быть можетъ, уже потерялъ прежнюю увѣренность въ себѣ и способность къ высокому полету. Тѣломъ его овладѣвали недуги, рука его теряла твердость и, наконецъ, отнялась. Кто знаетъ,—были-ли для него какимъ-либо утѣшеніемъ его прогулки изъ Кло-Люсе въ Амбуазъ, гдѣ геніальный человѣкъ удостоивался иногда бесѣды съ французскимъ королемъ? Какія мысли и чувства шевелились въ душѣ его, когда онъ возвращался, послѣ милостивой аудіенціи, по узенькой дорожкѣ къ себѣ домой, гдѣ ожидали его немногіе хранители его послѣднихъ дней—добродушный Франческо Мельци, слуги Салаи и Виланисъ и преданная служанка Матурина?

Пріѣхавъ утромъ въ Парижъ, я сейчасъ-же отправился въ Лувръ. Нѣсколько минутъ прошло прежде, чѣмъ я попалъ въ залу, гдѣ находится портретъ Джіоконды. Со стѣнъ на меня глядѣли великолѣпные холсты всѣхъ европейскихъ школъ, но я не смотрѣлъ на нихъ. Я искалъ Джіоконду—эту міровую извѣстность, которую описывали безъ конца ученые и литераторы, но никто не описалъ съ художественной ясностью. которая стала опять идейною силою въ современномъ эстетическомъ движеніи. Мнѣ думалось, что первое впечатлѣніе отъ Джіоконды должно захватить и взволновать меня. Послѣ «Тайной Вечери», которую я изучалъ въ Миланѣ, и немногихъ апокрифическихъ и подлинныхъ произведеній Леонардо-да-Винчи, которыя сохраняются въ Римѣ и Флоренціи, именно она, Джіоконда, должна была слить мои разрозненныя настроенія и размышленія въ нѣчто цѣльное и законченное. Я ждалъ живого ощущенія съ жадностью человѣка, который втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ шелъ къ теоретическимъ выводамъ именно путемъ непосредственныхъ воспріятій, питалъ свой духъ поблекшими, но все еще великолѣпными красками старинныхъ мастеровъ. Я ждалъ чего-то, столь-же ошеломляющаго, магнетически-притягательнаго, какъ произведенія Микель-Анджело. Конечно, Леонардо-да-Винчи не Микель-Анджело, по характеру своего творчества онъ другой, но они оба должны дѣйствовать посредствомъ искусства, т. е. должны обращаться прежде всего къ глазамъ, къ нервамъ, вызывая невольное очарованіе. Такое очарованіе овладѣвало мною въ Римѣ, когда, лежа на спинѣ, я смотрѣлъ на вдохновенный плафонъ Сикстинской капеллы, иногда цѣлыми часами не отрываясь отъ этого фантастическаго, населеннаго неба. Ни о чемъ опредѣленномъ не думая, я переживалъ, насколько это доступно современному человѣку, душевное движеніе титаническаго таланта, который, создавъ величайшее въ мірѣ произведеніе, нигдѣ не переступилъ за черту искусства, нигдѣ не обнаружилъ своихъ прямыхъ намѣреній. Этотъ плафонъ дѣйствуетъ непосредственно на всякаго человѣка,

на какой-бы умственной ступени онъ ни находился. Какъ созданіе поэтически-настроеннаго ума, онъ таинственно овладѣваетъ вами уже при первомъ взглядѣ. Точно также дѣйствуетъ на васъ Рафаэль, когда изъ Сикстинской капеллы вы поднимаетесь въ Stanze и Loggie, гдѣ васъ сразу обнимаетъ легкая воздушная атмосфера, полная мягкихъ и свѣтлыхъ красокъ, нѣжныхъ линій, передающихъ свободное и законченное творчество художника. Здѣсь, въ Луврѣ, отыскивая Джіоконду, я вдругъ остановился съ нѣмымъ изумленіемъ передъ пояснымъ изображеніемъ женщины, которая глядѣла на меня своими узкими черными глазами. Я отступилъ на нѣсколько шаговъ, испытывая странное раздражающее волненіе. Джіоконда скрестила руки, повернувшись на креслѣ почти лицомъ къ зрителю. Раздѣленные проборомъ, гладко и плоско лежащіе волосы, видные сквозь накинутую на нихъ прозрачную вуаль, падаютъ на плечи двумя негустыми, слегка волнистыми прядями. Нѣжныя красныя губы приподняты въ углахъ загадочною улыбкою. Зеленое платье въ тонкихъ сборкахъ, съ желтыми рукавами въ складкахъ, вырѣзано на бѣлой невысокой груди. Голова слегка повернута на красивой точеной шеѣ. На второмъ планѣ каменная баллюстрада, въ глубинѣ—гористый пейзажъ, съ извилистыми потоками, и озеро, окруженное снѣжными вершинами. Вотъ что бросается въ глаза, когда смотришь на эту картину. Я подошелъ ближе, вглядываясь въ лицо, въ руки, въ отдѣльныя подробности,—меня все больше и больше безпокоили разныя мысли. Незамѣтно для себя я уже перестал воспринимать, ощущать, отдаваясь мучительной тревогѣ ума. Непонятная улыбка возбуждала во мнѣ что-то непріятное, разбивала мысли, создавала чистоголовныя настроенія, сложныя и неясныя. Втеченіе нѣсколькихъ минутъ я успѣлъ передумать цѣлый рядъ вопросовъ и каждый разъ, взглянувъ на картину, я чувствовалъ, что нервы безплодно раздражены, а умъ не устанавливалъ для меня никакой опредѣленной точки зрѣнія на этотъ загадочный портретъ. Въ душу ни откуда не проникалъ свѣтъ художественной красоты. Что-то хитрое, скрытно-ядовитое отравляло и убивало всѣ мои воспріятія: они возникали и тутъ же разсѣивались въ сухомъ туманѣ разсудочныхъ соображеній. Я не могъ остановиться ни на одномъ своемъ ощущеніи, хотя употреблялъ всѣ силы духа, чтобы какъ-нибудь схватить этотъ образъ—не умомъ, а въ цѣльномъ, чувственномъ созерцаніи. Вотъ когда я сталъ передъ настоящимъ Леонардо-да-Винчи. Великій художникъ, который овладѣваетъ мыслями, но разлагаетъ дѣятельность духовныхъ воспріятій, который, при богатствѣ идей и тончайшихъ пріемовъ, никогда не въ силахъ создать простого поэтическаго впечатлѣнія, легкаго, чистаго и свободнаго,. Леонардо-да-Винчи въ первый разъ показался мнѣ самымъ типичнымъ представителемъ многозначительной исторической эпохи, отравленной ядовитыми тенденціями и враждою къ цѣльному художественному идеализму. У Леонардо-да-Винчи,

какъ и у Веррокkіо, школѣ котораго онъ не измѣнялъ до конца своей жизни,—ядъ идейнаго демонизма, разлагающій нѣжные художественные образы, сгустился и привелъ къ внутреннему разрушенію его искусства. Остался величайшій виртуозъ, художественный экспериментаторъ, который не могъ довести до конца ни одной своей работы, постоянно мѣнялъ свои планы, бросалъ однѣ мысли ради другихъ—и не потому, чтобы его натурѣ было свойственно диллетантство, а только потому, что имъ постоянно овладѣвали настроенія, непригодныя для созданія никакой художественной красоты, ни на старый, ни на новый образецъ. При тихихъ внѣшнихъ манерахъ и немногосложныхъ разговорахъ съ людьми, одѣтый, несмотря на вѣчную денежную нужду, всегда съ утонченнымъ франтовствомъ, геніальный изобрѣтатель въ области науки, Леонардо-да-Винчи является въ области искусства какимъ-то Каиномъ по отношенію къ самому себѣ. Его всесторонность, которая выдѣляла его во всякомъ обществѣ, давала ему возможность первенствовать между замѣчательными учеными эпохи, работать въ Павіи за однимъ столомъ съ лучшимъ анатомомъ Маркомъ Антоніемъ делла Торре и помогать въ математикѣ Лукѣ Пачіоли, вся его неистощимая умственная оригинальность мѣшала ему, при отсутствіи простыхъ, такъ сказать, банальныхъ страстей и чувствъ, находить тѣ божественно-человѣчныя настроенія, которыя пригодны для искусства. Я думалъ о Леонардо-да-Винчи, смотрѣлъ на Джіоконду, и это великое произведеніе его кисти показалось мнѣ вдругъ геніальнымъ уродствомъ.

Я долго бродилъ въ тотъ день по заламъ Лувра, разсматривалъ другія, сохраняемыя здѣсь, произведенія Леонардо-да-Винчи, нѣкоторыхъ его учениковъ, представителей флорентинской и ломбардской школъ, рисунки разныхъ итальянскихъ мастеровъ. Трудно было оторваться отъ этихъ произведеній, въ которыхъ оживаетъ одна изъ самыхъ интересныхъ эпохъ. Послѣ Анкіано, Ваприо и Милана,—Лувръ является самымъ поучительнымъ мѣстомъ, среди другихъ картинныхъ галлерей Европы, для пониманія великаго идейнаго движенія въ его самомъ характерномъ представителѣ. Именно здѣсь, въ Луврѣ, лицомъ къ лицу съ Джіокондой, приходишь къ убѣжденію, что ренессансъ не былъ возрожденіемъ классической красоты, съ ея цѣльнымъ умственнымъ и нравственнымъ кругозоромъ. Въ Джіокондѣ, при разнообразіи элементовъ, которые были необходимы для ея созданія, отсутствуетъ самый типичный и самый человѣчный элементъ—нравственная сила, которая оживляла древнее искусство, сливалась тамъ съ религіозными стремленіями, и которая здѣсь замѣнилась нравственнымъ безсиліемъ, прикрытымъ загадочной улыбкой. Спускаясь въ нижнія залы, чтобы посмотрѣть на Венеру Милосскую, я думалъ: Джіоконда—это женщина безъ темперамента, безъ внутренняго огня, безплодная въ своихъ чувствахъ, безсильная для героиче-

скаго подвига, неспособная даже на прямое злодѣяніе, хотя, быть можетъ, способная, какъ современница Цезаря Борджіа, устранять съ своего пути соперницъ посредствомъ наемныхъ убійцъ или тихо-дѣйствующихъ ядовъ. Передъ Венерой Милосской я остановился въ полномъ очарованіи. Вотъ по истинѣ живое древнее божество, уже невозвратное, но все еще обаятельное по своей великой и божественно-человѣчной правдѣ. Такого мрамора нѣтъ нигдѣ въ мірѣ. Онъ живетъ. звучитъ той трагической музыкой, которою проникнуты всѣ великія произведенія греческаго искусства. Это женщина, готовая на подвигъ, сдержанная, но дѣятельная натура, неспособная застыть въ безплодномъ двоедушіи. Около такой женщины должны были кипѣть страсти, рождалась и созидалась жизнь, возникала красота въ законченныхъ человѣчныхъ выраженіяхъ. Она величественна и свободна, и люди, которые ей поклонялись, должны были таить въ себѣ могучія силы для высшаго духовнаго экстаза, доступнаго ихъ эпохѣ. Міръ, въ которомъ она жила, тѣ люди, которые, сотворивъ ее, воздавали ей потомъ божескія почести, отошли уже въ область историческихъ преданій, но нельзя не видѣть, что такія произведенія являются откровеніемъ и назиданіемъ для всѣхъ эпохъ. Художникъ съумѣлъ отыскать и собрать воедино тѣ черты, то лучшее, что было разсѣяно вокругъ него въ жизни. и его божество явилось живымъ символомъ плодотворной любви и красоты не только для него самого, но и для цѣлаго народа. Эта радостная Венера была для древняго міра тѣмъ, чѣмъ скорбящая Богоматерь была для вѣрующихъ людей новаго міра.

Я передалъ старому энтузіасту мои впечатлѣнія отъ Джіоконды, и онъ, по обыкновенію, сейчасъ же оживился.

— Этого портрета,—началъ онъ,—не изобразить словами. Каждый разъ, когда я хочу думать о Джіокондѣ, я ставлю передъ собой прекрасную Брауновскую фотографію. И странная вещь—сколько разъ я ни всматривался въ нее, мнѣ казалось, что предо мной не изображеніе живого человѣка, а условный символъ весьма сложной идеи. Каждая черта на своемъ мѣстѣ, краски, теперь поблекшія, расположены съ удивительной симетріей. Нельзя достигнуть высшаго совершенства въ сочетаніи тончайшихъ подробностей, изъ которыхъ каждая таитъ въ себѣ какую-нибудь значительную мысль. Въ этомъ портретѣ собраны цѣлые міры идей. Конечно, для насъ пропала возможность свѣжаго непосредственнаго суда надъ его достоинствами, потому что и онъ уже побывалъ подъ кощунственной рукою реставратора. Чтобы понять его, надо перенестись мысленно во Флоренцію—въ тотъ промежутокъ времени, когда Леонардо-да-Винчи, покинувъ Миланъ, съ его кровавыми трагедіями, съ откровеннымъ цинизмомъ придворныхъ баловъ, съ торжественными бракосочетаніями и льстивой литературой двусмысленныхъ сонетовъ, искалъ

для себя работы въ высшихъ кругахъ флорентинскаго общества. Тутъ онъ написалъ портретъ знаменитой красавицы Джиневры Бенчи, и надо считать великимъ несчастьемъ, что портретъ этотъ не дошелъ до насъ: мы могли бы сравнить его съ портретомъ той же женщины въ чудесныхъ фрескахъ Гирландайо. Тогда бы мы увидѣли, какъ натура измѣнялась подъ рукою Леонардо-да-Винчи, какъ она усложнялась и, можно сказать, по геніальному запутывалась. Леонардо-да-Винчи рядомъ съ Гирландайо—вы понимаете, какой это великолѣпный матеріалъ для современной критики: простая, чистая, повседневная психологія—съ одной стороны, и психологія замысловатая, темная, куда-то уводящая, но никуда неприводящая—съ другой стороны. Этого портрета Джиневры Бенчи у насъ нѣтъ. но я вѣрю, что онъ когда-нибудь найдется вмѣстѣ съ другими утерянными произведеніями Леонардо-да-Винчи. Но Джіоконда дошла до насъ,—и вотъ мы можемъ судить о художественныхъ пріемахъ Леонардо-да-Винчи по этому загадочному творенію. До сихъ поръ оно никѣмъ еще не разгадано. Современники Леонардо-да-Винчи не поняли его Джіоконды—объ этомъ можно судить по описанію Вазари. Странная вещь, Леонардо-да-Винчи, великій психологъ, рѣдкій экспериментаторъ, человѣкъ, обнимавшій своимъ умомъ всѣ эпохи, предшественникъ Бэкона по любви къ точному опытному знанію, этотъ Леонардо-да-Винчи въ Джіокондѣ является какимъ-то фантастическимъ чародѣемъ, мечтателемъ, какого еще, быть можетъ, не бывало и, при томъ, мечтателемъ въ духѣ самой темной схоластики. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должна была произвести эта Джіоконда на толпу веселыхъ, болтливыхъ флорентинцевъ, которые, несмотря на ученыя тенденціи эпохи, сохраняли въ себѣ всю свѣжесть и безпечность цвѣтущей Тосканы. Джіоконда должна была глубоко поразить ихъ тонко-чувствительные нервы. Въ самой Флоренціи и далеко за ея предѣлами кипѣла жизнь, полная отравленныхъ страстей, разливались волны предательской политики, но кто-же изъ флорентинцевъ, взглянувъ въ застывшее лицо Джіоконды, могъ увидѣть въ немъ отраженіе своей души! Мрачный геній витаетъ надъ этимъ портретомъ. Несмотря на свѣтлые весенніе тоны пейзажа, Джіоконда кажется вышедшей изъ темнаго подземелья. А надъ Флоренціей никогда не переставало свѣтить теплое южное солнце. Леонардо-да-Винчи, о которомъ, со времени его молодости, сохранились во Флоренціи позорные слухи и сплетни, долженъ былъ теперь казаться какимъ-то кудесникомъ, который злобно колдуетъ въ тиши своей мастерской, творя загадочныя, непонятныя произведенія. Самая его жажда изобрѣтательной дѣятельности—безразлично на чью пользу, подъ тѣнью-ли миланскаго «Шелковичнаго дерева», съ его кроваво-красными плодами, подъ военнымъ-ли знаменемъ наглаго авантюриста Цезаря Борджіа,—для утѣхи-ли папы или французскаго короля,—должна была воз-

буждать подозрительность патріотическихъ флорентинцевъ. Этотъ высокій, плечистый, длиннобородый человѣкъ съ огромнымъ выпуклымъ лбомъ и густыми бровями, нависшими надъ голубыми глазами, какъ два распростертыхъ крыла, скупой на слова и постоянно трудящійся надъ какими-то таинственными научными работами, которыя онъ записывалъ уродливыми каракулями справа налѣво—на семитическій манеръ, этотъ Леонардо-да-Винчи не могъ не казаться особеннымъ существомъ даже рядомъ съ Микель-Анджело и другими геніальными людьми Италіи...

Я попросилъ старика найти фотографію Джіоконды. Онъ сталъ перебирать на столѣ груды снимковъ, нашелъ Джіоконду и передалъ ее мнѣ. На лицѣ юноши, который сидѣлъ у открытаго окна, я вдругъ замѣтилъ легкое волненіе. Подъ его тонкой кожей разлилась слабая краска. Мнѣ показалось, что онъ сталъ прислушиваться къ словамъ старика съ болѣзненнымъ вниманіемъ. Въ глазахъ его свѣтился лихорадочный огонекъ.

— Я сказалъ,—началъ опять старикъ,—что надо перенестись во Флоренцію, если хочешь живо представить себѣ, какое странное впечатлѣніе Джіоконда произвела на современниковъ Леонардо-да-Винчи. Беру моего любимаго Вазари и читаю его описаніе, въ которомъ только отдѣльныя слова показываютъ, что онъ иногда ощущалъ темную тайну этого великаго портрета. Фразы его живы, полны восторга, заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя драгоцѣнныя историческія свѣдѣнія, но въ общемъ онѣ чужды правдѣ. Духа Леонардо-да-Винчи Вазари не постигалъ. Вотъ что мы находимъ въ этомъ краткомъ описаніи. Во-первыхъ, мы узнаемъ, что Леонардо-да-Винчи писалъ Джіоконду четыре года и, все-таки, не считалъ портретъ законченнымъ. Во-вторыхъ, самое произведеніе кажется Вазари величайшимъ подражаніемъ природѣ. Кто хочетъ видѣть, до какого совершенства человѣкъ можетъ дойти въ слѣдованіи природѣ, пусть посмотритъ на портретъ Джіоконды, говоритъ Вазари. Въ немъ воспроизведены всѣ подробности, какія только доступны живописи. Въ глазахъ Джіоконды—свѣтъ и влажный блескъ, какъ въ живыхъ глазахъ, а въ вѣкахъ замѣтны тончайшія лиловатыя жилки. Рѣсницы ростутъ изъ поръ съ неравномѣрной густотой. Носъ съ нѣжно-розоватыми ноздрями, какъ у живого человѣка. Ротъ съ красными губами производитъ впечатлѣніе настоящей плоти. Внимательно вглядываясь въ шею, чувствуешь біеніе пульса... Такими словами Вазари описываетъ Джіоконду. Многія изъ этихъ великолѣпныхъ деталей уже пропали для насъ. Но Вазари ихъ видѣлъ и говоритъ о нихъ съ восхищеніемъ. Онъ говоритъ о нихъ, какъ живописецъ, оцѣниваетъ ихъ, какъ виртуозъ. Но собственно критическихъ замѣчаній, которыя выражали-бы извѣстное пониманіе этого портрета, передавали-бы цѣльное ощущеніе отъ него, мы не находимъ въ его словахъ. Законченнаго сужденія нельзя прочесть и въ послѣднихъ строкахъ описанія. Можно сказать, говоритъ Вазари, что Джіоконда написана въ манерѣ,

которая должна привести въ трепетъ всѣхъ художниковъ. Такъ какъ Джіоконда была красавицей, то Леонардо-да-Винчи во время сеансовъ приглашалъ музыкантовъ, пѣвцовъ, шутовъ, которые должны были забавлять ее, чтобы устранить неизбѣжную меланхоличность живописныхъ портретовъ. Въ результатѣ получилось произведеніе, достойное божественной, а не человѣческой руки. На этомъ кончаются разсужденія Вазари о Джіокондѣ. Я считаю это описаніе, въ смыслѣ передачи внѣшнихъ особенностей, въ высшей степени характернымъ и притомъ чуть-ли ни единственнымъ описаніемъ, дошедшимъ до насъ отъ современниковъ Леонардо-да-Винчи. Лиловатыя жилки, нѣжно-розовыя ноздри, удивительный артистическій эффектъ, дающій иллюзію пульсаціи въ шеѣ,— но за этими словами я не вижу все-таки души Джіоконды, какъ не видѣлъ ее Вазари. Замѣтьте при этомъ слѣдующія странности: онъ даже не упоминаетъ о высокомъ выпукломъ лбѣ Джіоконды,—почти преувеличенно высокомъ лбѣ, неженственной подробности, въ которой сказалось нѣчто очень важное и серьезное. Затѣмъ, дальше, описывая рѣсницы, Вазари не упоминаетъ, что Джіоконда безъ бровей,—необычайно характерная деталь, которая долго не обращала на себя вниманія и была впервые отмѣчена Стендалемъ. Вазари ничего не говоритъ о волосахъ Джіоконды, не оттѣняетъ геніальнаго мастерства Леонардо въ созданіи ея безподобныхъ притягательныхъ рукъ. Не отмѣченъ костюмъ Джіоконды въ мелкихъ сборкахъ и складкахъ, представляющихъ изящное, утонченное подражаніе классическимъ складкамъ. Наконецъ, что всего важнѣе, Вазари не обмолвился ни однимъ словомъ о характерѣ ея лица, ея неподвижной, смущающей улыбкѣ. При этомъ все разсужденіе Вазари основано на крупной ошибкѣ, будто Леонардо-да-Винчи, созидая Джіоконду, точно слѣдовалъ природѣ. Талантливый біографъ представителей итальянскаго искусства не сознаетъ, что, при всей научности пріемовъ, Леонардо-да-Винчи именно въ этомъ произведеніи является таинственнымъ кудесникомъ, мрачнымъ мечтателемъ, превратившимъ живую человѣческую натуру въ демоническую химеру. Но какъ-бы то ни было, Вазари говоритъ о Джіокондѣ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ, и слова его представляютъ положительную цѣнность для характеристики художника. Ломаццо, писатель XVI в., говоритъ о Джіокондѣ, повидимому, съ чужихъ словъ, потому что въ одномъ мѣстѣ своего трехтомнаго трактата о живописи, скульптурѣ и архитектурѣ, онъ утверждаетъ, что Леонардо-да-Винчи сдѣлалъ два различныхъ портрета: Джіоконды и Моны Лизы, не подозрѣвая, что Мона Лиза Герардини есть только дѣвическое имя Джіоконды. Кстати сказать, въ томъ-же второмъ томѣ своего сочиненія, Ломаццо приписываетъ Леонардо-да-Винчи одинъ сонетъ, который и приводитъ цѣликомъ, хотя, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, Уціелли неопровержимо доказалъ, что

произведеніе это принадлежитъ другому лицу. Перечисливъ условія, при которыхъ художникъ можетъ создать хорошій портретъ, Ломаццо съ полнымъ удовлетвореніемъ указываетъ на портретъ Джіоконды, какъ на совершенный образецъ этого рода искусства. Лицо Джіоконды выступаетъ для него въ весенней обстановкѣ, a guisa di primavera. Это очень важное, хотя идейно-ошибочное замѣчаніе. Ломаццо, который не могъ видѣть Джіоконды, потому что она находилась уже во Франціи, передаетъ то, что, можетъ быть, говорилось о ней тогда въ Миланѣ и во Флоренціи. Поверхностный теоретикъ искусства, недостовѣрный историкъ живописи Леонардо-да-Винчи, Ломаццо, менѣе, чѣмъ Вазари, могъ разгадать и понять это замысловатое произведеніе. Онъ не подошелъ къ его смыслу и тогда, когда, въ своемъ небольшомъ трактатѣ, «Idea del tempio della pittura», еще разъ коснулся Джіоконды и выразилъ мысль, что въ этомъ портретѣ Леонардо-да-Винчи превзошелъ природу. Разойдясь въ этомъ пунктѣ съ Вазари, онъ говоритъ, что портретъ Джіоконды служитъ доказательствомъ превосходства человѣческаго искусства надъ творчествомъ природы. Я не могу отрицать нѣкоторой интересной въ данномъ случаѣ мысли, но признаюсь, всѣмъ этимъ философскимъ разсужденіямъ Ломаццо я предпочитаю одно его слово: указаніе на то, что Мона Лиза была не флорентинкою, а неаполитанкою. Въ самомъ дѣлѣ, Джіоконда—уроженка не поэтической Тосканы, а именно Неаполя, его съ морскимъ горизонтомъ, предательскимъ Везувіемъ, съ его сухимъ и острымъ сирокко, съ его классическими легендами и погребенною подъ лавой греко-римскою культурою...

Въ это время по корридору раздались тяжелые шаги и стукъ въ дверь. Юноша насторожился и, когда въ полураскрытой двери показался почтальонъ, онъ быстро пошелъ ему на встрѣчу, взялъ письмо въ длинномъ узкомъ конвертѣ, вернулся къ окну и, распечатавъ, торопливо пробѣжалъ его глазами. Лицо его измѣнилось, губы слегка поблѣднѣли. Старикъ съ испугомъ въ глазахъ посмотрѣлъ на юношу, который напрасно старался подавить свое волненіе. На минуту въ комнатѣ воцарилась тишина, но юноша произнесъ своимъ слабымъ нервнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжайте. Ничего не случилось новаго. Ей даже лучше... Меня особенно интересуетъ то, что вы говорите о Джіокондѣ. Она меня тревожила цѣлый годъ. Мнѣ думалось, напротивъ, что Леонардо-да-Винчи показалъ въ ней настоящую новую красоту. Помните, когда мы поднимались на Монте-Альбано, было такъ хорошо, прекрасно, несмотря на холодный вѣтеръ. Я такъ люблю это воспоминаніе. И когда я смотрѣлъ на Джіоконду, я чувствовалъ тоже самое. Какъ будто тотъже холодный вѣтеръ, та-же высота. Скажите мнѣ, развѣ это не то-же самое впечатлѣніе, что на Монте-Альбано?

По лицу юноши разлилась болѣзненная краска. Видно было, что онъ неожиданно для себя излилъ волновавшія его мысли и что мысли эти связаны съ его интимными настроеніями. Мнѣ чувствовалось, что это былъ какой-то непроизвольный полетъ робкаго птенца, подхваченнаго неаполитанскимъ сирокко. Втеченіе послѣднихъ дней я такъ сблизился съ старымъ энтузіастомъ, сжился съ его сужденіями, такъ мало допускалъ возможность какихъ нибудь противорѣчій между воспитателемъ и обожающимъ его ученикомъ, что нѣсколько внезапныхъ фразъ юноши, да еще въ связи съ таинственнымъ для меня женскимъ письмомъ въ кокетливомъ конвертѣ, произвели на меня тревожное впечатлѣніе. Какая-то догадка стала смутно носиться передъ моимъ воображеніемъ, и вопросъ о Джіокондѣ сразу получилъ жгучую остроту жизненнаго интереса. Вдругъ я подумалъ, что въ своемъ одинокомъ путешествіи юноша, въ самомъ дѣлѣ, поддался какому-нибудь повѣтрію,—одному изъ тѣхъ современныхъ повѣтрій, которыя, являясь въ обществѣ передъ глубокимъ духовнымъ кризисомъ, сами по себѣ приносятъ только ядовитое разложеніе. И мнѣ стало страшно за него: съ его слабыми нервами, неспособными на мужественную борьбу, съ его мечтательнымъ умомъ безъ діалектики, съ его склонностью къ поэтическимъ очарованіямъ, при бездѣйствіи трагически возбужденной воли,—сможетъ ли онъ, этотъ юноша, вынести наркотическій дурманъ того подражательнаго демонизма—безъ широкаго научнаго кругозора историческаго ренессанса,—который сталъ овладѣвать расшатанными душами современныхъ европейскихъ поколѣній?

Старикъ заговорилъ съ особеннымъ одушевленіемъ:

— Сейчасъ, сейчасъ мы перейдемъ къ этому вопросу о красотѣ Джіоконды, потому что мнѣ хочется напомнить тѣ восторги, которые она выказывала у новѣйшихъ любителей искусства—такъ называемыхъ знатоковъ и цѣнителей. О, эти патетическіе восторги передъ молчаливыми картинами! Эти неумѣренные возгласы о великолѣпіи красокъ, оригинальности рисунка и чудесахъ поэтическаго пейзажа! О картинѣ, если только она талантлива, можно сказать что угодно. Вѣдь она молчитъ, вѣдь она не то, что книга, которая говоритъ съ вами вашимъ же языкомъ, споритъ съ вами, наставляетъ васъ. Я въ свое время собралъ въ одной тетради всѣ отзывы о Джіокондѣ и—Боже мой,—какое море похвалъ, замысловатыхъ, съ претензіей на мудрость. А Джіоконда все еще остается загадкою—можетъ быть, именно потому, что она ни въ комъ не возбуждаетъ простого цѣльнаго ощущенія и чувства красоты. Въ этомъ трудно сознаться, и чѣмъ банальнѣе умъ, разсуждающій о Джіокондѣ, чѣмъ онъ поверхностнѣе, тѣмъ болѣе онъ старается вымудрить какое-нибудь оригинальное мнѣніе, основанное будто бы на тонкомъ артистическомъ ощущеніи. Изъ болѣе старыхъ писателей я привелъ мнѣ-

нія Вазари и Ломаццо. Ими кончаются историческіе источники при изученіи этого портрета Леонардо-да-Винчи. Другіе писатели XVI вѣка, Анонимъ, Паоло Джіовіо, даже не упоминаютъ о немъ. Затѣмъ идутъ стереотипныя повторенія того, что сказано у Вазари и Ломаццо, и даже Аморетти, въ своей прекрасной біографіи Леонардо-да-Винчи 1804 г., не прибавилъ къ этому вопросу ни одной оригинальной черты. Онъ сухо упоминаетъ о двухъ флорентинскихъ женщинахъ, Лизѣ дель-Джіокондо и Джиневрѣ д'Америго Бенчи, прославившихся красотою и воспроизведенныхъ кистью Леонардо-да-Винчи. Теперь перейдемъ къ новѣйшимъ теоретикамъ искусства. Стендаль пересказываетъ, въ сущности, то, что говорится у Вазари, но съ нѣсколько легкомысленнымъ блескомъ стиля, неизбѣжнымъ даже у самыхъ замѣчательныхъ французскихъ писателей. Возвратившись изъ Милана во Флоренцію, пишетъ онъ, Леонардо, вмѣсто того, чтобы заниматься церковной живописью, которая казалась ему слишкомъ большимъ дѣломъ, принялся изображать хорошенькихъ женщинъ изъ общества—замѣчаніе, недостойное Стендаля и, можетъ быть, обнаруживающее неполное знакомство съ біографіей Леонардо-да-Винчи. Принимая у себя въ мастерской свои прекрасныя модели, продолжаетъ онъ, Леонардо, привыкшій блистать въ свѣтскомъ обществѣ и охотно выслушивавшій его любезности, собиралъ къ себѣ наиболѣе извѣстныхъ людей и лучшихъ музыкантовъ города. Онъ обладалъ самъ пикантною веселостью и ничего не жалѣлъ, чтобы превратить свои художественные сеансы въ веселыя parties de plaisir. Замѣчаніе, опять таки, легкомысленное и даже не совсѣмъ обдуманное: едва ли Леонардо принималъ у себя замужнюю женщину изъ аристократическаго круга, не говоря уже о томъ, что разсуждать о пикантной веселости Леонардо-да-Винчи—значитъ не видѣть натуры этого замкнутаго и глубокомысленнаго человѣка, который, устраивая у себя веселыя зрѣлища, никогда не позволялъ себѣ вдаваться въ суетливую подвижность. Онъ тихо, какъ мудрый наблюдатель, высасывалъ изъ окружающаго веселья свои кудесническія затѣи и мысли. Подобно Стендалю, и Тэнъ говоритъ о Джіокондѣ съ неизбѣжною легкостью французской стилистики. Заинтересовавшись легендою о романѣ между Леонардо-да-Винчи и Джіокондою, онъ указываетъ на то, что мужъ Моны Лизы, имѣвшій ее своей третьей женой, былъ уже не молодъ, когда писался ея портретъ. Принимая во вниманіе красоту, изящество и славу Леонардо-да-Винчи, чрезмѣрную продолжительность работы надъ портретомъ и готовность художника покрывать всѣ расходы по веселой «mise en scène», Тэнъ склоняется къ предположенію, что «улыбка Моны Лизы относилась, быть можетъ, къ ея мужу—изъ насмѣшки, быть можетъ къ Леонардо-да-Винчи—изъ благосклонности, а быть можетъ къ тому и другому вмѣстѣ». Вотъ какъ гадаютъ знаменитые европейскіе критики надъ жизнью и произведеніями Леонардо-да-

Винчи. Отмѣчу интересную подробность. По соображеніямъ Тэна, улыбка Джіоконды могла относиться къ немолодому уже мужу. А между тѣмъ, въ это время мужъ Джіоконды былъ моложе Леонардо-да-Винчи. По изъисканіямъ архивнаго ученаго Миланези, онъ родился въ 1460 г., т. е. былъ моложе Леонардо-да-Винчи на восемь лѣтъ и, стало быть, не былъ старъ во время писанія портрета, который былъ начатъ въ 1500 г. Изъ цѣлой тучи другихъ отзывовъ о Леонардо-да-Винчи стоитъ упомянуть еще отзывы Арсенъ Гуссе, Сеайля, Клемана и, въ заключеніе, двухъ англійскихъ писателей. Книжка патетическаго цѣнителя Леонардо-да-Винчи, Гуссе, представляетъ какое-то сплошное легкомысліе и при томъ—съ отвратительными патріотическими претензіями. Онъ дѣлалъ раскопки въ Амбуазѣ, отъискалъ черепъ Леонардо-да-Винчи, шумѣлъ по этому поводу на весь міръ, съ непоколебимымъ убѣжденіемъ сообщалъ, вопреки непреложнымъ историческимъ документамъ, что Леонардо-да-Винчи умеръ-таки на рукахъ Франциска I. Какая честь для Леонардо-да-Винчи въ глазахъ француза! О Джіокондѣ Гуссе говоритъ и въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ, но и тутъ, и тамъ вы, конечно, не найдете не только живого пониманія, но даже полной освѣдомленности въ біографическихъ фактахъ. Одна изъ главъ его книги начинается словами: «Поэтъ Беллинчіони говоритъ въ своихъ стихахъ о знаменитыхъ портретахъ Джиневры Бенчи и Лизы дель Джіокондо». Если бы Гуссе въ самомъ дѣлѣ читалъ когда-нибудь «Le rime di Bernardo Bellincioni», онъ, конечно, не впалъ бы въ такую грубую ошибку: у Беллинчіони нѣтъ ни слова ни о Джиневрѣ Бенчи, ни о Монѣ Лизѣ—по той простой причинѣ, что онъ умеръ за восемь лѣтъ до того, какъ Леонардо приступилъ къ этимъ портретамъ. Такъ-то пишутъ по документамъ о жизни Леонардо-да-Винчи... Сеайль передалъ на одной страницѣ нѣсколько очень возвышенныхъ, но спутанныхъ мыслей. Съ наивнымъ французскимъ романтизмомъ, онъ восторгается судьбою, которая позволила Леонардо-да-Винчи, передъ наступленіемъ темныхъ дней его жизни, «освѣжить свою душу въ кроткомъ свѣтѣ этой безподобной улыбки». Мессеръ Франческо Джіокондо могъ утѣшиться, въ случаѣ надобности, воспоминаніями о двухъ первыхъ женахъ. А Мона Лиза «безспорно принадлежала тому, кто такъ ждалъ и предчувствовалъ ея красоту, что она кажется рожденною изъ его артистическаго каприза». Великолѣпное замѣчаніе съ оттѣнкомъ великодушнаго французскаго легкомыслія! Не имѣя въ рукахъ никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, можно сказать—фантазируя за собственный страхъ, Сеайль говоритъ съ чувствомъ безкорыстнаго удовлетворенія о томъ, что, быть можетъ, было пустою и корыстною легендою. Затѣмъ Сеайль ударяется въ глубокія философскія соображенія. Леонардо-да-Винчи любилъ въ Джіокондѣ «безконечность природы, не познающей самой себя». Онъ медленно изучалъ ее въ ея красотѣ,

наслаждался ея душой и тѣломъ и предоставилъ намъ разбираться въ тайнѣ, которая его вдохновляла. Джіоконда поддавалась очарованію его генія, которому она не была чужда. Ихъ любовь не была радостнымъ безуміемъ жизненной весны: она отличалась утонченностями, сладостями и ученымъ очарованіемъ того произведенія, которое изъ нея родилось. Такъ разсуждаетъ Сеайль, то приближаясь къ истинѣ, въ своихъ замѣчаніяхъ о характерѣ Джіоконды, то удаляясь отъ нея—въ разсужденіяхъ о ея любви и кроткомъ свѣтѣ ея улыбки. Французскій писатель нарушаетъ мѣру настоящей художественной критики, которая, при малѣйшемъ забвеніи строгихъ законовъ историческаго и психологическаго изслѣдованія, превращается въ легкомысленный бредъ, достойный самоувѣренныхъ профановъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что Сеайль, въ своихъ романическихъ толкованіяхъ портрета, слѣдуетъ за Клеманомъ, извѣстнымъ авторомъ сочиненія «Michel-Ange, Leonard de Vinci, Raphael». Клеманъ тоже находится въ полномъ упоеніи отъ этого портрета, сдѣланнаго, по словамъ Вазари, не человѣческою, а божественною рукою. Тысячи людей, всѣхъ возрастовъ и народностей, говоритъ Клеманъ, подходили къ сладострастному и чарующему образу Моны Лизы, смотрѣли въ ея прозрачные и жгучіе глаза, улавливали лживыя слова этихъ предательскихъ губъ и разносили по всему міру отраву въ собственномъ сердцѣ.—Недурно, очень недурно для пониманія Джіоконды, но, безстрашно подвигаясь по этому пути, ученый французъ мало-по-малу впадаетъ въ изступленный риторическій восторгъ. «Доколѣ сохранятся какіе-нибудь слѣды этой удивительной и ужасной красоты, всѣ, кто ищетъ разгадки душевныхъ тайнъ въ чертахъ человѣческаго лица, будутъ подходить и спрашивать у нея новаго слова». Вотъ гдѣ находитъ Клеманъ новое слово—въ красотѣ удивительной, но ужасной и лживой. Обвороженный этой красотою, Клеманъ восклицаетъ: влюбленные, поэты, мечтатели, идите умирать къ ногамъ Джіоконды,—ваше отчаяніе, самая смерть ваша не изгладитъ съ этого насмѣшливаго рта чарующей улыбки, безпощадной улыбки, которая обѣщаетъ блаженство и которая никогда не дастъ счастья!.. Я думаю, что этими своими словами Клеманъ послужилъ тому демоническому повѣтрію, которое производитъ тѣмъ большее дѣйствіе на слабые и встревоженные умы, чѣмъ меньше въ немъ логической ясности и настоящей живой красоты. Въ лживой улыбкѣ Джіоконды онъ ищетъ разгадки вѣчныхъ истинъ человѣческой души. Такими общими словами расписываются достоинства Джіоконды, которая безмолвно глядитъ своимъ кошачьимъ взглядомъ. Продолжаютъ говорить о ея красотѣ—замѣтьте, о красотѣ, хотя красоты-то въ ней и нѣтъ. Предполагается, повидимому, что если великій художникъ сдѣлалъ портретъ женщины, то, значитъ, она непремѣнно должна была быть красавицей, а самое произведеніе художника отличается всѣми внѣшними прелестями. Эта коренная ошибка по отношенію къ Джіокондѣ про-

ходитъ черезъ всю литературу предмета, не исключая даже такихъ цѣнителей итальянской красоты, какъ Вазари, Ломаццо и Аморетти. Можетъ быть, Рихтеръ былъ довольно близокъ къ истинному пониманію Джіоконды въ своей небольшой книжкѣ о Леонардо-да-Винчи, когда, слегка коснувшись вопроса о красотѣ Джіоконды, онъ тутъ-же замѣтилъ, что достоинство портрета не въ его колоритѣ и не въ красотѣ изображеннаго лица, а въ замыслѣ художника и въ его выраженіи. Правда, правда,—Джіоконда интересна именно какъ замыселъ, какъ геніальное выраженіе извѣстной идеи или, вѣрнѣе, цѣлаго міра идей, можетъ быть не способныхъ воплотиться въ простыхъ красивыхъ формахъ. Еще до Рихтера это было превосходно понято талантливѣйшимъ англійскимъ критикомъ Пэтеромъ въ его блестящихъ очеркахъ о ренессансѣ. Я считаю нѣкоторыя его разсужденія о Леонардо-да-Винчи безподобными по глубинѣ и смѣлости. Онъ постигалъ Джіоконду. Хотя онъ не нашелъ какого-нибудь одного выразительнаго слова для опредѣленія этого портрета съ его «ученымъ очарованіемъ», по выраженію Сеайля, но онъ намѣтилъ многое, очень многое и важное—то, что само собою складывается въ цѣльное и рѣшительное сужденіе. Статья Пэтера напечатана въ 1869 г., но она до сихъ поръ сохраняетъ свѣжесть и цѣнность проникновеннаго суда надъ великимъ произведеніемъ итальянскаго искусства. Вы замѣтили, можетъ быть, что всѣ эти прославленные европейскіе критики въ своихъ краснорѣчивыхъ соображеніяхъ о Джіокондѣ даже не вспоминаютъ о Верроккіо—пустыя общія слова при полномъ отсутствіи исторической перспективы. О Верроккіо нельзя забывать, когда разсуждаешь о Леонардо-да-Винчи. Его надо постоянно имѣть въ виду, потому что какъ-бы ни былъ самобытенъ геній Леонардо-да-Винчи, онъ, Верроккіо, влилъ въ его душу свой особенный ядъ, свой острый скептицизмъ и равнодушіе къ маленькимъ человѣческимъ дѣламъ, къ страстямъ и чувствамъ, съ которыми имѣетъ дѣло настоящее искусство. Но Пэтеръ тонко подмѣтилъ родство Джіоконды съ произведеніями Верроккіо, хотя онъ не указываетъ при этомъ именно на портретъ женщины, находящійся въ вѣнской галлереѣ Лихтенштейна, столь сходный съ Джіокондою по внутреннему типу. Англійскій критикъ совершенно вѣрно говоритъ: не замѣтить, что женскія лица Леонардо-да-Винчи находятся въ прямой связи, какъ съ своимъ первоисточникомъ, съ произведеніями и рисунками Верроккіо, значитъ сдѣлать большую ошибку. Улыбка, которая играетъ на этихъ лицахъ—улыбка злокачественная,—перешла къ Леонардо-да-Винчи отъ Верроккіо. Собственныя умственныя наклонности Леонардо, въ связи съ воспитаніемъ, ядовитая природная фантазія вмѣстѣ съ рѣшительнымъ вліяніемъ такого характера, какъ Верроккіо—вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ сложилась Джіоконда. Это не портретъ въ точномъ смыслѣ этого слова: достаточно вспомнить усиленныя хлопоты Лео-

нардо-да-Винчи о томъ, чтобы во время сеансовъ Джіоконду забавляли шуты и настраивала извѣстнымъ образомъ музыка. Вы понимаете—такъ не пишутся портреты, такъ совершаются только эксперименты надъ человѣческою душою, съ цѣлью вызвать на лицѣ выраженіе, нужное художнику. Онъ экспериментировалъ, Леонардо-да-Винчи, какъ человѣкъ науки, но при этомъ онъ несомнѣнно до нѣкоторой степени производилъ насиліе надъ натурою. Онъ заколдовывалъ ее, наводилъ на нее чары своей души—тонко и мастерски гипнотизировалъ ее, какъ сказали-бы теперь. Предъ нами не портретъ, а произведеніе великаго мага XVI в. Эту мысль—вызвать улыбку, неизвѣстно какую, веселую или презрительную, при помощи буффоновъ—надо считать несчастнымъ порожденіемъ не только его собственной неблагодатной натуры, но и привычекъ, укоренившихся въ немъ при дворѣ развратнаго миланскаго герцога. Можетъ быть, сама Джіоконда, въ иной, болѣе простой и естественной обстановкѣ, открыла-бы художнику настоящую правду своей души, но Леонардо-да-Винчи искалъ не правды, какова она есть, а правды смѣлаго, но искусственнаго эксперимента. Такая правда нужна не художнику, а психологу, философу, человѣку науки, кому угодно, только не художнику. Вазари сдѣлалъ наивную ошибку: Леонардо-да-Винчи не слѣдовалъ природѣ, создавая этотъ странный, малохудожественный и малопоэтическій портретъ. И музыка не помогла!

Во время своихъ длинныхъ лекторскихъ объясненій, которыя, повидимому, были изліяніемъ одинокаго, долго молчавшаго человѣка и которыя теперь какъ-бы облегчали его насыщенную книжными знаніями память, старикъ вставалъ, ходилъ по комнатѣ, опять садился и, вообще, казался болѣе обыкновеннаго взволнованнымъ. Было ясно, что онъ не отойдетъ отъ предмета, пока не выскажется до конца, потому что Джіоконда мутила его духъ, какъ злой врагъ всѣхъ его лучшихъ настроеній. Онъ боролся съ неаполитанскимъ сирокко, идя ему на встрѣчу, защищая отъ него своимъ стойкимъ энтузіазмомъ что-то нѣжное, завѣтное... Теперь онъ подошелъ къ окну, вдохнулъ свѣжѣющій воздухъ и провелъ платкомъ по своему лбу. На лицѣ юноши я замѣтилъ выраженіе внутренняго испуга и безсильной умственной тревоги. Мнѣ показалось, что молчаніе было ему тягостно, что ему хочется что-то возразить въ защиту Джіоконды какими-то особыми интимными доводами, но онъ смущенно молчалъ. Старый энтузіастъ обернулся ко мнѣ и съ сердечной, какой-то виноватой улыбкой произнесъ:

— Что вы обо всемъ этомъ думаете? Вы согласны, что Джіоконда—только экспериментъ?

— Да, конечно,—отвѣтилъ я.—Мнѣ хотѣлось-бы только кое-что прибавить. Меня давно занимала мысль о томъ, не было-ли рискованно со стороны Леонардо-да-Винчи приглашать музыкантовъ на свои сеансы.

Мнѣ кажется, что музыка, по самой своей природѣ, не выдвигаетъ индивидуальныхъ чертъ въ человѣческой физіономіи, а, напротивъ, застилаетъ лицо мглою неуловимой неземной мечтательности. Посмотрите на толпу людей въ концертной залѣ—она стала чѣмъ-то единымъ, слилась въ своемъ экстазѣ въ подвижную, зыбкую, какъ море, стихію. Это фонъ для великолѣпной трагической картины, ея тайная идея, какъ хоръ въ древне-греческой трагедіи, но это не герои живой пластики,—законченныя модели для изобразительнаго искусства. Музыка уводитъ человѣческую душу изъ міра индивидуальныхъ явленій въ міръ безформеннаго божества. Леонардо-да-Винчи, желая сдѣлать экспериментъ въ области искусства, создалъ, мнѣ кажется, не художественное, поэтическое произведеніе, съ опредѣленною строгою формою, а произведеніе метафизическое, въ расплывающейся, неуловимой и потому безплодно-загадочной формѣ.

Старикъ заговорилъ съ новымъ оживленіемъ:

— Метафизика не искусство. Но Леонардо-да-Винчи оказался метафизикомъ на особенный, чисто схоластическій манеръ. Я могу сказать, что это его произведеніе—цѣлая энциклопедія знаній, взглядовъ, чуждыхъ и противорѣчивыхъ идей. Это замѣтилъ Пэтеръ. Онъ такъ и говоритъ: Джіоконда—это цѣлый складъ странныхъ мыслей, фантастическихъ мечтаній и исключительныхъ страстей. Замѣчательнѣйшее произведеніе ренессанса, не имѣющее ничего общаго съ классическою красотой. Это образъ, говоритъ Пэтеръ, въ который вошла человѣческая душа со всѣми ея недугами. Здѣсь мы находимъ въ странномъ сочетаніи одушевленныя страсти грековъ и сладострастіе римлянъ, мистицизмъ среднихъ вѣковъ, съ его духовною превыспренностью и мечтательной влюбленностью, возвратъ къ язычеству и грѣхи Борджіа. Джіоконда старѣе тѣхъ скалъ, которыя видны за нею. Долгое время она изучала тайны гроба,—теперь она ожила. Она, какъ Леда, родила Елену, и она-же, какъ святая Анна, родила Богоматерь. Она воплощаетъ въ себѣ жизнь всѣхъ вѣковъ, она сосредоточила въ себѣ опытъ тысячелѣтней исторіи человѣческаго рода. Передъ нами символъ непрерывной жизни... Вотъ какъ понимаетъ этотъ портретъ Пэтеръ и понимаетъ превосходно, какъ очень тонкій критикъ. Въ самомъ дѣлѣ—Джіоконда стара, полна многослойнаго историческаго содержанія. Но въ этомъ-то и вся бѣда сложнаго произведенія Леонардо-да-Винчи: Джіоконда стара! Посмотрите на этотъ портретъ. Въ немъ вы не видите красоты именно потому, что это старая женщина, хотя на лицѣ ея нѣтъ ни одной морщинки. Молодая неаполитанка, въ первые годы своего замужества за флорентинскимъ аристократомъ, подъ магическою рукою великаго схоластика, превратилась въ старуху. Пусть Вазари говоритъ о портретѣ красавицы,—а за нимъ и Ломаццо, и Аморетти, и всѣ знаменитые, и малоизвѣстные, старые и новые цѣнители

искусства. Для меня въ Джіокондѣ нѣтъ молодости, нѣтъ ни одной ласкающей дѣтской черты, которая сохраняется и подъ морщинами живыхъ людей. Это обширная энциклопедія жизней, но не сама жизнь, всегда возрождающаяся, вѣчно новорожденная, послѣ всѣхъ протекшихъ тысячелѣтій,—теперь, какъ и всегда. Какъ-бы ни была стара культура человѣческаго рода, человѣкъ входитъ въ жизнь свѣжимъ весеннимъ созданьемъ, съ утонченными, но не отягченными нервами. Вотъ почему красота каждой исторической эпохи, несмотря на всѣ ея безсознательныя связи съ прошедшими эпохами, является чѣмъ-то новымъ, свѣжимъ, подвижнымъ и законченно-гармоничнымъ. Но Джіоконда стара и некрасива, потому что, захвативъ въ свою душу всѣ прошедшія эпохи, съ ихъ коренными противорѣчіями, она сама не вышла изъ этихъ эпохъ, не оставила ихъ за собою, какъ живое существо. Это энциклопедія жизней, но не новая жизнь, это энциклопедія опытовъ, но не новая красота. Борящіяся въ ней культуры какъ-бы пожираютъ другъ-друга, не оставляя для жизни никакихъ свѣжихъ соковъ. Посмотрите на ея лобъ—чрезмѣрно высокій, выпуклый и нѣсколько сдавленный около висковъ. Это почти лобъ самого Леонардо-да-Винчи. Какія за нимъ должны таиться знанія, какой опытъ,—геній, родственный генію Леонардо-да-Винчи, какъ сказалъ Сеайль. Вотъ откуда «ученое очарованіе», которымъ невольно восхищается этотъ авторъ: ученое очарованіе не есть художественное очарованіе! Надъ глазами нѣтъ бровей—вмѣсто нихъ какая-то легкая припухлость. Очень многозначительная подробность. Чѣмъ-то болѣзненно-вырождающимся вѣетъ отъ этого лица, и чувствуется, что эта женщина обладаетъ скрытыми недугами. Вѣки глазъ кажутся слегка отекшими и немного тяжелыми. Узкіе умные глаза, сдѣланные съ удивительнымъ совершенствомъ, смотрятъ неопредѣленно, точно издали. Уже въ этихъ немногихъ подробностяхъ мы имѣемъ сложную философію и ничего, что тихо и ласково говорило-бы съ душой законченною поэтическою формою. Чувствуется что-то безмѣрное, необозримое, неуловимое. Мысль зрителя возбуждена, но возбуждена безплодно: нѣтъ простыхъ живыхъ ощущеній. Тонкій, постепенно расширяющійся носъ съ нервными трепетными крыльями—нѣжно-розовыми ноздрями, какъ замѣтилъ Вазари: Великолѣпная подробность для пониманія Джіоконды: у нея, можетъ быть, не очень хорошій слухъ, иначе уши ея не были-бы закрыты ниспадающими волосами, она больше дорожила-бы слуховыми впечатлѣніями,—глаза ея смотрятъ неопредѣленно, но у нея тонкое обоняніе, которое часто соединяется съ слабымъ воспріятіемъ другого рода впечатлѣній. Ее чувственно волнуютъ запахи, но она не отзывчива на страданія живыхъ существъ. Чтобы сострадать, нужно отчетливо видѣть и чутко слышать. О, эти тонкія, нѣжно-розовыя крылья носа! А лицо у нея блѣдное, одутловатое. Оваль его неотчетливъ. Подбородокъ маленькій.

Красныя губы нѣсколько растянуты улыбкою. Тонкая верхняя губа возбуждаетъ мысль о чемъ-то недобромъ, лукавомъ. Все лицо, въ общемъ, при его широкой интеллигентности, изысканныхъ ощущеніяхъ въ области обонянія и признакахъ болѣзненнаго разложенія отдаетъ безсиліемъ темперамента и нравственнымъ безволіемъ. Прибавьте къ этому плоско приглаженные на головѣ жидкіе волосы, спадающіе по плечамъ мелко-волнистыми прядями. Этотъ образъ всѣми своими чертами говоритъ вамъ какимъ-то условнымъ символическимъ языкомъ, какъ замѣтилъ Пэтеръ, и не имѣетъ самодовлѣющей прелести чисто поэтическаго образа. Лицо это надо дешифрировать по частямъ, а когда коментарій законченъ, въ результатѣ остается запутанная система значковъ и идей, можно сказать, уводящихъ изъ теплаго и завершеннаго въ своихъ формахъ міра поэзіи въ область безбрежныхъ замысловъ. Такой образъ не можетъ быть красивымъ. Еще обратите вниманіе на нѣжную гладкую шею, съ совсѣмъ незамѣтными ключицами—въ этомъ тѣлѣ не чувствуется мускуловъ, здоровыхъ и сильныхъ, способныхъ къ работѣ. Наконецъ, руки Джіоконды. Нельзя представить себѣ болѣе тонкой живописи, болѣе правдоподобной иллюзіи при взглядѣ на эти восхитительныя руки. Морелли правъ, утверждая, что послѣ лица, руки—самая одухотворенная часть человѣческаго тѣла. Такихъ другихъ рукъ я не встрѣчалъ ни въ одной картинѣ. Въ нихъ можно прочесть цѣлую біографію этой женщины, ея характеръ, ея бездѣятельно-созерцательный духъ. Когда я гляжу на этотъ портретъ, который надо изучать цѣлыми годами, мнѣ кажется, что Джіоконда только что положила одну руку на другую—легко, нѣсколько лѣниво, неплотно. Длинные, постепенно утончающіеся пальцы съ круглыми ногтями,—не исхудалые пальцы Филиппино-Липпи, а пальцы мягкіе, съ чуть замѣтными тѣнями въ суставахъ, пальцы, подъ кожею которыхъ чувствуется нѣжная жировая ткань—такіе именно пальцы должны быть у Джіоконды. Я не забуду никогда того восхищенія, которое овладѣло мною, когда я въ первый разъ замѣтилъ въ Луврѣ, что въ нихъ струится какой-то розовый свѣтъ. Этой подробности Вазари не записалъ, а между тѣмъ, она не менѣе замѣчательна, чѣмъ нѣжно-розовыя ноздри Джіоконды. Джіоконда чутко слышитъ каждый запахъ и столь-же чутко улавливаетъ своими живыми одушевленными пальцами края, поверхности, внѣшнія формы предметовъ. Цѣлый міръ осязательныхъ и обонятельныхъ ощущеній и, можетъ быть, ни одного ощущенія, въ которомъ отразились-бы внутреннія свойства предметовъ, не говоря уже о психической жизни людей въ ея наиболѣе глубокихъ волненіяхъ. Посмотрите на эти руки въ цѣломъ—теплыя, мягкія, съ легкою припухлостью у основанія большого пальца, онѣ кажутся не природно-аристократическими, а выхоленными. Ея вялому чувственному темпераменту подобаютъ именно такія руки, способныя на поверхностную ласку, ко-

торая выражаетъ не нѣжность сердца, а любовь къ эгоистическимъ нервнымъ ощущеніямъ. Повторяю, нѣжно-розовыя крылья ея носа и ея розоватые пальцы—вотъ внѣшнія черты, за которыми можно открыть настоящую натуру этой женщины. Для меня она больше не загадка, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ этого слова, въ какомъ говорятъ о Джіокондѣ, хотя я считаю въ высшей степени загадочнымъ самое существованіе людей съ блѣдными страстями, съ одностороннею любовью къ внѣшнимъ формамъ міра и жизни, помимо ихъ содержанія, этихъ людей безъ внутренняго духовнаго центра. Сравните руки Джіоконды съ руками на картинахъ лучшихъ мастеровъ флорентинской школы или венеціанской, съ руками на картинахъ Андреа Мантенья, Содомы, и вы увидите, какъ глубоко былъ правъ Морелли, говоря, что по типу рукъ можно узнать авторовъ художественныхъ произведеній. Вотъ, посмотрите—передъ нами нѣсколько фотографій съ картинъ Филиппо-Липпи. На двухъ изъ нихъ молодая богоматерь съ нѣжными заостренными чертами лица молится на лежащаго у ея ногъ младенца, сложивъ руки. Пальцы на узкомъ запястьѣ тонкіе, преувеличенно длинные, деревянно безжизненные. Вы понимаете—по такимъ пальцамъ можно догадаться, что художникъ не воплотилъ въ своей картинѣ никакихъ сложныхъ душевныхъ движеній и настроеній. Теперь посмотрите на руки въ картинахъ Боттичелли. Его руки, въ типичномъ для него періодѣ дѣятельности, можно сейчасъ-же узнать по ломаннымъ линіямъ длинныхъ костлявыхъ пальцевъ съ четырехъугольными рѣзко-очерченными ногтями. Аристократъ Морелли называетъ ихъ плебейскими. Я не рѣшился-бы употребить такого слова, но я думаю, что по ломаннымъ линіямъ—ломаннымъ, а не волнистымъ—легко разгадать ломанную двойственную психологію этого кошмарнаго Боттичелли. Теперь посмотрите на руки у богоматери, являющейся св. Бернарду, Филиппино-Липпи. Широкое запястье съ чахоточно-исхудалыми, искусственно-рѣдко разставленными пальцами. Мнѣ кажется, это такъ подходитъ къ преувеличенному, риторическому паѳосу Филиппино-Липпи, который не имѣлъ въ своей душѣ драматическихъ волненій Боттичелли. У Лоренцо ди-Креди, ученика Верроккіо, руки съ худосочными, аккуратными пальцами, которые въ молитвенномъ жестѣ сложены между собою въ строгой симметріи. Вы чувствуете школу Верроккіо съ ея художественною наукою и отсутствіемъ внутренняго нравственнаго одушевленія. У Андреа Мантенья руки довольно большія, мускулистыя, сильныя, какъ и лица его картинъ, словно изъ Ветхаго Завѣта. У Содомы пальцы длинные, подвижные, съ мягкими ямочками. У спящей Венеры Джіорджіоне природно-аристократическія руки, особенно тонкія и мягкія, какъ его пѣвучій геній. У Тиціана—упругія руки, изящныя при всякой работѣ, при всякомъ драматическомъ жестѣ. Итакъ, у каждаго великаго художника своя манера писать руку, и портретныя

руки Джіоконды въ высшей степени характерны для самого Леонардо-да-Винчи, какъ и улыбка ея лица... Джіоконда совсѣмъ не загадочна, т.-е. она загадочна только до тѣхъ поръ, пока ее не дешифрируешь, а затѣмъ въ ней не остается для насъ именно тѣхъ простыхъ элементовъ, которые есть въ каждой живой душѣ и которые, въ своей духовной перворожденности, остаются навѣки неразложимыми. Это сложная хитроумная монограмма, а не органическое произведеніе природы. Знаменитая красавица Джіоконда, къ ногамъ которой Клеманъ призываетъ влюбленныхъ, поэтовъ и мечтателей всего міра, которою восхищается Теофилъ Готье и описываетъ съ обычнымъ энтузіазмомъ Жоржъ-Зандъ, эта Джіоконда совсѣмъ не красива и не загадочна. Ея улыбка не болѣе, какъ выраженіе душевнаго безсилія.

Старикъ остановился и посмотрѣлъ на меня разгорѣвшимися глазами. Онъ точно искалъ во мнѣ поддержки въ своей рѣшительной борьбѣ съ Джіокондою, потому что за этою борьбою болѣзненно и лихорадочно слѣдилъ его ученикъ, отбившійся отъ него во время своего путешествія по Европѣ и подхваченный сухимъ неаполитанскимъ вихремъ. Слушая съ напряженнымъ вниманіемъ критическія объясненія старика, я накапливалъ въ душѣ отрывочныя мысли, которыя мнѣ хотѣлось слить съ его разсужденіями. Я заговорилъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, улыбка Джіоконды безсильна. Какимъ экспериментомъ вызвалъ Леонардо-да-Винчи ее на этомъ лицѣ, вы уже сказали: она наведена при помощи сложнаго гипноза. Но что должна изображать эта улыбка, какой дѣйствительный смыслъ она имѣетъ въ этой картинѣ, отразившей душу самого художника—теперь уже не трудно понять. Я думаю, что улыбка Джіоконды безпредметна, и потому имѣетъ не жизненное, а условное значеніе. Джіоконда не является ни типомъ женщины-язычницы, ни типомъ христіанки. Она не цѣльное индивидуальное существо и не типъ. Она не язычница, потому что въ ней нѣтъ дѣятельнаго экстаза классическаго богопониманія, нѣтъ убѣжденной трагической жестокости, нѣтъ ничего жизнерадостнаго. Она не христіанка потому, что ея равнодушіе къ людямъ и безцѣльное самоуглубленіе выражаетъ натуру, лишенную неспокойныхъ, но нѣжныхъ идеалистическихъ инстинктовъ съ ихъ реформаторскими стремленіями. Она не есть и многозначительное сліяніе обѣихъ культуръ въ ихъ немногихъ родственныхъ основахъ, потому что изъ такого сліянія должно было-бы выйти существо живое, новорожденное, весеннее. А Джіоконда, дѣйствительно, стара. Въ этомъ лицѣ нѣтъ ни античной радости, ни христіанской скорби. Ея улыбка порождена ея безпомощнымъ положеніемъ среди опредѣленныхъ различныхъ культуръ, не слившихся между собою. Такъ улыбаются обыкновенно люди, когда въ душѣ у нихъ нѣтъ отчетливаго отношенія къ окружающему міру. Улыбка можетъ быть началомъ весе-

лаго смѣха или отблескомъ замирающаго смѣха, но это не та улыбка: Джіоконда не способна къ жизнерадостному смѣху. Улыбка можетъ выражать возвращеніе души отъ глубокой скорби къ невиннымъ радостямъ жизни. Но это не та улыбка, потому что Джіоконда не умѣетъ глубоко воспринимать въ душу міръ человѣческихъ страданій, потому что она нравственно слѣпа и глуха. Она не способна къ свѣтлому и радостному перерожденію и возрожденію. Она никогда не выходитъ изъ своей собственной внутренней смуты. Остается спросить себя, не есть-ли это презрительная улыбка передъ началомъ изступленнаго демоническаго смѣха? Но, во-первыхъ, демоническій смѣхъ самъ по себѣ не больше, какъ безсильная претензія малой человѣческой величины преодолѣть и отвергнуть безмѣрное, непостижимое и неуловимое божество. Это все равно, что угрожать кулаками звѣздному небу. А, во-вторыхъ, демонизмъ Джіоконды—демонизмъ безтемпераментной натуры, натуры непростой и постоянно распадающейся въ своихъ искусственно собранныхъ элементахъ. Ея улыбка не можетъ выражать даже характернаго демоническаго презрѣнія къ міру и людямъ. Чѣмъ больше я думалъ о Джіокондѣ, тѣмъ болѣе убѣждался, что эта улыбка, во всякомъ случаѣ, не заключаетъ въ себѣ никакой веселости, которая требовалась по историческимъ задачамъ ренессанса. Это неподвижная гримаса, непріятная, раздражающая, придающая всему лицу Джіоконды, при его общей некрасивости, оттѣнокъ какого-то особеннаго уродства, невиданнаго въ искусствѣ ни до, ни послѣ Леонардо-да-Винчи. Улыбка Джіоконды кажется загадочной только потому, что она не можетъ быть объяснена ни однимъ изъ понятныхъ намъ божественно-человѣчныхъ чувствъ.

— Это вѣрно,—отозвался старикъ. — Улыбка Джіоконды есть нѣчто единственное въ своемъ родѣ и въ такомъ яркомъ, законченномъ видѣ уже нигдѣ не повторялась. Она осталась неизмѣнною принадлежностью произведеній Верроккіо и Леонардо-да-Винчи. У нихъ она, во всякомъ случаѣ, представляетъ интересъ для художественной критики и для исторіи художественнаго ренессанса. Но если отъ произведеній этихъ двухъ великихъ мастеровъ перейти къ ученикамъ Леонардо-да-Винчи, мы сейчасъ-же убѣдимся, что улыбка Джіоконды соблазняла и ихъ, хотя у нихъ она уже не имѣетъ никакого идейнаго значенія. Мадонны Чезаре да-Сесто, Бельтраффіо, Марко д'Оджіоне, Луини—учениковъ и подражателей Леонардо-да-Винчи, не представляютъ никакой душевной сложности, никакой умственной замысловатости, и злокачественная улыбка кажется совсѣмъ напускною на этихъ невинныхъ лицахъ. Они были талантливы, эти ученики и подражатели Леонардо-да-Винчи. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Бельтраффіо и Луини, обладали высокимъ мастерствомъ и тонкимъ художественнымъ темпераментомъ, но нельзя не видѣть, что они не отличались оригинальностью. Геній Леонардо-да-

Винчи подавлялъ ихъ собственное творчество. Картинныя галлереи Милана, его церкви, Чертоза ди Павіа переполнены ихъ работами. Я пересмотрѣлъ всѣ эти картины, мозаики, фрески, имѣю, какъ видите, огромную коллекцію фотографій Ломбардской живописи, но долженъ сказать, что самостоятельную и оригинальную работу ломбардца Боргоньоне я предпочитаю цѣлому десятку картинъ Марко д'Оджіоне, Андреа Салаино и даже Луини, потому что у Боргоньоне—свой стиль, свое вдохновеніе, свое тонкое искусство. Посмотрите хотя-бы на Мадонну въ креслѣ съ младенцемъ, стоящимъ на ея колѣняхъ и срывающимъ съ ближняго куста розы—изъ музея Борромео. Мальчикъ, съ своей отодвинутой ножкой, упругимъ и неособенно полнымъ тѣльцемъ, просто восхитителенъ, какъ и богоматерь. Ея серьезное лицо, безъ малѣйшей улыбки, выражаетъ тонкое материнское удовлетвореніе и задумчивую сосредоточенность. Простое темное платье съ скромнымъ вырѣзомъ на шеѣ, откинутая правая рука, осторожно держащая розу, самый замыселъ картины—богоматерь съ младенцемъ среди цвѣтущей природы—все это отличается чистотою и строгою ломбардскою прелестью. Я люблю эту мадонну, какъ и вообще всѣхъ мадоннъ Боргоньоне, которыхъ сразу узнаешь среди сотни картинъ—по ихъ здоровому, сдержанному типу и по нѣкоторому холодку свѣжихъ красокъ. У Боргоньоне младенецъ почти всегда похожъ на мать. Его серьезное личико намекаетъ на трагическую будущность... Теперь переберите нѣсколько картинъ Луини, который производитъ удивительно нѣжное впечатлѣніе, если встрѣчаешь его произведеніе гдѣ-нибудь во Флоренціи, въ Парижѣ и другихъ европейскихъ галлереяхъ. Тонкія, съуженныя книзу лица съ мягкимъ выраженіемъ кажутся пріятно-благородными. Эти лица озарены улыбкою, которая отдаленно напоминаетъ улыбку Леонардо-да-Винчи. Но вотъ вы пріѣзжаете въ Миланъ, гдѣ произведенія Луини разсѣяны по всѣмъ церквамъ и галлереямъ. И эти нѣжныя аристократическія лица, озаренныя улыбкою, начинаютъ раздражать своимъ однообразіемъ, какъ что-то стереотипное и, въ психологическомъ отношеніи, совсѣмъ неглубокое. Вотъ передъ вами нѣсколько Иродіадъ этого художника. Онѣ имѣютъ обликъ красивыхъ, кроткихъ и благородныхъ женщинъ, съ пухлыми руками и кокетливо убранными густыми волосами. Все показываетъ въ нихъ жизнь ординарную и здоровую, а между тѣмъ—на губахъ играетъ какая-то безцѣльная и безпричинная улыбка. Вы понимаете, что въ этой улыбкѣ сказалась только тенденція школы Леонардо-да-Винчи, а не живое настроеніе самого художника. Улыбка на лицахъ Иродіадъ, которыя держатъ окровавленную голову Іоанна Крестителя, выражаетъ, повидимому, демоническія притязанія Луини, но на такихъ незначительныхъ лицахъ эта улыбка является нарушеніемъ всякой поэтической естественности и правдоподобія... Теперь пересмотрите нѣ-

сколько картинъ Бельтраффіо. Богатый и знатный миланецъ, Бельтраффіо, занимался живописью не по заказу, а по вдохновенію. Ломаццо говоритъ о немъ, какъ о художникѣ, который хотѣлъ проникнуть въ идейную сторону творчества Леонардо-да-Винчи и считался въ свое время однимъ изъ сильныхъ его учениковъ. Въ самомъ дѣлѣ, его мадонны, портреты и разныя другія картины поражаютъ по манерѣ сходствомъ съ Леонардо-да-Винчи. Въ маленькомъ монастырѣ св. Онуфрія, въ Римѣ, вамъ показываютъ полукруглую картину—мадонну съ младенцемъ и вкладчикомъ монастыря, причемъ васъ увѣряютъ, что это работа Леонардо-да-Винчи. Когда я посѣтилъ этотъ монастырь, расположенный, кстати сказать, въ восхитительной мѣстности, я переспрашивалъ монаха объ авторѣ этой картины. Онъ нѣсколько разъ съ особеннымъ убѣжденіемъ говорилъ мнѣ: «Леонардо-да-Винчи». А между тѣмъ, теперь уже мало кто сомнѣвается въ томъ, что это работа Бельтраффіо. Художникъ хотѣлъ во что-бы то ни стало сдѣлать свою мадонну глубокомысленною, придалъ ея лицу чувственное выраженіе и улыбку, которая должна выразить особенное, таинственно-демоническое отношеніе къ міру. Но демоническаго или загадочнаго впечатлѣнія не получается отъ картины. Лицо мадонны—расплывчатое, голова манерно склонена набокъ, руки въ напряженномъ искусственномъ положеніи. Младенецъ, съ высокимъ удлиненнымъ черепомъ и распухшими ножками, безцвѣтенъ и почти уродливъ. А вкладчикъ, стоящій передъ мадонною съ шапкой въ рукахъ, имѣетъ невинно-глупый видъ, который не гармонируетъ съ притязательнымъ замысломъ художника. Такое-же неглубокое впечатлѣніе производитъ мадонна Бельтраффіо въ миланской галлереѣ Poldi Pezzoli. Это произведеніе, въ которомъ художникъ, очевиднымъ образомъ, воспринялъ замысловатый рисунокъ Леонардо-да-Винчи, какъ выражается Ломаццо. У мадонны блѣдное, золотушное, съуженное книзу лицо, съ опущенными глазами и чуть замѣтными бровями. Щеки лимфатическія, припухшія. На губахъ улыбка—въ духѣ Леонардо-да-Винчи: безпричинно-загадочная, искусственно-насмѣшливая. Младенецъ съ красивыми и умными глазами нагнулся на ея колѣняхъ, стараясь схватить цвѣтокъ, вышитый на мантіи богоматери. Картина была-бы въ своемъ родѣ великолѣпна, если-бы улыбка мадонны выражала простую, поэтическую радость матери, а не натянутую иронію, хитроумную и безжизненную... У Чезаре да-Сесто, непослѣдовательнаго ученика Ленардо-да-Винчи, увлекавшагося и Рафаэлемъ, мы имѣемъ такія-же претензіи на демоническое глубокомысліе—при выдающемся талантѣ въ комбинаціи простыхъ, жизненныхъ типовъ. Въ его картинахъ чувствуется подражательность сильнымъ рискованнымъ пріемамъ Леонардо-да-Винчи, а улыбка придаетъ невиннымъ и граціознымъ лицамъ его мадоннъ непріятно-кокетливое выраженіе. Я не говорю уже о такихъ малозначи-

тельныхъ художникахъ, какъ Марко д'Оджіоне и Андреа Салаино. Ломаццо указываетъ на то, что Салаино, юноша, выдававшійся красотою души и тѣла, былъ любимцемъ Леонардо-да-Винчи и пользовался даже славою одного изъ лучшихъ его учениковъ. Эта слава была незаслужена, потому что Салаино, насколько можно судить о немъ по немногимъ дошедшимъ до насъ его картинамъ, рабски подражалъ Леонардо-да-Винчи. При этомъ его произведенія были подправлены—«furono ritoccati»—рукою любившаго его учителя. Посмотрите на этотъ чудесный рисунокъ изъ вѣнской Альбертины, принадлежащій будто-бы Андреа Салаино. Великолѣпная женская головка, запрокинувшаяся назадъ, съ красивыми губами и вызывающей чувственной улыбкой. Конечно, по этому рисунку прошелся карандашъ Леонардо-да-Винчи. А вотъ посмотрите на его-же Іоанна Крестителя, подражаніе той-же картинѣ Леонардо-да-Винчи. На изнѣженномъ, женственномъ лицѣ лукавая, фальшивая улыбка, непріятно-поднявшая углы губъ. Такое-же отталкивающее впечатлѣніе производитъ находящееся въ Миланѣ, въ галлереѣ Брера, подражаніе неизвѣстнаго автора другой картинѣ Леонардо-да-Винчи,—св. Анна съ богоматерью на колѣняхъ и младенцемъ, который играетъ на полу съ ягненкомъ. Старое лицо св. Анны съ напряженной улыбкой на змѣевидныхъ узкихъ губахъ и лицо богоматери съ тою-же улыбкою, какъ ва лицѣ головки Салаино, возбуждаютъ непріятное впечатлѣніе. Кто видѣлъ въ Луврѣ св. Анну Леонардо-да-Винчи, отойдетъ съ почти гадливымъ ощущеніемъ отъ этого явнаго, безсильнаго и безсмысленнаго подражанія искусству таинственнаго мага XVI вѣка. Очевидно, что въ этомъ пунктѣ, т. е. въ изображеніи улыбки, слѣдовать за Леонардо-да-Винчи почти невозможно. Надо имѣть его натуру, его сложный геній, придающій особенный смыслъ и тому, что само по себѣ безсильно. Джіоконда одна въ цѣломъ мірѣ. Это произведеніе, вышедшее изъ души Леонардо, влюбленнаго въ свою художественную химеру.

— Скажите, вы не раздѣляете того мнѣнія, что между Леонардо-да-Винчи и Джіокондою существовали романическія отношенія, что въ ней онъ нашелъ свою осуществленную мечту?—спросилъ я старика.

— Трудно судить объ этомъ предметѣ съ увѣренностью,—отвѣтилъ онъ.—Относительно этого вопроса не открыто пока никакого опредѣленнаго документа. Остаются однѣ догадки, произвольныя фантазіи, совсѣмъ не пригодныя для сужденія объ историческихъ фактахъ. Во всякомъ случаѣ, я долженъ сказать, что съ психологической стороны я не вижу въ самомъ портретѣ никакихъ слѣдовъ романическаго отношенія къ ней художника. Клеманъ, Сеайль и другіе критики Леонардо-да-Винчи указываютъ на продолжительность его работы надъ портретомъ, находя въ этомъ намекъ на особенное пристрастіе его къ

Джіокондѣ. Всѣ работы Леонардо-да-Винчи извѣстнаго періода являются съ тѣми же особенностями, какія бросаются въ глаза на портретѣ Джіоконды: св. Анна и даже Іоаннъ Креститель запечатлѣны этимъ идейнымъ характеромъ, говорятъ они. Это значитъ, что Леонардо-да-Винчи имѣлъ передъ собою въ наиболѣе зрѣлую эпоху его дѣятельности одну опредѣленную модель и этой моделью была Джіоконда. Но мнѣ думается, что въ этихъ соображеніяхъ нѣтъ никакой убѣдительности. Именно портретъ Джіоконды, созданный путемъ утонченнаго экспериментированія надъ живою Мона Лизою, намагниченный его идеями, не кажется мнѣ произведеніемъ влюбленнаго художника. Такъ не пишутъ любимой женщины: художникъ не столько старается уловить ея природныя особенности, дѣйствительное выраженіе ея лица, ея характеръ, сколько передѣлываетъ живую модель въ духѣ собственныхъ научныхъ соображеній. Подлинная Джіоконда не господствуетъ надъ его воображеніемъ. Ему понадобились шуты и музыканты, чтобы измѣнить обычное выраженіе ея лица, потому что это обычное выраженіе не удовлетворяетъ его фантазіи, не дорого ему. Четыре года, изъ которыхъ, впрочемъ, онъ около года отсутствовалъ, производя инженерную работу въ Эмиліи на службѣ у Цезаря Борджіа,—четыре года онъ мудрилъ надъ Джіокондою, съ тихой, осторожной тираніей экспериментатора извлекалъ изъ нея нужные ему эффекты, пристращался къ этой работѣ, но я не думаю, чтобы все это было совмѣстимо съ непосредственной любовью. Да и Богъ его знаетъ, способенъ ли былъ Леонардо-да-Винчи любить женщинъ. Исторія того времени не сохранила ни малѣйшаго указанія на какія-бы то ни было романическія увлеченія Леонардо-да-Винчи. Жизнь его въ Миланѣ среди откровенныхъ пѣвцовъ любви, вродѣ Беллинчіони, никому не внушила никакихъ подозрѣній или предположеній на этотъ счетъ. Во Флоренціи тоже никто ничего не зналъ объ его отношеніяхъ къ женщинамъ. Можно допустить даже, что въ это время, по его возвращеніи изъ Милана, здѣсь еще тяготѣла надъ нимъ позорная сплетня съ обвиненіемъ его и Верроккіо въ нарушеніи законовъ «нормальной Венеры» и что проницательные современники считали его отношенія къ Джіокондѣ совершенно невинными. Онъ воспользовался ею, какъ средствомъ для воплощенія своей художественной химеры, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что разъ достигнувъ совершенства въ собственномъ стилѣ, онъ уже невольно переносилъ на другія свои работы тотъ-же духъ и то-же настроеніе. Но есть еще три своеобразныхъ документа, дошедшихъ до насъ отъ времени Леонардо-да-Винчи. Клеманъ разсказываетъ о недавно открытой картинѣ при распродажѣ произведеній искусства, принадлежавшихъ Луи-Филиппу. На кедровой доскѣ подъ грубой мазней оказалось изображеніе полулежащей женщины, почти раздѣтой и, очевидно, списанной съ натуры. «Это Джіоконда,—увѣренно заявляетъ Клеманъ,—это

ея черты, это ея улыбка—на губахъ и въ глазахъ, тѣ же удивительныя руки». При этомъ Клеманъ ссылается на два нагихъ бюста той-же женщины, изъ которыхъ одинъ находился въ галлереѣ Фешъ, а другой и теперь находится въ петербургскомъ эрмитажѣ. Думаю, что тутъ скрывается какое-нибудь недоразумѣніе, хотя я не имѣлъ возможности видѣть ни одной изъ этихъ трехъ картинъ. Но, можетъ быть, вы что-нибудь скажете намъ о петербургской Джіокондѣ?

— О, я убѣжденъ, что такъ-называемая петербургская Джіоконда не больше, какъ живописная сплетня на Леонардо-да-Винчи. Даже каталогъ петербургскаго эрмитажа не приписываетъ больше ему этого портрета. Если бы Леонардо-да-Винчи писалъ голую Джіоконду, мы, конечно, имѣли бы удивительное тѣло, подходящее къ общему типу этой женщины. А между тѣмъ, и тѣло, и лицо эрмитажной картины совсѣмъ не напоминаютъ настоящей Джіоконды. Отмѣчу вамъ кстати любопытную подробность: въ эрмитажномъ каталогѣ сказано, что это «колѣнная фигура стоящей женщины». Это невѣрно: нагая женщина, съ перекинутой черезъ правую руку сѣрой драпировкой, сидитъ, повернувшись бокомъ, на совершенно такомъ же креслѣ, какъ и подлинная Джіоконда. Почти такъ-же положены руки, тотъ же каменный парапетъ терассы, почти тотъ-же гористый пейзажъ съ озеромъ въ отдаленіи. Этимъ собственно исчерпывается сходство обоихъ произведеній. У эрмитажной женщины не черные, а сѣрые глаза, и при томъ съ другимъ, болѣе широкимъ разрѣзомъ. Брови намѣчены. Лобъ небольшой, прикрытый по сторонамъ ниспадающими завитыми волосами и образующій какъ бы треугольникъ. Пышно лежащіе на головѣ рыжіе волосы, связанные на темени въ видѣ банта, падаютъ на плечи довольно густыми локонами. Носъ у́же, чѣмъ у Джіоконды, но тоже съ розоватыми крыльями. Оvалъ лица заостряется къ подбородку, какъ у нѣкоторыхъ учениковъ Леонардо-да-Винчи. На щекахъ—безъ малѣйшей болѣзненной одутловатости—легкій румянецъ. Углы рта приподняты улыбкою—но не тускло демоническою улыбкою Джіоконды, а нѣсколько безсмысленною вакхическою улыбкою, въ духѣ Іоанна Крестителя Салаино. Вообще все лицо напоминаетъ этого опьяненнаго Іоанна Крестителя. Плечи узкія, хотя и полныя, и довольно неопредѣленнаго рисунка, какъ это вѣрно замѣчено у Сеайля. Грудь неестественна и уродлива, какъ если бы она была стѣснена платьемъ. Руки, несмотря на явное подражаніе Джіокондѣ, мертвенны, не отличаются никакой индивидуальностью и не передаютъ одухотворенности портрета Леонардо-да-Винчи. Пальцы сомкнуты вмѣстѣ, тогда какъ у Леонардо-да-Винчи они слегка раздвинуты, очерчены съ виртуозною точностью, со всѣми великолѣпными неровностями живого тѣла. Если, какъ говоритъ Клеманъ, два видѣнныхъ имъ нагихъ портрета писаны съ той же женщины, какъ и петербургскій, то, конечно, не мо-

жетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ настоящею сплетнею или живописнымъ пасквилемъ, направленнымъ противъ Джіоконды и Леонардо-да-Винчи. Я думаю, что авторъ петербургской Джіоконды не имѣлъ передъ собою никакой живой модели: лицо ея представляетъ поддѣлку подъ художественный типъ Леонардо-да-Винчи, тѣло грубо и ненатурально, а поза, кресло, накрестъ-сложенныя руки, парапетъ терассы и пейзажъ представляютъ какъ бы копію съ произведенія Леонардо-да-Винчи и невольно заставляютъ вспоминать о немъ. Именно такъ пишутся литературные и художественные пасквили: берется типичная для художника идея и какія-нибудь аксессуарныя подробности, точно воспроизводящія всѣмъ извѣстную дѣйствительность, а затѣмъ въ произведеніе вводится подозрительный элементъ, какъ въ данномъ случаѣ обнаженность Джіоконды. Когда я въ первый разъ стоялъ передъ этой картиной въ петербургскомъ эрмитажѣ, я подумалъ: какой матеріалъ для эпопеи изъ исторіи ренессанса, съ центральнымъ героемъ въ лицѣ Леонардо-да-Винчи! Онъ возбуждалъ во Флоренціи непріязненныя страсти—онъ подавлялъ геніемъ и долженъ былъ мутить умы своей оригинальностью. Быть можетъ, сама Джіоконда, эта неаполитанка, занявшая видное мѣсто въ аристократическомъ обществѣ Флоренціи, имѣла своихъ враговъ и завистниковъ. Флоренція кишѣла сплетнями, и одна изъ этихъ сплетень могла побудить какого-нибудь художника къ живописному пасквилю, передавшему внѣшнія черты самого портрета и какихъ нибудь подготовительныхъ рисунковъ. Я думаю, какъ вы, что романа между Леонардо-да-Винчи и Джіокондою не было. Иначе мы навѣрное нашли бы какой-нибудь намекъ въ этомъ смыслѣ у Вазари...

Я остановился и почувствовалъ, что мы всѣ устали. что бесѣда наша о Джіокондѣ исчерпана до конца. Юноша былъ блѣденъ, какъ бы подавленъ страстными и упорными объясненіями старика. Иногда онъ вспыхивалъ, и на лицѣ его можно было прочесть желаніе возражать и спорить, но рѣчь стараго энтузіаста лилась неудержимо. Онъ былъ такъ взволнованъ и напряженъ, какъ будто производилъ опасную операцію надъ любимымъ существомъ. Увлеченный собственными мыслями, онъ говорилъ, стоя передъ грудами фотографій и никому не глядя въ глаза. Въ его нападкахъ на Джіоконду чувствовалось ожесточеніе. Съ моими послѣдними словами въ комнатѣ все затихло. Мальчикъ всталъ и неровною походкою направился къ двери. Старикъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и вздохнулъ. Онъ подошелъ къ окну и остановилъ взглядъ на вершинахъ горъ, освѣщенныхъ лучами заката. На улицѣ было тихо и тепло—тѣмъ вечернимъ тепломъ, которое послѣ знойнаго дня кажется успокаивающей прохладой. Лицо старика съ крупными чертами пріобрѣло выраженіе утомленнаго и печальнаго спокойствія. Глаза его то свѣтлѣли, то тускнѣли, какъ у человѣка, который умственно переживаетъ радостныя и печальныя дни своей прошед-

шей жизни. Я не рѣшался въ эту минуту задать ему какой-нибудь вопросъ. Наступившее молчаніе послѣ продолжительной бесѣды незамѣтно принесло благодатное раздумье съ самимъ собой. Многое объяснилось мнѣ внезапно. Джіоконда XVI вѣка отодвинулась въ историческую даль, и я чувствовалъ, что въ нашу случайную совмѣстную жизнь вошло какое-то личное событіе. Я видѣлъ внутреннее страданіе старика и понималъ, что бѣлокурый юноша—его горячая любовь—отнятъ отъ него, отнесенъ отъ берега несильною, но предательскою волною современнаго прилива. Трудно было сказать что-нибудь въ утѣшеніе старика. Задумчивое горе его представлялось мнѣ столь-же величественнымъ, какъ и недавнія его свѣтлыя надежды. Пусть свершится воля судьбы. Старый энтузіастъ, вдохнувшій жизнь вѣчныхъ интересовъ въ хрупкое немощное созданіе, долженъ найти въ себѣ силы оплакать горе, съ обычнымъ вдохновеніемъ измѣрить свое разочарованіе и духовное лишеніе. Среди мѣняющихся теченій человѣческой исторіи остаются неизмѣнными только исканія вѣчной красоты, благородной и возвышенной, не подчиненной временнымъ прихотямъ вкуса. Эти исканія обращены къ Богу, къ вѣчному, къ тому источнику, отъ котораго исходитъ и свѣтлая радость, и тревожная скорбь, и послѣднее разрѣшеніе и освобожденіе отъ жизненныхъ оковъ. Старый энтузіастъ все время казался мнѣ искателемъ такой красоты—безкорыстнаго и строгаго чувства божества среди сомнѣній и шатаній современныхъ умовъ. Онъ казался мнѣ цѣльнымъ существомъ—крѣпкимъ, какъ люди классическаго міра, и нѣжнымъ въ духѣ новаго богопониманія.

Наконецъ, онъ слегка повернулся ко мнѣ и сказалъ:

— И въ современной жизни много яда. Помните, вы какъ-то заговорили о Ницше. Отъ этого человѣка струится ядовитое вѣяніе, холодное вѣяніе, отъ котораго чахнутъ побѣги молодой жизни. Это—то-же вѣяніе, которое владѣло могучею душою Леонардо-да-Винчи. Оно создало теперь тысячи маленькихъ, болѣзненныхъ, чахоточныхъ Джіокондъ, которыми гипнотизируются неокрѣпшіе птенцы. Мой мальчикъ...

Старикъ отступилъ отъ окна, въ которое внеслась въ эту минуту съ веселымъ чириканьемъ маленькая птичка. Онъ сейчасъ же узналъ въ ней птичку, которую хозяинъ гостинницы держалъ въ клѣткѣ на верандѣ и въ опредѣленные часы дня кормилъ съ своей руки хлѣбными крошками. Должно быть, она по ошибкѣ влетѣла въ это окно и, не пугаясь людей, подпрыгивала и переступала по полу, стучала клювомъ, повертывала головкой. Старикъ свѣтло разсмѣялся, взялъ съ комода кусокъ хлѣба, накрошилъ мякоти на свою большую руку и подставилъ птичкѣ, которая стала довѣрчиво клевать. Потомъ онъ далъ ей воды въ маленькой рюмкѣ. Птичка погружала въ воду клювъ и глотала ее, закинувъ головку съ бѣлой шейкой. Напившись воды, она взмахнула крыльями и вылетѣла въ окно.

— Кажется, и намъ пора подумать объ ѣдѣ, — сказалъ старикъ съ новымъ мягкимъ выраженіемъ въ лицѣ.—Я спущусь внизъ, закажу ужинъ. А вы—не позовете-ли нашего мальчика? Онъ, должно быть, ушелъ въ свою комнату,—усталъ отъ моихъ придирокъ къ Джіокондѣ.

Я постучалъ въ комнату юноши, къ которому мнѣ не случалось еще заходить. Онъ сидѣлъ у стола, записывая что-то на почтовой бумагѣ, и, при видѣ меня, смущенно повернулся. Мнѣ бросилась въ глаза стоявшая на столѣ большая фотографія въ черной деревянной рамкѣ. Это былъ самъ юноша вмѣстѣ съ молодою женщиною. Я успѣлъ замѣтить неправильныя, но тонкія черты лица, прищуренные близорукіе глаза, нѣжно-очерченныя губы и кокетливо вызывающій поворотъ головы. Въ одной рукѣ она держала большую бѣлую орхидею. Юноша опирался рукою о спинку кресла, въ которомъ она сидѣла.

Невольно я отвелъ глаза отъ стола, чтобы не смущать мальчика, любимца стараго энтузіаста. Но онъ уже уловилъ мой взглядъ и, растерявшись, сказалъ:

— Мы друзья. Когда мы были въ Парижѣ, мы смотрѣли Джіоконду. Это особенная женщина. По сравненію съ нею все кажется такимъ прозаическимъ. Такъ я чувствую...

Онъ поднялся и мы пошли къ старику.

Вечеромъ, послѣ ужина, мы гуляли по дорогѣ, которая бѣлѣла при ясномъ свѣтѣ полной луны. Небо было голубовато-сѣрое съ фосфорическимъ блескомъ и чуть замѣтными блѣдными и рѣдкими звѣздами. Воздухъ былъ тихъ и легокъ. Налѣво разстилался широкій лугъ съ похолодѣвшею травою. Съ другой стороны отъ самой дороги поднимались высокія горы съ шероховатыми боками, которые рѣзко выступали въ бѣломъ лунномъ освѣщеніи. Мы шли, не нарушая молчанія. Передъ нами стлались, двигаясь по дорогѣ, наши черныя тѣни—странныя, нѣмыя и трепетныя, какъ наши души.

СПРАВКА.

Людовико Сфорца, сынъ Франческо Сфорца, миланскій герцогъ, при дворѣ котораго Леонардо-да-Винчи провелъ около двухъ десятковъ лѣтъ, носилъ прозваніе «Moro». Какъ уже сказано въ текстѣ статьи, Moro значитъ «шелковичное дерево». Однако, со времени Ломаццо, въ европейской литературѣ неясный смыслъ этого слова давалъ поводъ къ ошибкамъ въ переводѣ итальянскаго прозвища герцога на другіе языки. Людовико Моро, т. е. Людовико Сфорца, по прозванію Шелковичное Дерево, оказался въ разныхъ компилятивныхъ сочиненіяхъ Людовикомъ Мавромъ. Дѣйствительно, moro имѣетъ этотъ двойной смыслъ. Ло-

маццо, недостовѣрный во многихъ случаяхъ повѣствователь жизни Леонардо-да-Винчи, родившійся въ Миланѣ въ то время, когда карьера Людовико Сфорца была уже печальнымъ образомъ закончена, въ III томѣ своего трактата о живописи, скульптурѣ и архитектурѣ (стр. 214), такъ описываетъ, между прочимъ, наружность Людовико Сфорца—непосредственно послѣ краткаго описанія Джіанъ Галеаццо: «дядя его Людовико былъ смуглаго цвѣта и потому имѣлъ прозвище Мавра (di Moro), носилъ волосы въ видѣ длинной гривы (la zazzera lunga), спереди почти до бровей. Это доказывается его портретомъ, сдѣланнымъ рукою Леонардо-да-Винчи въ трапезной миланскаго монастыря delle Grazie. На той-же картинѣ можно видѣть портретъ Беатриче, — оба на колѣняхъ, съ дѣтьми впереди. Изображенный тутъ-же распятый Христосъ сдѣланъ другимъ художникомъ». Ошибка Ломаццо относительно прозвища Людовико Сфорца можетъ быть установлена, на самыхъ точныхъ и достовѣрныхъ основаніяхъ, при помощи упомянутаго въ статьѣ флорентинско-миланскаго поэта Бернардо Беллинчіони. Это былъ придворный поэтъ, который хорошо зналъ всѣ тонкости современной ему политической жизни и исторіи, хотя въ своихъ стихахъ рѣдко давалъ чистосердечныя и правдивыя характеристики видныхъ дѣятелей. Стихами его надо пользоваться съ большою осторожностью. Онъ грубо льститъ знаменитымъ и властнымъ людямъ, расписываетъ райское благополучіе соціальной жизни своего времени и, если иногда казнитъ своею сатирою людей съ меньшимъ вѣсомъ, то дѣлаетъ это, опять-таки, съ извѣстнымъ корыстнымъ разсчетомъ. Тѣмъ не менѣе, его стихотворенія имѣютъ громадное значеніе при собираніи документовъ флорентинской и ломбардской исторіи, въ эпоху возрожденія. Несмотря на льстивую риторику, Беллинчіони отразилъ въ нихъ истинныя черты характера такихъ людей, какъ Людовико Сфорца, Джіанъ Галеаццо, Изабелла Арагонская, жена послѣдняго, Беатриче д'Эсте, жена Людовико Сфорца, мантуанская герцогиня Изабелла д'Эсте, жена Франческо Гонзаго. Иногда эти люди кажутся у него живыми, несмотря на чадъ преувеличенныхъ похвалъ, которыми Беллинчіони окружаетъ ихъ изображеніе. Особенно рельефно выступаетъ самъ Людовико Сфорца: другіе историческіе документы вполнѣ подтверждаютъ характеристику Беллинчіони. Въ одномъ изъ первыхъ сонетовъ, четвертомъ, Людовико Сфорца сравнивается съ соколомъ: «Нашъ Моро, пишетъ Беллинчіони, поступаетъ какъ соколъ, который неподвижно держится на крыльяхъ, выжидая счастливаго мгновенія»—потомъ быстро спускается на жертву. Въ сонетѣ XVII Людовико Сфорца приписываются свойства лисицы и льва—тѣ именно свойства, которыми долженъ обладать князь, по словамъ Макіавелли. Между обѣими характеристиками противорѣчія нѣтъ—онѣ сливаются въ цѣльное представленіе объ этомъ хищномъ человѣкѣ. Опуская нѣкоторыя другія характер-

ныя уподобленія Беллинчіони, мы подходимъ въ сонетахъ къ прямымъ указаніямъ на истинный смыслъ прозвища Моrо. Въ Миланѣ произошло радостное событіе: Цецилія Галерани, любовница Людовико Сфорца, родила сына. По этому поводу Беллинчіони изливается въ напыщенно восторженныхъ сонетахъ: плачетъ Фебъ и горюетъ Купидонъ, потому что новорожденный похитилъ у нихъ первенство въ красотѣ, славѣ и силѣ. Эней и Дидона не радовались такъ, какъ «*дерево Тизбы* въ одномъ изъ своихъ потомковъ». Это дерево Тизбы и есть шелковичное дерево, Moro, т. е. въ данномъ случаѣ Людовико Сфорца. Поэтъ этою метафорою напоминаетъ переданную у Овидія легенду о шелковичномъ деревѣ, въ тѣни котораго разъигралась кровавая исторія Тизбы и ея возлюбленнаго Пирама: найдя подъ шелковичнымъ деревомъ разорванное покрывало Тизбы и предположивъ, что она погибла, Пирамъ тутъ же закололся, а Тизба, вернувшись и увидѣвъ это, тоже покончила съ собою. Съ тѣхъ поръ, говоритъ легенда, шелковичное дерево даетъ кроваво-красные плоды. Вслѣдствіе этого, шелковичное дерево часто именуется деревомъ Тизбы. Беллинчіони постоянно называетъ Людовико Сфорца либо просто шелковичнымъ деревомъ, либо, какъ мы видѣли, деревомъ Тизбы, можетъ быть, намекая не только на общепринятое его прозваніе, но и на свойства его натуры, которая, подобно шелковичному дереву, медленно собиралась съ силами и внезапно давала кровавые плоды. О самомъ себѣ Беллинчіони иногда говоритъ, что онъ счастливъ подъ тѣнью шелковичнаго дерева. Подъ тѣнью шелковичнаго дерева, на радость всего Милана, расцвѣталъ геній Леонардо-да-Винчи, который въ рисункѣ и краскахъ затмилъ современныхъ и древнихъ художниковъ (сонетъ LXXVII). На одномъ изъ блистательныхъ представленій въ Павіи, «новыхъ Аѳинахъ» того времени, семь свободныхъ искусствъ на разные лады воздаютъ хвалу своему покровителю Людовико Сфорца. При этомъ Ариѳметика говоритъ о немъ, какъ «о Деревѣ, которое обезсмертила Тизба».

Итакъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что Ломаццо сдѣлалъ ошибку, допуская, что прозваніе Моrо имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ смуглому цвѣту лица Людовико. Въ этомъ миланскомъ герцогѣ не было ничего мавританскаго. Это была натура, представлявшая смѣшеніе свойствъ лисицы и льва—медлительность замысла и быстроту хищнаго нападенія, т. е. тѣ именно свойства, которыя могутъ напомнить свойства шелковичнаго дерева, медленно распускающагося, но быстро дающаго кроваво-красный плодъ.

Отмѣчу, между прочимъ, что въ компилятивной статьѣ о Леонардо-да-Винчи, напечатанной въ іюньской и іюльской книгахъ «Вѣстника Европы» 1896 г., Людовико Моро увѣренно называется «Лудовикомъ Мавромъ»: повидимому, при незнакомствѣ съ итальянскими первоисточ-

никами, авторъ былъ введенъ въ заблужденіе на этотъ счетъ какою-нибудь иностранною книгою о Леонардо-да-Винчи, не особенно солидною въ научномъ отношеніи.

Въ интересахъ библіографической точности, считаю умѣстнымъ привести названія книгъ, которыя такъ или иначе упоминаются въ настоящей статьѣ:

Giorgio Vasari, Vita di Leonardo da Vinci, con nuove note e commentario di Gaetano Milanesi, въ изданіи «Trattato della pittura», Roma 1890.

Lomazzo, Idea del Tempio della pittura. Seconda edizione, стр. 6.

– Trattato dell'arte della pittura, scultura ed architettura, Roma 1844, Vol. II, стр. 68 (сонетъ), 373 (о Джіокондѣ), 382 (Андреа Салаино, Бельтраффіо).

Amoretti, Memorie storiche su la vita, gli studi e le opere di Leonardo da Vinci, 1804, стр. 92.

Stendhal, Histoire de la peinture en Italie. Paris 1892. Chapitre LVI, стран. 158—161.

H. Taine, Philosophie de l'Art, Paris 1885.

G. Séailles, Léonard de Vinci, Paris 1892, стр. 138—144.

Arsène Houssaye, Histoire de Léonard de Vinci, Paris 1876, стр. 125—128, 440.

Charles Clément, Michel-Ange, Léonard de Vinci, Raphael. Paris, стр. 260—263.

Brun, Lionardo da Vinci, стр. 38.

Bernardo Bellincioni, Le Rime, riscontrate sui manoscritti, emendate e annotate da Pietro Fanfani, Bologna 1876—1878, vol. I, стр. 33, 34, 45, 48, 56, 58, 83, 88, 106, 179, 194. vol. II, 48, 52, 245 (къ характеристикѣ Людовико Моро).

Richter, Leonardo da Vinci, London 1894, стр. 88—89.

Walter Pater, The Renaissance, Leonardo da Vinci, стр. 130—132, London, 1893.

А. Волынскій.

Красная лилія.

Романъ **Анатоля Франса.**

Переводъ съ французскаго.

XX.

На площади Сеньоріи, залитой желто-розовыми лучами весенняго солнца, пробило двѣнадцать часовъ и разогнало толпу продавцовъ зеренъ и тѣста, собравшихся сюда въ базарный день. У Ланци, передъ цѣлымъ сборищемъ статуй, мороженщики воздвигли на столахъ, обтянутыхъ красною бумажною тканью, маленькіе зáмки съ надписью внизу: «Bibite ghacciate.» Радость нисходила съ неба на землю. Тереза и Жакъ, возвращаясь съ ранней прогулки въ садахъ Боболи, проходили мимо знаменитой loggia. Тереза смотрѣла на сабинянку Джіованни изъ Болоньи съ безпокойнымъ любопытствомъ женщины, осматривающей другую женщину. Но Дешартръ глядѣлъ только на Терезу и сказалъ:

— Удивительно, какъ яркій дневной свѣтъ идетъ къ вашей красотѣ, какъ онъ любитъ васъ и ласкаетъ бѣлизну вашихъ щекъ!

— Да, отвѣтила она,—вечернее освѣщеніе вообще не идетъ ко мнѣ. Я уже замѣчала это. Къ несчастію, я не создана для вечеровъ, между тѣмъ, какъ другимъ женщинамъ вечеръ представляетъ наиболѣе удобства, чтобы нравиться и показывать себя. Напримѣръ, княгиня Сенявина имѣетъ вечеромъ прекрасный цвѣтъ лица: матовый и золотистый; при солнечномъ-же освѣщеніи она выглядитъ желтой, какъ лимонъ. Надо сознаться, что это ее вовсе не безпокоитъ—она не кокетка.

— А вы—кокетка?

— О, да! Прежде я была кокеткой только для себя, а теперь—для васъ.

Она продолжала глядѣть на сабинянку, большую, высокую и здоровую, которая всѣми силами выбивалась изъ рукъ римлянина.

— Развѣ красивая женщина должна непремѣнно обладать такой сухостью формъ и длиннотой членовъ? Я совсѣмъ не такая.

Онъ постарался разувѣрить ее. Но, въ сущности, она не и безпокоилась объ этомъ. Она смотрѣла теперь на маленькій замокъ мороженщика и ей вдругъ захотѣлось съѣсть порцію мороженаго, именно здѣсь, какъ это дѣлаютъ всѣ городскія работницы.

— Подождите минутку, сказалъ Дешартръ. И онъ пустился бѣжать по направленію той улицы, которая идетъ по лѣвой сторонѣ Ланци.

Вскорѣ онъ вернулся, подавая Терезѣ маленькую ложечку изъ позолоченаго серебра, довольно уже старую, ручка которой изображала флорентійскую лилію съ чашечкой изъ красной эмали.

— Вотъ вамъ ложка, чтобы ѣсть мороженое, такъ какъ мороженщики ложекъ не даютъ: вамъ пришлось-бы высовывать языкъ,—а къ этому вы, вѣроятно, не привыкли?

Она сразу узнала эту ложечку, которую уже раньше видѣла въ витринѣ одного антикварія, недалеко отъ Ланци.

Они были счастливы, и полная искренняя радость ихъ выражалась въ словахъ, которыя не имѣли, въ сущности, никакого смысла. Они смѣялись. Флорентинецъ съ сдержанной, но выразительной мимикой передавалъ имъ вѣчно повторяемые анекдоты старыхъ итальянскихъ разсказщиковъ. Ее занимала прекрасная игра этой античной и забавной физіономіи, хотя она не всегда́ понимала самыя слова.

Когда она кончила свою порцію мороженаго, Дешартръ началъ просить ее еще разъ побывать въ Or-San-Michele. Это такъ близко! Стоитъ только наискось перейти площадь, и они сейчасъ-же очутятся передъ этимъ чуднымъ каменнымъ зданіемъ. Они отправились и принялись разглядывать бронзовыя изображенія св. Георгія и св. Марка. Снова увидавъ стѣну дома, гдѣ находился почтовый ящикъ, Дешартръ съ какой-то болѣзненной точностью вспомнилъ маленькую обтянутую перчаткой руку, которая бросила сюда письмо. Онъ находилъ ее отвратительной, эту мѣдную пасть, которая поглотила тайну Терезы. Онъ не могъ оторвать отъ нея глазъ. Вся его радость исчезла. Между тѣмъ она продолжала любоваться суровой статуей евангелиста.

— Дѣйствительно, у него удивительно честное и открытое лицо; еслибы онъ заговорилъ, съ устъ его слетали-бы только слова истины и правды.

Онъ съ горечью отвѣтилъ:

— Потому что это не женскія уста!

Она поняла его мысль и отвѣтила очень мягко:

— Другъ мой, зачѣмъ говорите вы со мной такимъ образомъ? Я совершенно искренна!

— Что вы называете искренностью? Вы вѣдь знаете, что женщина обязана лгать.

Съ минуту она колебалась:

— Женщина искренна, когда не прибѣгаетъ къ безполезной лжи.

XXI.

Тереза, въ сѣромъ платьѣ, молчаливо шла по саду, между осыпанными цвѣтомъ ракитами. Зелень, обвивавшая терассу, была покрыта серебристыми звѣздами, а по склонамъ холма бутоны лавровъ распускались ароматными огненно-красными цвѣтками. Долина Флоренціи вся цвѣла.

Вивіанъ Белль, въ бѣломъ, шла рядомъ съ Терезою по благоуханному саду.

— Видите, darling,—Флоренцію дѣйствительно можно назвать городомъ цвѣтовъ, не даромъ въ гербѣ ея—красная лилія. Сегодня вѣдь праздникъ, darling.

— А! праздникъ?..

— Вы забыли, darling, что сегодня у насъ—первое мая, праздникъ Primavera [1]). О, darling, развѣ вы не хотите праздновать этотъ праздникъ цвѣтовъ? Вы совсѣмъ не веселы сегодня,—вы, которая такъ любите цвѣты. Вѣдь я знаю, вы любите ихъ, my love, вы питаетэ къ нимъ нѣжность. Вы говорили мнѣ, что они ощущаютъ радость и скорбь, что они страдаютъ, какъ мы.

— А! Я сказала, что они страдаютъ?

Тереза слышала, но ничего не понимала. Подъ перчаткою ея было смятое письмо, только что полученное,—письмо съ итальянскою маркою, всего въ двухъ строкахъ:

«Я пріѣхалъ сегодня ночью и остановился въ отелѣ Великобританія, Lungarno Acciaoli. Жду васъ утромъ. № 18».

— О, darling,—вы не знали—вѣдь это обычай во Флоренціи,—праздновать весну перваго мая каждаго года? Такъ, значитъ, вы не понимали, какой смыслъ имѣетъ картина Боттичелли, посвященная празднику цвѣтовъ,—его чудесная «Весна», полная мечтательной радости. Въ прежнія времена, darling, въ этотъ день, перваго мая, весь городъ предавался веселью. Молодыя дѣвушки въ праздничныхъ платьяхъ, съ вѣнками на головахъ, направлялись длинной процессіей по Corso, подъ цвѣтущими деревьями, и выйдя на молодую траву, въ тѣни лавровъ, пѣли и плясали въ хороводахъ... Возвращайтесь скорѣе, my love. Мы украсимъ волосы цвѣтами и будемъ танцовать сегодня въ саду.

---

[1]) Весна.

— Да, милочка, мы будемъ танцовать...

И, отворивъ калитку, Тереза скрылась изъ глазъ по узенькой тропинкѣ, усыпанной камешками, какъ русло потока, и прикрытой по сторонамъ кустами розъ. Она бросилась въ первую попавшуюся карету. Шляпа кучера и ручка хлыста были украшены васильками.

— Отель Великобританія, Lungarno Acciaoli!

Она знала, гдѣ это—Lungarno Acciaoli... Она была тамъ,—въ тотъ памятный вечеръ. Она точно видѣла передъ собою разорванный блескъ заката въ волнующейся поверхности рѣки; потомъ—наступила ночь, съ глухимъ рокотомъ волнъ среди безмолвія, слова, взгляды, отъ которыхъ трепетало ея сердце, первый поцѣлуй, начало всей этой безвозвратной любви. О, да, она знала, что такое—Lungarno Acciaoli. Отель Великобританія... она знала: тяжелый каменный фасадъ на набережной. Хорошо еще,—если ужъ его пріѣздъ былъ неминуемъ, что — тутъ: не доставало только, чтобы онъ остановился въ отелѣ на площади Маненъ, гдѣ былъ Дешартръ...

— Номеръ 18.

Это была пустынная комната отеля, съ большою печью, по итальянскому обычаю... Онъ былъ тамъ. Она увидѣла страданіе на его сухомъ лицѣ, которое казалось теперь лихорадочнымъ. Ощущеніе чего-то серьезнаго, тягостнаго охватило ее. Онъ ждалъ отъ нея слова, жеста,— она стояла, какъ чужая, ни на что не осмѣливаясь. Онъ предложилъ ей стулъ. Она не сѣла.

— Тереза. Я чего-то не знаю. Говорите.

Прошла минута молчанія. Она отвѣтила съ тягостною медлительностью:

— Другъ мой, когда я была въ Парижѣ—зачѣмъ вы уѣхали?

Въ тонѣ ея было столько грусти, что ему показалось, будто слова эти выражаютъ нѣжный упрекъ. Лицо его оживилось. Онъ отвѣтилъ съ горячностью:

— А! если-бы я предвидѣлъ! Неужели вы думаете, что эта охота что-нибудь составляла для меня! Но вы, ваше письмо—отъ 27-го (у него былъ даръ запоминать числа)—бросило меня въ такое ужасное безпокойство. Что-нибудь произошло за это время. Скажите мнѣ всю правду.

— Другъ мой, я думала, что вы разлюбили меня.

— Но теперь, когда вы знаете, что это неправда.

— Теперь...

Она стояла, опустивъ руки, сжимая скрещенные пальцы. Потомъ она заговорила съ искусственнымъ спокойствіемъ:

— Господи!.. Другъ мой, вѣдь мы сошлись какъ-то необдуманно. Въ этихъ вопросахъ никогда не обдумываютъ. Но вы молоды,—моложе меня, потому что мы почти одних лѣтъ. У васъ есть, навѣрное, какіе-нибудь планы на будущее.

Онъ гордо взглянулъ ей прямо въ лицо. Она продолжала съ меньшею увѣренностью:

— Ваши родственники, ваша мать, тетки, вашъ дядя генералъ имѣютъ для васъ какіе-нибудь планы. Это такъ естественно. Я моглабы явиться препятствіемъ. Лучше мнѣ совсѣмъ исчезнуть изъ вашей жизни. Мы сохранимъ другъ о другѣ доброе воспоминаніе.

Она протянула ему руку, затянутую въ перчатку. Онъ скрестилъ свои руки:

— Такъ ты хочешь отвергнуть меня? Ты воображаешь, что давъ мнѣ счастье, какого ни одинъ человѣкъ не испыталъ, можешь преспокойно отставить меня,—и все кончено! Ты думаешь, что такъ-таки— въ самомъ дѣлѣ,—кончено? Что такое вы говорите? Связь... можетъ быть порвана, люди сходятся и расходятся... Нѣтъ, это невозможно. Вы не изъ тѣхъ женщинъ, съ которыми можно разойтись.

— Да, можетъ быть, вы вложили въ свои отношенія ко мнѣ больше, чѣмъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ. Но если я не та женщина, какою вы меня считаете, если я васъ обманывала, допускала со своей стороны какое-нибудь легкомысліе... Вы знаете: обо мнѣ говорили... Ну, и вотъ... если я была по отношенію къ вамъ не такою, какою должна...

Она запнулась и продолжала тономъ серьезнымъ и чистымъ, который разногласилъ съ ея словами:

— Если я, принадлежа вамъ, поддавалась увлеченіямъ, дурному любопытству, если я утверждаю, что не создана для серьезнаго чувства...

Онъ дернулъ головой вправо и влѣво, какъ взбѣшенное животное, которое еще не рѣшается броситься на врага.

— Что такое ты говоришь? Я не понимаю. Ничего не понимаю. Говори яснѣе... Понимаешь—яснѣе...

— Я же говорю вамъ, мой другъ, что я не увѣрена въ самой себѣ и что вы не должны были разсчитывать на меня. Нѣтъ, не должны были... Я ничего и не обѣщала... Да если-бы даже и обѣщала,— вѣдь это только слова!

— Ты не любишь меня. О, я отлично вижу,—ты меня разлюбила. Тѣмъ хуже для тебя, потому что я-то люблю тебя. Вольно же было отдаться мнѣ! Я не допущу, чтобы ты меня покинула... А ты воображала, что это такъ просто! Послушай, ты сама все сдѣлала, чтобы я любилъ тебя, чтобы я привязался, чтобы я не могъ жить безъ тебя. Мы переживали минуты невыразимыхъ наслажденій... И вѣдь я не насиловалъ тебя—ты добровольно шла на это. Ты была для меня всѣмъ, какъ и я для тебя. И ты допускаешь, что такъ, вдругъ, начиная съ одного прекраснаго мгновенія, я не долженъ больше ничего знать о тебѣ, — ты дѣлаешься мнѣ чужою, какъ первопопавшаяся дама, съ которой я встрѣчаюсь въ свѣтѣ! Ты такъ это себѣ представляешь? Полно, что-же—сонъ это

былъ, что ли? Твои поцѣлуи, твое дыханіе на моей груди, твои вздохи—ничего этого не было? Выдумалъ я это, что-ли? О, можетъ-ли быть сомнѣніе,—конечно, ты любила меня. Я до сихъ поръ еще чувствую на себѣ твою любовь. Такъ что-же измѣнилось? Я таковъ же, какъ былъ. Ты ни въ чемъ не можешь упрекнуть меня. Я не обманывалъ тебя съ другими женщинами. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ и заслуги съ моей стороны—я бы не могъ: тотъ, кто зналъ тебя, самыхъ прелестныхъ женщинъ находитъ безцвѣтными, блѣдными... Но я всегда былъ по отношенію къ вамъ порядочнымъ человѣкомъ. Почему-же вы могли разлюбить меня?.. Отвѣчай-же, говори. Скажи,—вѣдь ты еще любишь меня? Скажи,—вѣдь это правда? Пойди ко мнѣ, пойди ко мнѣ, Тереза!.. ты сама почувствуешь, что любишь меня по прежнему, какъ въ нашемъ гнѣздышкѣ, въ улицѣ Спонтини, гдѣ мы были такъ счастливы. Пойди ко мнѣ!

Онъ бросился къ ней, охваченный жгучей страстью, простирая къ ней жадныя объятія. Въ глазахъ ея отразился испугъ. Она съ ледянымъ ужасомъ оттолкнула его.

Онъ понялъ, остановился и проговорилъ:

— У тебя есть любовникъ.

Она тихо опустила голову, потомъ подняла ее, молча, съ серьезнымъ лицомъ.

Тогда онъ ударилъ ее—въ грудь, въ плечо, въ лицо. И тотчасъже отступилъ, объятый стыдомъ. Онъ опустилъ глаза и молчалъ. Прижавъ пальцы къ губамъ, грызя ногти, онъ вдругъ замѣтилъ, что до крови оцарапалъ руку о булавку ея платья. Онъ бросился въ кресло, вынулъ платокъ, чтобы отереть кровь, и застылъ въ какомъ-то странномъ спокойствіи, безъ единой мысли въ головѣ.

Она стояла, прислонившись спиною къ двери, вся блѣдная, поднявъ голову, съ блуждающимъ взглядомъ, развязывая свою разорванную вуалетку и съ инстинктивною заботливостью поправляя на головѣ шляпку. Легкій, когда-то столь очаровательный шорохъ ея платья заставилъ его содрогнуться. Онъ взглянулъ на нее и опять пришелъ въ бѣшенство.

— Кто онъ? Я хочу знать.

Она не шевельнулась. На блѣдномъ лицѣ ея выступалъ пылающимъ пятномъ слѣдъ ударившей ее руки. Она отвѣчала съ краткою твердостью:

— Я сказала вамъ все, что могла. Больше не спрашивайте. Все равно,—я не могу.

Онъ взглянулъ на нее съ жестокостью, которой она въ немъ никогда не видѣла.

— О, не трудитесь называть его мнѣ. Я съумѣю разыскать его.

Она молчала, скорбя за него, безпокоясь за другого, полная муки

и тревоги,—но безъ сожалѣнія о случившемся, безъ горечи, безъ грусти: душа ея была далеко отсюда.

Онъ смутно ощутилъ то, что съ ней происходило. И видя ее, въ своемъ негодованіи, такою кроткою и тихою, такой прекрасной — по иному прекрасной, чѣмъ онъ когда-либо видѣлъ ее, и прекрасной для другого, онъ вдругъ почувствовалъ желаніе убить ее.

— Уходи, уходи отсюда!—закричалъ онъ.

Потомъ, словно изнуренный этой вспышкой ненависти, несвойственной его натурѣ, онъ схватился руками за голову и зарыдалъ.

Видъ его страданій тронулъ ее, вернулъ ей надежду успокоить его, смягчить разлуку. Она вообразила, что можетъ утѣшить его. Дружелюбно и довѣрчиво она подошла и сѣла подлѣ него.

— Другъ мой, осуждайте меня. Я знаю, что достойна осужденія— и еще болѣе сожалѣнія. Презирайте меня, если хотите и если можно презирать несчастное существо, которое является игрушкою жизни. Судите меня, какъ хотите. Но сохраните немножко доброты ко мнѣ въ самомъ вашемъ гнѣвѣ... Вы сердились на меня только-что. О, я не упрекаю васъ. Мнѣ только больно это. Сохраните ко мнѣ немножко расположенія. Кто знаетъ? Будущее никому неизвѣстно. Оно такъ смутно, такъ темно для меня. Я хотѣла-бы одного: чтобы я могла сказать себѣ, что была проста, добра, искренна съ вами и что вы не забудете этого.

Онъ не слушалъ ея, — но ея ласкающій голосъ, звуки котораго текли такъ ясно и прозрачно, успокаивалъ его. Вдругъ онъ проговорилъ:

— Вы не любите его. Вы меня любите. Такъ что-же тогда...

Она смутилась, отвѣчала уклончиво:

— О! Сказать себѣ, что любишь и чего не любишь,—это не такъ-то легко для женщины, по крайней мѣрѣ для меня. Я не знаю, право, какъ дѣлаютъ другія. Но жизнь немилосердна, — она толкаетъ человѣка, бросаетъ, швыряетъ изъ стороны въ сторону...

Онъ взглянулъ на нее съ полнымъ самообладаніемъ. Ему пришла въ голову мысль, — онъ рѣшился. Это было такъ просто: простить, забыть,—только-бы она вернулась къ нему.

— Тереза, вы его не любите? Это была ошибка, минутное самозабвеніе? Это ужасъ, это нелѣпость,—но вы сдѣлали это по слабости, нечаянно, можетъ быть съ досады на меня. Дайте мнѣ слово, что вы больше не увидитесь съ нимъ.

Онъ взялъ ея за руку.

— Дайте мнѣ слово.

Она молчала, стиснувъ зубы, съ омраченнымъ лицомъ. Онъ сжалъ ея руку. Она вскрикнула:

— Мнѣ больно!

Онъ былъ твердъ въ своемъ намѣреніи. Онъ повлекъ ее къ столу, на которомъ стоялъ пузырекъ чернилъ и лежала почтовая бумага съ большой синей виньеткой, изображающей фасадъ отеля съ безчисленными окнами.

— Пишите, я продиктую вамъ. Письмо отнесутъ.

Гордая и спокойная, она отвѣтила:

— Я не могу, я не хочу.

— Почему?

— Потому что... вы хотите знать?.. потому что я люблю его.

Онъ выпустилъ и рѣзко оттолкнулъ ея руку. Если-бы при немъ былъ револьверъ, быть можетъ онъ убилъ-бы ее. Но почти въ ту-же минуту ярость его упала, превратилась въ боль. Онъ самъ хотѣлъ-бы теперь умереть отъ отчаянія.

— Неужели это правда—то, что вы сказали?.. Возможно ли?.. Неужели правда?

— Развѣ я знаю сама, развѣ я могу сказать?.. Развѣ...

Съ нѣкоторымъ усиліемъ она прибавила:

— Развѣ я могу о чемъ-нибудь думать въ эту мунуту, кромѣ своего горя и вашего отчаянія?

— Ты любишь, любишь его! Что-же въ немъ такого, какой онъ, чтобы вы могли полюбить его?

Онъ остолбенѣлъ отъ этого неожиданнаго удара,—онъ былъ въ глубочайшемъ изумленіи. И всетаки, то, что она сказала ему, разъединило ихъ: онъ не смѣлъ больше грубо схватить ее, ударить, смять, какъ какую-то негодную вещь, свою собственность. Онъ повторялъ:

— Любите его?.. Но что онъ могъ сказать, что онъ сдѣлалъ, что вы могли полюбить его? Я знаю васъ—я не считалъ нужнымъ постоянно высказывать, что вашъ образъ мыслей шокируетъ меня... Я увѣренъ, что это даже не человѣкъ изъ общества. И вы воображаете, что онъ васъ любитъ? Вы полагаете? О, вы заблуждаетесь: онъ совсѣмъ не любитъ васъ. Ваша любовь льститъ ему — вотъ и все. При первомъ удобномъ случаѣ онъ броситъ васъ. Скомпреметируетъ васъ, какъ слѣдуетъ и отпуститъ на всѣ четыре стороны. И тогда вы пойдете по пути безповоротнаго паденія...

Она слушала его, оскорбленная, но утѣшенная, думая о томъ, какъ тяжело ей было бы видѣть его великодушнымъ.

— Вы, можетъ быть, воображаете, что я буду прикрывать васъ, посѣщать вашъ домъ, вашего мужа, выгораживать васъ?

— Я думаю только, что вы будете поступать, какъ порядочный человѣкъ. Я ни о чемъ не прошу васъ. Мнѣ хотѣлось сохранить о васъ память, какъ о превосходномъ другѣ. Я думала, что вы будете снисхо-

дительны и добры ко мнѣ. Оказывается,—это невозможно. Видно, люди никогда не разстаются по хорошему. Когда-нибудь, позже, вы будете лучше судить обо мнѣ. Прощайте.

Онъ глядѣлъ на нее. Лицо его выражало теперь скорѣе страданіе, чѣмъ злобу. Никогда она не видѣла его такимъ — съ сухими, ввалившимися глазами, съ потемнѣвшими висками, на которыхъ выступали его рѣдкіе волосы. Онъ словно постарѣлъ въ одинъ часъ.

Она мягко взглянула на него.

— Прощайте! и утѣшьте себя мыслью, что я не заслуживаю столь жгучихъ сожалѣній.

Тогда, увидѣвъ, что она уже берется за ключь двери, понявъ по этому движенію ея, что она дѣйствительно уходитъ, навсегда уходитъ отъ него, онъ вскрикнулъ и бросился къ ней. Онъ ничего больше не помнилъ — онъ глухо чувствовалъ только, что совершилось какое-то несчастье, непоправимое горе. И изъ глубины его смятенія поднялась вдругъ животная страсть. Онъ хотѣлъ еще разъ овладѣть этой навсегда уходящей отъ него женщиной. Онъ привлекъ ее къ себѣ. Она сопротивлялась ему всею своею волею, — свободною и бдительною. Она вырвалась отъ него, вся измятая, растрепанная, изорванная, — не ощутивъ даже страха. Онъ понялъ, что ничего не достигнетъ, — мысль вернулась къ нему,—онъ уразумѣлъ, что она больше не его, потому что она отдалась другому. Страданіе охватило его съ новою силою. Онъ сталъ кричать какія-то негодующія, ругательныя слова и вытолкнулъ ее въ дверь.

Она остановилась на минуту въ корридорѣ, ожидая—изъ чувства гордости—какого-нибудь слова, какого-нибудь взгляда, которымъ могла бы достойно закончиться ихъ былая любовь.

Но онъ вскрикнулъ только еще разъ: «Уходите!» —и яростно захлопнулъ дверь.

Подойдя къ via Alfieri, Тереза увидѣла павильонъ въ глубинѣ двора, поросшаго блѣдною травою. Онъ показался ей такимъ спокойнымъ, молчаливымъ, вѣрнымъ пристанищемъ, со своими козами и нимфами. И она сразу почувствовала себя перенесенной изъ міра грубыхъ страданій въ другой міръ, въ какіе-то прежніе годы, когда она не знала еще горечи жизни. На лѣстницѣ, ступенки которой были осыпаны лепестками розъ, ее ожидалъ Дешартръ. Она бросилась въ его объятія и замерла. Онъ понесъ ее на рукахъ, недвижимую, какъ если бы это было мертвое тѣло той, которая заставляла его блѣднѣть и трепетать. Полузакрывъ глаза, она отдавалась этому обольстительному униженію, этому ощущенію прекрасной, желанной добычи. Усталость, грусть, тягостныя впечатлѣнія дня, воспоминаніе о насиліи, чувство

освобожденія, потребность забыться, остатокъ испуга—все оживляло, глубже волновало ея нѣжность. Запрокинувшись на постели, она обвила руками шею своего возлюбленнаго...

Когда они пришли въ себя, дѣтская радость охватила ихъ. Въ мягкихъ играющихъ отблескахъ дня онъ созерцалъ ее съ молодою радостью. Онъ восхищался ею и цѣловалъ ее. Потомъ, лица ихъ становились серьезными, глаза темнѣли, губы сжимались отъ прилива той священной злобы, которая дѣлаетъ любовь похожею на ненависть. И обнявшись, они искали забвенія... Она открывала глаза и улыбалась, разметавшись на подушкѣ, кроткою улыбкою выздоравливающей.

Онъ спросилъ, откуда у нея этотъ маленькій красный шрамъ на вискѣ. Она отвѣчала, что не помнитъ и что это пустяки. Она почти не лгала: въ самомъ дѣлѣ, она теперь не помнила.

XXII.

Ле-Мениль писалъ: «Уѣзжаю завтра въ семъ часовъ вечера. Будьте на вокзалѣ».

Тереза пришла. Она увидѣла его—въ длинномъ сѣромъ пальто съ пелериною,—коректнымъ и спокойнымъ, у подъѣзда, передъ омнибусами гостинницъ. Онъ сказалъ только:

— А! Вотъ вы!

— Но вѣдь вы звали меня, другъ мой.

Онъ не могъ признаться, что писалъ ей въ безсмысленной надеждѣ на то, что она вернется къ нему, что все будетъ забыто или—что вдругъ она скажетъ: «это было только испытаніе». Если бы она сказала это, онъ тотчасъ же повѣрилъ бы.

Но она молчала, и онъ сухо проговорилъ:

— Что вы имѣете мнѣ сказать? Мнѣ нечего объяснять вамъ. Мнѣ не приходится оправдываться въ измѣнѣ.

— Другъ мой, не будьте жестоки, не будьте неблагодарны къ прошедшему. Вотъ что я хотѣла вамъ сказать. И еще я хотѣла вамъ сказать, что разстаюсь съ вами съ грустью, какъ истинный другъ.

— И это все? Повторите все это тому, другому,—ему это будетъ интереснѣе, чѣмъ мнѣ.

— Вы позвали меня,—я пришла. Не заставляйте меня раскаиваться въ этомъ.

— Очень жалѣю, что обезпокоилъ васъ. Вы могли, безъ сомнѣнія, провести день съ большимъ удовольствіемъ для себя. Я не задерживаю васъ. Отправляйтесь къ нему,—вѣдь вы умираете отъ нетерпѣнія.

При мысли, что эти жалкія, нехорошія слова были выраженіемъ одного изъ моментовъ вѣковѣчной человѣческой скорби и что подобные

моменты запечатлены въ литературныхъ трагедіяхъ, она ощутила грусть, смѣшанную съ ироніей, и это ощущеніе отразилось на ея лицѣ морщинкою у губъ. Онъ подумалъ, что она смѣется.

— Не смѣйтесь, выслушайте меня. Третьяго дня въ комнатѣ отеля я хотѣлъ убить васъ. Я былъ такъ близокъ къ убійству, что знаю теперь, какъ это бываетъ. Но я этого не сдѣлаю. Вы можете быть вполнѣ спокойны. Да и къ чему! Я хочу, ради самого себя, соблюсти всѣ приличія и потому явлюсь къ вамъ съ визитомъ въ Парижѣ и выражу сожалѣніе о томъ, что вы не можете меня принять. Я повидаю вашего мужа и вашего отца и засвидѣтельствую имъ свое почтеніе, а потомъ отправлюсь въ продолжительное путешествіе. Прощайте.

Въ ту самую минуту, когда онъ повернулся къ ней спиною, Тереза увидѣла miss Белль и князя Альбертинелля, которые, выйдя съ товарной станціи, приближались къ ней. Князь былъ очень хорошъ собою. Вивіанъ, идя подлѣ него, вся свѣтилась чистою радостью.

— О! darling, какъ я рада встрѣтить васъ здѣсь. Мы съ княземъ только что справлялись въ таможнѣ о колоколѣ,—его уже привезли.

— А! Колоколъ привезли?

— Привезли, darling. Колоколъ Гиберти. Онъ теперь запертъ въ деревянной клѣткѣ и не звонитъ. Я хочу отвести ему помѣщеніе на колоколенкѣ моего фіезольскаго дома. Онъ почувствуетъ воздухъ Флоренціи и въ радости зазвучитъ своимъ серебристымъ голосомъ... Но какъ я рада васъ встрѣтить! О, я знаю, my love, почему вы на станціи. Ваша горничная выдала вашу тайну: она сказала, что вы ожидаете розовое платье, которое до сихъ поръ не присылаютъ, и изнываете отъ нетерпѣнія! Но не тревожьтесь—вы всегда прекраснѣе всѣхъ, my love.

Она пригласила Терезу въ свой экипажъ.

— Садитесь скорѣе, darling. Жакъ Дешартръ обѣдаетъ у насъ сегодня, я не хотѣла бы заставлять его ждать.

Въ то время, какъ онѣ ѣхали въ тишинѣ сумерокъ по дорожкамъ, надъ которыми носились запахи полевыхъ цвѣтовъ, miss Белль щебетала:

— Видите вы тамъ, darling, эти черныя веретена Парокъ—кладбищенскіе кипарисы? Вотъ гдѣ я хотѣла-бы покоиться вѣчнымъ сномъ.

Но Тереза думала про себя съ тревогой: «Они его видѣли. Узнала ли она его? Врядъ ли. На площади было уже темно, огни искрились ослѣпительно яркими точками. Главное, знакома ли она съ нимъ? Я не помню, встрѣчала ли она его у меня въ прошломъ году».

Но особенно безпокоило ее злорадство князя.

— Хотите, darling, занять мѣстечко рядомъ со мною на этомъ кладбищѣ? Надъ нами будетъ немножко земли и огромное небо. Впрочемъ, напрасно я дѣлаю вамъ это предложеніе—вѣдь вы не можете

принять его. Вы не можете спать вѣчнымъ сномъ у подножія фіезольскихъ холмовъ: вы должны покоиться въ Парижѣ, подъ прекраснымъ монументомъ, рядомъ съ графомъ Мартенъ.

— Почему? Развѣ вы думаете, дорогая, что жена должна зависѣть отъ мужа и послѣ смерти?

— Конечно, должна, darling. Бракъ совершается и на время и на вѣки. Вы не знаете исторіи молодыхъ любящихъ супруговъ въ Оверни? Они умерли почти въ одно и то-же время и были погребены въ могилахъ, раздѣленныхъ дорогою. Но каждую ночь шиповникъ перебрасывалъ черезъ дорогу, отъ одной могилы къ другой, свою цвѣтущую вѣтвь. Пришлось, наконецъ, соединить могилы.

Миновавъ Бадію, онѣ замѣтили процессію, поднимавшуюся по склону холма. Вечерній вѣтерокъ колебалъ огни восковыхъ свѣчей, въ подсвѣчникахъ изъ позолоченаго дерева. Дѣвушки разныхъ общинъ въ бѣлыхъ и голубыхъ платьяхъ сопровождали расписанныя хоругви. Потомъ слѣдовалъ маленькій Св. Іоаннъ, курчавый, обнаженный, прикрытый только овечьей шкурой, и семилѣтняя Св. Марія-Магдалина, въ золотистомъ покровѣ своихъ волнистыхъ волосъ. Жители Фіезоле подвигались сплошной толпой. Графиня Мартенъ узнала между ними Шулета. Онъ шелъ со свѣчей въ одной рукѣ, съ книгой въ другой, съ синими очками на носу, и пѣлъ. Желтоватые огни бросали дрожащія свѣтлыя пятна на грубыя черты его приплющеннаго лица и неровности его лысины. Косматая борода его поднималась и опускалась согласно съ ритмомъ духовной пѣсни. Въ переливахъ свѣта и рѣзкихъ тѣней, бороздившихъ его лицо, онъ казался старымъ и суровымъ.

— Какъ онъ хорошъ!—проговорила Тереза.—Онъ съ такимъ увлеченіемъ участвуетъ въ этомъ зрѣлищѣ. Настоящій артистъ.

— О, darling, почему вы не допускаете, что m-eur Шулетъ искренно благочестивъ? Почему? Въ искренней вѣрѣ столько радости и красоты. Поэты знаютъ это. Еслибы m-eur Шулетъ не былъ вѣрующимъ, онъ не писалъ бы такихъ удивительныхъ стиховъ.

— А вы, дорогая,—развѣ вѣруете?

— О, да, я вѣрю въ Бога и въ слово Христа.

Балдахинъ, хоругви, бѣлыя вуали скрылись уже за поворотомъ горной дороги. Но еще видно было, какъ восковая свѣча отражалась золотистыми лучами на голомъ черепѣ Шулета.

Между тѣмъ Дешартръ одиноко дожидался въ саду. Тереза нашла его на терассѣ. Онъ стоялъ, облокотившись, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впервые почувствовалъ страданія любви. Пока miss Белль искала вмѣстѣ съ княземъ подходящаго мѣстечка для новаго колокола, Дешартръ увлекъ на минуту свою возлюбленную въ садъ, подъ ракиты.

— Вѣдь вы же обѣщали мнѣ, что будете ждать меня въ саду.

Я ждалъ васъ цѣлый часъ, который показался мнѣ убійственнымъ. Вы не должны были уходить. Ваше отсутствіе поразило меня, я былъ въ отчаяніи.

Она отвѣчала въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что ей пришлось поѣхать на станцію и что miss Белль подвезла ее въ своемъ фаэтонѣ.

Онъ извинился, что встрѣтилъ ее съ такимъ разстроеннымъ лицомъ. Но все повергало его въ страхъ. Счастье пугало его.

Всѣ были уже за столомъ, когда появился Шулетъ съ лицомъ античнаго сатира. Странная радость свѣтилась въ его фосфорическихъ глазахъ. Со времени своего возвращенія изъ Ассизи, онъ жилъ съ простымъ народомъ, по цѣлымъ днямъ пилъ кіанти съ уличными женщинами и мастеровыми, которымъ онъ говорилъ о радости чистыхъ душъ, о пришествіи Христа, объ уничтоженіи налоговъ и воинской повинности. По окончаніи процессіи, онъ собралъ вокругъ себя, въ развалинахъ римскаго театра, толпу бродягъ и обратился къ нимъ съ проповѣдью на какомъ-то особенномъ діалектѣ, въ которомъ французскій языкъ былъ перемѣшанъ съ фразами тосканскаго нарѣчія. Теперь онъ, не безъ самодовольства, возстановилъ свою проповѣдь передъ слушателями:

— «Короли, сенаторы и судьи сказали: жизнь народовъ въ насъ. Но они лгутъ. Они подобны гробу, который говоритъ: я колыбель.

«Жизнь народовъ—въ жатвѣ полей, желтѣющей подъ взорами Господа. Жизнь—въ виноградныхъ лозахъ, въ улыбкѣ неба и слезахъ его, проливаемыхъ на плоды деревъ.

«Нѣтъ жизни въ законахъ, созданныхъ богатыми и могущественными для охраненія богатства и могущества своего.

«Владыки королевствъ и главари республикъ начертали въ книгахъ своихъ, что право человѣческое есть право войны. Они прославили насиліе. Они воздаютъ почести завоевателямъ и воздвигаютъ на публичныхъ площадяхъ статуи человѣку-побѣдителю и коню его. Но убійство не есть право. И вотъ почему праведный не будетъ, не станетъ брать изъ урны воинскаго жребія своего. Нѣтъ права и въ томъ, чтобы питать безуміе и преступленія владыки, возросшаго въ королевствѣ или республикѣ. И вотъ почему праведный не станетъ платить подати и давать денегъ мытарямъ. Онъ будетъ жить въ мирѣ, трудомъ рукъ своихъ, будетъ ѣсть хлѣбъ изъ ржи, которую самъ посѣялъ, и плоды деревъ, которыя самъ взростилъ».

— О m-eur Шулетъ,—заговорилъ князь Альбертинелли съ серьезнымъ лицомъ,—вы вполнѣ основательно интересуетесь состояніемъ нашихъ несчастныхъ и прекрасныхъ деревень, истощаемыхъ фискомъ. Что можно сдѣлать съ землею, обложенною налогомъ въ тридцать три процента съ валового дохода? И господинъ, и работники одинаково являются жертвами сборщиковъ налога.

Дешартръ и m-me Мартенъ были поражены неожиданною искренностію его тона.

Онъ прибавилъ:

— Я люблю короля, я добрый вѣрноподданный. Но бѣдствія крестьянъ удручаютъ меня!

Правда заключалась въ томъ, что онъ съ неотступнымъ упорствомъ преслѣдовалъ одну единственную цѣль: привести въ порядокъ свое помѣстье — Казентино, которое отецъ его, князь Карло, адъютантъ Виктора-Эммануила, оставилъ ему совершенно разореннымъ, на три четверти поглощеннымъ ростовщиками. Его аффектированная чувствительность прикрывала собою упорство въ преслѣдованіи поставленной цѣли. Всѣ его пороки были направлены въ одну сторону—къ одному жизненному интересу. Онъ торговалъ картинами, продавалъ втихомолку знаменитые плафоны своего палаццо, ухаживалъ за старыми женщинами и, наконецъ, искалъ руки miss Белль, которая, какъ онъ зналъ, умѣла зарабатывать много денегъ и была отличной хозяйкой,—все это съ одною и тою же цѣлью: сдѣлаться крупнымъ помѣщикомъ Тосканы. Онъ, дѣйствительно, любилъ землю и крестьянъ. Пламенныя слова Шулета, которыя онъ даже не совсѣмъ отчетливо понималъ, затронули въ немъ именно эту его любовь.

— Я усердно занимаюсь своимъ помѣстьемъ,—замѣтилъ онъ.—Я шелъ сегодня какъ разъ оттуда, когда имѣлъ двойное удовольствіе встѣтить на станціи miss Белль, которая справлялась о колоколѣ, и графиню, которая бесѣдовала со своимъ парижскимъ знакомымъ.

Онъ почему-то догадался, что ей будетъ непріятно, если онъ заговоритъ объ этой встрѣчѣ. Онъ обвелъ глазами всѣхъ, сидѣвшихъ за столомъ, и замѣтилъ у Дешартра движеніе удивленной тревоги, котораго тотъ не успѣлъ сдержать. Князь продолжалъ:

— Простите деревенскому жителю, графиня, эту маленькую претензію на знаніе свѣта. Въ господинѣ, который бесѣдовалъ съ вами, я сейчасъ же узналъ парижанина: при его англійскихъ манерахъ и искуственной натянутости, въ немъ легко замѣтить особаго рода непринужденность и живость.

— О!—небрежно промолвила Тереза,—я такъ давно не видала его и была очень удивлена, встрѣтивъ его во Флоренціи въ самую минуту его отъѣзда.

Она взглянула на Дешартра, который дѣлалъ видъ, что не слушаетъ.

— Но я знаю его, этого господина,—отозвалась miss Белль.—Вѣдь это m-eur Ле-Мениль. Я два раза сидѣла съ нимъ рядомъ за столомъ у m-me Мартенъ, и онъ разговаривалъ со мною, очень мило. Онъ сказалъ мнѣ, что любитъ foot ball, что онъ первый ввелъ эту игру во Франціи и что теперь foot-ball въ большой модѣ. Онъ раз-

сказывалъ мнѣ также о своихъ приключеніяхъ на охотѣ. Онъ любитъ животныхъ. Я замѣчала, что охотники вообще очень любятъ животныхъ. Могу васъ увѣрить, darling, что m-eur Ле-Мениль превосходно разсказываетъ о зайцахъ. Онъ такъ хорошо знаетъ ихъ нравы. Онъ сказалъ мнѣ, что это истинное удовольствіе—смотрѣть, какъ они танцуютъ при лунномъ свѣтѣ на полянкахъ, поросшихъ верескомъ. Скажите, darling, m-eur Ле-Мениль разсказывалъ вамъ о зайцахъ?

Тереза отвѣтила, что она не помнитъ, что всѣ охотники кажутся ей скучными.

Miss Белль возражала. Ей совсѣмъ не казалось, чтобы Ле-Мениль былъ скученъ со своими разсказами о зайцахъ, танцующихъ при лунномъ свѣтѣ. Ей самой хотѣлось-бы воспитать зайчика,—какъ это сдѣлала Фаніона.

— Darling, вы не знаете про Фаніону? О, я увѣрена, что m-eur Дешартръ знаетъ. Она была прекрасна и мила поэтамъ. Она жила на островѣ Косѣ, въ маленькомъ домикѣ, на склонѣ холма, покрытаго лимонными и терпентинными рощами и спускающагося къ голубому морю. Говорятъ, что глаза ея были голубыя, какъ морская волна. Я разсказала исторію Фаніоны Ле-Менилю, и онъ былъ очень доволенъ. Фаніона получила отъ одного охотника маленькаго зайчика съ длинными ушами, котораго отняли отъ матери, когда онъ еще сосалъ. Она взростила его, держа постоянно на своихъ колѣняхъ, и выкормила весенними цвѣтами. Онъ полюбилъ Фаніону и забылъ о матери. Но онъ умеръ, объѣвшись цвѣтовъ. Фаніона оплакивала его. Она похоронила его въ лимонномъ саду въ такомъ мѣстѣ, которое было видно изъ ея постели. И тѣнь зайчика была утѣшена пѣснями поэтовъ...

Добрѣйшая m-me Марме сказала, что Ле-Мениль нравится ей своими изящными, сдержанными манерами, которыхъ не встрѣтишь у теперешней молодежи. Она очень хотѣла бы повидать его: ей нужно было попросить его объ одной услугѣ.

— Для моего племянника, капитана артиллеріи,—сказала она,—онъ на очень хорошемъ счету и любимъ начальствомъ...

Miss Белль выразила сожалѣніе о томъ, что не узнала своевременно о пребываніи m-eur Ле-Мениля во Флоренціи. Она пригласила бы его отдохнуть въ Фіезоле.

Дешартръ оставался до конца обѣда мрачнымъ и разсѣяннымъ, а когда, прощаясь съ нимъ, Тереза протянула ему руку, она почувствовала, что онъ хотѣлъ избѣжать рукопожатія.

XXIII.

На другой день, въ закрытомъ павильонѣ на via Alfieri, она застала его особенно задумчивымъ. Она попыталась развлечь его кокетли-

вой оживленностью, нѣжною интимностью, смиреніемъ на все готовой возлюбленной. Онъ былъ попрежнему мраченъ. Всю ночь онъ не переставалъ думать, соображать, углубляясь въ свои грустныя, тоскливыя настроенія. Онъ перебиралъ въ умѣ факты, причиняющіе ему страданіе. Мысль его невольно сближала воспоминаніе о ручкѣ, бросающей письмо въ ящикъ, передъ бронзовымъ Санъ-Марко, съ тѣмъ бональнымъ, сомнительнымъ незнакомцемъ, котораго встрѣтили на станціи.

Онъ сидѣлъ въ старинномъ креслѣ, которое Тереза занимала въ первое свиданіе, погруженный въ мучительныя думы, между тѣмъ какъ она, на ручкѣ кресла, склонившись къ нему, вся обвилась вокругъ него своимъ горячимъ тѣломъ и своей любящей душой. Она слишкомъ хорошо понимала причину его страданій, чтобы разспрашивать его. Стараясь вернуть его къ нѣжнымъ отраднымъ мыслямъ, она напоминала ему все, пережитое въ этой комнатѣ, говорила о ихъ совмѣстныхъ прогулкахъ по городу. Онъ отвѣчалъ ей грустными неопредѣленными словами. Наконецъ, она сказала:

— Я тутъ рядомъ съ вами, а вы и не думаете обо мнѣ. Вы заняты какой-то неизвѣстной мнѣ мыслью. Но вѣдь я живое существо, а мысль, идея—ничто.

— Идея—ничто! Вы думаете? Идея дѣлаетъ человѣка счастливымъ или несчастнымъ, заставляетъ его жить или умирать. Да, дѣйствительно, я думаю...

— О чемъ?

— Зачѣмъ спрашивать? Вы сами понимаете,—я думаю о томъ, что узналъ вчера вечеромъ и что вы скрыли отъ меня. Думаю о вашей вчерашней встрѣчѣ на станціи, не случайной встрѣчѣ, а заранѣе условленной — письмомъ, тѣмъ письмомъ, которое—помните—вы бросили въ ящикъ Or-San-Michele. О, я не упрекаю васъ. Я не имѣю права упрекать. Но зачѣмъ же вы отдались мнѣ, если вы не были свободны?

Ей показалось, что нужно солгать.

— Вы говорите о человѣкѣ, котораго я встрѣтила вчера на станціи? Но право же—это была обыкновеннѣйшая встрѣча въ мірѣ.

Его болѣзненно поразило, что она не рѣшилась произнести имени того, о комъ она говорила. Онъ тоже не произнесъ этого имени.

— Тереза, такъ онъ не для васъ пріѣхалъ? Вы не знали, что онъ во Флоренціи? Онъ для васъ простой знакомый, съ которымъ вы встрѣчаетесь въ свѣтѣ и принимаете у себя? Онъ не тотъ, который заставилъ васъ сказать мнѣ на берегу Арно: «я не могу»?.. Онъ—ничто для васъ?

Она отвѣтила рѣшительнымъ тономъ:

— Онъ иногда бываетъ у меня. Мнѣ представилъ его генералъ Ларивьеръ. Мнѣ нечего больше сказать вамъ о немъ. Могу васъ увѣ-

рить, что онъ меня ни мало не интересуетъ и что я не понимаю, о чемъ вы думаете.

Ей доставляло какое-то удовлетвореніе отрекаться отъ человѣка, который съ такой увѣренностью и несдержанностью заявлялъ свои права на нее. Но ей хотѣлось скорѣе покончить съ этимъ. Она посмотрѣла на своего друга прекрасными, нѣжными и серьезными глазами.

— Послушайте, съ того дня, какъ я отдалась вамъ, вся жизнь моя принадлежитъ вамъ. Если васъ тревожитъ какое-нибудь сомнѣніе, какая-нибудь мысль, спросите меня прямо. Все мое настоящее — въ вашихъ рукахъ, и вѣдь вы знаете, что оно полно вами, вами однимъ, тобою. А мое прошедшее... если бы вы знали, до чего оно было пусто, вы были бы довольны. Я не думаю, чтобы какая-нибудь другая женщина, созданная, какъ я, для любви, могла отдать вамъ душу, до такой степени неиспытанную въ любви. Въ этомъ я могу поклясться. Годы, прошедшіе безъ васъ, какъ будто даже совсѣмъ не были прожиты мною. Не будемъ о нихъ говорить. Вспомните Лоэнгрина. Если вы меня любите, — пусть я буду для васъ тѣмъ рыцаремъ, который приплылъ на лебедѣ. Я вѣдь ни о чемъ васъ не разспрашивала. Я ничего не хотѣла узнавать. Я не объяснялась съ вами относительно m lle Жанны Танкредъ... Я видѣла, что ты любишь меня, что ты страдаешь, — мнѣ было довольно этого... потому что я люблю тебя.

— Женщина не можетъ ревновать, какъ мужчина, и чувствовать то что причиняетъ намъ такія страданія.

— Не знаю. Почему?

— Почему? Потому что въ крови женщины, въ ея организмѣ, нѣтъ той безсмысленной, но непобѣдимой страсти обладанія, того древняго инстинкта, на которомъ мужчина основалъ свое право. Мужчина — творецъ, богъ, который хочетъ, чтобы его созданіе принадлежало ему безраздѣльно. Съ незапамятныхъ временъ женщина была предметомъ раздоровъ. Это прошлое, темное прошлое опредѣляетъ всѣ наши страсти. Мы родимся на свѣтѣ такими старыми! Для женщинъ ревность только вопросъ самолюбія. Для мужчинъ — это мука, глубокая, какъ нравственное страданіе, непрерывное, какъ физическая боль... Ты спрашиваешь, почему? Потому что, несмотря на все мое преклоненіе, на все мое уваженіе къ тебѣ, несмотря на тотъ трепетъ, который ты внушаешь мнѣ, несмотря на все это, — ты только матерія, а я идея, ты вещь, а я душа, ты глина, а я горшечникъ. О, не оскорбляйся этимъ! Что такое этотъ скромный и грубый горшечникъ передъ округленною, опоясанною гирляндами амфорою! Она спокойна и прекрасна, а онъ жалокъ. Онъ терзается, онъ желаетъ, онъ страдаетъ, — потому что желать значитъ страдать. Да, я ревную. Я знаю, что такое моя ревность. Анализируя ее, я понимаю, что она состоитъ изъ наслѣдственныхъ предразсудковъ, за-

носчивости дикаря, болѣзненной чувствительности, что это смѣсь животной грубости и жестокой слабости, безсильное и злое возмущеніе противъ закона жизни и міра. Но что мнѣ отъ моего пониманія — я не могу не мучиться.

— Другъ мой, но вѣдь это безуміе.

— Да, безуміе, я сознаю это лучше васъ. Любить женщину въ полномъ расцвѣтѣ красоты и ума, женщину ни отъ кого независящую, которая все знаетъ и на все дерзаетъ и которая отъ этого еще прекраснѣе и еще желаннѣе, выборъ которой свободенъ и сознателенъ; жаждать обладанія ею, любить ее именно такою, какова она есть, и страдать отъ того, что не находишь въ ней младенческой нетронутости, блѣдной невинности, которая могла бы только непріятно поражать въ ней, если бы все это было совмѣстимо; требовать отъ нея, чтобы она была сама собой и не была сама собой, обожать ее такою, какою создала ее жизнь, и горько сожалѣть о томъ, что жизнь, сдѣлавшая ее столь прекрасною,— коснулась ея...—о, это нелѣпо! Я люблю тебя, слышишь ли, я люблю тебя со всѣми твоими ощущеніями, привычками, со всѣмъ, что выросло въ тебѣ изъ пережитаго тобою, со всѣмъ, что ты взяла отъ этого человѣка, быть можетъ отъ многихъ... я вѣдь не знаю. Вотъ въ чемъ мое блаженство и мои муки. Должно быть, есть какой-нибудь глубокій смыслъ въ томъ общественномъ предразсудкѣ, который осудилъ бы нашу любовь, какъ преступную. Счастье преступно, когда оно слишкомъ огромно. Вотъ почему я страдаю, любовь моя.

Она опустилась передъ нимъ на колѣни, взяла его руки и привлекла его къ себѣ:

— Я не хочу, чтобы ты страдалъ, я не хочу. Это безуміе. Я люблю тебя, я никого не любила, кромѣ тебя. Ты долженъ вѣрить мнѣ: я не лгу.

Онъ прикоснулся губами къ ея лбу.

— Если бы ты и лгала мнѣ, милая, я бы не осудилъ тебя. Напротивъ, я былъ бы тебѣ благодаренъ. Что можетъ быть законнѣе, человѣчнѣе, какъ обмануть страданіе? Лги, любовь моя, обмани меня изъ милосердія. Дай мнѣ забыться сномъ, въ которомъ самая чорная скорбь расцвѣтаетъ яркими цвѣтами. Лги и не раскаивайся. Вѣдь это прибавитъ только одну лишнюю иллюзію къ иллюзіи любви и красоты.

Онъ тяжело вздохнулъ:

— О, этотъ здравый смыслъ! мудрость толпы!

Она спросила его, что онъ хочетъ сказать, о какой мудрости толпы онъ говоритъ? Онъ отвѣтилъ, что ему вспомнилась одна пословица — умная, но слишкомъ грубая,—лучше ее не произносить.

— Скажите мнѣ всетаки.

— Хотите, чтобы я сказалъ? «Губы не теряютъ свѣжести отъ поцѣлуя».

Онъ прибавилъ:

— Это правда, что любовь охраняетъ красоту и что тѣло женщины питается ласками, какъ пчела цвѣтами.

Она отвѣтила ему новой клятвой—въ поцѣлуѣ.

— Клянусь тебѣ, что я никого не любила, кромѣ тебя... О нѣтъ, не ласки сохранили во мнѣ ту незначительную прелесть, которую я съ такой радостью отдаю тебѣ...

Но ему все вспоминалось письмо, брошенное въ Or-San-Michele, и встрѣча съ незнакомцемъ на станціи.

— Если бы вы въ самомъ дѣлѣ меня любили, вы никого не любили бы, кромѣ меня.

Она въ негодованіи поднялась:

— Такъ, значитъ, вы думаете, что я люблю другого? Это чудовищно—то, что вы сказали. Вотъ какъ вы обо мнѣ думаете! И еще говорите, что любите меня... Какъ вамъ не совѣстно! Я жалѣю васъ, потому что вы съумасшедшій.

— Правда? Я съумасшедшій? Скажите, скажите мнѣ еще разъ.

Она опять опустилась на колѣни, обвила его своими гибкими руками, сжала виски и щеки его. Она повторяла ему, что безумно мучиться мыслью о ничтожной, обыкновенной встрѣчѣ. Она заставила его повѣрить или, вѣрнѣе, забыть. Онъ ничего больше не видѣлъ, не сознавалъ, не чувствовалъ, кромѣ этихъ легкихъ рукъ, этихъ жгучихъ губъ и зубовъ, этой груди и всего этого отдающагося въ его власть тѣла. Его горечь, его злоба растаяли, осталось только палящее желаніе—все забыть, заставить ее забыться, броситься съ нею въ пропасть сладострастнаго безпамятства. И она сама, разжигаемая тревогою и желаніями, ощущая острую страсть, которую она внушала, чувствуя одновременно свое могущество и свою слабость, отдавала любовь за любовь съ невѣдомымъ ей доселѣ упоеніемъ. Въ какомъ-то безотчетномъ неистовствѣ, въ смутной рѣшимости отдаться лучше и глубже, чѣмъ когда либо, она позволяла себѣ то, чего раньше не считала даже возможнымъ. Жаркій сумракъ застилалъ комнату.

XXIV.

Глухой грохотъ передвигаемыхъ и спускаемыхъ съ лѣстницы сундуковъ наполнялъ виллу Колоколовъ. Въ то время, какъ нагруженная пакетами Полина легко взбѣгала и сбѣгала по ступенькамъ, добрѣйшая m-me Марме съ невозмутимой бдительностью присматривала за отправкой вещей, а miss Белль оканчивала туалетъ въ своей комнатѣ,

Тереза, одѣтая по дорожному въ сѣрое, облокотившись о перила терассы, смотрѣла въ послѣдній разъ на Городъ Цвѣтовъ.

Она рѣшилась ѣхать. Мужъ въ каждомъ письмѣ призывалъ ее. Если она вернется въ Парижъ, какъ онъ просилъ ее, въ первыхъ числахъ мая, они успѣютъ еще дать два-три политическихъ обѣда. Группа его одерживала верхъ, выдвигалась волною общественныхъ симпатій, и Гаренъ полагалъ, что салонъ m-me Мартенъ можетъ съиграть благодѣтельную роль въ судьбахъ страны. Всѣ эти доводы мало затрогивали Терезу, но она чувствовала теперь нѣчто вродѣ благосклонности къ своему мужу и хотѣла быть ему пріятной. Третьяго дня она получила, кромѣ того, письмо отъ своего отца. Не входя въ политическіе разсчеты зятя и воздерживаясь отъ какихъ-либо прямыхъ совѣтовъ, Монтессю давалъ понять дочери, что въ свѣтѣ начинаютъ поговаривать о ея таинственномъ пребываніи во Флоренціи, въ обществѣ поэтовъ и артистовъ, и что вилла Колоколовъ принимаетъ издали характеръ какой-то сентиментальной фантазіи. Тереза сама начинала чувствовать себя какъ-то черезъ чуръ на глазахъ у всѣхъ въ маленькомъ кружкѣ обитателей и посѣтителей Фіезоле. M-me Марме стѣсняла ее. Князь Альбертинелли смущалъ ее въ новой для нея жизни. Свиданія въ павильонѣ на via Alfieri становились все болѣе затруднительными и опасными... Она надѣялась вѣрнѣе скрыть свое счастье въ громадѣ Парижа.

Отъѣздъ былъ назначенъ на 5-ое мая.

Чудесный прозрачный день вставалъ надъ долиною Арно. Тереза задумчиво смотрѣла съ терассы на эту голубую долину, посреди которой разметалась Флоренція, залитая розовымъ свѣтомъ безбрежной утренней зари. Она наклонилась, чтобы разсмотрѣть у склона цвѣтущаго холма едва замѣтную темную точку—мѣсто, гдѣ она пережила такое безмѣрное счастье. Кладбищенскій садъ казался маленькимъ темнымъ пятнышкомъ, возлѣ котораго угадывалась via Alfieri. Она какъ-бы увидѣла себя въ милой для нея комнатѣ, куда ей, безъ сомнѣнія, уже не придется болѣе входить. И эти безвозвратно прошедшіе часы возставали передъ нею, какъ грустное сновидѣніе. Она почувствовала, что глаза ея застилаются, колѣни дрожатъ, душа сжимается. Ей казалось, что самая жизнь ея не была больше въ ней, а осталась тамъ, въ этомъ уголкѣ, гдѣ виднѣлись неподвижныя черныя вершины сосенъ. Она подумала, съ упрекомъ самой себѣ, что ей нечего тревожиться, что нужно радоваться. Она знала, что встрѣтится съ Жакомъ Дешартромъ въ Парижѣ. Имъ обоимъ хотѣлось-бы уѣхать туда одновременно или, вѣрнѣе, вмѣстѣ. Если они сочли нужнымъ, чтобы онъ остался на три-четыре дня во Флоренціи, свиданіе ихъ, во всякомъ случаѣ, было близко, мѣсто встрѣчи условлено, и она уже жила мыслями объ этой встрѣчѣ. Она уносила въ душѣ свою любовь, охватившую все ея существо, горящую въ самой

крови ея. И все-таки какая-то частица ея души осталась тамъ, въ павильонѣ съ нимфами и козами, какая-то частица, навсегда отошедшая отъ нея.

Крикъ Полины прервалъ ея мысли. Шулетъ, внезапно выскочившій изъ куста ракитника, обхватилъ горничную, которая несла въ экипажъ верхнее платье и саквояжи. Теперь онъ уже бѣжалъ по дорожкамъ, радостный, съ мохнатой бородой, съ ушами, торчащими по бокамъ его гладкаго черепа, какъ рога. Онъ откланялся графинѣ Мартенъ.

— Итакъ нужно проститься съ вами, сударыня?

Онъ оставался въ Италіи. Его призывала одна Дама, какъ онъ говорилъ: онъ отправлялся въ Римъ. Онъ хотѣлъ видѣть кардиналовъ. Одинъ изъ нихъ, о которомъ ему приходилось слышать, какъ объ очень умномъ старикѣ, раздѣлитъ, быть можетъ, его мысли о соціалистической и революціонной задачѣ церкви. Шулетъ имѣлъ теперь совершенно опредѣленную цѣль: воздвигнуть на развалинахъ несправедливой и жестокой цивилизаціи крестъ Господень—не мертвый и сухой, но живой и осѣняющій міръ своимъ цвѣтущими вѣтвями. Въ этихъ видахъ онъ основывалъ особый орденъ и собирался издавать газету. Номеръ газеты долженъ стоить одинъ су, текстъ будетъ стихотворный, чтобы его можно было пѣть. Стихъ—простой, страстный или радостный—является единственной формой рѣчи, доступной простому народу. Проза можетъ нравиться только людямъ утонченнаго развитія. Онъ посѣщалъ сходки анархистовъ въ улицѣ св. Іакова. Они проводили вечера въ декламаціи или пѣніи пѣсенъ.

Онъ прибавилъ:

— Газета, которая будетъ сборникомъ пѣсенъ, достигнетъ народнаго сердца. Мнѣ приписываютъ нѣкоторый талантъ. Не знаю, на сколько это справедливо, но во всякомъ случаѣ нужно признать, что я не лишенъ практическаго ума.

Miss Белль спустилась по ступенькамъ крыльца, натягивая перчатки.

— O, darling, сказала она,—городъ, холмы и небо хотятъ быть оплаканными вами! Они такъ прекрасны сегодня—словно нарочно, чтобы вы пожалѣли о разлукѣ съ ними и захотѣли вернуться.

Появилась и m-me Марме, въ дорожномъ костюмѣ, съ безмятежной радостью въ душѣ при мысли объ ожидающей ее квартиркѣ въ rue de la Chaise, о своей собачкѣ Тоби, о старомъ другѣ Лагранжѣ, о своемъ домашнемъ этрусскомъ воинѣ, покоившемся между коробками конфектъ, котораго не могли замѣнить ей этруски фіезольскаго музея.

Miss Белль проводила своихъ пріятельницъ на станцію.

XXV.

Дешартръ зашелъ въ вагонъ, чтобы проститься съ отъѣзжающими. Разставшись съ нимъ, Тереза еще сильнѣе почувствовала, чѣмъ онъ для нея былъ: онъ вызвалъ въ ней новый, чудесный вкусъ къ жизни,—до того свѣжій, до того реальный, что она какъ будто ощущала его на своихъ губахъ. Она вся жила въ чарующей мечтѣ о новомъ свиданіи. Съ какимъ-то кроткимъ удивленіемъ выслушивала она во время пути замѣчанія m-me Марме: «Мы переѣзжаемъ границу» или: «посмотрите, розы цвѣтутъ на берегу моря». Она все еще хранила въ себѣ эту внутреннюю радость, когда—послѣ ночи, проведенной въ гостинницѣ Марселя—въ окнахъ вагона замелькали сѣрыя оливы на каменистыхъ поляхъ, потомъ тутовыя деревья и отдаленный абрисъ горы Пилатъ, и Рона, и Ліонъ, и привычные пейзажи: купы деревьевъ—тогда, зимою, темныхъ, лиловатыхъ, а теперь покрытыхъ свѣтло-зеленою листвой, полосатые ковры разнообразныхъ злаковъ по склонамъ холмовъ, ряды тополей по берегамъ рѣкъ. Путешествіе не вносило никакихъ перемѣнъ въ ея душу: она переживала всю полноту недавняго минувшаго, съ тѣмъ удивленнымъ чувствомъ, которое сопровождаетъ глубокія радости... Съ томной улыбкой только что пробудившагося человѣка встрѣтила она, при остановкѣ поѣзда, подъ зеленовато-сѣрымъ свѣтомъ вокзала, радостно ожидающаго ее мужа. Обнимая на прощанье добрѣйшую m-me Марме, она отъ всего сердца благодарила ее. Въ самомъ дѣлѣ,—она была переполнена благодарностью ко всему окружающему, ко всѣмъ созданіямъ и вещамъ, какъ св. Францискъ Шулета.

Сидя въ каретѣ, которая катилась по набережнымъ, въ пыли, свѣтящейся красноватымъ свѣтомъ заката, она безъ малѣйшаго нетерпѣнія слушала своего мужа, который повѣрялъ ей свои успѣхи въ Палатѣ, намѣренія и планы своей группы, свои проекты и надежды, и повторялъ о необходимости дать два-три большихъ политическихъ обѣда. Она закрыла глаза, чтобы отдаться своимъ мыслямъ. Она говорила себѣ: «Завтра я получу письмо, а черезъ восемь дней—увижусь съ нимъ». Когда карета въѣхала на мостъ, она смотрѣла на рѣку, катившую огневыя волны, потомъ на закоптѣвшія арки, на ряды платановъ, на цвѣтущія шапки каштановъ въ Куръ-ла-Ренъ. Эти привычные виды пріобрѣтали для нея чудесную новизну. Ей казалось, что ея любовь дала новыя краски вселенной. Она спрашивала себя: узнаютъ ли ее эти деревья, эти камни? «Какъ это мои глаза, мое тѣло, самое мое молчаніе, и небо, и земля не выдаютъ, не разглашаютъ моей тайны»?—думала она. M-eur Мартенъ-Беллемъ, полагая, что она немножко утомлена, посовѣтовалъ ей отдохнуть. А ночью, запершись въ своей ком-

натѣ, посреди глубокой тишины, въ которой она яснѣе слышала біеніе своей души, Тереза писала отсутствующему другу письмо,—одно изъ тѣхъ писемъ, слова которыхъ подобны цвѣтамъ,—вѣчно новымъ въ самой своей неизмѣнности.

Втеченіе цѣлой недѣли она жила этой глубоко-скрытой внутренней жизнью, чувствуя въ себѣ нѣжную теплоту, оставшуюся отъ дней via Alfieri, ощущая на себѣ его поцѣлуи, любя себя его любовью. Безумно тревожась, когда на почтѣ для нея не оказывалось письма, трепеща отъ радости, когда ей подавали черезъ рѣшетку маленькаго почтоваго отдѣленія конвертъ съ крупнымъ витіеватымъ почеркомъ ея друга, она упивалась его воспоминаніями, его желаніями и надеждами. Быстро бѣжали одинъ за другимъ часы—безпорядочные, смятенные, жгучіе.

Только утро того дня, когда онъ долженъ былъ, наконецъ, пріѣхать, показалось ей томительно длиннымъ. Она пришла на вокзалъ до прихода поѣзда. На стѣнѣ было вывѣшено предупрежденіе объ опозданіи на три четверти часа. Она разстроилась. Это непредвидѣнное опозданіе казалось ей какой-то измѣной. Блѣдный свѣтъ медленно струился черезъ стеклянную крышу вокзала, какъ песчинки огромныхъ песочныхъ часовъ, отсчитывая для нея минуты, потерянныя для счастья. Ею овладѣвало уже изнеможеніе, когда въ красномъ свѣтѣ солнца, склоняющагося къ закату, она увидѣла останавливающуюся у дебаркадера машину, чудовищную и покорную, и различила въ хлынувшей изъ вагоновъ толпѣ высокую, стройную фигуру Дешартра. Онъ взглянулъ на нее съ тѣмъ выраженіемъ почти мрачной сосредоточенной радости, которое она уже знала у него.

— Наконецъ-то!—проговорилъ онъ.—Я думалъ, что не доживу. Вы знаете,—я самъ не могъ представить себѣ, что это за пытка прожить цѣлую недѣлю вдали отъ васъ... Я пошелъ въ павильонъ на via Alfieri и тамъ, въ комнатѣ—знаешь—передъ старинной пастелью,—я кричалъ отъ любви и бѣшенства.

Она посмотрѣла на него съ чувствомъ удовлетворенія.

— А я! Если-бъ ты зналъ, какъ я звала, какъ я ждала тебя, какъ руки мои натянулись къ тебѣ. Я прятала твои письма въ мою шифоньерку съ драгоцѣнностями и перечитывала ихъ по ночамъ. Это было чудесно, но... твои письма—это ты самъ, и слишкомъ, и недостаточно ты!

Они перешли дворъ, по которому катились экипажи, нагруженные сундуками. Тереза спросила его, почему они не садятся въ экипажъ.

Дешартръ не отвѣчалъ. Казалось, онъ не слышалъ. Онъ быстро вышелъ съ нею на мостовую и свернулъ въ узенькій переулокъ. Тамъ, между дровяными складами и лавками угля, высился отель съ рестораномъ внизу, со столиками, разставленными по тротуару. Подъ рас-

крашенной вывѣской виднѣлись бѣлыя шторки оконъ. Дешартръ остановился передъ дверью и вошелъ вмѣстѣ съ Терезою въ темный проходъ.

— Куда вы ведете меня?—спросила она.—Который теперь часъ? Я должна быть дома къ семи съ половиною. Мы, кажется, съ ума сходимъ...

Черезъ нѣкоторое время, спускаясь съ лѣстницы, она говорила:

— Жакъ, другъ мой, мы слишкомъ счастливы. Мы воруемъ жизнь.

XXVI.

На другой день Тереза ѣхала на извозчикѣ по отдаленной улицѣ, казавшейся заброшенною, несмотря на населенность,—не то грустной, не то веселой, съ садами, выглядывающими изъ-за каменныхъ заборовъ въ промежуткахъ между недавно отстроенными домами. Подъѣхавъ къ тому мѣсту, гдѣ черезъ мостовую перекинута сводчатая аркада отеля Режансъ, извозчикъ остановился. Тереза позвонила у небольшой калитки. Какой-то человѣкъ съ большими усами, съ наружностью простодушнаго солдата, отворилъ ей. Она очутилась во дворѣ, усыпанномъ пескомъ, посрединѣ котораго раскинулъ тѣнистыя вѣтви большой платанъ. Изъ глубины двора глядѣлъ своими шестью окнами небольшой домъ, съ фасадомъ, полузавѣшаннымъ плющомъ и вьющимися розами. Этотъ старинный домъ имѣлъ свою прелесть. Тереза сразу почувствовала ее. Изящная небрежность струилась здѣсь отвсюду: отъ старыхъ стѣнъ, обвитыхъ плющомъ, отъ темныхъ оконъ мастерской, отъ поникшаго вѣтвями платана, кора котораго осыпалась мелкой чешуей на траву, пробивавшуюся сквозь песокъ двора. И во всемъ этомъ сказывалась душа хозяина, безпечнаго, не склоннаго къ заботливости, лѣниво влачащаго томленія своей страстной натуры.

Дешартръ, уже цѣлый часъ ожидавшій ея прихода, радостный, еще тревожный, взволнованный счастьемъ, спускался со ступенекъ крыльца. Въ прохладной тѣни передней, въ углахъ которой смутно виднѣлись строгіе величественные мраморы и бронзы, она остановилась. Голова ея кружилась, сердце изо всѣхъ силъ колотилось въ груди. Онъ сжалъ ее въ объятіяхъ и прильнулъ къ ней долгимъ поцѣлуемъ. Она едва слышала, сквозь трепетаніе пульса въ вискахъ, то, что онъ шепталъ ей, вспоминая о вчерашнихъ восторгахъ.

Потомъ онъ провелъ ее по угловатой деревянной лѣстницѣ въ обширную залу, которая служила нѣкогда рабочимъ кабинетомъ его отцу и гдѣ онъ самъ занимался рисованіемъ, лѣпкой, гдѣ онъ читалъ, съ какимъ-то наркотическимъ упоеніемъ, забываясь въ мечтахъ надъ неоконченной страницей.

Онъ подвелъ ее къ широкому, низкому дивану, заваленному подушками, поверхъ которыхъ были набросаны отрепанныя испанскія мантіи и византійскіе стихари. Но она сѣла въ кресло, оглядываясь вокругъ— на столы, уставленные вазами и статуетками, на ковры, на великолѣпное собраніе оружія, эмалей, мраморовъ, картинъ, старинныхъ книгъ.

— Какія у васъ прекрасныя вещи!—сказала она.

— Большинство изъ нихъ досталось мнѣ отъ отца, жившаго въ золотой вѣкъ коллекцій.

— Но я не вижу здѣсь ничего вашего,—продолжала она съ удивленіемъ и нѣкоторымъ разочарованіемъ.—Ни одной статуи, ни одного барельефа, ни одной изъ тѣхъ восковыхъ работъ, которыя такъ цѣнятся въ Англіи, ни одной фигурки, ни медали, ничего.

— Неужели вы думаете, что это пріятно — жить посреди своихъ произведеній! Я ихъ слишкомъ знаю. Они надоѣли мнѣ. То, что не имѣетъ секрета, не имѣетъ и прелести.

Она посмотрѣла на него съ кокетливой обидчивостью:

— Вы не предупредили меня, что все, не имѣющее секрета, утрачиваетъ для васъ всякую прелесть.

Онъ взялъ ее за талію.

— О! Все, что живетъ, всегда таинственно, слишкомъ таинственно. И ты, любовь моя, всегда останешься для меня загадкой, въ которой скрыты и прелести жизни, и страхъ смерти. Не бойся отдаваться мнѣ. Ты всегда будешь для меня желанной и непостижимой. Развѣ можно дѣйствительно обладать тѣмъ, кого любишь? Вѣдь поцѣлуи, ласки — это только порывъ восторженнаго отчаянія. Когда я держу тебя въ своихъ объятіяхъ, я все еще стремлюсь къ тебѣ, — и никогда не достигаю, потому что все еще хочу, потому что ищу въ тебѣ невозможнаго, безконечнаго... Пойди сюда, любовь моя, ко мнѣ! Я такъ жестоко страдалъ въ твое отсутствіе. Я долженъ найти къ тебѣ забвеніе отъ тебя. Только въ тебѣ я могу забыться...

Онъ обнялъ ее и, поднявъ вуалетку, сталъ цѣловать въ губы.

Нѣсколько растерявшись въ большой незнакомой залѣ, словно смущаясь взглядами всѣхъ этихъ чужихъ вещей, она спустила тюль до самаго подбородка.

— Здѣсь! Развѣ можно!

Онъ сказалъ, что они одни.

— Одни? А человѣкъ съ страшными усами, отворившій мнѣ дверь?

Онъ улыбнулся.

— Это Фюзелье, старый слуга моего отца. Онъ и его жена—вотъ и весь мой домъ. Не безпокойтесь,—они у себя.

Онъ сѣлъ въ уголъ дивана, привлекъ ее къ себѣ на колѣни и сталъ цѣловать. Она тоже поцѣловала его. Потомъ она съ живостью поднялась.

— Покажите мнѣ другія комнаты. Я любопытна. Я хочу все видѣть.

Онъ повелъ ее во второй этажъ. Акварели Филиппа Дешартра, его отца, покрывали стѣны коридора. Онъ открылъ дверь и впустилъ ее въ комнату, убранную палисандровой мебелью.

Это была комната его матери. Онъ хранилъ ее неприкосновенной. Уже девять лѣтъ никѣмъ необитаемая, эта комната все еще не казалась опустѣвшей. Зеркальный шкафъ какъ будто ожидалъ взгляда старой дамы, а на каминныхъ агатовыхъ часахъ задумчивая Сафо тосковала въ тишинѣ, не слыша привычнаго легкаго стука маятника.

На стѣнѣ было два портрета. Одинъ, кисти Рикара, изображалъ Филиппа Дешартра, блѣднаго, съ безпорядочно разбросанными волосами, со взглядомъ, погруженнымъ въ какую-то романтическую мечту, съ выраженіемъ доброты на краснорѣчивыхъ устахъ. Другой, сдѣланный не столь тревожною рукой, представлялъ даму средняго возраста, почти прекрасную въ своей жгучей худобѣ. Это была m-me Филиппъ Дешартръ.

— Комната моей матушки похожа на меня,—сказалъ Жакъ:—она все помнитъ.

— Вы похожи на вашу мать,—сказала Тереза.—У васъ ея глаза. Поль Вансъ говорилъ мнѣ, что она васъ обожала.

— Да,—отвѣтилъ онъ, улыбаясь.—Она была чудесная, моя мать: умная, тонкая, удивительно странное существо. Материнская любовь была у нея какимъ-то безуміемъ. Она не давала мнѣ ни минуты покоя—мучилась и меня мучила.

Онъ открылъ ящикъ письменнаго стола.

— Посмотрите,—матушкины очки. Какъ она ихъ всегда искала!.. Теперь я покажу вамъ мою комнату. Если она не хорошо убрана, вы извините m-me Фюзелье: я пріучилъ ее уважать мой безпорядокъ.

Занавѣсы на окнахъ были спущены. Онъ не отдернулъ ихъ...

Черезъ часъ она сама раздвинула эти длинныя полосы краснаго атласа. Солнечные лучи ослѣпили ее и заиграли въ ея распустившихся волосахъ. Она искала зеркала—и нашла только одно, венеціанское, высоко висѣвшее на стѣнѣ, потускнѣвшее въ круглой рамѣ чернаго дерева. Она приподнялась на носкахъ, чтобы заглянуть въ него.

— Неужели это я?—спросила она.—Какая-то темная, далекая тѣнь. Тѣ, которыя смотрѣлись въ это зеркало, врядъ-ли особенно одобряли его!

Собирая шпильки со стола, она замѣтила маленькую бездѣлушку, на которую раньше не обратила вниманія. Это была старая итальянская работа въ фламандскомъ вкусѣ: голая женщина, съ короткими ногами, съ тяжелымъ животомъ въ складкахъ, какъ будто бѣжала,

вытянувъ впередъ руку. Въ этой фигуркѣ было что-то канальственное, забавное. Тереза спросила, что она изображаетъ?

— То-же самое, что фигура Суетности на порталѣ Базельскаго собора.

Но Тереза, бывавшая въ Базелѣ, не знала этой фигуры Суетности. Она еще разъ внимательно осмотрѣла бронзовую бездѣлушку, не поняла и спросила:

— Это что-нибудь неприличное? Но какимъ образомъ вещь, изображенная на порталѣ церкви, можетъ быть настолько неприличной, чтобы нельзя было даже сказать здѣсь?

Вдругъ ее охватило безпокойство:

— Боже мой, что подумаютъ обо мнѣ ваши Фюзелье!

Потомъ она замѣтила на стѣнѣ лѣпной медальонъ, въ которомъ Дешартръ изобразилъ въ наброскѣ профиль дѣвочки,—забавной и порочной.

— А это что такое?

— Это Клара, маленькая продавщица газетъ изъ улицы Демуръ. Она приносила мнѣ «Фигаро» по утрамъ. У нея были ямочки на щекахъ—точно гнѣздышки для поцѣлуевъ. Одинъ разъ я сказалъ ей: «я сдѣлаю твой портретъ». На другое утро—это было лѣтомъ—она пришла съ сережками въ ушахъ, съ кольцами, купленными на ярмаркѣ въ Нельи. Больше она и не появлялась. Не знаю, что съ нею сталось теперь... Хотите я уберу этотъ медальонъ?

— Нѣтъ онъ очень хорошъ въ этомъ уголкѣ. Я не ревную васъ къ Кларѣ.

Пора было уходить, но Тереза все еще медлила. Она обвила руками шею своего возлюбленнаго:

— О, какъ я люблю тебя!.. И потомъ, сегодня ты былъ такой веселый. Веселость такъ идетъ къ тебѣ! Она у тебя такая тонкая, легкая. Я хотѣла-бы, чтобы ты всегда былъ веселый. Я почти такъ-же нуждаюсь въ радости, какъ въ любви, а кто дастъ мнѣ радость, если не ты?

XXVII.

Со времени своего возвращенія въ Парижъ, втеченіе шести недѣль, Тереза жила въ какомъ-то жаркомъ полуснѣ счастья. Это была одна сплошная очаровательная мечта безъ мыслей. Каждый день она встрѣчалась съ Жакомъ въ маленькомъ домикѣ, осѣненномъ платаномъ. А когда къ вечеру они отрывались другъ отъ друга, она уносила въ сердцѣ дорогія воспоминанія. Блаженная усталость и возрождающіяся желанія соединяли собою часы ихъ любви. У нихъ были одинаковые вкусы: они вдохновлялись одними и тѣми-же фантазіями, капризами.

Для нихъ было радостью совершать прогулки по тѣмъ сомнительнымъ, но живописнымъ деревнямъ, которыя лѣпятся на окраинахъ города, по улицамъ, гдѣ кабачки окружены кустами акацій, по каменистымъ дорогамъ, гдѣ подъ заборами разростается крапива, по рощамъ и полямъ, надъ которыми высится прозрачное небо, застилаемое мѣстами дымомъ заводовъ и фабрикъ.

Сегодня имъ пришло въ голову сѣсть на пароходъ, который такъ часто проходилъ у нея на глазахъ по Сенѣ. Она не боялась, что ее узнаютъ. Особеннаго риску въ этомъ не было. Да и кромѣ того, она потеряла всякую осторожность съ тѣхъ поръ, какъ любила. Берега казались все болѣе и болѣе смѣющимися по мѣрѣ того, какъ пароходъ удалялся отъ пустынныхъ и пыльныхъ предмѣстій. Они плыли мимо островковъ съ купами деревьевъ, подъ тѣнью которыхъ ютились лачуги и кабачки, съ безчисленными лодками, привязанными къ склонявшимся надъ водою ивамъ. Въ Ба-Медонѣ они сошли на берегъ. Ей было жарко и хотѣлось пить, и онъ повелъ ее, черезъ боковую дверь, въ простенькій кабачокъ съ меблированными комнатами. Это была небольшая постройка, окруженная со всѣхъ сторонъ деревянными галлерейками, которая выглядѣла значительнѣе въ своемъ уединеніи и мирно дремала среди сельской тишины, ожидая воскресенья, которое наполнитъ ее смѣхомъ дѣвушекъ, криками лодочниковъ, запахомъ жаркого и паромъ матроской похлебки.

Они поднялись по узенькой лѣстницѣ, которая скрипѣла подъ ногами, и вошли въ комнату перваго этажа. Шерстяныя занавѣсы скрывали большую кровать. Въ углу комнаты, надъ каминомъ, склонялось зеркало въ овальной рамѣ. Въ окно виднѣлась Сена въ зеленыхъ берегахъ, отдаленные холмы въ жаркой мглѣ и солнце, уже склоняющееся къ верхушкамъ тополей. На берегу рѣки тучи мошекъ плясали въ воздухѣ. Дрожащая тишина лѣтняго вечера обнимала небо, землю и воду.

Тереза долго смотрѣла, какъ струится рѣка. Пароходъ прошелъ по водѣ, которая пѣнилась подъ его колесомъ; волнующаяся струя, бѣгущая отъ кормы, достигала до самого берега, и казалось, что домикъ, склонившійся надъ рѣкой, качается, какъ корабль.

— Я люблю воду,—проговорила Тереза, обернувшись къ своему другу.—Боже мой, какъ я счастлива!

Губы ихъ слились въ поцѣлуѣ. И опять они забылись въ безнадежномъ очарованіи любви. Время замѣчалось только по свѣжему шумному волненію воды черезъ каждые десять минутъ, когда проплывалъ пароходъ и водяная струя, достигая берега, разбивалась подъ полуприкрытыми окнами.

Наконецъ, Тереза поднялась. Ей бросилось въ глаза отражавшее ее

зеркало. Она взглянула на себя и, услышавъ ласкающія похвалы возлюбленнаго, спросила его, почему онъ не сдѣлаетъ ея бюста, если дѣйствительно находитъ ее красивой?

— Почему?—отозвался онъ.—Потому что я очень посредственный скульпторъ. И я сознаю это, для чего, быть можетъ, нуженъ не очень посредственный умъ. Но если ты хочешь во что-бы то ни стало считать меня великимъ артистомъ, я приведу тебѣ еще другіе мотивы. Чтобы создать живую фигуру, нужно смотрѣть на модель, какъ на ничего не стоющій матеріалъ, изъ котораго надо еще извлечь красоту,—какъ на матеріалъ, который можно по своему освѣщать, мѣсить какъ глину, чтобы усмотрѣть въ немъ опредѣленную сущность. А ты... во всей твоей фигурѣ, во всемъ твоемъ тѣлѣ, во всей тебѣ нѣтъ ничего, что-бы не было для меня само по себѣ драгоцѣнно. Если-бы я дѣлалъ твой бюстъ, я рабски слѣдилъ-бы за каждою мелочью, потому что онѣ составляютъ для меня все, потому что онѣ твои. Я упорствовалъ-бы на каждой изъ нихъ самымъ нелѣпымъ образомъ и не смогъ-бы воссоздать цѣлое.

Она взглянула на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

Онъ продолжалъ:

— На память—это другое дѣло. Я попытался сдѣлать набросокъ карандашомъ. Я ношу его всегда съ собою.

Она захотѣла непремѣнно видѣть его, и онъ показалъ ей. Это былъ листокъ альбома,—очень простой и увѣренно сдѣланный эскизъ. Она не узнала въ немъ себя, въ немъ была какая-то жесткость, она не чувствовала въ немъ своей души.

— А! Такъ вотъ какъ я представляюсь тебѣ! Вотъ какою я живу въ тебѣ!

Онъ захлопнулъ альбомъ.

— Нѣтъ, это такъ, маленькое напоминаніе, замѣтка, не больше. Но я думаю, что она вѣрна. Весьма возможно, что ты видишь себя нѣсколько иною, чѣмъ я тебя вижу. Человѣческое существо является различнымъ для каждаго изъ созерцающихъ его.

Онъ прибавилъ полушутливо:

— Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что одна и та-же женщина никогда не принадлежала двумъ мужчинамъ. Это мысль Поля Ванса.

— Я думаю, что это вѣрно,—сказала Тереза.—Который часъ?—спросила она.

Было уже семь часовъ.

Она стала торопить его отъѣздомъ. Съ каждымъ днемъ она возвращалась домой все позднѣе. Мужъ даже сдѣлалъ ей замѣчаніе на этотъ счетъ, сказавъ: «Мы пріѣзжаемъ послѣдними на всѣ обѣды. Это что-то фатальное!» Но запаздывая ежедневно въ Palais Bourbon, гдѣ

теперь обсуждался бюджетъ, погруженный въ труды коммисіи, избравшей его докладчикомъ, онъ самъ заставлялъ ждать себя, и государственныя дѣла являлись прикрытіемъ для неаккуратности Терезы.

Она стала съ улыбкой вспоминать о томъ вечерѣ, когда она пріѣхала къ m me Гаренъ въ восемь часовъ. Она боялась, что выйдетъ настоящій скандалъ. Но это былъ день интерпелляціи. Мужъ ея, вмѣстѣ съ Гареномъ, вернулся изъ палаты только въ девять часовъ. Они обѣдали оба въ пиджакахъ. Они спасли министерство.

Потомъ она впала въ задумчивость.

— Когда Палата будетъ распущена на лѣто, я не буду имѣть никакого предлога остаться въ Парижѣ. Мой отецъ и такъ ужъ недоумѣваетъ относительно моей преданности мужу, которая до сихъ поръ удерживаетъ меня въ городѣ. Черезъ восемь дней мнѣ придется поѣхать къ нему въ Динаръ. Что я буду дѣлать безъ тебя?

Она сжала руки и глядѣла на него съ безконечно нѣжной грустью. Но онъ сталъ мраченъ:

— Это я, Тереза, я долженъ спросить себя, что со мною будетъ безъ тебя. Когда ты оставляешь меня одного, меня охватываютъ такія мучительныя мысли; самые ужасные образы толпятся вокругъ меня.

Она спросила, какіе это образы?

Онъ отвѣчалъ:

— Любовь моя, вѣдь я уже говорилъ тебѣ: я долженъ найти забвеніе отъ тебя—въ тебѣ самой. Когда ты уѣдешь, воспоминаніе о тебѣ будетъ мучить меня. Мнѣ придется жестоко расплачиваться за то счастье, которое ты мнѣ даешь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

«Оправданіе добра».

Собраніе статей г. В. Соловьева подъ общимъ названіемъ «Оправданіе добра» представляетъ собою довольно подробное изложеніе его нравственно-философскихъ взглядовъ. За много лѣтъ своей литературной дѣятельности, г. Соловьевъ успѣлъ завоевать широкую извѣстность, хотя нельзя сказать, чтобы его умственная физіономія точно и цѣльно обрисовалась передъ читающей публикой. Несмотря на склонность къ философствованію, г. Соловьевъ не написалъ до сихъ поръ ни одной статьи, строго-выдержанной въ извѣстномъ идейномъ направленіи. Мысли его, довольно туманныя, съ оттѣнкомъ школьнаго богословія, никогда не представляютъ настоящаго внутренняго единства. Философскими статьи г. Соловьева кажутся, въ сущности, только потому, что, при неотчетливости логическихъ пріемовъ, авторъ постоянно прибѣгаетъ такъ-сказать къ доводамъ высшаго порядка, иногда ссылается на пути Провидѣнія, въ которыхъ онъ разбирается, какъ въ удобопонятной книгѣ, иногда сражается съ демоническими силами, съ самимъ Сатаной, придавая ему въ своихъ отвлеченныхъ разсужденіяхъ черты почти наглядной реальности. Въ послѣдніе годы г. Соловьевъ пріобрѣлъ особенную популярность. Его журнальныя статьи и замѣтки, съ несложнымъ содержаніемъ, освѣтились либеральнымъ огонькомъ, при чемъ само богословіе послужило орудіемъ для разрѣшенія нѣкоторыхъ гражданственныхъ задачъ. Такимъ образомъ, въ лицѣ г. Соловьева либеральная печать какъ бы сдѣлала неизбѣжную уступку новому умственному движенію, которое выражаетъ потребность общества въ болѣе утонченныхъ аргументахъ для своихъ прогрессивныхъ стремленій. При этомъ оказалось, что философія вовсе не обязываетъ къ какимъ-нибудь кореннымъ передѣлкамъ старыхъ жизненныхъ понятій и, при своей метафизической превыспренности, является стихіей невинныхъ добродушныхъ мечтаній, которыя

нѣжно обвиваютъ вѣковѣчныя твердыни и святыни общественнаго строя. Разрушительнаго анализа и новыхъ теоретическихъ построеній для человѣческаго блага вовсе не требуется. Самъ г. Соловьевъ нерѣдко выступаетъ, на страницахъ либеральныхъ изданій, рѣшительнымъ гонителемъ тѣхъ теченій мысли, которыя одинаково чужды и застывшимъ либеральнымъ понятіямъ и примирительному спиритуализму стараго времени. Онъ постоянно обстрѣливаетъ людей, которые ищутъ иныхъ обновляющихъ принциповъ жизни. Незамѣтно для себя, г. Соловьевъ, начавшій свою дѣятельность нѣкоторыми довольно смѣлыми заявленіями, не лишенными вдохновенной самобытности, сдѣлался выразителемъ мертвенно-банальныхъ программъ и теорій. Отъ прежняго молодого писателя, подававшаго надежды въ области науки, остался только притязательный журналистъ съ публицистическими пріемами обычнаго типа. Даже стиль г. Соловьева поблекъ и потерялъ свою густую окраску. Длинныя фразы съ тяжеловѣсными составными словами въ опредѣленіяхъ богословскихъ и казенными затрепанными выраженіями при передачѣ разныхъ прогрессивныхъ пожеланій, бездушно-поучительный тонъ, прерываемый вульгарными сатирическими выходками, проповѣдь добродѣтельной жизни при равнодушіи и даже легкомъ невольномъ отвращеніи къ дерзкому нравственному героизму, легкомысліе и безразличіе въ ссылкахъ на авторитеты—при чемъ ничтожныя литературныя писанія выдвигаются въ одинъ рядъ съ классическими трудами философовъ и отцовъ церкви—таковъ характеръ его статей. Чисто научная работа мысли, логическая, самостоятельная и умственно страстная, направленная только на отъисканіе истины, работа, безъ которой никакая книга не можетъ стать сколько-нибудь серьезнымъ явленіемъ въ литературѣ, совсѣмъ не чувствуется въ произведеніяхъ г. Соловьева. Въ нихъ нѣтъ ничего оригинальнаго по идеѣ, по замыслу, никакой душевной сосредоточенности и строгой требовательности къ самому себѣ въ разрѣшеніи поставленныхъ задачъ. Онѣ пишутся, повидимому, легко и самоувѣренно, по готовой схемѣ. Невзыскательная публика, не пріученная къ серьезнымъ идейнымъ разсужденіямъ, навѣрное, сочтетъ за философію и оригинальное умственное построеніе этотъ византійскій составъ изъ практическаго богословія и полновластной государственности.

«Оправданіе добра» представляетъ собою, какъ мы сказали, попытку начертать въ пространномъ изложеніи цѣлую нравственно-философскую систему, обнимающую всѣ стороны общественнаго быта. Самыя различныя явленія соціальной жизни должны получить истолкованіе съ точки зрѣнія нравственныхъ требованій, какъ ихъ понимаетъ г. Соловьевъ. При этомъ онъ выдѣляетъ систему нравственныхъ понятій въ особую область, не подчиненную даже опредѣленной философской теоріи. Книга о добрѣ обходится безъ предварительнаго анализа самой идеи

добра съ ея философской стороны. Нравственныя стремленія человѣка, независимо отъ всякой метафизики, коренятся, по истолкованію г. Соловьева, какъ въ своемъ первоисточникѣ, въ чувствѣ стыда, жалости и религіознаго благоговѣнія. Къ этимъ тремъ чувствамъ присоединяется работа совѣсти. «Въ этихъ чувствахъ, пишетъ г. Соловьевъ, представляющихъ *добрую природу*, изначала стремящуюся къ тому, что *должно* (ибо нераздѣльно съ ними сознаніе, хотя бы смутное, ихъ нормальности,—сознаніе, что должно стыдиться безмѣрности плотскихъ влеченій и рабства животной природѣ, что должно жалѣть другихъ, что должно преклоняться передъ Божествомъ, что *это* хорошо, а противное этому дурно)—въ этихъ чувствахъ и въ сопровождающемъ ихъ свидѣтельствѣ совѣсти заключается единое, или, точнѣе, тріединое основаніе нравственнаго совершенствованія». Человѣческій разумъ, обобщая невольныя побужденія доброй природы, возводитъ ихъ въ нравственный законъ, требуя борьбы съ плотью, справедливости, безусловнаго признанія божественной воли. «Для человѣка, достигшаго такого *чистаго* признанія божіей воли, какъ самого добра, всеединаго и всецѣлаго, должно быть ясно, что *полнота* этой воли можетъ открываться только силою ея собственнаго внутренняго *дѣйствія* въ душѣ человѣка. Достигнувъ этой вершины, нравственность формальная, или раціональная, входитъ въ область нравственности абсолютной,—добро разумнаго закона пополняется добромъ божественной *благодати*». Въ историческомъ развитіи человѣчества добрая нравственная природа постоянно воплощалась въ разныхъ формахъ, и государство, съ его орудіями полновластнаго воздѣйствія на людей, истребленія преступниковъ и безпощаднаго искорененія его принципіальныхъ враговъ, является, по ученію г. Соловьева, ничѣмъ инымъ, какъ «организованною жалостью» и можетъ отрицаться только по недоразумѣнію. Вся книга г. Соловьева, съ ея пышнымъ заглавіемъ, представляетъ рѣшительную борьбу съ разновидностями антигосударственныхъ теченій. Существуетъ, на полномъ нравственномъ основаніи и безъ малѣйшаго противорѣчія съ евангелическими завѣтами, настоящее христіанское государство съ христіанскимъ войскомъ и христіанской полиціей. Изъ того обстоятельства, что цѣль пришествія Христа не могла состоять въ созданіи царства отъ міра сего, еще не слѣдуетъ, по объясненію г. Соловьева, отрицательное отношеніе Христа къ государству: оно было уже создано прежнимъ культурно-историческимъ процессомъ, до его пришествія. Если Евангеліе не касается «внѣшнихъ способовъ огражденія человѣчества отъ грубо-разрушительнаго дѣйствія злыхъ силъ», то изъ этого нельзя еще заключить, что оно отрицаетъ эти способы: Евангеліе явилось въ готовомъ государствѣ, а не въ обществѣ беззаконномъ, безсудномъ и безвластномъ. Оно не упразднило закона и не могло упразднить государства. При нѣ-

которыхъ отличіяхъ, государство языческое и государство христіанское имѣютъ «одинаковую основу и общую задачу». Но государство—эта внушительнымъ образомъ «организованная жалость», обезпеченная въ своихъ дѣйствіяхъ на благо людей христолюбивымъ войскомъ, карающими уголовными законами и исправительнымъ вліяніемъ тюремъ, есть только часть въ организаціи «собирательнаго человѣка»—часть церкви, этого «организованнаго благочестія», отъ котораго оно получаетъ свое «освященіе и окончательное назначеніе». «Пока каиновы чувства не исчезли въ сердцѣ людей», войско и полиція должны быть дѣйствующими силами жизни, направляемыми высшимъ авторитетомъ церкви. Вотъ почему церковь даетъ свое благословеніе не только обычной службѣ солдата и городового—въ мирное время, но и усердной работѣ ихъ въ тревожныя эпохи общественной жизни, когда, среди благополучнаго гражданскаго существованія, разгораются опасныя страсти и кровопролитныя войны. Разумъ запрещаетъ бросать это оружіе, пока оно нужно.

Такова, въ общихъ чертахъ, нравственная философія г. Соловьева. Не предпославъ своимъ разсужденіямъ о благѣ никакой философской теоріи добра и принявъ добрую природу человѣка за основаніе для своихъ дальнѣйшихъ выводовъ, авторъ устранилъ возможность нѣкотораго чисто теоретическаго спора объ этихъ серьезныхъ вопросахъ. Добрая природа, въ самомъ дѣлѣ, существуетъ въ человѣкѣ, но источникъ ея метафизиченъ въ глубокомъ смыслѣ этого слова и ясно понята она можетъ быть только въ опредѣленномъ философскомъ свѣтѣ. Жалость, какъ чувство, стыдъ, въ его утонченной нравственной формѣ—не въ той половой формѣ, о которой говорится въ книгѣ г. Соловьева,—и благоговѣніе передъ невѣдомымъ Богомъ—таинственны по своему происхожденію. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тайною жизни, которую разгадываетъ, изучаетъ и пытается освѣтить отвлеченная философія. Нельзя, слѣдовательно, сдѣлать въ этой области ни одного шага, не прибѣгая къ помощи теоретическаго анализа самого понятія о доброй человѣческой природѣ. Можно сказать съ увѣренностью, что живая работа критической мысли въ этомъ направленіи безконечно интереснѣе и важнѣе въ культурномъ смыслѣ, чѣмъ холодно-поучительная дидактика подъ сѣнью полновластныхъ авторитетовъ и необоснованныя логически воззванія къ человѣческимъ добродѣтелямъ. Добро должно быть доказываемо, въ каждую историческую эпоху, на основаніи новыхъ идейныхъ и научныхъ матеріаловъ, съ разрушительною критикою по отношенію къ обветшавшимъ понятіямъ и ходячимъ житейскимъ банальностямъ. Чтобы истинная благодать могла проявиться въ жизни людей, необходимо, чтобы разумъ безповоротно устранилъ человѣческія заблужденія, которыя становятся особенно могучими, когда на нихъ легла тѣнь исторической давности. Закоренѣлое зло, жизненный демонизмъ, дѣйствующій въ законномъ обла-

ченіи, имѣющій силу устранять, приказывать и вершать, мертвая система условныхъ правъ и обязанностей—все это можетъ показаться чѣмъ-то идейно-серьезнымъ при рабскомъ отношеніи къ такъ-называемымъ историческимъ фактамъ. Но съ этимъ опаснымъ недугомъ человѣческаго ума борется теоретическая философія, и ей-то г. Соловьевъ измѣнилъ въ своемъ сочиненіи, обезсиливъ себя въ борьбѣ съ настоящими своими идейными противниками. Онъ не далъ «оправданія», т.-е. внутренняго объясненія добра. Оно не показано въ связи съ безкорыстною доброю *мыслью*, которая живетъ въ человѣкѣ, иногда управляетъ его поступками и всегда, сознательно или безсознательно, ведетъ борьбу съ недобрыми инстинктами человѣческой натуры, съ ея злыми мыслями и побужденіями, съ демоническими страстями человѣка. Въ эпоху, когда въ европейской литературѣ появились въ высшей степени талантливые защитники зла, было-бы совершенно естественно предпринять философское разсужденіе о добрѣ—не схоластическое построеніе изъ легковѣсныхъ матеріаловъ, диллетантски выхваченныхъ изъ малоизученныхъ областей знанія, а настоящее изслѣдованіе—путемъ отвлеченной мысли—новаго богопониманія, съ его теоретическими и практическими выводами. Такое изслѣдованіе имѣло-бы дѣйствительную цѣнность въ современномъ спорѣ идеализма съ старыми заблужденіями, выступившими съ новою силою. Но именно такой дѣйствительной цѣнности книга г. Соловьева не представляетъ. По способу обработки нравственныхъ и жизненныхъ вопросовъ, сходному съ казенными разсужденіями юридическихъ учебниковъ, но безъ ихъ спеціальныхъ ученыхъ достоинствъ, и по самому содержанію, представляющему туманную смѣсь византизма съ прогрессивными разсужденіями и оговорками, это сочиненіе кажется намъ совершенно мертвымъ для настоящей минуты и незначительнымъ, какъ вкладъ въ россійскую философскую науку.

Являясь убѣжденнымъ защитникомъ государства и церкви, г. Соловьевъ, какъ намъ кажется, приходитъ въ своей книгѣ къ результатамъ и выводамъ, которыхъ ни государство, ни церковь не вмѣняютъ въ обязанность философствующимъ писателямъ. Въ своемъ догматическомъ пониманіи исторіи онъ доходитъ, можно сказать, до явнаго идолопоклонства, при которомъ полицейскіе статисты оказываются въ его глазахъ возвышенными блюстителями общественнаго блага по сравненію съ равными зловредными скептиками. Даже жандармы должны быть признаны иногда спасителями людей, заблудившихся въ своихъ свободолюбивыхъ исканіяхъ. Въ одномъ мѣстѣ своей книги, г. Соловьевъ, съ присущей ему склонностью къ веселой каррикатурѣ и шаржу, выводитъ на сцену, въ лицахъ, Бастіа, анархиста и жандарма, при чемъ Бастіа оказывается побитымъ въ спорѣ и самъ проситъ жандарма—«во имя справедливости и здраваго—смысла» отвести его скорѣе въ тюрьму.

Преклоняясь предъ «организованною жалостью» и «организованнымъ благочестіемъ», г. Соловьевъ упускаетъ изъ виду, что есть на свѣтѣ жалость, дѣйствующая и развивающаяся внѣ организаціи, что есть на свѣтѣ благочестіе, которое, какъ нѣжная тайна человѣческой души, боится всякаго внѣшняго контроля, вдохновенно удаляется отъ всякой организаціи. Такая жалость и такое благочестіе являются тою настоящей божественной благодатью, о которой въ мертвенно-сухой книгѣ г. Соловьева говорится слишкомъ мало, хотя повидимому, г. Соловьевъ кажется самому себѣ, а, можетъ быть, и наивнымъ читателямъ истинно-религіознымъ человѣкомъ. Печальная ошибка. Именно религіознаго духа въ книгѣ г. Соловьева нѣтъ. Отвергая настоящую, неорганизованную, жалость,—ту жалость, изъ которой постояннорождаются цѣлые міры героическихъ поступковъ,—ради организованныхъ историческихъ нравовъ, смѣшивая неорганизованное благочестіе, то благочестіе, которое дѣйствительно соединяетъ человѣка съ Богомъ и изъ котораго родятся живыя, обновляющія мысли и настроенія, съ организованнымъ авторитетнымъ руководительствомъ въ дѣлѣ нравственнаго благочинія, г. Соловьевъ даетъ въ своемъ сочиненіи типичный образецъ настоящаго суемыслія въ вопросахъ, которые требуютъ для своего разрѣшенія благодатнаго свободомыслія. Это «оправданіе добра» роковымъ образомъ часто переходитъ въ защиту зла.

Самъ г. Соловьевъ считаетъ свою книгу не только защитою добра вообще, но именно христіанскаго добра. Онъ отстаиваетъ христіанство не только противъ язычества, но даже, какъ это ни странно сказать, противъ идеализма—стараго, платоновскаго типа и новѣйшаго. На нѣсколькихъ страницахъ мы находимъ увѣренныя критическія замѣчанія въ этомъ направленіи, хотя нужно сознаться, что смыслъ ихъ не ясенъ, не точенъ, что они не обнаруживаютъ въ авторѣ сильнаго философскаго ума. Чтобы отнять у идеализма ореолъ мученичества, г. Соловьевъ такъ объясняетъ героическую смерть Сократа. «Сократъ, говоритъ онъ, осуждалъ аѳинскіе порядки всю свою жизнь, но лишь въ старости, на семидесятомъ году, подвергся преслѣдованію,—очевидно лишь вслѣдствіе перемѣны политическихъ обстоятельствъ». Ученики Сократа, какъ и вообще всѣ проповѣдники идеализма, «систематическимъ гоненіямъ никогда не подвергались: ихъ не любили, но терпѣли». Это объясняется тѣмъ, что идеализмъ, по существу своему, «прямо тяготѣетъ къ міру умопостигаемому и являющееся здѣсь противуположеніе между нормальнымъ и ненормальнымъ, должнымъ и недолжнымъ, при всей своей сравнительной опредѣленности, остается по преимуществу мысленнымъ, теоретическимъ, и затрогивая осуждаемую дѣйствительность, не входитъ глубоко въ самую ея сердцевину». Вотъ удивительное для русскаго философа возраженіе противъ идеализма, достойное компетентныхъ судей идеализма изъ

малообразованной толпы. Идеализмъ оказывается не только безсильнымъ для созданія прогрессивныхъ передѣлокъ жизни, но и неспособнымъ оцѣнить, воспринять смыслъ смерти. Вотъ почему «радость Сократа передъ смертью была, строго говоря, лишь извинительною и трогательною слабостью утомленнаго житейскими тягостями старика, а не выраженіемъ высшаго сознанія». По мнѣнію г. Соловьева, смерть должна была вызвать у Сократа, вмѣсто радости, двойную печаль: печаленъ былъ смертный приговоръ, и какъ общественное беззаконіе, и какъ «торжество слѣпой и бездушной силы ядовитаго вещества надъ живымъ организованнымъ тѣломъ, въ которомъ воплощается разумный духъ».

Покончивъ такими общими разсужденіями съ труднымъ вопросомъ, г. Соловьевъ, въ небольшой главѣ, показываетъ преимущества своего христіанства передъ идеализмомъ. Мы передадимъ въ краткихъ чертахъ эти любопытныя соображенія, но раньше сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу уже приведенныхъ выписокъ изъ книги г. Соловьева. По его толкованію, противоположеніе между нормальнымъ и ненормальнымъ, должнымъ и недолжнымъ, «при сравнительной опредѣленности», остается въ идеализмѣ чисто теоретическимъ противоположеніемъ. Но спрашивается, какое иное противоположеніе возможно при теоретическомъ анализѣ предмета? Повидимому, г. Соловьевъ хочетъ сказать, что, тяготѣя къ умопостигаемому міру такъ сказать въ ущербъ реальному, идеализмъ, не только платоновскій, но и современный, новѣйшій, этимъ самымъ лишаетъ людей живого, одухотвореннаго, героическаго отношенія къ окружающей дѣйствительности. Эта дѣйствительность теоретически противупоставляется умопостигаемому міру добра и совершенства, а фактически отрѣзывается отъ него, какъ что-то ничтожное и случайное. Однако, при самомъ слабомъ знакомствѣ съ идеалистической философіей должно быть ясно, что видимый міръ, все то, что мы называемъ реальностью, въ грубомъ и первоначальномъ смыслѣ слова, есть ничто иное, какъ живое явленіе, проявленіе, воплощеніе въ конкретныхъ «организованныхъ» формахъ міра умопостигаемаго, божества, великой тайны жизни. Между этими двумя мірами связь существуетъ внутренняя, неразрывная, и одинъ изъ этихъ двухъ міровъ, со всѣми своими историческими и природными организаціями, невольно тяготѣетъ къ другому, высшему, умопостигаемому міру. Каждое организованное тѣло естественно разлагается и сливается съ невидимою стихіею божества. Идеальное начало жизни создаетъ и разрушаетъ каждую форму, и если созданіе формъ есть актъ воплощенія божества въ явленіи, то разрушеніе этихъ формъ можетъ быть названо возвратомъ явленія къ своему первоисточнику, освобожденіемъ разумнаго духа отъ ограничивающихъ его матеріальныхъ организованныхъ силъ. Сознать это взаимное отношеніе между явленіемъ и божествомъ значитъ наполнить свою

жизнь тѣми настроеніями, которыя позволили Сократу спокойно разстаться съ своею земною оболочкою. Это и значитъ прокладывать своему внутреннему божеству героическую дорогу въ жизни, — и Сократъ былъ настоящимъ героемъ, возвѣщавшимъ приближеніе новой эпохи въ человѣческой исторіи. Для каждаго даннаго момента существующее въ человѣкѣ постиженіе божества,—въ которомъ соединяются оба міра—даетъ живой критерій добра и зла и, слѣдовительно, создаетъ возможность дѣятельной работы при всякихъ обстоятельствахъ. Это постиженіе божества постоянно просвѣтляется, мѣняется, съ успѣхами историческаго развитія и, слѣдовательно, вноситъ измѣнчивую прогрессивную струю въ теоретическую и практическую работу людей. Жизненныя реформы въ разныя историческія эпохи находятся въ прямой связи съ развивающимся человѣческимъ богопониманіемъ.

Но все то, что г. Соловьевъ отнимаетъ отъ идеализма, онъ приписываетъ своему христіанству. «Оно можетъ быть удовлетворено, пишетъ онъ, только дѣйствительнымъ присутствіемъ и осущественіемъ совершенства въ цѣломъ человѣкѣ и во всемъ его жизненномъ кругѣ, который прямымъ или посредствующимъ образомъ обнимаетъ все существующее». Это говорится въ назиданіе идеализму, хотя, какъ мы видѣли, именно идеализмъ устанавливаетъ не идейное только «причастіе» видимаго міра къ совершенству, но именно причастіе живое, дѣятельное, въ настроеніяхъ и побужденіяхъ человѣка. «Гдѣ послѣдовательный идеалистъ найдетъ себѣ предметъ для благочестія? спрашиваетъ г. Соловьевъ.—Къ богамъ народнымъ онъ относится скептически, въ лучшемъ случаѣ съ благоразумною сдержанностью. Идеальныя сущности, въ которыхъ онъ видитъ абсолютную истину, не могутъ быть предметомъ религіознаго почитанія». «Кого можетъ пожалѣть послѣдовательный идеалистъ? Онъ знаетъ только два рязряда бытія: ложное—матеріальное и истинное—идеальное». То и другое не можетъ вызывать жалости. Наконецъ, и для нравственности аскетической нельзя найти, по словамъ г. Соловьева, «глубокаго основанія въ идеализмѣ». А между тѣмъ, истинное христіанство даетъ и обѣщаетъ человѣчеству «нѣчто дѣйствительно новое». Оно даетъ «абсолютное событіе, откровеніе совершенной личности, тѣлесно воскресшаго богочеловѣка Христа, абсолютное обѣщаніе сообразнаго совершенной личности общества и царства божія и абсолютную задачу—способствовать исполненію этого обѣщанія черезъ перерожденіе всей нашей личной и общественной среды въ духѣ Христовомъ».

Если принять, какъ нѣчто логически установленное, возможность и необходимость одного только «организованнаго благочестія», только «роганизованной жалости» и исключительно полового стыда, то, конечно, г. Соловьевъ правъ, указывая на особое, уединенное положеніе идеализма въ этихъ вопросахъ. Народные боги или кумиры не во всѣхъ вы-

зываютъ религiозное умиленiе, а отвлеченныя идеальныя сущности не возбуждаютъ «религiознаго почитанiя». Но сможетъ ли когда-нибудь г. Соловьевъ доказать, что благочестiе неорганизованное, свободное отъ идолопоклонства, возбуждаемое внутреннимъ созерцанiемъ божества, въ идеяхъ и чувствахъ, есть ничто по сравненiю съ «благочестiемъ организованнымъ». Эти внезапныя духовныя откровенiя, которыхъ не выльешь ни въ какую жизненную форму, не замкнешь ни въ какой организацiи, эти всеозаряющiя, хотя, можетъ быть, и мгновенныя вспышки божества внутри человѣка,—какъ ихъ назвать, если не человѣческимъ благочестiемъ? Настроенiя, идущiя изъ этого источника, заключаютъ въ себѣ все, что можетъ быть необходимо для живой жалости къ людямъ и утонченно-нравственнаго стыда, оберегающаго благородную красоту души отъ всякихъ демоническихъ извращенiй. Соединяя человѣка съ божествомъ, эти настроенiя и создаютъ основу для самыхъ широкихъ соцiальныхъ и нравственныхъ мечтанiй и надеждъ, которыя въ своей совокупности образуютъ идею царства божiя на землѣ. Богочеловѣческая натура достойна этого царства. Можно сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ въ исторiю вошла великою реформаторскою силою идея богочеловѣка, такое именно царство божiе стало непреложною необходимостью: сознательная мысль о себѣ, о своемъ происхожденiи, о своей природѣ освѣтила фактическiй союзъ человѣка съ богомъ, никогда въ исторiи не прекращавшiйся, и начертала огненными буквами задачу для всѣхъ вѣковъ и временъ. Абсолютное совершенство въ единомъ воплощенiи не могло и не можетъ явиться на землѣ, но причастiе и постепенное причащенiе людей къ совершенству стало мыслью—освободительною мыслью — для новой религiозной и нравственной работы.

А. Волынскiй.

Основные вопросы крестьянскаго самоуправленія.

(*Окончаніе* [1]).

III.

Образованіе сельскихъ обществъ и волостей происходило подъ прямымъ вліяніемъ мѣстныхъ административныхъ установленій по крестьянскимъ дѣламъ, и—настоящее распредѣленіе населенія между упомянутыми общественными единицами со всѣми его подчасъ гибельными недостатками можетъ быть въ значительной степени отнесено на счетъ и къ винѣ названныхъ установленій. Въ особенности можно сказать это относительно волостей. Мѣстныя власти имѣли наибольшее соприкосновеніе съ волостями, и—на послѣднихъ съ особенною силою отразилось вліяніе, отсюда вытекавшее. Вліяніе это усиливалось и тѣмъ, что законъ далъ наименѣе опредѣленій именно относительно волостей... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлались произвольные опыты образованія волостей тѣхъ или иныхъ размѣровъ въ цѣляхъ довольно одностороннихъ,—опыты, существенно отражавшіеся на интересахъ крестьянскаго населенія, при недостиженіи и тѣхъ узкихъ цѣлей, для которыхъ весьма смѣло и рѣшительно предпринимались. Такъ въ Епифановскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, нѣсколько лѣтъ назадъ, утверждено было, по ходатайству мѣстнаго уѣзднаго съѣзда, распредѣленіе населенія между 24-мя волостями вмѣсто 36, имѣвшихся до тѣхъ поръ. Въ какихъ же видахъ? «Ради привлеченія на должности волостныхъ старшинъ и писарей болѣе благонадежныхъ лицъ, путемъ увеличенія имъ жалованья». Епифановскій съѣздъ долженъ былъ сознаться, однако, что мѣра эта, столь свободно избранная,—«не достигла предположенной цѣли», и—призналъ уже желательнымъ образованіе болѣе мелкихъ волостей... «Увеличеніе размѣра жалованья—замѣчаетъ тульское губернское совѣщаніе—очевидно, не увеличило контингента лицъ, способныхъ съ успѣхомъ выполнять обязанности, а осложненіе обязанностей волостного старшины сдѣлало лишь менѣе успѣшнымъ отправленіе этой должности» [2]). Такой-же опытъ, —

---

[1]) См. «Сѣв. Вѣстн.», 1897 г., № 10.

[2]) Томъ I, 63.

и въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, но съ тѣми же послѣдствіями,— былъ сдѣланъ въ Могилевской губерніи [1]).

Признаніе полной произвольности въ образованіи волостей выразилось въ характерномъ замѣчаніи подольскаго губернскаго совѣщанія: «неправильность и неравномѣрность въ образованіи волостей—высказало совѣщаніе—произошли потому, что въ основу его не было положено никакого общаго плана. и въ каждомъ уѣздѣ дѣлалось это, вѣроятно, по соображеніи съ мѣстными особенностями, имѣвшими случайный характеръ...» [2]). Любопытное замѣчаніе! Оно говоритъ о полной несостоятельности и нецѣлесообразности предоставленія администраціи соображаться— безъ руководящихъ указаній закона — съ «мѣстными особенностями». Ясно, что здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, когда крестьянскому начальству предоставляется дѣйствовать по своему собственному усмотрѣнію, безъ законодательныхъ опредѣленій,—допускается и примѣняется на практикѣ широкій, ничѣмъ неограничиваемый произволъ... И нынѣшнее фактическое устройство крестьянскаго общественнаго управленія служитъ весьма яркимъ и выразительнымъ осужденіемъ этого начала, получившаго вообще широкое примѣненіе къ крестьянскому дѣлу.

Въ такомъ положеніи—юридически и фактически—находится распредѣленіе населенія между сельскими обществами и волостями, имѣющее, безъ сомнѣнія, чрезвычайно важное, рѣшающее значеніе для самоуправленія.

Внутреннее устройство и порядокъ дѣйствій сельскихъ и волостныхъ сходовъ обнаруживаютъ столь же много неопредѣленнаго, допускающаго со всѣхъ сторонъ произволъ и вмѣшательство и создающаго всевозможныя затрудненія.

Такъ, не опредѣлено въ законѣ съ надлежащею точностью понятіе «домохозяинъ», какъ членъ сельскаго схода, и—открыта возможность признанія таковымъ лишь крестьянина, обладающаго и полевою и усадебною землею, и отрицанія правъ домохозяина за лицомъ, владѣющимъ лишь усадебною землею или и вовсе безземельнымъ. Такимъ образомъ, изъ данныхъ «Свода» мы и видимъ, что въ однихъ мѣстахъ допускаются на сельскіе сходы и лица безземельныя или владѣющія лишь усадьбами; въ другихъ—только домохозяева съ полными усадебными и полевыми надѣлами,—безземельныя же и одноусадебники вовсе на сходъ не допускаются, тогда какъ сходъ рѣшаетъ не одни земельныя дѣла, а большею частью такія, которыя весьма близко касаются и безземельныхъ членовъ сельскаго общества; наконецъ, въ иныхъ мѣстахъ безземельные крестьяне и одноусадебники участвуютъ въ сельскихъ сходахъ лишь по нѣкоторымъ немногимъ дѣламъ. Слѣдовательно, благодаря неопредѣленности закона, господствуетъ полное разнообразіе въ области такихъ правъ, которыя, безъ сомнѣнія, должны быть и предполагаются

[1]) Томъ I, 22.
[2]) Томъ I, 36.

дарованными въ одинаковыхъ предѣлахъ всѣмъ гражданамъ извѣстныхъ категорій, безъ всякихъ мѣстныхъ изъятій...

Изъ того же отсутствія надлежащей точности въ опредѣленіи понятія «домохозяинъ» вытекаетъ крайне неопредѣленное положеніе женщины на сельскомъ сходѣ,—возможность непризнанія ея правъ на участіе въ общественныхъ дѣлахъ и вообще извѣстное разнообразіе и въ настоящемъ отношеніи, нимало неоправдываемое существомъ вопроса И дѣйствительно, какъ видно изъ многочисленныхъ данныхъ «Свода», въ однихъ мѣстахъ женщина допускается на сходы, и какъ самостоятельная хозяйка, и какъ представительница мужа; въ другихъ она допускается лишь какъ домохозяйка; въ третьихъ мѣстахъ женщина допускается по всѣмъ дѣламъ; въ четвертыхъ лишь по нѣкоторымъ; въ пятыхъ же—и вовсе не допускается къ участію въ общественныхъ дѣлахъ. Самое участіе женщины въ сходахъ допускается въ разныхъ мѣстахъ и на разныхъ основаніяхъ: въ однихъ—она имѣетъ лишь совѣщательный голосъ; въ другихъ—голосъ ея равенъ голосу мужчины; въ третьихъ—она только отвѣчаетъ на предлагаемые ей вопросы [1]).

Дальнѣйшая допущенная неопредѣленность въ важнѣйшемъ отношеніи—общественномъ представительствѣ двора—выражается въ томъ, что многотягольному двору предоставлено посылать на сходъ двухъ или болѣе крестьянъ,. если сіе согласно съ мѣстнымъ обычаемъ»... [2]) Мѣстныхъ обычаевъ этого рода, представляющихся всегда само собою неопредѣленными,—не оказалось, правда, почти нигдѣ, судя, по крайней мѣрѣ, по даннымъ «Свода». Крестьяне несклонны допускать сами усиленное представительство многотягольнаго двора, какъ могущее оказываться вреднымъ для общественныхъ интересовъ. Судя по даннымъ «Свода», почти вездѣ установилось участіе и многотягольнаго двора на сходѣ въ лицѣ лишь одного представителя,—и по замѣчанію бессарабскаго губернскаго совѣщанія это «представляется полезнымъ явленіемъ, такъ какъ препятствуетъ богатымъ и многоземельнымъ дворамъ усиливать на сходѣ свое вліяніе и такимъ путемъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ еще большее количество земли, въ ущербъ безземельнымъ членамъ общества» [3]). Тѣмъ не менѣе, принципіальное допущеніе усиленнаго представительства многотягольнаго двора, все же, сказывается соотвѣтствующимъ образомъ... По словамъ самарскаго губернскаго совѣщанія, наблюдающееся иногда «участіе нѣсколькихъ членовъ отъ одного двора показываетъ умыселъ должностныхъ лицъ—набрать достаточное число голосовъ для приговора» [4]). Такъ точно, по замѣчанію

---

[1]) Почти всѣ губернскія совѣщанія высказываются въ пользу прямого предоставленія однообразнымъ закономъ крестьянской женѣ—участвовать въ сельскихъ сходахъ.

[2]) Общее положеніе, ст. 47.

[3]) «Сводъ», томъ I, 244.

[4]) Томъ I, 262.

нижегородскаго совѣщанія,—«это ведетъ къ злоупотребленіямъ со стороны должностныхъ лицъ, направленнымъ къ тому, чтобы незаконный составъ схода сдѣлать законнымъ» [1]). Слѣдовательно, должностныя лица, сами создаютъ обычаи—что и вообще наблюдается въ той области, въ которой предоставлено дѣйствовать обычаю вмѣсто закона «Неопредѣленность закона, предоставляющаго отъ дворовъ многотягольныхъ присылать болѣе одного крестьянина, дѣлаетъ иногда составъ схода произвольнымъ»,—замѣчаетъ, въ свою очередь, тульское губернское совѣщаніе, указывая на самое характерное и важное послѣдствіе настоящаго постановленія [2]).

Итакъ, осталось довольно неяснымъ, кто является законнымъ представителемъ крестьянскаго двора на сельскомъ сходѣ и въ какихъ предѣлахъ допускается это представительство. Въ то же время неопредѣленному представителю крестьянскаго двора, на случай его продолжительной отлучки, предоставлено право передачи голоса однообщественнику, и—такимъ путемъ допущено присутствіе на сходѣ лицъ съ двумя голосами, относительно которыхъ, къ вящей неопредѣленности состава сходовъ, можетъ возбуждаться еще больше сомнѣній, касающихся какъ лично подобныхъ представителей, такъ и тѣхъ, отъ которыхъ они получили свои голоса... Несомнѣнно, что уже по одному этому указываемое мѣропріятіе (послѣдовавшее не въ строго законодательномъ порядкѣ, а путемъ передачи прямо на высочайшее утвержденіе изъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, минуя общее собраніе государственнаго совѣта) должно было оказаться однимъ изъ неудачнѣйшихъ. На практикѣ же оно было понято и стало примѣняться, какъ намъ извѣстно, въ смыслѣ обязательности для отлучающихся домохозяевъ передачи голоса однообщественникамъ, подъ угрозой невыдачи паспортовъ и съ ограниченіемъ права домохозяина уполномочивать на участіе въ сходкѣ кого-либо изъ членовъ своего семейства... Цѣлый рядъ губернскихъ совѣщаній высказался, однако, не только за оставленіе въ силѣ настоящаго постановленія, но и за узаконеніе самой указываемой практики, извращающей его смыслъ. Впрочемъ, губернскія совѣщанія, выступающія съ подобными предположеніями, совпадающими съ существующей практикой, не указываютъ на нее и, повидимому, не знаютъ также, что принудительная передача голоса совершается за плату, достигающую нѣсколькихъ рублей и составляющую новый довольно чувствительный налогъ въ ряду значительныхъ мірскихъ сборовъ и повинностей, обременяющихъ крестьянство. Нѣкоторыми совѣщаніями засвидѣтельствовано, однако, о неохотѣ передавать голоса, обнаруживаемой крестьянами, и о крайней осторожности, которую они справедливо считаютъ необходимымъ соблюдать въ этихъ случаяхъ,—между тѣмъ какъ выборъ лицъ, которымъ можно передавать голоса, представляется часто весьма ограниченнымъ [3]).

---

[1]) Томъ I, 258.

[2]) Томъ I, 268.

[3]) «Сводъ», томъ I, 262. 350.

Таковы существенные недостатки, наблюдающіеся относительно состава сходовъ. Не меньшіе недостатки представляетъ порядокъ дѣятельности сходовъ.

Такъ не опредѣлено съ достаточною точностію, какимъ большинствомъ голосовъ на сходѣ должны разрѣшаться тѣ или иныя дѣла, предоставленныя вѣдѣнію сельскаго общества,—и не установлено вовсе законнаго состава сходовъ для разрѣшенія дѣлъ, требующихъ большинства двухъ третей всѣхъ домохозяевъ, числящихся въ обществѣ. Только изъ законодательныхъ мотивовъ можно съ нѣкоторою точностію вывести, что, опредѣляя, какъ бы въ видѣ общаго правила, законный составъ схода въ числѣ не менѣе половины всѣхъ домохозяевъ общества съ участіемъ старосты, общее положеніе о крестьянахъ для нѣкоторыхъ дѣлъ требуетъ простого большинства голосовъ схода, въ такомъ составѣ собравшагося, для другихъ же—двухъ третей всѣхъ домохозяевъ, числящихся въ обществѣ [1]). Во второмъ случаѣ предполагается, слѣдовательно, иной законный составъ схода, но какой именно—этого законъ не указываетъ,—придавая, такимъ образомъ, ограниченный смыслъ приведенному правилу, имѣющему видъ общаго. Затѣмъ, и относительно волостного схода лишь изъ законодательныхъ мотивовъ можно вывести съ надлежащею точностію, что законный составъ для него установляется въ двѣ трети всѣхъ его членовъ, но что собственно для рѣшенія какихъ-либо дѣлъ не требуется такое большинство, и для законности приговоровъ по всѣмъ безъ исключенія предметамъ его вѣдѣнія достаточно простого большинства членовъ, явившихся въ составѣ не менѣе двухъ третей [2]). Изъ самаго текста закона (статьи 79 Общаго Положенія съ ея ссылками на не болѣе ясныя постановленія о сельскихъ сходахъ), этого нельзя вывести съ желаемою ясностію и несомнительностію.—Отсюда же, равно какъ и изъ недостаточно яснаго и понятнаго для крестьянъ указанія, какія именно дѣла требуютъ на сельскомъ сходѣ простого большинства или большинства двухъ третей (отъ разныхъ величинъ)—надо полагать—возникло образованіе на практикѣ требованія, чтобы подъ приговорами схода подписывались и согласные и несогласные съ сдѣланнымъ постановленіемъ, безъ обозначенія согласія и несогласія,—лишь бы было какъ можно больше подписей. Приговоры крестьянскихъ сходовъ, такимъ образомъ, всегда и почти повсемѣстно единогласны. Но это единогласіе чисто искусственное, мертвое, лишающее возможности судить по приговорамъ о группировкѣ мнѣній и очень часто недоказывающее даже, что въ пользу даннаго мнѣнія составилось простое законное большинство... Страннымъ образомъ,—въ «Сводѣ» оказывается весьма мало данныхъ

---

[1]) «Матеріалы редакціонныхъ коммисій для составленія положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости», томъ II, изд. 2. 127, 128 и 135; часть XII, изд. 1, 8; часть XVIII, изд. 1, стр. 53 проекта Общ. Пол.

[2]) «Матеріалы редакціонныхъ коммисій»: томъ II, изд. 2, кн. 2. стр. 127—128; часть XII, изд. 1, 9; часть XVIII, изд. 1, ст. 77 окончательнаго проекта Общ. Пол.

относительно настоящаго весьма важнаго недостатка, касающагося дѣятельности сходовъ. Между тѣмъ, неопредѣленность вопроса сказалась въ самой программѣ, по которой собирались и составлялись матеріалы «Свода». Вопросъ 15-ый програмы именно показываетъ, что составители не уяснили себѣ, отъ какого числа домохозяевъ требуется большинство простое или двухъ третей,—упустили изъ вида, что число это неодинаково, что для дѣлъ, требующихъ большинства двухъ третей всѣхъ домохозяевъ сельскаго общества, не установлено законнаго состава схода [1]. Какъ-же тяжело должна отражаться въ жизни неопредѣленность въ столь важномъ отношеніи?—какъ-же жизнь разбирается въ подобныхъ вопросахъ?

Далѣе, не установленъ съ необходимою точностію порядокъ голосованія вопросовъ на сельскихъ и волостныхъ сходахъ, обезпечивающій сознательное и непремѣнное выраженіе каждымъ членомъ схода своего мнѣнія. Понятно, какой это огромный недостатокъ, — сколько допускаетъ онъ произвола въ формулировкѣ рѣшеній, принимаемыхъ сходами, и какъ мало иногда выражаютъ приговоры и съ этой стороны волю законнаго большинства... Нерѣдки нареканія, дѣлаемыя на крестьянъ по поводу вопіющихъ приговоровъ, постановляемыхъ на сходахъ. Но при этомъ упускается изъ вида, что случаи, вызывавшіе нареканія, вытекали именно изъ указываемаго недостатка въ отношеніи порядка производства дѣлъ на сходахъ. Упускается этотъ многообъясняющій недостатокъ и тогда, когда возникаетъ рѣчь о такъ называемыхъ «крикунахъ», «вожакахъ», на которыхъ мѣстами воздвигается гоненіе еще ранѣе, чѣмъ осуществятся предположенія нѣкоторыхъ изъ тѣхъ же губернскихъ совѣщаній—облечь земскаго начальника правомъ устранять со сходовъ лицъ «неблагонадежныхъ»... Е. Якушкинъ, еще въ первомъ выпускѣ своего «Обычнаго права», указалъ на противорѣчивыя мнѣнія о томъ, какимъ элементамъ принадлежитъ наибольшее вліяніе на крестьянскихъ сходахъ, и на необходимость, поэтому, особой осторожности въ проектировавшихся уже въ семидесятыхъ годахъ мѣрахъ противъ нѣкоторыхъ категорій членовъ схода... Такъ—говорилъ онъ—«по мнѣнію однихъ, рѣшающій голосъ имѣютъ на сходахъ богатые крестьяне; по мнѣнію другихъ, главными дѣятелями и рѣшителями на сходахъ являются крестьяне, дурно ведущіе свое хозяйство и неплатящіе повинностей» [2]. Противорѣчіе это, при случайности выражавшихся мнѣній, объясняется тѣмъ, что представители сходовъ, по наиболѣе громкимъ возгласамъ которыхъ составляются приговоры, дѣйствительно, принадлежатъ не всегда къ однимъ и тѣмъ же элементамъ, дурнымъ или хорошимъ, бѣднымъ или богатымъ. Но существо положенія, свидѣтельствующее о крайнихъ недостаткахъ въ немъ, заключается не въ томъ, что на сходахъ получаютъ преобладаніе тѣ или иные элементы, а въ томъ, что—при настоящихъ условіяхъ, при отсутствіи всякаго порядка голосованія—приговоры сходовъ болѣе или

[1]) Томъ I, ст. IV.

[2]) Предисловіе, XXII.

менѣе случайны и не выражаютъ мнѣній законнаго большинства членовъ, несмотря на то, что они кажутся единогласными, потому что бываютъ обыкновенно подписаны всѣми присутствовавшими. Слѣдовательно, необходимо установить правильный, твердый и постоянный порядокъ голосованія, а не воздвигать гоненія противъ «неблагонадежныхъ» членовъ, какъ нынѣ особенно усердно предлагается... Иначе подъ понятіе о послѣднихъ могутъ подводиться и самые лучшіе, самые дѣятельные члены, и послѣдняя доля самостоятельности сходовъ будетъ убита вполнѣ. (На возможность этого и указалъ покойный А. Батуевъ въ вятскомъ губернскомъ совѣщаніи) [1]. При установленіи же опредѣленнаго порядка голосованія и при устраненіи передачи домохозяевами голоса, помимо членовъ своего двора, однообщественникамъ, являющимся въ такихъ случаяхъ съ двумя голосами,—у пресловутыхъ «горлановъ» и «крикуновъ» будетъ только по одному голосу и дѣла станутъ рѣшаться не ими, а всѣми членами схода. Для обезпеченія же свободы голосованія необходимо, безъ сомнѣнія, именно широкое примѣненіе закрытой подачи голосовъ [2].

IV.

Таковы существенныя, главнѣйшія условія, которыми обставлены устройство и дѣятельность крестьянскаго самоуправленія. Понятно, что изъ нихъ должны неизбѣжно и необходимо вытекать—крайняя затруднительность правильнаго составленія общественныхъ приговоровъ и полная неустойчивость послѣднихъ, съ частою отмѣною ихъ, безконечными спорами, безвыходными положеніями... Въ «Сводѣ» и имѣются на это весьма яркія указанія.

По словамъ архангельскаго губернскаго совѣщанія, приговоры сельскихъ обществъ, составленныхъ изъ множества далеко отстоящихъ одно отъ другого селеній,—«остаются дѣйствующими только до первой жалобы». На многочисленныхъ сходахъ—говоритъ пермское совѣщаніе—«нѣтъ ни времени, ни возможности провѣрить, въ законномъ ли составѣ разрѣшенъ тотъ или другой вопросъ,—и приговоры схода вписываются въ книгу уже на другой день, для подписанія же ихъ грамотные снова вызываются въ волость». По повѣркѣ приговоровъ, оказывается иногда—замѣчаетъ полтавское губернское совѣщаніе — что «сельскій писарь, въ виду требованія ст. 54 Общ. Пол., для достиженія цифры двухъ третей

[1]) «Сводъ», томъ I, 189.

[2]) Въ письмахъ изъ Англіи В. Короленко, печатавшихся въ «Русскомъ Богатствѣ» за 1895 г., приведенъ любопытный примѣръ, доказывающій неудобства открытаго голосованія даже среди населенія съ болѣе развитымъ правосознаніемъ и искони самоуправляющагося: На одномъ собраніи для выбора членовъ въ приходскій совѣтъ кандидатомъ былъ выставленъ эсквайръ. «Обычный способъ голосованія поднятіемъ рукъ оказался сначала не въ пользу этого кандидата; но когда онъ всталъ и пристально посмотрѣлъ на заднія скамьи, гдѣ сидѣли рабочіе,—немедленно же послѣ этого масса рукъ поднялась вверхъ»...

голосовъ, вноситъ лицъ и не бывшихъ на сходѣ или даже умершихъ». Такъ точно, по словамъ херсонскаго губернскаго совѣщанія, мѣстныя сельскія власти вписываютъ иногда въ приговоры «отсутствующихъ неграмотныхъ, а иногда даже умершихъ, какъ присутствующихъ на сходѣ». Въ бессарабской губерніи,—«староста съ писаремъ ходятъ по домамъ и подписываютъ на приговорѣ членовъ общества не бывшихъ на сходѣ, и такимъ образомъ дополняютъ недостающее до законнаго состава число членовъ. Въ нѣкоторыхъ многочисленныхъ обществахъ екатеринославской губерніи,—«приговоры составлялись предварительно въ присутствіи лишь немногихъ лицъ, а затѣмъ подписывались членами схода, вызываемыми по одиночкѣ». Въ большихъ обществахъ Орловской губерніи,—«дѣла вмѣсто схода рѣшаются нѣсколькими домохозяевами, а заранѣе составленные приговоры подписываются по домамъ лицами, на сходѣ не бывшими. Такія же явленія наблюдаются въ губерніяхъ Саратовской, Ярославской, Тамбовской и др.

Изъ всѣхъ описанныхъ условій видно, какія затрудненія должно представлять руководительство сходами и какъ велика возможность всяческихъ злоупотребленій при руководителяхъ, прямо и существенно заинтересованныхъ въ постановленіи тѣхъ или иныхъ приговоровъ, въ признаніи ихъ правильными, дѣйствительными или подлежащими отмѣнѣ. Кому же присвоено закономъ руководительство на сходахъ? Именно такимъ лицамъ, совершенно неспособнымъ подчасъ сохранять необходимое безпристрастіе; на сельскихъ сходахъ предсѣдательствуетъ сельскій староста, а на волостныхъ — волостной старшина, кромѣ того только, что при учетѣ старосты предсѣдательство на сельскомъ сходѣ переходитъ къ волостному старшинѣ, а при учетѣ старшины—одному изъ старостъ. Такимъ образомъ, исполнительный органъ распорядительнаго установленія, зависящій отъ послѣдняго, дѣйствующій по его указаніямъ,—сдѣланъ руководителемъ этого самого установленія. Понятно, что должно выходить отсюда. На подобный недостатокъ, наблюдающійся въ области земскаго и городскаго самоуправленія, не одинъ разъ и обращалось вниманіе. Не замѣчался онъ до сихъ поръ только въ области крестьянскаго самоуправленія. Между тѣмъ, указываемое совмѣстительство представляется здѣсь еще менѣе удобнымъ и даетъ еще болѣе печальныя слѣдствія. Прежде всего, недостатокъ этотъ долженъ значительно усиливаться здѣсь уже отъ одной разсмотрѣнной крайне шаткой почвы, на которой покоится крестьянское самоуправленіе. Затѣмъ—что особенно важно—сельскіе старосты и волостные старшины вооружены весьма широкою административно-карательною властію надъ членами сходовъ, въ которыхъ они предсѣдательствуютъ [1]). Въ то же самое время сами они находятся на всей волѣ

[1]) Однимъ изъ доказательствъ крайней узкости и односторонности воззрѣній губернскихъ совѣщаній служитъ то, что почти всѣ они высказались за сохраніе административно-карательной власти сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ, а нѣкоторыя совѣщанія выразили даже желательность усиленія этой власти... Между

ближайшаго начальства,—земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ исправниковъ.

Если прибавить ко всему этому подневольный характеръ службы выборныхъ должностныхъ лицъ и тяжесть ея условій, выражающуюся въ пребываніи подъ постояннымъ перекрестнымъ огнемъ различныхъ взысканій по неисполненію или «неправильному» исполненію многочисленныхъ, неопредѣленныхъ, сложныхъ и произвольно налагаемыхъ обязанностей,—то картина крестьянскаго самоуправленія пріобрѣтетъ печальную полноту... Важнѣйшее необходимое свойство самоуправленія *самостоятельность*, будучи принципіально выражена, оказывается, при такихъ условіяхъ, въ дѣйствительности, крайне ограниченною, открытою для всевозможныхъ нарушеній... Дѣло доходитъ нерѣдко прямо до составленія приговоровъ безъ всякаго участія сходовъ, по простому приказанію начальства,—до прямого давленія на сходы, до сознательнаго употребленія властями незаконныхъ средствъ... Въ Могилевской губерніи, по словамъ мѣстнаго совѣщанія,—«приговоры сходовъ составляются весьма часто прямо по предписаніямъ начальства, иногда вопреки волѣ сходовъ, какъ, напримѣръ, было въ Сѣнненскомъ уѣздѣ, при неудачной попыткѣ къ улучшенію скотоводства, путемъ заведенія при волостныхъ правленіяхъ племенныхъ быковъ. Въ витебской губерніи, «раскладочные приговоры составляются волостными писарями весьма часто безъ всякаго участія крестьянъ». Въ полтавской губерніи,—«должностныя лица, которымъ приходится обращаться къ сходу за разрѣшеніемъ вопросовъ, — или прямо приказываютъ сходу постановить извѣстный приговоръ, или же поручаютъ волостному старшинѣ предварительно переговорить съ болѣе вліятельными членами схода и подготовить ихъ къ разрѣшенію своего предположенія; остальная толпа безпрекословно идетъ за вожаками. Въ минской губерніи,—«выборы должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія производятся повсемѣстно подъ личнымъ наблюденіемъ непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій» [1]). Въ чемъ же выражается это наблюденіе? Можно полагать,—въ томъ же, на что, какъ на нормальное явленіе, указываетъ могилевское совѣщаніе. Послѣднее же свидѣтельствуетъ: «въ могилевской губерніи, чтобы добиться удачныхъ выборовъ, нерѣдко учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ приходится примѣнять не совсѣмъ законные способы, производя давленіе на сходъ» [2]).

Такъ стояло дѣло, большею частію, уже до введенія законоположеній 12 іюля 1889 г., и такъ стоитъ оно въ губерніяхъ, гдѣ названныя за-

тѣмъ, она окончательно отжила, не соотвѣтствуетъ личнымъ правамъ крестьянъ, которыя должны быть предоставлены имъ, какъ свободнымъ гражданамъ государства, и—приводитъ обыкновенно къ однимъ вопіющимъ злоупотребленіямъ. До сихъ поръ нерѣдки случаи, когда старшина или староста грозитъ арестомъ или штрафомъ лицу, выражающему на сходѣ непріятное для него мнѣніе...

[1]) Томъ I, 550.

[2]) Томъ I, 551.

коноположенія еще не введены. Понятно, что должны представлять собою крестьянскіе сходы въ настоящее время въ губерніяхъ, гдѣ введены законоположенія 12 іюля 1889 г.—при наблюдающемся участіи въ нихъ земскаго начальника въ роли всесильнаго предсѣдателя, съ административно-карательною властію надъ должностными лицами и обыкновенными членами сходовъ и съ послѣдующимъ огромнымъ вліяніемъ на общественные приговоры,—съ правомъ ихъ просматривать, утверждать, провѣрять, представлять къ отмѣнѣ, пріостанавливать въ исполненіи и—опять участвовать въ уѣздномъ съѣздѣ при разрѣшеніи вопросовъ о нихъ... Тутъ вмѣшательство должно представляться и—судя по многочисленнымъ даннымъ (даваемымъ, однако, не «Сводомъ»)—представляется, въ особенности при личномъ присутствіи земскихъ начальниковъ на сходахъ,—безграничнымъ, уничтожающимъ послѣдніе остатки самостоятельности, необходимой для каждаго вида самоуправленія.

Какже можно, при всѣхъ такихъ условіяхъ, обвинять самихъ крестьянъ въ различныхъ нерѣдко наблюдающихся неблагопріятныхъ явленіяхъ въ средѣ ихъ самоуправленія? Что удивительнаго, если все крестьянское общественное управленіе, при полномъ забвеніи своихъ истинныхъ задачъ, обратилось на служеніе, главнымъ образомъ, финансовымъ видамъ,—превратилось въ даровые органы финансоваго управленія, раскладывающіе и взыскивающіе различные многочисленные и обременительные сборы еще болѣе примитивными способами, чѣмъ тѣ, какіе указаны для этого въ законѣ? [1]).

V.

Реформа существенно необходима... Какая, въ какомъ направленіи? Кажется, это ясно. Она должна совершиться не въ томъ направленіи, въ какомъ проектируется,—не въ направленіи усиленія вліянія администраціи, сокращенія самостоятельности сходовъ, превращенія сельскихъ подворныхъ сходовъ въ сходы выборныхъ и пр. Желательны и не одни частичныя постатейныя измѣненія въ дѣйствующихъ постановленіяхъ о крестьянскомъ самоуправленіи. Реформа должна быть общая, широкая, систематическая, способная исправить разомъ и радикально всѣ недостатки нынѣшняго положенія, обновить сельскую общественную жизнь, обезпечить послѣдней правильное удовлетвореніе ея насущныхъ потребностей, вопіющихъ нуждъ.

Кончимъ же тѣмъ, съ чего начали: крестьянское самоуправленіе должно быть сдѣлано самостоятельнымъ, и самостоятельность его должна быть обезпечена надлежащими органическими мѣрами: возможно широкимъ распространеніемъ народнаго образованія и развитіемъ правосознанія массѣ населенія, путемъ школъ, библіотекъ, читаленъ, чтеній; подня-

[1]) См. многочисленныя и весьма яркія иллюстраціи по этому предмету въ изданіи министерства финансовъ—«Существующій порядокъ взысканія окладныхъ сборовъ съ крестьянъ».

тіемъ уровня самоуправляющагося населенія, путемъ внесенія въ его составъ лицъ всѣхъ сословій, безъ исключенія; спеціальнымъ устраненіемъ вмѣшательства чиновниковъ въ дѣятельность органовъ самоуправленія и точнымъ опредѣленіемъ юридическаго положенія крестьянъ на началахъ равноправности съ другими сословіями и съ полнымъ примѣненіемъ законности ко всѣмъ ихъ дѣламъ, отношеніямъ и установленіямъ. А такъ какъ матеріалы, представленные въ настоящее время уѣздными коммиссіями и совѣщаніями, для составленія проекта реформы, неполны, отрывочны, односторонни, какъ по свойству программы, по которой они создавались, такъ и по чиновничьему, сословно-дворянскому составу коммиссій и совѣщаній,—то необходимо выработать новую программу, организовать спеціальныя изслѣдованія на мѣстахъ юридическаго положенія крестьянъ, создать при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особое періодическое изданіе для скорѣйшаго обнародованія новыхъ матеріаловъ и, наконецъ, призвать къ обсужденію и составленію проекта крестьянской реформы общественныя силы, безпристрастный, истинно-доброжелательный къ народу общественный элементъ.

Однимъ изъ способовъ обращенія къ общественному элементу въ настоящемъ дѣлѣ должна быть передача проектовъ преобразованій на обсужденіе сельскихъ и волостныхъ сходовъ. При этомъ желательно, чтобы къ участію въ сходахъ, созванныхъ для этой цѣли, были допущены лица всѣхъ сословій, проживающія въ каждомъ данномъ околодкѣ.

Н. Дружининъ.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

Наши земскія дѣла.

Земская адвокатура.—Вопросъ о земской адвокатурѣ въ Лохвицкомъ и Вятскомъ земствѣ.—Земскіе періодическіе органы общаго характера.—Земскіе журналы и земскія газеты.

Какъ извѣстно, въ гражданскомъ процессѣ собираніе доказательствъ лежитъ всецѣло на обязанности сторонъ, такъ какъ судъ, въ силу закона [1]) основываетъ свое рѣшеніе исключительно на тѣхъ данныхъ, которыя были предъявлены тяжущимися. Тяжущіеся сами должны заботиться о всякаго рода документахъ, разныхъ справкахъ, удостовѣреніяхъ, относящихся къ дѣлу [2]), объ отводѣ свидѣтелей, экспертовъ, судей [3]) и т. п. Не трудно представить себѣ, въ какомъ безпомощномъ состояніи находится проситель, незнакомый ни съ судебными процессами, ни съ той канцелярщиной, которой они обставлены. Въ особенности отъ этого страдаетъ полуграмотная масса, для которой знаменательныя слова—«никто не можетъ отговариваться незнаніемъ законовъ» — представляютъ въ своемъ родѣ Эдипову загадку.

Жизнь давно выдвинула этотъ вопросъ; создался даже особый народный институтъ «аблакатовъ». Почти въ каждомъ деревенскомъ трактирѣ имѣется такое лицо, которое за опредѣленную плату съ какимъ-нибудь натуральнымъ «поощреніемъ» готово написать прошеніе куда угодно и о чемъ угодно. Безграмотность населенія и непониманіе своихъ правъ даетъ широкій просторъ эксплоатаціи разныхъ просьбописателей, нерѣдко вовлекающихъ крестьянъ въ совершенно напрасныя тяжбы и кляузы, сѣющихъ въ населеніе смуты и раздоры. Нерѣдко они ведутъ дѣло обѣихъ сторонъ, безсовѣстно увѣряя ту и другую въ успѣшности и вѣрности веденія дѣла. Возникаютъ зачастую несправедливыя «тяжбы»

---

[1]) Ст. 367 уст. гражд. суд.

[2]) Ст. 366, 369, 439—443.

[3]) Ст. 571—576, 373, 375, 426. 430, 522. 667—671.

и наоборотъ немало совершенно справедливыхъ исковъ и тяжбъ проигрывается, благодаря безтолково написанной бумагѣ, благодаря пропуску тѣхъ или иныхъ сроковъ, благодаря незнакомству съ закономъ, а главное съ различными формальностями, которыми, какъ извѣстно, обставляются у насъ обыватели съ момента появленія на свѣтъ.

Цѣлая масса дѣлъ возникаетъ вслѣдствіе невѣдѣнія закона, невѣдѣнія правъ и обязанностей, и естественно, что люди, занимающіеся адвокатской профессіей, ни чуть не будутъ прилагать стараній къ прекращенію дѣлъ и разъясненію правъ и обязанностей. Обыватель для нихъ дойная корова и чѣмъ онъ невѣжественнѣе, тѣмъ это прибыльнѣе для «аблакатовъ». Безпомощный обыватель ищетъ заступы и попадаетъ въ цѣпкія лапы, способныя выцарапать не только все благопріобрѣтенное, но нерѣдко, въ свою очередь, засадить на скамью подсудимыхъ. Подпольная адвокатура свила себѣ прочное гнѣздо. Чтобы избавиться отъ ея деморализующаго вліянія, нужна упорная борьба.

Лохвицкое земство первое сознало необходимость придти на помощь населенію въ этомъ. Исходя изъ того положенія, что среди другихъ потерь, которыя несетъ уѣздъ, значительную долю составляютъ поѣздки въ Лубны въ окружный судъ, что поѣздки эти бываютъ въ большинствѣ случаевъ безрезультатны, что авторитетъ суда скораго и праваго нарушается, управа въ своемъ докладѣ XXXII сессіи земскаго собранія считаетъ необходимымъ учрежденіе юридической консультаціи, гдѣ каждый желающій могъ бы получить тотъ или другой юридическій совѣтъ. «Юридическая консультація, по мнѣнію управы, должна быть построена на тѣхъ же началахъ, на какихъ построена земская медицина... Юрисъ-консультъ долженъ обладать юридическимъ образованіемъ и практической подготовкой. Плата за совѣты и отдѣльныя порученія должна быть назначена самая минимальная (не свыше 50 к.)» [1]). Несмотря, однако, на цѣлесообразность этого мѣропріятія, полтавскій губернаторъ, разсмотрѣвъ постановленія земскаго собранія, нашелъ, что приглашеніе адвоката для защиты всѣхъ живущихъ въ уѣздѣ выходитъ изъ предѣловъ земской компетенціи, основываясь на разъясненіи Правительствующаго сената отъ 30 мая 1873 г.

Помимо лохвицкаго земства, вопросъ о «земской адвокатурѣ» былъ выдвинутъ и вятскимъ земствомъ на XXX очередномъ собраніи. Исходя изъ того, что вятское земство поставило своею задачею всестороннее выясненіе экономическихъ и бытовыхъ условій, вліяющихъ ненормально на развитіе и благосостояніе губерніи и постепенное удаленіе ихъ, а также поднятіе нравственныхъ качествъ населенія, губернская управа полагала своевременнымъ разрѣшеніе вопроса о земской адвокатурѣ, причемъ управа не ограничивается простою подачею совѣтовъ и указаній по веденію разныхъ дѣлъ. «Кромѣ подачи юридическихъ совѣтовъ и

---

[1]) Докладъ Лохвицкой у. з. управы XXXII очередному уѣзд. земск. собр. 1896 г. Лохвица, 1897 г., стр. 21—24.

указаній, весьма важныхъ, является также вопросъ о доставленіи доступной каждому защиты при разбирательствахъ уголовныхъ дѣлъ, особенно въ уѣздныхъ городахъ при выѣздахъ отдѣленій окружныхъ судовъ. Беззащитность подсудимыхъ въ этомъ случаѣ—постоянное явленіе, и судъ, при всемъ желаніи дать подсудимому защитника, не можетъ этого сдѣлать, благодаря отсутствію уѣздной адвокатуры. Между тѣмъ, здѣсь иногда рѣшается участь человѣка и его семьи [1]). Ссылаясь на то обстоятельство, что вопросъ этотъ не разъ поднимался и въ правительственныхъ сферахъ, что законодательство, разсматривая этотъ вопросъ, требуетъ равенства, какъ обвиненія такъ и защиты (ст. 630 устав. угол. судопр.) управа считаетъ, что земство вполнѣ вправѣ придти на помощь населенію, защищать и ограждать его права, оберегать его отъ непроизводительныхъ затратъ и разоренія. Предлагая земскому собранію высказаться принципіально о желательности введенія земской адвокатуры, управа сочла необходимымъ упомянуть, что мысль объ учрежденіи этого института принадлежитъ покойному А. П. Батуеву.

Однако, несмотря на упоминаніе священнаго для вятскаго земства имени А. П. Батуева, докладъ управы былъ встрѣченъ далеко не сочувственно. Нѣкоторые изъ гласныхъ, какъ напр. гл. Тепловъ, сомнѣваются, чтобы за то вознагражденіе, которое думаетъ предложить управа (1000—1500 р.), можно было найти опытнаго юриста; а одинъ гласный, г. Селивани, категорично заявилъ, что вопросъ объ адвокатурѣ—вопросъ лишній. Массѣ даны земскіе начальники, вполнѣ отвѣчающіе этой потребности. Въ этомъ онъ убѣдился «изъ практики земскихъ начальниковъ Нолинскаго уѣзда, гдѣ послѣдніе являются самыми надежными руководителями крестьянскихъ массъ не только въ тѣхъ дѣлахъ, которыя разсматриваются въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ, но даже оказываютъ полезные совѣты и по дѣламъ чисто семейнаго характера». Послѣ продолжительныхъ преній, ясно выразившихъ желаніе собранія отдѣлаться отъ «новаго вопроса», рѣшено было передать его на обсужденіе уѣздныхъ собраній.

Въ настоящее время въ земскихъ учрежденіяхъ сильно замѣтно стремленіе создать земскую газету, посредствомъ которой они могли-бы съ достаточной широтой знакомиться какъ съ мѣстными, такъ и общеземскими нуждами, выяснять значеніе тѣхъ или другихъ мѣропріятій и установить возможность широкаго общенія между земствомъ и населеніемъ. Правда, земство не является новичкомъ въ этомъ дѣлѣ. Попытки издавать газету и журналъ были и прежде. Въ нѣкоторыхъ земствахъ періодическая печать свила прочное гнѣздо и даже снискала себѣ общее уваженіе. Въ большинствѣ-же случаевъ благія земскія начинанія явились только вспышкою, подъ вліяніемъ того или другого увлекающагося земскаго

[1]) Журналы вятскаго губ. земск. собр. XXX очередн. сессіи. Вятка 1897. Отдѣлъ V-й стр. 179—183.

дѣятеля, способнаго въ своей идеализаціи земскаго единомыслія дойти чуть ни до геркулесовыхъ столбовъ. Однако, несмотря на шаткость почвы, на которой создавалась земская пресса, несмотря на перемѣну взглядовъ на земскія начинанія въ административныхъ сферахъ, до нашихъ дней благополучно дотянули свое существованіе восемь земскихъ журналовъ: 1) «Вѣстникъ Ярославскаго Земства», 2) «Вѣстникъ Псковскаго Земства»: 3) «Земскій сборникъ Черниговской губерніи», 4) «Вѣстникъ Владимірскаго Земства», 5) «Сборникъ Пермскаго Земства», 6) «Сборникъ Херсонскаго Земства», 7) «Вѣстникъ Симбирскаго Земства» и 8) Сборникъ Саратовскаго земства, переименованный съ недавняго времени въ «Саратовскую Земскую Недѣлю». За немногими исключеніями, всѣ они представляютъ изъ себя ничто иное, какъ собраніе узаконеній и распоряженій правительства, собраніе протоколовъ, журналовъ, докладовъ и отчетовъ уѣздныхъ и губернскихъ земствъ, коллекцію безцвѣтныхъ перепечатокъ изъ различныхъ періодическихъ органовъ, замѣтокъ, посвященныхъ тѣмъ или другимъ земскимъ начинаніямъ. Значительно выдѣляются разнообразіемъ матеріала Херсонскій и Черниговскій сборники. «Сборникъ Херсонскаго Земства» является почтеннымъ старцемъ въ земской печати. Въ текущемъ году исполнится тридцать лѣтъ его существованія. Исторія его настолько поучительна, что мы позволимъ себѣ вкратцѣ передать ее.

Вопросъ объ изданіи земскаго журнала въ херсонскомъ земствѣ былъ возбужденъ на земскомъ собраніи сессіи 1866 г. Губернская земская управа, заручившись согласіемъ собранія, энергично приступила къ осуществленію постановленія земскаго собранія и въ началѣ января слѣдующаго года представила на утвержденіе губернатора свою программу. Изданіе «Сборника», повидимому, удовлетворяло запросамъ земскихъ дѣятелей. Смѣта на изданіе журнала постепенно росла, дойдя въ 1872 г. до 3,000 рублей. Но съ этихъ поръ начинается періодъ земскаго охлажденія. Журналъ перестаетъ выходить въ сроки, назначенные для выхода, отъ него постепенно отбираются ассигновки; однимъ словомъ, повторяется обычная въ русскихъ лѣтописяхъ исторія: за быстрой горячей вспышкой, такъ же быстро наступаетъ охлажденіе. Земство, какъ истый сынъ своей родины, не разъ блестящимъ образомъ подтверждало это на себѣ. Та-же исторія повторилась и съ «Сборникомъ Херсонскаго Земства». Управа, ходатайствуя объ изданіи журнала, разсчитывала на широкое участіе всѣхъ наличныхъ земскихъ силъ. Земцы благосклонно изъявили свою готовность, но дальше этого не шли, и управѣ пришлось на своихъ плечахъ влачить свое дѣтище. Но она не унываетъ. Въ 1886 г. она хлопочетъ о расширеніи программы «до тѣхъ предѣловъ, какими пользуются въ настоящее время всѣ другія земскія изданія». На этотъ разъ «Сборникъ» нѣсколько оживился. Дѣло въ томъ, что въ періодъ 1885—1887 гг. при земствѣ были открыты различныя организаціи—статистическое, санитарное, ветеринарное и агрономическое бюро. Въ уѣздахъ появились представители этихъ организацій. Со всѣхъ сторонъ въ ре-

дакцію стали стекаться отчеты, доклады, журналы и т. п. Весь матеріалъ группируется. Въ журналѣ появились новые отдѣлы подъ названіемъ «хроникъ». Изрѣдка проскальзываютъ монографіи по тѣмъ или другимъ вопросамъ. А времена между тѣмъ мѣняются. Земцы привыкли считаться съ печатнымъ словомъ. Для нихъ является необходимымъ знакомство съ тѣмъ, что предпринималось и предпринимается въ тѣхъ или другихъ земствахъ. Въ 1895 г., согласно назрѣвшей потребности, губернское земское собраніе поднимаетъ вопросъ объ измѣненіи программы журнала, но на это получила въ отвѣтъ докладъ управы о томъ, что программа, утвержденная въ 1886 г., *достаточно широка* и что слѣдуетъ только обратить вниманіе на расширеніе отдѣла «Общей земской хроники». Собраніе, согласившись съ мнѣніемъ управы, рѣшило для болѣе успѣшнаго веденія дѣла пригласить особое лицо для завѣдыванія дѣлами редакціи [1]).

Послѣдняя фаза метаморфозы «Сборника» какъ разъ совпала съ общимъ влеченіемъ земскихъ учрежденій имѣть «свой журналъ», при посредствѣ котораго можно было бы снискивать довѣріе къ различнымъ мѣропріятіямъ среди массы. Піонеромъ въ этомъ направленіи является опять-таки вятское земство, по иниціативѣ котораго возникла «Вятская газета». Мы не будемъ касаться того, какихъ воззрѣній придерживается редакція «Вятской газеты», а остановимся только на исторіи ея развитія, такъ какъ было бы весьма страннымъ искать «направленія» тамъ, гдѣ, *въ силу мѣстныхъ условій*, приходится изворачиваться до такой степени, что такое невинное сообщеніе, какъ «Вятское землетрясеніе», фигурируетъ въ отдѣлѣ «Народное образованіе», гдѣ вмѣстѣ съ рецензіей должна быть представлена въ цензуру и самая книга; гдѣ отъ корреспондентовъ отбирается подписка не сотрудничать въ мѣстной газетѣ, пользующейся дурной репутаціей и т. д. Можно-ли требовать «направленія» или даже слабой окраски провинціальной прессы, находящейся постоянно подъ Дамокловымъ мечомъ стараго канцеляриста, составившаго себѣ представленіе о литературѣ по казеннымъ отношеніямъ и полицейскимъ протоколамъ. Однако, несмотря на такія стѣснительныя условія Вятская губернская земская управа рискнула предложить въ 1893 г. собранію проектъ издавать *народную земскую газету* [2]), мотивируя это необходимостью широкаго обмѣна мыслей. «Безъ такого обмѣна мыслей, безъ ознакомленія другъ друга со своими взглядами, наблюденіями, опытами въ области сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій и улучшеній не мыслимъ сельско-хозяйственный прогрессъ». Испрашивая разрѣшеніе на изданіе газеты, вятское земство приняло на первое время ограниченную программу— давать предпочтительно статьи, относящіяся къ сельскому хозяйству и кустарнымъ промысламъ. Подписной годъ начался съ апрѣля мѣсяца. Газета выходила 2 раза въ мѣсяцъ, печаталась въ количествѣ 6,000 экземпляровъ и разсылалась, въ большинствѣ случаевъ без-

---

[1]) «Сб. Херсонск. Земства», 1897 г., № 1, «Земская хроника».

[2]) См. «Вятская газета». 1897 г., №№ 20, 22.

платно (платныхъ подписчиковъ было 825). Въ 1894 г. былъ поднятъ вопросъ о расширеніи программы съ цѣлью дать населенію болѣе разнообразное чтеніе слѣдующими отдѣлами: а) правительственныя распоряженія, б) хозяйственная жизнь губерніи и Россіи, в) земское дѣло, продовольственное и страховое, г) статьи по медицинѣ и ветеринаріи и д) народное образованіе.

Просматривая докладъ управы XXIX очередному собранію, мы можемъ констатировать тотъ фактъ, что даже жиденькій безцвѣтный матеріалъ, предлагаемый газетою, жадно проглатывался массой: управа получаетъ цѣлый рядъ благодарностей отъ учителей, священниковъ, самихъ крестьянъ. Приступая къ 2-му году изданія газеты, управа сочла необходимымъ узнать, насколько содержаніе газеты соотвѣтствуетъ запросамъ читателей, для чего и разослала вопросные листки о газетѣ. Изъ полученныхъ 505 отвѣтовъ управа выяснила себѣ, что газета получается какъ въ обществахъ, такъ и школахъ аккуратно, но что изъ крестьянъ газету читаютъ немногіе. На вопросы, отчего это происходитъ, указываютъ, что грамотные, беря газету для прочтенія, подолгу держатъ ее или даже совсѣмъ не возвращаютъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ газетой оклеиваютъ стѣны, вертятъ изъ нея папироски; большинство же населенія не можетъ пользоваться газетою по безграмотности.

Многіе, однако, относятся къ газетѣ съ живымъ интересомъ. Чѣмъ же спрашивается интересуются читатели? На сколько удовлетворяетъ газета запросамъ своего читателя? На это также мы имѣемъ отвѣты въ докладѣ. Въ первомъ случаѣ изъ отвѣтовъ ясно видна тенденція въ пользу статей сельско-хозяйственнаго характера, а также о промыслахъ, связанныхъ съ земледѣліемъ. (Изъ 404 отвѣтовъ въ пользу статей сельско-хозяйственныхъ высказалось свыше 300 отвѣтовъ). Указывая на недостатки газеты обращаютъ также вниманіе на отсутствіе статей по медицинѣ и ветеринаріи (20 заявл.), статей юридическаго характера (23), духовно-нравственнаго (21), по кустарнымъ промысламъ, ремесламъ (20) [1]).

Эти отзывы о газетѣ за первый годъ ея существованія, переписка радакціи съ подписчиками, участіе крестьянъ въ газетѣ въ качествѣ сотрудниковъ указываетъ на ту громадную потребность, которая ощущается въ массѣ, требующей, правда почти безсознательно, участія въ общественной жизни, участія въ разрѣшеніи тѣхъ или другихъ вопросовъ, близко затрогивающихъ ея интересы. Въ силу этого-то обстоятельства и земства, ближе всего стоящія къ населенію, своевременно подмѣтили это новое движеніе и желаютъ посильно развить и укрѣпить его. Эта идея начинаетъ мало-по-малу пробиваться также въ курскомъ, ярославскомъ, екатеринославскомъ, елисаветградскомъ и др. земствахъ.

Въ минувшемъ земскомъ собраніи въ Ярославлѣ былъ поднятъ вопросъ о преобразованіи «Вѣстника Ярославскаго земства». Земство единодушно

[1]) Журналы вятскаго земскаго собранія XXIX очередн. сессіи, т. II-й, 1896 г., стр. 208—223.

высказалось за преобразованіе, рѣшивъ «создать изъ Вѣстника двух-недѣльную живую и интересную для населенія газету, для чего исключить изъ него весь цифровой матеріалъ и печатать послѣдній въ видѣ особыхъ приложеній къ Вѣстнику; въ программу же самого Вѣстника включить обзоръ дѣятельности ярославскихъ и другихъ земствъ, обзоръ дѣятельности различныхъ обществъ, комитетовъ и частныхъ лицъ, преслѣдующихъ одинаковыя на ряду съ земствами цѣли».

Вопросъ объ изданіи газеты въ елисаветградскомъ земствѣ [1]) возникъ въ связи съ расширеніемъ дѣятельности сельско-хозяйственнаго бюро, которое было предназначено исполнять всѣ ея мѣропріятія, направленныя къ поднятію сельскаго хозяйства въ уѣздѣ. Кромѣ того, бюро должно заниматься систематическимъ и всестороннимъ изученіемъ сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности въ уѣздѣ, собирать матеріалъ и періодически опубликовывать его, чтобы сельскіе хозяева имѣли въ рукахъ ясныя и точныя свѣдѣнія о всѣхъ отрасляхъ хозяйства. Для этой цѣли управа сочла нужнымъ создать еженедѣльную газету подъ названіемъ «Справочный Листокъ елисаветградскаго земства». Программа «Листка» должна носить чисто дѣловой характеръ, *безъ всякихъ литературныхъ затѣй* (?), какъ образно выразилась Управа въ своемъ докладѣ. Свѣдѣнія, сообщаемыя въ «Листкѣ», должны будутъ ограничиться правительственными распоряженіями, касающимися сельскаго хозяйства и дѣятельности земства, распоряженіями губернской и уѣздной земскихъ управъ и, наконецъ, неоффиціальными свѣдѣніями, имѣющими отношеніе къ сельскому хозяйству. Расходы по изданію газеты исчислены приблизительно въ суммѣ 1380 р. въ годъ. Предложенія управы были приняты собраніемъ и вопросъ о новой земской газетѣ можно считать уже рѣшеннымъ.

Интересно отмѣтить также идею земской газеты въ олонецкой губерніи, гдѣ она возникаетъ по иниціативѣ мѣстнаго губернатора [2]), обратившагося въ губернское земство съ предложеніемъ отпустить необходимыя денежныя средства на изданіе «Олонецкой Земской Газеты». Мотивами такого предложенія послужили слѣдующія соображенія. Правительство, передавая земству дѣла, которыя вѣдало прежде оно само, надѣялось, что интересы мѣстнаго населенія только выиграютъ отъ того, что они будутъ вѣдаться людьми, которыхъ избрало само-же населеніе. Земство оправдало возложенныя на него надежды. Создалась земская школа, земская медицина, земская статистика. Земство чутко прислушивается къ различнымъ назрѣвшимъ нуждамъ и во-время идетъ навстрѣчу туда, гдѣ помощь его является наиболѣе желательнымъ. Именно изъ этихъ основаній и исходитъ олонецкій губернаторъ, по мнѣнію котораго земствамъ «безусловно необходимо имѣть свой органъ печати и тѣмъ самымъ дать возможность на столбцахъ его всѣмъ свободно свидѣтель-

[1]) См. «Сынъ Отеч.» № 148; «Орловскій Вѣстн.» № 167 и др.

[2]) «Вятскій Край» № 104.

ствовать о разныхъ мѣстныхъ нуждахъ и въ то-же время знакомить мѣстное населеніе съ тѣми мѣрами, которыя предпринимаются для его блага земскими учрежденіями». Кромѣ того здѣсь достигались-бы и другія болѣе важныя воспитательныя цѣли: «населеніе съ большимъ интересомъ относилось-бы къ своимъ собственнымъ дѣламъ, развивало-бы самодѣятельность и способность инпціативы».

Всѣ эти задачи губернаторъ предполагаетъ осуществить чрезъ земскую газету, такъ-какъ попытка организовать «Земскій и городской отдѣлъ» въ неоффиціальной части губернскихъ вѣдомостей потерпѣла полнѣйшую неудачу ввиду недостаточности средствъ. Будущая земская газета будетъ выходить особымъ приложеніемъ къ «Вѣдомостямъ»; программа ея намѣчена слѣдующая: 1) передовая статья, затрогивающая вопросы о мѣропріятіяхъ правительства и земства; 2) мѣстная земская хроника—дѣятельность мѣстныхъ земствъ; 3) обще-земская хроника—мѣропріятія другихъ земствъ; 4) экстракты докладовъ мѣстныхъ управъ и постановленія собраній; 5) корреспонденціи и статьи, касающіяся хозяйственной жизни губерніи по отдѣльнымъ отряслямъ земскаго дѣла—народному образованію, страхованію, медицинѣ, статистикѣ и друг. и 6) справочный отдѣлъ—цѣны на полевыя произведенія, рабочія руки, состояніе рынка и др.

Въ заключеніе намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о газеткѣ, издаваемой екатеринославскимъ земствомъ—также въ видѣ прибавленія къ мѣстнымъ «Вѣдомостямъ». Задачею ея, конечно, является возможно широкое общеніе земства съ населеніемъ. На сколько удовлетворяютъ первые №№ газеты населеніе, пока сказать довольно трудно. Интересныхъ статей, захватывающихъ за живое читателей, мы до сихъ поръ не встрѣтили и если дѣло будетъ продолжаться и впредь такимъ-же образомъ, врядъ-ли можно поручиться за успѣхъ.

Окидывая еще разъ взоромъ наши матеріалы, мы опять повторимъ, что въ земствахъ видна тенденція создать *свою газету* и своего читателя и если они будутъ чутко прислушиваться къ мѣстнымъ запросамъ, не ограничиваясь перепечаткой канцелярской переписки, дѣло будетъ обезпечено. Главнымъ-же образомъ земства не должны забывать, что земская газета должна быть *народной*. Посредствомъ ея можно будетъ проводить не однѣ только сельско-хозяйственныя знанія, но и содѣйствовать культурному подъему, умственному развитію массы и въ этомъ у «Земской Газеты» завидное будущее.

В. Владимірцевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Два слова о нашемъ прогрессѣ.—Нашъ хлѣбъ и нашъ торговый балансъ. — Техническое и общее образованіе.—Бѣдственное положеніе нашихъ университетовъ. — Сельско-хозяйственные рабочіе и пересмотръ Положенія о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы.—Заботы землевладѣльцевъ о всеобщемъ образованіи.—Инспекція надъ добровольными отношеніями между землевладѣльцами и рабочими.—Продолжительность «рабочаго дня» фабрично-заводскихъ рабочихъ.—Возбужденный въ печати интересъ къ сектантству.—III «миссіонерскій» съѣздъ въ Казани.—Вопросъ объ отобраніи дѣтей у сектантовъ и раскольниковъ.

Бодрость духа—великая сила. Апатія все убиваетъ, а бодрость духа все преодолѣваетъ. Она лежитъ въ основаніи индивидуальнаго и общественнаго прогресса.

Въ недавнемъ прошломъ, всюду царила у насъ апатія и индифферентизмъ. Теперь мы не стоимъ неподвижно на одномъ мѣстѣ. Наоборотъ, по массѣ затрачиваемой энергіи, повидимому, мы должны были бы двигаться съ головокружительной быстротой. Но ничего подобнаго мы не видимъ. Можно метаться изъ угла и въ уголъ и изъ стороны въ сторону съ самой головокружительной быстротой, затрачивая на это движеніе массу энергіи и труда, при чемъ въ результатѣ получится лишь тупая усталость и безнадежная апатія.

Если-бы затраты тѣхъ колоссальныхъ средствъ, которыя собираются казной, что называется попадали въ цѣль, то они несомнѣнно кристализировались-бы въ массѣ явленій, свидѣтельствующихъ о ростѣ матеріальныхъ силъ. Укрѣпленіе матеріальныхъ силъ выражалось-бы въ устойчивости и выносливости при столкновеніи съ разными неожиданными случайностями. На самомъ-же дѣлѣ ничего подобнаго не замѣчается. Разныя «неожиданныя случайности» свили себѣ прочное гнѣздо у насъ, для чего они должны были найти соотвѣтствующую, вполнѣ для нихъ благопріятную почву. Недородъ хлѣбовъ сталъ у насъ хроническимъ и притомъ все чаще и чаще повторяющимся. Если раньше недородъ и голодъ повторялись черезъ десять или даже черезъ десятки лѣтъ, то теперь они повторяются черезъ три года, а то и прямо слѣдуютъ безпрерывно изъ года въ годъ. За 1891 г. послѣдовалъ 1892 годъ, безъ

перерыва. Потомъ послѣдовалъ перерывъ въ 4 года и за нимъ наступилъ настоящій 1897 г., о жатвѣ котораго наши читатели имѣютъ ясное представленіе.

На земскихъ собраніяхъ положеніе населенія рисуется въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, но краски эти кажутся слишкомъ мрачными только для тѣхъ, кто вовсе не знакомъ съ «благосостояніемъ» нашего населенія, или кто прямо заинтересованъ все видѣть въ розовомъ цвѣтѣ. Никакими красками нельзя какъ слѣдуетъ обрисовать дѣйствительное положеніе дѣла. Уразумѣть его и распутать—это задача поистинѣ достойная вниманія, но едва-ли поддающаяся разъясненію въ нѣсколькихъ словахъ. Тутъ все перепуталось... Было время, когда мы съ гордостью указывали на то, что мы кормимъ всю Европу и что если мы захотимъ, то нѣмцы и прочіе народы Европы посидятъ безъ хлѣба. Теперь-же намъ приходится чуть не просить, чтобы иностранцы ѣли нашъ хлѣбъ и не тѣснили насъ.

Г. Гурьевъ, оффиціальный ученый финансистъ, непреднамѣренно, но точно выясняетъ всю суть нашего хлѣбнаго порабощенія иностранцамъ. Онъ поставилъ себѣ задачей доказать, что предполагаемая въ Россіи денежная реформа имѣетъ свою будущность и будущность вполнѣ гарантированную отъ разныхъ случайностей. Тезисъ весьма смѣлый, но для его отстаиванія пришлось взяться еще за болѣе смѣлое дѣло, а именно за отстаиваніе нашего торговаго баланса отъ всякихъ указаній на его слабыя стороны.

Защищая нашъ торговый балансъ отъ разныхъ «опороченій», г. Гурьевъ говоритъ: «Наконецъ, намъ остается коснуться еще одного довольно распространеннаго мотива опороченія нашего торговаго баланса. Говорятъ, что нашъ торговый балансъ покоится на вывозѣ предметовъ потребленія, необходимыхъ для самой страны. Говорятъ, что мы вывозимъ не избытки производства, но *просто-таки сами недоѣдаемъ*, а отдаемъ иностранцамъ. Охотно соглашаемся, что это дѣйствительно такъ; охотно соглашаемся, что это весьма серьезная тема для размышленія; но что же изъ этого слѣдуетъ для будущности нашего торговаго баланса? Поврежденіе торговаго баланса могло бы явиться слѣдствіемъ такого факта только въ томъ случаѣ, еслибы это «*недоѣданіе*» угрожало дальнѣйшему производству нашего отпускного товара. Однако, всѣмъ извѣстно, что мы, «недоѣдая», плодимся гораздо быстрѣе націй, наѣдающихся досыта. Очевидно, что мы приспособились къ недоѣданію въ такой степени, что о вымираніи населенія и сокращеніи, вслѣдствіе этого, производства, не можетъ быть и рѣчи. «*Недоѣданіе*» можетъ быть вреднымъ для многихъ сторонъ нашего быта, но для торговаго баланса отсюда никагого ущерба быть не можетъ».

Итакъ по свидѣтельству г. Гурьева, мы дожили до приспособленія къ недоѣданію ради кормленія иностранцевъ и тѣмъ поддерживаемъ достоинство нашего торговаго баланса. Намъ остается теперь приспособиться только къ тому вымиранію, которое является естественнымъ и неизбѣжнымъ спут-

никомъ продолжительнаго «недоѣданія». Вѣдь нужно же проявлять дальнѣйшее упорство въ «недоѣданіи», разъ большая половина (отъ 55 до 60 проц.) всего нашего вывоза поддерживается хлѣбнымъ экспортомъ. Вотъ какую роль играетъ наше «недоѣданіе» въ поддержаніи того активнаго баланса, который считается явнымъ доказательствомъ нашей свободы и независимости отъ иностранцевъ.

Улучшить положеніе дѣла запрещеніемъ хлѣбнаго экспорта, конечно, невозможно. Во-первыхъ, мы этого запрещенія не выдержимъ въ теченіе значительнаго промежутка времени. Во-вторыхъ, оно не принесетъ никакой пользы населенію: отъ одного запрещенія хлѣбнаго экспорта оно не разбогатѣетъ настолько,, чтобы ему открылась возможность улучшить свое продовольствіе. Ему всетаки пришлось-бы нести на продажу продукты, необходимые ему для своего собственнаго пропитанія. Какія же причины вызываютъ продажу продуктовъ, необходимыхъ для поддержанія своей собственной жизни? На этотъ вопросъ имѣется готовый отвѣтъ, по шаблону, повторяемый всякую осень. Говорятъ, что при дѣйствующей системѣ взысканія податей и сборовъ, средства, необходимыя для продовольствія, принудительно доставляются населеніемъ на рынокъ. Въ предупрежденіе этого грустнаго стеченія обстоятельствъ предлагаются разныя мѣры и сочиняются цѣлые проекты необременительнаго и неразорительнаго взысканія податей и сборовъ. Объ этихъ благихъ проектахъ теперь необходимо вспомнить, такъ какъ всѣ газеты единогласно сообщаютъ, что въ настоящее время разработанъ новый проектъ правилъ о взысканіи податей и сборовъ, и что онъ будетъ внесенъ въ государственный совѣтъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Прежде всего необходимо помнить, что въ нашемъ бюджетѣ теперь прямые сборы, относительно которыхъ только и можетъ идти рѣчь въ данномъ случаѣ, сведены къ послѣднему минимуму и замѣнены косвенными налогами по разнымъ соображеніямъ, а въ томъ числѣ—и ради предупрежденія недоимокъ. Недоимки по косвеннымъ налогамъ немыслимы. Они уплачиваются самимъ обывателемъ повидимому добровольно, а на самомъ дѣлѣ подъ давленіемъ такихъ мотивовъ, сила которыхъ превышаетъ всякіе аукціоны крестьянской рухляди, сажаніе въ кутузки и т. п. вплоть до сѣченія. Не доѣдая, можно кое-какъ существовать, а безъ тѣхъ предметовъ, которые обложены косвенными сборами, обойтись невозможно. Что-же касается оставшихся прямыхъ сборовъ, то они въ послѣднее время взыскиваются на такихъ льготныхъ условіяхъ, о которыхъ раньше и мечтать было трудно. Конечно, случаи усердія полиціи и теперь встрѣчаются массами, но вѣдь они не могутъ пересилить всѣхъ разсрочекъ, переразсрочекъ, сложеній и уменьшеній, которые въ послѣднее время примѣняются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Однако, не смотря на всѣ эти облегченія, дѣла не поправляются. Населеніе тащитъ на рынокъ все большую и большую массу необходимыхъ ему средствъ продовольствія, а недоимки по прямымъ сборамъ все-таки

не уменьшаются. Очевидно, какимъ-либо облегченіемъ мѣръ взысканія податей и сборовъ дѣлу помочь трудно, даже едва-ли возможно. Если наше населеніе оказывается неспособнымъ уплачивать безъ крупныхъ недоимокъ современную весьма скромную сумму прямыхъ сборовъ, то никакими легкими мѣрами взысканія нельзя увеличить его ослабѣвшую податную способность. Теперь населеніе давятъ не прямые сборы, а весь колоссальный ростъ нашего государственнаго бюджета, изъ котораго на пользу главныхъ плательщиковъ едвали выдѣляются даже самыя скромныя дозы.

Въ болѣе подробное выясненіе свойствъ нашего бюджета мы на этотъ разъ входить не будемъ. Считаемъ нужнымъ однако отмѣтить одно счастливое обстоятельство: въ нашемъ бюджетѣ нашлись средства для техническаго образованія. Правда, средства эти отпускаются съ разсчетомъ, чтобы во всякомъ случаѣ тутъ не проявлялась особая расточительность... Мало того, повидимому, всѣ надежды возлагаются на благотворительность частныхъ лицъ. «Новое Время» призываетъ къ этой благотворительности съ угрозой объявить русское общество недоросшимъ до пониманія нашихъ культурныхъ нуждъ. Мы конечно, не станемъ отклонять русское общество отъ пожертвованій для поддержанія казны, нежелающей расточать свои средства на развитіе техническаго образованія. Но было-бы интересно знать, куда-же казна должна помѣщать свои средства, если и высшія техническія училища у насъ должны строиться за счетъ благотворительности? Развитіе техническаго образованія можно было-бы ставить въ зависимость отъ частной благотворительности въ томъ случаѣ, если-бы казна ссылалась на то, что она съ своими средствами должна идти, прежде всего, на встрѣчу нуждамъ просвѣщенія стомилліонныхъ массъ нашего деревенскаго населенія. Но вѣдь казна до сихъ поръ эти нужды русскаго народа не считаетъ для себя дѣломъ первостепенной важности. Въ виду этого, русское общество, скорѣе всего, докажетъ свою культурность, если будетъ жертвовать милліоны на просвѣщеніе массъ народа, а не поощрять казну своими милліонными пожертвованіями къ устройству высшихъ техническихъ школъ за счетъ русской благотворительности. Нужно-же помнить о томъ, что казнѣ для чего-нибудь вносятся разные налоги и сборы на цѣлый милліардъ рублей. Если казна не поступается на народное образованіе тѣми средствами общества, которыя собираются въ ея пользу принудительнымъ порядкомъ, то пусть-же она ихъ тратитъ хотя-бы на техническое образованіе, разъ это образованіе она ставитъ впереди просвѣтительныхъ нуждъ массъ населенія и ея главныхъ плательщиковъ.

Мы, конечно, не думаемъ отрицать пользу и необходимость техническаго образованія. Намъ всякое образованіе необходимо, но разъ вообще въ расходахъ на образованіе проявляется крайняя скупость, то позволительно сначала обсудить вопросъ о томъ, въ какомъ образованіи мы нуждаемся больше: въ общемъ образованіи или въ выс-

шемъ техническомъ образованіи? На особое обиліе у насъ разсадниковъ высшаго общаго образованія мы пожаловаться не можемъ. Университетовъ у насъ мало, и постановка университетскаго образованія оставляетъ желать многаго. Въ предупрежденіе излишней расточительности, нашимъ университетамъ отпускаются нищенскія суммы. На-дняхъ одинъ изъ доцентовъ военно-медицинской академіи, назначенный профессоромъ въ одинъ изъ нашихъ южныхъ университетовъ, описывалъ положеніе клиникъ и институтовъ мѣстнаго медицинскаго факультета. Онъ горько сѣтуетъ на то, что всѣ эти учрежденія не только не стоятъ на высотѣ требованій науки, но прямо находятся въ самомъ жалкомъ положеніи. На какія-либо улучшенія разсчитывать невозможно потому, что для этого потребовались бы крупныя затраты, на которыя у нашихъ университетовъ средствъ не имѣется; министерство финансовъ, съ своей стороны, почему-то находитъ безусловно необходимымъ отклонять всѣ представленія объ ассигнованіи кредитовъ на расширеніе университетскихъ зданій, на улучшеніе библіотекъ, клиникъ, кабинетовъ, лабораторій и т. п. Зданіе библіотеки московскаго университета грозило окончательнымъ разрушеніемъ и поддержать его помогъ только случай. Министръ финансовъ, проѣздомъ чрезъ Москву въ Нижній, заглянулъ въ эту библіотеку, о которой скопилась тьма бумагъ въ финансовомъ вѣдомствѣ, и призналъ безусловно необходимымъ немедленно же отпустить крупную сумму на постройку новаго зданія. Остается пожелать, чтобы министръ финансовъ проѣздомъ чрезъ университетскіе города лично убѣдился въ незавидномъ положеніи нашихъ университетовъ, до крайности стѣсненныхъ вѣчными отказами въ ассигнованіи имъ добавочныхъ средствъ.

Мы уже не разъ высказывались противъ излишняго увлеченія прикладнымъ образованіемъ и теперь снова должны напомнить роль и значеніе этого образованія. Разные виды прикладнаго образованія никогда и нигдѣ не подымали мощь духа и не создавали культуру страны. Страна же малокультурная и увлекающаяся прикладнымъ образованіемъ мало заботится о своемъ будущемъ. Наша печать особенно увлекается высшимъ прикладнымъ образованіемъ, подчасъ даже забывая объ общемъ идейномъ образованіи и его первенствующемъ значеніи для роста культуры въ странѣ. «Промышленное» образованіе играетъ чисто служебную роль, да и то не всегда, а только при широкомъ распространеніи общаго образованія (низшаго, средняго и высшаго). При крайне слабомъ распространеніи общаго образованія (низшаго, средняго и высшаго) заботы объ усиленномъ промышленномъ образованіи будутъ раздѣлять судьбу зданія, возведеннаго на пескѣ. Промышленныя знанія всякаго рода и вида доступны только грамотному и образованному населенію и только въ рукахъ народа сильнаго общимъ образованіемъ они могутъ превратиться въ орудіе для промышленнаго прогресса.

Правда, у насъ часто указываютъ на «прикладную» американскую культуру, но эта ссылка не выдерживаетъ критики. Все сказанное о

роли прикладнаго образованія можно провѣрить на вѣчно стоящемъ на очереди вопросѣ о сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Какъ извѣстно, въ данное время работаетъ особая коммисія надъ пересмотромъ положенія о наймѣ на сельскохозяйственныя работы. Матеріаловъ для этого пересмотра накоплено не мало и въ ближайшемъ будущемъ слѣдуетъ ожидать опубликованія новыхъ и весьма интересныхъ матеріаловъ. Дѣло въ томъ, что всѣмъ земствамъ предложено высказать свои соображенія о томъ, какими способами можно было бы упорядочить отношенія между сельскохозяйственными рабочими и нанимателями. До сихъ поръ эти отношенія не поддавались никакому упорядоченію, и всѣ попытки, къ этому направленныя, вызывали тьму новыхъ жалобъ какъ со стороны рабочихъ, такъ и со стороны нанимателей. Дѣйствующее Положеніе о наймѣ на сельскохозяйственныя работы «устарѣло» можно сказать съ момента своего появленія на свѣтъ. Оно было обречено на преждевременную смерть уже потому, что однимъ положеніемъ нельзя упорядочить отношенія между рабочими и нанимателями, разъ эти отношенія обострились до такой степени, что кромѣ жалобъ той и другой стороны ничего не слышно. Тутъ пунктами и параграфами ничего не подѣлаешь и всякая попытка разрѣшить вопросъ на чисто юридической почвѣ напередъ можетъ быть признана не обѣщающей никакихъ благихъ результатовъ. Въ этомъ отношеніи представляются весьма интересными взгляды изюмской уѣздной земской управы. Управа полагаетъ, что «врядъ ли мѣры упорядоченія отношеній между рабочими и нанимателями можно облечь въ форму извѣстныхъ законоположеній». Управа признаетъ, что «доброе соглашеніе лучше всѣхъ договоровъ и жалобъ», и къ достиженію такихъ отношеній между нанимателями и рабочими на первомъ планѣ ставитъ «поднятіе нравственнаго воспитанія рабочаго и укрѣпленіе въ немъ сознанія своихъ обязанностей по отношенію къ нанимателю, чего можно достигнуть постепенно *путемъ поднятія въ народѣ образованія и грамотности*». Вотъ въ этихъ послѣднихъ словахъ дѣйствительно заключается суть дѣла. Мы, конечно, образованіе и грамотность понимаемъ нѣсколько иначе и не думаемъ, что они предназначены лишь для того, для чего ихъ предназначаетъ изюмская управа, но безспорно, безграмотность населенія служитъ непреодолимымъ препятствіемъ и для упорядоченія отношеній между нанимателями и сельскохозяйственными рабочими. Въ силу какихъ соображеній и съ этой стороны будетъ оказана поддержка вопросу о всеобщемъ образованіи—не важно, но важно, чтобы она была оказана

Землевладѣльцы во имя своихъ собственныхъ интересовъ доказываютъ, что имъ нужны грамотные рабочіе, и пусть бы они эту мысль не только доказывали, но и энергично проводили въ инстанціонномъ порядкѣ. Мы не знаемъ, какое мѣсто въ архивахъ отведено сужденіямъ перваго областного съѣзда сельскихъ хозяевъ юговосточной Россіи, но о нихъ теперь не мѣшало-бы вспомнить. Предъ нами лежатъ «Труды» этого съѣзда, въ которыхъ мы находимъ слѣдующія разсужденія по инте-

ресующему насъ вопросу. «Умѣнье и производительность труда крестьянина прямо отражается на урожаяхъ и доходахъ владѣльцевъ. Можно-ли ожидать высокой предпринимательской прибыли въ сельскомъ хозяйствѣ, можно-ли разсчитывать на ростъ поземельной ренты, когда производительность шестнадцати-часового дня нашего крестьянина, благодаря косности и поголовному невѣжеству малокультурнаго населенія, въ два-три раза ниже производительности десяти-часового дня американскаго рабочаго, съ продуктами труда котораго нашему хлѣбу приходится конкурировать на мировомъ рынкѣ? Очевидно, знаніе и практическая подготовка являются необходимыми условіями производительности труда. Между тѣмъ земледѣльческое населеніе юго-восточнаго края *не имѣетъ даже возможности пріобрѣтать самыя элементарныя сельскохозяйственныя свѣдѣнія, вслѣдствіе поголовной безграмотности.* Среди многочисленнаго штата рабочихъ, землевладѣльцу трудно отыскать лицъ, которыя могли-бы вести счетъ и запись копенъ въ полѣ, хлѣба, ссыпаннаго въ амбаръ, могли бы отыскать десятину земли по плану, разобрать марку на плугѣ, принять и отпустить товаръ по накладной желѣзной дороги, росписаться на почтѣ въ полученіи денежнаго или заказного письма и проч. и проч.; за всѣмъ этимъ нужно посылать не рабочаго, а приказчика, единственнаго нерѣдко грамотнаго человѣка въ имѣніи. Нашъ средній сельскій работникъ даже самаго несложнаго дѣла не въ состояніи сдѣлать аккуратно безъ постоянныхъ указаній и неусыпнаго за нимъ надзора, стоимость котораго ложится тяжелымъ бременемъ на бюджетъ имѣнія, въ ущербъ, конечно, и заработной платѣ самого работника».

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, областной съѣздъ сельскихъ хозяевъ юго-восточной Россіи призналъ, что введеніе всеобщаго обязательнаго образованія является безусловно необходимымъ для интересовъ сельскаго хозяйства вообще и въ частности для упорядоченія взаимныхъ отношеній между сельско-хозяйственными рабочими и нанимателями.

Вотъ это совершенно правильное заключеніе съѣзда и теперь остается единственно правильнымъ. Оно мотивировано чисто землевладѣльческими соображеніями, но суть дѣла заключается не въ мотивахъ, а въ самомъ заключеніи. Въ мотивахъ уже подтверждается наша мысль о томъ, что думать о распространеніи прикладного образованія преимущественно передъ общимъ образованіемъ—значитъ строить зданіе на пескѣ. Члены перваго областного съѣзда сельскихъ хозяевъ юго-восточной Россіи прямо указываютъ на то, что только широкое распространеніе грамотности и первоначальнаго образованія откроетъ дорогу населенію къ пріобрѣтенію нужныхъ ему сельскохозяйственныхъ знаній. Ссылка на американскаго рабочаго какъ нельзя лучше подтверждаетъ тотъ фактъ, что американцы сначала сильны общей культурой, а потомъ уже и широкимъ распространеніемъ прикладного образованія. Трудъ американскаго рабочаго является

весьма производительнымъ, какъ трудъ человѣка сильнаго, прежде всего, хотя-бы элементарной культурностью, а потомъ уже и какъ трудъ человѣка, имѣющаго возможность усваивать прикладныя знанія въ области сельскаго хозяйства.

Такой рабочій можетъ работать успѣшнѣе русскаго крестьянина. Правда, онъ и поставленъ въ такія условія, чтобы его трудъ являлся дѣйствительно наиболѣе производительнымъ. Прежде всего, рабочій день американскихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ не измѣряется по дѣйствующей у насъ патріархальной мѣркѣ отъ зори до зори. У насъ-же до сихъ поръ сельско-хозяйственные рабочіе знаютъ только этотъ патріархальный рабочій день отъ зори до зори. Кромѣ того, наши сельскохозяйственные рабочіе до сихъ поръ не получили правительственной инспекціи на подобіе фабричныхъ инспекторовъ, введенныхъ для фабрично-заводской промышленности. Для такой инспекціи нашлось-бы не мало работы. Прежде всего, у насъ многіе хозяева считаютъ весьма прибыльной экономіей кормить рабочихъ, занятыхъ тяжелыми полевыми работами, такъ плохо, что они отъ нихъ массами убѣгаютъ. До судебнаго разбирательства доходитъ не мало случаевъ побѣга рабочихъ вслѣдствіе нетолько плохого, но прямо отвратительнаго кормленія. Во время судебнаго разбирательства не рѣдко раскрывались такія подробности, которыя могли представляться просто мало вѣроятными. Эти процессы могутъ служить оффиціальнымъ матеріаломъ, говорящимъ въ пользу безотлагательнаго введенія сельскохозяйственной инспекціи съ правами и обязанностями фабричныхъ инспекторовъ.

Пока эта инспекція не будетъ введена, любое Положеніе о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы будетъ оставаться сборникомъ мертвыхъ статей. Кто будетъ слѣдить за ихъ примѣненіемъ? Конечно, землевладѣльцы будутъ неукоснительно слѣдить за тѣми статьями Положенія, которыя охраняютъ ихъ интересы; слѣдить-же за тѣми статьями, въ которыхъ охраняются права рабочихъ, они не будутъ и не станутъ, пока не увидятъ, что это безусловно необходимо. Къ внимательному прочитыванію статей, говорящихъ объ обязанностяхъ нанимателей по отношенію къ рабочимъ, могутъ побудить только члены правительственной инспекціи. Вѣдь наши фабриканты и заводчики до введенія фабричной инспекціи проявляли крайне одностороннюю грамотность. Они прекрасно разбирали всѣ статьи устава, дающія имъ неподходящія права, и отказывались хотя-бы по складамъ разобрать тѣ статьи того-же устава, въ которыхъ говорилось, что и у рабочихъ имѣются свои права, а не только однѣ обязанности предъ своимъ хозяиномъ. Фабричная инспекція помогла фабрикантамъ и заводчикамъ исправить свою грамотность и теперь они уже все прочитываютъ внимательно.

Навѣрно, всѣ хозяева фабрикъ и заводовъ съ удовольствіемъ прочитаютъ изданныя на дняхъ «правила о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени». Эти «правила» дополняютъ законъ 2-го іюня 1897 г.

о продолжительности рабочаго дня. «Правила», конечно, не могутъ измѣнять самый законъ. Въ виду этого, всѣ слабыя стороны закона 2 іюня полностью воспроизведены и въ «правилахъ» 20-го сентября. Въ инструкціи членамъ фабричной инспекціи отъ того-же 20-го сентября весьма часто дѣлаются указанія на то, что законъ 2-го іюня и изданныя въ дополненіе къ этому закону правила 30-го сентября не представляютъ собою никакой радикальной ломки существующихъ порядковъ. Противъ этого спорить трудно. Дѣйствительно, и законъ 2 іюня и правила 30 сентября въ сущности не запрещаютъ хозяевамъ фабрикъ и заводовъ устанавливать рабочій день любой продолжительности. Нормальный день въ $11^1/_2$ часовъ, установленный въ законѣ 2 іюня, уже вездѣ вышелъ изъ нормы и отмѣненъ. Однако, и въ законѣ и въ правилахъ добавлено не мало статей, разрѣшающихъ по массѣ поводовъ увеличивать $11^1/_2$ часовой день. Такой рѣшительный отказъ отъ нормировки рабочаго времени не удовлетворяетъ ни требованіямъ справедливости, ни заботамъ о повышеніи производительности труда русскаго рабочаго. Но когда-нибудь, быть можетъ, и у насъ будетъ усвоена та истина, что продолжительность труда находится въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ продолжительности рабочаго дня.

Исторія терновскихъ сектантовъ, раскрывшаяся весною этого года, въ значительной степени содѣйствовала оживленію въобществѣ и печати интереса къ сектантству. Сектантство—одно изъ глубочайшихъ и характерныхъ явленій русской народной жизни. Въ свое время имъ много занимались въ русской литературѣ, не только въ публицистической, но и въ художественной. Затѣмъ интересъ къ нему какъ-то стушевался, и только за послѣдніе годы серьезныя и трагическія явленія въ жизни нѣкоторыхъ сектъ стали опять предметомъ общественныхъ толковъ, хотя и глухихъ, почти не проникавшихъ на страницы газетъ и журналовъ. Раскрытіе терновской драмы происходило, можно сказать, у всѣхъ на глазахъ, при свѣтѣ возможной у насъ гласности. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ стали съ бо́льшимъ вниманіемъ относиться къ разрозненнымъ, блѣднымъ газетнымъ сообщеніямъ о проявленіяхъ раскола—то въ формѣ оффиціальнаго сообщенія, то въ отчетахъ о судебномъ разбирательствѣ. Въ одномъ окружномъ судѣ разсматривается дѣло о штундистахъ, застигнутыхъ полиціей во время моленія, въ другомъ—о хлыстахъ, обвиняемыхъ въ распространеніи своего ученія и т. п. Въ газетахъ и журналахъ стали появляться цѣлые очерки, посвященные жизни и ученіямъ сектантовъ, корреспонденціи, рисующія положеніе нѣкоторыхъ сектъ, пострадавшихъ въ борьбѣ за свои вѣрованія.

Нѣсколько времени тому назадъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» была напечатана корреспонденція, рисующая положеніе духоборовъ, выселенныхъ изъ своихъ родныхъ мѣстъ. Такая же корреспонденція была

напечатана въ «Недѣлѣ». Она была перепечатана потомъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и другихъ газетахъ. Вотъ что говоритъ въ ней одинъ изъ тифлисскихъ врачей, разсматривающій положеніе духоборовъ почти исключительно съ медицинской точки зрѣнія:

«Мнѣ пришлось объѣзжать въ разное время нѣкоторыя мѣста поселенія духоборовъ, и я до сихъ поръ не могу отдѣлаться отъ вынесенныхъ впечатлѣній, хотя за двадцать лѣтъ своей практики видѣлъ немало горя и несчастія. Кровавый поносъ, воспаленія легкихъ и плевры, суставный ревматизмъ, малярійное худосочіе съ отеками конечностей и водянкой живота, наконецъ—трахома, крайне прилипчивая и не поддающаяся лѣченію. Просто руки опускаются, зная, что при теперешнихъ условіяхъ жизни и обстановки духоборовъ имъ не поможешь никакими аптечными снадобьями. Обстоятельства не ждутъ: если оставить духоборовъ въ настоящемъ ихъ положеніи, то не пройдетъ 3—4 лѣтъ, какъ отъ этихъ здоровыхъ и сильныхъ людей останется одно воспоминаніе. Есть еще одна сторона вопроса, игнорировать которую никакъ не приходится: въ случаѣ появленія какихъ-нибудь эпидемическихъ болѣзней, напримѣръ, чумы, духоборческія поселенія послужатъ лучшимъ очагомъ развитія и распространенія этихъ повальныхъ заболѣваній. Въ то время, какъ принимаются энергическія мѣры къ оздоровленію населенныхъ мѣстъ, тратятся сотни тысячъ на ассенизацію городовъ, въ то же время въ Тифлисской губерніи ничего не дѣлается, чтобы предотвратить опасность, представляемую скопленіемъ такой массы (около 4,000 чел.) больныхъ людей въ тѣсныхъ и сырыхъ помѣщеніяхъ».

Это извѣстіе,—замѣчаютъ отъ себя «Русскія Вѣдомости» — какъ и многія другія, говоритъ о необходимости помощи духоборамъ.

Собравшійся въ концѣ іюля (22-го іюля по 6-го августа) *Третій Всероссійскій Миссіонерскій Съѣздъ* послужилъ новымъ поводомъ для единодушнаго интереса общества и печати къ вопросамъ о расколѣ. Легко догадаться, что подобные «миссіонерскіе» съѣзды носятъ характеръ «противораскольническій и противосектантскій». Не вдаваясь въ трудные догматико-теоретическіе вѣроисповѣдные вопросы, миссіонерскіе съѣзды съ тѣмъ большею энергіею разработываютъ вопросы о «внѣшнихъ мѣропріятіяхъ» противъ представителей раскола. Намъ не приходится удивляться этому. Русское уголовное и полицейское законодательство, не допускающее образованія новыхъ религіозныхъ сектъ, тѣмъ самымъ въ принципѣ отрицаетъ свободу личнаго религіознаго убѣжденія. И нужно съ прискорбіемъ признать, что въ этомъ отношеніи законодательство далеко не является еще полнымъ анахронизмомъ въ русскомъ обществѣ. Идея свободы совѣсти недоступна даже многимъ изъ такъ называемыхъ интеллигентныхъ людей и просвѣщенныхъ дѣятелей печати. Цѣлая группа публицистовъ съ неослабѣвающей яростью борется съ ненавистною имъ идеею свободы совѣсти. Бдительно озираясь по сторонамъ съ высоты своихъ сторожевыхъ башенъ, они тревожно бьютъ въ набатъ

при видѣ всякаго огня, принимая иногда за страшные и опасные пожары полевые костры мирныхъ работниковъ.

Къ такимъ «противопожарнымъ» дѣятелямъ принадлежитъ, между прочимъ, г. Волынецъ. Это, какъ извѣстно, очень дѣятельный сотрудникъ многихъ газетъ и журналовъ, подвизающійся и въ «Русскомъ Обозрѣніи», и въ «Варшавскомъ Дневникѣ», и въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ», иногда съ одинаковыми замѣтками въ нѣсколькихъ органахъ сразу, какъ это было раскрыто въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» года два тому назадъ. Г. Волынецъ неустанно обсуждаетъ національные и вѣроисповѣдные вопросы, проповѣдуетъ православіе, оберегаетъ общественную безопасность, хотя въ этой ревностной дѣятельности, въ пылу и чаду увлеченія, онъ вдается иногда въ замѣтное легкомысліе. Своевременно узнавъ объ открытіи казанскаго противосектантскаго съѣзда, г. Волынецъ поспѣшилъ ему на помощь со своими публицистическими указаніями и внушеніями. Большая передовая статья его по этому поводу, напечатанная въ газеткѣ «Русское Слово», носитъ именно такой характеръ—торопливыхъ и тревожныхъ сообщеній бдительнаго ночного стражника. Полагая, что сущность сектантства «ускользаетъ почему-то отъ вниманія даже интересующихся сектантствомъ лицъ», г. Волынецъ старается подчеркнуть на этотъ разъ участіе въ сектантствѣ интеллигентныхъ силъ. «Извѣстно то особенное благорасположеніе и тѣ симпатіи, какими пользуется раціоналистическое сектантство въ средѣ нашей либеральной и радикальной интеллигенціи»,—говоритъ онъ.—«Сектантство сѣетъ смуту среди темныхъ народныхъ массъ, сбиваетъ ихъ съ историческихъ устоевъ и, имѣя несомнѣнную соціалистическую подкладку, ведетъ къ разрушенію, какъ общественнаго, такъ и государственнаго порядка нашего». Защита его оказывается на страницахъ органовъ печати, всегда заступающихся за сектантовъ и доказывающихъ, «вопреки очевидности», что «новѣйшее раціоналистическое сектантство имѣетъ-де исключительно религіозный характеръ и никакихъ слѣдовъ соціально-политическихъ не носитъ». Далѣе г. Волынецъ указываетъ на то, что либеральная интеллигенція не только оказываетъ «покровительство» сектантству, но и принимаетъ дѣятельное участіе въ пропагандѣ, соблазняя темный народъ ложными внушеніями и даже подарками (?). «Въ настоящее время пашковщина и толстовщина, баптизмъ и штунда—словомъ, всѣ главныя раціоналистическія секты почти уже объединились въ одно по существу своему соціальное ученіе и при содѣйствіи интеллигентной пропаганды распространяются по всему лицу земли русской». Ученіе штунды, баптистовъ и пашковцевъ «мало уже чѣмъ отличается отъ того ученія, которое исповѣдуется нашими интеллигентными либералами и конституціоналистами». Путемъ самомнѣнія и автономіи (?) договорились уже до признанія равенства гражданскаго и соціальнаго, до толковъ о свободѣ и братствѣ... Вообще, отрицательно относясь къ современному нашему политическому строю, сектанты мечтаютъ уже о наступленіи новыхъ формъ жизни, среди нихъ начинаютъ

бродить мысли о раздѣлѣ имущества, проявляется тревожное ожиданіе какого-то новаго государственнаго строя». Въ итогѣ, г. Волынецъ совѣтуетъ обществу и государству дружно бороться противъ сектантства. Только при такомъ условіи можетъ быть устранена та «грозная опасность», которую представляетъ для церкви, общества и государства новѣйшее раціоналистическое сектантство.

Мы вовсе не намѣрены полемизировать съ г. Волынцемъ и «доказывать, вопреки очевидности», что новѣйшее раціоналистическое сектантство наше не носитъ никакихъ соціально-политическихъ слѣдовъ. Не будемъ оспаривать и того, что сектантство это представляетъ «грозную опасность» для нашего современнаго строя (хотя, быть можетъ, опасность эта еще и не такъ близка, какъ кажется г. Волынцу). Г. Волынецъ долженъ имѣть за собой какую-нибудь правоту въ такомъ отвѣтственномъ вопросѣ. У него можетъ быть есть какое-нибудь чутье на этотъ счетъ... Но отмѣчая эту любопытную статью, мы должны сдѣлать г. Волынцу нѣкоторыя придирки: Во-первыхъ, онъ совершенно напрасно сваливаетъ въ одну кучу всѣхъ своихъ противниковъ: либераловъ, радикаловъ, толстовцевъ и пашковцевъ. Это очень дурной и безсильный пріемъ борьбы. Хорошій военный начальникъ, какимъ несомнѣнно считаетъ себя въ своемъ дѣлѣ г. Волынецъ, долженъ точно знать отличительныя свойства своихъ противниковъ и, если онъ имѣетъ дѣло съ противниками, не вполнѣ солидарными, нужно въ интересахъ дѣла подчеркивать именно то, что разобщаетъ ихъ и тѣмъ ослабляетъ въ борьбѣ. Либералы, радикалы и толстовцы имѣютъ пункты такого существеннаго разногласія и такъ явно обнаруживаютъ это разногласіе, что г. Волынцу остается только подчеркнуть его для публики, которая, быть можетъ, проглядѣла его. Наши либеральные журналы, какъ извѣстно, всячески старались подорвать ученіе толстовцевъ. Въ этомъ отношеніи они до нѣкоторой степени союзники г. Волынца. Почему же онъ не видитъ этого?

Другой пунктъ, на который мы имѣемъ сдѣлать маленькое замѣчаніе г. Волынцу, слѣдующій. Полагая, что однимъ изъ источниковъ интеллигентной пропаганды является фирма «Посредникъ», онъ говоритъ: «Упорядочить его дѣятельность, подобно тому, какъ это было сдѣлано два года тому назадъ съ комитетомъ грамотности, представляется поэтому болѣе чѣмъ необходимымъ». Здѣсь г. Волынецъ допустилъ явную оплошность: сравнивать фирму «Посредникъ» съ комитетомъ грамотности не имѣетъ рѣшительно никакого смысла. Вся дѣятельность «Посредника», какъ книгоиздательской фирмы, имѣющей немногочисленную редакцію и издателя въ лицѣ извѣстнаго типографа г. Сытина, подлежитъ цензурѣ и несомнѣнно въ достаточной степени «упорядочивается» ею. «Упорядоченіе» комитета грамотности могло имѣть мѣсто только потому, что это было многолюдное общество, съ разнообразной дѣятельностью по опредѣленному уставу. Уставъ этотъ можно было измѣнить или сократить.

Но фирма «Посредникъ» вовсе не является обществомъ, не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого устава. О какомъ же упорядоченіи его дѣятельности идетъ рѣчь? Неужели г. Волынецъ дѣлаетъ намеки на нерадивость московской или петербургской цензуры? Намъ кажется, что этотъ упрекъ цензурѣ излишне смѣлъ и даже не добросовѣстенъ.

Имѣя въ виду, что лица «свѣтскія», литераторы и публицисты, оказываются такими усердными противниками сектантовъ и позволяютъ себѣ предостерегать правительство и взывать къ его бдительности, мы не должны удивляться тому, что происходило на казанскомъ миссіонерскомъ или «противусектантскомъ» съѣздѣ. То, что говорилъ секретарь съѣзда, г. Скворцовъ, очень близко по содержанію къ статьѣ г. Волынца. Тотъ же призывъ къ «мѣрамъ пресѣченія», тѣ же угрозы либераламъ. Г. Скворцовъ говоритъ о нихъ, какъ о «кликѣ, которая громъ и молніи вержетъ на коренныя начала государственной жизни Россіи», именуетъ ихъ «тонкими духами злобы просвѣщеннаго міра», которые занимаются «вредными кривотолками и преступными мечтаніями». Очевидно, что г. Скворцовъ понялъ задачи съѣзда очень широко: ему казалось, вѣроятно, что конгрессъ почтенныхъ пастырей-миссіонеровъ можетъ сослужить пользу государству въ качествѣ комиссіи, подготавливающей въ извѣстномъ направленіи матеріалъ для пересмотра Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. Такое распространительное толкованіе функцій съѣзда поражаетъ и въ рѣчахъ другихъ его членовъ, хотя нужно сознаться, что русская дѣйствительность даетъ не мало поводовъ почтеннымъ пастырямъ и миссіонерамъ къ смѣшенію понятій о священнослужительствѣ и о полицейской службѣ. Собравшіеся на конгрессъ лица открыто выдвигали такіе вопросы, которые, казалось-бы, не должны были волновать ихъ, въ качествѣ религіозныхъ миссіонеровъ и служителей алтаря. Такъ епископъ Мелетій, говоря объ инородцахъ и трактуя ихъ наравнѣ съ раскольниками и сектантами, какъ нежелательный элементъ въ русскомъ обществѣ, указывалъ на то, что совращенные въ буддизмъ бурята тратятъ свои средства на возведеніе языческихъ капищъ въ Тибетѣ, Китаѣ и Монголіи, истощая этимъ нашу страну. «Развѣ не лучше-бы,—говорилъ епископъ Мелетій,—направить этотъ потокъ народнаго богатства въ общее русло внутренняго благоустройства въ нашемъ отечествѣ?..» Называя въ числѣ зловредныхъ для государства инородцевъ евреевъ, епископъ Мелетій говоритъ о «ихъ страсти къ стяжаніямъ, извѣстной всему свѣту». «*То-же* должно сказать и о вредѣ отъ раскола и сектъ,—продолжаетъ авторъ. Тутъ таже система эксплоатаціи для поддержанія того строя жизни, какой избираютъ себѣ раскольники и сектанты». Такая, чисто финансовая, точка зрѣнія на иновѣрцевъ, съ полнымъ смѣшеніемъ понятій объ иновѣрцахъ, инородцахъ и сектантахъ, кажется во всякомъ случаѣ странной даже на «противосектантскомъ и противораскольническомъ» съѣздѣ. Но епископъ Мелетій не останавливается на сожалѣніяхъ объ ущербѣ, претерпѣваемомъ казною, а изы-

скиваетъ мѣры къ исправленію финансоваго бѣдствія. Онъ предлагаетъ конфисковать имущество сектантовъ и ограничить ихъ права наслѣдованія. «Тогда нажитое всѣми неправдами имущество не будетъ оставаться въ обществѣ раскола или сектантства, а *будетъ достояніемъ казны*, и пойдетъ оно на дѣла благія, на усиленіе государства...» [1]).

Мы еще не имѣемъ возможности подробно разобраться въ «Дѣяніяхъ» съѣзда, изданныхъ «Миссіонерскимъ обозрѣніемъ». Эти «дѣянія» освѣтятъ картину съѣзда шире и полнѣе. Но газеты послѣдняго времени возбудили вопросъ о такой сторонѣ дѣятельности съѣзда, которая показалась многимъ даже «невѣроятной». Кн. Мещерскій оповѣстилъ въ одномъ изъ номеровъ издаваемаго имъ «Гражданина», что съѣздъ «посвятилъ цѣлый день на разсмотрѣніе вопроса о томъ, не слѣдуетъ ли отбирать у раскольниковъ и сектантовъ дѣтей, чтобы воспитывать ихъ въ особыхъ училищахъ, отъ епархій учреждаемыхъ». «Свѣжо преданіе, но вѣрится съ трудомъ»!—восклицаетъ по этому поводу самъ кн. Мещерскій. Эта замѣтка «Гражданина» вызвала летучую полемику въ газетахъ—по вопросу о возможности или невозможности подобныхъ преній на съѣздѣ. Окончательное разрѣшеніе вопроса было отложено до ознакомленія съ «Дѣяніями съѣзда». Но полемика эта пресѣклась сама собою при появленіи въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ № отъ 15-го октября, нижеслѣдующаго письма въ редакцію за подписью гр. Л. Толстого.

«Въ концѣ апрѣля нынѣшняго года ко мнѣ пріѣхали самарскіе молокане съ просьбою помочь ихъ горю: у нихъ въ трехъ семьяхъ Бузулукскаго уѣзда, Алексѣевской волости, въ деревняхъ Землянкѣ и Антоновкѣ, отобрали отъ родителей 5-хъ дѣтей, возрастомъ отъ 11 до 2 лѣтъ. Дѣти отобраны у нихъ на основаніи ст. 39 Уст. о пред. и прес. пр. Молокане эти подавали прошенія во всѣ инстанціи; я тоже сдѣлалъ что сумѣлъ, но всѣ наши ходатайства остались безуспѣшными. И вотъ, въ половинѣ сентября, эти люди опять пріѣхали ко мнѣ, умоляя какъ-нибудь помочь имъ выручить своихъ дѣтей. Въ это самое время въ газетахъ шла оживленная полемика о томъ, дѣйствительно-ли было предложено на миссіонерскомъ съѣздѣ въ Казани ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы можно было отбирать дѣтей у раскольниковъ и сектантовъ: однѣ газеты доказывали, что такое предложеніе было сдѣлано и съ негодованіемъ осуждали его, другія горячо оправдывали членовъ съѣзда, отрицая возможность такого предложенія. Изъ этой полемики русское общество, да и иностранцы, интересующіеся вопросомъ отношенія русскаго правительства къ сектантамъ, должны понять, что хотя мы и не можемъ похвастаться полной вѣротерпимостью, все-таки такія мѣры, какъ отнятіе дѣтей у родителей, немыслимы въ русскомъ обществѣ, въ которомъ одно предположеніе о возможности ходатайства о такой мѣрѣ вызвало всеобщее негодованіе, какъ либеральныхъ, такъ

[1]) «Миссіонерское Обозрѣніе», кн. I, августъ, стр. 632—639.

и самыхъ консервативныхъ и православныхъ органовъ печати. А между тѣмъ дѣти и не однихъ этихъ молоканъ, а какъ мнѣ извѣстно, многихъ и и многихъ сектантовъ и раскольниковъ отбираются отъ нихъ. И дѣлается это по закону, на основаніи 39 ст.,—такъ что членамъ съѣзда совсѣмъ не о чемъ ходатайствовать. Возмущаться же, что люди ходатайствуютъ о томъ, что уже существуетъ и практикуется, по меньшей мѣрѣ, неумѣстно».

6 октября. Ясная Поляна. *Левъ Толстой.*

Письмо это было перепечатано большинствомъ газетъ безъ излишнихъ комментаріевъ.

КРИТИКА.

Д. Багницкій.—Къ вопросу о русско-польскихъ отношеніяхъ. С.-Петербургъ, 1897 г.

Г. Багницкій принадлежитъ къ числу весьма немногихъ польскихъ публицистовъ, которые, отстаивая съ рѣдкой энергіей идею окончательнаго примиренія и слиянія Польши съ Россіей, пишутъ объ этомъ предметѣ по-русски. Совершенно понятно, что въ настоящее время, когда, повидимому, сдѣланы нѣкоторые шаги къ этому примиренію,—дѣятельность г. Багницкаго усилилась. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ г. Багницкій издалъ брошюру подъ заглавіемъ «Исповѣдь», въ которой предлагается общій планъ примиренія. Затѣмъ онъ издалъ брошюру на французскомъ языкѣ, въ которой господствуетъ та-же мысль, и наконецъ, въ послѣдней брошюрѣ «Къ вопросу о русско-польскихъ отношеніяхъ» авторъ отвѣчаетъ, весьма обстоятельно и убѣжденно, на возраженія, сдѣланныя ему русскою печатью. Общая «идея» г. Багницкаго заключается въ томъ, что Россіи слѣдуетъ взять на себя дѣло послѣдовательнаго объединенія въ одно государственное тѣло всѣхъ частей польскаго народа подъ русскимъ скипетромъ, путемъ послѣдовательныхъ, политическихъ компенсацій. Извѣстно, что осуществленіе подобной идеи встрѣчаетъ множество затрудненій, касающихся какъ внутренней, такъ и внѣшней политики, и на эти-то затрудненія русская печать и указала автору. Нельзя не замѣтить, что идея г. Багницкаго настолько, какъ намъ показалось, не разработана, можетъ быть даже и въ сознаніи самого автора, что обсуждать ее на почвѣ какихъ-либо практическихъ послѣдствій едва-ли удобно и своевременно. Поэтому, оставляя это обсужденіе до другого раза, мы теперь коснемся только нѣкоторыхъ общихъ положеній, высказанныхъ г. Багницкимъ въ брошюрѣ «Къ вопросу о русско-польскихъ отношеніяхъ». Г. Багницкій указываетъ на слова проф. Ламанскаго, который заявилъ, что съ русской точки зрѣнія было-бы весьма желательнымъ установленіе въ Царствѣ Польскомъ такихъ порядковъ, которыми были бы вполнѣ довольны мѣстные поляки и которые вызвали бы

тяготѣніе къ Царству поляковъ зарубежныхъ. Но, прибавилъ г. Ламанскій,—этого достигнуть нельзя, такъ какъ поляки Царства непремѣнно пожелаютъ собственной арміи, собственной таможенной территоріи, а потомъ опять посягнутъ на Западный Край. Всѣ эти подозрѣнія, по мнѣнію г. Багницкаго, совершенно не основательны. Чѣмъ рискуетъ Россія,—спрашиваетъ онъ,—вступая на путь развитія въ полякахъ Царства сознательнаго и искренняго убѣжденія, что неразрывность русско-польскихъ политическихъ связей—не неудобство, а напротивъ преимущество? Ослабится-ли отъ этого сила, которою Россія пресѣкала и предупреждала понынѣ польскія дѣянія, или замыслы, противорѣчащіе русскимъ нтересамъ? Влечетъ-ли за собою представленіе польской народности, скопленной на маленькой территоріи, условій для проявленія своей культурно-административной самобытности—уменьшеніе полицейскаго надзора и средствъ военной охраны спокойствія? Не только не влечетъ, но ничуть не мѣшаетъ ни усугубленію бдительности, ни вящему сосредоточенію войскъ на западныхъ окраинахъ. Съ другой стороны, имѣются-ли,—спрашиваетъ г. Багницкій,—достаточныя основанія вѣчно думать a priori безъ провѣрки на дѣлѣ, будто бы всякое смягченіе въ Польшѣ ведетъ только къ обостренію и безразсуднымъ притязаніямъ? Претендентамъ 30 и 63 годовъ поляки могутъ противопоставить свой образъ дѣйствій относительно Австріи. Не убѣдительно-ли онъ свидѣтельствуетъ, что поляки далеко не такъ ненасытны, какъ полагаетъ г. Ламанскій. Проявляли-ли они тамъ стремленія создать собственную армію и оградиться таможенной границей? А былъ моментъ, когда превращеніе нынѣшняго самоуправленія Галиціи въ такую же обособенность, какою пользуется Хорватія, прямо предлагалось полякамъ сильными партіями въ рейсхратѣ. Можетъ быть, въ русской Польшѣ найдутся люди, не понимающіе, что отдѣленіе этого края отъ Россіи таможенной чертой было бы разорительнымъ для него, но не подлежитъ сомнѣнію, что такихъ «политиковъ» тамъ очень немного и что вліятельной роли никогда имъ не играть».

Въ дальнѣйшемъ развитіи своей мысли г. Багницкій касается другихъ подробностей и возраженій, о которыхъ было бы излишне теперь распространяться. Совершенно соглашаясь съ общей мыслію г. Багницкаго, мы можемъ только пожелать, чтобы вопросъ о русско-польскихъ отношеніяхъ сдѣлался въ настоящее время предметомъ систематическихъ и обстоятельныхъ обсужденій въ русской печати. Едва-ли мы ошибемся, сказавъ, что этотъ вопросъ стоитъ теперь на очереди и настоятельно требуетъ своего окончательнаго разрѣшенія.

В. М. Грибовскій. «Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ» С.-Петербургъ, 1897 г.

Историко-догматическое изслѣдованіе приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета В. М. Грибовскаго, заглавіе котораго выше приведено, вызвало, при своемъ появленіи, довольно значительное число от-

зывовъ и послужило предметомъ оживленной бесѣды на диспутѣ автора, происходившемъ въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года. Мы не станемъ здѣсь останавливаться на передачѣ содержанія труда г. Грибовскаго. Скажемъ лишь, что изслѣдованіе дѣлится на три части: въ первой излагаются общіе теоретическіе взгляды автора на природу государства вообще и характеръ Византіи въ частности (главы I и II), вторая часть (глава III) посвящена обзору византійской исторіи съ Константина Великаго до латинскаго завоеванія, и, наконецъ, третья часть, составляющая ядро изслѣдованія, разсматриваетъ съ историко-юридической точки зрѣнія византійское населеніе (главы IV, V и VI) и власть (главы VII и VIII). Первая часть, являющаяся какъ бы введеніемъ, стоитъ независимо отъ слѣдующихъ. Передавая личныя воззрѣнія автора, эта часть вызвала особенно упорныя возраженія, несмотря на чисто случайный характеръ ея по отношенію къ самому предмету изслѣдованія. Признавая не только пользу, но даже необходимость того, чтобы авторъ, трактуя такія спорные предметы, какъ вопросы государственнаго права, указывалъ свою точку зрѣнія на государство и общество, мы не можемъ и съ своей стороны не отмѣтить, что даваемое г. Грибовскимъ опредѣленіе государства, какъ «подвижнаго равновѣсія личныхъ и групповыхъ интересовъ на почвѣ исторически выработаннаго культурою-бытоваго единства» (стр. 23) есть опредѣленіе не юридическое. Государство, какъ и большинство жизненныхъ явленій, можетъ быть опредѣлено съ весьма многихъ сторонъ. Нѣтъ необходимости и часто даже возможности опредѣлить эти явленія сразу во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому, г. Грибовскій, указывая, что существующія юридическія опредѣленія государства не обнимаютъ всѣхъ сторонъ предмета (стр. 7—9), требуетъ почти неисполнимаго, хотя, какъ мы сказали, самъ именно упускаетъ въ своемъ опредѣленіи ту сторону государства, которая для него, какъ юриста, должна быть главною. Кромѣ того, опредѣленіе г. Грибовскаго невѣрно и по существу: въ ряду существующихъ, а особенно существовавшихъ государствъ, мы можемъ указать многія, которыя существуютъ лишь въ силу внѣшнихъ давленій (Турція) или потому, что интересы не уравновѣшены, а подавлены (Англо-Индія). Но, повторяемъ, теоретическія построенія автора совсѣмъ не заключаютъ въ себѣ центра тяжести его изслѣдованія и вызвали возраженія до сихъ поръ лишь со стороны спеціалистовъ-юристовъ и общей прессы, тогда какъ тѣ стороны труда, которыя заключали самую суть изслѣдованія, могутъ быть оцѣнены и разсмотрѣны съ достаточной компетенціей лишь византологами и остались не разобранными, благодаря молчанію этихъ послѣднихъ. Позволимъ себѣ замѣтить также, что не менѣе спорны и общія разсужденія г. Грибовскаго о значеніи романизма и эллинизма во всеобщей исторіи. Уже было отмѣчено критикою, и весьма справедливо, что нельзя считать Римъ, давшій мощное право цѣлой Европѣ, исключительно служителемъ безчеловѣчія, жестокости, тиранства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, врядъ-ли съ до-

статочнымъ основаніемъ Эллада послѣдняго времени своего существованія возведена г. Грибовскимъ на недосягаемую высоту.

Переходя ко второй части изслѣдованія г. Грибовскаго, замѣтимъ, что авторъ дѣлаетъ свой очеркъ Византійской исторіи на основаніи какъ первоисточниковъ, такъ и такихъ капитальныхъ изслѣдованій общаго характера, какъ Гиббонъ, и монографій профессоровъ Васильевскаго, Азаревича, Виллемса и др. Исходя изъ необоснованнаго взгляда на прогрессивно-національный характеръ восточнаго элемента византійскаго государства и ретроградно-космополитическое вліяніе запада, г. Грибовскій старается доказать, что всякое возвращеніе къ западно-римскимъ тенденціямъ влекло за собою упадокъ свободы, притѣсненія и формализмъ. При этомъ однако авторъ, по нашему мнѣнію, не вполнѣ точно отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что онъ считаетъ востокомъ, что западомъ въ Византіи, т.-е. мы хотимъ сказать, что національный характеръ и соборно-прогрессивныя тенденціи должны быть приписаны не эллино-византійцамъ, въ противуположность латино-римлянамъ, а представителямъ мало-азійскихъ провинцій, въ противность жителямъ собственно Греціи и Византіи въ частности. Далѣе, желая провести свою мысль, авторъ становится на сторону большинствомъ историковъ, и кажется довольно справедливо, унижаемыхъ исаврійцевъ.

Послѣдняя часть книги г. Грибовскаго распадается, собственно говоря, на два отдѣла: ученіе о населеніи и ученіе о власти въ византійскомъ государствѣ. Въ критическихъ статьяхъ, вызванныхъ настоящею книгою, были указаны съ достаточною полнотою нѣкоторые недочеты изслѣдованія,—вѣроятно, можно найти еще нѣсколько: укажемъ, напримѣръ на то, что авторъ, говоря о парафразахъ Θеофила (стр. 331), писателя вообще апокрифическаго, упускаетъ изъ виду, что Θеофилъ лишь переводитъ и популяризируетъ институціи Гая, юриста II вѣка по Р. Хр. Но все это однако не исключаетъ достоинствъ труда г. Грибовскаго. Систематически сгруппировавъ богатый матеріалъ, авторъ далъ ясный очеркъ по византійскому государственному праву. Охвативъ громадный промежутокъ времени, богатаго событіями, объединивъ дѣянія — плоды различныхъ политическихъ доктринъ, авторъ, безъ сомнѣнія, не могъ вдаваться въ детали, да и не въ томъ была его цѣль. И критикъ не имѣетъ права навязывать автору свою точку зрѣнія на способъ работы и на ея цѣль. Онъ долженъ лишь судить, насколько авторъ съумѣлъ осуществить то, что онъ самъ себѣ поставилъ цѣлью,—а съ этой точки зрѣнія книга г. Грибовскаго должна быть признана вполнѣ удовлетворительною.

Н. Д—скій.

П. И. Мессарошъ. «Финляндія—государство или русская окраина?» Спб. 1897, стр. 332.

По словамъ г-на Мессароша, главная цѣль его труда—посильное изслѣдованіе вопроса: «насколько необходимо въ интересахъ нетолько

Россіи, но и самого населенія Финляндіи сохраненіе особыхъ учрежденій этой окраины россійскаго государства» (стр. 3). Авторъ приходитъ къ отрицательному отвѣту. По его мнѣнію, надо непремѣнно уничтожить всѣ особенности управленія Финляндіи, какъ-то финляндскій сенатъ, статсъ-секретаріатъ, приравнять финляндскій сеймъ русскимъ земскимъ собраніямъ, ввести во всѣхъ школахъ обязательное обученіе русскому языку, и наконецъ распространить на Финляндію дѣйствіе судебныхъ уставовъ Александра II.

Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе нелѣпыхъ проектовъ г-на Мессароша. Можно ему сдѣлать только одно замѣчаніе. Въ заключительныхъ страницахъ своей книги, стиль которыхъ достигаетъ величайшаго паѳоса, приправленнаго постнымъ соусомъ различныхъ патріотическихъ выраженій въ родѣ «матушка Русь», «историческая миссія», «русскій орелъ» и даже чуть-ли не «царь-пушка» и «царь-колоколъ», авторъ торжественно заявляетъ, что имъ руководитъ только горячая любовь къ своему народу и «къ ихъ народу», и страстное желаніе «дѣйствительнаго благоденствія» финляндцевъ (стр. 332). Правдивы-ли эти увѣренія? Всякій безпристрастный читатель увидитъ, что г-номъ Мессарошемъ руководило не чувство любви, а чувство ненависти. Чѣмъ иначе объяснить его инсинуаціи относительно мятежныхъ замысловъ финляндцевъ? Авторъ, не стѣсняясь, объявляетъ, что событій, аналогичныхъ съ польскими возстаніями, «*пока еще не было*» (курсивъ автора) но что онъ глубоко убѣжденъ, что «если не будетъ поставлено надлежащей преграды дальнѣйшимъ стремленіямъ финскихъ заправилъ, то въ недалекомъ будущемъ еще разъ русскою кровью придется обагрить финскую землю» (стр. 100—106). Какъ можетъ человѣкъ, уважающій печатное слово и искренно желающій единенія двухъ народовъ, позволять себѣ высказывать такія, ни на чемъ не основанныя обвиненія?

Эта неприличная выходка г-на Мессароша является свидѣтельствомъ его человѣконенавистничества, а никакъ не любви. Еслибы онъ дѣйствительно любилъ финскій народъ и дѣйствительно хотѣлъ-бы облегчить его судьбу, онъ занялся-бы серьезнымъ изученіемъ различныхъ недостатковъ финляндской государственной жизни. Такъ, напримѣръ, цѣлая треть его книги (стр. 212—315) посвящена критикѣ судебныхъ порядковъ Финляндіи. Никто не станетъ отрицать устарѣлость этихъ порядковъ и необходимость ихъ преобразованія. Еслибы г-нъ Мессарошъ спокойно и серьезно изложилъ свои соображенія по этому вопросу, то онъ, конечно, оказалъ-бы услугу финляндскому обществу. Но такое отношеніе къ дѣлу не удовлетворяетъ автора. «Патріотизмъ» душитъ его и онъ во что-бы то ни стало желаетъ «разгромить» финляндцевъ. «Разгромъ» свой онъ начинаетъ съ опроверженія ученій финляндскихъ сепаратистовъ, доказывающихъ существованіе особыхъ финляндскихъ основныхъ законовъ.

Соображенія г-на Мессароша относительно этого вопроса лишены всякой самостоятельности и состоятъ лишь въ пересказѣ «почтенныхъ

трудовъ другого финнофоба г-на Еленева. Замѣчательно, что всѣ русскіе финнофобы, какъ-то гг. Ординъ, Еленевъ и titti quanti, выставляютъ главнымъ доводомъ противъ самостоятельности Финляндіи то обстоятельство, что всѣ мѣропріятія русскихъ монарховъ, клонящіяся къ нѣкоторому обособленію Финляндіи, были вызваны происками и обманами финляндскихъ государственныхъ дѣятелей. Такъ еще Ординъ увѣрялъ, что ни императоръ Александръ I, ни его помощники «не имѣли даже приблизительнаго понятія» о содержаніи основныхъ законовъ Финляндіи («Покореніе Финляндіи». II т., стр. 300). Г-нъ Еленевъ считаетъ «ошибкой» утвержденіе сеймоваго устава 1869 г. («Финляндскій современный вопросъ» 1891 г., стр.1 37), а затѣмъ, не стѣсняясь, объявляетъ, что въ утвержденіи этого устава былъ допущенъ *подлогъ* («Ученіе о финляндскомъ государствѣ», 1893, стр. 38). Всѣ эти безтактныя разсужденія о формѣ участія русскихъ монарховъ въ законодательной жизни великаго княжества нетолько не замалчиваются г-номъ Мессарошемъ, но преподносятся имъ читателю съ особымъ удовольствіемъ. Странно только, что онъ умалчиваетъ о манифестѣ 1886 г., въ которомъ косвеннымъ образомъ не только подтверждается существованіе въ Финляндіи шведскихъ конституціонныхъ законовъ прошлаго вѣка, но и даруется сейму крайне важное право законодательной иниціативы (сборникъ Вел. Кн. Финляндскаго, 1886 г., № 22). Или этотъ манифестъ есть такъ-же плодъ обмана?

Напрасно г-нъ Мессарошъ думаетъ, что онъ дѣлаетъ кому-нибудь услугу, вновь подымая набившія всѣмъ оскомину притязанія «русской» партіи, и что онъ можетъ оказать содѣйствіе единенію Финляндіи съ Россіей. Такія книги содѣйствуютъ только развитію враждебности и взаимному недовѣрію двухъ народностей и вызываютъ у безпристрастныхъ читателей одно лишь недоумѣніе. **Ф.**

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

И. Ивановъ. **Писемскій.** С.-Пб. 1898.

Книгу г. Иванова о Писемскомъ нельзя назвать біографіей этого писателя. Это скорѣе рядъ критическихъ очерковъ, имѣющихъ, по временамъ, лишь весьма отдаленное и слабое отношеніе къ произведеніямъ и творчеству Писемскаго. Напомнивъ, какъ этотъ популярный въ свое время писатель «поссорился» въ шестидесятыхъ годахъ съ публикой за свои ретроградные взгляды, и прибавивъ, что предубѣжденія противъ Писемскаго сохранились въ публикѣ и понынѣ, г. Ивановъ спѣшитъ предупредить своихъ читателей, что онъ не намѣренъ, въ своей книгѣ, превращать личность Писемскаго въ героя и не питаетъ ни малѣйшей склонности во что бы то ни стало создавать побѣдителей изъ побѣжденныхъ и жертвъ изъ торжествующихъ. «Сильнѣйшій адвокатъ Писемскаго,— говоритъ авторъ,—самъ Писемскій и нуждается онъ только въ одной, для всякаго талантливаго писателя съ нашей стороны вполнѣ обязательной услугѣ, — въ тщательномъ изученіи его таланта и его произведеній. Близкое личное знакомство съ Писемскимъ-авторомъ лучше всего разрѣшитъ спорные вопросы, и наша задача настолько же проста, насколько и не притязательна. Мы желаемъ опредѣлить собственно не размѣры художественнаго таланта Писемскаго: это сдѣлано давно и безповоротно. Наша цѣль,— раскрыть психологическую и нравственную сущность даровитой творческой натуры писателя, привести въ связь съ этой сущностью— смыслъ и содержаніе многочисленныхъ произведеній Писемскаго и установить ихъ историческое и общественно-культурное значеніе въ русской литературѣ». Подробный (иногда даже слишкомъ подробный, но въ то же время отрывочный и не систематическій) анализъ произведеній Писемскаго и въ особенности «Тысячи душъ» и «Взбаламученнаго моря» убѣждаетъ автора, что болѣе полной, исторически-подлинной и художественно-яркой картины дореформенной Россіи нѣтъ ни у одного изъ русскихъ писателей. Къ сожалѣнію, г. Ивановъ оставляетъ не доказаннымъ это, пожалуй, и слишкомъ смѣлое утвержденіе. «Искусство Писемскаго, въ сильной степени благодаря самымъ недостаткамъ его личной натуры, его умственнаго склада, выполнило единственное въ своемъ родѣ назначеніе: слилось съ исторіей и завѣщало потомству документы и свидѣтельства, часто болѣе надежные, чѣмъ чисто фактическія записки и свидѣтельскія показанія». Тѣмъ не менѣе, Писемскій, по мнѣнію автора, искренно не замѣтилъ, что всѣ стремленія его враговъ, всѣ мотивы ихъ новой дѣятельности, всѣ основы ихъ вражды къ старому и страстной жажды иного будущаго,—что все это можетъ быть вполнѣ удовлетворительно оправдано его же собственными произведеніями. Но г. Ивановъ оправдываетъ и враговъ Писемскаго тѣмъ страннымъ соображеніемъ, что не въ разгаръ-де борьбы соображать о «тонкихъ психологическихъ причинахъ». Такимъ образомъ, книга г. Иванова является не книгой о Писемскомъ, а «по поводу» Писемскаго и составляетъ какъ бы историко-литературный очеркъ шестидесятыхъ годовъ, центральной фигурой котораго представляется покойный беллетристъ. Это обстоятельство, — что совершенно понятно,— вредно отразилось на книгѣ г. Иванова. «Раскрыть психологическую и нравственную сущность» Писемскаго, автору едва-ли удалось: о творчествѣ этого писателя онъ говоритъ мало и сбивчиво, и это тѣмъ болѣе жаль, что у насъ и по сей день нѣтъ полнаго и всесторонняго критическаго изслѣдованія объ этомъ крупномъ писателѣ, имѣвшемъ, несомнѣнно значительное вліяніе на послѣдующую ли,

тературу. Но уже такова, какъ кажется, несчастная судьба Писемскаго: при жизни онъ возбуждалъ противъ себя негодованіе либераловъ, а послѣ смерти, вмѣсто того, чтобы встрѣтить безпристрастный судъ, онъ становится мишенью тенденціозныхъ обвиненій (въ книгѣ г. Венгерова), или же пространныхъ «Опытовъ» г. Иванова по поводу его, но не о немъ.

50 миніатюръ. Стихотворенія въ прозѣ *Б. И. Бентовина*. С.-Пб. 1898.

Очень изящно изданная книжка г. Бентовина, украшенная красивыми виньетками, содержитъ цѣлую коллекцію «стихотвореній въ прозѣ», которыя авторъ почему-то назвалъ миніатюрами. Эти миніатюры написаны въ манерѣ извѣстныхъ Тургеневскихъ стихотвореній въ прозѣ; но это сходство внѣшней формы не распространяется на содержаніе. У г. Бентовина въ большинствѣ случаевъ содержаніе довольно банально и мысль, положенная въ основу стихотворенія, далеко не оригинальна. Такъ, напр., въ одной миніатюрѣ авторъ разсказываетъ, что, будучи ребенкомъ, онъ боялся смерти «блѣдноликой» Сдѣлавшись юношей, онъ «жизни кипучей отдался», боролся, падалъ, снова стремился въ «пучину бытія». Тогда онъ началъ бояться жизни. Но года прошли въ неустанной суетѣ, которая не принесла ему ничего, кромѣ разочарованій. Онъ не въ силахъ бѣжать отъ этой суеты. И вотъ. «въ мглистой дали, я вижу, близится изможденная старость, одѣтая въ саванъ смерти». И отъ нее тоже бѣжать некуда. Такъ что теперь, на старости, онъ боится и жизни, и смерти. Такихъ миніатюръ въ книжкѣ г. Бентовина, къ сожалѣнію, очень много. Вообще глубиной мысли, содержательностью, оригинальными взглядами книжка г. Бентовина не отличается. Однообразіе тона, нѣкоторая искусственная изысканность и ненужная щеголеватость языка, при малой образности, дѣлаютъ чтеніе этихъ миніатюръ утомительными. Необходимо также прибавить, что самый родъ «стихотвореній въ прозѣ»,—искусственный родъ, претенціозный и фальшивый. Нуженъ талантъ Тургенева, его вдумчивость, обаяніе красоты, разнообразіе формы,—чтобы сдѣлать стихотвореніе въ прозѣ интереснымъ. А между тѣмъ, при чтеніи миніатюръ г. Бентовина, сравненіе съ Тургеневымъ приходитъ на умъ невольно и это сравненіе далеко не въ пользу г. Бентовина.

Сергѣй Верещагинъ. **Въ часы раздумья**. Стихотворенія. С.-Пб. 1897.

Въ сонмѣ многочисленныхъ представителей новѣйшей русской поэзіи, г. Сергѣю Верещагину, повидимому, суждено занять особое мѣсто: въ то время, какъ всѣ другіе его собратія по Аполлону воспѣваютъ любовь и раскрываютъ передъ читателемъ свои интимнѣйшія чувства, г. Верещагинъ является пѣвцомъ, такъ сказать, гражданской скорби, какъ это практиковалось въ доброе старое время. Объ этомъ онъ и самъ предупреждаетъ читателя, говоря «Я, пасынокъ судьбы, посолъ для угнетенныхъ, для нищихъ счастіемъ, забытыхъ какъ и я, и въ этихъ пѣсняхъ, жгучей болью вдохновленныхъ, хотѣлъ излить предъ ними горечь бытія». И дѣйствительно, съ усердіемъ, достойнымъ всяческой похвалы, хотя, можетъ быть, съ нѣкоторой излишней многорѣчивостью, г. Верещагинъ изливаетъ передъ нами горечь бытія. Такъ, напрмм., онъ въ припадкѣ откровенности признается намъ, что въ прежнія времена онъ сомнѣвался въ людяхъ, а теперь онъ сдѣлалъ важное открытіе, заключающееся въ томъ, что люди—дикіе звѣри. Въ человѣкѣ,—говоритъ онъ,—«сердца нѣтъ, нѣтъ искры сожалѣнія. Богачъ, бѣднякъ, вельможа и плебей—никто на помощь не придетъ въ несчастьи и броситъ въ насъ скорѣе горсть камней, чѣмъ снизойдетъ на просьбу объ участьи». Точно также онъ негодуетъ и на то, что вся наша жизнь есть не болѣе, какъ дикій пиръ, «безъ догмата, безъ принциповъ, безъ вѣры». Въ заключеніи онъ горюетъ о меньшемъ братѣ, при чемъ громитъ жителей городовъ: «Тамъ за деньги обманутъ, за грошъ предадутъ, даромъ жить—это цѣль основная», и справедливо полагаетъ, что «не мѣшало-бъ набраться намъ нравственныхъ силъ, позанявъ ихъ у меньшаго брата». Однако, не мѣшало бы и г. Верещагину позаботиться о томъ, чтобы его стихи не такъ явно напоминали рубленую прозу. Нашъ совѣтъ ему: оставить въ покоѣ поэзію, которая, повидимому, рѣшительно не дается ему.

II. Общественныя науки.

Проф. Бёмъ-Баверкъ. **Теорія Карла Маркса и ея критика**. Перев. подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. П. И. Георгіевскаго. Спб. 1897. Ц. 80 коп.

Появленіе третьяго тома «Капитала» вновь оживило затихшія было пренія по вопросу о такъ называемой трудовой теоріи цѣнности. То рѣшеніе, которое даетъ проблемѣ цѣнности въ этомъ томѣ Марксъ, какъ извѣстно, не удовлетворило даже многихъ «марксистовъ». Отнимая у нея непосредственное значеніе въ сферѣ конкретныхъ явленій экономической жизни, Марксъ, конечно, прекрасно зналъ, что дѣлалъ.— Въ этой своей безусловной формѣ трудовая теорія рѣшительно не выдерживаетъ критики, такъ какъ экономическая жизнь въ общемъ даетъ гораздо больше отступленій отъ трудового масштаба, чѣмъ приложеній его. Марксу же было дорого лишь абстрактное значеніе трудового начала; поэтому онъ легко могъ поступиться ея непосредственной и элементарной утилизаціей. Несомнѣнно, что трудовая теорія вслѣдствіе этого нѣсколько блѣднѣетъ и

обезцвѣчивается. но. разъ она не противорѣчитъ фактамъ, она вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію — служить базисомъцѣлой экономической системы.

Противорѣчій ея съ *фактами* экономической жизни не указываетъ и Бемъ-Баверкъ, изслѣдованіе котораго написано именно по поводу выхода третьяго тома; онъ только проводитъ ту мысль, что въ своей новѣйшей формѣ трудовая теорія теряетъ всякое значеніе. Уже раньше, въ своемъ большомъ трудѣ о капиталѣ и прибыли на капиталъ Бемъ-Баверкъ утверждалъ, что трудовая теорія вообще есть лишь ничѣмъ не подтвержденная и не доказанная гипотеза, на этой-же точкѣ зрѣнія онъ остается и теперь. Ошибка Маркса и его предшественниковъ—корифеевъ классической политической экономіи—заключалась въ томъ, что они признали *одинъ* изъ элементовъ цѣнности за *единственный* элементъ.

Проф. Георгіевскій, являющійся, какъ кажется, единственнымъ популяризаторомъ воззрѣній австрійской школы, къ которой принадлежитъ Бемъ-Баверкъ, приписываетъ работѣ Бемъ-Баверка чрезмѣрное значеніе. Онъ думаетъ, что она можетъ положить конецъ господству трудовой теоріи и въ Россіи, гдѣ на ея сторонѣ—хотя и съ весьма значительными ограниченіями (чего проф. Георгіевскій не упоминаетъ)—стоятъ многіе представители науки. Едва-ли это такъ. Воззрѣнія Бемъ-Баверка—не новость; тоже самое онъ говорилъ еще около десяти лѣтъ тому назадъ—и однако-же на русскую науку это особеннаго вліянія не оказало, несмотря на то, что самъ проф. Георгіевскій включилъ цѣлыя страницы большого труда Бемъ-Баверка въ свой курсъ политической экономіи. Кстати: совершенно напрасно также проф. Георгіевскій называетъ русскихъ сторонниковъ трудовой теоріи цѣнности марксистами: это можетъ ввести въ заблужденіе, такъ какъ признаніе трудовой теоріи еще не есть марксизмъ, и фактически тѣ «марксисты», о которыхъ говоритъ г. Георгіевскій—мы назовемъ хотя бы гг. Чупрова, Исаева, Яроцкаго, Иванюкова—вовсе не марксисты въ общепринятомъ значеніи этого слова.

Густавъ Шмоллеръ. **Наука о народномъ хозяйствѣ, ея предметъ и методъ.** Перев. Е. Котляревской. Москва. 1897. 112 стр. Ц. 50 коп.

Берлинскій профессоръ Густавъ Шмоллеръ давно уже считается лидеромъ такъ называемой ново-исторической школы политической экономіи. Помимо историческаго метода изслѣдованія, школа эта характеризуетъ еще стремленіе къ спеціализаціи научной дѣятельности. Она отстаиваетъ не столько специфически-историческую точку зрѣнія, сколько—выражаясь словами Шмоллера—«методологически совершенную эмпирію», пользуясь при этомъ и статистическимъ методомъ изслѣдованія, и психологическимъ анализомъ. Несмотря на сравнительно весьма короткое время своего существованія, ново-историческая школа успѣла ознаменовать свою дѣятельность цѣлымъ рядомъ значительныхъ спеціальныхъ изслѣдованій хозяйственной исторіи и хозяйственнаго быта, и дала наукѣ цѣлый рядъ крупныхъ именъ. Помимо самого Шмоллера, мы можемъ назвать, въ качествѣ ея крупнѣйшихъ представителей Брентано, Бюхера, Кнаппа, Лексиса и др., среди англичанъ—Эшли и Роджерса. Казалось-бы, что столь плодотворная дѣятельность могла дать достаточную фактическую основу для уясненія вопроса о «методологически совершенной эмпиріи». Но оказывается, выработанная научная техника—одно, а точное уясненіе методологическихъ основъ—другое. По крайней мѣрѣ предлагаемая въ переводѣ русскимъ читателямъ работа Шмоллера, несмотря на то, что у автора были всѣ данныя, чтобы справиться успѣшно съ подобной задачей, а именно: широкій авторитетъ, обширное знакомство съ философской и экономической литературой и огромный научный опытъ, едва ли можетъ считаться удачно разрѣшившей этотъ вопросъ. То, что говоритъ Шмоллеръ о методѣ и значеніи эмпиріи, въ большинствѣ случаетъ не выходитъ за предѣлы общихъ разсужденій и полемическихъ отповѣдей. Въ его работѣ нѣтъ той сосредоточенности мысли, которая необходима для уясненія основныхъ вопросовъ. Шмоллеръ затрогиваетъ очень многое, но нигдѣ не даетъ исчерпывающей разработки. Отчасти это объясняется компактностью его работы, написанной для извѣстнаго справочнаго изданія «Handwörterbuch der Staatswissenschaften»; но сверхъ того къ разрѣшенію методологической проблемы по существу Шмоллеръ совсѣмъ и не стремится, а лишь формулируетъ ее.

И. М. Радецкій. **Темныя и больныя силы.** Публичная рѣчь. Изданіе 2-е. Одесса 1897. 16 стр.

Публичная рѣчь г. Радецкаго посвящена очень крупному и сложному вопросу—вопросу о причинахъ преступности и мѣрахъ къ ея устраненію. Но авторъ справляется съ нимъ чрезвычайно легко и быстро. На первой-же страничкѣ онъ заявляетъ, что причины «того зла очевидны, хотя крайне разнообразны и глубоки, и кроются онѣ въ ненормальныхъ порядкахъ, а также въ разстройствѣ физическихъ и духовныхъ силъ отдѣльныхъ индивидуумовъ». И этимъ онъ считаетъ, повидимому, вопросъ исчерпаннымъ, такъ какъ на второй страничкѣ уже переходитъ къ поясненію выставленнаго имъ тезиса примѣрами. Г. Радецкій большой врагъ и порицатель 19-го вѣка: современную культуру онъ называетъ не иначе, какъ «безнравственной», и требуетъ нравственнаго перевоспитанія человѣче-

ства, которое, по его мнѣнію, возможно лишь путемъ воздѣйствія на подростающее поколѣніе. Онъ, разумѣется, совершенно не подозрѣваетъ, что идетъ по пятамъ Оуэна. Къ сожалѣнію, его «публичная рѣчь» составлена крайне неумѣло. Мысль автора продѣлываетъ невѣроятнѣйшіе скачки между случайно вычитанными теоріями и газетными сообщеніями. Особенно безпомощенъ онъ тогда, когда воображаетъ, что его устами говоритъ наука. Что сказать, напр., о слѣдующей тирадѣ: «Принимая физическій или химическій методъ изслѣдованія или оба вмѣстѣ, какъ *единственно точные* (курсовъ автора) методы для изслѣдованія нашихъ умственныхъ отправленій, мы ограничимся только приложеніемъ основныхъ законовъ физики и химіи, т. е. молекулярнымъ движеніемъ матеріи». А подобныхъ перловъ въ книжкѣ не мало.

А. И. Свирскій. **Несчастные дѣти.** Спб. 35 стр. Ц. 15 коп.

Небольшая книжка А. Свирскаго представляетъ собою живо и ярко написанный отчетъ о посѣщеніи авторомъ двухъ пріютовъ: пріюта для дѣтей эпилептиковъ и идіотовъ и убѣжища для дѣтей—калѣкъ и паралитиковъ. Врядъ-ли многіе знаютъ объ этихъ учрежденіяхъ, да и весь міръ дѣтскихъ страданій, который рисуетъ намъ авторъ, извѣстенъ, навѣрное, лишь очень немногимъ. Тяжелое впечатлѣніе выноситъ читатель изъ книжки г. Свирскаго; оно не смягчается даже сознаніемъ, что для этихъ обездоленныхъ природой или искалѣченныхъ родителями дѣтей сдѣлано все, что было возможно и должно. Напротивъ, чуть ли не въ каждомъ штрихѣ автора чувствуется, что дѣло призрѣнія дѣтей идіотовъ и эпилептиковъ и дѣтей калѣкъ находится въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. Такъ въ первомъ изъ описанныхъ г. Свирскимъ пріютовъ имѣется всего на всего 15 мѣстъ, во второмъ число ихъ тоже не превышаетъ 20-ти. Неудивительно, что они совершенно не въ состояніи удовлетворить потребности въ подобнаго рода учрежденіяхъ и что въ нихъ попадаютъ лишь немногіе избранные. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы очерки А. Свирскаго хоть нѣсколько разогрѣли общественное сочувствіе къ несчастнымъ дѣтямъ.

III. Философія, естествознаніе, медицина.

Д. С. Милль. **Система логики силлогической и индуктивной.** Переводъ В. Н. Ивановскаго. Книга вторая. Москва. 1897.

Второй выпускъ «Логики» Милля въ переводѣ г. Ивановскаго, обнимаетъ теорію умозаключенія. Нельзя не привѣтствовать съ особеннымъ удовольствіемъ этотъ второй переводъ сочиненія Милля: извѣстно, что переводъ Резенера, нѣсколько устарѣвшій и не всегда удовлетворительный, изданный въ шестидесятыхъ годахъ, давно уже сдѣлался библіографической рѣдкостью и потребность въ новомъ переводѣ сильно чувствовалась. Это сочиненіе и до сихъ поръ не потеряло своего значенія и вполнѣ отвѣчаетъ научнымъ требованіямъ. По мнѣнію Милля, психологія устанавливаетъ законы, на основаніи которыхъ въ нашемъ духѣ возникаютъ и группируются чувства, представленія и идеи, и логика должна установить ясныя и несомнѣнныя правила для различенія истины отъ лжи, вѣрныхъ умозаключеній отъ невѣрныхъ. Опытъ является для него единственнымъ критеріемъ истины, такъ какъ апріорныхъ истинъ, независимыхъ отъ опыта, не существуетъ. Опыты и наблюденія являются не только основаніемъ индукціи, т.-е. умозаключенія отъ частнаго къ общему, но также и дедукціи, то-есть умозаключенія отъ общаго къ частному. Главною заслугою Милля слѣдуетъ считать разработку теоріи индукціи; тѣмъ не менѣе, Милля нельзя считать исключительнымъ приверженцемъ индуктивнаго метода, по примѣру большинства англійскихъ мыслителей чисто эмпирической школы. Для Милля самымъ могучимъ орудіемъ открытій истины становится, напротивъ того, дедуктивный методъ, приводившій всегда къ величайшимъ открытіямъ въ наукѣ. Конечно, «Система логики» не проложила новыхъ путей въ области мысли, но ея заслуга заключается въ чрезвычайно талантливомъ, ясномъ и систематическомъ изложеніи, тѣмъ болѣе, что въ этомъ сочиненіи Милль, менѣе чѣмъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ, является эклектикомъ. Вліяніе ея, послѣ ея появленія, не ограничилось философскими кружками, но распространилось и въ области естествознанія. И у насъ «Система логики» не прошла безъ вліянія на философское образованіе. Новый переводъ ея, сдѣланный г. Ивановскимъ, сдѣланъ тщательно и внимательно, и по сравненію съ прежнимъ переводомъ Резенера значительно точнѣе. Хорошій языкъ и по временамъ даже изящная постройка фразы, безъ ущерба для точности, въ значительной степени облегчаютъ чтеніе. Г. Ивановскій, кромѣ того, при случаѣ дѣлаетъ отъ себя болѣе или менѣе обстоятельныя примѣчанія, иногда разъясняющія текстъ, а иногда и исправляющія его. Такія примѣчанія, конечно, не лишни и даже желательны.

L. Landois. **Учебникъ физіологіи человѣка.** Со включен. гистологіи и микроск. анатом. и въ примѣн. къ практ. медиц. Перев. съ 9-го, знач. измѣн. и дополн. нѣм. изд., подъ ред. и съ доп. проф. В. Я. Данилевскаго. 3-е изд. Харьковъ. 1898. Ц. 8 р. 50 к.

Изъ заглавія этого руководства видно, что задачи автора довольно широки, по прочтеніи же книги можно сказать, что

онъ добросовѣстно выполнилъ эти задачи — совмѣстить въ одной книгѣ рядъ свѣдѣній, соприкасающихся съ физiологiей, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Такой планъ изложенiя очень удобенъ для практическихъ цѣлей, и этимъ отчасти объясняется то, что книга имѣетъ большой успѣхъ не только въ оригиналѣ, но и въ переводѣ на нѣсколько европейскихъ языковъ. Распространенiю книги содѣйствуетъ хорошее обстоятельное изложенiе предмета. Недостатокъ въ русской научной литературѣ какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ общихъ курсовъ физiологiи, отвѣчающихъ современному состоянiю науки, придаетъ относительную практическую цѣнность руководству Ландуа. Но нельзя не упомянуть о томъ, что ни оригинальностью, ни особыми дарованiями, въ качествѣ ученаго, авторъ не располагаетъ; книга его можетъ интересовать и удовлетворять любознательности, но едва-ли кого увлечетъ. Редакторъ русскаго перевода въ этомъ отношенiи, какъ ученый, стоитъ выше автора.

Внѣшнимъ недостаткомъ изданiя является то обстоятельство, что значительная часть текста отпечатана мелкимъ шрифтомъ, утомительнымъ для зрѣнiя. Въ общемъ изданiе выполнено добросовѣстно.

Проф. Ферворнъ. **Общая физiологiя,** 2 тома, перев. съ нѣмецкаго проф. Тимирязева и Иванцова. «Библiотека для самообразованiя».

Фредерикъ и Нюэль. **Основы физiологiи человѣка.** Переводъ съ французскаго подъ редакцiей и съ дополненiями проф. И. Е. Введенскаго, т. I.

Ферворнъ, авторъ нѣсколькихъ монографическихъ работъ по физiологiи клѣтки, поставилъ себѣ задачей «изложить общiя проблемы и факты, теорiи и гипотезы о сущности жизни съ точки зрѣнiя целлюлярной физiологiи и такимъ образомъ очертить область, въ которую входятъ всѣ вѣтви спецiальной физiологiи».

Книга состоитъ изъ 6 большихъ главъ. Въ первой изъ нихъ изложены задачи и методы физiологiи; во второй—ученiе о живой матерiи. Здѣсь авторъ знакомитъ читателя подробно съ анатомiей клѣтки и ролью отдѣльныхъ ея частей, съ химическими и физическими свойствами клѣтки и подъ конецъ разсматриваетъ всѣ тѣ признаки, которые отличаютъ живую матерiю отъ безжизненной, даетъ опредѣленiе жизни и смерти съ физiологической точки зрѣнiя. Въ слѣдующей главѣ описаны «элементарныя явленiя жизни»: обмѣнъ веществъ, измѣненiе формы и явленiя превращенiя силъ. Собранные здѣсь факты представляютъ разультаты новѣйшихъ наблюденiй и эсперментовъ. Четвертая глава посвящена общимъ условiямъ жизни, а также вопросу о происхожденiи и появленiи жизни на землѣ. Кромѣ того здѣсь разсматривается вопросъ, который обыкновенно относится къ общей патологiи: исторiя смерти или правильнѣе умиранiя живой матерiи. Пятая глава знакомитъ насъ съ понятiемъ о клѣточныхъ раздражителяхъ, со всѣми видами послѣднихъ и специфическимъ влiянiемъ каждаго изъ нихъ на клѣтку. Весь этотъ вопросъ является однимъ изъ самыхъ сложныхъ въ физiологiи ввиду разнообразiя раздражителей и вызываемыхъ ими со стороны клѣтки реакцiй; поэтому авторъ остановился на немъ особенно подробно.

Чрезвычайно важное принципiальное значенiе имѣетъ заключительная глава книги: О механизмѣ жизни. Въ послѣднiе 10—15 лѣтъ появились новыя теорiи о жизненномъ процессѣ, но и теперь вопросъ о витализмѣ, нео-витализмѣ, не опредѣлился еще съ достаточною ясностью.

Чтобы разобраться во всей сложности разбираемаго вопроса Ферворнъ разсматриваетъ наиболѣе извѣстныя явленiя жизненнаго процесса, явленiя физическiя и химическiя и сводя ихъ всѣ къ основной единицѣ, частицѣ бѣлковаго вещества, которую называетъ «бiогеномъ», онъ приходитъ къ заключенiю, что «жизненный процессъ есть сумма процессовъ, связанныхъ съ новообразованiемъ и распаденiемъ «бiогеновъ».

Описавъ затѣмъ въ общихъ чертахъ организацiю отдѣльныхъ клѣтокъ въ клѣточное государство или организмъ, авторъ заканчиваетъ этимъ свою книгу, ибо далѣе начинается уже область, принадлежащая спецiальной физiологiи животнаго и растительнаго организма. Таково въ общихъ чертахъ содержанiя этой изящно написанной и хорошо переведенной книги Ферворна, появившейся за 2 года ея существованiя уже въ англiйскомъ и итальянскомъ пореводахъ и вышедшей недавно вторымъ изданiемъ по-нѣмецки. Для русской публики переводъ этой книги является весьма цѣннымъ прiобрѣтенiемъ.

Въ одно время съ книгой Ферворна появились и «Основы физiологiи человѣка» Фредерика и Нюэля съ добавленiями проф. Введенскаго. «Основы физiологiи» могутъ служить прямымъ продолженiемъ книги Ферворна. Написанная сжато, но ясно, безъ утомительныхъ длиннотъ физiологiи Ландуа, книга Фредерика и Нюэля старается сообщить лишь твердо установленное, доказанное и дать ясное представленiе о явленiяхъ, помощью которыхъ совершается жизненный процессъ человѣческаго организма отъ зарожденiя его до прекращенiя функцiонированiя.

Профессоръ Введенскiй своими дополненiями избавилъ книгу французскихъ авторовъ отъ двухъ ея недостатковъ: во-первыхъ отъ нѣкоторой сухости, происходящей отъ слишкомъ большого скопленiя фактовъ и недостаточнаго вниманiя къ законнымъ въ настоящее время обобщенiямъ и, во вторыхъ, отъ недостаточнаго

отведенія мѣста иностраннымъ, особенно нѣмецкимъ и русскимъ, работамъ. Въ введеніи сдѣланы два дополненія къ русскому изданію: біологическая точка зрѣнія въ физіологіи и физіологическое явленіе съ біологической точки зрѣнія. Изъ другихъ значительныхъ дополненій надо упомянуть очеркъ теоріи свертыванія крови и весьма интересное изложеніе ученія о бѣлыхъ шарикахъ (теорія Мечникова), о блуждающемъ нервѣ, о функціи печени и щитовидной железы и др. Вмѣстѣ съ мелкими примѣчаніями эти дополненія дѣлаютъ книгу Фредерика и Нюэля полнымъ и богатымъ руководствомъ къ изученію физіологіи человѣка.

Проф. *И. П. Павловъ.* **Лекціи о работѣ главныхъ пищеварительныхъ железъ.** Спб. 1897. Стр. 223. Цѣна 1 р. 50 к.

Заглавіе книги говоритъ о предметѣ спеціальнаго отдѣла физіологіи, но содержаніе ея настолько интересно, что позволяетъ намъ предложить всякому знакомому съ физіологіей въ общихъ чертахъ, прочесть книгу съ особеннымъ вниманіемъ. Это сочиненіе есть результатъ цѣлаго ряда новыхъ экспериментальныхъ изслѣдованій, произведенныхъ самимъ профессоромъ и нѣсколькими его сотрудниками подъ его общимъ руководствомъ. Здѣсь нѣтъ послѣдовательнаго описанія процесса пищеваренія, но зато есть истинно увлекательная новизна и оригинальность въ постановкѣ и разрѣшеніи физіологическихъ вопросовъ первостепенной важности. Опыты поставлены съ такимъ предвидѣніемъ условій, могущихъ затемнять картину, и такъ теоретически обоснованы, что въ итогѣ является возможность сдѣлать прочные несомнѣнные выводы, поражающіе подчасъ своей новизной и опровергающіе традиціонныя научныя представленія. Ясность мысли, соединенная съ тонкой предусмотрительностью изслѣдователя, послѣдовательность въ заключеніяхъ отъ общаго къ частному и обратно — всѣ пріемы строгаго научнаго мышленія, при образномъ изложеніи, придаютъ лекціямъ проф. Павлова значеніе цѣннаго вклада въ науку. Авторъ умѣетъ создать въ читателяхъ увѣренность, что свѣдѣнія, полученныя изъ его «лекцій», не нуждаются въ провѣркѣ, что разобранныя явленія не могутъ быть поняты иначе. Въ числѣ наиболѣе важныхъ вопросовъ выдѣляются, какъ имѣющіе вполнѣ общій и притомъ практическій интересъ, слѣдующіе: о значеніи для процесса пищеваренія аппетита, о химическихъ возбудителяхъ желудочнаго сока, объ условіяхъ переваривания главнѣйшихъ группъ пищевыхъ веществъ. Особенный интересъ для каждаго интеллигентнаго читателя можетъ представлять лекція 8-я подъ заглавіемъ: «Физіологическія данныя, инстинктъ людей и медицинскій эмпиризмъ».

Нельзя не пожелать книжкѣ профессора Павлова того же успѣха среди широкаго круга читателей, какой по справедливости выпадаетъ на его долю въ аудиторіи.

Проф. *А. Багинскій.* **Руководство къ дѣтскимъ болѣзнямъ.** Для врачей и студентовъ. Перев. съ 5-го нѣм. изд., перераб. и дополн., д-ровъ С. С. Груздева, С. А. Раскиной и Я. Б. Эйгера. Т. I—545 стр., т. II—455 стр. Спб. изд. журн «Совр. Медиц. и Гигіена». 1897 г. Ц. за оба тома 6 р.

На русскомъ языкѣ это сочиненіе появляется уже не въ первый разъ, но новое изданіе весьма умѣстно, такъ какъ переводъ сдѣланъ по переработанному оригиналу, а книга вполнѣ достойна распространенія. Здѣсь мы находимъ общую часть и затѣмъ систематическое изложеніе почти всѣхъ отдѣловъ болѣзней дѣтскаго возраста. Это едва-ли не лучшее сочиненіе по педіатріи въ русской литературѣ. Въ концѣ II т. приложены: 1) Перечень дозъ самыхъ употребительныхъ лекарствъ въ дѣтскомъ возрастѣ, 2) перечень самыхъ употребительныхъ рецептовъ и 3) алфавитный списокъ. Внѣшность изданія вполнѣ хороша.

Д-ръ *Альфредъ Гегаръ.* **Половое влеченіе.** Перев. съ нѣм. д-ра Л. Лейпенберга. Спб. Изданіе М. В. Попова, 118 стр. Ц. 75 к.

Читатель ошибется, если подумаетъ, что предметъ разбираемой книжки относится къ области физіологіи. Авторъ разсматриваетъ половое влеченіе почти исключительно съ точки зрѣнія общественной жизни и гигіены и развиваетъ въ общемъ здравыя понятія на это явленіе. Тонъ этого очерка вполнѣ серьезный, книга написана довольно гладко и читается съ интересомъ, хотя не заключаетъ въ себѣ ничего оригинальнаго. Основной вопросъ о половомъ воздержаніи разрѣшается въ духѣ новѣйшихъ изслѣдованій, доказывающихъ несостоятельность идеи о вредѣ воздержанія. Даже нормальные результаты удовлетворенія полового влеченія оказываются, по словамъ автора, во многихъ отношеніяхъ весьма отрицательными. Онъ долго останавливается на вопросѣ о вредѣ, приносимомъ женщинѣ актомъ рожденія, обстоятельно разсматриваетъ нежелательныя послѣдствія избытка дѣтей съ точки зрѣнія интересовъ семьи и государства, и настоятельно рекомендуетъ урегулированіе количества рожденій. Единственнымъ естественнымъ и позволительнымъ средствомъ къ этому можетъ служить, по смыслу вещей, почти полное воздержаніе, но говоря выше о безвредности полового воздержанія до брака, авторъ не указываетъ, въ какихъ предѣлахъ оно можетъ быть безвреднымъ послѣ извѣстнаго возраста. Интересна глава о наслѣдственныхъ и врожденныхъ свойствахъ и разграниченіе этихъ понятій.

Въ русскомъ переводѣ встрѣчаются недосмотры по отношенію къ стилю. Странно звучитъ, напримѣръ, выраженіе *холостое сословіе* на стр. 15.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Г. Ивановъ и его статьи о Ренанѣ. — «Жизнь и ученая дѣятельность Пирогова», статья г. Батя («Міръ Божій»). — Θ. И. Буслаевъ. — Воспоминаніе о немъ гг. Танкова и Кирпичникова.

Статьи г. Иванова, подвизающагося на поприщѣ критики, представляютъ особенный специфическій интересъ. Г. Ивановъ—привать-доцентъ московскаго университета, употребляетъ свои досуги, помѣщая въ журналахъ изслѣдованія по иностранной и русской литературѣ. Должно быть этихъ досуговъ у г. Иванова очень много, потому что его статьи появляются въ необычайномъ изобиліи и, такъ сказать, наводняютъ собою русскую журналистику. Отъ этого наводненія больше всего, если не ошибаемся, страдаетъ журналъ «Міръ Божій». Вотъ уже больше года, какъ тамъ печатается аккуратно каждый мѣсяцъ, повидимому, необъятной величины трудъ подъ названіемъ «Исторія русской критики». Теперь печатается вторая часть этого труда, но когда онъ окончится — одному Богу извѣстно, такъ какъ во второй части почтенный авторъ только приступаетъ къ первымъ проявленіямъ русской критики. Наряду съ «Исторіей русской критики», г. Ивановъ помѣщаетъ въ «Мірѣ Божьемъ», то-же каждый мѣсяцъ, и другія статьи по самымъ разнообразнымъ предметамъ. Въ послѣдней книжкѣ помѣщена его статья «Кто онъ?», на которую намъ бы хотѣлось обратить вниманіе читателя.

Г. Ивановъ обладаетъ самыми разнообразными и при томъ самыми оригинальными талантами. Во-первыхъ, онъ необычайно многорѣчивъ: онъ можетъ говорить и писать о чемъ угодно и сколько угодно. Во-вторыхъ, онъ старается говорить необыкновенно изящно, на французскій манеръ, коротенькими фразами, щеголяя цитатами изъ писателей мало извѣстныхъ. Въ-третьихъ, онъ говоритъ и пишетъ не только многорѣчиво, но и многообразно: съ легкостью и быстротой ласточки онъ въ одной и той-же статьѣ, часто даже на одной и той-же страницѣ, переходитъ отъ одного предмета къ другому, не имѣющему съ нимъ ничего

общаго, затѣмъ къ третьему, четвертому и такъ далѣе, почти до безконечности, и дѣлаетъ все это съ граціей по истинѣ очаровательной. Читаешь его статью и то и дѣло удивляешься—не только его многообразію, но и его эрудиціи, ибо тутъ все находишь: и психологію, и философію, и либерализмъ, и исторію, и антропологію. И все это тѣмъ болѣе очаровательно и, такъ сказать, неожиданно, что г. Ивановъ объ чемъ бы ни заговорилъ, умудряется говорить такъ, что никогда не говоритъ о томъ, о чемъ ему слѣдовало бы говорить. Возьмите хотя бы его «Исторію русской критики», которою онъ угощаетъ читателей «Міра Божьяго». Чего тутъ только нѣтъ: и исторія философіи въ девятнадцатомъ столѣтіи, и исторія французскаго общества въ XVIII столѣтіи, и древній міръ, и новый, и политическія ученія и еще что-то, — одного только нѣтъ,—именно нѣтъ русской критики. То-есть, пожалуй, слѣды исторіи русской критики и найдутся, но какъ-то странно: только что, напримѣръ, заговоритъ г. Ивановъ о Надеждинѣ, какъ уже почувствуетъ необходимость уйти куда-нибудь въ сторону, за тридевять земель отъ Надеждина, къ Эсхилу, напримѣръ, или тамъ къ кому-нибудь другому, изъ древнихъ или новыхъ писателей. А Надеждинъ тѣмъ временемъ принужденъ ждать. Черезъ нѣкоторое время авторъ, пожалуй, и вернется къ нему, т. е. опять упомянетъ его фамилію, но сейчасъ же снова порхнетъ въ сторону, съ граціей и ловкостью почти военнаго человѣка.

Его статья, озаглавленная имъ «Кто онъ?», можетъ считаться образцомъ этой граціозной манеры. Дѣло, видите-ли, въ томъ, что по поводу печатающейся въ «Revue de Paris» переписки Ренана и Бертело, г. Ивановъ задумалъ написать статью, въ которой хочетъ дать характеристику Ренана. Находя, повидимому, что на первый взглядъ Ренанъ, какъ кажется и философъ, тѣмъ не менѣе представляетъ изъ себя нѣчто загадочное и даже таинственное, г. Ивановъ такъ и озаглавилъ свою статью «Кто онъ?» Но онъ у влекся. По пути ему встрѣтилось такое множество самыхъ разнообразныхъ предметовъ и при томъ столь важныхъ, что онъ почувствовалъ неудержимую потребность поговорить и о нихъ. Говоря объ этихъ важныхъ предметахъ, онъ... забылъ Ренана и вспомнилъ о немъ только въ самомъ концѣ статьи. Вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ оставить Ренана до другого раза, такъ и не отвѣтивъ на вопросъ: кто онъ? Но это ровно ничего не значитъ. Со слѣдующей статьей о Ренанѣ, которая, надо полагать, появится въ слѣдующей книжкѣ «Міра Божьяго», случится то же самое. Затѣмъ, третья статья представитъ образецъ многорѣчія, четвертая—образецъ многообразія, и когда такимъ образомъ, будетъ написанъ цѣлый объемистый томъ, на послѣдней страничкѣ появится снова Ренанъ, вѣжливо раскланяется съ публикой и... канетъ въ Лету на вѣчные времена. Удивительный писатель г. Ивановъ, такой удивительный, какого еще свѣтъ не создавалъ.

Статья о Ренанѣ начинается, какъ это само собой разумѣется, не съ Ренана; она начинается... съ Данте, хотя, казалось-бы, между Данте и

Ренаномъ нѣтъ ничего общаго. Но все равно, она начинается съ Данте. Обвинивъ флорентійскаго поэта въ крайней жестокости, въ протоколизмѣ, упомянувъ недобрымъ словомъ о Франческѣ да Римини, вспомнивъ какъ-то невзначай Шевырева и его какую-то «живописную» фразу, обронивъ нѣсколько словъ вообще о поэзіи и о «темномъ лѣсѣ» (должно быть, намекъ на первые строки «Божественной комедіи»), г. Ивановъ вдругъ вспомнилъ о Ренанѣ. Онъ приготовился было поговорить, наконецъ, о Ренанѣ, но невзначай вспомнилъ, что Ренанъ—французъ, а поэтому оказалась необходимость сдѣлать характеристику француза и французской расы. Справившись блестящимъ образомъ съ этой характеристикой, г. Ивановъ опять вспомнилъ о Ренанѣ, но опять принужденъ былъ порхнуть въ сторону; между прочимъ, онъ упрекнулъ Ренана въ противорѣчіяхъ, о которыхъ говоритъ какой-то англичанинъ; а потомъ попрекнулъ Ренана также въ томъ, что сей великій мужъ французскую демократію называлъ Калибаномъ. Тутъ-же, опять таки совершенно мимоходомъ, неодобрительно отозвался о томъ, что какія-то двѣ женщины сговорились сдѣлать Ренана счастливымъ, и затѣмъ... заговорилъ о Гете и о его служебныхъ обязанностяхъ при веймарскомъ дворѣ, причемъ сослался на Доудена и Дюринга. Еще крохотная страничка, на которой нѣсколько разъ встрѣчается имя Ренана, причемъ остроумный авторъ сравниваетъ Ренана съ Лютеромъ и Ламенэ, и г. Ивановъ, увлеченный потокомъ идей, заговорилъ объ Италіи; то-есть не то, чтобы непремѣнно объ Италіи, а объ разныхъ разностяхъ: объ отношеніяхъ итальянскаго народа къ католической церкви, къ папству, о томъ, какъ папа Левъ XIII вступилъ въ союзъ съ соціалистами и какъ изъ этого союза ничего не вышло, о савойской династіи, о лептѣ св. Петра и еще о чемъ-то. Наконецъ, онъ опять вспомнилъ о несчастномъ Ренанѣ, который все время оставался въ передней, пока г. Ивановъ разглагольствовалъ и съ негодованіемъ говорилъ о католическихъ интригахъ,—вспомнилъ... но уже было поздно: пришелъ конецъ статьи, которую онъ заключилъ слѣдующими словами: «Ренанъ во всемъ Римѣ рѣшительно ничего не увидѣлъ, кромѣ вздыхающихъ женщинъ и изображеній Мадоннъ. Душа, жизнь, исторія итальянскаго народа не вошли въ кругъ его впечатлѣній, и онъ покинулъ Римъ, едва только успѣвъ—и то подъ чужимъ внушеніемъ,—бросить камнемъ въ «дурной вкусъ». И опять какъ бросить? Безотчетно, бездоказательно, въ прямое самопротиворѣчіе,—все подъ наитіемъ впечатлѣній и мимолетнаго настроенія. И изъ этой ячейки развился великій мыслитель и ученый, даже учитель идеализма нашего времени... Кто-же онъ въ дѣйствительности? Намъ придется вернуться къ этому вопросу по поводу той-же переписки. Она обѣщаетъ быть едва-ли не самымъ поучительнымъ явленіемъ культурной мысли и вообще французской литературы за послѣднюю четверть вѣка».—И такъ, подождемъ, можетъ быть г. Ивановъ когда-нибудь и отвѣтитъ на вопросъ: кто-же былъ въ дѣйствительности Ренанъ?.. Но неправда-ли, какой очаровательный писатель г. Ивановъ? Подумайте только,

какой страшный путь пришлось ему совершить, такъ сказать, въ мгновеніе ока, на одномъ печатномъ листѣ «Міра Божья»,—путь отъ Данте до ячейки!

По поводу открытія памятника въ Москвѣ Н. И. Пирогову, «Міръ Божій» оказался едва-ли не единственнымъ журналомъ, который вспомнилъ о великомъ русскомъ ученомъ и помянулъ его добрымъ словомъ. Статья г. Батя даетъ довольно полное представленіе объ ученой дѣятельности Пирогова, объ его значеніи въ наукѣ, и объ его широкой педагогической дѣятельности. «Съ прибытіемъ Николая Ивановича въ Одессу (на постъ попечителя учебнаго округа), нрава и весь духъ учебныхъ заведеній рѣзко измѣнился. Онъ внесъ душу въ дѣло просвѣщенія, гдѣ до сихъ поръ царила формалистика, и своимъ отношеніемъ уже на первыхъ порахъ пріобрѣлъ любовь и уваженіе какъ со стороны учащихся, такъ и учащихъ; а застать ему въ Одессѣ пришлось не только такихъ педагоговъ, которые усердно прибѣгали къ розгѣ, какъ къ воспитательному пріему, но даже къ мордобитію до крови, площадную брань, клоки вырванныхъ волосъ, — все это бывало спутниками преподаванія. Съ пріѣздомъ Пирогова картина рѣзко измѣнилась — даже розга, оффиціально изгнанная лишь позднѣе, фактически была уже изъята изъ учебныхъ заведеній одесскаго учебнаго округа». Характеризуя общественную дѣятельность Пирогова, авторъ говоритъ, что въ Одессѣ Пироговъ сталъ въ самыя близкія отношенія къ жизни учебныхъ заведеній. Очень часто онъ посѣщалъ уроки, принималъ живѣйшее участіе въ веденіи ихъ, знакомился съ учениками, помогалъ совѣтомъ учителямъ,—и все это дѣлалось просто, задушевно, естественно. По словамъ бывшаго въ то время гимназистомъ Л. Доброва, «посторонній, войдя въ классъ, никогда бы не догадался, что здѣсь сидитъ попечитель, да еще какой: европейская знаменитость Пироговъ!—до такой степени обстановка класса, посадка учениковъ и манера учителя представлялись заурядными; въ классѣ никакого гимназическаго начальства не присутствовало». Желая развить въ ученикахъ умственную самодѣятельность и доставить имъ пріятную и полезную духовную пищу, Пироговъ, между прочимъ, организовалъ литературные вечера для учениковъ старшихъ трехъ классовъ гимназій,—дѣло это пошло очень успѣшно и вечера весьма охотно посѣщались учениками. Гимназистъ читалъ рефератъ, написанный на избранную имъ тему, по преимуществу изъ области исторіи и словесности, опонентами обыкновенно являлись ученики, а иногда и кто-либо изъ учителей и профессоровъ, присутствовавшихъ на этихъ чтеніяхъ, главнымъ образомъ, въ качествѣ слушателей и свѣдущихъ людей на тотъ случай, если требовалось установить какой-нибудь научный фактъ, недостаточно извѣстный обѣимъ спорящимъ сторонамъ.

Это—одинъ только фактъ изъ дѣятельности Пирогова, но ихъ можно было бы привести множество, и все это свидѣтельствовало о громадной

пользѣ, приносимой Пироговымъ и о его необыкновенной гуманности. Но эта дѣятельность продолжалась не долго: онъ принужденъ былъ оставить Одессу. По этому поводу онъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «За столкновеніе моихъ убѣжденій со взглядами другихъ властей, за свободу мысли и слова въ дѣлахъ научныхъ и общественныхъ меня попросили оставить Одессу». А попросилъ его оставить Одессу новый министръ народнаго просвѣщенія, графъ Толстой, который былъ орудіемъ Каткова и исполнялъ всѣ его желанія. Вотъ и еще одинъ фактъ, иллюстрирующій дѣятельность Каткова.

На поставленный Пироговымъ вопросъ, нельзя-ли изгнать розги, значительное большинство высказалось противъ отмѣны; онъ видѣлъ, слѣдовательно, что ни педагоги, ни общество не созрѣли еще для совершенной отмѣны розги, и не счелъ возможнымъ отмѣну ея, хотя все его внутреннее «я» возмущалось розгой; но все же благодаря его нравственному авторитету, тѣлесныя наказанія почти совершенно прекратились.

Къ сожалѣнію, ни г. Бать, ни редакція «Міра Божія» не сочли нужнымъ, говоря объ этой сторонѣ дѣятельности Пирогова, кстати разобрать одинъ литературный эпизодъ шестидесятыхъ годовъ, эпизодъ объ розгѣ, будто бы проповѣдуемой Пироговымъ. Объ этомъ заговорилъ первый Добролюбовъ въ своемъ «Свисткѣ», и съ его легкой руки слава о томъ, что Пироговъ является апостоломъ розги, облетѣла всю Россію и до такой степени укоренилась, что и теперь еще существуютъ наивные люди, убѣжденные, что Пироговъ и въ самомъ дѣлѣ былъ приверженцемъ розги! Казалось бы, что при разсмотрѣніи пегагогической дѣятельности Пирогова для «Міра Божія» было нравственной обязанностью упомянуть объ этомъ эпизодѣ и объяснить, какъ грубо, въ данномъ случаѣ, ошибся Добролюбовъ. Это ни въ какомъ случаѣ не могло бы затемнить другія стороны дѣятельности Добролюбова, ибо, — по пословицѣ,—errare humanum est.

Русскую науку постигла недавно большая утрата. Умеръ Ѳ. И. Буслаевъ. Это былъ русскій Яковъ Гриммъ и по обширности своего научнаго образованія и по методу, примѣняемому имъ въ научныхъ трудахъ. «Имя Буслаева,—писалъ въ своей «Исторіи русской этнографіи» г. Пыпинъ,—уже теперь становится историческимъ именемъ. Въ привѣтствіяхъ, какія были вручены и высказаны ему по поводу его юбилея (1888 г.), отъ ученыхъ учрежденій, какъ московскій и петербургскій университеты и академія наукъ, отозвалось то представленіе о его ученыхъ заслугахъ, какое внушается обзоромъ его многочисленныхъ работъ по изученію русскаго языка, старой русской письменности, народной поэзіи и, наконецъ, стараго русскаго искусства. Рѣдко дѣятельность ученаго бываетъ въ такой степени одушевлена возвышеннымъ идеализмомъ, въ которомъ народолюбіе подкрѣпляется благородными внушеніями науки».

Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ родился 13-го апрѣля 1818 г. въ г. Керенскѣ, Пензенской губерніи. Потерявъ рано отца, онъ остался на рукахъ матери, которая переѣхала на постоянное жительство въ губернскій городъ, гдѣ, пользуясь хорошимъ достаткомъ, оставшимся ей послѣ отца, зажила вдвоемъ съ сыномъ, не зная нужды и печали. Окончивъ мѣстную гимназію, Буслаевъ поступилъ къ одному изъ лучшихъ преподавателей пензенской духовной семинаріи, чтобы приготовиться къ университетскому экзамену. Уже подъ конецъ жизни, въ своихъ «воспоминаніяхъ», Буслаевъ съ большой теплотой отзывался о гимназіи. «И какъ-же мы любимъ свою милую гимназію! Въ неурочное время, т.-е. когда не сидѣли мы смирно на скамьяхъ передъ учителемъ, считали мы ее своею собственностію, которую никто не думалъ отнимать у насъ, потому что тогда еще не было ни классныхъ надзирателей и наблюдателей, ни инспекторовъ, ни всякой другой напасти. Въ стѣны гимназіи манили насъ рѣзвыя наши сходбища для игръ и забавъ; тутъ-же былъ сборный пунктъ, откуда направлялись наши увеселительныя похожденія». Молодой Буслаевъ, по окончаніи гимназіи, хотѣлъ сдѣлаться медикомъ, но мать рѣшительно воспротивилась намѣреніямъ сына, зная, что медицинскія науки и практическія обязанности доктора не найдутъ въ натурѣ сына и складѣ его ума плодотворной почвы для своего развитія, и Буслаевъ поступилъ на словесный факультетъ московскаго университета. Буслаевъ тогда-же, по желанію профессора Давыдова, перевелъ «общую грамматику» Дю-Саси, въ нѣмецкой передѣлкѣ Фатера, на русскій языкъ и добавилъ къ этому переводу русскія и церковно-славянскія подробности. Этотъ трудъ былъ одобренъ факультетомъ и предназначенъ къ напечатанію; но это почему-то не состоялось. Кромѣ того, по желанію Шевырева, Буслаевъ составилъ большой трудъ: «Систематическій сводъ грамматикъ: Смотрицкаго, Ломоносова, академической, большихъ или полныхъ, грамматикъ Греча и Востокова и церковно-славянской Добровскаго».

Вскорѣ послѣ окончанія курса поступилъ Буслаевъ къ графу Строганову, тогдашнему попечителю московскаго округа, въ качествѣ учителя къ его дѣтямъ, и съ ними отправился въ Италію. Пребываніе въ Италіи отразилось весьма благотворно на дѣятельности Буслаева: онъ изучалъ археологическіе памятники и пользовался въ своихъ ученыхъ занятіяхъ указаніями высокообразованнаго графа Строганова, который значительно содѣйствовалъ расширенію умственныхъ горизонтовъ своего домашняго учителя. По возвращеніи въ Москву черезъ два года, Буслаевъ былъ оставленъ графомъ Строгановымъ въ качествѣ личнаго секретаря и кромѣ того получилъ мѣсто учителя словесности и русскаго языка въ третьей гимназіи. Впрочемъ, учителемъ онъ оставался не долго и уже въ 1846 году оставилъ гимназію. Въ концѣ того-же года онъ былъ принятъ въ преподавательскій составъ университета, для замѣщенія оставшейся вакантной каѳедры профессора Давыдова. Въ 1844 году Буслаевъ издалъ свой первый трудъ «О преподаваніи отечественнаго языка». «Это изслѣдова-

ніе,—читаемъ мы въ некрологѣ, помѣщенномъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ»,—дѣлится на двѣ части: первая посвящена дидактическимъ вопросамъ и имѣетъ цѣлью расширить гимназическій курсъ русскаго языка указаніями филологической науки; вторая—наиболѣе важная,—есть рядъ изслѣдованій и замѣчаній о свойствахъ, содержаніи и исторической судьбѣ русскаго языка. Здѣсь впервые примѣнены къ отечественному языку сравнительное языкознаніе и историческій методъ, послѣ чего, въ филологическихъ изысканіяхъ судебъ русскаго языка наступила уже новая эра, начало которой было именно положено упомянутымъ трудомъ Буслаева. Взявъ въ основаніе своей работы сравнительный и историческій методъ Гримма, онъ примѣняетъ его къ толкованію русскаго языка, его звуковъ и формъ, дѣлаетъ попытку создать исторію народнаго языка и извлекаетъ отсюда матеріалы для военнаго, юридическаго, религіознаго и семейнаго быта русскаго народа и для опредѣленія его языческаго и христіанскаго взгляда на природу». Въ 1847 году Буслаевъ началъ чтеніе лекцій по русскому языку и словесности въ московскомъ университетѣ и не покидалъ этой каѳедры до 1881 года, когда вышелъ въ отставку. Читая въ университетѣ и погруженный въ кабинетныя занятія,—говоритъ авторъ некролога,—онъ не сторонился, однако, и литературныхъ кружковъ Москвы, гдѣ одинаково всѣми, и тогдашними западниками, и славянофилами, привѣтствовался какъ желанный и дорогой гость. Но, вращаясь въ литературной средѣ, онъ любилъ ея представителей какъ частныхъ людей, какъ близкихъ родной ему области знанія—словесности; политическія-же ихъ убѣжденія, profession de foi, его мало интересовали и онъ мало вникалъ въ эту сторону ихъ жизни. Такъ, стоя членомъ кружка Грановскаго и будучи близкимъ человѣкомъ къ Кудрявцеву, Соловьеву, Буслаевъ вмѣстѣ съ тѣмъ дружилъ и съ Аксаковыми, Хомяковымъ и прочими славянофилами. Характеризуя себя въ своихъ «воспоминаніяхъ», онъ говоритъ по вопросу о принадлежности къ той или другой политико-общественной группѣ слѣдующее: «Принадлежать къ какой-либо партіи было противно моему нраву и обычаю... Я умѣлъ сохранить свою независимость въ борьбѣ западниковъ и славянофиловъ; точно также оставался потомъ въ нейтральномъ положеніи между консерваторами и либералами. Я думалъ, что если какой-нибудь принципъ разлагается на двѣ противоположности, то каждая изъ нихъ легко можетъ дойти до безсмысленности и зловредныхъ крайностей. Поэтому, я сочувствовалъ многому, что находилъ существеннымъ и нужнымъ въ убѣжденіяхъ и взглядахъ обѣихъ враждующихъ партій, устраняя отъ себя безразсудныя и опрометчивыя увлеченія той и другой».

Для русской науки чрезвычайно важное значеніе имѣютъ и другія труды Буслаева. Его диссертація «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ», составила настоящее событіе въ области филологіи. Прилагая и въ этомъ сочиненіи пріемы критическаго изслѣдованія, выработанные нѣмецкою наукой, Буслаевъ приходитъ къ выводу, что славянскій языкъ

еще задолго до Кирилла и Меѳодія подвергся вліянію христіанскихъ идей; что въ то время, какъ готскій переводъ Ульфилы сохраняетъ языческія преданія для выраженія христіанскихъ идей, переводъ славянскій отличается большею чистотою выраженій, вслѣдствіе отстраненія намековъ на языческій, до-христіанскій бытъ, что въ языкѣ готскаго перевода замѣчается большее развитіе государственныхъ понятій, переводъ-же славянскій относится къ той порѣ народной жизни, когда въ языкѣ господствовало еще во всей силѣ понятіе о семейныхъ отношеніяхъ.

Тѣмъ же самымъ сравнительно-критическимъ методомъ Буслаевъ пользуется и въ другихъ своихъ трудахъ. Къ нимъ относятся: «Дополненія и приложенія» къ «Сказаніямъ Сахарова» съ объясненіемъ стараго языка и народно-миѳологическихъ представленій; «Русскія пословицы и поговорки», «Русская поэзія XVII вѣка» и наконецъ цѣлый рядъ изслѣдованій въ области русской старины, впослѣдствіи собранныхъ въ изданія «Историческіе очерки народной словесности и искусствъ». Г. Пыпинъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ заслуги Буслаева для русской науки. «Въ сочиненіяхъ г. Буслаева сказались слѣдующія черты— обладаніе пріемами нѣмецкой филологической науки, помогавшее дешифрировать затемнѣвшійся и забытый смыслъ народнаго преданія, и то совсѣмъ новое у насъ отношеніе къ народности, гдѣ не только не допускалась мысль о «снисхожденіи» къ грубостямъ народныхъ понятій, но требовалось къ нимъ высокое уваженіе, гдѣ произведенія народной поэзіи излагались и комплектовались съ такимъ же признаніемъ ихъ достоинствъ, какое привыкли отдавать лучшимъ произведеніямъ искусственной литературы и съ неменьшимъ, если еще не съ большимъ сочувствіемъ указывались высокія нравственныя начала, лежащія въ ихъ основѣ, и особенности ихъ поэтическаго стиля, съ живою образностію котораго искусственная поэзія не можетъ равняться. Г. Буслаевъ умѣлъ дѣйствительно раскрывать привлекательныя стороны народно-поэтическихъ созданій, какъ до сего времени не было еще дѣлано въ нашей литературѣ. Установленіе этого новаго отношенія къ народной старинѣ и поэзіи, кромѣ многихъ въ спеціально-научномъ отношеніи важныхъ изслѣдованій, составляетъ капитальную заслугу г. Буслаева, которая должна быть высоко оцѣнена въ исторіи изученія русской народности».

Сочиненіе «Народная поэзія» является какъ-бы продолженіемъ «Очерковъ». «Изученіе народности»,—говоритъ Буслаевъ въ предисловіи,— значительно расширилось въ объемѣ и содержаніи, и соотвѣтственно съ новыми открытіями установились иныя точки зрѣнія, которыя привели ученыхъ къ новому методу въ разработкѣ матеріаловъ. Такъ называемая Гримовская школа съ ея ученіемъ о самобытности народныхъ основъ миѳологіи, обычаевъ и сказаній, которое я приводилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, должна была уступить мѣсто теоріи взаимнаго между народами общенія въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ. Многое, что при-

знавалось тогда за наслѣдственную собственность того или другого народа, оказалось теперь случайнымъ заимствованіемъ, взятымъ извнѣ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе объясняемыхъ историческими путями, по которымъ напрявлялись эти культурныя вліянія». Кромѣ «Народной Поэзіи», Буслаевъ уже подъ конецъ жизни издалъ собраніе своихъ статей подъ заглавіемъ «Мои досуги», изъ путешествія на Западѣ и очерковъ по исторіи литературы и искусства.

Г. Танковъ, бывшій ученикъ Буслаева, помѣстилъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» свои воспоминанія о Буслаевѣ, въ которыхъ преимущественно говоритъ о томъ, чѣмъ онъ былъ для студентовъ, какъ профессоръ и наставникъ. Г. Танковъ сообщаетъ много интереснаго по этому поводу. Такъ, онъ говоритъ, что Буслаевъ, читая лекцію, имѣлъ подъ руками письменныя замѣтки, гдѣ были необходимыя цитаты, но въ остальномъ онъ говорилъ свободно и передавалъ свою рѣчь мастерски. Онъ умѣлъ поддерживать въ своей аудиторіи самое интенсивное вниманіе и интересъ, что по крайней мѣрѣ отчасти можетъ объясняться неразрывною связью между смысломъ фразы и внѣшнимъ ея выраженіемъ. Напримѣръ, онъ разсказываетъ, какъ въ апокрифахъ изображенъ страшный судъ, въ видѣ того суда, который вершили византійскіе императоры, возсѣдая на тронѣ, окруженные многочисленною свитою. Лицо лектора дѣлается величавымъ и серьезнымъ, голосъ принимаетъ величественную торжественную интонацію, жесты вполнѣ соотвѣтствуютъ предмету рѣчи... Черезъ минуту рѣчь идетъ о томъ, какъ немилосердные ангелы влекутъ грѣшниковъ въ огненную рѣку. Физіономія профессора, движенія, звукъ и интонаціи голоса совершенно измѣняются. Вы какъ-бы слышите въ голосѣ его страшные крики суровыхъ исполнителей казни и затѣмъ вопли ввергаемыхъ въ огненную рѣку несчастныхъ... Наказаніе исполнено; Ѳ. И. въ такихъ случаяхъ умолкалъ и дѣлалъ паузу, при чемъ взоръ его былъ устремленъ вдаль... Черезъ пять шесть секундъ голосъ его звучалъ снова такъ или иначе, смотря по предмету и характеру изложенія. Въ одномъ изъ его курсовъ, большой отдѣлъ былъ посвященъ трактату объ апокрифическихъ сказаніяхъ на Востокѣ, Западѣ и у насъ. Предметъ весьма спеціальный и сухой; но посмотрите, какъ онъ былъ изложенъ Ѳ. И. Не только съ величайшимъ удовольствіемъ слушали студенты его лекціи, но нарисованныя имъ картины апокрифовъ потрясали ихъ воображеніе. Буслаевъ, напримѣръ, разсказывалъ, какъ (по апокрифу) душа грѣшника по млечному пути идетъ—идетъ, пробирается въ свѣтлый, пресвѣтлый рай... Что можетъ быть проще этого факта? А между тѣмъ въ изложеніи профессора онъ принималъ въ высшей степени наглядный характеръ... Вдругъ съ высоты небеснаго свода, когда уже видны лучи райскаго сіянія, летитъ несчастная душа стремглавъ въ бушующую адскимъ огнемъ рѣку мученій. Моментъ паденія изображенъ былъ поразительно... «Звѣздочка упала... да... звѣздочка упала съ неба, говоритъ народъ... да... такъ говоритъ народъ...»—быстро продолжалъ

свою рѣчь Буслаевъ... и затѣмъ громко и медленно отчеканивая каждое слово, замѣчалъ: «а по воззрѣнію апокрифа бѣдная грѣшная душа упала съ райскаго пути въ преисподнюю, гдѣ ее поджидаютъ ангелы не милостивые». Нужно было покойному профессору выразить быстроту дѣйствія, порывистость его, онъ самъ порывался всею своею фигурою впередъ, простиралъ руки... Сколько разъ студенты повторяли одну изъ фразъ Ѳ. И., произнесенныхъ имъ когда онъ говорилъ о египетскихъ апокрифахъ: «Амну бѣжитъ, Бату за нимъ», имитируя всю живость и наглядность, съ какими Буслаевъ передалъ эту незначительную, повидимому, фразу. Вообще, лекціи Буслаева давали обильный матеріалъ для бесѣды между собой студентовъ. Много, конечно, толковали о содержаніи и формѣ ихъ, не мало и о своеобразныхъ особенностяхъ изложенія... Вспоминались многія картины, нарисованныя выпукло и эффектно, многія фразы, запечатлѣвшіяся въ умѣ слушателей и оставившія тамъ яркій слѣдъ. Не безъ примѣси шутливаго элемента относились студенты къ нѣкоторымъ пріемамъ и манерамъ Буслаева, къ нѣкоторымъ какъ-бы странностямъ его... Да и самъ Буслаевъ любилъ, въ своихъ лекціяхъ, воспользоваться «смѣшнымъ», конечно, къ дѣлу и кстати; но тѣмъ не менѣе иногда остроумною шуткою, иногда юмористическимъ сравненіемъ, иногда анекдотомъ возбуждалъ въ слушателяхъ гомерическій смѣхъ, освѣжавшій серьезное настроеніе.

Совершенно справедливо замѣчаетъ проф. Кирпичниковъ въ статьѣ о Буслаевѣ («Новое Время»), что этотъ русскій Яковъ Гримъ, какъ его называли еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, (позднѣе, занявшись археологіей и исторіей искусства и являясь въ своихъ журнальныхъ статьяхъ посредникомъ между новѣйшими тенденціями міровой науки и серьезной русской публикой, Ѳедоръ Ивановичъ далеко вышелъ за предѣлы тѣхъ научныхъ интересовъ, которымъ служили братья Гримы и ближайшіе ученики ихъ)—Буслаевъ создавалъ себѣ учениковъ не однѣми университетскими лекціями, но также и живымъ общеніемъ съ учащеюся молодежью, которая находила въ немъ не только руководителя и наставника въ работѣ, но и преданнаго друга, духовнаго отца, совѣтника и помощника во всѣхъ случаяхъ жизни, учителя въ смыслѣ евангельскомъ.

Современная скандинавская живопись.

I

Объединять шведскую, норвежскую и датскую современную живопись однимъ названіемъ скандинавской живописи значитъ впадать въ крупную ошибку. Несмотря на расовое единство, несмотря на одинаковыя климатическія и свѣтовыя условія, несмотря на сходство пейзажа и народныхъ типовъ, живопись этихъ трехъ родственныхъ странъ имѣетъ такія крупныя различія, что, переходя отъ произведеній одной страны къ произведеніямъ другой, сразу чувствуешь глубокую разницу во взглядахъ и отношеніи къ искусству, разницу, за которою трудно разгадать ихъ національную близость. Живопись скандинавская, несмотря на всю свою молодость, успѣла у каждой изъ трехъ націй совершенно самостоятельно и совершенно различно развиться на одинаково плодородной почвѣ. Эволюція шла безъ уклоненій, совершенно правильно и объяснить себѣ ее очень просто.

Живопись норвежская началась тридцать-сорокъ лѣтъ тому назадъ, быть можетъ, просто благодаря случайному совпаденію 3-хъ, 4-хъ большихъ талантовъ, сдѣлавшихся отцами всей школы и прямо, безъ предшественниковъ создавшихъ ее. Въ этой огромной, холодной, пустой и бѣдной странѣ съ примитивными путями сообщенія, почти безъ городовъ, съ двухмилліоннымъ нищенскимъ населеніемъ на громадномъ, голомъ пространствѣ, живопись явилась поздно и развилась параллельно съ литературой и музыкой. До появленія упомянутыхъ художниковъ начинателей, живописи въ Норвегіи не существовало, хотя чувство художественное было развито въ народѣ до удивительной степени. Мы можемъ видѣть теперь въ самой глуши Норвегіи старыя избы, исписанныя снизу до верху такими поразительными по краскамъ и фантастичности орнаментами, какихъ мы никогда не встрѣтимъ въ современной живописи. Мы наслаждаемся красотой старинной норвежской крестьянской утвари, гдѣ ясно обозначается потребность народа въ самыхъ разнообразныхъ и тонкихъ линіяхъ и гармоніяхъ; на какой-нибудь доскѣ для выколачиванія бѣлья можно видѣть такіе рисунки, какіе не встрѣтятся никогда у современнаго художника, если не будутъ заимствованы изъ того-же источника.

Живопись норвежская въ культурномъ смыслѣ началась почти на нашей памяти. Въ концѣ 60-хъ годовъ впервые начали выступать тѣ немногіе интересные художники, которые сгруппировали вокругъ себя все остальное и составили такимъ образомъ ядро возникавшей норвежской живописи. Художники эти были Веренскіольдъ, Мунте, Таулау и Крогъ. Главными качествами ихъ и условіями ихъ развитія было колоссальное физическое и духовное здоровье, молодость, отчаянный патріотизмъ и несомнѣнный, крупный талантъ. Но несмотря на внѣшнее единеніе, живопись ихъ рѣзко отличалась одна отъ другой.

Веренскіольдъ составлялъ и составляетъ до сихъ поръ центръ всей норвежской живописи. Умный, всѣмъ живо интересующійся человѣкъ, крайне радикальный по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, страстно любящій свою страну съ ея фантастичными преданіями, со всей ея оригинальной суровой стариной,—онъ пользуется исключительнымъ вліяніемъ и уваженіемъ въ Норвегіи. Одинъ молодой художникъ въ шутку пояснилъ мнѣ вліяніе Веренскіольда тѣмъ, что, если, какъ онъ сказалъ, у Веренскіольда нѣтъ поразительныхъ качествъ, то у него совсѣмъ нѣтъ недостатковъ. Онъ идеальный рисовальщикъ и этимъ держитъ всю старую партію, онъ часто интересный искатель колорита и, кромѣ того, это сильный умъ, «свѣтлая голова»,—послѣдній отзывъ я не разъ слышалъ о немъ. Типъ деревенскаго школьнаго учителя, въ громадныхъ очкахъ, съ окладистой бородой, доброй улыбкой и свѣтлыми глазами, Веренскіольдъ живетъ въ деревнѣ близь Христіаніи въ небольшой виллѣ, имъ построенной на чудномъ мѣстѣ на берегу морского залива, гдѣ одинъ видъ съ террасы достаточенъ для зарожденія многихъ дивныхъ пейзажей. Intérieur дома такъ-же простъ, какъ и самъ хозяинъ его, и единственную роскошь составляютъ картины норвежскихъ художниковъ, развѣшанныя по стѣнамъ и собранныя съ исключительнымъ вкусомъ. Веренскіольдъ—портретистъ, Веренскіольдъ—жанровый художникъ, онъ-же—пейзажистъ и иллюстраторъ. Онъ работаетъ крайне добросовѣстно и очень долго надъ каждымъ своимъ трудомъ. Картину онъ пишетъ обыкновенно около 2-хъ лѣтъ, несмотря на то, что въ большинствѣ случаевъ она—небольшого размѣра норвежскій пейзажъ съ одной и много двумя деревенскими фигурами. Всегда онъ простъ и скроменъ, всегда болѣе рисовальщикъ, чѣмъ колористъ, интимно-робкій и женственно-нѣжный. Онъ тоже для Норвегіи, что Dagnan для Бретани. Онъ—типъ симплификатора, но симплификатора по производимому впечатлѣнію, а не по рисунку и краскамъ. Онъ беретъ маленькій кусочекъ бѣдной природы, какую-нибудь крестьянскую дѣвочку съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами,—боязливо, потихоньку, съ большой точностью, передаетъ все тонкое, все типичное и все самое простое. Подчасъ, преимущественно въ пейзажѣ, мнѣ даже хочется его сравнить съ Puvis de Chavanne'омъ по упрощенности отношенія его къ природѣ. И эта мягкость и простота, проглядывающая въ каждомъ его штрихѣ, вполнѣ соотвѣтствуютъ скромности его натуры, скромности, съ какой онъ отно-

сится къ своимъ вещамъ. Онъ мало заботится о своей славѣ, онъ слишкомъ мало блестящъ, чтобы заставить говорить о себѣ. Онъ какъ-то посылалъ свою картину въ парижскій салонъ, и она была забракована. Правда, что это было въ эпоху историческаго испуга Champs de Mars передъ нашествіемъ талантливыхъ иноплеменниковъ, когда французы вдругъ перетрусили за себя. Веренскіольдъ, конечно, не повторялъ попытокъ и рѣдко, быть можетъ 2—3 раза, выставлялъ одну или двѣ вещи въ Мюнхенѣ или Берлинѣ. Въ этихъ шумныхъ безконечныхъ залахъ, гдѣ каждый старается перекричать другого, его безъискусственный и мягкій голосъ не поражалъ никого и только немногіе отдавали ему ту дань уваженія, какою онъ пользуется въ предѣлахъ своей родины.

Веренскіольдъ самый любимый портретистъ Норвегіи. Какъ онъ говоритъ, онъ не успѣваетъ исполнить и половины получаемыхъ заказовъ. Въ портретѣ онъ рѣзко отличается отъ всѣхъ своихъ прочихъ работъ. Здѣсь умъ его гораздо болѣе дѣйствуетъ, чѣмъ его художественные инстинкты. Онъ долго и непрерывно ищетъ портретъ даннаго лица,—раньше, чѣмъ написать его, онъ знакомится со всѣми малѣйшими деталями наблюдаемаго типа и затѣмъ старается во всемъ портретѣ, въ фонѣ, во всякой мелочи дать что-нибудь относящееся къ общему характеру изображаемаго лица. Когда онъ не находитъ этой характерной всеобъемлющей черты, онъ не можетъ дѣлать и портрета. Онъ мнѣ, напримѣръ, говорилъ, что однимъ изъ самыхъ большихъ его мечтаній было-бы написать портретъ Толстого, но что, при разносторонности и сложности этой грандіозной личности, онъ боится, что не найдетъ подходящаго и законченнаго образа. Въ портретѣ піанистки Ниссенъ, находящейся въ норвежской національной галлереѣ, Веренскіольдъ стремился дать типъ строгой исполнительницы Бетховенской сонаты; въ нѣсколько зломъ портретѣ художницы Кіеландъ онъ хотѣлъ выразить безпокойность и пестроту нервнаго характера художницы и т. д.

Но самое выдающееся значеніе имѣетъ Веренскіольдъ, какъ рисовальщикъ—иллюстраторъ. Надо обратить особенное вниманіе на эту важную и крупную область въ норвежской живописи. Быть можетъ, это наиболѣе оригинальная сторона ея. Въ иллюстраціи норвежцы стоятъ совершенно особо отъ всѣхъ прочихъ народовъ. Ихъ иллюстрація лишена ироніи и веселости французовъ, лишена банальности Каульбаха и граціи Менцеля, въ ней не найти болѣзненности Бердсле, но вся она таинственна, въ самомъ полномъ смыслѣ сказочна и глубоко національна. Смѣшно вспомнить высокопарныя картинки Доре съ его громовержцами, морями, молніями и пр., когда видишь простой рисунокъ Веренскіольда, пронизывающій васъ безотчетнымъ страхомъ. Иллюстраціи норвежскія построены на трехъ элементахъ: страхъ, народность и примитивность. Элементъ страха разработанъ ими до невиданной силы и въ этомъ отношеніи ихъ можно сравнить только съ одной націей—японцами. Богатство различныхъ чудовищъ самыхъ фантастическихъ видовъ,

разныхъ полулюдей, полузвѣрей, совсѣмъ отличныхъ отъ избитыхъ центавровъ и драконовъ, множество разныхъ страшныхъ зловѣщихъ птицъ, какихъ-то длинныхъ таинственныхъ мостовъ и пропастей — все это можетъ быть сравнено лишь съ гигантской фалангой японскихъ чудищъ, необъяснимо какъ появившихся и какимъ геніемъ созданныхъ. Націонализмъ въ иллюстраціяхъ виденъ, во-первыхъ, въ мотивахъ, которыми служатъ всегда или старыя народныя сказки, или историческіе разсказы, или, наконецъ, исторія Норвегіи, вся иллюстрированная (въ новомъ изданіи) Веренскіольдомъ, Мунте и Крогомъ. Ихъ типы всегда взяты или прямо изъ народа или изъ народныхъ представленій о старыхъ скандинавскихъ герояхъ и короляхъ и, наконецъ, пейзажъ ихъ всегда характеристично сѣверенъ и дикъ. Но если не видѣть этихъ рисунковъ, трудно представить себѣ ихъ внѣшность: они въ техническомъ отношеніи и въ самой постройкѣ рисунка совсѣмъ особенны и, опять-таки, если кого-нибудь напоминаютъ, то японцевъ, не будучи, впрочемъ, совсѣмъ на нихъ похожи. Въ тѣхъ и другихъ есть какая-то bonhomie, какая-то простота сердечная и что-то дѣтское, такъ прекрасно соотвѣтствующее древнимъ сказаніямъ, которыя они изображаютъ. Конечно, манера и здѣсь взята у народа—отчасти изъ его лубочной живописи, которая, благодаря позднему развитію норвежской живописи вообще, особенно тамъ распространилась, напоминаетъ старинные норвежскіе матеріи и ковры, которые у нихъ замѣняли гобелены и по красотѣ и забавности нисколько не уступали послѣднимъ. Словомъ, иллюстрація составляетъ въ Норвегіи совершенно особую, самостоятельную и серьезную область, и во главѣ ея стоитъ опять-таки Веренскіольдъ. Онъ никогда не рисуетъ иллюстрацій въ краскахъ, но нѣсколькими штрихами карандаша или пера обозначаетъ всю сцену съ такой полнотой впечатлѣнія, какой не достигаютъ самые сложные рисовальщики.

Другой изъ упомянутыхъ иллюстраторовъ—Gerhard Munthe многимъ отличается отъ Веренскіольда. Въ сущности одной изъ задачъ Мунте было возстановленіе старыхъ кустарныхъ издѣлій, и онъ началъ дѣлать въ древнемъ стилѣ картоны для ковровъ, занавѣсей и пр. Онъ изучилъ не только съ точки зрѣнія рисунка народную живопись, но съ большимъ артистическимъ чутьемъ понялъ прелесть стараго орнамента и со стороны гармоніи красокъ. Онъ допускалъ еще болѣе опрощенную грубость рисунка, чѣмъ Веренскіольдъ, преслѣдуя цѣли скорѣе прикладного искусства. Наконецъ, онъ не удержалъ обычнаго реализма Веренскіольда, онъ—типъ фантастика на народной подкладкѣ, даже скорѣе символиста, насколько чисто народная поэзія бываетъ символична; онъ пѣвецъ сагъ и одинъ изъ самыхъ яркихъ представителей сказочной стороны въ искусствѣ.

Къ этимъ двумъ блестящимъ иллюстраторамъ примыкаютъ еще художники Скредзвигъ, Зиндингъ и Крогъ, но послѣдніе два гораздо болѣе живописцы, чѣмъ иллюстраторы, и только одинъ Скредзвигъ еще выра-

боталъ свой особый жанръ иллюстраціи. Художественная законченность преобладаетъ въ его рисункахъ. Сдѣланы они цвѣтными карандашами и уже не носятъ на себѣ характера чистыхъ иллюстрацій; это скорѣе небольшія сказочныя картинки, всегда интересныя по пейзажу и пріятныя по тонамъ. Хотя онѣ, быть можетъ, и не вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ иллюстрацій,—онѣ недостаточно просты,—но, во всякомъ случаѣ, онѣ всегда интересны и художественны. Это лучшее изъ всего, что дѣлаетъ Скредзвигъ, художникъ, пользующійся огромной репутаціей въ Норвегіи. Крогъ и Зиндингъ, какъ я уже упоминулъ, также выступали часто какъ иллюстраторы и сотрудничали въ изданіяхъ, предпринимаемыхъ прочими ихъ товарищами, но многочисленныя иллюстраціи ихъ были лишь поддѣлываніемъ къ общему тону и лишены оригинальности. Впрочемъ, оба художника—очень большія имена Норвегіи, но не какъ иллюстраторы, а какъ живописцы: Зиндинъ, какъ талантливый, но нѣсколько монотонный поэтъ полярнаго моря, сѣвернаго сіянія и громадныхъ ледяныхъ скалъ, Крогъ же какъ одинъ изъ 4-хъ начинателей всего художественнаго движенія въ странѣ. Крогъ очень разносторонній человѣкъ, онъ политикъ и ораторъ крайней лѣвой, художественный критикъ, рисовальщикъ въ журналахъ, портретистъ и бытовой живописецъ. Какъ типъ, онъ самое большое противоположеніе Веренскіольду, онъ во всемъ и всегда рѣзокъ. Въ своихъ рѣчахъ и статьяхъ онъ всегда борется за свою страну, часто трогаетъ старинную вражду двухъ соединенныхъ націй, и съ такой ненавистью относится ко всему, чѣмъ-нибудь связывающему свободу страны, что готовъ всегда протестовать, мѣшать политику съ искусствомъ и пользоваться послѣднимъ для выраженія своихъ летучихъ настроеній. Въ своихъ критическихъ статьяхъ Крогъ ѣдокъ, насмѣшливъ и также вѣчно воинствененъ. Лишь въ области рисунка и портрета онъ остается настоящимъ артистомъ. Онъ рисуетъ постоянно и всѣхъ, кто чѣмъ-нибудь ему кажется занимателенъ, — такъ недавно имъ изданы два большихъ тома потретовъ карандашомъ выдающихся норвежскихъ художниковъ, и этотъ трудъ удовлетворитъ наиболѣе требовательный вкусъ. Въ портретахъ своихъ онъ очень правдивъ и часто интересенъ по замыслу. Одинъ изъ лучшихъ его портретовъ—портретъ больного шведскаго поэта Стринберга—принадлежитъ Ибсену, и старый писатель исключительно любитъ его, часто говоря, что никогда не разлучится съ нимъ, такъ какъ ему необходимо всегда имѣть передъ собой глаза этого сумасшедшаго.

Послѣдній изъ четырехъ столповъ норвежской живописи, Фритцъ Таулау, во многомъ отличается отъ своихъ собратьевъ, какъ по своей жизни, такъ и по работамъ. Таулау съ ранней молодости жилъ внѣ родины, главнымъ образомъ въ Германіи; онъ учился, какъ множество юношей того времени, въ Дюссельдорфѣ и принадлежалъ къ плеядѣ пламенной реалистической молодежи, боровшейся за plein air и кидавшейся чуть не на фотографированіе природы. Первые труды его, помѣченные

началомъ 70-хъ годовъ, встрѣчаемые въ національной галлереѣ Норвегіи и въ прочихъ норвежскихъ коллекціяхъ, мало интересны не только съ современной точки зрѣнія, но даже и для того времени. Онъ въ началѣ почти не обращалъ на себя вниманіе, какъ художникъ. Въ Парижѣ, живя тамъ нѣсколько лѣтъ почти безвыѣздно. онъ вошелъ въ художественный міръ. Исполинъ ростомъ, необыкновенно красивый типъ норвежскаго богатыря, онъ былъ пріятенъ каждому, какъ симпатичный собесѣдникъ, пламенный искатель въ искусствѣ, упоенный прелестью здоровья и жизни. На обѣдахъ и собраніяхъ Таулау былъ всегда центромъ общества, онъ обладалъ большимъ остроуміемъ, даромъ слова и опьяняющей веселостью. Онъ былъ другомъ всѣхъ и каждаго. И въ этомъ отношеніи остался тѣмъ же и до сихъ поръ. Его любили за все, только не за его живопись. Въ 80-хъ годахъ Таулау оставилъ Парижъ и уѣхалъ на родину, которой онъ не видалъ много лѣтъ и которую даже мало зналъ. И вотъ въ концѣ 80-хъ годовъ въ салонѣ появилась его небольшая пастель, изображающая старую фабрику въ Норвегіи, покрытую снѣгомъ, на берегу замерзающей рѣчки. Всѣ были поражены. Это было первое дуновеніе холоднаго вѣтра Норвегіи, съ ея заманчивою лѣсною глушью, холоднымъ моремъ, страшными сказками и всѣмъ тѣмъ таинственно-новымъ, чего такъ жаждалъ Парижъ. Картина была куплена въ Люксембургскій музей, и слава Таулау началась. Онъ пріѣхалъ домой обновленный, тѣмъ же здоровымъ реалистомъ, тѣмъ же пленэристомъ, какимъ былъ всегда. Онъ надѣвалъ тяжелый мѣховой полушубокъ, подвязывался кушакомъ, бралъ полотно и краски и цѣлыми часами въ морозные ясные дни простаивалъ въ снѣгу въ интимной близости съ обожаемой природой, которую онъ искалъ и которую съ любовнымъ трепетомъ развертывалъ въ своихъ правдивыхъ и свѣжихъ полотнахъ. Главные его мотивы — маленькіе незначительные уголки, бѣдныя избы, ручейки и снѣга, какъ будто въ нихъ художникъ видѣлъ всеобъемлющій символъ своей холодной родины. Въ снѣгахъ и, главное, въ водѣ, въ этой холодной, оттаивающей и замерзающей водѣ съ едва замѣтнымъ льдомъ на поверхности, Таулау открылъ такую неожиданную красоту, какой мы до него не видали. Это былъ разцвѣтъ его таланта. Затѣмъ онъ опять оставилъ Норвегію и, послѣ долгихъ путешествій, проѣздомъ изъ Лондона въ Италію, онъ остановился, заинтересовавшись какимъ-то видомъ, на недѣлю въ Діеппѣ, гдѣ и остался жить—вотъ уже 8 лѣтъ. Художникъ опять окунулся въ парижскую жизнь. Парижъ принялъ его крайне радушно. Его вилла въ Діеппѣ завѣсилась и заставилась вещами Rodin, Aman-Jean, Roll, Duez, Liebermann и проч., его вещи раскупались на расхватъ, онъ сдѣлался членомъ жюри Champs de Mars. Все это не прошло безслѣдно и для его увлекающагося художественнаго темперамента. Онъ во многомъ офранцузился. Подъ сильнымъ вліяніемъ Casin, Таулау началъ искать вечернихъ и лунныхъ эффектовъ въ нормандскомъ пейзажѣ и въ старыхъ улицахъ Діеппа. Художникъ справился и съ этой зада-

чей блестяще, имѣя слишкомъ много и вкуса, чтобы испортить что-нибудь, до чего онъ прикасался. Успѣхъ его никогда не былъ такъ великъ, какъ теперь, но мнѣ всетаки съ грустью вспоминается то доброе старое время, когда никому неизвѣстный Таулау писалъ свои снѣжные сугробы и суровые зимніе дни. Выше этого онъ никогда ничего не создалъ.

Таулау былъ самый видный изъ «снѣговыхъ» художниковъ Норвегіи, но подъ его крыломъ пріютилось много талантливыхъ живописцевъ вѣчно мѣняющагося красиваго снѣжнаго пейзажа. Настоящій снѣгъ, во всѣхъ его видахъ и тонахъ, можно найти только въ Норвежской живописи, которая, мнѣ кажется, исчерпала всѣ роды этого пейзажа. Кромѣ Таулау, мы видимъ исключительно снѣговыхъ пейзажистовъ Gloersen, Weutzel, Collet и иногда Jorde. Все это прекрасные таланты, крайне плодовитые и несходные между собою. Глядя на нихъ, поражаешься разнообразіемъ природы и богатствомъ нюансовъ въ человѣческомъ вкусѣ и темпераментѣ. У Gloersen'a, какъ общій типъ—снѣжный день; снѣгъ падаетъ частыми, тяжелыми хлопьями и какъ-бы виситъ надъ землей густою, бѣлою пеленою. Онъ пишетъ мягко и доходитъ до того, что дѣлаетъ свой пейзажъ одной бѣлой краской на бѣломъ холстѣ. У Weutzel'я день всегда ясно морозный съ крѣпкимъ прозрачнымъ воздухомъ, когда пейзажъ особенно опредѣлененъ, когда можно издали, отдѣльно видѣть каждый стволъ дерева, когда зелень сосны особенно красива на бѣломъ бархатистомъ коврѣ. Его пейзажъ веселъ, написанъ размашисто и такимъ количествомъ краски, что кажется, будто онъ вылѣпленъ изъ какой-то массы. Несмотря на всю страшную грубость, Weutzel сохранилъ въ неприкосновенности типъ далекаго сѣвернаго художника, дѣтскими глазами смотрящаго на источникъ всего—природу. Collet болѣе монотоненъ, чѣмъ остальные, но и у него есть своя физіономія и его нельзя смѣшать съ другими. Онъ дѣлаетъ почти всегда быстрые незамерзающіе лѣсные ручейки въ богато одѣтыхъ снѣжныхъ берегахъ съ розовыми лучами заходящаго солнца.

Эта снѣжная живопись очень типична для Норвегіи. Вся она—одинъ хвалебный гимнъ природѣ, и разница между реализмомъ норвежскимъ и прочихъ европейскихъ странъ—та, что реалистическія тенденціи Lhermite'a, Israels'a и Liebermann'a явились реакціей противъ прежнихъ теченій, выдуманныхъ человѣческимъ талантомъ, реализмъ же Норвегіи—не придуманная, безсознательная вещь. Текъ ручей, падалъ снѣгъ, качался лѣсъ, художникъ видѣлъ это и записалъ такъ, какъ дѣти запоминаютъ многое, чего даже не понимаютъ. Норвежскій художникъ инстинктивно чувствуетъ природу. Природа и сокровищница старинныхъ преданій—вотъ чѣмъ живетъ, какими соками питается искусство Норвегіи. И въ этомъ ея спасенье.

II.

Будущему историку шведской живописи придется начать свою исторію съ нынѣшняго столѣтія, хотя въ началѣ ея онъ, конечно, сдѣлаетъ краткій обзоръ художественнаго броженія въ прошломъ вѣкѣ и упомянетъ о тѣхъ немногихъ художникахъ, которые, мало сдѣлавъ самостоятельнаго и перенеся на почву родины лишь свѣдѣнія, полученныя ими отъ иностранныхъ учителей, все же, благодаря таланту, заслуживаютъ вниманія и заинтересовываютъ глазъ зрителя. Мы видимъ въ Стокгольмскомъ музеѣ художника Breda, который былъ ученикомъ Гэнсборо и который можетъ намъ объ этомъ не сообщать, такъ какъ его элегантные и талантливо сдѣланные портреты слишкомъ пропитаны порабощающимъ вліяніемъ учителя и общимъ духомъ тогдашней Англіи. Пройдя затѣмъ въ сосѣднія залы музея, мы встрѣчаемся съ увлеченіемъ французскими классиками, такъ какъ портретисты наиболѣе видные опять таки ничѣмъ не проявили своей личности и лишь ловко пользовались благопріобрѣтеннымъ матеріаломъ. Картина общаго состоянія живописи въ Швеціи съ тѣхъ поръ очень перемѣнилась, но между внуками и предками есть одно сходство: шведское искусство вкусило плодовъ современной Европы и особенно Франціи и развилось подъ большимъ ея вліяніемъ. Конечно, Швеція далека теперь отъ простого подражанія. Какъ лучи, преломляясь сквозь призму, мѣняютъ свое свойство, такъ и чужеземное вліяніе дало здѣсь совсѣмъ неожиданную окраску, новые цвѣта, новое пониманіе. Но художественное чутье шведскихъ живописцевъ уже лишено того чистосердечія и наивной вѣры, какія мы видѣли въ Норвегіи. Вкусъ нѣсколько уже изысканъ и требуетъ пикантности тоновъ, оригинальности техники и новизны мотива. Шведы, остаются въ сущности, также на реалистической почвѣ, но ихъ манера видѣть вещи совсѣмъ иная, чѣмъ у ихъ сосѣдой—норвежцевъ. Они ищутъ настроенія въ природѣ, они не боятся красокъ, колоритъ ихъ часто рѣзокъ и условенъ, тона обыкновенно безпокойны и крикливы; они вообще главнымъ образомъ колористы, но смѣлые и нервные. У нихъ нѣтъ ничего общаго съ Барбизономъ или шотландцами, этимъ преобладающимъ на западѣ теченіемъ; они слишкомъ грубы и здоровы для этихъ меланхоличныхъ мечтателей, но за то мы встрѣтимъ въ нихъ подчасъ Besnard'а или Rafaelli, и мы должны признать, что шведы правы, называя Стокгольмъ сѣвернымъ Парижемъ.

Во всемъ блескѣ своего таланта, во всей своей славѣ и всемірной извѣстности встрѣчаетъ насъ въ Швеціи, поражая мощью, удивительный художникъ жанристъ, портретистъ и офортистъ Андреасъ Цорнъ. Онъ шведъ по происхожденію, но космополитъ по таланту и значенію. Извѣстность его давно уже перешла за границы его родины и онъ всюду ожидаемъ и всюду оцѣненъ. Это—всемірный художникъ и для него нѣтъ границъ. Это олицетвореніе львиной силы, самый блестящій виртуозъ

изъ современныхъ художниковъ, въ техникѣ не имѣющій соперниковъ. Богъ знаетъ какъ онъ выросъ и какъ развился въ той обстановкѣ, изъ которой произошелъ. Цорнъ родился въ одной изъ среднихъ провинцій Швеціи Далекарли, расположенной на берегахъ огромнаго и живописнаго озера Сильянъ. Отецъ его былъ простой крестьянинъ, а мать и до сихъ поръ работаетъ въ полѣ. Далекарли—единственная область Швеціи, гдѣ сохранились въ неприкосновенности старые народные костюмы, гдѣ процвѣтаютъ кустарныя издѣлія и гдѣ нѣтъ почти крестьянскаго дома, не увѣшаннаго картинами народнаго производства. Фантазія народная здѣсь удивительно развита. Мнѣ приходилось видѣть громадные широко задуманные картоны съ массой фигуръ людей и животныхъ—какіе то въѣзды королей въ старинные города, въѣздъ Христа въ Іерусалимъ и массу картинъ изъ Библіи, сдѣланныхъ съ большой смѣлостью и подчасъ остроуміемъ. Здѣсь родился Цорнъ и провелъ первые годы жизни; сюда же вернулся онъ послѣ многихъ лѣтъ пребыванія въ Парижѣ, Лондонѣ и Америкѣ. Художникъ съ исключительной нѣжностью любитъ это маленькое мѣстечко Мура на берегу широкаго голубого озера съ старой шестисотлѣтней церковью и воздухомъ, напитаннымъ преданіями о Густавѣ Вазѣ, любимомъ героѣ страны. Недалеко отъ старинной церкви, купленной имъ однажды, когда крестьяне хотѣли ее передѣлать или обновить, Цорнъ построилъ свою виллу и остался жить въ ней большую часть года и отдыхать послѣ утомительныхъ поѣздокъ по всему свѣту для исполненія своихъ знаменитыхъ портретовъ, постоянно требуемыхъ отъ него со всѣхъ концовъ міра. Мнѣ пришлось какъ-то прожить нѣсколько дней у него въ деревнѣ. Мнѣ было невыразимо странно видѣть Цорна у себя, въ неожиданной для меня обстановкѣ, послѣ всего ослѣпительнаго блеска, въ которомъ я видѣлъ его въ парижскихъ салонахъ, въ гостиныхъ Лондона или въ галлереѣ портретовъ великихъ художниковъ въ флорентинской Uffizi. Цорнъ собственноручно доканчивалъ постройку своей виллы, слѣдилъ за вбиваніемъ каждаго гвоздя, дѣлалъ рисунки для каждой двери и длинными кистями проходилъ декораціи на огромныхъ ширмахъ въ своемъ ателье. Уже вечерѣло, когда одинъ изъ родственниковъ художника, крестьянинъ той же деревни, подвезъ меня въ широкой колясќѣ къ подъѣзду виллы. Меня ждали и потому Цорнъ снялъ свой обычный крестьянскій костюмъ изъ простого темносиняго сукна и былъ одѣтъ въ элегантное англійское платье. Проведя меня черезъ большую столовую, отдѣланную сверху до низу крестьянскими картинами, полками со старымъ шведскимъ стекломъ, съ елками по угламъ и огромною печью-каминомъ, Цорнъ ввелъ меня въ комнату для гостей, гдѣ я почувствовалъ себя сразу перенесеннымъ въ Англію съ изящнымъ Walter Crane'омъ и тонкой мебелью Liberty. Все было очень граціозно, элегантно отдѣлано, и на всемъ лежалъ отпечатокъ уютнаго, деревенскаго дома. Послѣ обѣда хозяева предложили мнѣ, такъ какъ это было Воскресенье, пойти посмотрѣть на деревенскіе

танцы на берегу озера. Мы отправились втроемъ и вскорѣ увидали на берегу круглую террасу съ крышей, откуда доносились дикie звуки какихъ-то странныхъ инструментовъ, и гдѣ виднѣлись яркiя краски народныхъ костюмовъ, рѣзкихъ полосатыхъ юбокъ и цвѣтныхъ кафтановъ. Оживленiе царило повсюду и нѣсколько десятковъ паръ, обнявшись за талiи, танцовали нѣчто среднее между вальсомъ и полькой. Не успѣли мы близко подойти къ танцующимъ, какъ я утерялъ Цорна изъ вида и только черезъ нѣсколько минутъ разсмотрѣлъ его среди кружащихся паръ, съ особеннымъ оживленiемъ оттанцовывающаго и притоптывающаго въ тактъ оригинальной музыки. Намъ бы пришлось долго стоять на берегу, если бы мы стали ждать, пока онъ окончитъ свои танцы, такъ какъ обыкновенно до поздней ночи онъ остается среди земляковъ, танцуя и бесѣдуя съ ними. Мы вернулись въ сопровожденiи сестеръ художника, молодыхъ дѣвушекъ-крестьянокъ, очень эффектныхъ въ своихъ живописныхъ костюмахъ. На другой день Цорнъ мнѣ показывалъ своихъ Рембрандтовъ и Рибера, которые висятъ у него въ мастерской. Онъ по обыкновенiю много говорилъ объ искусствѣ. Отстаивалъ со всею пылкостью борца умирающiй реализмъ, защищался отъ взводимыхъ на него лично нападковъ за слишкомъ подавляющую техничность работы и отсутствiе внутренняго содержанiя. Судилъ, какъ истый реалистъ, все англiйское теченiе послѣдняго полувѣка, виня его въ болѣзненности и видя въ немъ причину упадка здоровья въ искусствѣ. Вспоминалъ о свѣжей крови американской живописи, безъ которой, по его мнѣнiю, въ современной Англiи не появилось-бы ни одной картины. И тутъ-же быстрымъ переходомъ онъ предложилъ мнѣ сдѣлать съ нимъ прогулку на парусной лодкѣ, что составляетъ одно изъ самыхъ любимыхъ его занятiй. Онъ вспомнилъ, что вся его семья, сестры и старая мать работали въ полѣ и пригласилъ ихъ навѣстить. Мы развернули паруса и помчались. Для меня всѣ эти дни, тѣ странные дни, которые я провелъ у этого страннаго человѣка, были во многомъ необъяснимы. Я не говорю уже объ его жизни, столь своеобразной и вмѣстѣ столь близкой къ окружающимъ его роднымъ людямъ. Каждый работаетъ по-своему и каждый вознагражденъ по-своему. Одному дано десять талантовъ, другому два. Это слишкомъ сложный и слишкомъ личный вопросъ. Для меня было неразрѣшимо другое, какъ могъ вырости такой цвѣтокъ на этой хотя богатой, но грубой землѣ. Какъ могъ появиться этотъ далекiй сѣверный крестьянинъ съ такими тонкими руками аристократа? Въ картинахъ его въ какой-нибудь «ярмаркѣ въ Мура», или въ «ночи св. Ивана въ Далекарлiи» или, наконецъ, въ его часто повторенныхъ, купающихся женщинахъ этотъ разладъ не такъ замѣтенъ, но какъ только онъ дѣлаетъ свои офорты или пишетъ любой изъ своихъ портретовъ онъ вдругъ подымается на такую высоту благородства и чистоты стиля, элегантности, что поражаешься одному воспоминанью о далекой убогой деревушкѣ на холмистыхъ берегахъ озера Siljan.

Цорнъ самый большой и наиболѣе извѣстный шведскій живописецъ, но онъ, въ сущности, стоитъ нѣсколько отдѣльно отъ художественной жизни Швеціи; онъ внѣ ожесточенной борьбы партій, объявшей за послѣднія 25 лѣтъ весь шведскій художественный міръ и произведшей расколъ между старой и новой партіей, главнымъ образомъ благодаря ожесточенному протесту и исключительному авторитету главы молодой школы, художнику Josephson'у. Я рѣдко видѣлъ большую популярность, чѣмъ у этого живописца среди художниковъ всевозможныхъ партій и разныхъ возрастовъ. Поклоненіе этому человѣку доходитъ до того, что при одномъ произнесеніи его имени многіе художники демонстративно снимаютъ шляпы, говоря, что они безъ благоговѣнія не могутъ вспоминать о немъ. Судьба Josephson'a очень трагична. Это былъ типъ убѣжденнаго радикала въ искусствѣ. Онъ громко проповѣдовалъ свое ученіе, глумился надъ академіей, презиралъ все, что не носило названіе прогресса. Живописью своей онъ старался ломать всѣ старыя предубѣжденія и создать новое свободное искусство. Честность и прямота его убѣжденій сдѣлали ему то исключительно почетное имя, какого не имѣетъ никто изъ художниковъ его страны. Въ періодъ самаго разцвѣта своихъ силъ онъ заболѣлъ и до сихъ поръ страдаетъ сильнымъ душевнымъ недугомъ. Такъ кончилась гордая дѣятельность этой сильной воли и конецъ этотъ возложилъ лавровый вѣнокъ на всю его мощную личность. Теперь намъ кажется страннымъ, когда мы смотримъ на произведенія этого художника, непонятнымъ, почему они могли вызывать такую сильную вражду и такое благоговѣйное уваженіе. Это не болѣе, какъ реалистъ, грубо подчеркивающій свой реализмъ, немного напоминающій Manet, но безъ оригинальности послѣдняго, впрочемъ хорошій мастеръ, рѣдко красивый, какъ напр. въ портретѣ скульптора въ Стокгольмскомъ музеѣ, въ большинствѣ случаевъ сильный, грубый и теперь уже далеко не новый для насъ. Конечно, живопись за послѣднія 25 лѣтъ во многомъ далеко ушла впередъ и, глядя на картину Josephon'a «геній воды», пріобрѣтенную принцемъ Евгеніемъ и подаренную имъ національной галлереѣ въ Стокгольмѣ, мы не понимаемъ. какія причины заставили музей отказаться въ пріемѣ упомянутой картины. Но все это было много лѣтъ назадъ, теперешнее-же увлеченіе художниковъ можно объяснить лишь старыми воспоминаніями, обаятельной личностью живописца и тѣмъ историческимъ значеніемъ, какое онъ имѣлъ.

Впрочемъ, борьба не прекратилась въ Швеціи и, какъ всегда бываетъ, самые выдающіеся и самые интересные художники оспариваемы болѣе всѣхъ другихъ. Такъ въ Швеціи, какъ и въ Норвегіи, нельзя не обратить вниманія на крайне любопытную и талантливую школу пейзажистовъ. Но въ этой школѣ Швеція и Норвегія особенно разнятся между собой. Въ то время какъ норвежцы стараются схватить характеръ изображаемой мѣстности, шведы пытаются дать настроеніе пейзажа. Всѣ выдающіеся шведскіе пейзажисты, какъ принцъ Евгеній, Nordsträm,

Kreuger, Jansson, пишутъ, если можно такъ выразиться—стихами, въ то время какъ норвежцы всегда говорятъ прозой. Поэзія шведовъ очень образна, подчасъ рискована и обыкновенно лишена опредѣленности норвежскаго воспріятія.

Принцъ Евгеній, младшій сынъ шведскаго короля, стоитъ во главѣ всего художественнаго міра Швеціи. Это одинъ изъ самыхъ талантливыхъ шведскихъ пейзажистовъ, плѣняющихъ интимностью и тонкостью пониманія природы. Далекіе вечерніе пейзажи, съ широко разстилающимися равнинами, озерами, островами, утопающими въ вечернемъ ароматномъ воздухѣ или утреннемъ туманѣ, лѣсныя чащи съ алѣющимъ горизонтомъ и — главное — облака, пушистыя облака, повисшія низко надъ землей, таковъ характеръ творчества принца Евгенія. Его нельзя назвать типичнымъ представителемъ шведскаго пейзажа, но онъ, безъ сомнѣнія, наиболѣе граціозный и пріятный изъ нихъ. Изъ числа трехъ остальныхъ, интереснѣйшимъ является столь сильно оспариваемый Нурдстремъ. Я не могу сказать, чтобы художникъ этотъ былъ мнѣ симпатиченъ, мнѣ кажется даже, что онъ еще не высказался вполнѣ, но то, что онъ сдѣлалъ, уже слишкомъ своеобразно, чтобы не быть отмѣченнымъ. Представьте себѣ ярко желтое поле съ ярко краснымъ домомъ по серединѣ и зелеными деревьями вокругъ. Представьте себѣ зимній пейзажъ, состоящій изъ огромнаго, до крайности симметрично построеннаго, дома, покрытаго снѣгомъ и занимающаго всю картину, съ небольшой полоской синяго неба наверху. Возьмите, наконецъ, одинъ изъ его многихъ пейзажей съ бѣлыми, красными и фіолетовыми облаками и зеленой и бурой землей на одномъ полотнѣ—и вы будете имѣть нѣкоторое понятіе объ этомъ трудно поддающемся описанію художникѣ. Онъ постоянно интересенъ по задачѣ, пейзажъ его любопытно задуманъ и, конечно, это совсѣмъ недюжинный художникъ, но какъ у всякаго смѣлаго искателя, попытки его не всегда оправдываютъ его стремленія. Но за то, когда ему удается искомый эффектъ, какъ напр. въ его картинѣ въ стокгольмскомъ музеѣ, гдѣ длинный розовый домъ, проглядывающій изъ за линіи деревьевъ, ярко освѣщенъ луной—тутъ онъ прямо великолѣпенъ.

Художники Kreuger и Jansson, хотя менѣе занимательны, но часто болѣе счастливы въ выполненіи: Kreuger—рисуя животныхъ въ зелени, причемъ такъ, что преобладающимъ тономъ являются свѣжія краски травы, животныя же представляются лишь пятнами на этой зелени, Jansson — задаваясь широкими задачами изображенія видовъ городовъ при мутномъ вечернемъ освѣщеніи, длинныхъ улицъ съ зажженой вереницей тусклыхъ фонарей и пр. Во всѣхъ ихъ видахъ много своеобразнаго пониманія, и эта школа, также какъ и норвежская, можетъ внести много жизни въ европейскій пейзажъ, дать ему совсѣмъ новое освѣщеніе.

Но кромѣ этой объединенной группы художниковъ, въ шведской живописи попадаются отдѣльно стоящіе крупнѣйшіе таланты, имя которыхъ популярно не въ одной Швеціи. Въ акварельномъ отдѣлѣ прошлогодней

берлинской выставки можно было видѣть повѣшенными въ рядъ, въ узенькихъ, бѣлыхъ рамкахъ, 20 небольшихъ акварелей, изображающихъ домашнюю жизнь маленькаго семейства въ деревнѣ. Библіотека, столовая, купанье дѣтей, игра въ куклы и прочія наивныя сценки изъ скромной деревенской жизни были написаны такой оригинальной манерой, такъ безпретенціозно, просто и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ богато по краскамъ и фантазіи, что будь это сдѣлано какимъ-нибудь французомъ, онъ сталъ бы знаменитостью въ одинъ день. Художникъ Karl Larsen, писавшій ихъ въ подарокъ своимъ дѣтямъ, изобразилъ въ этихъ акварелях сцены изъ жизни своей семьи въ деревнѣ въ Далекарли. И это не первая серія шедевровъ, исполненныхъ имъ, онъ далъ уже болѣе 20 двухъ-тонныхъ акварелей для средневѣковыхъ сказокъ, которыя можно видѣть въ Готенбургскомъ музеѣ; онъ же писалъ всѣ декоративныя пано въ entrée стокгольмскаго музея. Это совсѣмъ удивительный мастеръ, ни на кого не похожій и не заимствующій ни отъ кого своихъ оригинальныхъ концепцій. Въ декоративныхъ пано онъ даетъ символы различныхъ эпохъ, чутко умѣя схватить индивидуальность каждой изъ нихъ. Въ передачѣ художникъ необычайно простъ, въ тонахъ мягокъ, какъ гобеленъ, въ рисункѣ ярко и опредѣленно очерченъ. Въ сказкахъ онъ достигаетъ необыкновенной фантастичности и демоническаго страха своими средневѣковыми монахами, высокими соборами, кладбищами и пр. Въ акварелях онъ снисходитъ до дѣтской наивности, сохраняя ту же манеру упрощеннаго изложенія съ употребленіемъ трехъ-четырехъ красокъ и съ яснымъ обозначеніемъ рисунка въ контурахъ. Онъ дотого разнообразенъ и такъ необыкновененъ, что не поддается никакой классификаціи и, хотя въ немъ нѣтъ ничего національнаго, шведы въ правѣ гордиться имъ. Счастливое искусство, которое можетъ записать на страницахъ своей исторіи одно за другимъ такія славныя имена, такіе разнообразные таланты, гдѣ красивый пѣвецъ деревенской тишины смѣняется грознымъ тяжелымъ поэтомъ лѣсной жизни, той дикой глуши, куда не можетъ, кажется, проникнуть глазъ человѣка.

Подъ ужаснымъ проливнымъ дождемъ, когда черныя тучи низко неслись, какъ бы задѣвая верхушки дремучаго чернаго лѣса, я, переплывъ на широкой ладьѣ огромное дикое озеро, подъѣхалъ къ маленькому домику въ лѣсной глуши. Здѣсь жилъ шведскій художникъ Bruno Liljefors, одинъ изъ тѣхъ художниковъ, которые ничего не ищутъ, кромѣ вѣчной бесѣды съ природой. Имъ все равно, въ какой эпохѣ они живутъ, что ихъ окружаетъ, ихъ не тревожитъ борьба, ихъ не плѣняетъ слава. Они достигли той жизни птицъ небесныхъ, которая издали кажется даже невѣроятной. И я увидѣлъ и повѣрилъ въ возможность такой жизни. Liljefors пишетъ лѣсъ и его многочисленныхъ обитателей. Что можетъ быть проще и старѣе этого? Но художникъ далъ въ своей простой задачѣ такіе титаническіе образы, до которыхъ никто даже издали не прикасался. Онъ смогъ путемъ самаго реальнаго и не-

замысловатаго выраженія, оставаясь на почвѣ фотографированія природы, дать величайшіе символы, достигнуть чуть-ли Беклиновской силы. Для меня Liljefors символъ всего сѣвернаго искусства, какой-то тяжелый некультурный исполинъ, который рубитъ съ плеча своею могучей сѣкирой. Природа, дикая, завывающая, природа со стонущимъ лѣсомъ держитъ его въ своемъ могучемъ рабствѣ, онъ запеленутъ ея мягкими снѣгами, онъ укутанъ ея волшебными ароматами, онъ ея рабъ, она шепчетъ ему и онъ, опьяненный ею, въ величайшемъ художественномъ энтузіазмѣ обхватываетъ всю ее широкимъ и грубымъ размахомъ. Вотъ что я вижу въ незамысловатомъ Liljefors'ѣ. Художника не было дома: когда я къ нему пріѣхалъ, онъ отправился на озеро охотиться. Дождь падалъ крупными каплями, вѣтеръ завывалъ и лѣсъ шумѣлъ своими высокими верхушками. Я взошелъ въ маленькій деревянный домъ съ низкими комнатами, простой деревянной мебелью и десятками рѣдкихъ птицъ, живыхъ и въ чучелахъ—словомъ, цѣлымъ птичьимъ царствомъ. Я рѣшился ждать. Дождь не унимался, огромныя ели качались и озеро широкое, сѣрое, вздувалось и шумѣло. Мнѣ было одиноко и страшно, какъ вдругъ я услыхалъ протяжный набатъ большого колокола, висѣвшаго на дворѣ, которымъ оповѣщали хозяина о пріѣздѣ гостя. Прошло кажется долгое время, художникъ не появлялся и набатъ затихъ. Я задремалъ. Буря не унималась и на дворѣ начало темнѣть. Я былъ разбуженъ какимъ-то протяжнымъ отчаяннымъ воемъ—это было послѣднее средство, чтобы вызвать хозяина съ озера — трубили въ большіе рога. Но, Боже мой, такого ощущенія я никогда не испытывалъ! Этотъ сѣрый вечеръ, эти тяжелыя тучи, какъ Валькиріи, несшіяся въ Валгаллу, и темный лѣсъ и заунывный раздирающій стонъ роговъ... На озерѣ показалась лодка, художникъ услыхалъ призывъ и приближался. Черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ небольшого, рыжаго, небритаго человѣка въ огромныхъ сапогахъ, окруженнаго массой собакъ. Мастерская его была наверху, на чердакѣ, и такъ какъ послѣ памятной мнѣ бури небо прояснѣло и вечерніе лучи заходящаго солнца засвѣтились въ окнахъ, онъ провелъ меня показать большую картину «стая гусей на берегу озера», съ черной землей и краснымъ вечернимъ небомъ, надъ которой онъ работалъ. Я, признаюсь, всматривался больше въ него, въ этотъ поразительный для меня типъ, чѣмъ въ его работы. Я наблюдалъ за его добрыми глазами и улыбкой, за всей его маленькой непривлекательной фигуркой въ огромныхъ наполненныхъ водой сапогахъ, за его вдумчивымъ взглядомъ и тяжелымъ молчаніемъ, которое онъ рѣдко прерывалъ, показывая какой-нибудь новый трудъ. Внизу онъ съ виноватой улыбкой сказалъ, что не можетъ ничѣмъ угостить меня, такъ какъ усиленные призывы помѣшали ему настрѣлять дичи для обѣда и что онъ проситъ меня раздѣлить съ нимъ его ѣду. Намъ подали тарелку вишень.

Такъ живетъ этотъ человѣкъ въ глуши Швеціи, просто и безъ труда ограничивъ тѣ потребности, которыя кажутся намъ необходимыми. Онъ

слился съ природой и превратился въ дикое растеніе, сохранившее дѣтскую отзывчивую душу и тонкое чувство прекраснаго. Вся жизнь его состоитъ изъ 2-хъ актовъ—изъ воспріятія природы и изъ воспроизведенія ея. Внѣ этого онъ не существуетъ.

Таковы главные выразители художественнаго движенія въ Швеціи.

III.

Шведскіе художники привыкли считать датскую школу самою сильною изъ трехъ, входящихъ въ составъ такъ называемаго скандинавскаго искусства. Я не разъ слышалъ отъ нихъ мнѣніе, что датчане сохранили вполнѣ индивидуальность, благодаря замкнутости своей, благодаря тому, что они не смотрѣли на западъ и всегда держались, какъ сплоченное цѣлое, составляя одну школу въ полномъ смыслѣ этого слова. Можно издали подумать, что датчане напоминаютъ норвежцевъ, которые также ушли въ себя и закрыли глаза на сосѣднія страны. Но это сходство только кажущееся: нѣтъ двухъ искусствъ болѣе разнящихся между собой, чѣмъ датское и норвежское. Есть доля правды въ мнѣніи шведскихъ художниковъ,—датчане совсѣмъ безразлично относятся къ современному положенію искусства на западѣ, ихъ, кажется, вовсе не интересуютъ ни новыя направленія въ живописи, ни различныя усовершенствованія въ техникѣ, да многіе изъ нихъ очень мало и видятъ западнаго искусства, будучи большими домосѣдами. Но датское искусство нашло себѣ другую опору и опору, быть можетъ, болѣе прочную, чѣмъ модныя увлеченія шведовъ: вся датская живопись основана на старомъ искусствѣ и главное на старо-голландскомъ. Эту живопись они изучили вполнѣ добросовѣстно и взглянули на нее совсѣмъ другими глазами, чѣмъ на нее смотрѣли до сихъ поръ, т. е. увидали въ ней много такихъ элементовъ, которые, будучи перенесены на новую почву, давали совсѣмъ незнакомые эффекты. Живопись старо-голландская слишкомъ разнообразна и художественныя богатства въ ней разсыпаны обильною рукой. Многіе изъ ея художественныхъ источниковъ остались не вполнѣ исчерпанными и ими воспользовались датскіе живописцы, отнесясь къ нимъ съ большимъ артистическимъ тактомъ. Не надо думать, что датчане напоминаютъ новыхъ голландцевъ, придерживающихся въ искусствѣ того-же начала. Во-первыхъ, датчане никогда не трогаютъ самыхъ крупныхъ голландскихъ мастеровъ, какъ Рембрандтъ, Гальсъ, Рюисдаль. Ихъ излюбленными художниками всегда были тѣ скромные голландцы, какъ Терборхъ, Герардъ Доу, Питеръ де Хохъ, Метсю, которые оставались нѣсколько заслоненными тѣнью гигантовъ. И затѣмъ съ внѣшней стороны, новые голланцы даже нѣсколько утрировали широкую манеру письма своихъ предковъ, признавая въ техникѣ одну лишь силу. Датчане, наоборотъ, имѣя дѣло съ такими тонкими и искусными художниками, какъ Терборхъ или Метсю, и съ внѣшней стороны остались

скромными изящными живописцами. Съ перваго раза поражаетъ эта манера зализаннаго и сильно налакированнаго письма, но затѣмъ не только съ нимъ примиряешься, но усматриваешь въ немъ очень остроумно придуманное средство для примиренія внутренняго содержанія картины съ ея внѣшностью. Путемъ такого скромнаго наряда сама по себѣ не замысловатая вещь пріобрѣтаетъ особое обаяніе. Въ Даніи живопись развилась не только въ какомъ-нибудь одномъ направленіи, напротивъ, въ ней встрѣчаются и чистой воды реалисты и реалисты съ болѣе тонкими ощущеніями, наконецъ, есть цѣлая группа курьезныхъ художниковъ-япономановъ, но между всѣми ими есть безусловное ясно ощущаемое сродство, которое, мнѣ кажется, заключается въ ихъ крайней скромности и въ незамысловатости задачъ, которыми они задаются. Въ Даніи нельзя встрѣтить ни одной исторической картины (не въ счетъ кричащія и уродливыя полотна Цартмана, которыя нѣсколько нарушаютъ общую гармонію). Вы даже не встрѣтите широко задуманнаго пейзажа. Надо также обратить вниманіе на то, что вообще пейзажъ, составляющій такую обильную отрасль всей современной живописи и такъ сравнительно рѣдко появлявшійся въ старой, очень малочисленъ у датчанъ. Это крайне типично. Въ сущности вся датская живопись есть живопись современнаго interieur'а и интимнаго портрета. И въ этомъ смыслѣ исключительно интересны тѣ два художника—Wilhelm Hammnershöj и Julius Paulsen, въ которыхъ эта живопись особенно проявилась. Объ W. Hammnershöj еще мало кто слышалъ, да и въ самой Даніи его популярность очень неопредѣленна. У него есть небольшая кучка поклонниковъ, изъ которыхъ одинъ пріобрѣтаетъ почти все, что ни напишетъ художникъ. Hammnershöj еще молодой человѣкъ, работающій очень долго надъ каждымъ своимъ трудомъ и относящійся съ необычайной добросовѣстностью къ каждому даже небольшому этюду. Онъ выставилъ въ 1889-мъ году одну изъ первыхъ своихъ картинъ въ Парижѣ, гдѣ она не была оцѣнена и прошла совершенно незамѣтной. Оно и понятно: кто обратитъ вниманіе на простенькую, плохо повѣшенную картинку, изображающую женщину въ сѣромъ платьѣ, стоящую спиной къ зрителю и раскладывающую хлѣбы на длинныя пустыя полки. Картина была написана двумя скромными тонами, сѣрымъ и чернымъ, и принадлежала кисти никому неизвѣстнаго художника. Едва-ли Hammnershöj съ тѣхъ поръ написалъ что-нибудь лучшее по чудесной простотѣ; во всякомъ случаѣ, эта картина опредѣлила всего художника и намѣтила его путь. Hammnershöj сдѣлалъ пока немного, хотя пробовалъ себя во всѣхъ родахъ живописи и мнѣ никогда не приходилось видѣть ни одной его картины, которая была бы не хороша. Даже въ неудачныхъ своихъ вещахъ онъ интересенъ своими ошибками. Онъ необыкновенно любопытенъ въ пейзажѣ. Холоднымъ, неувлекающимся наблюдателемъ является онъ, рисуя природу. Сѣрое безцвѣтное небо, безцвѣтная бурая земля и раздѣляющая ихъ на горизонтѣ невѣдомая дорога, отмѣченная лишь

неровной полосой одиноко стоящихъ пыльныхъ деревьевъ. Замокъ Кронборгъ, холодный, блѣдно-розовый, застывшій въ своемъ величіи. Опять пустое скучное небо и гладкая темная земля и лишь едва замѣтные на горизонтѣ контуры избъ, оживляющихъ пейзажъ. Всегда не больше, какъ три тона въ пейзажѣ и такъ все гладко, безцвѣтно, пусто. Послѣдніе годы онъ дѣлалъ много портретовъ. Съ перваго взгляда они всѣ нѣсколько похожи другъ на друга. Это происходитъ отъ того, что всѣ они выдержаны только въ двухъ тонахъ: сѣромъ и черномъ, но по плану и характеристикѣ каждый изъ нихъ въ отдѣльности имѣетъ особый интересъ. То вдругъ длинное узкое полотно и двѣ головы en face рядомъ, то старушка на простомъ стулѣ въ лѣвомъ углу большого полотна, то віолончелистъ, съ прелестнымъ по краскамъ инструментомъ, увлеченно играющій и опустившій голову къ струнамъ. Каждый портретъ оригиналенъ по формѣ и, что главное, не производитъ совсѣмъ впечатлѣнія задуманнаго и найденнаго эффекта. Художникъ такъ писалъ, какъ видѣлъ данный объектъ. Самыми же лучшими произведеніями Hammershöj, въ которыхъ онъ развертывается съ особенной прелестью, является его interieur'ы 30-хъ годовъ нынѣшняго вѣка. Это его находка. Обыкновенно маленькіе размѣромъ, они изображаютъ одну фигуру, старушку или дѣвушку въ небольшой комнатѣ съ мебелью 30-хъ годовъ изъ карельской березы или акажу, съ стариннымъ клавесиномъ и картинами въ старыхъ рамкахъ. Это удивительно счастливая мысль, такъ какъ эпоха, какъ никакая другая, соотвѣтствуетъ мягкой и вкусной манерѣ художника. Онъ въ ней поразительно удачно нашелъ себя. И подумать, что этого художника никто никогда не видалъ, такъ какъ, послѣ сказанной попытки въ Парижѣ, онъ предпочелъ спокойно висѣть въ послѣднихъ рядахъ брамзеновской коллекціи, чѣмъ вновь искать счастья заграницей. Его товарищъ Julius Paulsen былъ счастливѣе. Онъ часто выставлялъ на разныхъ выставкахъ Европы и давно уже записанъ ею въ ряды талантливыхъ и интересныхъ художниковъ. Paulsen не такъ ярко оригиналенъ, какъ Hammershöj, но не менѣе артистиченъ. По манерѣ онъ еще болѣе напоминаетъ старыхъ мастеровъ, точно его картины написаны не теперь и даже потухли отъ времени, такъ теменъ онъ всегда въ тонахъ. Онъ также много писалъ interieur'овъ, но современныхъ, съ однимъ свѣтлымъ пятномъ ламповаго или люстроваго освѣщенія и съ полнымъ мракомъ вокругъ. Какъ пейзажистъ, онъ извѣстенъ своими вечерними эффектами, то со спокойной луной, то съ мрачнымъ чернымъ небомъ. Но я его больше всего люблю въ портретахъ и его этюдахъ наготы, какъ, напримѣръ, въ извѣстной «Евѣ».

За этими двумя художниками тянется длинный рядъ живописцевъ, какъ Anna Ancher, Ilstedt, Seligman, Schou, Rohde, которые ищутъ въ томъ-же направленіи «interieur'a» и стараются также создать свои произведенія на завѣтахъ старыхъ мастеровъ. Изъ нихъ

особенно послѣдній Johan Rohde заслуживаетъ вниманія. Это почти единственный настоящій пейзажистъ Даніи. Кромѣ пейзажа, онъ ничего не дѣлаетъ, хотя на родинѣ его не любятъ, говоря, что онъ слишкомъ облитъ голландскимъ соусомъ. Мнѣ кажется, что въ колористическомъ отношеніи и въ особенной плоской манерѣ передачи пейзажа, онъ выдается среди современныхъ пейзажистовъ. Всѣхъ этихъ художниковъ по направленію своему въ сущности трудно иначе назвать, какъ реалистами,—они всегда остаются на почвѣ воспроизведенія природы, какъ она есть, какъ они ее видятъ, но въ нихъ есть уже какое-то болѣзненно-чуткое отношеніе къ предметамъ, какая-то предвзятость въ манерѣ и—главное нѣтъ того грубо внѣшняго интереса къ природѣ, который характеризуетъ реалиста. Если мы хотимъ видѣть настоящій здоровый реализмъ въ Даніи, то намъ надо обратиться къ другой группѣ художниковъ, развившихся параллельно съ вышеупомянутыми и занимающихъ очень видное мѣсто въ своей странѣ. Во главѣ ихъ стоитъ живописецъ Kröyer, одна изъ главныхъ гордостей датчанъ, художникъ, который въ артистическомъ мірѣ Даніи имѣетъ наибольшій вѣсъ и который датскими меценатами считается чуть-ли не первымъ художникомъ всѣхъ странъ: Kröyer выставляется на всѣхъ выставкахъ міра, онъ вмѣстѣ съ Таулау и Скредзвигомъ членъ комитета Champs de Mars, онъ членъ датской академіи художествъ, словомъ, почета и славы у него масса. Впрочемъ, достаточно поговорить съ нимъ полчаса, чтобы убѣдиться въ избалованности и самоудовлетворенности этого человѣка. Онъ сразу вамъ разскажетъ, что выставки его не занимаютъ, что онъ съ извѣстнымъ интересомъ выставляетъ только въ Парижѣ, да и то только, чтобы сравнить себя съ другими художниками, и все въ этомъ родѣ. И эта самоувѣренность сильно проглядываетъ въ его живописи. Когда-то онъ написалъ нѣсколько удачныхъ вещей, которыя и сдѣлали ему имя, какъ, напримѣръ, портретъ его жены въ бѣломъ платьѣ съ собакой, на берегу моря, во время заката солнца, или его большое полотно въ копенгагенскомъ музеѣ—старые рыбаки на берегу моря позднимъ вечеромъ. Но затѣмъ онъ началъ писать картины и портреты по одному рецепту, всегда въ однихъ и тѣхъ-же голубыхъ и желтыхъ тонахъ. Онъ сдѣлалъ, впрочемъ, еще нѣсколько колоссальныхъ полотенъ по ста фигуръ на каждомъ подъ названіемъ «Копенгагенская биржа» или «Комитетъ французской выставки въ Копенгагенѣ въ 1888 г.», которыя скорѣе похожи на моментальныя фотографіи и также мало артистичны, какъ и ихъ названія. И при всемъ этомъ Kröyer прекрасный мастеръ, т.-е. онъ владѣетъ художественнымъ мастерствомъ въ большой степени, подчасъ онъ сдѣлаетъ такой рисунокъ или акварель, какіе впору большому виртуозу. Онъ случайно выскочилъ за предѣлы своей страны, сталъ знаменитостью и, будучи лишенъ способности критической самооцѣнки, не оправдалъ возлагаемыхъ надеждъ. Но все-же онъ самый талантливый изъ своей группы, такъ-какъ идущій за нимъ художникъ Viggo Johansen, такое-же дѣтище

извѣстнаго датскаго художественнаго критика Carle Madsen'а, какъ Hammershöj доктора Брамзена—стоитъ гораздо ниже его. Iohansen тоже intérieur'истъ, но уже на чисто реальной подкладкѣ; большая современная гостиная съ пошлой бархатной мебелью, піанино въ углу, посреди комнаты искусственныя пальмы. Вокругъ стола съ бархатной скатертью и фарфоровой лампой собралось семейство, кто читаетъ, кто разговариваетъ, а кто играетъ на піанино. Или сцена изъ жизни дѣтской: мать и нянька обмываютъ маленькихъ дѣтей, которыя капризничаютъ и плачутъ. Все это опять-таки сдѣлано съ полнымъ мастерствомъ, но скучный, грубо подчеркнутый реализмъ лишаетъ картины всякой художественной цѣны. Такъ и хочется сказать, что все это старо, что назначеніе реалиста вовсе не въ томъ, чтобы подчеркивать банальную, буржуазную сторону жизни.

Есть въ Даніи еще группа художниковъ, которую нельзя обойти молчаніемъ. Она еще мало сдѣлала и находится въ періодѣ исканія, это все молодые люди, очень интересные по намѣреніямъ, часто, можетъ быть, нѣсколько дикимъ, но всегда имѣющимъ художественное достоинство. Начало свое эти художники нашли въ той области прикладнаго искусства, которая такъ богато проявилась въ Даніи. Искусство это—знаменитая датская керамика, развившаяся здѣсь совсѣмъ своеобразно. Датскій фарфоръ выработалъ свой совершенно особый жанръ. Всегда въ свѣтло-сѣромъ и синемъ тонѣ, онъ крайне оригиналенъ, не столько по формѣ, сколько по рисунку. Разныя рѣдкія, живописныя, причудливыя морскія растенія, то всевозможныя рыбы, крабы, то вдругъ летучія мыши, словомъ самая богатая фантазія, воспроизведена въ двухъ тонахъ на этихъ блюдахъ и вазахъ. Здѣсь взяла начало живопись всѣхъ этихъ молодыхъ художниковъ Willumsen'а, Iohannes Larsen'а, E. Konstantin Hausen и др. Они становятся особенно интересными, дѣлая, главнымъ образомъ акварелью, пейзажи съ птицами и рыбами въ самыхъ невозможныхъ тонахъ, подчасъ напоминая японцевъ, но смѣлѣе ихъ по краскамъ. Благодаря своему знанію животныхъ и красочному чутью, эти вещи у нихъ выходятъ очень декоративны и забавны. Нѣкоторые изъ молодежи въ своихъ исканіяхъ зашли еще дальше и, какъ напримѣръ, Willumsen, лѣпятъ свои картины изъ глины, раскрашивая ее, или вырѣзываютъ изъ дерева. И при всемъ томъ и эта экстравагантная группа художниковъ не нарушаетъ общаго впечатлѣнія скромности и застѣнчивости датской живописи. Если снять съ любой самой яркой акварели Larsen'а фотографію, то останется голый берегъ моря и нѣсколько сидящихъ на немъ морскихъ птицъ. Если внѣшность у нихъ великолѣпна, то по внутреннему своему содержанію они остаются тѣми-же простыми безпретенціозными живописцами.

Нельзя не замѣтить, что среди всѣхъ упомянутыхъ элементовъ датской живописи совершенно отсутствуетъ одинъ элементъ—элементъ націонализма. Датское искусство, съ точки зрѣнія національности, не

имѣетъ никакой физіономіи и тѣмъ менѣе можетъ считаться частью сѣвернаго искусства. Въ то время, какъ шведская и норвежская живопись объединены запахомъ сѣвернаго лѣса, мы не видимъ въ Даніи ни одной черты, напоминающей намъ объ ея сродствѣ съ этими снѣжными странами. Кажется, будто узкое, холодное море, пролегающее между ними, положило навсегда границу и между ихъ искусствомъ. Мнѣ чувствуется, что въ сѣверномъ вѣтрѣ должна донестись до Европы обновляющая струя свѣжей художественной силы. У морознаго румянаго края слишкомъ много веселаго здоровья и оно выльется, наконецъ, за предѣлы необозримыхъ сѣверныхъ равнинъ. И тутъ Даніи не сдобровать,— она построена на слишкомъ старомъ фундаментѣ.

С. Дягилевъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Кто виноватъ?—Корреспонденція, какъ средство международнаго сближенія.—Французскій романтикъ.

Кто виноватъ?

I.

Въ послѣднее время очень часто приходится читать и слышать разнообразныя нападки на нашу современную молодежь. Эти нападки приходится слышать такъ часто, что нельзя не согласиться, что въ научной жизни молодежи происходитъ что-то неладное, чувствуется присутствіе болѣзни. Очевидно, въ жизни этого поколѣнія есть какія-то темныя стороны. Но тутъ является вопросъ: можно-ли судить молодое поколѣніе? Не лучше-ли подумать, при какихъ обстоятельствахъ оно выросло и воспиталось, чему оно училось и къ чему прислушивалось? Положа руку на сердце, всякій долженъ сознаться, что въ такіе годы, когда воспитывалось наше новое поколѣніе, оно имѣло очень незавидныхъ педагоговъ. Послѣ стародавней механической рутины, когда головы забивались тупымъ заучиваніемъ сухихъ и мертвыхъ учебниковъ, мы бросились въ такъ называемое развитіе и, переходя отъ одной крайности въ другую, начали разжевывать дѣтямъ въ мелкую жвачку самые обыкновенные научные предметы и тѣмъ отучили ихъ отъ всякой самодѣятельности. Въ видахъ ускореннаго развитія нашего юношества, стали пріучать молодые умы ходить вѣчно на помочахъ, убивали въ немъ всякую возможность самостоятельнаго труда. Никто не думалъ, что наука требуетъ покоя и терпѣнія. Мудрено-ли послѣ этого, что у насъ дошло до сомнѣнія, есть-ли какая-нибудь наука и въ Европѣ? И вотъ мы начали трактовать свысока о самыхъ прочныхъ и вліятельныхъ иностранныхъ заведеніяхъ, презрительно отзываться о заграничныхъ университетахъ, смѣяться надъ изученіемъ древнихъ языковъ, отдѣлывать первоклассныхъ ученыхъ. Пролетая въ лѣтнія каникулы по желѣзнымъ дорогамъ черезъ Лейпцигъ и Гейдельбергъ, наши воспитатели и настав-

ники съ важностью сообщали намъ свои критическіе взгляды на состояніе науки и преподаванія въ Германіи, перелистывая мимоходомъ купленныя руководства, самонадѣянно толковали намъ о педантизмѣ и сухости европейскихъ ученыхъ. Понятно, какъ должно было воспитаться при этомъ наше молодое поколѣніе. Пріученное къ верхоглядству и пренебреженію солидными знаніями, оно совсѣмъ не думало о серьезномъ трудѣ.

Но дѣйствительно-ли въ нашей молодежи однѣ темныя стороны? Неужели въ этомъ поколѣніи, испорченномъ жалкимъ воспитаніемъ, не осталось ничего здороваго? Мы увѣрены, что самые упорные пессимисты и гонители молодого поколѣнія не отвѣтятъ на это утвердительно и согласятся, что наше житейское море выбрасываетъ не одну гнилую тину. Кто среди мелочей, пустоты и верхоглядства не замѣтитъ въ современномъ молодомъ поколѣніи и свѣтлыхъ сторонъ? Важно уже то, что оно отрѣшилось отъ застоя и неподвижности, что въ немъ пробудилась, хотя и безсознательная потребность дѣятельности, что оно ищетъ новыхъ идеаловъ. Конечно, далеко еще отъ этихъ неопредѣленныхъ порывовъ до серьезнаго и разумнаго труда, но все-же это не упорный застой мертваго моря.

Есть одинъ итальянскій историкъ (къ сожалѣнію, его у меня нѣтъ подъ руками), который дѣлитъ исторію на періоды соотвѣтственно молодымъ поколѣніямъ. Теорія его, конечно, не можетъ быть выражена въ точной математической формѣ, но онъ признаетъ политическій возрастъ каждаго поколѣнія отъ 30 до 60 лѣтъ. Конечно, Питтъ младшій былъ первымъ министромъ 22-хъ лѣтъ, а Наполеонъ изъ неизвѣстныхъ артиллерійскихъ поручиковъ сталъ въ 35 лѣтъ императоромъ. Но, тѣмъ не менѣе, возрастъ поколѣній всетаки существуетъ и политическая жизнь идетъ именно этими ступенями. Эта теорія примѣнима, разумѣется, къ народамъ, историческая жизнь которыхъ построена правильно и идетъ послѣдовательно, безъ скачковъ, безъ катастрофъ, безъ внѣшнихъ вліяній. Но въ русской жизни, дѣйствительно, можно замѣтить уклоненіе отъ подобнаго правильнаго нормальнаго хода явленій, потому, что наша жизнь идетъ не такъ. И роль молодого поколѣнія является у насъ иною. Наша исторія идетъ отливами и приливами,—ни одно изъ поколѣній, вступающихъ на политическую арену, не обнаружило послѣдовательности: начинало оно свою дѣятельность всегда либерально, шумно, торопливо, обѣщая многое, а затѣмъ въ немъ наступила реакція и оно отрекалось отъ того, чему еще наканунѣ само молилось. Понятно, что вслѣдствіе этого реакціей противъ реакціи должна была являться новая сила и этой новой силой всегда была молодежь, которой и придавалось прозвище «молодаго поколѣнія». У насъ «дѣти», дѣйствительно, становились въ оппозицію своимъ отцамъ, но это ненормальное явленіе замѣчалось только въ Россіи, и вы бы его не подмѣтили въ такой свободно развивающейся странѣ, какъ напримѣръ, Америка. Наша печать не говоритъ ничего новаго, когда

она не одобряетъ этого порядка вещей, потому что его нельзя одобрять: но еще менѣе справедливо и менѣе достойно роли общественнаго дѣятеля обрушиваться съ бранью на молодое поколѣніе, вмѣсто того, чтобы выяснить сущность явленія и указать на средства для болѣе нормальной общественной жизни. Газетамъ не нравится, что въ развитіи молодежи насталъ критическій моментъ. Но нравится или не нравится печати это вѣрное обстоятельство, его нельзя выкинуть изъ счета, потому что нельзя не знать, что въ молодомъ поколѣніи какъ-бы то ни было сохраняются тѣ лучшія и свѣжія силы и та искра божьей правды, которой нечего искать въ людяхъ, помятыхъ жизнью и пассивно сложившихъ руки, вслѣдствіе недостатка умственныхъ силъ, характера и способности бороться за ту истину, которую они еще недавно считали истиной.

Нѣтъ ничего обиднаго въ томъ, что у насъ на новыхъ поколѣніяхъ покоются надежды. Но наша печать въ обидѣ, потому что ей кажется, что если этой горделивой мыслью проникнется наша молодежь, то она сброситъ съ себя литературныя помочи, и, сбросивъ ихъ, примется сама руководить литературой. Что-же въ этомъ дурного? можете-ли вы сказать, положа руку на сердце, что современная русская литература можетъ руководить молодыми силами? Какими идеями питается наша повседневная печать? Что она намъ—по крайней мѣрѣ, наиболѣе вліятельная часть ея—проповѣдывала въ теченіи послѣднихъ десятилѣтій? Избіеніе евреевъ, изгнаніе нѣмцевъ, обрусѣніе поляковъ, вотъ что одушевляло пошлую прессу нашихъ дней. Фразы о народѣ превратились въ маску для прикрытія низменныхъ вожделѣній. Писатели лицедѣйствуютъ и отлично знаютъ, что лицедѣйствуютъ. Выставивъ своимъ политическимъ лозунгомъ «откровенное направленіе», газеты ударились въ оппортюнизмъ низменнаго разбора, скрывающій подъ собою мелкій разсчетъ и шатаніе мысли изо дня въ день, шатаніе, подчиняющееся всякому вѣтру ради соображеній, въ которыхъ нѣтъ ничего общественнаго. Конечно, это «свободомысліе» имѣетъ нѣкоторый оттѣнокъ либерализма, но и этотъ внѣшній либерализмъ газеты растеряли по частямъ въ постоянныхъ уступкахъ разнымъ случайнымъ, но сильнымъ вліяніямъ минуты. Ну, какъ-же видѣть спасеніе Россіи и русскаго народа въ такомъ странномъ, если только оно странное, общественно-политическомъ направленіи? Какъ выдавать такую политику за образецъ той общественной правды, за которой могли-бы идти люди молодые, ищущіе истины?

Н. Геренштейнъ.

Корреспонденція, какъ средство международнаго сближенія.

Въ декабрѣ минувшаго 1896 г. преподаватель новыхъ языковъ Тарбскаго лицея въ Пиринеяхъ, г. Міейль, обратился одновременно къ редакторамъ двухъ большихъ изданій, г. Armand Collin, редактору «Revue Universitaire» во Франціи, и г. Stead'у, редактору «Review of Reviews»

въ Англіи, съ просьбой оказать ему содѣйствіе въ установленіи переписки между учащейся молодежью во Франціи и Англіи. Г. Міейль полагалъ, что такая переписка можетъ дать двоякій результатъ: болѣе легкое, болѣе совершенное изученіе иностраннаго языка — съ одной стороны, установленіе дружественныхъ связей между двумя націями — съ другой. Редакторы обоихъ изданій отозвались съ горячностью на предложеніе г. Міейля. Они обратились съ воззваніемъ къ интеллигенціи и къ педагогическому міру своихъ странъ, учредили бюро записей, куда желавшіе принять участіе въ перепискѣ и найти себѣ соотвѣтственного корреспондента могли посылать свои заявленія, и по иниціативѣ г. Міейля возникла международная переписка. Уже въ апрѣлѣ того-же года около 2,000 студентовъ во Франціи и около 1,200 въ Англіи отозвались на воззваніе гг. Collin и Stead'a. Тогда рѣшено было расширить границы международной переписки и привлечь къ участію и учащуюся молодежь Германіи, и въ этомъ отношеніи редакторъ «Revue Univiersitaire» нашелъ дѣятельнаго единомышленника и помощника въ лицѣ г. Martmann'a изъ Лейпцига.

Мало-по-малу къ общему движенію примкнули и другія страны: Швейцарія, Италія и даже Соединенные Штаты. И самымъ любопытнымъ и вмѣстѣ убѣдительнымъ доказательствомъ того, насколько такая переписка соотвѣтствуетъ потребностямъ времени, служатъ многочисленныя, непрекращающіяся заявленія отцовъ семействъ о зачисленіи ихъ дѣтей въ число корреспондентовъ.

Вотъ какъ ведется эта корреспонденція: каждый изъ корреспондентовъ пишетъ, по крайней мѣрѣ, два раза въ мѣсяцъ своему «незнакомому» заграничному коллегѣ письмо на родномъ языкѣ и копію его на языкѣ своего коллеги. Эту, уже *исправленную* копію получаетъ онъ въ отвѣтѣ своего коллеги, вмѣстѣ съ письмомъ —даже на своемъ родномъ языкѣ и соотвѣтственной копіей на иностранномъ. Успѣхъ «международной переписки учащейся молодежи »породилъ идею о такой-же перепискѣ взрослыхъ и въ мартѣ 1896 г. M-r Scheurmier, редакторъ «Practical Teacher», обратился къ г. Міейлю съ предложеніемъ установить такую-же переписку между французскими и англійскими преподавателями и преподавательницами. Въ настоящее время эта «Inter-Teacher Correspondance» насчитываетъ уже 300 членовъ, а образовавшееся подъ вліяніемъ статьи г. Bensson'a, профессора этики въ Сорбоннѣ, общество преподавателей имѣетъ цѣлью дать союзу «Inter-Teacher Correspondance» возможно большее распространеніе.

Но идея международной переписки, укрѣпляясь сильнѣе и сильнѣй, начинаетъ захватывать все большіе слои общества. Въ сентябрѣ текущаго 1897 года редакторъ «Revue des Revues», г-нъ Jean Finot получилъ отъ редактора «The Review of Reviews», г. Stead'a, письмо съ приглашеніемъ распростанить мысль о международной перепискѣ во всѣхъ классахъ общества и дать такимъ

образомъ возможность представителямъ различныхъ профессій двухъ націй корреспондировать другъ съ другомъ. Г. Stead говоритъ, что получилъ многочисленныя письма отъ своихъ соотечественниковъ обоего пола съ указаніемъ на то, что если международная переписка несомнѣнно полезна для учащейся молодежи, то она, можетъ быть, еще полезнѣе для людей, перешедшихъ школьный возрастъ, и съ просьбой найти имъ соотвѣтственныхъ корреспондентовъ во Франціи. Съ этой цѣлью m-r Stead поступаетъ слѣдующимъ образомъ: онъ обращается къ лицамъ, желающимъ вступить въ такого рода переписку съ просьбой сообщить свое имя, фамилію, возрастъ, профессію и адресъ и затѣмъ, руководствуясь полученными свѣдѣніями и заявленіями, онъ устанавливаетъ косвеннымъ, такъ сказать, образомъ переписку между двумя лицами, сообщая другъ другу ихъ адресы. Г. Jean Finot отнесся въ высшей степени сочувственно къ идеѣ Stead'а. Онъ видитъ въ такой международной перепискѣ не только средство къ изученію иностраннаго языка, но главнымъ образомъ—могущественный факторъ единенія между народами. Корреспондентъ, съ которымъ поддерживаются правильныя сношенія, становится черезъ нѣсколько времени вашимъ добрымъ знакомымъ, добрымъ другомъ — черезъ годъ; и такія чисто отвлеченныя отношенія могутъ подчасъ оказаться несравненно болѣе прочными, чѣмъ подвергающаяся случайностямъ повседневной жизни дружба между двумя часто встрѣчающимися лицами. Подобно г. Stead'у, г. Finot проситъ тѣхъ изъ своихъ многочисленныхъ подписчиковъ и подписчицъ, которые захотѣли-бы вступить въ переписку съ болѣе или менѣе подходящими по положенію и профессіи англичанами и англичанками, указать свою фамилію и адресъ, которые будутъ съ ихъ разрѣшенія напечатаны одновременно и въ «Revue des Revues» и въ журналѣ Stead'а. Если же они пожелали бы сохранить incognito, г. Finot ограничивается сообщеніемъ ихъ заявленій г. Stead'у, который беретъ на себя заботу установить отношенія между двумя желающими вступить въ переписку англичанами и французами. Г. Finot обращается со своимъ воззваніемъ не къ однимъ лишь своимъ соотечественникамъ, но и къ своимъ заграничнымъ абонентамъ — русскимъ, полякамъ, шведамъ, румынамъ. Воззваніе это, какъ видно изъ двухъ послѣднихъ №№ «Revue des Revues», успѣло ужъ принести свои плоды. Редакція «Revue des Revues» въ настоящее время уже получила множество писемъ отъ французовъ и француженокъ самыхъ различныхъ классовъ и положеній, чиновниковъ, свѣтскихъ дамъ, барышень, инженеровъ, офицеровъ и т. д., съ просьбой найти имъ корреспондентовъ въ Англіи, Италіи, Испаніи, Германіи, Россіи. Особенно сильное движеніе идетъ въ этомъ смыслѣ съ юга Франціи, что до извѣстной степени можно приписать появившейся въ тулузской газетѣ «La Dépêche» статьѣ Сарсэ о международной перепискѣ. Въ настоящее время такая переписка установилась уже между англичанами и французами и можно разсчитывать, что и другія націи рано или поздно примутъ въ ней участіе.

Столѣтній юбилей Альфреда де Виньи.

Въ мартѣ текущаго 1897 г. Франція праздновала столѣтнюю годовщину рожденія Альфреда де-Виньи, одного изъ крупнѣйшихъ представителей романтизма, современника Гюго, Готье, Мюсэ. Альфредъ де-Виньи родился въ городѣ Loches, гдѣ жили его родители въ смутную эпоху революціи и террора. Испытавъ тюремное заключеніе, подвергшись конфискаціи имущества, Виньи жили въ бѣдности и мать поэта находила средства къ существованію рисованьемъ миніатюръ на заказъ. Впослѣдствіи семья Виньи переѣхала въ Парижъ. Отецъ Альфреда де-Виньи— былъ умный и образованный человѣкъ, въ душѣ котораго жила память о недавнемъ блестящемъ прошломъ; онъ зналъ и придворную и военную жизнь, широкую жизнь старой провинціи, элегантный бытъ королевскаго Версаля и въ безконечныхъ яркихъ картинахъ рисовалъ это прошлое сыну, передавая ему и разныя семейныя преданія. Въ лицеѣ, въ блестящій періодъ наполеоновской эпохи, юный Виньи, подобно большинству своихъ сверстниковъ, начинаетъ мечтать о военной славѣ. Во время реставраціи поступаетъ онъ на военную службу и четырнадцать лѣтъ методическаго бездѣйствія заставляютъ его глубоко чувствовать безсодержательность этого рода дѣятельности. Втеченіи этихъ четырнадцати лѣтъ Виньи много читалъ, много думалъ, много видѣлъ, много наблюдалъ. Дисциплина военной жизни, не давая ему возможности располагать произвольно собой, заставляла его глубже замыкаться въ самомъ себѣ, жить внутри самого себя. Въ 1827 г. Виньи женится, оставляетъ военную службу и превращается изъ капитана Виньи въ графа Альфреда де-Виньи. Долгіе годы военной службы развили въ немъ чувство жалости и справедливости, культъ чести, любовь къ одиночеству и уединенію и дали ему тотъ умственный багажъ, который не мало помогалъ его воображенію и творчеству. Виньи выступилъ на арену литературной жизни, какъ авторъ нѣсколькихъ критическихъ статей, въ органѣ зарождающагося романтизма «La muse francaise». Въ 1822 г. вышелъ въ свѣтъ первый небольшой сборникъ его стихотвореній. Въ 1824 г. поэма «Éloa», положившая начало его извѣстности, въ 1826—«Poémes anciens et modernes»; въ 1829—новый сборникъ стихотвореній. Виньи не былъ близокъ почти ни съ однимъ изъ своихъ современниковъ. Его дружба съ Гюго, постепенно охлаждаясь, кончилась полнымъ разрывомъ. Гюго не любилъ соперниковъ и не могъ забыть, что при первыхъ его попыткахъ попасть въ академію, нѣкоторые предложили вмѣсто него Виньи. Ни время, ни слава не могли заставить его забыть это и тридцать лѣтъ спустя онъ выражался слѣдующимъ образомъ объ авторѣ «Éloa», «Chatterton», «les Destinees»: «Я зналъ когда-то г. де-Виньи. Это былъ очень изящный господинъ. Онъ сочинилъ прекрасную испанскую поэму подъ названіемъ «Dolorida». Писалъ-ли онъ еще съ тѣхъ поръ?» Не любилъ Виньи и Сентъ-Бёвъ, какъ не любилъ поэтовъ вообще. Холодный, аристократически сдержанный Виньи не сходился ни съ Мюсэ, ни съ Дюма. И глухая вражда, въ основаніи

которой лежала разница натуръ, отдѣлила разъ навсегда Виньи отъ современниковъ-поэтовъ. Въ этомъ, конечно, виноватъ отчасти и самъ Виньи, съ его гордостью, нѣкоторымъ высокомѣріемъ, холоднымъ выраженіемъ красиваго лица, преувеличенной корректностью и вѣжливостью манеръ и той особенной улыбкой, которую Сентъ-Бёвъ остроумно называлъ «улыбкой прекраснаго ангела, отпившаго уксуса». Къ тому-жъ у него былъ острый насмѣшливый умъ. Альфредъ де-Виньи не былъ ни философомъ, ни моралистомъ, ни соціологомъ въ собственномъ смыслѣ слова, но имѣлъ свою точку зрѣнія и на философію, и на нравственность и на общество. Поэтъ—онъ много размышлялъ объ общественной жизни поэта, какъ солдатъ—размышлялъ объ общественной жизни солдата. Эти размышленія породили «Servitude et grandeur militaires» и «Stello». Въ «Stello», изображая судьбу Gilbert'a, Chatterton'a и André Chenier, Виньи приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: поэтъ — жертва вѣчнаго остракизма. Ни одна форма правленія не принимаетъ его и потому онъ долженъ отдѣлять свою жизнь отъ политической жизни, жить въ одиночествѣ, такъ какъ оно благотворно. Собственно говоря, поэтъ въ представленіи Виньи не только одинокій творецъ красоты, а миссіонеръ идей не только эстетическихъ, но и нравственныхъ и философскихъ и религіозныхъ, откуда его право на дѣятельное участіе въ политической жизни, а не на допущеніе къ ней въ качествѣ лишняго. Остракизмъ — охрана поэта. Онъ заставляетъ его углубиться въ себя, не смѣшиваясь со всѣми. Существуетъ, однако, и другая трагическая сторона этого остракизма, и ее-то выставляетъ Виньи въ своей удивительной драмѣ «Chatterton», драмѣ, которую самъ онъ охарактеризовалъ именемъ *драмы мысли*. Въ «Chatterton»'ѣ Виньи защищаетъ право поэта на личную жизнь, право на «время и хлѣбъ». Альфредъ де-Виньи былъ иниціаторомъ, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ литературныхъ дѣятелей, которые внесли свѣжесть и силу въ плоскую дидактическую, нарумяненную и рахитическую литературу конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка. Во Франціи Виньи былъ великимъ поэтомъ и красота его поэмъ имѣетъ ту особенность, что чувствуется, несмотря на нѣсколько тяжелую, несовсѣмъ удачную форму. Только по смерти Альфреда де-Виньи вышелъ въ свѣтъ послѣдній сборникъ его поэмъ, подъ названіемъ «les Destinées», содержащій въ себѣ, на ряду съ такими chefs d'oeuvre'ами, какъ «la colere de Samson», «la Mort du Loup», «le Mont des Olivers» и «l'Esprit pur», его знаменитую «Maison du Berger». Этотъ маленькій томикъ—истинное завѣщаніе Виньи, въ немъ онъ сказалъ послѣднее слово, какъ человѣкъ, философъ и поэтъ, въ немъ высказалъ всю горечь надломленной вѣры въ людей, въ любовь, въ религію. Онъ былъ великимъ трагикомъ мысли, какъ выражается Henri de Regnier, и любилъ больше идеи, чѣмъ слова. Ими и въ нихъ онъ жилъ. Альфредъ де-Виньи умѣлъ уважать самого себя и внушать такое же уваженіе къ себѣ другимъ. Сочувствіемъ и уваженіемъ къ нему дышатъ написанныя о немъ страницы Брюнетьра, Анатоля Франса, Мориса Палеолога и Поля Бурже.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ октябрьской книгѣ «Русскаго Богатства» напечатано письмо г-жи Коптевой, въ которомъ указываются нѣкоторыя фактическія неточности, вкравшіяся въ пятую статью г. Волынскаго о Лѣсковѣ по отношенію къ Артуру Бенни. Письмо это, въ нѣсколько иномъ видѣ, но съ тѣми-же фактическими поправками, было первоначально прислано г-жею Коптевой въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» съ просьбою о напечатаніи. Автору письма было тотчасъ-же отвѣчено, что его возраженіе будетъ напечатано въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», что всѣ фактическія указанія и опроверженія—безъ малѣйшаго исключенія—будутъ воспроизведены его-же словами, но что отдѣльныя рѣзкія и оскорбительныя фразы, направленныя противъ разныхъ лицъ, слѣдуетъ выкинуть, какъ не относящіяся къ дѣлу. По отношенію къ Артуру Бенни г-жа Коптева является только свидѣтельницею, также какъ г-жа Толивѣрова-Пѣшкова, гг. Боборыкинъ и Чуйко, изъ которыхъ ни одинъ не обмолвился дурнымъ словомъ о Бенни. Вся статья г. Волынскаго по этому вопросу имѣла цѣлью возстановить чистый нравственный обликъ Артура Бенни, и сама г-жа Коптева въ нѣсколькихъ своихъ письмахъ въ редакцію признала, что характеристика г. Волынскаго въ общемъ вѣрна. За нѣкоторыя фактическія ошибки въ сообщеніяхъ по памяти казалось ненужнымъ и несправедливымъ рѣзко и оскорбительно осуждать людей. Что касается открытаго упоминанія собственнаго имени г-жи Коптевой въ статьѣ о Лѣсковѣ, возбудившаго ея неудовольствіе, то г. Волынскій тотчасъ же по полученіи имъ означеннаго письма послалъ г-жѣ Коптевой слѣдующее объясненіе, которое приводимъ здѣсь дословно:

Милостивая Государыня!

Спѣшу отвѣтить на Ваше письмо. Начну съ того, что попрошу Васъ принять мое глубокое извиненіе. Если Вы читали мою статью цѣликомъ, Вы должны знать, что я упоминалъ Ваше имя въ разсказѣ о Бенни съ чувствомъ полнѣйшаго уваженія, а мѣстами даже и восхищенія. Можетъ быть, это въ Вашихъ глазахъ меня не оправдываетъ, и я вовсе этимъ

не хочу даже косвеннымъ образомъ отречься отъ моего извиненія. Пишу это письмо съ тѣмъ, чтобы объяснить Вамъ мои настроенія въ извѣстной части моей статьи: мнѣ казалось, что я лишилъ бы русское общество одного хорошаго имени, обойдя его молчаніемъ. Никакихъ другихъ соображеній у меня не могло быть. Чтобы доказать Вамъ полную искренность моихъ словъ, я самъ, въ октябрьской книгѣ «Сѣвернаго Вѣстника», напечатаю объясненіе по настоящему дѣлу, приведу всѣ безъ исключенія Ваши поправки и признаю себя виноватымъ въ томъ, что назвалъ Васъ по имени. Вы можете быть спокойны: въ отдѣльномъ изданіи моей статьи я исключу Ваше имя и поправлю ошибки,—тѣмъ болѣе, что онѣ не видоизмѣняютъ моей характеристики Артура Бенни. Относительно послѣдняго долженъ сказать Вамъ, въ отвѣтъ на Вашъ вопросъ, что ни съ какой стороны не имѣю къ его памяти никакихъ личныхъ отношеній. Я заинтересовался имъ при изученіи Лѣскова и полюбилъ въ немъ чистоту духа, какъ любятъ художественныя созданія. Изобразилъ-же я его такъ, какъ умѣлъ, въ противорѣчіи съ характеристикой Лѣскова, но согласно съ моими собственными догадками, провѣренными нѣкоторыми показаніями знавшихъ его людей.

Еще разъ прошу Васъ принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ къ Вамъ уваженіи.

А. Волынскій.

Спб. 1897, августа 24.

Причины, побудившія г-жу Коптеву отказаться отъ напечатанія такого рода поправки въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и перенести свое письмо въ другое изданіе, съ добавочными ненужными и оскорбительными выраженіями, остаются для насъ совершенно непонятными.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» втеченіе октября мѣсяца.

Абрамовъ Я. В. Ибсенъ и Бьернсонъ. Спб. Ц. 30 к.

Абрамовъ. Я. В. Аренда и наемъ имущества. Спб., 1897.

— Два великихъ француза. Спб., 1897. Ц. 20 к.

Андреевскій, С. А. Стихотворенія 1878—1887. Спб., 1898. Ц. 1 р. 25 к.

Аргамакова, Серафима. Дѣйствительность. мечты и разсужденія провинціалки. Спб., 1897. Ц. 75 коп.

Архангельскій А. С. Съ нѣмецкаго и чешскаго Лацпдаріусовъ. Казань. 1897.

Багницкій Д. Къ вопросу о русско-польскимъ отношеніяхъ. Спб. 1897. Ц. 25 к.

Багинскій, А. проф. Руководство къ дѣтскимъ болѣзнямъ. Перев. съ 5-го нѣм. изд. Изд. журн. «Соврем. Медиц. и Гигіена». Т. II. Спб., 1897. Ц. 3 р.

Бентовинъ Б. И. 50 миніатюръ. Стихотворенія въ прозѣ. Спб. 1897. Ц. 65 к.

Бертенсонъ, Л. Бакинскіе нефтяные промыслы и заводы. Спб., 1897. Ц. 1 р.

Бомъ-Баверкъ, проф. Теорія Карла Маркса. Переводъ подъ ред. проф. П. И. Георгіевскаго. Спб. 1897. Ц. 80 к.

Брандтъ, А. Учебникъ зоологіи для студентовъ. Съ 524 рисунками. Харьковъ, 1898. Ц. 2 р. 75 к.

Бутми, Г. Къ вопросу о денежной реформѣ. Одесса, 1897.

Бѣлоголовый, Н. А. Воспоминанія и другія статьи. Москва, 1897. Ц. 2 р. 25 к.

Бѣлоусовъ, И. А. Изъ пѣсенъ о трудѣ. Москва, 1897. Ц. 25 коп.

Ватсонъ, М. В. Испанскія сказки. Перев. съ испанскаго. Спб.. 1897. Ц. 15 коп.

Венгеровъ С. А. Критико-біографической словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т. V. Спб. 1897.

Внѣшняя торговля Россіи въ 1896 году. Спб., 1897.

Вѣдомство дѣтскихъ пріютовъ и его задачи. Спб., 1897.

Вѣротерпимость въ Россіи. Краковъ. 1897.

Гарборгъ, Арне. Усталые люди. Перев. О. Петерсонъ. Спб., 1897. Ц. 1 р. 20 к.

Гартлебенъ А. Статистическая таблица всѣхъ государствъ земнаго шара. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. П. Р. Фрейберга. М. 1897. Ц 30 к.

Гаспари, Адольфъ. Исторія Итальянской литературы. Томъ II. Переводъ К. Д. Бальмонта. Изд. К. Т. Сандаринова. М. 1897. Ц. 3 р.

Герръ, Константинъ. Исторія одной любви. Москва, 1897. Ц. 40 коп.

Гобсонъ. Дж. Эволюція современнаго капитализма. Перев. съ англійскаго, подъ ред. А. Свирщевскаго Ярославль, 1898.

Городецкій. М. Б. Подъ землею. Спб., 1897. Цѣна 30 коп.

Городни В. П. Питомица въ деревнѣ. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Грантъ Алленъ. Жизнь растеній. Популярныя бесѣды. Переводъ съ англійскаго подъ ред. проф. Д. Н. Прянишникова. М. 1897. Ц. 60 к.

Грибовскій, В. М. (Гриденъ). Студенческіе разсказы. Спб., 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Грантъ-Алленъ. Бесѣды о растеніяхъ и ихъ жизни. Москва. 1897. Ц. 80 к.

Гусевъ. Б. Томъ Сойеръ. Комедія въ 2-хъ картинахъ. Спб.. 1898. Ц. 30 коп.

Г. Гуревичъ. Письма изъ Бельгіи. Спб. 1897.

Гюго, В. Гернани. Перев. С. С. Татищева. Спб. 1897. Ц. 15 коп.

— Отверженные. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1897. Ц. за 2 тома 3 р. 50 к.

А. Т. Г. Буря. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Кіевъ. 1897. Ц. 50 коп.

Дегтяревъ П. Т. По поводу положеній графа Л. К. Толстого въ его сочиненіяхъ «Въ чемъ моя бѣда». М. 1898.

Дмитріевъ К. Объ удобреніи почвы известью. Составлено по диссертаціи проф. И. А. Стебута. М. 1897. Ц. 10 к.

Долгоруковъ В. А. Путеводитель по всей Сибири и среднеазіатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ. 1897. Ц. 1 р 50 к.

Доклады Тверской губернской земской управы по экономическому отдѣлу очередному собранію. Тверь. 1897.

Доклады Тверской губернской земской управы по оцѣночному отдѣлу очередному собранію. Тверь. 1896.

Дружининъ. Н. П. Общепонятное законовѣдѣніе. Москва, 1898. Ц. 1 р.

Ермиловъ. В. Е. Великій артистъ крестьяниnъ М. С. Щепкинъ. Москва, 1897. Ц. 25 коп.

Журналы Вятскаго губернскаго земскаго собранія XXX-й очередной сессіи и приложенія къ нимъ. Вятка. 1897.

Златовратскій Н. Н. Сочиненія, изданіе третье. Въ трехъ томахъ, съ портретомъ автора. М. 1897.

Ивановъ, Е. Э. д-ръ. Ривьера и Южный берегъ Крыма. Съ 2-мя картами. Спб., Изданіе журн. «Соврем. Медиц. и Гигіена». 1897. Ц. 1 р.

Ивановъ Ив. Писемскій. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Иванъ-да-Марья. Грузинскіе поэты въ

образцахъ. Переводы съ грузинскаго. Изд. второе. Тифлисъ, 1897. Ц. 30 к.

Историческое обозрѣніе, Сборникъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петерб. университетѣ, изд. подъ ред. Н. И. Карѣева. Томъ IX. Спб., 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Казанскій, П. Международный союзъ книговѣдѣнія. Одесса, 1897.

Кало, Ф. д-ръ. Леченіе Поттовой болѣзни (горба). Съ 14-ю фотограф. Перев. съ фр. и доп. д-ра М. Гальберштама. Спб. Изд. журн. «Совр. Медиц. и Гигіена». 1897. Ц. 30 к.

Кейра, Фр. Характеръ и нравственное воспитаніе. Перев. подъ ред. Р. И. Сементковскаго. Спб. 1897. Ц. 40 коп.

Кизеветтеръ, А. А. День царя Алексѣя Михайловича. Москва, 1897. Ц. 10 коп.

Кирхнеръ, Фр. Путь къ счастью. Спб., 1898. Ц. 60 коп.

Краткія свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ за 1896 г. Спб., 1897.

Кугушевъ, Г. Корнетъ Отлетаевъ. Спб, 1897. Ц. 1 р.

К—ая М. Очерки и замѣтки. М. 1897. Ц. 1 р.

Лавровъ, Ф. О заразныхъ болѣзняхъ. Ц. 6 к.

Landois, L. Учебникъ физіологіи человѣка. Перев. съ 9-го знач. измѣн. и дополн. нѣм. изд. подъ ред. и съ доп. проф. В. Я. Данилевскаго. 3-е изд., 2-я половина. Харьковъ, 1898. Ц. за все соч. 8 р.50 к.

Лексисъ, В. Производство и потребленіе драгоцѣнныхъ металловъ. Перев. съ нѣм. А. Гурьева. Спб., 1897. Ц. 1 р.

Линбергъ, А. Маленькій географическій атласъ. Москва, 1897. Ц. 20 к.

Лопухинъ, А. П. Промыслъ Божій въ исторіи человѣчества. Спб. 1898. Ц. 60 к.

Ляховецкій Л. Д. Характеристика извѣстныхъ русскихъ судебныхъ ораторовъ съ приложеніемъ избранной рѣчи каждаго изъ нихъ. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Бѣлое золото. Москва, 1897. Ц 50 к.

Матеріалы къ исторіи Харьковской городской думы. Т. I. Харьковъ. 1896.

Милль Д С. Система логики Книга вторая. Перед. В. Н. Ивановскаго. М. 1897.

Московское общество потребителей «Взаимная польза». Отчетъ. Москва, 1897.

Нансенъ Фритьофъ. Среди льда и ночи. Перев. съ норвежскаго В. Семенова. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Насѣкомыя и другія животныя, наносящія вредъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Спб. 1897.

Наша доля. Збірникъ працъ ріжнихъ авторівъ. Львівъ. 1896.

Нетыксъ, М. А. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. М. 1897.

Новиковъ А. Травосѣяніе въ Вятской губерніи. Вятка. 1897.

Острогорскій А. Н. Образованіе и воспитаніе. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Осиповичъ. А. (А. О. Новодворскій). Собраніе сочиненій. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Отчетъ по Лѣсному управленію Министерства Земледѣлія и Госуд. Имуществъ за 1896. Спб. 1897

Отчетъ дѣятельности комитета по устройству сельскихъ библіотекъ и народныхъ читаленъ за 1896. Харьковъ, 1897.

Отчетъ русскаго Литературнаго Кружка въ г. Ригѣ за 1896—97. Рига. 1897.

Отчетъ Комиссіи по организаціи домашняго чтенія за 1896 г. и статистическіе матеріалы о ея дѣятельности за 1895—1896. Москва, 1897. Ц. 30 к.

Отчетъ о народныхъ чтеніяхъ въ Харьковѣ съ 1 января 1896 по 1 января 1897 г. Харьковъ. 1897.

Отчетъ Тверской губернской земской управы за 1895 г. и приложенія къ нему. Тверь. 1896 г.

Отчетъ о дѣятельности Кіевскаго общества грамотности за 1896. Кіевъ. 1897.

Отчетъ о дѣятельности первой мужской воскресной школы. Кіевъ. 1897 г.

Павлуцкій, Григорій. О жанровыхъ сюжетахъ въ греческомъ искусствѣ до эпохи эллинизма. Изданіе второе. Кіевъ, 1897. Ц. 3 р.

Пейо, Жюль. О вѣрованіи. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Перро. Красная Шапочка. Переводъ съ фр. Б. Д. Порозовской. Спб. 1897. Ц. 15.

— Золушка. Перев. Б. Д. Порозовской. Спб 1897. Ц. 15 к.

Плято ф. Рейсснеръ. Новѣйшая русско-нѣмецкая азбука Варшава, 1898.

Погодинъ, А. Основной курсъ общаго языкознанія. Спб. 1897. Ц. 80 к.

Пояснительная записка къ проекту Московской круговой дороги, составленному правленіемъ общества Рязанско-Уральской желѣзной дороги. Спб. 1897.

Прессъ, Аркадій. Сказки и разсказы. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Пржепіорскій, В. Орошеніе луговъ. М. 1897. Ц. 10 к.

Придорогинъ. Воспитаніе телятъ. М. 1897. Ц. 5 к.

Программы домашняго чтенія на 3-й годъ Систематическаго курса. Москва, 1897. Ц. 50 к.

Протоколы засѣданій Тверскаго очередного губ. земскаго собранія и приложенія къ нимъ. Тверь 1897.

Пэнъ, С. Первый всемірный конгрессъ Сіонистовъ въ Базелѣ. Одесса, 1897. Ц. 35 к.

Радецкій И. М. Къ борьбѣ и свѣту. Одесса. 1897. Ц. 15 к.

Рашевскій, П. И. Точный способъ опредѣленія времени рубки срубленныхъ деревьевъ. Варшава, 1897.

Рейхесбергъ, Н. Статистика и наука объ обществѣ. Перев. съ нѣм. А. Струве. Спб 1898. Ц. 50 к.

Рибо, Т. Психологія чувствъ. Перев. съ фр. М. Гольдсмитъ, Спб. 1898. Ц. 80 к.

Рождественскій Н. Вѣщіе сны. Спб. 1897. Ц. 40 к.

Руссо, Ж. Ж. Исповѣдь. Перев. О. Н. Устрялова. Спб. 1898. Ц. 3 р.

Рустикъ, (Т. А. Мартемьяновъ). Городъ Болховъ. Орелъ, 1897. Ц. 45 к.

Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губ за 1896. Новгородъ. 1897.

Свирскій А. И. Несчастныя дѣти. Спб. 1897. Ц. 15 к.

Святскій Ив. Исторія электричества. Спб. 1897. Ц 50 к.

Сеньобосъ, Шарль. Политическая исторія совр. Европы. Спб. 1897—1898. I—II. Ц. 2 р.

Скибинскій, Мих. Всеобщая справочная книга и адресъ-календарь на 1897 и 1898. Т. I и II. М. 1897. Ц. 4 р.

Случевскій К. К. По сѣверо-западу Россіи. Томъ I—II. По «Сѣверу Россіи», по «Западу Россіи», съ картою Сѣвернаго Края, отпечатанною въ 6 красокъ съ 146—159 рисунками. Изд. А. Ф. Маркса. Ц. 7 р.

Смирновъ, В. Д. Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Статистика служащихъ на каз. жел. дорогахъ, участниковъ пенсіонной кассы. Спб. 1897.

Стоддардъ, Вильямъ. Сынъ оружейника. М. 1897. Ц. 30 к.

Спенсеръ Герб. Исторія визита. Спб 1898. Ц. 15 к.

Стенографической отчетъ XXXII очереднаго Новгородскаго губ. земск. собранія. Новгородъ. 1897.

Тихоновъ, Вл. А. Разбитыя кумиры. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Труды VI-го Съѣзда агрономовъ Вятскаго Вятскаго губ. земства 1896 г. Вятка. 1896.

Уманецъ, Ѳ М. Гетманъ Мазепа. Спб. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

Уставъ азовской общественной библіотеки. Ростовъ на Дону. 1897.

Ушакъ Ив. Поѣздка Глазова за границу. Спб. 1897. Ц. 60 к.

Фейгинъ Ф. Руководство для фельдшеровъ, фельдшерицъ, сестеръ милосердія, сидѣлокъ, посыльщиковъ и для каждой семьи къ уходу за больными. Изд. третье. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Фейгинъ Ф. Краткое извлеченіе для фельдшеровъ изъ руководства къ ассептическому пользованію ранъ. Спб. 1897. Ц. 20 к

Хмѣлевскій, И. К., докторъ. Заиканіе. Одесса. 1897. Ц. 1 р.

Шакиръ-Паша. Солнечное лѣтосчисленіе въ мусульманскомъ мірѣ. Переводъ съ турецкаго Мамедъ-ага-Шахтахтинскаго М. 1897.

Шенрокъ В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя. Т. IV. М. 1898. Ц. 5 р.

Шершеневичъ Г. проф. По вопросу о профессорскомъ гонорарѣ.

Шиманскій Ф. С. Статистическій обзоръ Саратовской губерніи. Саратовъ. 1897.

Шиппель Максъ. Девежное обращеніе въ связи съ общественными интересами Перев. подъ ред. С. И. Булгакова. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Эвальдъ, Ар. Летательныя машины. Спб 1897.

Южный А. (А. Н. Лихтерманъ). Покинутый. Спб. 1897. Ц. 1 р.

